

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.

НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

1907 was
31st
year

СОДЕРЖАНІЕ НОЯБРЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. (Статья третья)	В. М. Флоринскій.	✓
Развязка. (Стихотвореніе)	А. Михайловъ.	
Рабочія ассоціаціи (Статья вторая)	Н. В. Шелгуновъ.	
Воспоминанія пролетарія. Романъ Э. Шатриана. (Гл. I—XV.)		✓
Три семьи. Повѣсть (Гл. VI—XI)	Н. Ф. Бажинъ.	✓
Очерки бурятской жизни	Д. И. Стахѣевъ.	✓
Историческія идеи Огюста Конта (Окончаніе).	Д. И. Писаревъ.	✓
Удочка. Комедія въ 3-хъ актахъ	С. Федорова.	✓
Эпизоды изъ исторіи Франціи 1830—40 г. перев.	П. И. Вейнбергъ.	
Въ глуши. (Стихотвореніе)	А. Михайловъ.	

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РАЗВИТІЕ ОРГАНИЧЕСКАГО МІРА ВО ВРЕМЯ ОБРАЗОВАНІЯ ЗЕМНОЙ КОРЫ	П. Личинкинъ.
Библиографическій листокъ	П. Т.
<i>Образованіе человѣческаго характера. — Переводъ съ англійскаго. Сиб. 1865 года. Читенія о воспитаніи. П. Юркевича. Изд. Чепелевскаго. М. 1865 г. Г. В. — О судѣ присяжныхъ, сочиненіе Гуз-Глуиска, переводъ подъ редакціей О. А. Филипова. — Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, устѣховъ законодательства и опытовъ, соч. К. Ю. Миттермайера, перев. Д. Саранчова. П. Ткачевъ.</i>	

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА. ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЬ.

Что долженъ чувствовать мыслящій человекъ при взглядѣ на событія нашей эпохи? — Географическое положеніе острова Ямайки. — Возстаніе негровъ. — Мѣры, принятыя англійскимъ правительствомъ, для укрощенія этого возстанія. — Казни и убійства. — Смерть Георга Гордона. — Прощальное письмо его къ женѣ. — Поощреніе жестокост и мести Times'омъ и общественнымъ мнѣніемъ Англій. — Что такое жажда денегъ въ англійчанинѣ?

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ Н. В. ШЕЛУГОВЪ.

Сожалѣніе о томъ, что наши почвенники не дождались своей лѣбединой пѣсни. — Земскія учрежденія начинаютъ свою жизнь въ то самое время, когда представители почвы умираютъ. — Объемъ занятій Земства. — Неотразимая его борьба въ будущемъ съ бюрократизмомъ. — Апатія и пассивность русскаго общества. — 300 «благороднѣйшихъ членовъ», по мнѣнію г. Каткова, только и способны участвовать въ Земствѣ. — Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? — Что есть общаго между интересами Земства и интересами «благороднѣйшихъ членовъ»? — Первыя попытки нашего самоуправленія. — Результаты этихъ попытокъ.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ВЫРОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

(СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.)

Исторія человѣчества во всё времена показывала и показываетъ намъ непрерывныя примѣры какъ прогрессивнаго, такъ и регрессивнаго движенія. Будемъ ли мы наблюдать человѣческую жизнь въ массахъ, у цѣлыхъ націй, или въ отдѣльныхъ группахъ—у сословіи и фамилій, вездѣ мы встрѣтимъ одинъ и тотъ же фактъ постепеннаго возрастанія и затѣмъ послѣдовательнаго или быстрого пониженія и наконецъ полного исчезанія жизни. Жизнь націй, сословіи и фамилій, точно также какъ жизнь отдѣльнаго индивидуума, имѣетъ свои періоды и предѣлы. Вездѣ есть періоды юности, зрѣлаго возраста и старости. Продолжительность этихъ періодовъ для различныхъ націй и сословіи бываетъ различна, какъ и продолжительность каждой человѣческой жизни въ отдѣльности,—это зависитъ отъ степени запаса органическихъ силъ, отъ крѣпости физическаго и нравственнаго сложенія націй, и отъ случайныхъ болѣзней государственной и соціальной жизни. Но при всемъ томъ, даже въ самыхъ прочныхъ націяхъ, роковое движеніе возрастанія и увяданія непремѣнно совершается, въ силу общихъ законовъ, съ тою или другою скоростью. Такимъ образомъ, въ короткій срокъ исторической жизни, успѣли уже совершить и закончить свое существованіе много народовъ и государствъ, смѣняя другъ друга точно также, какъ мы смѣнили нашихъ дѣдовъ и, въ свою очередь, будемъ смѣнены внуками. Такъ надъ землею послѣдовательно прошло нѣсколько цивилизацій, оставивши слѣдомъ своего существова-

только гранитные обломки и развалины архитектурных произведений, или бессмертные идеи, доставшіяся въ наследство слѣдующимъ поколѣніямъ. Куда дѣлись представители вавилонской, ассирійской и египетской цивилизацій, гдѣ тѣ греки и римляне, которые такъ высоко поднялись было надъ всѣми земными племенами и народами и оставили въ исторической памяти столько образцовъ ума и величія? Одни совершенно стерты съ лица земли и исчезли бы даже изъ народной памяти, если бы дѣла рукъ этихъ народовъ не оказались прочнѣе, чѣмъ самые народы. Если и существуютъ теперь представители позднѣйшей цивилизаціи—потомки грековъ и римлянъ, то можно ли судить по этимъ обломкамъ великихъ націй о ихъ прежнемъ цвѣтушемъ состояніи! На этихъ остаткахъ древней исторіи можно только изучать процессъ вырожденія народовъ, поглощеніе ихъ новыми племенами, начинающими свою исторію на ихъ развалинахъ.

Фактъ вырожденія народовъ, о которомъ свидѣтельствуетъ намъ исторія, точно также, хоть въ меньшихъ размѣрахъ, совершается и въ нашу эпоху, передъ нашими глазами. Почти въ каждой странѣ можно указать на націи отживающія и на націи въ полномъ разгарѣ силъ идущія къ процвѣтанію, которыя, вслѣдствіе общаго закона перевѣса сильнаго передъ слабымъ, поглощаютъ въ себѣ націи слабѣйшія. *Вырожденіе* этихъ послѣднихъ *происходитъ или путемъ сліянія или перехода въ другую націю, или путемъ измельчанія, ослабленія и вымиранія.* Для примѣра мы можемъ взять напр. американскихъ негровъ, которые, какъ извѣстно, быстро вытѣсняются бѣлымъ племенемъ. Часть ихъ вырождается вслѣдствіе того, что негры, при помѣси съ бѣлыми, представляющими больше ассимилирующей силы, мало по малу перерождаются въ бѣлую расу и такимъ образомъ, не исчезая, продолжаютъ существовать въ другой, лучшей формѣ. Такое вырожденіе есть самый лучший и желательный исходъ для низшей и слабой расы, существующей совместно съ расой болѣе сильной. Къ несчастію, такой порядокъ вырожденія, существующій въ большихъ размѣрахъ между европейскими народами, у американскихъ негровъ до сихъ поръ существовалъ, можно сказать, какъ исключеніе. И это зависѣло не отъ какихъ либо предполагаемыхъ законовъ судьбы, обрекшей негровъ на жертву бѣлымъ, а отъ тиранніи этихъ послѣднихъ, отъ рабства, вслѣдствіе котораго племенные помѣси не могли быть слишкомъ частыми, а самостоятельное существованіе порабощенныхъ, въ такомъ положеніи, дѣлалось все менѣе и менѣе возможнымъ. Поставьте негровъ въ такія же отношенія къ бѣлымъ американцамъ,

какъ напр. нашихъ инородцевъ къ чисто-русскому народонаселенію, тогда, особенно при единствѣ религіи, процессъ сліянія націй, процессъ перехода слабѣйшей націи въ сильнѣйшую, пойдетъ несравненно быстрѣе, между тѣмъ, какъ процессъ вырожденія въ собственномъ смыслѣ (вымиранія) будетъ парализованъ.

При этомъ порядкѣ вырожденія, племя или нація не исчезаетъ въ собственномъ смыслѣ, а только перерождается въ другую форму и обыкновенно въ форму лучшую. Слѣдовательно, здѣсь мы должны видѣть не регрессивное, а напротивъ прогрессивное (догоняющее) движеніе.

Негры не много потеряютъ отъ того, что, при помѣсахъ съ бѣлыми, потомки ихъ будутъ существовать въ формѣ мулатовъ или даже переродятся въ бѣлыхъ. Желать такого перерожденія для тѣхъ націй или племенъ, которыя не могутъ существовать самостоятельною политической жизнью гораздо гуманнѣе и справедливѣе чѣмъ желать рабства и неизбежнаго съ нимъ вымиранія. Что такое перерожденіе племени возможно, примѣровъ этому мы видимъ очень много. Одна Россія представитъ намъ тысячи случаевъ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, поляковъ, татаръ, армянъ, бурятъ и многихъ другихъ инородцевъ, совершенно вошедшихъ въ составъ русскаго племени и облачающихъ свое происхожденіе только нѣкоторыми оставшимися національными чертами. Если вслѣдствіе такого поступленія, напр., татарскихъ и польскихъ родовъ въ ряды русскаго племени, численность первыхъ значительно уменьшилась, то это не указываетъ еще на вымираніе ихъ, а на постепенное исчезаніе въ массѣ господствующаго русскаго племени. Точно такое же перерожденіе или сліяніе меньшаго и слабѣйшаго племени съ большимъ господствующимъ мы видимъ почти повсюду, гдѣ возникало новое государство на развалинахъ стараго, отживающаго, гдѣ одна сильнѣйшая нація начинала господствовать надъ слабѣйшей.

Такимъ образомъ, мы указали на одинъ порядокъ вырожденія племени, порядокъ, который можно назвать *перерожденіемъ или поглощеніемъ одного племени другимъ*. Онъ, какъ можно видѣть изъ вышесказаннаго, можетъ существовать только при тѣхъ условіяхъ, когда между племенами существуетъ извѣстная степень сближенія, не препятствующая взаимнымъ бракамъ. Слѣдовательно, переходу одного племени въ другое будутъ содѣйствовать: равноправность и единство религіи. Перерожденію или поглощенію племени содѣйствуютъ: потеря политической свободы и нравственная подчиненность націи или племени.

Теперь мы обратимъ вниманіе на другой порядокъ вырожденія,

порядокъ гибельный, къ стыду человечества существующій до сихъ поръ въ большихъ размѣрахъ и зависящій большею частію отъ гнусной тиранинн, порабощенія, бѣдности, нравственнаго паденія,—мы говоримъ о вымираніи племень.

Извѣстно, что чѣмъ ниже стоитъ народъ на уровнѣ человеческого развитія, чѣмъ больше въ немъ невѣжества и пороковъ, чѣмъ несчастнѣе его матеріальный бытъ, тѣмъ больше смертности въ этомъ народѣ. Это показываютъ статистическія цифры не только относительно тѣхъ несчастныхъ народовъ, которые, вслѣдствіе своего извращеннаго соціальнаго положенія, такъ сказать, обречены на вырожденіе, напр. негры, но и относительно народовъ всѣхъ другихъ странъ, стоящихъ на различныхъ уровняхъ цивилизаціи. Въ Нью-Йоркѣ напр. между свободными жителями ежегодно умираетъ 1 изъ 36—40, тогда какъ между неграми, находившимися въ рабствѣ, умираетъ 1 изъ 18. Въ англійскихъ, французскихъ и другихъ колоніяхъ между рабами больше умираютъ, чѣмъ рождаются на свѣтъ. Напротивъ въ Доминго, съ тѣхъ поръ, какъ неграмъ предоставили независимость, число ихъ удвоилось. Вообще можно сказать, что народонаселеніе увеличивается смотря по средствамъ къ существованію; у каждаго народа дѣти рождаются и остаются въ живыхъ только соразмѣрно количеству пищи. Слѣдовательно, чѣмъ богаче страна, чѣмъ независимѣе обезпеченнѣе положеніе ея жителей, тѣмъ больше рождается и подрастаетъ дѣтей; напротивъ, при недостаткѣ средствъ пропитанія и вообще при несчастіяхъ страны число рожденныхъ уменьшается, а смертность увеличивается. Замѣчено даже, что въ цивилизованныхъ странахъ вслѣдъ за неурожаями, войнами, повальными болѣзнями и пр. родовъ бываетъ меньше, чѣмъ въ другое, болѣе счастливое время. Если мы сравнимъ общую смертность въ европейскихъ странахъ по классамъ и сословіямъ, то увидимъ, что она распредѣляется неравномѣрно, именно въ прямой зависимости отъ матеріальнаго довольства и рода занятій. Въ Англии, средняя долговѣчность высшихъ и образованныхъ слоевъ равняется 58 годамъ, тогда какъ у бѣдныхъ и рабочихъ классовъ — 30 лѣтъ. Въ Пруссіи предполагаютъ среднюю продолжительность жизни 24 года, а въ Россіи только 11 лѣтъ (Касперъ). Но еще рѣзче разница между долговѣчностью и смертностью дѣтей въ различныхъ классахъ народонаселенія. Статистическія свѣдѣнія всѣхъ странъ показываютъ, что бѣдность и горе на дѣтей дѣйствуютъ самымъ гибельнымъ образомъ. Въ Лондонѣ, между *gentry* (образованные и обезпеченные классы) смертные случаи у дѣтей моложе 10-ти лѣтъ составляютъ только 2% всей смертности; у ла-

вочниковъ, купцовъ и т. под. 6%, у бѣдныхъ классовъ 26 — 28%. Въ Дублинѣ дѣтей рабочаго класса, моложе двухъ лѣтъ, умираетъ до 33—36%, а въ дурныхъ квартирахъ даже болѣе 50% (Willis), между тѣмъ, какъ въ богатыхъ классахъ Англии 82% достигаетъ десяти-лѣтняго возраста. О смертности между незаконнорожденными дѣтьми воспитательныхъ домовъ мы говорили въ предыдущей статьѣ.

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ здоровье и долговѣчность народа находится въ тѣсной зависимости отъ всѣхъ условій жизни, и въ особенности отъ матеріальнаго довольства. Въ этомъ отношеніи плоды цивилизаціи въ образованной Европѣ ясно обнаружилась въ улучшеніи общаго здоровья и долговѣчности. Это улучшеніе пло и идетъ рука объ руку съ улучшеніемъ промышленной и общественной жизни, съ увеличеніемъ средствъ къ жизни и народнаго благосостоянія и наконецъ съ развитіемъ народной нравственности. Средняя долговѣчность въ среднихъ вѣкахъ была не болѣе 18 лѣтъ, а въ прошломъ столѣтіи немного болѣе 20 лѣтъ, нынѣ же въ образованной и свободной Европѣ она доходитъ до 38—45 лѣтъ. Прежде изъ 20 жителей ежегодно умиралъ одинъ, нынѣ же умираетъ одинъ изъ 50—60. Вотъ какіе плоды приноситъ добросовѣстная забота о народномъ благѣ.

Если мы примѣнимъ теперь все сказанное къ разбираемому вопросу о вымирании племенъ, то ясно увидимъ причину вымирания. Выраженіе, что слабая раса, существуя вмѣстѣ съ расой сильнѣйшей, вытѣсняется этой послѣдней и вымираетъ, должно понимать въ томъ смыслѣ, что при такомъ существованіи на долю сильной расы обыкновенно выпадаютъ всѣ выгоды, а на долю слабой всѣ неудобства жизни. При эксплуатаціи слабыхъ сильными, естественно, вся тяжесть физическаго труда, всѣ лишенія жизни падаютъ на первыхъ, оттого не только не можетъ быть равномѣрности въ прибыли народонаселенія тѣхъ и другихъ, но въ угнетенной расѣ цифра смертности будетъ превышать цифру рожденія. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени и пропорціонально со степенью угнетенія и эксплуатаціи, раса мало по малу уменьшается въ числѣ и наконецъ можетъ совершенно исчезнуть, точно также, какъ вытѣсняются слабыя растенія и животныя, существуя на одной почвѣ съ другими, болѣе обеспеченными, одаренными большими средствами для поддержанія себя и распространенія рода. Если бы первыя существовали на той же почвѣ и при тѣхъ же естественныхъ условіяхъ, но безъ вмѣшательства послѣднихъ, то размноженіе

ихъ не прекращалось бы, такъ какъ въ этомъ случаѣ они одни пользовались бы тѣми средствами, какія существуютъ на данной почвѣ для ихъ размноженія. Поэтому напр. тѣже негры, существуя независимо отъ бѣлыхъ, не вымираютъ, а размножаются по общимъ законамъ приращенія человѣчества. Поэтому бѣдные, ослабленные классы, безъ эксплуатирующаго вмѣшательства богатыхъ и сильныхъ размогались бы гораздо успѣшнѣе, точно также, какъ по очищеніи сорныхъ травъ съ полей и огородовъ, насаженные растенія, получая вслѣдствіе этого больше питанія, начинаютъ расти быстрѣе и роскошнѣе. Слѣдовательно, чѣмъ равномернѣе будетъ распредѣленіе народнаго богатства и сословныхъ правъ и преимуществъ, чѣмъ меньше въ обществѣ будетъ эксплуатирующихъ паразитовъ, тѣмъ съ большей гармоніей, съ большимъ успѣхомъ будутъ развиваться народныя силы, тѣмъ больше сословія будутъ защищены отъ ослабленія и вырожденія.

Что касается до того вопроса: возможна ли такая гармонія въ сложныхъ человѣческихъ обществахъ,—то рѣшеніе его сюда не относится. Для насъ достаточно указать на ту общественную язву, которая подтачиваетъ жизнь цѣлыхъ сословій, даже цѣлыхъ расъ (цвѣтныхъ), достаточно указать на видимую и сознаваемую опасность, а какимъ образомъ предотвратить эту опасность или уменьшить ее,—это уже вопросъ не естественно-историческій, а социальный. Во всякомъ случаѣ разумное общество должно сознавать и сознавать, что угнетаемые классы нуждаются не въ соболѣзнованіи объ ихъ безпомощномъ положеніи, а въ такихъ общественныхъ учрежденіяхъ, которыя бы поддержали ихъ и предотвратили грозящее имъ вырожденіе. Если бы мы сказали, даже на основаніи историческихъ фактовъ, что низшая раса обречена на гибель самою природою, и успокоились на этомъ, то мы бы погрѣшили и проти въ истины и противъ человѣчества. Если мы до сихъ поръ видѣли, что бѣлая раса вездѣ поработала и вытѣсняла цвѣтныхъ, крѣпостное сословіе страдало отъ помѣщиковъ, то въ этомъ виновата не природа и не судьба, а кровожадныя наклонности самого человѣка. Обуздать эти наклонности, защитить слабыхъ передъ сильными, по возможности уравновѣсить права и средства на существованіе,—это не такія вещи, которыя могли бы считаться совершенно неудобноисполнимыми, а напротивъ стремленіе къ ихъ выполненію есть святая обязанность всякаго, кто только можетъ помочь въ этомъ словомъ или дѣломъ. Мы увѣрены, что одно уничтоженіе невольничества въ Америкѣ рѣзко отразится на прибыли чернаго народонаселенія, какъ это было уже замѣчено и прежде, напр.

въ С.-Доминго. Въѣстъ съ тѣмъ при улучшеніи матеріальнаго быта и нравственности — необходимыхъ спутниковъ свободы, не только число рожденій, но и средняя продолжительность жизни негровъ значительно возвысится. Если по уничтоженіи невольничества нельзя еще ожидать уничтоженія экономической зависимости, то эта послѣдняя во всякомъ случаѣ не будетъ равносильна рабству. Она, существуетъ всюду, но, представляя много переходныхъ ступеней къ самостоятельному и обеспеченному быту и нравственному развитію, гораздо болѣе защищаетъ расу отъ вымиранія, чѣмъ рабское состояніе. Во всякомъ случаѣ, если отживающимъ или слабымъ народамъ суждено исчезнуть съ лица земли, то гораздо лучше, когда такое исчезаніе совершается не путемъ рабства и вымиранія, а путемъ *перерожденія*, что мы дѣйствительно видимъ на отживающихъ народахъ образованной Европы и чего вправѣ желать и ожидать и для цвѣтущихъ расъ, если онѣ, при восстановленіи человѣческихъ правахъ, будутъ поставлены приблизительно въ такія же условія.

До сихъ поръ мы говорили только о вырожденіи племенъ и націй, но тоже самое случается, хотя и при другихъ условіяхъ, въ болѣе ограниченныхъ кругахъ, въ сословіяхъ и отдѣльныхъ породахъ. Поочередное возвышеніе и угасаніе фамилій, процвѣтаніе и паденіе привилегированныхъ сословіи во всѣ времена представляло явленіе довольно обыкновенное и всѣмъ извѣстное. «Il y a dans le monde, пишетъ Michel Cervantes, deux sortes de races; l'une tire son origine des rois et des princes, mais peu à peu le temps et la mauvaise fortune l'ont fait déchoir, et elle finit en pointes, comme les pyramides; l'autre, partie de bas, a toujours été en montant, jusqu'à faire naître de très grands seigneurs, de manière que la différence qui existe entre elles, c'est que l'une a été ce qu'elle n'est plus, et que l'autre est ce qu'elle n'était pas».

Фактъ вырожденія старыхъ аристократическихкихъ фамилій былъ замѣченъ еще Аристотелемъ. Этотъ философъ говоритъ о потомкахъ Солона и Алькиада, которые выродились до такой степени, что всѣ члены, составлявшіе продолженіе этихъ знаменитыхъ фамилій были или глупцы, или помѣшанные. Также самое говорятъ историки относительно египетскихъ и сирійскихъ царей, которые, не желая смѣшнать свой родъ съ обыкновенными смертными, имѣли дурной обычай жениться на близкихъ родственникахъ. Изъ этого выходило то, что царственные династіи, думавшія въ самихъ себѣ найти безконечное продолженіе рода и поддержаніе величія, этимъ самымъ довели себя до количественнаго и

качественнаго ничтожества. Вырожденіе испанскихъ грандовъ есть фактъ общезвѣстный. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія французскіе писатели говорили, что при видѣ толпы людей, составлявшихъ высшую испанскую аристократію, казалось, что находишься въ обществѣ большихъ». Маркизь Мирабо въ своемъ *Ami des hommes* третируетъ этихъ господъ какъ пигмеевъ, сравнивая ихъ съ сухими и дурно питающимися растеніями. Венеціанскіе патриціи, записанные когда-то въ золотую книгу, съ теченіемъ времени измелчали и выродились. Французскіе аристократы XVII столѣтія, по свидѣтельству историковъ, къ началу слѣдующаго вѣка почти всѣ выродились, а остатокъ ихъ не имѣлъ достаточно ни ума, ни силы, чтобы противодѣйствовать своему видимому паденію.

Примѣры такого вырожденія аристократическихъ фамилій и вообще привилегированныхъ классовъ можно видѣть всюду, гдѣ только эти классы представляли замкнутые круги. Наблюдательный читатель вѣроятно подмѣтилъ это и въ современномъ обществѣ, именно въ тѣхъ изолированныхъ кастахъ, которыя тщательно защищаютъ себя отъ помѣси съ другими слоями общества. Какъ прежде въ этомъ отношеніи помогала феодальная система, такъ и теперь содѣйствуютъ вырожденію аристократическіе принципы, по которымъ право происхожденія считается выше всѣхъ правъ личности. Въ силу такого исключительнаго поклоненія аристократизму, лица, принадлежащія къ этому кругу, при брачныхъ сочетаніяхъ имѣютъ въ виду не интеллектуальныя и физическія качества, а знатность происхожденія. Все равно, если бы даже потомокъ знаменитаго рода носилъ отпечатокъ идиотизма, его предпочтутъ личному таланту. Такимъ образомъ распространяются и перепутываются родственные круги, зараженные одними и тѣми же нравственными недостатками. При отсутствіи помѣси и подновленія рода, эти недостатки растутъ прогрессивно и даютъ цѣлому словію особенный отпечатокъ нравственнаго безсилія и пустоты. Если такой порядокъ замкнутаго размноженія будетъ продолжаться долго, если въ привилегированный кругъ не будетъ доступа свѣжимъ силамъ изъ другой среды, то дѣло обыкновенно кончается полнымъ вырожденіемъ: каста губитъ самое себя, какъ это случилось съ испанскими грандами.

Такая атрофія, такое самоубійство расы совершается исподволь, поэтому лица, участвующія въ этомъ, не замѣчаютъ своего самоуничтоженія. Помѣшанныя на внѣшности и на правахъ своего рожденія, они не видятъ ничего далѣе этихъ правъ, воображая, что съ именемъ знаменитаго предка они получили и его доблести.

Жизнь ихъ обезпечена богатыми наслѣдствами, самолюбіе удовлетворено знатнымъ происхожденіемъ, вслѣдствіе чего они не имѣютъ достаточнаго побужденія для умственнаго труда. Поэтому мозгъ ихъ современемъ теряетъ воспримчивость и становится мало производительнымъ, а въ замѣнъ того приобрѣтаются такіа наслѣдственныя привычки, которыя идутъ въ ущербъ умственному развитію и нравственнымъ качествамъ. Воспримчивость къ умственному развитію, какъ мы говорили выше въ статьѣ о наслѣдственности, передается отъ родителей къ потомству; слѣдовательно, чѣмъ дольше въ извѣстномъ замкнутомъ кругѣ будетъ пренебрегаться самостоятельная умственная дѣятельность, тѣмъ нисходящій родъ будетъ слабѣе въ этомъ отношеніи.

Что касается до физическихъ качествъ, то съ перваго разу кажется, что онѣ у аристократическихъ родовъ не только не ухудшаются, а напротивъ совершенствуются. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ и-будь, можно встрѣтить чистокровныя породы, фамилыя тонкія черты лица, особенно *nez de race*, усовершенствованныя руки и ноги. Женщины здѣсь большею частію представляютъ послѣднюю степень тонкости, нѣжности и деликатности сложенія. Мужчины не рѣдко отличаются стройнымъ станомъ и рослостію. Все это было замѣчено даже на угасающихъ аристократическихъ породахъ, напр. во французской гвардіи и при французскомъ дворѣ до первой революціи. Но эта красота, эта аристократическая чистокровность и тонкія черты не указываютъ еще на улучшение породы, даже въ физическомъ отношеніи; потому что усовершенствованіе здѣсь касается только внѣшности и большею частію не гармонируетъ съ физиологическимъ отправленіемъ органовъ. Точно также, какъ англійская скаковая лошадь, мошанская порода овецъ, беркширская порода свиней, маленькія комнатныя собаченки и проч. никакъ не могутъ считаться за зоологическіе образцы этихъ животныхъ, и аристократическій типъ, усовершенствованный исключительно въ смыслѣ красоты и нѣжности, не можетъ считаться образцомъ физическаго усовершенствованія человѣка. Если помянутыя животныя, вслѣдствіе развитія въ нихъ специальныхъ качествъ, большею частію идущихъ въ ущербъ общему здоровью и крѣпости, дѣлятся хозяевами очень высоко, то это зависитъ отъ спеціального назначенія этихъ животныхъ. Вслѣдствіе этого свинья, до безобразія оплывшая жиромъ, или изнѣженный рысакъ, пригодный не для пользы, а только для удовольствія и тщеславія человѣческаго, считаются лучше здоровой и крѣпкой хозяйственной лошади и обыкновенной свиньи. Въ человѣческомъ же родѣ такихъ специальныхъ цѣлей для усовершен-

ствования и слѣдовательно исключительной заботы о своемъ породистомъ носѣ, рукахъ, ногахъ и пр. существовать не должно.

Граціозныя формы и тонкія черты могутъ считаться совершенствомъ въ такомъ только случаѣ, когда онѣ составляютъ не исключительную задачу улучшения породы, когда развитіе ихъ не идетъ въ ущербъ физиологическому отпращиванію и гармоническому развитію болѣе существенныхъ и важныхъ органовъ. Развивать одиѣ вышнія формы чисто съ эстетической цѣлю, значитъ содѣйствовать вырожденію породы, точно также, какъ подобное вырожденіе мы должны признать въ зоологическомъ смыслѣ и за вышеупомянутыми животными, хотя они и считаются въ хозяйственномъ отношеніи усовершенствованными.

Теперь намъ слѣдуетъ разобрать въ частности тѣ условія, которыя содѣйствуютъ вырожденію человѣческихъ породъ. Изъ нихъ на первомъ планѣ мы поставимъ родственные браки.

ВЛІЯНИЕ КРОВНЫХЪ БРАКОВЪ.

Вопросъ о вліяніи кровныхъ браковъ на потомство съ самаго давняго времени занималъ и законодателей, и врачей, и всѣ общества. Если въ старыя времена въ кровосмѣшеніи и не видѣли физиологической причины вырожденія человѣческаго рода, то все-таки смотрѣли на него какъ на явленіе противоестественное, порицаемое гражданскими и религіозными законами и народными обычаями. Моисей въ этомъ отношеніи даетъ своему народу такія правила. «Человѣкъ ко всякому ближнему плоти своей да не приступитъ открыти срамоты. Срамоты дочери сына твоего, или дочери дочери твоея, да не открыши срамоты ихъ, яко твоя срамота есть. Срамоты сестры отца твоего да не открыши, своя бо отцу твоему есть. Срамоты сестры матери твоей да не открыши, своя бо матери твоей есть. Срамоты брата отца твоего да не открыши, и къ женѣ его да не увидиши, сродникъ бо ти есть. Срамоты невѣстки твоея да не открыши, жена бо сына твоего есть, да не открыши срамоты ея. Срамоты жены брата твоего да не открыши, срамота брата твоего есть. Срамоты жены и дочери ея да не открыши, дочери сына ея, и дочери дочери ея да не поймеша открыти срамоты ихъ, ближніи бо ти суть, нечестіе есть. Сестру жены твоея да не поймеша въ наложницу, открыти срамо-

ту ея передъ нею, еще живѣ сущей ей» и пр. (Кн. Левитъ, гл. XVIII).

Въ первые вѣка христіанства на этотъ вопросъ обратили еще больше вниманія. При аскетическомъ взглядѣ на жизнь, духовные писатели этого времени старались по возможности расширить кругъ препятствій для бракосочетанія. Поэтому въ каноническихъ постановленіяхъ явилось запрещеніе браковъ не только между кровными, но даже между духовными родственниками. Первые христіанскіе императоры (Феодосій Великій) ввели эти постановленія въ гражданскую жизнь въ формѣ положительныхъ законовъ, которые, съ нѣкоторыми измѣненіями, соблюдаются и по настоящее время во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Тѣже самыя ограниченія, хотя и въ меньшей степени, существовали у римлянъ-язычниковъ, существуютъ и теперь у народовъ другихъ вѣроисповѣданій: у магометанъ, народовъ Индостана, у многихъ дикихъ и полудикихъ племенъ. Вообще можно сказать, что въ человѣкѣ существуетъ родъ инстинкта, противодѣйствующаго кровосмѣшенію въ близкихъ степеняхъ родства. Будемъ ли мы смотрѣть на этотъ инстинктъ, какъ на инстинктъ природы, или какъ на слѣдствіе вѣковыхъ обычаевъ, во всякомъ случаѣ онъ существуетъ. Въ силу его половыя сношенія въ первыхъ степеняхъ родства всѣмъ народамъ казались омерзительными, подобно другимъ крайнимъ извращеніямъ половыхъ отпращиваній.

Въ послѣднее время, особенно съ 1859 г., вопросъ о кровныхъ бракахъ обратилъ на себя серьезное вниманіе ученыхъ, сталъ разсматриваться съ естественно-исторической точки зрѣнія, вслѣдствіе чего въ наукѣ приобрѣтено столько положительныхъ фактовъ, что на этотъ вопросъ можно смотрѣть уже не съ религіозной или философской, а чисто съ научной точки зрѣнія. Однако же до сихъ поръ мы не можемъ еще сказать, чтобы вопросъ о кровныхъ бракахъ былъ разрѣшенъ окончательно. Онъ только приближается къ разрѣшенію. Многочисленные факты, собранные объ этомъ предметѣ въ послѣднее время, могутъ подтвердить старое мнѣніе объ опасности кровныхъ браковъ, особенно въ человѣческомъ родѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя умолчать и о томъ, что при разборѣ этого вопроса явилось нѣсколько жаркихъ противниковъ, вооружившихся противъ такого догматическаго рѣшенія, принимавшагося во всѣ времена законодателями, гигиенистами и патологами. Это новое мнѣніе, родившееся преимущественно въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ, мнѣніе, по которому родственные браки счи-

таются не только безвредными, но даже полезными, если бы даже оно было неосновательно, по справедливости требует такого же внимательнаго разбора. Поэтому мы изложимъ сперва тѣ научныя основанія и доводы, по которымъ родственные браки считаются вредными, а потомъ и доводы противниковъ этого мнѣнія.

Мы уже сказали, что во всѣ времена и у большей части народовъ кровные браки въ извѣстныхъ степеняхъ запрещались нравственными и религіозными законами. Основаніе этого запрещенія по всей вѣроятности лежало въ томъ, что и въ прежнія времена были подмѣчаемы неблагопріятныя послѣдствія такихъ браковъ на потомствѣ. Во всякомъ случаѣ еще очень давно, въ старыхъ сочиненіяхъ по части гигиены и нравственности, можно встрѣтить указанія, гдѣ вредъ отъ родственныхъ браковъ разсматривался съ гигиенической точки зрѣнія, такъ какъ такіе браки считались за причину многихъ болѣзней и неправильностей сложенія. Съ теченіемъ времени, особенно въ послѣдніе годы, фактовъ, относящихся къ этому вопросу, накопилось столько, что на основаніи ихъ можно произнести мнѣніе о кровныхъ бракахъ не по предчувствію, не на основаніи догадокъ и религіозныхъ убѣжденій, а на болѣе или менѣе прочныхъ научныхъ началахъ. Эти факты такъ важны и убѣдительны, что мы считаемъ не только умѣстнымъ, а даже необходимымъ передать ихъ здѣсь, на сколько это возможно въ журнальной статьѣ.

Авторы, занимавшіеся преимущественно этимъ вопросомъ въ послѣднее время и осуждавшіе кровные браки (Francis Devay, Chazaraïn, Boudin и пр.), основывали свое мнѣніе какъ на отдѣльныхъ наблюденіяхъ, такъ и на общихъ статистическихъ выводахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ оказывалось, что послѣдствіями такихъ браковъ на потомствѣ очень часто бываютъ: глухонѣмота, идиотизмъ, альбинизмъ, различные недостатки сложенія и уродливости, слабость развитія, уменьшеніе плодородія, расположеніе къ выкидышамъ и пр.

Глухонѣмота, какъ послѣдствіе кровныхъ браковъ, обратила на себя особенное вниманіе наблюдателей, такъ какъ она встрѣчалась гораздо чаще и могла быть наблюдаема отчетливѣе, чѣмъ другіе недостатки. Докторъ Ménière, состоящій при институтѣ глухонѣмыхъ въ Парижѣ, замѣтилъ, что врожденная глухонѣмота весьма часто совпадаетъ съ кровосмѣшеніемъ. Послѣ того какъ на такое совпаденіе обращено было особенное вниманіе, число такихъ наблюденій увеличивалось съ каждымъ днемъ. Chazaraïn, бывшій

профессоръ въ институтѣ глухонѣмыхъ въ Бордо, представилъ 18 наблюдений, гдѣ эта болѣзнь была слѣдствіемъ кровныхъ браковъ въ различныхъ степеняхъ. Въ представленномъ имъ сочиненіи ¹⁾ онъ выводитъ такое статистическое заключеніе, что въ бордосскомъ институтѣ число глухонѣмыхъ, происходящихъ отъ кровныхъ браковъ, составляютъ 30% всего числа глухонѣмыхъ отъ рожденія. Пропорція поразительная, особенно если при этомъ взять во вниманіе несообразную пропорцію родственныхъ и не родственныхъ браковъ во Франціи.

Будэнъ ⁽²⁾ представилъ подобныя статистическія цифры еще въ большихъ размѣрахъ. Онъ прослѣдилъ 95 глухонѣмыхъ отъ рожденія въ парижскомъ институтѣ, происходящихъ отъ родственниковъ и неродственныхъ браковъ, и нашелъ пропорцію между ними какъ 28: 100. Сравнивая эти результаты съ общей статистикой кровныхъ браковъ въ Европѣ относительно браковъ не родственныхъ (Будэнъ принимаетъ среднимъ числомъ на 100 браковъ около 2 браковъ кровныхъ), авторъ приходитъ къ тому заключенію, что помянутая болѣзнь при кровосмѣшеніи развивается въ 12 — 15 разъ чаще, чѣмъ отъ браковъ неродственныхъ. При этомъ нужно еще прибавить, что большая часть глухонѣмыхъ, которые были взяты въ расчетъ, имѣютъ такихъ же братьевъ и сестеръ, что можетъ почти удвоить вышеуказанную пропорцію.

Другіе изслѣдователи представили относительно глухонѣмыхъ отъ кровныхъ браковъ подобныя же пропорціи, именно Perrin, въ Лионѣ, 25 на 100, Rigoux въ Нанси, 21 на 100, и Brochard 29 на 100. Эти цифры, собранныя различными авторами и въ различныхъ мѣстахъ, цифры одинаково показывающія громадную несообразность глухонѣмыхъ отъ родственниковъ и неродственныхъ браковъ сравнительно съ пропорціей этихъ браковъ вообще, — не могутъ не служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что глухотѣ весьма часто составляетъ результатъ кровосмѣшенія.

Будэнъ, не ограничиваясь вышеприведенными общими цифрами, представилъ другую таблицу, въ которой статистически показываетъ связь глухонѣмыхъ съ различными степенями родства. Изъ

¹⁾ Chazarain, du mariage entre consangvins considéré comme cause de dégénérescence organique et particulièrement de surdi-mutité congeniale (these de Montpellier, 1859).

²⁾ Boudin, Dangers des unions consangvines et nécessité des croisements dans l'espèce humaine et parmi les animaux (Annales de hygiène publique et de médecine legale, jnilles, 1862).

этой таблицы видно, что если число глухонѣмыхъ, родившихся отъ брака нормальнаго, принять за единицу, то опасность глухонѣмоты для браковъ между двоюродными братьями и сестрами, возрастаетъ до 18, для браковъ между дядями и племянницами до 37 и для браковъ между племянниками и тетками опасность глухонѣмоты равняется 70.

Докторъ Баклэ, находясь при французскомъ войскѣ, расположенномъ въ Римѣ, сообщилъ парижской академіи наукъ статистическія свѣденія относительно глухонѣмыхъ. Эти свѣденія получены отъ директора института глухонѣмыхъ въ Римѣ. Изъ 33 глухонѣмыхъ, 3 родились отъ кровныхъ браковъ, а у 10 родители не были въ родственныхъ отношеніяхъ; у 14-ти глухонѣмота развилась вслѣдствіе различныхъ болѣзней и у 6-ыхъ отъ причинъ неопредѣленныхъ. Между глухонѣмыми отъ кровныхъ браковъ, исторія одного мальчика очень замѣчательна. Бабушка его, будучи еще въ дѣвицахъ, родила дочь и тотчасъ же отдала ее въ воспитательный домъ. Спустя нѣкоторое время, она вышла замужъ и родила еще мальчика. Жалѣя о первомъ ребенкѣ, она упростила своего мужа взять къ себѣ на воспитаніе одну дѣвочку изъ воспитательнаго дома, и, какъ думаютъ, ея выборъ естественно палъ на ея первую незаконорожденную дочь. Вслѣдствіи времени эта усыновленная дѣвушка вышла замужъ за своего брата. Отъ этого брака первые четыре раза дѣти родились мертвыми; послѣ пятой беременности родился помянутый выше, глухонѣмой мальчикъ, шестой ребенокъ вышелъ карликомъ, седьмой теперь имѣетъ 11 лѣтъ и повидимому здоровъ (*Gazette médic. de Paris* 1863 № 49 p. 804).

Въ Америкѣ относительно вліянія кровныхъ браковъ на потомство сдѣлалъ изслѣдованіе Morris. Въ представленной имъ общей таблицѣ онъ собралъ результаты 883 кровныхъ браковъ, отъ которыхъ родилось 4,013 дѣтей. При этомъ средняя пропорція дѣтей, имѣвшихъ различныя пороки сложенія, была 61 на 100. Въ частности отъ родственныхъ браковъ въ третьемъ колѣнѣ эта пропорція=40 на 100; для браковъ между двоюродными родственниками 67 на 100, для браковъ между дядями и племянницами, или племянниками и тетками 81 на 100 и для кровосмѣшенія въ болѣе близкихъ степеняхъ родства 96 на 100.

Докторъ *Либрейхъ* (1) въ Берлинѣ сдѣлалъ изслѣдованія надъ бер-

(1) *Deutsche Klinik*. Februar, 1861.

линскими евреями. Извѣстно, что въ этомъ народѣ, по причинѣ его малочисленности и большей терпимости законовъ бракосочетанія, кровные браки заключаются гораздо чаще, нежели у народовъ христіанскихъ. Поэтому и глухонѣмота между евреями встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ между другими народами. Изъ 341 глухонѣмыхъ, находящихся въ берлинскомъ институтѣ, было 42 еврея. Если взять пропорцію этихъ больныхъ на число жителей христіанскаго (вѣроисповѣданія, то она оказывается 6 на 10,000 жителей, или одинъ глухонѣмой на 1,477 христіанъ, между тѣмъ какъ для евреевъ эта пропорція возрастаетъ до 0,0027, или одинъ глухонѣмой на 368 евреевъ. Такая же несоразмѣрность распространенія этой болѣзни между евреями и народами христіанскими замѣчена Будэномъ въ парижскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и докторомъ Pruner Веу'емъ между евреями въ Каирѣ. Наконецъ замѣчено, что въ Америкѣ глухонѣмота встрѣчается несравненно чаще между неграми, нежели между бѣлыми. По мнѣнію Будэна, это происходитъ вслѣдствіе того, что при рабствѣ, невѣжествѣ и деморализаціи черной расы, неразборчивое смѣшеніе половъ, родственные браки и кровосмѣшенія происходятъ чаще, чѣмъ у народовъ нравственно развитыхъ. Ramon de la Sagra въ 1844 г. сообщилъ таблицу частоты появленія глухонѣмоты въ различныхъ провинціяхъ Соединенныхъ штатовъ между бѣлыми жителями и неграми, изъ которой видно, что между послѣдними эта болѣзнь встрѣчается въ 91 разъ чаще, нежели между первыми. Таблица эта такъ замѣчательна, что мы считаемъ не лишнимъ привести ее здѣсь:

Названіе провинцій.	Глухонѣмота въ народонаселеніи	
	бѣломъ.	цвѣтномъ.
Maine	1:2252	1:104.
New Hampshire	1:1569	1:60.
Vermont	1:2157	1:365.
Massachussets	1:2670	1:500.
Ohio	1:2687	1:526.
Michigam	1:6824	1:353.
Indiana	1:2285	1:478.
Illinoise	1:3046	1:163.
Iowa.	1:4292	1:47.

Такую поразительную несоразмѣрность въ распредѣленіи глухонѣмоты между бѣлой и цвѣтной расами, Devau объясняетъ вліаніемъ рабства. «Всему міру извѣстно, говоритъ онъ, что такое рабъ. Это

существо, мужчина или женщина, составляющее собственность другого человека, как и та земля, которую рабы воздѣлываютъ, поливая своими слезами и потомъ. Рабъ обязанъ не только выполнять всѣ желанія своего властелина, но и удовлетворять всѣмъ его капризамъ. При такихъ условіяхъ необузданный господинъ сплошь и рядомъ выбираетъ рабынь къ себѣ въ наложницы и такимъ образомъ производить извѣстное число дѣтей—братьевъ и сестеръ по приодѣ (по отцу), но совершенно чуждыхъ другъ другу по закону и по общественному положенію. Рожденныя отъ матерей-рабынь, дѣти остаются также рабами, какъ и ихъ матери. Такъ какъ эти дѣти по закону не считаются родственниками, такъ какъ весьма часто они даже не знаютъ, что приходится другъ другу братьями; то естественно можетъ случиться, что они женятся между собой. Такое же вліяніе могутъ оказывать и купцы, торгующіе рабами. Въ ихъ интересѣ увеличить количество своего товара, поэтому, естественно, что купцы не только не заботятся о предотвращеніи половыхъ сношеній въ близкихъ степеняхъ родства, но напротивъ зачастую сами входятъ въ половыя сношенія со многими негритянками, производя большее или меньшее число дѣтей. Эти, незнающіе другъ друга, братья и сестры, какъ и въ первомъ случаѣ, легко могутъ жениться другъ на другѣ и размножать глухонѣмыхъ. Наконецъ, при торговлѣ неграми, часто можетъ быть, что дѣти однихъ родителей, разобщенныя между собой, развезенныя по разнымъ мѣстамъ, могутъ снова случайно встрѣтиться въ одной колоніи и, не зная своего единокровнаго происхожденія, вступать въ супружескія сношенія.» Такъ стараются объяснить происхожденіе глухонѣмоты между неграми и это объясненіе, во всякомъ случаѣ, не лишено основанія.

Всѣ вышеприведенные факты показываютъ самымъ нагляднымъ образомъ, что глухонѣмота находится въ тѣсной связи съ несоблюденіемъ гигиеническихъ правилъ при бракосочетаніи или, точнѣе сказать съ родственными браками. Что она въ большинствѣ случаевъ не зависитъ отъ другихъ побочныхъ обстоятельствъ, это можно прослѣдить на отдѣльныхъ случаяхъ, исторія которыхъ подробно извѣстна, а равнымъ образомъ доказать тѣмъ, что между тѣми народами, гдѣ родственные браки строго воспрещаются, глухонѣмота встрѣчается несравненно рѣже. Въ Китаѣ, напримѣръ, по свидѣтельству Броуна, эта болѣзнь составляетъ величайшую рѣдкость, потому что тамъ запрещаются строго не только родственные бра-

ки, но даже браки между лицами, совершенно чужими, но лишь носящими одно имя.

Кромѣ глухонѣмоты, результатомъ кровныхъ браковъ часто бываютъ и многія другія болѣзни, напр. наслѣдственное помѣшательство идиотизмъ, падучая болѣзнь. Devay, Chazagain, Boudin, Chirault и другіе писатели приводятъ этому много примѣровъ. Esquiroe, Ellis, Spurzheim, Stark и многіе другіе авторы приписываютъ родственнымъ бракамъ причину глупости и идиотизма grands seigneur'овъ Франціи и Англіи, ровно какъ ирландскихъ католиковъ или англійскихъ и шотландскихъ протестантовъ, которые, составляя замкнутые кружки, не допускали у себя достаточнаго подновленія крови. Такое мнѣніе можно подтвердить и статистическими цифрами. Докторъ Howe (1) прослѣдилъ 17 родственныхъ браковъ, въ близкихъ степеняхъ родства, отъ которыхъ родилось 95-тъ дѣтей. Между этими послѣдними было *сорокъ четыре идиота*, 12 имѣли слабое тѣлосложеніе и страдали золотухой, 1 былъ глухой, 1 карликъ и только 37 имѣли болѣе или менѣе удовлетворительное здоровье. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ такихъ браковъ всѣ дѣти были или идиоты, или золотушные, или слишкомъ слабого сложения. Въ одномъ семействѣ изъ 8 дѣтей было 5 идиотовъ. Докторъ Морель представляетъ много примѣровъ, гдѣ различныя виды душевныхъ и нервныхъ болѣзней находились въ тѣсной связи съ кровными браками. Тоже самое подтверждаютъ Arthand, Cargier, Guggenbühl, Riffi и др., наблюдавшіе въ больничной и частной практикѣ совпаденія помѣшательства, глупости, идиотизма и проч. съ кровными браками. Если относительно душевныхъ болѣзней не сдѣлали еще до сихъ поръ такихъ же обширныхъ и точныхъ статистическихъ провѣрокъ, какъ это сдѣлано относительно глухо-нѣмыхъ, то потому только, что врачи заведеній для умалишенныхъ до настоящаго времени не обращали особеннаго вниманія на кровные браки, какъ причину различныхъ формъ помѣшательства, эпилепсіи, идиотизма и пр. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти болѣзни являются наслѣдственными. Многочисленные частныя примѣры даютъ основаніе думать, что во многихъ случаяхъ упомянутыя болѣзни обязаны своимъ происхожденіемъ кровосмѣшенію, которое иногда могло быть даже не у родителей этихъ несчастныхъ больныхъ, а за нѣсколько поколѣній. Какъ вообще наслѣдствен-

(1) Report made to the legislature of the Massachusests upon idiocy. Boston 1848.

ныя болѣзни, такъ и болѣзни вслѣдствіе кровосмѣшенія иногда появляются черезъ поколѣніе, и проявляются не всегда въ одной и той же формѣ. Девэ приводитъ этому примѣръ, который онъ могъ прослѣдить очень точно, такъ какъ это было въ семействѣ его близкихъ знакомыхъ. М. Л., бабушка этого семейства, вышла замужъ за двоюроднаго брата. Отъ этого брака родились мальчикъ и дѣвочка совершенно здоровые и даровитые какъ и ихъ родители. Дѣвочка достигши 20 лѣтъ, вышла замужъ за здороваго молодого человека, нѣсколькими годами старше ея, съ которымъ она не состояла ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ. Отъ этой здоровой четы родилась глухонѣмая дѣвочка. Взвѣсивая всѣ обстоятельства жизни, влияніе среды, обстановку и пр. этой несчастной больной, ни въ чемъ нельзя было отыскать причины ея болѣзни кромѣ родственнаго брака бабушки. Тотъ же авторъ рассказываетъ другой случай подобнаго рода. Въ одномъ богатомъ и высоко поставленномъ семействѣ, гдѣ родственные браки въ предшествовавшихъ поколѣніяхъ повторялись довольно часто, онъ наблюдалъ 11 лѣтняго мальчика-идіота. Воспитаніе его было совершенно невозможно по причинѣ полного отсутствія способностей. Другіе дѣти въ этомъ семействѣ страдали падучей болѣзнію. Двоюродный братъ ихъ, очень способный мальчикъ, имѣлъ необыкновенно вспыльчивый, бѣшеный характеръ. Буйный гнѣвъ его очень часто происходилъ безъ всякой видимой причины и не могъ быть объясняемъ дурнымъ воспитаніемъ, а именно его врожденной болѣзненной раздражительностію. Подобныя, но рѣзко выраженыя болѣзненные формы, составляющія какъ бы переходъ къ помѣшательству или идіотизму, именно бѣшенный нравъ, самодурство, слабость умственныхъ способностей, странность, эксцентричность характера и пр. въ привилегированныхъ сословіяхъ или вообще тамъ, гдѣ браки заключаются только между извѣстнымъ тѣснымъ кружкомъ, можно встрѣтить очень часто. Не указывая на частные примѣры, мы просимъ читателей порыться въ своей памяти относительно подобныхъ личностей, и каждый, вѣроятно, можетъ вспомнить нѣсколько подобныхъ случаевъ. На эти явленія, тѣмъ болѣе на причины ихъ, обыкновенно обращаютъ мало вниманія, но анализируя эти причины, очень часто приходится отыскивать ихъ именно въ томъ, что въ породѣ такихъ особъ, если не было близкихъ родственныхъ браковъ, то по крайней мѣрѣ не было и подновленія крови. Съ давняго времени замѣчено, что люди, роднящіеся только съ однимъ замѣнутымъ кругомъ, тщательно охраняющіе свою кровь отъ всякихъ посторон-

нихъ примѣсей, этимъ самымъ произволятъ на послѣдующихъ поколѣніяхъ деградацию умственныхъ способностей. Такое вырожденіе не сразу обнаруживается идиотизмомъ или помѣшательствомъ, а доходитъ до этого съ извѣстной постепенностію. Какъ на одну изъ промежуточныхъ формъ этого вырожденія можно указать на невоспримчивость или неспособность къ умственнымъ занятіямъ. Это люди безъ призванія, безъ убѣжденія, безъ положительнаго характера; люди, незнающіе или неумѣющіе чѣмъ наполнить свою пустую жизнь, люди, которыхъ если не всегда можно назвать совсѣмъ глупыми, то можно причислить къ обиженнымъ природою относительно умственныхъ способностей. При дальнѣйшемъ вліяніи однихъ и тѣхъ же причинъ, при продолжающемся недостаткѣ помѣси крови, угасающая порода перерождается въ помѣшанныхъ или идиотовъ, какъ это было замѣчено выше относительно потомковъ Солона и Алкивіада.

Между послѣдствіями кровныхъ браковъ считаютъ частое появленіе болѣзней органа зрѣнія. На это явленіе обратилъ особенное вниманіе д-ръ Либрейхъ, въ Берлинѣ, въ 1861 году. Изслѣдуя глаза больныхъ помощью глазного зеркала, онъ замѣтилъ, что у глухонѣмыхъ, и преимущественно у евреевъ часто встрѣчается *пигментированная-сѣтчатая оболочка* (*retinitis pigmentosa*)—болѣзнь, которая вообще считается весьма рѣдкою (1). «Одинъ больной, говоритъ Либрейхъ, страдавшій этой болѣзнію, случайно обратилъ мое вниманіе на то, что его отецъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ. Имѣя въ виду это обстоятельство, какъ причину сказанной болѣзни, я впослѣдствіи времени постоянно обращалъ на это вниманіе и нашелъ, что половина страдавшихъ пигментированною сѣтчатой оболочкой происходили отъ кровныхъ браковъ». Авторъ особенно ча-

(1) Такъ называется болѣзнь, при которой глазное дно, именно сѣтчатая оболочка бываетъ усыяна чернымъ пигментомъ. Одно изъ рѣзкихъ явленій этой болѣзни есть ухудшеніе зрѣнія, несоразмѣрное съ степенью освѣщенія, какъ при куриной слѣпотѣ. Поле зрѣнія у такихъ больныхъ бываетъ слишкомъ мало, слѣдовательно, только самая малая часть окружающаго доступна ихъ зрѣнію. Поэтому такіе больные не могутъ свободно ходить и, чтобы составить понятіе объ окружающихъ предметахъ, принуждены послѣдовательно поворачивать голову въ разныя стороны, съ цѣлію привести предметы противъ суженнаго поля зрѣнія. Оттого у одержимыхъ пигментированною сѣтчатую оболочкою глаза находится въ постоянномъ медленномъ и гармоническомъ движеніи по различнымъ направленіямъ, когда они хотятъ составить понятіе объ окружающемъ. Вѣсть съ тѣмъ, при *retinitis pigmentosa* постоянно бываетъ и вечерняя слѣпота.

сто встрѣчалъ эту болѣзнь у глухонѣмыхъ. Осматривая глаза, помощію глазного зеркала, у 241 такого субъекта, онъ нашелъ пигментированную сѣтчатую оболочку у 14-ти. Такая пропорція, естественно показалась необыкновенной, потому что названная болѣзнь вообще представляетъ весьма рѣдкое явленіе. Между 14-ю субъектами, у которыхъ она была открыта, 8 были евреи. Трое изъ всѣхъ этихъ больныхъ принадлежали къ разнымъ семействамъ, а 11-ть остальныхъ происходили только изъ трехъ семействъ, именно четверо изъ одного, двое изъ другого и пятеро изъ третьяго. Изъ 14-ти больныхъ съ поражениемъ сѣтчатой оболочки пятеро были рождены отъ кровныхъ браковъ, у двухъ относительно происхожденія нельзя было собрать никакихъ свѣдѣній, у семи между родителями не существовало никакого родства. Изъ другихъ 18 случаевъ пигментированной сѣтчатой оболочки, гдѣ не было глухонѣмоты, *восемь* больныхъ родилось отъ кровныхъ браковъ (двоюродныхъ), у пятерыхъ родители не состояли въ родствѣ и у пятерыхъ относительно этого не получено никакихъ свѣдѣній. Слѣдовательно, изъ общаго числа—35 больныхъ съ этою болѣзною (3 идиота, 14 глухонѣмыхъ и 18 не пораженныхъ глухонѣмотой), кровные браки ихъ родителей опредѣлены были въ *четырнадцати случаяхъ*, въ двадцати они не существовали и въ девяти были неизвѣстны. Эти цифры показываютъ самымъ нагляднымъ образомъ, что какъ глухонѣмота, такъ пигментированная сѣтчатая оболочка у лицъ, рожденных отъ кровныхъ браковъ, встрѣчаются несравненно чаще, чѣмъ отъ браковъ не родственныхъ. Принимая во вниманіе вышеприведенныя пропорціи, не слѣдуетъ забывать, что число кровныхъ браковъ въ обществѣ встрѣчается несравненно рѣже, чѣмъ число браковъ не родственныхъ.

Альбинизмъ во многихъ случаяхъ можетъ тоже считаться послѣдствіемъ кровныхъ браковъ. Decau къ этому относится такимъ образомъ. «Человѣкъ довольно часто представляетъ примѣры альбинизма. Они чаще встрѣчаются у народовъ малочисленныхъ, разобщенныхъ и полудикихъ, гдѣ супружескія отношенія между родственниками встрѣчаются гораздо чаще. При подобныхъ условіяхъ альбиносъ равнымъ образомъ появляются и въ странахъ цивилизованныхъ.» Будэнъ объ этомъ рассказываетъ слѣдующій случай. «Одна дама вышла замужъ за двоюроднаго брата и родила отъ него четверыхъ дѣтей. Изъ нихъ первые двое были близнецы—оба альбиносъ, жившіе только 48 часовъ; третій ребенокъ родился альбиносомъ и прожилъ одинъ годъ и только четвертый не имѣлъ аль-

бинизма и былъ здоровъ.» (с. с. р. 44), Докторъ Bemiss въ одномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, между дѣтьми, рожденными отъ двадцати семи кровныхъ браковъ, насчиталъ пять альбиносовъ. Факты случайнаго или искусственнаго произведенія альбинизма, вслѣдствіе кровосмѣшенія, были замѣчены не только на человѣкѣ, но и на животныхъ. Аиbé въ этомъ отношеніи представилъ очень много весьма интересныхъ наблюденій ⁽¹⁾. «Если, говорить онъ, животныя родственныя другъ другу, принуждены бывають соединяться между собой, это всегда производитъ на потомкахъ болѣе или менѣе существенныя измѣненія, которыя часто выражаются перерожденіемъ ихъ въ альбиносовъ. Въ особенности это замѣчается у животныхъ теплокровныхъ. Я видѣлъ очень много подобныхъ субъектовъ и *все они произошли вслѣдствіе послѣдовательно скрещиванія между близкими родственниками.* У кроликовъ я производилъ этимъ способомъ альбинизмъ даже искусственно, по своему желанію, въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи.» «Бѣлыя мыши и крысы, которыхъ намъ показываютъ на площадяхъ фигляры и шарлатаны, производятся помощію заточеннаго воспитанія» (гдѣ необходимо кровосмѣшеніе). Кромѣ того у Обе представлено очень много другихъ наблюденій надъ различными животными, какъ относительно происхожденія альбинизма, такъ и вообще относительно вырожденія расы путемъ родственныхъ скрещиваній.

Вліяніе кровныхъ браковъ на потомство не ограничивается вышеупомянутыми болѣзнями. Оно можетъ проявляться и проявляется въ другихъ, разнообразныхъ болѣзненныхъ формахъ, въ общемъ результатѣ ведущихъ къ ослабленію и вырожденію породъ. Эти вліянія, какъ уже сказано выше, не всегда могутъ проявляться на первомъ поколѣніи, но иногда обнаруживаются только на поколѣніяхъ послѣдующихъ, и вообще тѣмъ сильнѣе и опаснѣе, чѣмъ больше въ семействѣ повторялись родственныя браки.

Изъ другихъ болѣзненныхъ формъ, помогающихъ вырожденію породы, должны обратить наше вниманіе: уменьшеніе плодородія, различныя уродливости и ослабленіе тѣлосложенія. Докторъ Devay еще въ 1846 году въ своей *Gygiène des familles*, представилъ 39 наблюденій надъ родственными браками. Изъ 13 семействъ, которыя авторъ зналъ лично: въ двухъ случаяхъ дяди были женаты на

⁽¹⁾ Note sur les inconveniènts qui peuvent resulter du défaut de croisement dans la propagation des espèces animales (Société d'acclimatation, 6 fevrier 1857).

племянницахъ, въ трехъ случаяхъ тетки на двоюродныхъ племянникахъ, въ остальныхъ случаяхъ родство было двоюродное или троюродное. Восемь изъ этихъ семействъ были бесплодны, несмотря на то, что супруги были, повидимому, совершенно здоровы и лѣта ихъ пропорціональны. Въ четырехъ семействахъ всѣ лѣти были золотушны и развивались очень плохо; кромѣ того изъ нихъ одинъ страдалъ соврожденнымъ *ichthyosi*, а двое другихъ имѣли излишніе пальцы. Изъ остальныхъ 26 наблюдений, заимствованныхъ авторомъ изъ рассказовъ достовѣрныхъ и компетентныхъ людей и самихъ больныхъ, гибельное вліяніе кровныхъ браковъ обнаружилось въ 11 случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ ребенокъ страдалъ падучею болѣзнію, въ трехъ дѣти умерли отъ водянки мозга и отъ конвульсій, въ остальныхъ семи случаяхъ два брака были бесплодны, отъ остальныхъ дѣти имѣли очень слабое сложеніе.

Впослѣдствіи времени (съ 1846 по 1862 г.) тотъ же авторъ собралъ еще 82 случая достовѣрно прослѣженныхъ кровныхъ браковъ, изъ которыхъ 14 были бесплодны. Присоединивши сюда первые 29 случаевъ, на общее число ихъ, 121, бесплодныхъ браковъ приходится 22. Почти всѣ эти браки были между двоюродными или троюродными родственниками и только въ четырехъ случаяхъ между дядями и племянницами. Бесплодными они считались только въ томъ случаѣ, когда дѣтей не было не меньше какъ въ теченіи десяти лѣтъ послѣ замужества.

Изъ 22-хъ помянутыхъ случаевъ въ 16-ти было абсолютное бесплодіе, т. е. не было и зачатія, и въ 6-ти беременность всегда сопровождалась выкидышами въ первыхъ мѣсяцахъ. На общее число 121 приходилось 17 выкидышей. Изъ этого видно, что браки между родственниками вообще могутъ считаться менѣе плодородными. Это обстоятельство можно разсматривать еще какъ явленіе благотѣльное, потому что такимъ способомъ природа устраняетъ размноженіе уродовъ и несчастныхъ страдальцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это показываетъ, что чѣмъ больше будутъ повторяться въ родѣ родственныя сочетанія, тѣмъ больше шансовъ на уменьшеніе потомковъ. Слѣдовательно, кровные браки не только ослабляютъ и обезображиваютъ поколѣніе, но, содѣйствуя численному его уменьшенію, приводятъ къ совершенному исчезанію цѣлыя фамиліи. Если до сихъ поръ относительно уменьшеннаго плодородія родственныхъ браковъ, численныхъ статистическихъ данныхъ представлено и не очень много, то все-таки, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ и отзывовъ большей части наблюдателей, хотя и не всегда под-

твержденныхъ цифрами, уменьшеніе плодородія можно считать при кровныхъ брахъ довольно постояннымъ явленіемъ. Это подтверждаютъ намъ и историческіе факты вырожденія фамилій и новыя наблюденія, изъ которыхъ одно мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь.

Г. М. имѣла шестерыхъ дѣтей — двухъ мальчиковъ и 4 дѣвочки. Всѣ они были одинаково здоровы и впослѣдствіи женаты или вышли замужъ, именно : трое за двоюродныхъ родственниковъ и три за постороннихъ. Сравнительная таблица поколѣнія тѣхъ и другихъ показываетъ рѣзкую разницу.

1) Браки родственные.	Число дѣтей.	Смерть ихъ въ раннемъ возрастѣ.
М. А.	11	11
М. А.	8	6
М. С.	5	5
	<hr/>	<hr/>
	24	20
2) Браки посторонніе.		
М. V.	6	2
М. А.	7	0
.	6	1
	<hr/>	<hr/>
	19	3

Въ сочиненіи Деве (I. с. р. 144) приведено нѣсколько отдѣльныхъ наблюденій подобнаго рода.

Докторъ Bemiss ⁽¹⁾ въ 1857 г. представилъ свои наблюденія относительно 34 кровныхъ браковъ, изъ нихъ 28 были въ третьемъ и 6 въ четвертомъ колѣнѣ родства; изъ 34 браковъ 6 было бесплодныхъ и 27 плодородныхъ. Отъ нихъ родилось дѣтей 192, изъ которыхъ 58 умерли вскорѣ послѣ рожденія. Изъ остальныхъ 134-хъ, могли считаться болѣе или менѣе здоровыми, 31 имѣли слабое здоровье и сложеніе. Изъ остальныхъ было 23 золотушныхъ 4 съ падушей болѣзнію, 2 помѣшанныхъ, 2 нѣмыхъ, 4 идиота, 2 слѣпыхъ, 2 урода, 6 альбиносовъ, 6 съ различными недостатками органа зрѣнія и 1 страдалъ пляской св. Витта.

Изъ пороковъ развитія и уродливостей, совпадающихъ съ кровными браками, больше всего было обращено вниманія на *изм-*

⁽¹⁾ Journal of psychological and mental pathology, by Forbes; Winslow, p. 338, avr 1857. On Marriages of Consanguinity, by S. M. Bemiss of Louis ville.

шество или недостатокъ пальцевъ. Изъ 121 случая такихъ браковъ, собранныхъ Деве, этотъ недостатокъ былъ замѣченъ 17 разъ, изъ нихъ у 13-ти больныхъ излишество пальцевъ было на обѣихъ рукахъ. Въ одномъ семействѣ, гдѣ отецъ и мать были родственники въ четвертомъ колѣнѣ, изъ трехъ дѣтей два родились съ лишними пальцами. Недостатокъ пальцевъ встрѣчается гораздо рѣже. Деве только въ двухъ случаяхъ нашель отсутствіе мизинцевъ на рукахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ шестипалость является, какъ недостатокъ, свойственный почти всему народонаселенію. Такъ напр., докторъ *Поттонъ* наблюдалъ это въ деревнѣ *Изо* (*Izeaux*), въ департаментѣ *Isère*, которая по своему положенію была совершенно изолирована отъ другихъ селеній. Жители этой бѣдной деревни, предоставленные самимъ себѣ, впродолженіе долгаго времени не вступали въ супружескія сношенія съ сосѣдними жителями, роднились между собой и часто женились на родственницахъ. Вслѣдствіе этого, къ концу прошлаго столѣтія въ помянутой деревнѣ начало родиться много шестипалыхъ, а въ теченіи 35 — 40 лѣтъ такими сдѣлались почти всѣ жители. Какъ мужчины, такъ и женщины имѣли по 6-му палецу на рукахъ и на ногахъ. Еще болѣе замѣчательно то обстоятельство, что какъ скоро въ деревню *Изо* начала проникать помѣсь крови, когда при устроенныхся путяхъ сообщенія эти жители стали вступать въ сношенія съ окрестнымъ народонаселеніемъ, излишніе пальцы въ слѣдующихъ смѣшанныхъ поколѣніяхъ начали пропадать. Шестипалость была замѣчена и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ повторялись кровные браки. Французскій хирургъ *Бонне* говоритъ, что ему часто приходилось дѣлать удаленіе излишняго пальца у дѣтей, во всѣхъ случаяхъ рожденныхъ отъ родственныхъ браковъ.

Кромѣ излишнихъ пальцевъ у дѣтей, рожденныхъ отъ кровныхъ браковъ, были замѣчаемы и другія безобразія и недостатки, какъ напр. заячья губа, раздвоеніе позвоночнаго столба (*spina bifida*), соврожденное искривленіе ногъ (*pes varus et str.*), недостаточное развитіе черепа и пр. Наконецъ, по свидѣтельству Деве, сюда же слѣдуетъ отнести запоздалое развитіе зубовъ. Онъ наблюдалъ дѣтей, рожденныхъ отъ кровныхъ браковъ, у которыхъ на третьемъ, даже на четвертомъ году не было еще ни одного зуба. Эти наблюденія подтверждаетъ подобными же фактами и докторъ *Олье*. Относительно всѣхъ послѣднихъ недостатковъ нужно однакожъ замѣтить, что связь ихъ, или можетъ быть простое совпаденіе съ кровными браками, требуетъ еще дальнѣйшихъ подтвержденій ста-

тистическими цифрами. Во всякомъ случаѣ слишкомъ позднее прорѣзываніе зубовъ, равно какъ и многіе другіе перечисленные и не перечисленные недостатки, указываютъ на слабость и недостаточное развитіе организма какъ въ утробѣ матери, такъ и послѣ появленія на свѣтъ. Такое ослабленіе во многихъ случаяхъ дѣйствительно можно приписать вліянію кровныхъ браковъ, если при частномъ разборѣ даннаго случая не отыскивается другихъ причинъ, которыми бы можно было объяснить происхожденіе порока развитія или болѣзни. Кровные браки тѣмъ болѣе можно имѣть при этомъ въ виду, что гибельное, ослабляющее вліяніе ихъ на потомство доказывается многими другими положительными фактами, какъ мы это видѣли выше.

М. Флоринскій.

РАЗВЯЗКА.

И силъ во мнѣ еще осталось много,
И не погасъ еще огонь ума,
Но все труднѣй становится дорога,
Все тяжелѣй суровой жизни тьма.
Упоренъ трудъ, но мало награжденье:
Трудишься дни и ночи на пролеть,
А нищета, какъ злое привидѣнье
За шагомъ шагъ вослѣдъ тебѣ идетъ.
И въ ужасѣ я думаю порою,
Что посреди ликующихъ глушцовъ
Я упаду голодный, головою
Склонюсь къ стѣнѣ и стапеть стынуть кровь...
Въ предсмертный часъ и съ завистью и злостью
Увижу я, какъ будетъ песь цѣпной,
Косясь, рычать надъ брошенной костью,
Какъ бы глумясь надо мной.
Прохожіе пройдутъ спокойно мимо,
Дитя меня за пьянаго сочтеть
И задрожить въ испугѣ... Недвижимо
Я пролежу и тихо смерть придетъ.
Случится ли старухѣ богомольной
Въ тотъ самый часъ по улицѣ брести, —
Она въ лицо заглянетъ мнѣ невольно
И поспѣшитъ со страхомъ отойти,
Подумаетъ: не первый, не послѣдній!
И имени не зная моего —
Усотиаго помянетъ за обѣдней
И къ вечеру забудетъ про него....
И подберутъ мой трущъ окоченѣлый,
Чѣмъ умеръ я—отыскивать начнутъ,
По правиламъ науки вскроютъ тѣло —
И ничего въ желудкѣ не найдутъ.
А тѣ,—кого я ненавидѣлъ много,
Подъ чьимъ ярмомъ я такъ изнемогалъ,
На чьи главы карающаго Бога
Правдивый гнѣвъ я часто призывалъ, —
Останутся и счастливы и дерзки
И можетъ быть, больная мать моя,
Они-жъ тебѣ, смѣясь, грошъ свой мерзкій
Швырнуть рукой, душившею меня!...

А. Михайловъ.

РАБОЧИЯ АССОЦІАЦІИ

I.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ *)

Перевѣсъ частной жизни надъ общественною составляетъ одно изъ главныхъ препятствій къ развитію матеріальнаго благосостоянія европейскихъ населеній. Послѣду разрозненность и постоянный антагонизмъ человеческихъ силъ и стремленій поддерживается политическими системами вслѣдствіе старой рутинны: *divide et impera*. Даже національное собраніе 1791 года не могло стать выше этой несчастной рутинны. Когда парижскіе рабочіе, озабоченные своимъ разбросаннымъ положеніемъ, въ которомъ они очутились послѣ отмены ремесленныхъ корпорацій, потребовали права собираться съ цѣлію взаимнаго вспоможенія, Национальное собраніе отвѣтило имъ слѣдующимъ нелѣпнымъ закономъ: «Гражданамъ не должно быть дозволено собираться для разсужденія о такъ называемыхъ общихъ интересахъ. Трудъ и помощь нуждающимся будутъ раздавать обществомъ не чиновники, во имя націи». Такимъ образомъ смотрѣли на ассоціацію даже вожди французской революціи.

Но если самыя либеральныя изъ всѣхъ французскихъ правительствъ — правительства, предшествовавшія Наполеону, — не могли помочь ничѣмъ разрѣшенію соціально-экономическихъ вопросовъ, то чего же можно было ожидать отъ Наполеона I, а тѣмъ болѣе отъ правительства времяя реставраціи?

*) Статья первая была помѣщена въ евр. кн. «Рус. Слова»

Наполеонъ I отодвинулъ Францію рѣшительно назадъ. Онъ ввелъ двѣ трети старыхъ глупостей и общественныхъ немѣностей и далъ ходъ консерваторамъ и ретроgrадамъ, которые потомъ помогли правительству реставраціи жосрамить себя на вѣчно. Усердіе этихъ почтенныхъ людей было такъ велико, что если бы французы были поглупѣе и если бы они уже не вкусили плодовъ отъ древа познанія, то реставраторы превратили бы ихъ непременно къ нѣкоторое подобіе остяковъ или курильцевъ. По крайней мѣрѣ, ни у одного реставратора не дрогнула бы на это рука. Они хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобы превратить людей въ машины, конечно, потому, что машинами управлять не мудрено. Зачѣмъ же было браться за управление людьми? спросить читатель.—А отчего же и не браться, если это такъ легко. Лордъ Честерфильдъ, отправляя своего сына путешествовать по континенту Европы, далъ ему такое напутствіе: «милый мой сынъ, поѣзди по свѣту и посмотри, что на немъ дѣлается, и ты увидишь, что управлять людьми совѣмъ не такъ трудно». И глубокомысленное правительство реставраціи подтвердило вышесказанную лучше всего мысль почтеннаго лорда.

Полнѣйшая неспособность и отсутствіе всякой здравой мысли, отличавшее правительство реставраціи, не мѣшало ему несколько считать себя призваннымъ спасти Францію, а пожалуй, и всю Европу, отъ разрушительныхъ новыхъ идей и стремленій, грозившихъ, по мнѣнію реставраторовъ, гибелью всему человѣчеству. Лучшимъ средствомъ для этого они находили запрещеніе всякаго свободнаго движенія и проявленія мысли, названіе всѣхъ вещей старыми ихъ именами и возможно послѣдовательное управленіе французами посредствомъ разныхъ мудрыхъ постановленій и законовъ. Последнее обоготвореніе, въ глазахъ реставраторовъ, имѣло особенную важность и основывалось на томъ опытномъ соображеніи, созданномъ всей предшествовавшей исторіей человѣчества, что безъ мудрыхъ администраторовъ никакаго истиннаго порядка между людьми рѣшительно невозможно.

Такое соображеніе не слѣдуетъ, однако, ставить въ исключительную вину правительству реставраціи. Конечно, вообще оно было очень близоруко; но въ этомъ отношеніи оно не было хуже ни Наполеона I, ни Дантона. Энглендеръ, которымъ я пользуюсь теперь (*Geschichte der französischen Arbeiter-associationen*), замѣчаетъ совершенно справедливо, что революціонеры отличались до сихъ поръ

отъ реакціонеровъ только тѣмъ, что первые старались придумати лучше законы, чѣмъ вторые; а лучше законы имъ нужны были для того, чтобы осчастливить человѣчество. Но вѣдь и реакціонеры стремились къ тому же, съ той только разницей, что они, по своему тупоумію, понимали счастье человѣчества слишкомъ своеобразно, и думали осчастливить людей именно тѣмъ, что дѣлали ихъ несчастными. Новые люди Франціи были въ этомъ отношеніи много выше, потому что были умнѣе; но они употребляли тѣ же самыя средства и орудія, какъ и глушцы, потому что еще не пришла пора двигаться на вѣтъ божій орудіямъ много свойства. Это новое орудіе едва только возникаетъ, и когда оно разовьется вполне, то конечно весь политическій и экономическій бытъ цивилизованнаго человѣчества получитъ новую форму.

Декретами давалось до сихъ поръ слишкомъ большое значеніе; всё управляли и хотѣли водворить новые порядки декретами—и національное собраніе, и конвентъ, и Наполеонъ, и реставрація, и Людовикъ XIV, и Людовикъ XVI, всё они были нестоличные законодатели и добродушно вѣрили, что стоитъ только напечатать какой нибудь новый декретъ, чтобы во всемірѣ существъ французовъ произошла мгновенно новый органическій процессъ, чувства и мысли французовъ превратились бы въ нѣчто необычайно хорошее и зацвѣли бы повсюду ровы и зацвѣли соловьи. Но увы! ни одинъ декретъ и ни одинъ администраторъ въ мірѣ не создали еще ни одной новой идеи, не проложили ни одной тропинки для человѣчества; все великое, въ чемъ выразился прогрессъ мысли—христіанство, реформація, уничтоженіе всей средневѣковой гнили и феодальныхъ мерзостей,—все это создано не декретами, а именно той народною силой, противъ свободнаго проявленія которой ратовали всегда и повсюду близорукіе правители, подобные Наполеону I.

Но въ то время, какъ всевозможныя французскія правительства наперерывъ старались осчастливить Францію законодательнымъ путемъ,—пролетарій, нуждавшійся больше всѣхъ въ счастья, сожалѣлъ тоже свое положеніе. Соображенія его были иногда довольно глухи, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, начать соображать сразу умно. Прежде всего, конечно, пролетарію хотѣлось сдѣлаться богатымъ, потому что, во первыхъ, богатымъ быть хорошо; а во вторыхъ, захотѣвъ сдѣлаться богачемъ, пролетарій вообразилъ, что если онъ переберетъ стекла въ домахъ богатыхъ людей и переможетъ

все машины, что богатство само собой снизойдетъ въ его карманы, стеклы были разбиты, машины переломаны; но карманы пролетарія оставались по-прежнему пусты: Это его озадачило и онъ принялся думать еще разъ. Такимъ образомъ путемъ собственного размышления и благодаря усилиямъ мыслящихъ людей Франціи, пролетарій кромѣ своей мускульной силы сталъ искать для своей опоры еще другой силы—умственной. Это сближеніе двухъ различныхъ лагерей пролетаріата соединило въ одну группу представителей мысли и ручнаго труда, сдѣлало ихъ солидарными и связало общностью интересовъ и стремленій. Эта солидарность, давая каждой сторонѣ то, чего у нея недостаетъ, т. е. мускульной силѣ — силу умственную и умственной — силу мускульную, создаетъ изъ пролетаріата важнѣйшаго современнаго историческаго двигателя, о которомъ лордъ Честерфильдъ, если бы онъ жилъ въ наше время, поудержался бы высказать свой знаменитый афоризмъ—

и Благодаря тому, что лучшія мускульныя силы Франціи соединились съ ея лучшими умственными силами, пролетарій скоро понялъ, что битые стекла не ведутъ ни къ чему; что законъ не спасетъ его отъ нищеты и никакой администраторъ не придумаетъ для него что либо лучше того, что онъ самъ выдумаетъ; что на постороннюю помощь надѣяться нечего; что нужно вылезть изъ помочей и идти своими собственными ногами по дорогѣ, устроенной собственными руками; однимъ словомъ, что, не полагаясь на благодѣтелей человечества и разныхъ благотворителей, нужно самому созидать свое собственное счастье, и что только тогда оно и будетъ прочно. Какъ только пролетарій выдумалъ такую хорошую вещь, у него сейчасъ же сложилась и формула для его осуществленія—ассоціація. Конечно, и тутъ не обошлось безъ неудачныхъ попытокъ и опытовъ, но что же изъ этого? Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, одной только Минервѣ удалось явиться на свѣтъ сразу во всеоружіи своей мудрости. Пролетарій не Минерва, и отъ этого ему не хуже, пожалуй что ничого не можетъ быть глупѣе, какъ явиться въ міръ сразу непроходимымъ мудрецомъ, и если бы подобное несчастье постигло когда-либо человечество, то съ того же момента прекратилась бы всякая умственная дѣятельность и умственная жизнь. Впрочемъ, все это неважно, потому что оно слишкомъ отдаленно или невозможно, и намъ, русскимъ, подобная повальная опасность рѣшительно не угрожаетъ; значить, мы можемъ спать, по-прежнему,

спокойно. Гораздо важѣе то, что формула, придуманная пролетаріемъ, всё его теоретическія и практическія попытки къ развитію и осуществленію ея составляютъ единственную сущность европейской исторіи XIX вѣка, и что экономической ассоціаціи предстоитъ сдѣлаться въ будущемъ полной представительницей всѣхъ общественныхъ интересовъ и поглотить въ себя все то, что выражалось до сихъ поръ формулой государства.

Изъ какихъ признаковъ слѣдуетъ вывести такое заключеніе? Читатель увидитъ изъ всего того, что я скажу дальше.

II.

Французы, производя свою первую революцію, увлекались только смутнымъ желаніемъ къ чему-то другому, лучшему, но рѣшительно еще не знали, какъ и чѣмъ можно его достигнуть; только въ этомъ и причина, что явилась возможность возстановленія стараго порядка. Если бы существовала точная и опредѣленная формула новаго экономического быта, то, конечно, дѣла во Франціи сложились бы иначе.

Когда изъ революціи возникъ новый политическій порядокъ и прежніе голодные бѣдняки остались по прежнему голодными, то лучшіе умы тотчасъ же устремились на изысканіе чисто экономическихъ вопросовъ, и явились двѣ системы, какъ представительницы двухъ крайнихъ ученій. Одна, выставившая своихъ представителей въ Англіи, другая — во Франціи. Представителемъ англійской системы служитъ Мальтусъ, съ его ученіемъ о народонаселеніи; представителемъ французской — Бабезъ, съ ученіемъ о собственности. Ученіе Мальтуса нашло себѣ обширныхъ послѣдователей между собственниками и людьми средняго сословія; ученіе же Бабеза провнело къ рабочимъ и имѣло огромное вліяніе на послѣдующія движенія пролетарія. Англійская школа исходитъ изъ того принципа, что существующій общественный порядокъ есть самый лучший и что все дѣло заключается лишь въ томъ, чтобы увеличивать богатство; поэтому англичане обращали все свое вниманіе только на изолученіе условій, отъ которыхъ зависитъ возвышеніе національной собственности. Французы же, напротивъ, производительность не считаютъ послѣдней цѣлью экономической науки, а смѣряться на нее,

какъ на средство для достиженія общаго счастья. Мальтусъ, какъ представитель одной крайности, проповѣдуетъ полнѣйшій эгоизмъ, доходящій даже до дѣтубійства; а Бабеевъ, восставая противъ всего существующаго, доводитъ общественное равенство до послѣднихъ крайностей коммунизма.

Мальтусъ вычислилъ, что народонаселеніе каждой страны имѣетъ стремленіе удвоиваться въ 25 дѣтъ, въ геометрической прогрессіи, тогда какъ предметы пищи увеличиваются только въ арифметической прогрессіи. И поэтому, народонаселеніе стремится постоянно къ тому, чтобы превзойти существующій для него запасъ продовольствія. Эта теорія привела Мальтуса къ самымъ крайнимъ и убійственнымъ-нелѣпнымъ выводамъ. «Пусть, сказалъ онъ, каждый въ этомъ мѣрѣ отвѣчаетъ только за себя; тѣмъ хуже для тѣхъ, кого слишкомъ много тамъ внизу. Будетъ черезчуръ щедро давать хлѣбъ всѣмъ тѣмъ, кто умираетъ съ голоду; кто знаетъ, останется ли тогда довольно хлѣба для богатыхъ? Такъ какъ народонаселеніе стремится неутомимо превзойти средства своего продовольствія, то состраданіе есть глупость, поощреніе нищеты! Человѣкъ, родившійся въ мѣрѣ, уже занятый исполнѣ людьми, если родители не имѣютъ средствъ его прокормить или общество не нуждается въ его работѣ, тоной человѣкъ, говорю я, не имѣетъ ни малѣйшаго права помогать самой малой части пищи, потому что онъ—лишній на землѣ. На большомъ пиру природы для него нѣтъ прибора. И если этотъ лишній не догадается убраться, то природа сама исполнитъ надъ нимъ свой приговоръ.»

Ученіе Мальтуса нашло себѣ сильныхъ послѣдователей, существующихъ еще и до сихъ поръ. А въ тѣ времена, когда его теорія только-что явилась, ученики его, какъ-будто изъ соревнованія желавшіе превзойти въ послѣдовательности своего учителя, предложили для спасенія человечества разныя до того гнусныя средства, что для чести послѣдователей, конечно, лучше предположить, что господа эти были не въ своемъ умѣ. Для удержанія народонаселенія отъ великаго размноженія, они предлагали запретить бѣднымъ бракъ, прекривительствовать разврату, узаконить истребленіе плода, задушенію новорожденныхъ дѣтей, кастрацію и тому подобныя остроумныя и замысловатыя средства. Виѣстѣ съ тѣмъ, предлагали закрыть всѣ воспитательныя дома, общественныя больницы, благотворительныя заведенія и препратить всякую помощь и вспомоцествованія

бѣднѣмъ, для того, «чтобы съ банкета природы не могла свалиться гроша и не дала бы никому обманчивой надежды,» — Истинно сумасшедшіе люди!

Потому что Мальтусъ и его послѣдователи считали всѣхъ бѣдняковъ лишними на землѣ, ученіе это никакъ не могло встрѣтить сочувствія въ пролетаріѣ. Но и не-пролетаріи, владѣвшіе здравымъ смысломъ, понимали очень хорошо, что Мальтусъ заврался отъ налицней учености. Сильный, послѣдовательный умъ, разумѣется, — хорошая вещь, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и вещь опасная, потому что если онъ ошибается, то онъ ошибается такъ, какъ не съумѣютъ сдѣлать этого всѣ дураки въ мірѣ. Такъ именно и напакостилъ Мальтусъ; даже и теперь, чрезъ 60 лѣтъ, еще не перевелось такіе мыслители, которые проповѣдуютъ необходимость «благоразумнаго воздержанія» и не видятъ другого средства предупредить матеріальныя лишения, какъ запретивъ бѣднымъ имѣть дѣтей. Бѣдныя, разумѣется, сѣются надъ этой чепухой, и какъ любовь для нихъ единственная улада жизни, то они съ большимъ усердіемъ и занимаются размноженіемъ человѣческаго рода.

Мальтусъ, разумѣется, не пришелъ бы къ такимъ печальнымъ выводамъ, если бы основывалъ свои соображенія на точныхъ данныхъ; но какъ точныхъ данныхъ у него не имѣлось и двѣ прогрессіи — арифметическая и геометрическая, — вѣртыя имъ въ основаніе, были сочинены имъ самими, то вывелъ чудовищный выводъ. Точно съ такимъ же успѣхомъ Мальтусъ могъ бы сочинить, что родъ человѣческій будетъ поѣденъ, наконецъ, тиграми и львами; стоило только предположить, что люди размножаются въ арифметической прогрессіи, а львы и тигры въ геометрической. — Заблужденіе Мальтуса и его послѣдователей поучительно тѣмъ, что показываетъ, на сколько полужаніе и ученые ошибки приносятъ человечеству вреда, и какъ онѣ ведутъ къ отвратительнымъ реакціонернымъ мыслямъ. Этими погрѣшаютъ особенно тѣ полужаніи, для которыхъ исторія служитъ великимъ наставникомъ, единственно въ трусости; для нихъ нѣтъ будущаго, а существуетъ только прошедшее и его уроки паникватности; они живутъ только въ немъ, вполнѣ довольные настоящимъ, боясь всякихъ реформъ и считая всякое измѣненіе общественныхъ отношеній невозможнымъ.

Эти люди консерватизма составляютъ совершенную противоположность темной массѣ бѣдняковъ, незнающей ни исторіи, ни геог-

рабѣи и, тѣмъ не менѣе, производившей великія социальныя давленія и прѣвороты. Въ этомъ отношеніи темная масса пролетаріевъ совершенно сходится съ своими умственными представителями. И тѣ, и другіе живутъ въ своемъ мірѣ внѣ гражданскихъ идей, узаконенныхъ полузнайками; они не признаютъ ни прочности, ни необходимости существующихъ - общественныхъ формъ, а потому и являются нерѣдко вратами государства и его учреждений. Для этихъ людей, невидущихъ для себя никакихъ уроковъ и руководства въ прошедшемъ, существуетъ только одно будущее, къ которому они и стремятся; они не умѣютъ ни считать, ни рассчитывать по пальцамъ, какъ Мальтусъ и всѣ послѣдователи его принципа; ихъ ничѣмъ не убѣдишь, что природа устроила банкеты только для Ивановъ, а всѣ Петры должны умирать съ голоду; они твердятъ свое, что на пиру природы есть всѣмъ мѣсто, и Петрамъ, и Иванамъ, стоитъ только расцѣпиться получше; вѣруя безусловно, что Богъ устроилъ міръ такъ, что производительность природы не изсякнетъ и для всѣхъ достанетъ хлѣба и одежды, они надѣются достигнуть лучшаго нѣкоторыми измѣненіями экономическихъ отношеній и инымъ распредѣленіемъ собственности. Въ то время, какъ мальтузіанцы и вообще англійское экономическое ученіе хотѣтъ только увеличивать національное богатство, противная сторона объявляетъ дурнымъ все существующее и требуетъ благосостоянія каждаго отдѣльнаго лица. — Я уже сказалъ, что крайнимъ представителемъ этого послѣдняго ученія былъ Бабефъ.

Дѣло Бабефа, въ томъ видѣ, какъ онъ его устроивалъ, проиграно, и самому Бабефу не пришлось пережить его; но сущность не въ этомъ и даже не въ томъ, на сколько лѣтно или нелѣпо ученіе Бабефа для нашего времени. Конечно, ученіе это, въ томъ видѣ, какъ проповѣдывалъ его Бабефъ, не осуществится никогда; но отъ этого историческое значеніе его не убавится, потому что оно уже принесло свои плоды въ прежнихъ движеніяхъ пролетаріата. Въ этомъ смыслѣ Бабефа обходить нельзя, если приходится говорить объ историческомъ ходѣ попытокъ пролетарія выйти изъ своего бѣдственнаго положенія.

Когда французская революція покончила со всѣми привилегіями и уравнила всѣ состоянія въ ихъ гражданскихъ правахъ, тогда весьма естественно было явиться вопросу: если люди равны въ гражданскомъ отношеніи, то не должны ли они быть равны и въ отношеніяхъ экономическихъ? Робеспьеръ же сказалъ съ трибуны, что

«отнынѣ на французской землѣ не будетъ бѣдныхъ». Тѣ, кому хотѣлось, чтобы это красивое изрѣченіе не осталось пустой фразой, отправились тотчасъ же по пути логики дальше и пришли къ заключеніямъ, если и иного характера, чѣмъ Мальтусъ, то не менѣе рѣшительнымъ. Они сообразили такъ: если собственность и капиталъ находятся только въ однѣхъ рукахъ, а другая половина французовъ владѣетъ лишь пустыми карманами, то было бы очень хорошо сдѣлать такой фокусъ, вслѣдствіе котораго часть богатства перешла бы изъ полныхъ кармановъ въ пустые, и всѣ французы сдѣлались бы одинаково богатыми. Но какъ же сдѣлать такое перемѣщеніе имущества? Само собою оно не перейдетъ изъ одного мѣста въ другое, а добровольно богачи тоже не захотятъ опрастывать свои карманы. Бабефъ рѣшилъ, что осуществленіе этого плана заключается въ слѣдующемъ:

Каждое отдѣльное лицо отказывается отъ своихъ правъ въ пользу правительства, которое беретъ на себя обязанность обезпечить каждому приличное и достаточное существованіе.

Община даетъ каждому своему члену здоровое, удобное и чисто меблированное помѣщеніе и достаточное количество пищи, состоящей изъ говядины, рыбы, дичи, яицъ, масла, вина и другихъ напитковъ, овощей, плодовъ, всякой зелени и т. д.

Всѣ живутъ по строго-опредѣленному и строго-исполняемому плану; проявленіе личныхъ склонностей и стремленій не допускается; каждому точно назначено его мѣсто и его работа, и онъ исполняетъ въ точности указаніе коммуны. Результаты труда поступаютъ въ распоряженіе правительства, которое уже заботится о всѣхъ пущахъ отдѣльныхъ лицъ и удовлетворяетъ ихъ съ безусловной справедливостью, такъ чтобы всѣ были довольны и счастливы.

Община же заботится и о воспитаніи, которое имѣетъ чисто практическій, реальный характеръ и совершенно одинаково для всѣхъ. Философія, теологія, поэзія, ваяніе и живопись признаны вещами бесполезными, мѣшающими только дѣльнымъ занятіямъ, и потому совершенно изгнаны изъ преподаванія.

Многое изъ этого, конечно, весьма нелѣпо; но, тѣмъ не менѣе, Бабефъ имѣлъ все-таки громадное вліяніе на послѣдующія движенія французскаго экономическаго движенія. Вліяніе это заключалось не въ томъ, чтобы пролетаріи желали поселиться въ казармахъ, по способу Бабефа, и превратиться въ автоматовъ, а въ томъ, что они

находили правильную мысль о равнодѣльномъ обезпеченіи каждаго члена общества.

Бабезъ не былъ только кабинетный мыслитель, но человѣкъ дѣйствій, и потому, какъ только въ его головѣ сложился планъ новаго экономическаго порядка, онъ тотчасъ же задумалъ принести его въ исполненіе. Но Бабезъ дѣйствовалъ такимъ путемъ, на которомъ можно подвигаться только при полной увѣренности въ успѣхѣ, потому что въ случаѣ неудачи приходится платиться очень дорого.

Преобразователи болѣе мирнаго характера дѣйствовали иначе. Одни изъ нихъ ограничивались исключительно составленіемъ проектовъ и хотѣли осуществить ихъ мирнымъ же путемъ, посредствомъ примѣра и убѣжденія. Они стремились создать ассоціацію, и посредствомъ нея разрѣшить современный экономическій вопросъ. Къ такимъ мирнымъ преобразователямъ принадлежали Сень-Симонъ, Фурье и Овенъ.

Робертъ-Овенъ, по своимъ принципамъ и тенденціямъ, принадлежитъ къ французской экономической школѣ, хотя родомъ и англичанинъ.

Онъ началъ свою торговую карьеру съ очень незначительныхъ степеней и былъ долгое время въ разныхъ мѣстахъ купеческимъ прикащикомъ; наконецъ, ему удалось попасть въ компаньоны къ одному манчестерскому бумагопрядильному фабриканту и получать въ управленіе прядильню, устроенную ввозъ въ Нью-Данаргъ.

Овенъ нашелъ фабрику въ самомъ печальномъ положеніи; но еще печальнѣе было экономическое и нравственное положеніе мѣстныхъ обитателей. Не смотря на то, онъ принялся за осуществленіе своихъ преобразовательныхъ плановъ, и въ четыре года ему удалось это нравственное и экономическое болото превратить въ цвѣтущій садъ довольства и человѣческаго благополучія.

Чтобы достигнуть такого поразительнаго результата, приведшаго въ изумленіе всю Европу, Овенъ не употреблялъ ни нравственно-исправительныхъ средствъ глубокомысленныхъ нѣмцевъ, ни тѣмъ менѣе остроумныхъ исправительныхъ способовъ турокъ и китайцевъ. Наперекоръ общему мнѣнію европейскихъ криминалистовъ, юристовъ и моралистовъ, онъ дѣйствовалъ исключительно простотой и терпимостью, исходя изъ того положенія, что характеръ человѣка образуется воспитаніемъ и обстоятельствами. По теоріи Овена, человѣкъ отъ природы ни злъ, ни добръ, но изъ управляетъ то, что его

ограждает и что на него дѣйствуетъ. Если все окружающее ведётъ его къ хорошему—онъ будетъ хорошъ, если же къ худому, то будетъ худъ. Изъ этого Овенъ выводилъ, что худого наказывать не за что, потому что въ худомъ виновать не онъ, а обстоятельства, и что если общество должно быть поставлено въ хорошее положеніе, то слѣдуетъ удалить все то, что имѣетъ на людей вредное вліяніе.

Съ этой-то простой системой, Овенъ создалъ въ Нью-Ланаркѣ тѣ чудеса человѣческаго счастья, на которыя прѣзжали смотрѣть даже многіе повелители Европы или, по просту, короли. Чудеса эти заключались въ томъ, что исчезли бѣдность, лѣнь, невѣжество, распутство, воровство, ссоры и равныя другія гадости, которыми слазилась прежняя колонія Нью-Ланарка, и, вмѣсто ихъ, явились прилежаніе, дѣятельность, умѣренность, братская любовь, благостояніе. Доходы съ прядильни возросли необычайно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, улучшалось ежедневное положеніе рабочихъ. У всѣхъ жителей Нью-Ланарка,—а ихъ было 2000,—явились красивые дома съ садами; для холостыхъ былъ выстроенъ просторный домъ, въ которомъ они жили вмѣстѣ и имѣли общій столъ. Запасы пищи покупались для всей колоніи оптомъ, что дѣлало большую экономію. Наконецъ, самымъ замѣчательнымъ и новымъ для Англіи явленіемъ было учрежденіе школы, въ которой не учили ничему тому, что составляетъ особенность какой бы то ни было религіозной секты. Это дѣло было предоставлено родителямъ. Другая особенность, тоже небывалая для Англіи, заключалась въ сокращеніи рабочаго времени: въ Ланаркѣ работали двумя часами монѣе, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ фабрикахъ, и ближайшимъ результатомъ этого была большая дѣятельность со стороны рабочихъ и лучшее физическое здоровье.

Какъ ни поразителенъ былъ этотъ результатъ, но онъ не удовлетворялъ Овена. Ему хотѣлось сдѣлать что нибудь еще больше, а главное, дѣйствовать съ большей свободой, чѣмъ въ Нью-Ланаркѣ, гдѣ онъ былъ только управляющимъ, слѣдовательно, неполнымъ хозяиномъ.

Свою систему, во всѣхъ ея подробностяхъ, Овенъ развилъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ и въ равныхъ журнальныхъ статьяхъ, наконецъ въ рѣчахъ и лекціяхъ. Основная мысль оставалась у него всегда одна и та же,—что человѣкъ образуется окружающими его обстоятельствами. Злодѣй, преступникъ, въ глазахъ Овена, только

больные, повинующіе вызывать состраданіе, и если они вредны для общества, то должны быть устроены лазареты для помѣщенія въ него всѣхъ тѣхъ, чья нравственность страдаетъ. На воспитаніе должно быть обращено особенное вниманіе, такъ какъ отъ него зависятъ больше всего порча характера и развитіе наклонности ко лжи. Всѣмъ должно быть даваемо одинаковое воспитаніе.

На религію Овенъ имѣлъ тоже своеобразный взглядъ. По его мнѣнію, религія заключается въ доброжелательствѣ и любви къ ближнему. «Единственное и истинное счастье, говоритъ онъ, къ которому способенъ человѣкъ, заключается въ добрѣ, въ наслажденіи доставить радость ближнему, Любить другъ друга обоюдно, служить одинъ другому, жить умѣренно и счастливо—значитъ угождать Богу.»

Чтобы достигнуть здѣсь, на землѣ, вершины счастья, должно, по мнѣнію Овена, существовать полное братство; никакое превосходство, какъ умственное, такъ и матеріальное, не должно быть терпимо. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы Овенъ хотѣлъ, чтобы всѣ люди были одинаково глупы, и способности и таланты изгонялись изъ общества, какъ могутъ подумать читатели, недостаточно внимавшіе въ основную мысль системы Овена. Ньютонъ можетъ быть гениальнымъ человѣкомъ, сколько ему угодно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ долженъ подавлять своимъ умственнымъ величіемъ какого нибудь штукатура, невмѣющаго никакого понятія о квадратныхъ корняхъ или таблицѣ умноженія.

Чтобы осуществить свою систему, Овенъ старался познакомить съ нею, во первыхъ, публику, для чего читалъ лекціи, писалъ статьи и даже цѣлыя книги; а во вторыхъ, старался устроить связь съ сильными міра сего. Успѣхъ Нью-Данарга очень помогъ ему въ этомъ, такъ что онъ надѣялся на помощь не только богатыхъ филантроповъ, но даже и монарховъ. Но, не смотря на всѣ свои усилія и на участіе и готовность помощи со стороны правителей и правительственныхъ лицъ, наконецъ, на сочувствіе вообще англичанъ, Овену не удалось достигнуть своей цѣли, т. е. купить въ Шотландіи 500 моргеновъ земли и устроить на ней свою колонію. Успѣху Овена между сильными Англіи, а слѣдовательно, и успѣху предприятия помѣшала его собственная неосторожность. На одномъ изъ собраній въ Лондонѣ онъ высказалъ довольно свободное мнѣніе на счетъ всѣхъ существующихъ религій, и тѣмъ оттолкнулъ отъ себя многочисленную и сильную партію. Объ этомъ обстоятельствѣ Овенъ

говорить, «когда я шелъ на этотъ митингъ, я былъ самый популярный человекъ во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ и имѣлъ наибольшее вліяніе между большинствомъ членовъ кабинета и правительства. Я шелъ до собранія съ рѣшимостью однимъ выраженіемъ разрушить свою популярность».

И Овенъ дѣйствительно разрушилъ ее. Видя неудачу въ Англии, онъ отправился, въ 1824 году, въ Америку, гдѣ надѣялся купить землю подешевле и устроить образцовую колонію на свой собственный счетъ. Но Нью-Гармони, устроенная въ Америкѣ, удалась Овену не такъ, какъ Нью-Ланаркъ въ Англии. Главнѣйшая причина заключалась въ томъ, что набралась всякая сволочь, которую, конечно, было уже поздно обращать въ совершенство трудолюбія и нравственности. Въ Нью-Ланаркѣ было другое; тамошнее поселеніе по образованію и образу жизни стояло гораздо выше американскихъ колонистовъ Овена, и этотъ по истинѣ образцовый человекъ могъ имѣть на нихъ безъ труда вліяніе своимъ авторитетомъ и безукорыненнымъ примѣромъ. Въ Нью-Гармони набрались люди другого сорта, съ которыми десять Овеновъ не сдѣлали бы ровно ничего. Увлеченный своей любовью къ человечеству и одушевленный стремленіемъ осчастливить ближняго, Овенъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство и взялся за дѣло, на которое у него не достало силъ. Конечно, въ этомъ виновата не теорія Овена и основанія его системы, а виноваты тѣ, кто не дозрѣлъ до пониманія его ученія. Только въ этомъ и причина, почему и Овенъ, и его послѣдователи потерпѣли неудачи, и ни одна изъ колоній, кромѣ Нью-Ланаркской, не удалась.

Но обстоятельство это важно совсѣмъ не по своему неудачному концу — заслуги Овена и его историческая роль въ вопросѣ рабочихъ ассоціацій оттого не уменьшается, — а важно обстоятельство это тѣмъ, что одного внѣшняго вліянія — будь то вліяніе первокласснѣйшаго генія, — еще недостаточно, если ему приходится стучать въ безответный кирпичъ. Этимъ способомъ можно управлять обширнѣйшими, огромнѣйшими арміями, хотя бы въ нихъ считались десятки милліоновъ солдатъ; но нельзя управлять экономической колоніей даже въ 2000 человекъ. Для развитія общины на экономическо-соціальныхъ началахъ, должны существовать между ея членами не только полнѣйшая экономическая и общественная солидарность, но и полное сознаніе связующихъ общину принциповъ, т. е.

развитіе и зрѣлость всѣхъ членовъ. Нѣтъ сомнѣній, что въ Англіи Овену удалось бы создать нѣсколько цвѣтущихъ колоній, въ родѣ Нью-Данаркской; но осуществиться этой системѣ во всей массѣ европейскаго рабочаго населенія еще не пришло время. Въ этомъ вся и разгадка. Иванъ Гуссъ былъ сожженъ не потому, чтобы то, что онъ говорилъ, было не умно; а только потому, что онъ говорилъ очень умныя вещи слишкомъ рано. Пропаганда Овена могла бы создать колоніи экономическихъ сектаторовъ, но никогда бы не создала общеевропейской сѣти колоній, о которой мечтали Овенъ. И потому Овенъ долженъ былъ умереть, не дождавшись осуществленія своей идеи, какъ умерли и другіе, подобныя ему замѣчательныя личности, мечтавшія увидѣть человѣчество счастливымъ еще при своей жизни. Но что же изъ этого? И неужели урокъ, извлеченный пролетаріемъ изъ неудавшихся попытокъ Овена, менѣе оттого поучителенъ? Примѣръ Овена важенъ тѣмъ, что показываетъ, на сколько вліятельна инициатива одной замѣчательной личности, когда все остальное спитъ или неспособно думать; а еще важнѣе тѣмъ, что, показавъ пролетарію, какъ примѣръ этотъ при всей важности воспитательной инициативы одного энергическаго человѣка, открывающаго новый свѣтъ тысячамъ темныхъ людей, назидателенъ чтобы они сами создавали и устраивали свое счастье. Этимъ-то урокомъ и воспользовался пролетарій новѣйшаго времени.

III.

Послѣ Овена въ развитіи идеи рабочихъ ассоціацій наибольшая заслуга принадлежитъ Карлу Фурье.

Между чудаками, любившими человѣчество до мономаніи и всѣми силами хотѣвшими сдѣлать его счастливымъ, Фурье занимаетъ, конечно, одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ; и самъ Фурье очень хорошо зналъ это. Онъ даже нисколько не стѣснялся высказывать совершенно прямо свое мнѣніе о собственной заслугѣ. Хотя мнѣніе это высказывалось съ полнѣйшей искренностью честнаго человѣка, очень хорошо знающаго все великое значеніе идеи, которую онъ разрабатывалъ, но, тѣмъ не менѣе, нашлись однако люди, которымъ эта искренность показалась и глупой, и самонадѣянной. Фурье, напавъ на мысль рабочихъ ассоціацій и прослѣдивъ послѣдовательно всѣ

практическіе результаты, къ которымъ могутъ привести людей союзы, составляемые съ чисто-экономическими и промышленными цѣлями, былъ до того пораженъ своими выводами, что считалъ свою систему самымъ важнымъ открытіемъ изъ всѣхъ, какія удалось до него сдѣлать людямъ. Фурье говоритъ, что когда онъ приступалъ къ разработкѣ своей системы, то видѣлъ, что ему принадлежитъ честь открытія того, чего не могло открыть человѣчество въ теченіе 25 столѣтій и на что не обращалось вниманія въ теченіе множества вѣковъ; что наука не сдѣлала до сихъ поръ ровно ничего полезнаго обществу; что она не придумала ровно никакого средства противъ бѣдности; что онъ разрѣшилъ проблему, о которой до него если и думали, но разрѣшить были все-таки не въ состояніи; что когда онъ приступалъ къ своимъ соображеніямъ, то никакъ не думалъ, что они приведутъ его къ теоріи судьбы человѣчества. «Я, говоритъ Фурье, приношу собой міру большее сокровище знаній, чѣмъ сопровожда, открытыя въ золотыхъ росыпяхъ Америки. Для себя я удержу изъ него только одне—разработку вопросовъ, касающихся соціальнаго прогресса общества, а все остальное предоставляю другимъ ученымъ, нуждающимся въ обогащеніи своей мысли. Всѣ знанія были до сихъ поръ уже исчерпаны, но все измѣнится, и ученые отъ теперешней ихъ безусловной нищеты достигнутъ величайшаго богатства. Они приобрѣтутъ тѣмъ большую славу, что будутъ первыми, кто разработаетъ этотъ рудникъ знанія. Только когда я опубликую свое второе сочиненіе, ученые будутъ въ состояніи понять, какой доставляю я имъ матеріалъ для составленія новой науки,—единственной, имѣющей точный характеръ. Что нужно сказать о томъ ураганѣ, который ниспровергнетъ идоловъ старой цивилизаціи и старой науки?.. Я докажу, что цивилизація, отъ которой наконецъ освободится человѣчество, была чистой болѣзью, какъ прорѣзываніе зубовъ у дѣтей, и что эта болѣзнь, продолжавшаяся 5000 лѣтъ, произошла отъ неосмотрительности философовъ, не занимавшихся разработкой вопроса объ ассоціаціяхъ. Мы будемъ свидѣтелями зрѣлища, которое можетъ случиться въ мірѣ разъ, и переходъ этотъ будетъ самымъ блестящимъ событіемъ, какое только можетъ совершиться въ мірѣ. Каждый годъ, въ теченіе этого превращенія, будетъ имѣть большую цѣну, чѣмъ прежде цѣны столѣтій, и вызоветъ рядъ поразительныхъ событій, о которыхъ невозможно говорить, не приготовившись предварительно; такъ что описаніе ихъ

долженъ отложить до третьяго своего сочиненія. Нужно будетъ весьма осторожно говорить о томъ счастья, которое доставятъ людямъ ассоціаціи.— Убитые привычкою къ несчастью и философскимъ незнаніемъ, люди думали до сихъ поръ, что Богъ обрекъ ихъ только для страданій или для умѣренного счастья, и они не могутъ привыкнуть внезапно къ представленію ожидающаго ихъ благополучія. Умъ человѣческой смутится, если безъ всякой осторожности представить людямъ перспективу счастья, которымъ они, въ теченіи очень короткаго времени, начнутъ владѣть; потому что намъ нужно наибольшее два года, чтобы устроить ассоціаціи въ каждомъ кантонѣ, и меньше шести лѣтъ, чтобы окончить преобразование всего міра, какъ напр., добровольное присоединеніе дикарей къ цивилизованному и промышленному міру, освобожденіе ими своихъ женщинъ и рабовъ и т. д. Открытіе, которое я сдѣлалъ, освободить человѣческой родъ изъ хаоса и доставить людямъ большее счастье, чѣмъ можно имѣть смѣлость желать. Наибольшее препятствіе, представляющееся мнѣ при этомъ, заключается въ томъ, что я долженъ объявить человѣческому роду о такомъ неслыханномъ для него благополучіи, о которомъ онъ въ теченіи 5000 лѣтъ не смѣлъ и думать. Мои слова приняли бы лучше, если бы я возвѣстилъ умѣренное счастье, и это заставило меня нарисовать картину будущаго блаженства красками болѣе свѣтлыми.»

Въ этихъ простыхъ словахъ челоѣка, провидѣвшаго всю важность промышленныхъ ассоціацій и громадность переворота, который онѣ проведутъ въ общественномъ строѣ всего міра, но имѣвшаго слабость увлечься любимой идеей до того, что онъ считалъ возможнымъ осуществленіе ея во всей Франціи въ теченіе двухъ лѣтъ, филистеры увидѣли безпредѣльную самонадѣянность и безуміе глупца, болтающаго пустяки. Но что сказали бы филистеры прошлаго столѣтія, если бы имъ объявилъ кто нибудь, что чрезъ 50 лѣтъ можно будетъ ѣздить по земаѣ безъ лошадей, съ быстротою 50 верстъ въ часъ; что можно будетъ передавать извѣстіе изъ Парижа въ Петербургъ въ пять минутъ; что при посредствѣ пара можно будетъ переплывать океаны съ двойной противъ прежняго скоростью, не зная штилей, и въ безвѣтренную погоду еще скорѣе, чѣмъ при вѣтрѣ? Филистеры сказали бы, что безумцы, проповѣдующіе такія нелѣпости, не стоятъ даже того, чтобы сажать ихъ въ сумасшедшій домъ; потому что каждому разсудительному челоѣку

очевидна вся вздорность подобной болтовни. Филистеры же менѣе умѣренные объявили бы прорицателей гнусными людьми, возмущающими общественное спокойствіе и потому подлежащими помѣщенію ихъ въ тѣсномъ заключеніи. Между тѣмъ, вся гнусность этихъ людей заключалась только въ томъ, что они сознали, что въ ихъ время ѣзда совершается тихо и извѣстія передаются медленно; что то и другое современемъ должно совершаться гораздо быстрѣе; а главное, что, глядя на пророковъ, начали говорить тоже самое и множество другихъ людей, никогда прежде не думавшихъ о томъ, что можно ѣздить скорѣе.

Заслуга Фурье въ томъ и состоитъ, что онъ указалъ всю важность коллективной силы людей, способную измѣнить совершенно фizioномію міра. Чтобы выставить значеніе этой силы нагляднѣе, Фурье считалъ необходимымъ нарисовать картину будущаго человѣческаго благополучія. И въ этомъ случаѣ онъ рассуждалъ совершенно правильно, хотя его и не поняли. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что въ мірѣ произойдутъ непремѣнно тѣ самыя перемѣны, которыя выдумалъ Фурье; а въ томъ, что перемѣны случатся неизбежно, и случатся онѣ къ лучшему и создадутъ на землѣ дѣйствительно высокое благополучіе, о которомъ всѣ предыдущія поколѣнія не смѣли даже и мечтать. Пусть частности, измышленныя Фурье, — совершенный вздоръ; но отъ этого его главная идея не становится не только менѣе справедливой или важной, но еще и выигрываетъ, потому что обыкновенный читатель видитъ яснѣе всю практическую важность коллективныхъ усилій людей, направленныхъ къ одной цѣли.

Конечно, Фурье былъ совершенно незнакомъ съ естественными науками и потому предположилъ множество рѣшительно невозможныхъ фантазій. Онъ, наприимѣръ, вычислилъ, что человѣческая душа перемѣнитъ 810 различныхъ формъ, пока она посѣтитъ всѣ міры и опять воротится на землю. Въ этомъ числѣ 720 лѣтъ будетъ счастливыхъ, 45 благоприятныхъ и 45 несчастныхъ. Самыя избранныя души переселятся на солнце. Далѣе, онъ рассчиталъ, что человѣческая душа, проживъ на землѣ 80,000 лѣтъ, отправится путешествовать по планетамъ, и что конецъ міру наступитъ тогда, когда родъ человѣческій насладится 70,000 лѣтъ тѣмъ свѣтомъ, который явится на сѣверномъ полюсѣ. Этотъ свѣтъ долженъ былъ произвести великія чудеса; онъ измѣнитъ органы и чувства людей,

онъ согрѣетъ сѣверный полюсъ, онъ превратитъ моря въ лимонадъ, всѣхъ хищныхъ звѣрей въ полезныхъ домашнихъ животныхъ и т. д. Но нашъ сила сѣвернаго свѣта будетъ ослабѣвать, по мѣрѣ удаленія отъ него морей, те понятно, что не всѣ воды земнаго шара превратятся въ лимонадъ одного качества: въ однихъ лимонадъ будетъ лучше, въ другихъ хуже. Къ морямъ, въ которыхъ будетъ плохой лимонадъ, Фурье причислялъ, между прочимъ, и наши Черное и Каспійское моря. Потому что лимонадъ ихъ хуже, Фурье предполагалъ, что они могутъ годиться для постепеннаго приученія морскихъ рыбъ къ океану, въ которомъ будетъ лимонадъ вышшаго качества.

Съ людьми случатся тоже удивительныя перемѣны. Они получаютъ способность летать, какъ птицы, въ воздухъ и плавать, какъ рыбы, въ водѣ. Ростомъ люди будутъ въ сажень и жить, по меньшей мѣрѣ, 144 года. Но чтобы имъ достигнуть также земноводныхъ свойствъ, конечно, имъ нужно будетъ испытать и нѣкоторыя органическія перемѣны, и измѣненія эти будутъ заключаться въ томъ, что отверстіе, соединяющее оба желудка сердца, можно будетъ открывать и закрывать по произволу и проводить кровь прямо въ сердце, не допуская ея до легкихъ. Какъ все это ни кажется, по видимому, нелѣпнымъ, но тѣмъ не менѣе, оно не представляетъ никакихъ несообразностей и противорѣчій съ теоріей Дарвина, и весь упрекъ, который можно сдѣлать Фурье, заключается лишь въ томъ, что онъ залпнулъ своимъ умственнымъ окомъ ужъ черезчуръ далеко.

Вмѣстѣ съ человѣкомъ произойдутъ перемѣны и во всей природѣ. О лимонадѣ я уже говорилъ. Но полярный свѣтъ будетъ имѣть и другое вліяніе: въ Сибири зацвѣтутъ апельсины и померанцы, потому что наступитъ повсюду теплота; льды Ледовитаго океана растаятъ, и въ Гренландіи будетъ такъ же хорошо, какъ въ Бразиліи; дикіе звѣри измѣнятъ совершенно свой нравъ и сдѣлаются покорными животными человѣка. Левъ станетъ служить человѣку вмѣсто лошади, и Фурье полагаетъ, что царь звѣрей будетъ способенъ для этого всѣхъ остальныхъ животныхъ. Киты, вмѣсто того, чтобы плавать праздно въ океанѣ, какъ это они дѣлаютъ нынѣ, будутъ возить корабли. Фурье, конечно, не зналъ еще ничего о паряходахъ, но если онъ и зналъ, то, во всякомъ случаѣ, придуманный имъ способъ превратить китовъ въ морскихъ почтовыхъ лошадей заслуживаетъ предпочтенія и по дешевизнѣ, и по безопасности,

и по быстротѣ. Въ то время, когда произойдутъ такіа перемѣны на землѣ, остальные міры подвергнутся тоже нѣкоторымъ превращеніямъ; а главное превращеніе будетъ заключаться въ томъ, что нѣкоторыя старыя вещи замѣнятся новыми. Самой старой вещью на небѣ Фурье считалъ мѣсяць; онъ даже предполагалъ, что мѣсяць находится въ состояніи гніенія. Очевидно, что въ такомъ негодномъ видѣ нельзя положиться на луну и требовать отъ нея вполне полезныхъ услугъ; поэтому, на смѣну негоднаго лѣнтя, недѣлающаго своего дѣла, какъ слѣдуетъ, явятся на небѣ новыя звѣзды.

Говоря о перемѣнахъ, какія случатся съ людьми, я забылъ сказать, что вмѣстѣ съ большимъ ростомъ и съ большей продолжительностью жизни явится, конечно, и большая у людей сила. Въ періодъ блаженнаго состоянія каждый будетъ ѣсть семь разъ въ день, именно: въ 5, въ 8, въ 10 часовъ утра, въ 1 часъ послѣ полудня и въ 4, 6 и 10 часовъ вечера. Кушанья будутъ такъ превосходны, что обѣды и остатки стола будутъ лучше обѣдовъ нынѣшнихъ богачей; а кушанья третьяго сорта — роскошнѣе лучшихъ блюдъ лучшаго нынѣшняго царскаго стола. Самый бѣдный и простой человекъ, кромѣ дюжины разнообразныхъ напитковъ, будетъ пить за обѣдомъ отъ 30 до 40 различныхъ кушаньевъ, и самое простое вино будетъ лучше теперяшняго высшаго сорта. Сладости и деликатесы будутъ дешевле хлѣба, и, ради экономіи, бѣднымъ дѣтямъ будутъ давать, вмѣсто хлѣба, пряники и пирожное.

Найдутся читатели, для которыхъ эти блестящіе плоды фантазіи Фурье покажутся дѣйствительнѣе научной сущности его системы. Найдутся такіе, которые, подобно французскимъ филистерамъ, обзовутъ дичью все, что говоритъ Фурье дѣльнаго, только потому, что онъ говоритъ иногда и вздоръ. Но эти строгіе судьи не захотятъ обратить вниманіе на то, что свой вздоръ Фурье говоритъ исключительно для нихъ, ибо они неспособны слушать и принимать дѣло, какъ прилично это взрослымъ и разсудительнымъ людямъ; а нужно завлекать ихъ чтеніемъ, какъ дѣтей, дѣйствуя на воображеніе. Найдутся третьи, которые поймутъ Фурье, какъ слѣдуетъ, и отнесутся къ его фантазіямъ и къ его научной сущности спокойно, головнымъ образомъ, — не съ ироніей и усмѣшкой, а съ тѣмъ уваженіемъ, котораго заслуживаетъ этотъ человекъ, посвятившій всего себя одной идеѣ — принести людямъ пользу, осчастливить человечество. Читателямъ перваго и втораго сорта я бы не совѣтовалъ читать мою

статью дальше, потому что имъ нѣтъ ровно никакого дѣла ни до какой научной сущности. Они совершенно удовлетворены всѣмъ тѣмъ, къ чему привыкли, и никогда въ ихъ головѣ не шевельнется мысль о томъ, на сколько дѣйствительное справедливо, а справедливое возможно. Филистерство загло этихъ людей и погубило въ нихъ всякую способность различать хорошее отъ дурного, выгодное отъ убыточнаго. Экономическія стремленія западнаго пролетарія показали, что не отъ филистеровъ экономическій бытъ можетъ ожидать своего обновления, и что простой человѣкъ стоитъ нравственно гораздо выше западно-европейской цивилизованной черни, вѣчно мѣшавшей справедливымъ стремленіямъ и честнымъ идеямъ бѣдныхъ людей. Конечно, и въ головахъ бѣдныхъ людей не обитаетъ особенно поразительная мудрость; но, во-первыхъ, это неважно, потому что мудрость житейскую придумываютъ пролетаріи иного сорта — аристократы ума; а во-вторыхъ, что бѣдные пролетаріи, не смотря на всю свою немудрость, понимаютъ умныхъ людей гораздо лучше, чѣмъ филистеры, и въ своихъ стремленіяхъ къ экономическимъ преобразованіямъ высказываютъ такую энергію и активность, что трудно понять, почему Фурье думалъ въ два года ввести свою систему во всей Франціи. Фурье ошибся только въ томъ, что рассчитывалъ на одного пролетарія и забылъ о томъ противодѣйствіи, которое должны были обнаружить филистеры-буржуа.

Если судить о Фурье по его океанамъ лимонада и по китамъ, превратившимся въ почтовыхъ лошадей, то, пожалуй, его можно заподозрить въ чудовищной фантазіи, незнающей удержу. На дѣлѣ же это нѣсколько иначе, и Фурье зналъ натуру человѣка гораздо лучше, чѣмъ это можно предполагать, на основаніи его картинъ будущаго земнаго благополучія. Фурье говоритъ, что не существуетъ ни одной страсти, которая бы была худа сама по себѣ. Все зависитъ отъ того, какъ направить страсть, чтобы она, вмѣсто неправильнаго развитія, пошла бы нормальнымъ, полезнымъ путемъ. До сихъ поръ, замѣчаетъ Фурье, вооружались обыкновенно противъ такъ называемыхъ дурныхъ наклонностей; но всѣ усилія моралистовъ и воспитателей оставались безплодными, потому что невозможно переломить природу: выгони ее въ дверь, она войдетъ въ окно. Гораздо лучше направить всѣ усилія къ тому, чтобы этимъ нелюбимымъ или убыточнымъ для общества наклонностямъ дать полезное направленіе.

Отправаясь отъ этого принципа, Фурье относится весьма снис-

ходительно ко многимъ существующимъ учрежденіямъ и не обнаруживаетъ радикализма Овена. По системѣ Фурье, пусть всякій живетъ, какъ ему пріятнѣе, въ формѣ придуманной имъ особой ассоціаціи. Бому хочется — живетъ общиннымъ образомъ; кому нѣтъ — можетъ составить свое отдѣльное хозяйство. Единственное непрѣмное условіе системы Фурье заключается въ томъ, чтобы общину составляли не менѣе 2000 человекъ. Цѣль такого общаго хозяйства заключается въ сбереженіи издержекъ. И расчеты, приводимые Фурье въ подтвержденіе этой мысли, подтверждаютъ вполне правильность его основанія. Во-первыхъ, постройка одного огромнаго дома для 2000 человекъ стоитъ гораздо дешевле, чѣмъ постройка каждымъ семействомъ отдѣльнаго дома, т. е. одинъ громадный домъ на 400—до 500 семействъ потребуетъ менѣе денегъ, чѣмъ 400—500 домовъ. Далѣе, при соединеніи многихъ мелкихъ хозяйствъ въ одно большое, всѣ операціи будутъ совершаться сравнительно съ меньшей потерей времени, труда и издержекъ, если онѣ совершаются въ одно время для всѣхъ. Всѣ закупки и продажи при большихъ оборотахъ обойдутся тоже гораздо выгоднѣе, не только потому, что сдѣлаютъ сбереженіе денежное, но еще и потому, что потребуютъ меньшаго числа агентовъ и комиссіонеровъ. Читателю нетрудно сообразить и самому справедливость этого расчета, если онъ представитъ себѣ 500 отдѣльныхъ семействъ, живущихъ особняками. Въ каждомъ домѣ должна быть одна кухарка; въ каждомъ домѣ, живущемъ отдѣльнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, долженъ быть свой пастухъ; для каждой самой ничтожной операціи нуженъ отдѣльный, особенный трудъ, тогда какъ при соединеніи 500 семействъ въ одно общее хозяйство, вмѣсто пятисотъ кухарокъ, совершенно достаточно пятидесяти, вмѣсто 500 пастуховъ — десяти. На этомъ же основаніи Фурье предположилъ, чтобы и земледѣльческое хозяйство было тоже общиннымъ. Всякій, кто вступаетъ въ общину, отдаетъ свое имущество въ общинную собственность и получаетъ въ замѣнъ того соответственное по цѣнѣ число акцій.

При существующемъ экономическомъ порядкѣ, есть полная возможность жить, не работая, на счетъ труда другихъ; такъ что общество состоитъ изъ членовъ трудящихся и членовъ праздныхъ; въ то же время, трудящіеся члены работаютъ, большею частью, не только безъ особеннаго расположенія къ труду, но нерѣдко даже съ отвращеніемъ къ тому роду занятій, который выпалъ на ихъ долю. Въ

оаланстерѣ этого уже быть не можетъ, потому что страсти и наклонности направлены такъ, что вызывается только полезная и пріятная каждому дѣятельность. Фурье полагаетъ, что различіе въ способностяхъ людей такъ велико, что каждый родъ занятій можетъ найти специальныхъ для него охотниковъ. Такъ, люди съ воинственными наклонностями будутъ заниматься для всѣхъ охотой; любители цвѣтовъ станутъ садовниками; люди, болѣе склонные къ сидячей жизни, выберутъ какое нибудь кабинетное занятіе или умственный трудъ и т. д. Тѣ же, у кого нѣсколько разныхъ наклонностей, напримѣръ, 10, 15, могутъ заняться и десятью или пятнадцатью дѣлами. При этомъ способѣ распредѣленія труда, онъ будетъ пріятенъ каждому трудящемуся и всѣ будутъ работать охотно и съ усердіемъ. Кромѣ пріятности и непріятности труда, весьма важно, чтобы онъ не имѣлъ притупляющаго вліянія на способности. При нынѣшней системѣ раздѣленія труда, когда работникъ долженъ заппматься весь свой вѣкъ какимъ нибудь однимъ, совершенно безсмысленнымъ дѣломъ, умственный кругозоръ его постепенно суживается, и человѣкъ уподобляется наконецъ, по своему тупоумію, волу или барану. Возьмемъ хотя игольное или булавоочное производство. Неоспоримо, что система раздѣленія труда способствуетъ усиленію производства; но также неоспоримо и то, что для общества вовсе невыгодно, когда половина его членовъ, по милости этого усиленнаго производства, сдѣлаются глупѣе быковъ. Но какъ же не затупѣть человѣку, когда онъ изо дня въ день, изъ года въ годъ тянетъ вѣчно проволоку для иголокъ или булавокъ, и больше ничего, или когда онъ весь свой вѣкъ завертываетъ проволоку кружочкомъ и дѣлаетъ изъ нея булавоочную головку или протыкаетъ вѣчно игольные ушки? Не говоря про нескончаемую тоску такого дѣла и, слѣдовательно, возбуждаемое имъ отвращеніе къ подобному притупляющему труду, и самый уровень экономическихъ способностей рабочаго становится все ниже и ниже; рабочій теряетъ общій взглядъ на производство въ полномъ его объемѣ и становится совершенной машиной, способной исключительно къ механическому занятію. Помимо природныхъ способностей, устанавливающихъ умственную разницу между людьми, теперешняя система раздѣленія труда — гаупаго дѣлаетъ еще болѣе глупымъ, мало развитаго притупляетъ окончательно и способнаго превращаетъ въ неспособнаго. Разница въ умственныхъ способностяхъ людей этимъ путемъ значительно усиливается и все рѣзче и рѣзче становится

грань, отдѣляющая людей мысли и работниковъ, занятыхъ умственнымъ трудомъ отъ людей, посвящающихъ всѣ свои силы труду механическому. Чтобы помочь этому горю, Фурье полагаетъ, что система раздѣленія занятій должна быть введена въ фаланстеръ въ самомъ широкомъ размѣрѣ и, для устранения монотонности, занятія должны измѣняться какъ можно чаще. При распредѣленіи занятій, члены общины дѣлятся на группы отъ 7 до 9 человекъ въ каждой, 24—32 группъ составляютъ серію; а серія, взятая вмѣстѣ, — фаланстеру, т. е. полный экономическій комплектъ.

Другой важный экономическій вопросъ, который старается разрѣшить Фурье, заключается въ правильномъ распредѣленіи вознагражденія за трудъ. Нынѣ существуетъ очень много занятій, приносящихъ обществу ровно никакой существенной пользы, а между тѣмъ весьма выгодныхъ для тѣхъ, кто ими занимается. Какая выгода, напримеръ, для Европы, что въ ней есть цѣлое полеище Блонденовъ, Германовъ, Боско и т. п. господъ, упражняющихся въ танцованіи на канатѣ, глотающихъ шпаги и ножи, приготовляющихъ въ шляпѣ яичницы или букеты живыхъ цвѣтовъ? Гораздо было бы выгодноѣ, если бы всѣ эти почтенные паяцы сѣли бы на шоссе и принялись бы за разбиваніе камня. Теперь же, не производя ровно ничего, усиливающего экономическое благосостояніе общества, фокусники только поѣдаютъ даромъ хлѣбъ, приготовляемый для нихъ другими, и заставляютъ этихъ другихъ снабжать себя всѣмъ необходимымъ для жизни. Добродушные люди бѣгутъ смотрѣть на Блондена, тащутъ ему деньги, которые тотъ превращаетъ въ мягкую, роскошную мебель, богатую квартиру, вкусный столъ, гаванскія сигары, пиджаки и т. п. и совершенно счастливы, что, въ замѣнъ этого щедрого приношенія, Блонденъ пройдетъ для нихъ десять шаговъ на канатѣ. Пока общество богато такими простодушными людьми, которымъ пріятно опоражнивать свои карманы и отдавать хлѣбъ и разныя полезныя вещи, чтобы получить, въ замѣнъ ихъ, нѣчто подобное еловой шишкѣ, — неизбѣжны и люди, дающіе своимъ силамъ и способностямъ направленіе, убыточное для общества. Какая нибудь пѣвица, весь талантъ которой заключается въ томъ, что, при всемъ усиліи подражать скрипкѣ или кларнету, она никакъ этого достигнуть не можетъ, обираетъ наивныхъ людей, воображающихъ, что они приносятъ кому бы то ни было пользу своимъ празднымъ музыкальнымъ наслажденіемъ. Между тѣмъ, цѣлый рядъ людей сидитъ въ то же

время на шоссе, защищаясь дырявой рогожей от вѣтра и непогоды, и разбиваетъ камни; десятки тысячъ другихъ рабочихъ дѣлаютъ насыпи и полотно для желѣзныхъ дорогъ, строятъ мосты, машины, фабрики,—однимъ словомъ, кладутъ основаніе тому, чтобы производить и перевозить какъ можно выгоднѣе, разные дѣйствительно-необходимые предметы и вообще доставить своимъ наслаждающимся музыкой собратамъ многообразныя удобства жизни и практическія выгоды, и за весь этотъ дѣйствительно полезный и производительный трудъ получаютъ столько, что едва имѣютъ возможность купить къ своему праздничному обѣду фунтъ мяса. Итальянская пѣвица парижской оперы получить за два часа своего безтолковаго горлодерства гораздо больше, чѣмъ каменотесъ за пять лѣтъ своего постоянного изнурительнаго и голоднаго труда.

Чтобы этого не могло случиться въ фалаистерѣ, Фурье предполагаетъ слѣдующій порядокъ вознагражденія за трудъ. Фурье признаетъ долю участія не только за талантомъ и трудомъ, но и за капиталомъ, и всѣ продукты производства дѣлитъ на 12 частей, изъ которыхъ труду идутъ $\frac{5}{12}$, капиталу $\frac{4}{12}$ и таланту $\frac{3}{12}$. За этимъ главнымъ распредѣленіемъ слѣдуетъ уже вознагражденіе въ частности. Вознагражденіе капиталистовъ очень просто: каждый изъ нихъ получаетъ часть, соотвѣтственную вкладу; но при вознагражденіи за трудъ Фурье предположилъ принять основаніе, совершенно несогласное съ существующимъ порядкомъ. Онъ дѣлитъ трудъ на необходимый, полезный и пріятный, и назначаетъ самое большое вознагражденіе за первый и самое малое за послѣдній. Такимъ дѣленіемъ онъ думаетъ достигнуть того, чтобы дать необходимому труду, какъ напримеръ, расколачиваніе камня на дорогахъ, новую привлекательность, которой онъ теперь не имѣетъ; а работѣ пріятной считаетъ совершенно справедливымъ назначить вознагражденіе меньше, потому что она сама по себѣ доставляетъ вознагражденіе трудящемуся своей привлекательностью. Этимъ средствомъ Фурье думаетъ установить между трудящимися постоянную перемѣну занятій и вѣчный переходъ отъ одного рода труда къ другому, потому что бѣднымъ будетъ всегда возможность выйти изъ своего положенія, взявшись за работу болѣе трудную и, слѣдовательно, болѣе прибыльную. Доля, принадлежащая таланту, будетъ опредѣляться степенью заслугъ, смотря по роду занятій важдаго трудящагося и по мѣсту, имъ занимаемому, въ серіи. А какъ положеніе или должность таланта опредѣляется выбо-

рами, то, слѣдовательно, и самое вознагражденіе будетъ основываться на признанной всѣми заранѣе пользѣ таланта. — Очевидно, что Блондену или Боско пришлось бы въ фаланстерѣ плохо.

Фурье принадлежитъ къ числу писателей ранняго періода развитія новыхъ экономическихъ идей. Главная его заслуга заключается, какъ я уже сказалъ, въ правильной оцѣнкѣ экономического могущества ассоціаций и въ приданіи этому вопросу весьма широкой гласности. Что же касается до самой сущности экономическихъ идей, то послѣдующія теоріи пролетарія оставили Фурье далеко за собой.

Фурье жилъ въ тавія времена, когда еще не существовало строгой критической оцѣнки ученія Адама Смита; а самъ онъ не имѣлъ достаточно сильнаго критическаго ума, чтобы проникнуть въ самую глубь вопроса и опредѣлить степень безошибочности основаній, на которыхъ построена вся система англійскаго экономиста. Къ этому нужно еще присоединить и консерватизмъ, отличавшій Фурье и проглядывающій въ его основныхъ положеніяхъ. Отъ этого Фурье весьма далекъ отъ идеи равенства и свободы. Онъ допускаетъ возможность существованія капитала, какъ нѣчто совершенно независимое отъ труда, такъ что въ фаланстерѣ являются люди, ровно ничего недѣлающіе и между тѣмъ получающіе изъ общаго заработка $\frac{1}{12}$. И почему капиталу слѣдуетъ непременно $\frac{1}{12}$, таланту $\frac{3}{12}$ и труду $\frac{5}{12}$? — Распредѣленіе совершенно произвольное, лично принадлежащее Фурье и неподкрѣпленное рѣшительно никакими практическими основаніями. Современный пролетарій покончилъ этотъ вопросъ въ теоріи совершенно иначе, провозгласивъ, что каждому принадлежать вполне всѣ плоды его труда, и организаціей ассоціаций на этихъ новыхъ, незнакомыхъ Фурье основаніяхъ, пролетарій началъ вводить свою новую теорію въ практику.

Другая ошибка Фурье — въ томъ, что, отвергая личную свободу труда, онъ хотѣлъ непременно организовать его, тогда какъ трудъ не долженъ быть рѣшительно ничѣмъ стѣсненъ, и экономической производительной дѣятельности человѣка должна быть предоставлена полная свобода. Вообще ни Фурье, ни послѣдующіе писатели по этому предмету не были на столько счастливы, чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, какъ согласить индивидуализмъ съ общинностью такъ, чтобы ни одно изъ нихъ не приносилось въ жертву другому и чтобы человѣкъ, пользуясь всѣми выгодами общинной жизни, въ то же время сохранялъ вполне свою личную свободу. Такъ какъ Фурье не

былъ въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ, то ему пришлось предположить въ людяхъ такое совершенство, до котораго они, можетъ быть, никогда не доживутъ, а если и доживутъ, то, вѣроятно, не ранѣе того времени, когда зацвѣтутъ въ Сибиря померанцы. Фурье показалось, что для возбужденія энергіи коллективно-трудящихся рабочихъ совершенно достаточно одной любви къ занятію и сознанія своихъ гражданскихъ обязанностей. Конечно, всего этого достаточно для такихъ исключительныхъ личностей, какъ самъ Фурье; но нужно долго-долго ждать, пока явится возможность встрѣтить то же самое во всѣхъ людяхъ, безъ исключенія.—Но Фурье рассчитывалъ иначе, онъ думалъ, что какъ только вся Франція будетъ покрыта фаланстерами,—что должно было случиться въ два года, — то всѣ лѣнтяи и мазурики пронинутся внезапно сознаниемъ своего гражданского долга и общественныхъ обязанностей и превратятся мгновенно въ такихъ честныхъ людей, какимъ былъ самъ Фурье.

Фурье укоряють еще и въ шаткости политическихъ убѣжденій. Впрочемъ, изъ этого значенія, какое онъ придавалъ капиталу, нетрудно видѣть, съ какой стороны онъ ожидалъ себѣ помощи: Фурье искалъ постоянно опоры богатыхъ и сильныхъ, и Энглендеръ замѣчаетъ совершенно справедливо, что доживи Фурье до 1848 года, — ему бы не отдѣлаться дешево отъ рабочихъ за свои реакціонерныя основанія. Въ 1829 году Фурье былъ совершенно убѣжденъ въ близкомъ осуществленіи своихъ проэкттовъ. При образованіи кабинета Полиньяка, былъ открытъ департаментъ общественныхъ работъ, и Фурье обратился съ своимъ проэктомъ къ министру, прося его привести проэктъ этотъ въ исполненіе. Письмомъ отъ 24 іюля 1830 года, министръ отвѣтилъ ему: «Будьте увѣрены, что вашъ проэктъ будетъ рассмотрѣнъ съ тою тщательностью, какой онъ заслуживаетъ. Но какъ министерство обременено въ настоящее время занятіями, то рассмотрѣніе должно быть отложено на нѣсколько дней.» Черезъ нѣсколько же дней явилась революція, и всѣ надежды Фурье лопнули. Понятно, что онъ ненавидѣлъ революцію, какъ въ частности, такъ и вообще.—Послѣдователи Фурье или фурьеристы заслужили упрекъ еще большій. Во времена Люк-Филиппа былъ основанъ ими органъ «*Démocratie pacifique*», и этимъ названіемъ фурьеристы хотѣли показать, что они не имѣютъ ничего общаго съ революціонными демократами, которыхъ преслѣдовало правительство. Послѣ февральской революціи «*Démocratie pacifique*» присоедиши-

лась къ революціоннымъ и ультра-республиканскимъ журналамъ. Главный редакторъ и глава Фурьеристовъ, Викторъ Консидеранъ, принадлежалъ тогда къ крайней партіи республиканской горы; но когда совершился переворотъ въ противную сторону, — онъ отправился въ Брюссель, чтобы принять редакцію «Independance Belge», этого органа европейской дипломатіи, и писать водянистыя статьи, проникнутыя дешовепькимъ либерализмомъ.

Сдѣланныя кое-гдѣ попытки фаланстеры не удались.

IV.

Наши образованные люди, какъ извѣстно читателю, знаютъ все — и Бентама, и Беккарія, и Фурье, и Сень-Симона. Но спросите ихъ, о чемъ писалъ Фурье, и они отвѣтятъ: о превращеніи морей въ лимонады и о разведеніи въ Сибири померанцовыхъ рощей; а Сень-Симонъ, — объ эмансипація женщинъ и о жилетахъ, застегивающихся сзади. Обладая весьма утонченной способностью замѣчать какъ разъ то, что совершенно никуда непригодно, они относятся весьма добродушно ко всему тому, что можетъ поселить въ нихъ новыя мысли и сообщить имъ новыя знанія. Поэтому Фурье извѣстенъ у насъ за сьумасшедшаго, а Сень-Симонъ принимается до сихъ поръ за человѣка, посягавшаго на нравственность прекраснаго пола и стремившагося преимущественно къ тому, чтобы поселить въ чистыхъ женскихъ сердцахъ развратъ. Хотя это и очень остроумно, однако все-таки неправда. Мнѣ остается только завѣрять прекрасныхъ читательницъ, что никто не хлопоталъ столько о ихъ нравственной чистотѣ, какъ Сень-Симонъ; а если его мысли поняли иначе, то, во первыхъ, такъ поступили люди, неспособные понимать вещи правильно; а во вторыхъ, — преимущественно мужчины. — Какъ ни интересенъ вопросъ о женской нравственности, въ особенности такъ, какъ его понимаютъ въ разныхъ захолустьяхъ разныя вѣстовщицы и старыя барыни; но этого вопроса въ настоящей, чисто-экономической статьѣ касаться мнѣ не приходится, и потому — дальше.

Сень-Симонъ, какъ и Фурье, замѣчательнъ не тѣмъ, что говорилъ иногда глупости, а своими умными мыслями. Многие, считающіе до сихъ поръ Сень-Симона чѣмъ-то зловреднымъ и содрагающіеся при одномъ

его имени, тѣмъ не менѣе пробавляются многими его идеями, вовсе не подозрѣвая, что онѣ принадлежатъ ему и что онѣ сами превратились, такимъ образомъ, въ тайныхъ сенъ-симонистовъ. Впрочемъ для успокоенія совѣста этихъ тайныхъ учениковъ, я прибавляю, что, во первыхъ, Сенъ-Симонъ, какъ и Фурье, не былъ никогда революционеромъ и вообще не пыталъ ровно никакого сочувствія къ насильственнымъ переворотамъ; а во-вторыхъ, что въ его мысляхъ въ 1865 году не предвидится ровно никакого и никому несчастья и бѣдствія, потому что заразительность идей Сенъ-Симона давно уже миновала. Въ тридцатыхъ годахъ еще, пожалуй, такъ; но въ наше время нельзя найти ни одной повѣстухи, въ которой бы не высказывались сенъ-симонистскія либеральности и идеи, распространенныя по всему свѣту въ романахъ англійскихъ и французскихъ лучшихъ писателей. Я даже думаю, что въ «Домашней Бесѣдѣ» есть много сенъ-симонизма. Такимъ образомъ, Сенъ-Симонъ для насъ больше ничего, какъ предметъ историческій, важный на столько, на сколько онъ способствовалъ уясненію людямъ новыхъ понятій, получившихъ въ настоящее время повсюду право гражданства. Высказывать подобныя элементарныя мысли для англійской, французской или нѣмецкой публики было бы, конечно, странно, а для публики обидно; но для русскихъ читателей обидности тутъ не можетъ быть никакой,—если они знаютъ все это, тѣмъ лучше для нихъ; если же нѣтъ—то отчего же не узнать. Прибавлю еще, что, пользующійся у насъ популярностью, Стюартъ Милль усвоилъ себѣ тоже идеи Сенъ-Симона, въ особенности въ вопросѣ о наследствѣ.

На Сенъ-Симона не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на практическаго дѣятеля, который былъ обязанъ непременно сочинить прозектъ человеческого благополучія, съ тѣмъ, чтобы прозектъ этотъ былъ осуществленъ непременно сегодня или завтра. Подобной задачи Сенъ-Симонъ не бралъ на себя никогда. Онъ былъ теоретикъ и человекъ критическаго ума, разобравшій существующее и высказавшій нѣсколько гениальныхъ мыслей,—вотъ и все. Многое изъ того, что онъ сказалъ, имѣло полное право быть ошибочнымъ, не навлекая ни малѣйшаго упрека на автора, потому что, кромѣ ошибочнаго, было много и умнаго, подвинувшаго несомнѣнно Европу впередъ. Непригодное прометарій не взялъ, а взялъ то, что могло принести ему пользу, и онъ никогда не забудетъ, что этимъ полезнымъ обязанъ Сенъ-Симону. Несчастье такихъ людей, какъ Сенъ-Симонъ, заклю-

чается именно въ томъ, что къ нимъ относятся обыкновенно враждебно какъ разъ тѣ, о чьемъ благополучіи они заботятся болѣе всего, и изъ злорадства приписываютъ имъ даже такія преступленія, какихъ они никогда не совершали. То же случилось и съ Сень-Симонъ. Всѣ глупости и чудачества его послѣдователей и учениковъ, смѣшившія людей, уронившія сень-симонизмъ въ общественномъ мнѣніи французовъ и кончившіяся судебнымъ процессомъ, незнающіе люди приписывали потомъ самому Сень-Симону, тогда какъ онъ виноватъ въ нихъ столько же, какъ и вы, читатель. Поэтому, для сохраненія исторической правды, я не буду говорить здѣсь ни объ отцѣ Анфантенѣ, ни о Базарѣ, ни о другихъ сень-симонистахъ, дѣлавшихъ разные вздоры; не стану рассказывать о ихъ чудачествахъ, а такъ же, какъ при изложеніи системы Фурье, скажу лишь объ основной сущности главныхъ идей Сень-Симона.

Основная мысль, проходящая чрезъ всѣ сочиненія Сень-Симона, заключается въ томъ, что людямъ слѣдуетъ проповѣдывать любовь къ ближнему, потому что нынѣшнее христіанство уклонилось отъ основной, истинной сущности ученія Христа. Истинное христіанство должно бы направить всѣ усилія человѣческаго общества къ великой цѣли—возможно быстрого улучшенія положенія многочисленнаго бѣднаго класса. Братская любовь должна служить основой новаго общественного порядка.

Конечно, если бы все ученіе Сень-Симона ограничивалось одними чувствительными разсужденіями о братской любви, какъ упражняется въ этомъ братолюбивый «Странникъ», то о Сень-Симонѣ не стоило бы и говорить. Но читатель уже изъ немногихъ словъ Сень-Симона видитъ, что онъ говоритъ не о той слезливой любви, которую проповѣдуютъ люди слабонервные, помогающіе бѣднымъ только слезами; любовь Сень-Симона иного сорта: это любовь умнаго человѣка, понимающаго, что не вздохами и плачемъ можно помочь бѣдствіямъ человѣчества, что для этого нужно разбирать, какъ и что существуетъ на свѣтѣ, и хорошо ли существующее — однимъ словомъ, чтобы быть полезнымъ людямъ, нужно быть прежде всего умнымъ,— а любовь уже явится сама собой, какъ результатъ умной дѣятельности. Такимъ именно умникомъ и явился Сень-Симонъ.

Послѣ погрома первой французской революціи, когда сошли со сцены всѣ дѣятели, принимавшіе участіе въ положеніи пролетарія, и далѣе, во время имперіи, когда громъ наполеоновскихъ побѣдъ не

давалъ французамъ ни секунды для полезныхъ размышленій, буржуазія втихомолку укрѣпляла свое едва завоеванное положеніе и ковала свое богатство;—о рабочемъ же никто не говорилъ ни слова. Только одинъ человѣкъ во всей Франціи, какъ говоритъ Энглендеръ, понималъ социальную проблему, и этотъ единственный человѣкъ, этотъ мечтатель, лучше всѣхъ понимавшій реальность дѣйствительнаго положенія страны, этотъ человѣкъ, лучше всѣхъ слышавшій страшный крикъ, выходявшій изъ глубины народа,—крикъ, къ которому всѣ были глухи, этотъ единственный человѣкъ между милліонами французовъ былъ Сень-Симонъ. Исторія и реставрація не придумали ничего, кромѣ раздачи бѣднымъ вспомошествованія, построили домовъ для подкидышей и баловъ съ благотворительной цѣлью. Только Сень-Симонъ пошелъ дальше и показалъ, что трудъ составляетъ основу общественнаго существованія и что XIX вѣку принадлежитъ разрѣшеніе величайшей проблемы, какая только представляла человѣчеству:—учрежденія или постройки всей общественной жизни на чисто-экономическихъ началахъ. До Сень-Симона никто во Франціи не высказывалъ той мысли, что въ наше время на первомъ планѣ должны стоять общественные, а не политическіе вопросы. Эта мысль теперь, разумѣется, не нова, и не только она не нова въ теоріи, но начинается осуществляться даже и на практикѣ; но въ началѣ нашего столѣтія, чтобы высказать ее, нужно было прежде всего очень много ума, а потомъ порядочный запасъ смѣлости.

Сень-Симонъ былъ первый, указавшій дѣйствительное общественное значеніе рабочихъ классовъ, великое общественное значеніе индустріи и ничтожность и вредъ для общества людей, ничего не дѣлающихъ. Были и другіе, которые, пожалуй, тоже догадывались о могуществѣ новаго общественнаго двигателя, представляемаго индустріей; но больше предчувствуя, чѣмъ понимая силу этого рычага, они въ тоже время совершенно уничтожались его колоссальностью и глядѣли съ ужасомъ въ будущее. Такъ Симонди изобразилъ картиннымъ образомъ свой ужасъ слѣдующей сказкой, которую ему рассказывали въ молодости и которая показалась ему совершенно примѣнимой въ вопросу о будущихъ судьбахъ человѣчества, подавленнаго развитіемъ индустріи. Одинъ крестьянинъ, у котораго гостилъ волшебникъ, видѣлъ, какъ тотъ каждое утро бралъ вѣшникъ, говорилъ ему какія-то магическія слова, и затѣмъ вѣшникъ, превра-

тившись въ водоноса, отправалялся на рѣку и приносилъ воду. Крестьянинъ подслушалъ волшебныя слова, которыми колдунъ превращалъ вѣнникъ въ водоноса; но ему не удалось услышать словъ, которыми тотъ превращалъ водоноса снова въ вѣнникъ. Когда разъ волшебникъ ушелъ, крестьянинъ взялъ вѣнникъ, произнесъ магическія слова, и водоносъ отправалялся за водой на рѣку; принеши одно ведро, онъ пошелъ за другимъ, за третьимъ, за четвертымъ. Напрасно крестьянинъ кричалъ ему: «довольно», водоносъ былъ давно уже полонъ, а водоносъ все носилъ воду ведро за ведромъ; наконецъ весь домъ былъ залитъ водой. Въ отчаяніи крестьянинъ взялъ топоръ и перерубилъ водоноса на части, и каждая часть превратилась въ цѣлаго водоноса, и всѣ новые водоносы принялись таскать воду. Чѣмъ больше нападалъ крестьянинъ съ своимъ топоромъ на водоносовъ, тѣмъ больше увеличивалось ихъ число, и они бы вычерпали, наконецъ, всю рѣку и перенесли бы ее въ домъ, если бы не воротился волшебникъ и не разрушилъ очарованія.—Въ этомъ разсказѣ Сисмонди сравниваетъ работу съ водой; обѣ полезны, но развѣ не можетъ быть ихъ слишкомъ много? Теперь каждый принялся работать, всѣ силы людей направились почти исключительно на индустрію, каждое новое знаніе или открытіе облегчаетъ способы производства и создаетъ огромную массу новыхъ предметовъ. Этой-то массы и испугался Сисмонди. Ну, какъ люди наработаютъ столько, что завалить своими издѣліями весь земной шаръ и некому будетъ потреблять всего наработаннаго? Но такое предположеніе больше остроумно, чѣмъ основательно, и сказка Сисмонди рѣшительно нейдетъ къ дѣлу.—Въ подобномъ же положеніи находился и Мальтусъ, когда вообразилъ, что людей народится наконецъ такъ много, что, съѣвъ все, что производитъ земля, они примутся заѣмъ пожирать другъ друга. По предсказанію Мальтуса, такое печальное время должно было бы наступить чуть ли не съ шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія; однако, благодареніе Богу, если люди и пожираютъ нынче другъ друга, то вовсе не потому, чтобы имъ не было ѣсть чего другаго. Но расчетъ Мальтуса имѣлъ большее кажущееся вѣроятіе, потому что не отъ воли человѣка зависитъ производить или не производить дѣтей и заставить землю давать больше продуктовъ, чѣмъ она даетъ. Въ дѣлѣ же индустріи это нѣсколько иначе; съ какой стати я стану шить сапоги или дѣлать шояковую матерію, когда мнѣ или моему сосѣду нуженъ хлѣбъ?

Или, зачѣмъ я стану производить какойнибудь предметъ, если мнѣ некуда его дѣть или вымѣнять на чтонибудь полезное? Лучше, вмѣсто этой ненужной работы, я отправлюсь гулять за городъ или почитаю чтонибудь. — Однимъ словомъ, пугаясь химерическаго водоноса, Симонди не потрудился даже сообразить, хотя приблизительно, есть ли хотя какоенибудь основаніе сравнивать его съ индустріей.

Сень-Симонъ былъ умнѣе. Ему не казалась индустрія водоносомъ, который наконецъ затопитъ весь міръ; онъ видѣлъ въ ней только могущественный рычагъ, который позволитъ производительному и промышленному классу взять на себя управленіе всѣмъ обществомъ. По мнѣнію Сень-Симона, если бы производительныя сословія понимали вполне свое экономическое и общественное значеніе, то имъ было бы очень легко освободиться, безъ всякихъ насильственныхъ средствъ, отъ всего того, что дѣйствуетъ теперь стѣснительно на общество и мѣшаетъ общей гражданской и экономической свободѣ. Въ числѣ мѣшающихъ людей, Сень-Симонъ указываетъ, между прочимъ, на солдатовъ, рантье, юристовъ и прелатовъ. Если, говоритъ онъ, внимательно изучать внутреннюю исторію Франціи, то можно легко найти доказательство, что рабочіе классы постоянно приобрѣтаютъ большее и большее значеніе, тогда какъ другіе классы постоянно теряютъ въ этомъ отношеніи. Слѣдовательно, очевидно, что общество должно наконецъ достигнуть той точки, когда люди, исполняющіе наиболѣе полезный трудъ, будутъ играть и первую роль. Это было капитальнымъ признаніемъ общественной важности рабочихъ сословій. Далѣе онъ говоритъ, что на общество слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣльнаго человѣка: пока общество молодо, оно нуждается въ правительственной опекѣ; но съ постоянными успѣхами знанія и развитіемъ индустріи все это мѣняется, и наконецъ будетъ для общества вполне достаточнымъ системы индустріальной администраціи. Развитіе этой системы Сень-Симонъ считаетъ главнѣйшей задачей XIX вѣка и полагаетъ, что «всѣ социальныя учрежденія нашего столѣтія должны имѣть предметомъ физическое и моральное улучшеніе многочисленнаго бѣднаго класса.» По его мнѣнію, человѣчество идетъ къ такому состоянію, когда правительственная или военная форма правленія должна перейти въ индустріально-административную. И въ этомъ отношеніи Сень-Симонъ оставляетъ далеко за собой какъ своихъ предшественниковъ,

такъ и современниковъ. Для всѣхъ ихъ индустрія имѣла только чисто-вещественный смыслъ, — какъ средство обезпеченія матеріальнаго благосостоянія иногда меньшинства, иногда большинства, смотря по степени широты воззрѣній публицистовъ и мыслителей; но Сень-Симонъ взглянулъ въ самую глубь предмета и увидѣлъ въ немъ разрѣшеніе вопроса, которое должно дать всей общественной жизни небывалую до того новую форму. Прѣжній порядокъ, какъ говорилъ Сень-Симонъ, былъ организованъ для войны, новый же долженъ быть устроенъ индустріей и для нея. — Прибавлю, что подъ именемъ индустріи Сень-Симонъ понималъ не одну исключительно мануфактурную дѣятельность, но всѣ роды выгоднаго труда. И говоря о рабочихъ классахъ, онъ понималъ подъ ними не одно простонародье, занятое грубымъ механическимъ трудомъ, а всѣхъ трудящихся, какии бы то ни было образомъ, на пользу общества. «Человѣкъ долженъ трудиться; ратье и собственникъ, не имѣющій занятій и непронзводящій лично работы, дѣлающей его собственностью продуктивной, есть бремя для общества. Моралистъ долженъ довести общественное мнѣніе до того, чтобы праздные люди теряли въ глазахъ общества всякое уваженіе.» Придавая такое значеніе трудящимся людямъ, Сень-Симонъ въ одномъ памфлетѣ доказывалъ, что для Франціи смерть королевскаго принца приносятъ менѣе потери, чѣмъ смерть фабриканта. За эту дерзость авторъ былъ преданъ уголовному суду.

Не смотря на всѣ заслуги Сень-Симона въ области мысли, на-ходятся еще писатели, укоряющіе его за то, что онъ не сочинилъ рецепта для излѣченія общественныхъ и экономическихъ недуговъ. Чудаки этого сорта забываютъ, во-первыхъ, то, что каждаго автора слѣдуетъ судить потому, что онъ сдѣлалъ, а не потому, чего онъ не дѣлалъ; а во вторыхъ, что Сень-Симонъ былъ слишкомъ умный человѣкъ для того, чтобы не брать на себя ноши не по силамъ. Онъ только разбилъ критически существующее, указывалъ назначеніе современныхъ экономическихъ явленій въ будущей судьбѣ человѣчества; но дальше этого онъ и не хотѣлъ идти, потому что очень хорошо понималъ, что одинъ человѣкъ не можетъ сочинить такого проекта, въ исполненіи котораго заинтересованы сотни милліоновъ людей. Только Севострисы да Хеопсы или Чингисъ-ханы могли обольщаться подобной самолюбивой мыслью и думали, что они умнѣ всего человѣчества. Роль Сень-Симона была иная. Не организаторомъ по-

ваго порядка явился онъ въ жизнь, а только творцомъ новыхъ идей; онъ былъ наставникъ и учитель, а не администраторъ или устроитель новаго общественнаго строя. Понимая очень хорошо, что широкіе общественные вопросы, обнимающіе всю народную жизнь, могутъ быть разрѣшаемы на практикѣ только самими тѣми, кого они касаются, Сень-Симонъ не рѣшалъ самъ ничего, а предполагилъ составить чрезвычайный конгрессъ, въ которомъ должны были бы принять участіе всѣ народы, чтобы самымъ всестороннимъ и полнымъ образомъ порѣшить національно-экономическіе вопросы. Этой скромностью, отличавшей Сень-Симона, нисколько не отличались его послѣдователи; а люди, незнающіе, неумѣющіе отличить учителя отъ учениковъ, обвиняютъ перваго въ томъ, въ чемъ были виноваты только вторые. Впрочемъ это общее несчастье всѣхъ умныхъ людей, у которыхъ являются послѣдователи. Скажетъ ли умный человѣкъ, что ненужно поклоняться авторитету, предполагая подъ этимъ, что каждый долженъ жить своимъ умомъ, какъ разсудительный человѣкъ, — тупоумный послѣдователь тотчасъ же начнетъ плевать въ глаза всѣмъ, безъ исключенія; тогда какъ умный человѣкъ, по нѣкоторымъ причинамъ, нѣсколько замаскировавшій свою мысль, никогда не училъ его этому. Скажетъ ли умный человѣкъ, что въ общепринятыхъ понятіяхъ многое дѣйствительно нравственное считается безнравственнымъ и многое безнравственное — нравственнымъ — усердные ученики тотчасъ же выведутъ заключеніе, что люди могутъ ходить голыми, называть всѣ вещи прямо и дѣлать на улицахъ среди бѣлаго дня все, что только имъ вздумается. Это усердіе тупоумныхъ послѣдователей до сихъ поръ только вредило дѣлу умныхъ людей, потому что противникамъ всякой повизны давало противъ нихъ оружіе. И противники были совершенно правы, когда говорили: «посмотрите, до какихъ здорově доводятъ ваши новыя мысли»; но они были неправы только въ томъ, что не хотѣли понять, что всякая, какая бы-то ни была гениальная мысль, всякое, какое бы-то ни было полезное открытіе или изобрѣтеніе, — въ головѣ и въ рукахъ глупца ведутъ всегда къ глупымъ и вреднымъ послѣдствіямъ. Противники съ особеннымъ злорадствомъ указывали на малѣйшій промахъ, малѣйшую ошибку, потому что это давало имъ возможность изрекать безапелляціонный приговоръ противъ всей системы новаго мыслителя. — Вы осуждаете нашу старую систему и предлагаете свою лучшую, а посмотрите, развѣ это въ

ней хорошо, развѣ всѣ бѣдствія и несчастія людей могутъ быть вами устранены, развѣ слезы исчезнутъ съ лица земли и глушцы станутъ дѣлать менѣе глупостей?—говорили противники. Наша система, можетъ быть, худа, но она существуетъ уже тысячелѣтіе и къ ней всѣ привыкли; докажите, что вамъ лучше, и затѣмъ противники принимали всѣ мѣры, чтобы этого нельзя было доказать на практикѣ. Все это постигло и Сень-Симона и высказанныя имъ мысли. Современники поняли ихъ плохо, и только теперь, когда идеи этого гениальнаго человѣка сдѣлались почти общимъ достояніемъ, проникли теперь почти повсюду, а во Франціи вошли даже въ основу теперешней ея внѣшней политики,—наступила пора истинной оцѣнки Сень-Симона. Французскій пролетарій проникся ими тоже, хотя, можетъ быть, никогда не слышалъ имени ихъ творца.

Сень-Симонъ, напримѣръ, требовалъ, чтобы былъ устроенъ общій европейскій парламентъ, въ которомъ бы засѣдали выборные отъ всѣхъ народовъ; онъ утверждалъ, что для Франціи единственнымъ дѣйствительно полезнымъ союзникомъ можетъ быть только Англія; онъ хотѣлъ, чтобы Франція и Англія стояли во главѣ европейской политики и, кромѣ своихъ частныхъ, имѣли бы еще общій англо-французскій парламентъ. Необходимость этого онъ выводилъ изъ того, что только при союзѣ Англій и Франціи возможна реорганизація Европы. О нѣмцахъ онъ былъ тоже высокаго мнѣнія. «Нѣмецкая нація, говорилъ Сень-Симонъ, назначена играть въ Европѣ первую роль; но это случится только тогда, когда нѣмцы дойдутъ до единства и устроятъ у себя свободное управление. Какъ только наступитъ время, когда англо-французскій союзъ усилится присоединеніемъ къ нему Германіи, — реорганизація Европы пойдетъ легко и быстро.» О парламентарной и конституціонной системахъ онъ говоритъ, что многіе, считающіе ихъ послѣднимъ чудомъ человѣческой изобрѣтательности, жестоко въ этомъ ошибаются. Системы эти больше ничего, какъ переходная форма между феодализмомъ, на развалинахъ котораго построенъ современный общественный порядокъ, и будущимъ новымъ порядкомъ вещей.—Такииъ образомъ, Сень-Симонъ не разрѣшаетъ ничего практическимъ путемъ; но, разбирая настоящее, онъ указываетъ на отдаленное будущее, къ которому стремится европейская мысль. Этой простой вещи, обыкновенно, не понимами тѣ, кто брался судить о Сень-Симонѣ. Имъ совершенно недоступно, какими образомъ можно упо-

требить всю свою жизнь на то, чтобы въ результатѣ явилась самая коротенькая мысль: «задача нашего столѣтія въ томъ, чтобы улучшить положеніе многочисленнаго бѣднаго класса.» А въ этихъ именно словахъ и заключается вся сущность ученія Сень-Симона. Не смотря на простоту и общедоступность этой мысли въ настоящее время, она была величайшей новизной соціальной науки, когда была высказана впервые Сень-Симономъ. До него никто не говорилъ о рабочихъ и не понималъ такъ широко и многосторонне все соціальное значеніе труда. Изъ этого взгляда вытекла сама собой высказанная Сень-Симономъ формула экономическаго вознагражденія: «каждому по его способностямъ; каждой способности по ея заслугамъ.»

Этимъ путемъ Сень-Симонъ пришелъ прямо къ проблемѣ, разрѣшеніе которой составляло потомъ постоянную задачу всѣхъ мыслящихъ представителей общественной науки. Вопросъ въ томъ, чтобы найти средство къ лучшему распредѣленію орудій производства. Сень-Симонъ говоритъ, что владѣніе орудіями производства составляетъ въ настоящее время наследственное право, приобретаемое человѣкомъ рожденіемъ; что вслѣдствіе права уступать орудія производства за довольно высокое вознагражденіе, владѣтель орудій поставленъ въ возможность пользоваться частью трудовъ производителя, не участвуя лично въ трудѣ. Орудіями производства, какъ Сень-Симонъ, такъ и послѣдующіе писатели, считаютъ всѣ тѣ средства, которыми можно производить полезные предметы. Всѣ сырые предметы принадлежатъ поэтому къ орудіямъ производства. Самъ Сень-Симонъ не рѣшилъ этого вопроса, т. е. не показалъ ни практическаго, ни теоретическаго его разрѣшенія. Онъ сказалъ только, что должно быть окончено неравенство въ распредѣленіи орудій производства и результатовъ или продуктовъ труда, существующее до сихъ поръ между «туеядцами» и «трудящимися». Послѣдователи же его полагали возможнымъ разрѣшить на практикѣ эту проблему—ассоціаціями и даровымъ кредитомъ. То, что Сень-Симонъ и его послѣдователи понимали подъ именемъ ассоціаціи, отличается довольно существенно отъ формы ассоціаціи, усвоенной теперь европейскимъ пролетаріемъ. Сень-симонисты и фурьеристы придавали ассоціаціи весьма высокое значеніе. Они хотѣли все общество превратить въ одну рабочую ассоціацію, тогда какъ теперешнія ассоціаціи—собственно ассоціація рабочихъ. Какимъ образомъ выработалась идея существующихъ ассоціаціи и какъ выразилась она на практикѣ, я скажу въ слѣдующей статьѣ;

а теперь приведу изъ Энглендера нѣкоторыя личныя подробности о Сень-Симонѣ, которыя покажутъ читателю, что за чудака былъ этотъ человекъ.

Во-первыхъ, читателю можетъ показаться, что Сень-Симонъ былъ вовсе даже и не уменъ. И въ самомъ дѣлѣ, продумать весь свой вѣкъ, истратить все свое состояніе, изучать человекъ въ различныхъ общественныхъ положеніяхъ и въ различныхъ фазисахъ матеріальнаго благосостоянія, и придти наконецъ къ очень простой мысли о томъ, что нужно улучшить положеніе рабочихъ... Разумѣется, нужно быть человекомъ ограниченнымъ, чтобы выдумать такъ мало. Но, многоуважаемый читатель, не спѣшите обвиненіемъ. Если вы обратите вниманіе на то, что въ Европѣ живутъ милліоны людей, которымъ жить скверно-прескверно и которые не въ состояніи взять въ толкъ, что имъ скверно, если вы обратите вниманіе на то, что прошли тысячелѣтія прежде, чѣмъ люди могли догадаться, что имъ жить не хорошо; если вы обратите вниманіе на то, что и вамъ жить нехорошо, хоть вы объ этомъ, можетъ быть, и не догадываетесь; наконецъ, если вы обратите вниманіе на то, что изъ десятковъ милліоновъ французовъ нашелся только одинъ человекъ, который понялъ, что жизнь рабочихъ сложилась несправедливымъ и несправедливымъ образомъ — то вы согласитесь, что обвиненіе ваше нѣсколько поспѣшно. Нужно удивляться не тому, что Сень-Симонъ, думая долго, выдумалъ мало, а тому, что и для такой простой и очевидно ясной вещи, какъ вѣрное пониманіе своего собственнаго положенія и положенія своихъ ближнихъ, нужны непремѣнно исключительныя способности, и люди обыкновеннаго ума понять этого не могутъ, пока имъ не растолкуютъ. А впрочемъ, Сень-Симонъ былъ все-таки большой чудака.

Между анекдотами, доставляющими большое удовольствіе тѣмъ, кому очень досадно на Сень-Симона, рассказываютъ, что, когда Сень-Симону было еще 16 лѣтъ, онъ приказалъ своему лакею будить себя слѣдующими словами: — «Графъ, вставайте; вамъ нужно дѣлать великія дѣла.» Говорятъ, что это очень самонадѣянно; но, во-первыхъ, забываютъ, что Сень-Симону было 17 лѣтъ, а въ 30 лѣтъ его такъ не будили; а во-вторыхъ, что за непремѣнная необходимость быть безукоризненно и безусловно добродѣтельнымъ и совершеннымъ, какъ небожители. Вѣдь если люди сдѣлаются ангелами, они перестанутъ быть людьми. — Другой анекдотъ приводится

тоже въ доказательство безусловной самонадѣянности Сень-Симона. Посѣтивъ въ первый разъ госпожу Сталь, онъ обратился къ ней съ словами: «Вы удивительнѣйшая женщина въ мірѣ, точно также, какъ и необыкновенный человекъ; мы вдвоемъ, безъ сомнѣнія, произведемъ бы еще болѣе удивительнаго ребенка.» Но госпожа Сталь, должно быть, на себя не понадѣялась, потому что отказалась производить необыкновенныхъ ребятъ.

Уже изъ этихъ двухъ анекдотовъ видно, что Сень-Симонъ не былъ человекъ такого рода, какіе обыкновенно встрѣчаются на улицахъ. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, его укусила бѣшеная собака. Сень-Симонъ положилъ на рану раскаленный уголь и взялъ заряженный пистолеть, съ полной рѣшимостью застрѣлиться, если почувствуетъ первые признаки бѣшенства. Когда, въ 1823 году, онъ находился въ крайней нищетѣ, онъ рѣшился опять покончить съ жизнью. Онъ положилъ часы на столъ и сѣлъ за работу съ тѣмъ, что, когда стрѣлка покажетъ время, которое онъ себѣ назначилъ жить, — онъ застрѣлится. Стрѣлка подошла къ назначенному часу, и Сень-Симонъ спустилъ курокъ; но зарядъ прошелъ черезъ глазъ, не повредивъ мозга. Когда друзья его, Сарладьеръ и Контъ, прибѣжали на выстрѣлъ и нашли Сень-Симона совершенно окровавленнымъ, первыя слова его были: «какъ это человекъ можетъ имѣть въ головѣ семь картечей и все еще жить и думать?» Врачъ, сдѣлавшій операцію, не найдя седьмой картечи, думалъ, что она осталась въ головѣ, и объявилъ, что больной долженъ умереть въ ночь. «Что же, сказалъ Сень-Симонъ, воспользуемся этими немногими часами, чтобы поговорить о вашихъ ученыхъ трудахъ». Сень-Симонъ, однако, выздоровѣлъ. Въ послѣднія минуты своей жизни Сень Симонъ обнаружилъ не мепшую энергію и ясность мысли. Когда докторъ спросилъ его: «страдаете ли вы?» онъ отвѣчалъ: нѣтъ, — хотя долженъ былъ страдать ужаснѣйшимъ образомъ. — Ни въ одной части тѣла? снова спросилъ его врачъ. — Я бы преувеличилъ, отвѣтилъ умирающій, если бы сказалъ, что вовсе не страдаю, — но это вовсе неважно. Будете говорить о чемънибудь другомъ». — Послѣ этого онъ пригласилъ тѣхъ, кто находился въ комнатѣ, окружить его, и когда ученики подошли, то Сень-Симонъ, голосомъ, прерываемымъ предсмертнымъ храпѣньемъ, сказалъ имъ: «Въ теченіе двѣнадцати дней занимался я соображеніемъ, какъ бы устроить успѣхъ нашему журнальному предпріятію («Producteur»). Три часа думаю я теперь, какъ б

мнѣ лучше пояснить вамъ свои мысли.—Родригесъ, не забудь, чтобы создавать великія дѣла, нужно быть одушевленнымъ страстью. Вся моя жизнь резюмируется въ одной мысли—обеспечить людямъ возможность свободнаго развитія ихъ способностей». Уже онъ находился въ агоніи, когда произнесъ: будущее принадлежитъ намъ». Съ этими словами онъ умеръ.

Такой странный человѣкъ долженъ былъ, разумѣется, дѣлать все особеннымъ образомъ, не такъ, какъ всѣ. Въ своей автобіографіи онъ говоритъ о своей женитьбѣ: «Я хотѣлъ воспользоваться бракомъ, какъ средствомъ, чтобы изучить его вліяніе на ученыхъ,—что казалось мнѣ необходимымъ для выполненія моего предпріятія; потому что для улучшенія организація какой нибудь научной системы недостаточно знать состояніе человѣческихъ знаній, но кромѣ того, нужно опредѣлять вліяніе, какое производитъ разработка знанія на тѣхъ, кто имъ занимается. Нужно опредѣлять вліяніе, какое производитъ знаніе на ихъ страсти, на ихъ умъ, на всю ихъ моральную сторону». Конечно, странно жениться только для того, чтобы узнать, какъ дѣйствуетъ бракъ на ученаго! Но Сень-Симонъ былъ такой чудакъ, что отъ него можно ожидать еще и не такой странности. Ему нужно было испытать самому лично все, потому что ему казалось возможнымъ разсуждать правильно только о томъ, что лично испытано и вынесено изъ жизни.—Въ теченіи цѣлаго года онъ испытывалъ все, что люди называютъ хорошимъ и дурнымъ: онъ посѣщалъ дома разврата, игорныя вертены и всякую скверность, чтобы своими глазами увидѣть всѣ правдивныя болѣзни вѣка и чтобы изучить жизнь съ ея практической стороны. По поводу своихъ наблюденій этого рода, онъ говоритъ. «Если я встрѣчаю человѣка, нецелующаго себя ученой дѣятельности, который посѣщаетъ игорныя дома и дома разврата, и если я вижу, что онъ не бѣжитъ общества людей, извѣстныхъ своими пороками,—я скажу: вотъ человѣкъ разоряющійся. Привычки, которыя онъ усваиваетъ, уронять его въ его собственныхъ глазахъ и сдѣлаютъ его презрѣннымъ. Но если этотъ человѣкъ отдался изученію теоретической философіи, если цѣль его изысканій заключается въ томъ, чтобы опредѣлять чергу, разграничивающую различныя поступки и раздѣляющую ихъ на хорошіе и дурные; если онъ пытается изыскать средства, которыми бы можно было излѣчить эти болѣзни челоѣческаго духа, выводящія насъ на ложный путь, то я скажу: этотъ человѣкъ

преслѣдуетъ нить порога въ томъ направленіи, которое приведетъ его къ величайшимъ добродѣтелямъ».

Чтобы оцѣнить вѣрнѣе все чудачество Сень-Симона, нужно помнить, что онъ былъ графъ, аристократъ по рожденію и воспитанію, человѣкъ, котораго предки восходятъ до Карла Великаго, наконецъ — богачъ. И этотъ аристократъ, графъ и богачъ доводитъ себя добровольно до того, что поступаетъ на должность простого переписчика въ королевскій ломбардъ, на жалованье въ 250 рублей въ годъ. Чтобы напечатать свои сочиненія, онъ долженъ былъ выпрашивать деньги почти христа-ради. Находясь въ такомъ нищенскомъ положеніи, онъ разъ писалъ, прося о помощи: «Вотъ ужъ 14 дней, какъ я живу только хлѣбомъ и водой, я работаю безъ огня въ каминѣ и продалъ даже часть своего платья, чтобы имѣть возможность покрыть расходы переписки моихъ сочиненій. Только моя страсть споспѣшествовать знанію и общему счастью и желаніе изыскать средства для устраненія мирнымъ путемъ ужаснѣйшаго кризиса, въ которомъ находится европейское общество, ввергнули меня въ эту нищету. Поэтому я могу говорить, не краснѣя, о своей бѣдности и просить о помощи, которая мнѣ необходима, чтобы продолжать свои сочиненія».

За то, что Сень-Симонъ былъ такой рѣдкій чудакъ, что ему, во что бы то ни стало, хотѣлось придумать средство, чтобы осчастливить человѣчество, и что онъ переносилъ, ради своей идеи, всевозможныя матеріальныя лишенія, — его благоразумные и разсудительные современники, французы, надъ нимъ смѣялись, и точно такимъ же образомъ относились они и къ другому, жившему въ то же время, чудаку — Фурье.

Но этого мало, что они надъ ними смѣялись. Они считали ихъ еще и самопадѣянными глупцами. Но отчего же сапожнику позволяется знать, что онъ шьетъ сапоги, портному, что онъ шьетъ платье, а гениальному Сень-Симону, отдавшемуся всѣми своими силами соціальной наукѣ, не позволяется знать, ради чего и для кого онъ работаетъ?

И. Шелгуновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРОЛЕТАРІЯ.

I.

Мнѣ было девять лѣтъ, когда въ іюлѣ 1837 умеръ отецъ мой Николай Клавель, дровосѣвъ въ Савернѣ. Сосѣдка наша, вдова Рошаръ, взяла меня къ себѣ на двѣ, или на три недѣли, и никто не зналъ, что со мною будетъ. Вдова Рошаръ не могла оставить меня у себя; она говорила, что вся наша мебель и все остальное имущество не оплатить и свѣчей похоронныхъ, что отецъ мой хорошо сдѣлалъ бы, если бы взялъ меня съ собой.

Услыхавъ это, я испугался и подумалъ:

— Господи, кто же пріютитъ меня?

Впродолженіи этихъ трехъ недѣль мы собирали чернику и землянику въ лѣсу и продавали ихъ въ городѣ; я легко могъ набрать въ день кружекъ пять, шесть; но время черники быстро проходитъ, а орѣхи поспѣваютъ гораздо позднѣе осенью, носка же хвороста была мнѣ еще не подъ силу.

Мнѣ часто приходила мысль, что я былъ бы счастливѣе, если бы умеръ.

Въ концѣ третьей недѣли, разъ поутру, когда мы стояли у нашего крыльца, тетушка Рошаръ сказала мнѣ:

— Смотри-ка, это двоюродный твой братъ Герло, рыбагъ-торговецъ; что ему понадобилось въ нашихъ мѣстахъ?

И я увидѣлъ приближавшагося толстаго, коренастаго мужчину, съ жирнымъ рябымъ лицомъ, круглымъ носомъ, въ большой плоской шляпѣ, надвинутой на глаза и въ штиблетахъ на короткихъ ногахъ.

— Здравствуйте, господинъ Герло, сказала ему тетушка Рошаръ.

Но онъ прошелъ мимо, ничего не отвѣчая, и отворивъ дверь дома моего отца, крикнулъ:

— Никого?

Послѣ этого онъ отворилъ ставни, а почти вслѣдъ за нимъ въ домъ вошла высокая рыжая женщина, одѣтая по праздничному, съ длиннымъ носомъ и краснымъ лицомъ. Тетушка Рошаръ сказала мнѣ:

— Это двоюродная сестра твоя, Говаръ, она продаетъ то же рыбу; если они выудятъ что нибудь у васъ, такъ будутъ молодцы.

Вслѣдъ за тѣмъ стали появляться мировой судья господинъ Домомье изъ Саверна; секретарь его, господинъ Лятумъ, двоюродныя сестры, тетки, всѣ хорошо одѣтыя; и наконецъ послѣ всѣхъ вошелъ меръ, г. Биндеръ, въ своей большой трехугольной шляпѣ и красномъ жилетѣ. Когда онъ проходилъ, тетюшка Рошаръ спросила его:

— Зачѣмъ это весь народъ пошелъ къ Николаю Клавелю, господинъ меръ?

— Для ребенка, сказалъ онъ, останавливаясь и съ грустью поглядѣвъ на меня.

Видя, что я стыжусь своей жалкой разорванной куртки, старыхъ штановъ, босыхъ ногъ, онъ прибавилъ:

— Бѣдняжка!

Послѣ этого онъ вошелъ. Черезъ нѣсколько минутъ, тетюшка Рошаръ велѣла мнѣ тоже войти, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и я помѣстился около очага въ каминѣ.

Весь этотъ людъ сидѣлъ вокругъ нашего стараго стола, по скамейкамъ, и всѣ они спорили между собою, упрекая отца моего и мать, что они женились, ничего не скопили, что они лѣнтяи и въ другихъ подобныхъ, одинаково несправедливыхъ вещахъ, потому что бѣдный отецъ мой умеръ отъ тяжелаго труда. Всѣ кричали и никто не хотѣлъ взять меня. Господинъ мировой судья, человѣкъ серьезный, съ высокимъ лбомъ, слушалъ и отъ времени до времени, когда они уже слишкомъ громко говорили, перебивалъ ихъ, говоря:— что я не виноватъ въ этомъ несчастіи.... что упрекать отца моего и мать не за чѣмъ.... что надо все прощать несчастнымъ, хотя бы они были и виноваты.... что надо въ особенности заботиться о дѣтяхъ, и т. д.; — но ярость съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе увеличивалась. Я сидѣлъ у очага, не говорилъ ни слова и точно замеръ. Никто изъ кричавшихъ не смотрѣлъ на меня.

— Надо однакожъ сговориться, сказалъ наконецъ мировой судья. Вѣдь ребенокъ этотъ не можетъ же оставаться на шеѣ у общины...

Вѣдь вы люди богатые, зажиточные... это будетъ позоромъ для семейства. — Господинъ Герло, говорите.

Тутъ толстый рыбакъ-торговецъ всталъ въ ярости, и сказалъ:

— Я кормлю своихъ дѣтей, этого съ меня довольно!

— И я говорю тоже самое, крикнула высокая рыжая женщнна. Я кормлю своихъ дѣтей, а до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ.

И всѣ сердились до бѣшенства, что ихъ заставили потерять день изъ-за того, до чего имъ нѣтъ никакого дѣла. Мировой судья сидѣлъ совершенно бѣдный.

— До этого ребенка, сказалъ онъ, гораздо болѣе дѣла вамъ, чѣмъ общинѣ, какъ мнѣ кажется; это кровь ваша! Будь онъ богатъ, вы были бы его наслѣдниками, я думаю тогда не бросили бы его.

— Богатъ, онъ! кричалъ рыбный торговецъ — ха! ха! ха!

Я же, посмотрѣвъ на все это, началъ рыдать; и когда мировой судья всталъ, я вышелъ, заливаясь слезами. Сѣлъ я передъ домомъ на маленькой скамейкѣ у дверей, двоюродные братья и сестры выходили, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ меня.

— А! здравствуйте, тетуська Бале, вскричала Рошаръ. — Такъ вы приходите сюда каждый годъ покупать вишни?

— Ну да, отвѣчала проходившая.—Я не дѣлаю вишень, а продаю ихъ; а чтобы продавать ихъ, надо купить.

— Конечно. А на деревьяхъ достанешь ихъ свѣжѣе.

Я не поднималъ глазъ и былъ въ совершенномъ отчаяніи.

Когда женщина эта остановилась, я слышалъ, какъ она спросила:

— О чемъ это плачетъ мальчуганъ?

И тетунка Рошаръ тотчасъ же начала рассказывать ей, что отецъ мой умеръ, что у насъ ничего нѣтъ, что родственники отказались отъ меня и что я остался на рукахъ у общины. Тутъ я почувствовалъ, что женщнна эта тихо гладила меня по головѣ и, совершенно разстроенная, сказала:

— Ну-ка, взгляни... мнѣ хочется посмотрѣть на тебя.

Я поднялъ голову. Передо мной стояла высокая, худая женщнна, уже старая съ довольно большимъ носомъ, большимъ ртомъ и бѣлыми зубами. У ней были большія серги въ видѣ тупокоцеъ, голова была обвязана шелковымъ жолтымъ платкомъ, а подъ мышкой она держала корзину съ вишнями. Она смотрѣла на меня, продолжая гладить меня по головѣ своей длинной рукой:

— Какъ, они отказываются отъ него? Да это милѣйшій брюнетъ... Они отказываются отъ него?

— Отказываются, отвѣчала тетушка Рошарь.

— Съ ума они сошли, что ли?

— Нѣтъ, но они не хотятъ брать на себя этой обузы.

— Обузы?...этакой мальчикъ! У тебя ничего нѣтъ?...ты не горбатъ?...не хромаешь?

Она тормозила и повертывала меня во всѣ стороны, и съ удивленіемъ восклицала:

— Да, у него все въ порядкѣ! Я беру его къ себѣ.

— Вы берете его, госпожа Бале? — сказала подошедшій меръ, выпучивъ глаза отъ удивленія.

— Да, я беру его на свой счетъ, разумѣется, если это позволить община.

— Общинѣ лучше и желать нечего.

Услыхавъ это, я ожилъ, а госпожа Бале обтирала мнѣ лицо, и спрашивала:

— Ёль ли ты?

Тетушка Рошарь отвѣчала, что мы ѣли утромъ картофельный супъ.

Тогда она вынувъ, изъ кармана кусокъ бѣлаго хлѣба, дала его мнѣ, говоря:

— Да возьми изъ карзины вишень, и пойдѣмъ.

— Подождите, я подамъ его узелокъ, вскричала тетушка Рошарь, побѣжавъ, чтобы завязать въ платокъ мои башмаки и праздничное платье.

— Вотъ! все твое наслѣдство.

И мы отправились.

— А! тебя не хотѣли взять! говорила госпожа Бале:—вѣдь есть на свѣтѣ дураки! это ни на что не похоже, ей Богу, ни на что не похоже. Какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Жанъ-Пьеръ Кламель.

— Хорошо, Жанъ-Пьеръ, я беру тебя, и очень рада еще, что ты со мною. Возьми меня за руку.

Она была очень высокаго роста, и я шелъ подлѣ нея, поднявъ вверхъ руку.

Передъ маленькимъ кабачкомъ *Еловой шишки*, въ концѣ деревни, стояла таратайка угольщика Илья, а въ тѣни навѣса его маленькая, рыжая кляча, похожая на козу; въ таратайкѣ уложены были три корзины съ вишнями.

Старикъ Илья, въ широкой черной шляпѣ и въ короткой холщевой курткѣ, смотрѣлъ сверху лѣстницы и, увидавъ насъ, воскликнулъ:

— Что же, ѣдемъ мы, госпожа Бале?

— Да, сейчасъ. Подождите, я выпью только стаканъ вина, а вы посадите ребенка въ таратайку.

— Да вѣдь это ребенокъ Николая Клавеля?

— Такъ! а теперь онъ мой.

Трактирщикъ Бастьенъ, его обѣ дочери и какой-то гусаръ смотрѣли изъ окна кабачка. Госпожа Бале, поднимался на лѣстницу, рассказывала, что я плакалъ какъ бѣдный щенокъ, брошенный негодными хозяевами, и что она беретъ меня. Въ то же время она весело говорила:

— Посмотрите на него! Его точно нарочно сдѣлали по моему вкусу, лучшаго и желать нечего. Ну закладывайте проворняге, Илья, и посадите ребенка съ вишнями.

Легко себѣ представить мою радость тому, что я былъ спасенъ. Я не могъ прійти въ себя отъ удивленія. И съ верху таратайки, тихо спускавшейся по глубокой дорогѣ, окаймленной дерномъ, я смотрѣлъ въ конецъ долины на Савернъ, съ его старой квадратной церковью, съ его большой улицей и островочными старыми кровлями,—по которымъ идутъ этажами слуховыя окна, въ видѣ колачковъ—съ площадью и колодцемъ, освѣщенными солнцемъ.

Сотни разъ видѣлъ я все это изъ Рошъ-Креза, но тогда я забоялся только о томъ, чтобы пасти хорошенько коровъ и собирать въ кустарникахъ козъ. А теперь я думалъ:

Ты будешь жить въ городѣ, въ тѣни улицы!

Подлѣ прелестнаго колодца, окруженнаго ольхами и плаучими ивами, около дороги тощая кляча Илья остановилась на минуту перевести духъ. Госпожа Бале напилась залпомъ воды, наклонившись къ жолобу. Жаръ былъ страшный, и пріятно было бы остаться тутъ до вечера. Но послѣ этого мы опять тихо поѣхали въ тѣни тополей до самаго вѣзда въ Савернъ.

Увидавъ издали хорошенькій домикъ, крытый голубоватымъ асидомъ, съ маленькимъ балкономъ и съ зелеными ставнями по всѣмъ сторонамъ,—стоявшій на полугорѣ, я подумалъ, что въ немъ живетъ вѣрно какой нибудь принцъ.

И такъ мы вѣзжали въ городъ часамъ къ тремъ; стали подниматься по большой дорогѣ, а на половинѣ ея, недалеко отъ базарной площади, повернули направо въ маленькую улицу «двухъ ключей», по которой тѣнь отъ солнца спускалась между трубъ на проточенные балконы и развалившіяся стѣны. Тетушка Бале говорила, смѣясь:

— Сейчасъ пріѣдемъ, Жанъ-Пьеръ.

Я пучилъ глаза, не выдавъ никогда ничего подобнаго. Вскорѣ таратайка остановилась передъ старымъ узкимъ домою, внизу котораго было окно—болѣе широкое, чѣмъ высокое—съ маленькими круглыми стеклами, за которыми висѣли связки льну.

Это былъ домъ ткача. Какая-то женщина лѣтъ тридцати пяти или сорока, съ темными волосами, свернутыми на щекахъ въ видѣ буколь, съ голубыми глазами и нѣсколько вздернутымъ носомъ, смотрѣла на насъ изъ маленькихъ темныхъ сѣней.

— Э! да это вы, госпожа Бале? вскричала она.

— Да, госпожа Дюбургъ, отвѣчала тетушка Бале:—я привезла вамъ еще кое-кого... моего маленькаго Жана-Пьера, котораго вы еще не знаете. Посмотрите-ка на этаго бѣднаго волченка.

Она взяла меня на руки и поцаловала, поставивъ на землю.

Послѣ этаго мы вошли въ маленькую сѣрую комнату, гдѣ всѣ углы были заставлены старымъ станкомъ, чугунной печкой, столомъ и мотками, повѣшенными на шестахъ у потолка. Между корзинами съ катушками, старымъ кресломъ и часами во глубинѣ комнаты, въ футлярѣ орѣховаго дерева, трудно было повернуться. Но не смотря на это, комната была все-таки гораздо лучше нашей бѣдной лачужки, въ которой жилъ отецъ; послѣ нашихъ четырехъ голыхъ стѣнъ и деревяннаго сарайчика сзади, почти вѣчно пустого, эти мотки льна и свертки холста казались мнѣ великолѣпиемъ. Да, это казалось мнѣ необыкновеннымъ богатствомъ.

Госпожа Бале рязсказывала, какъ она меня взяла. Другая женщина ничего не говорила, и глядѣла на меня. Я прислонился къ стѣнѣ, не смѣя поднять глазъ. Когда тетушка Бале вышла помочь выгрузить вишни, женщина эта вскричала:

— Дюбургъ, иди же!

И я увидѣлъ, что въ дверь на право, завѣшенную мотками, вошелъ маленький и худенькій мужчина, съ сѣдоватой головой и добродушнымъ видомъ, за нимъ вошла маленькая розовенькая дѣвочка, съ живыми глазками, державшая въ рукѣ большой кусокъ хлѣба съ бѣлымъ сыркомъ.

— Посмотри-ка, что тетушка Бале привезла намъ изъ Саверна, сказала эта женщина:—родственники его Гокаръ и Герло не хотѣли его взять, а она взяла его на свою шею.

— Хорошая женщина, эта тетушка Бале, отвѣчалъ тронутый мужчина.

— Да, но какъ навязать себѣ такую обузу?

— Ну что такое! сказалъ мужчина:—она одна... а ребенокъ любить ее.

— Но у него нѣтъ ничего! вскричала женщина,—она развязала узелокъ мой, положивъ его къ себѣ на колѣни, и осматривала мою жалкую праздничную куртку, рубашку и башмаки,—у него вовсе ничего нѣтъ! Куда положить она его спать?

— И! вскричала тетушка Бале, входя и ставя на край станка послѣднюю корзину съ вишнями, не тревожьтесь, госпожа Мадлень. У меня есть дядя, каноникъ испанскій, вы вѣдь знаете... онъ девяносто-лѣтній старикъ, и ему не вѣкъ же жить... Мнѣ достанется его наслѣдство... Это поможетъ мнѣ воспитать ребенка.

Она смѣялась; а госпожа Дюбургъ, жена ткача, вся вспыхнула.

— А! сказала она:—испанскій вашъ дядя...

— А отчего бы у меня не быть дядѣ? отвѣчала тетушка Бале. Вѣдь у васъ же вотъ есть тетка въ Сентъ-Виттѣ. А когда оба ребенка вырастутъ, мы обвѣнчаемъ ихъ и соединимъ оба наслѣдства и дяди и тетки. Не такъ ли, господинъ Антуанъ?

Тогда маленькій человѣчекъ сказавъ, смѣяся:

— Да, госпожа Бале, да, вы правы, наслѣдство послѣ вашего дяди такъ же вѣрно, какъ и наслѣдство послѣ нашей тетки Жаклины. Но, взявъ этого ребенка, вы поступили хорошо... очень хорошо!

— Да, я и не раскаяваюсь, сказала тетушка Бале.—Мнѣ онъ не въ тягость. Тамъ у меня на верху есть старый мундиръ моего покойнаго мужа, мы выкроимъ ему что нибудь изъ него. А подлѣ моей комнаты есть маленькій чуланчикъ, куда я поставлю его кровать. Мы найдемъ гдѣ нибудь матрацъ, одѣяло, это вѣдь не трудно, и малютка будетъ спать какъ ангелъ.—Ну, поцалуйтеся, сказала она, подводя къ мнѣ дѣвочку, молча смотрѣвшую на меня своими большими, выпученными глазами, и которая отъ души поцаловала меня, выпачкавъ при этомъ мнѣ носъ.

Всѣ смѣялись, а я становился храбрѣе. Госпожа Ривель, жена стекольщика, жившаго во второмъ этажѣ, проходила въ сѣняхъ; ее повали. Это была крошечная женщина въ большомъ коленкоровомъ чепцѣ, съ косыночкой, скрещенной на груди, и съ маленькимъ золотымъ крестикомъ на шеѣ.

Тетушка Бале и ей хотѣла рассказать мою исторію; два или три сосѣда слушали, облокотившись у раствореннаго окна; сколько сыпалось проклятій на Говаровъ и Герло—и передать нельзя: ихъ называли негодяями и предсказывали имъ всякія пакости. Госпожа Мадлень тоже успокоилась.

— Ужь если дѣло сдѣлано, то я прошу только, говорила она:—чтобы онъ не очень шумѣлъ въ домѣ. Вѣдь мальчишки...

— Ну! отвѣчалъ дядя Антуанъ; когда становъ ходитъ, ничего

не слышно. Надо, чтобы дѣти веселились, и наша дѣвочка будетъ рада товарищу.

Наконецъ тетушка Бале поставила корзину къ себѣ на голову и сказала мнѣ:

— Идемъ, Жанъ-Пьеръ. Въ ожиданіи наслѣдства, идемъ-ка варить хорошія щи, а потомъ позаботимся какъ лечь спать.

Она вышла въ сѣни, и я взялъ ее за руку, очень довольный, что иду съ ней.

II.

Намъ надо было подняться три этажа: въ первомъ этажѣ помѣщались Дюбурги, во второмъ Ривели, а въ третьемъ, подъ крышей, мы. Все было сѣро и источено червями; маленькія окошечки на лѣстницѣ выходили во дворъ, по которому тянулась старая галлерей, гдѣ Дюбурги сушили бѣлье. Тамъ надо было послушать осенью мяуканье и драку кошекъ по ночамъ; они почти не давали заснуть.

Надъ галлереей была голубятня, съ остроконечной крышей и ржавыми большими гвоздями, воткнутыми вокругъ слуховаго окна, для того чтобы не могли пролѣзть туда въѣши. Но аспидъ обваливался съ каждымъ днемъ и голуби уже давно тамъ болѣе не гнѣздились.

Это я видѣлъ все, поднимаясь въ нашу комнату. Тетушка Бале вела меня за руку по темной узенькой лѣстницѣ и говорила:

— Держись прямо! выгни плечи! ходи хорошенько! Я говорю тебѣ, что ты будешь молодцемъ; но надо быть подтверже, не надо плакать.

На верху она отворила дверь, запиравшуюся на защелку, и мы вошли въ большую комнату, выбѣленную известкой, съ двумя выходящими на улицу окошечками, съ чугунной печкой посреди, труба которой шла зигзагомъ, и съ большимъ дубовымъ столомъ въ глубинѣ, на которомъ тетушка Бале рубила себѣ лукъ, петрушку и другія овощи для своей страпни.

Надъ столомъ на двухъ полкахъ помѣщались разрисованныя тарелки, круглая миска, и двѣ или три бутылки съ ставанами; въ одномъ ящикѣ шкапчика лежали оловянные ложки и вилки, а въ другомъ свѣчка, спички и огниво; внизу стоялъ большой кувшинъ для воды.

Большая кровать съ желтыми занавѣсками, помѣщавшаяся въ

углубленіи, большой сундукъ, накрытый коврикомъ, въ ногахъ около кровати и три стула довершали всю нашу обстановку.

На стѣнѣ висѣлъ, надъ столомъ, портретъ господина Бале, стараго капитана 37 линейнаго полка, въ большой трехугольной шляпѣ съ двумя нашивками поперегъ плечъ, съ свѣтло сѣрыми глазами, рыжими усами и смуглыми щеками, и, казалось, будто глядѣлъ на каждого проходящаго. Это былъ видный мужчина, державшій прямо голову, въ голубомъ высокомъ воротникѣ; тетущка Бале говорила иногда:

— Это Бале, мой покойникъ, который умеръ на полѣ чести 21 іюля 1813 г., во время отступленія при Витторіи, въ аррьергардѣ.

Послѣ этого она задумывалась, сжимала губы и продолжала стряпать и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ не говорила ни слова.

Слѣва отъ большой комнаты шла дверь въ чуланчикъ, исправлявшій роль чердака въ домѣ; слуховыя окна его оставались лѣтомъ открытыми; но когда въ концѣ ноября начиналъ падать снѣгъ, то ихъ затывали соломой. Въ чуланчикѣ на рѣшеткѣ лежали въ три ряда фрукты и распространяли пріятный запахъ.

Справа была еще каморка съ окномъ, выходившимъ на крышу на дворъ. Въ каморкѣ я спалъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ; въ ней было не болѣе восьми футовъ въ ширину и футовъ десять, двѣнадцать въ длину; но въ ней было хорошо, потому что большая труба, выходившая въ нее одной стороною, нагрѣвалась всѣмъ домомъ. Никогда въ серединѣ зимы не замерзала вода у меня въ кувшинѣ.

Сколько разъ, вспоминая объ этомъ, я восклицалъ:

— Жанъ-Пьеръ, не найди тебѣ такой ужъ комнаты!

Я говорю эти вещи теперь, для того чтобы объяснить вамъ мое удивленіе, когда я попалъ въ такое превосходное помѣщеніе.

Корзины съ вишнями всѣ стояли на полу, и г-жа Бале стала переносить ихъ въ чуланчикъ; потомъ она возвратилась съ отличнымъ еочнемъ капусты, пореемъ и нѣсколькими большими картофелинами и съ довольнымъ видомъ положила все это на столъ. Изъ шкапчика она достала хлѣбъ, соль, перецъ и кусокъ свиного сала; и такъ какъ я предвидѣлъ, что она хочетъ дѣлать, то взялъ ножъ нащипать щепокъ. Она взглянула на меня, улыбаясь, и сказала:

— Ты славный мальчикъ, Жанъ-Пьеръ. Намъ хорошо будетъ вмѣстѣ.

Она высѣкла огня, который я развелъ, пока она обрѣзала кочанъ и чистила картофель.

— Да, сказала она: — родственники твои негодны! Но я уверена, что отец и мать твои были хорошие люди.

Эти слова заставили меня снова заплакать. Тут она замолчала. Поставивъ кипятиться воду и положивъ въ нее овощи, она отворила мою комнату и сняла съ своей постели матрацъ, чтобы сдѣлать мнѣ постель; въ большомъ сундукѣ она взяла тканое одѣяло и чистыя простыни и, убравъ все, сказала:

— Теперь будетъ ладно.

Я въ восхищеніи глядѣлъ на нее. Наступилъ вечеръ. Въ половинѣ восьмого она нарѣзала хлѣба и налила супу въ двѣ толстыя, плубокія тарелки, раскрашенныя красными и голубыми цвѣточками; которыя я какъ будто теперь вижу, и весело вскричала:

— Ну, Жанъ-Пьеръ, садись и скажи мнѣ, вкусенъ ли нашъ супъ?

— Да, сказала я ей: — а запахъ какой у него славный, г-жа Бале.

— Зови меня тетушкой Бале, сказала она: — это мнѣ больше нравится. А теперь уписывай и не горюй.

Мы стали ѣсть; никогда не ѣдалъ я такого вкуснаго супу. Тетушка Бале подлила мнѣ еще двѣ большія ложки, и видя, что я такъ доволенъ, она сказала, смѣясь:

— Ты растолстѣешь, какъ эстрамадурскій монахъ.

Послѣ супу она мнѣ дала еще свиного сала съ хоронимъ кускомъ хлѣба; я благодарилъ Создателя, что онъ не допустилъ Гокарамъ и Гермо взять меня къ себѣ, потому что эти скряги заставили бы меня пасти коровъ и ѣсть одинъ картофель до конца дней моихъ. Я говорилъ объ этомъ тетушкѣ Бале, хохотавшей отъ всей души и находившей, что я правъ.

Наступила ночь, свѣча горѣла на столѣ. Г-жа Бале убрала со стола и начала рыться въ своемъ большомъ сундукѣ, раскладывая по постели все старое платье и рубашки, оставшіяся у ней послѣ покойника. Я же сидя на камнѣ очага, обнявъ свои колѣни, съ умиленіемъ смотрѣлъ на нее, думая, что духъ отца моего вселился въ нее, чтобы спасти меня. Отъ времени до времени она говорила:

— Это еще можетъ служить, это мы посмотримъ.

Потомъ она восклицала:

— Что ты молчишь, Жанъ-Пьеръ? О чемъ ты думаешь?

— Я думаю, что я очень счастливъ.

— Ну, значить мы оба очень счастливы. Намъ не надо ни Гермо, ни Дюбурговъ, ни кого. Мы видывали кой-кого получше въ

Германіи, въ Польшѣ и въ Испаніи... Вотъ и Бале поможетъ намъ... Видишь, Жанъ Пьеръ, какъ онъ оттуда смотритъ на насъ?

Обернувъ голову, мнѣ показалось, что онъ точно смотритъ на насъ, и мнѣ стало страшно; я припомнилъ деревенскія молитвы и сталъ читать ихъ про себя.

Наконецъ, часамъ къ десяти, тетушка Бале воскликнула:

— Все хорошо... Ну, идемы! ты вѣрно хочешь спать.

— Да, тетушка Бале.

— Тѣмъ лучше! про себя я могу сказать тебѣ тоже самое.

Мы вошли въ мою каморку, она поставила свѣчку на полъ и уложила меня, подложивъ подъ голову подушку. Потомъ закрыла меня до подбородка большимъ одѣяломъ съ цвѣточками и сказала:

— Спи хорошенько, не церемонься. Ты не глупѣ многихъ другихъ, которые никогда не стѣсняются. Ну...

Послѣ этого она ушла.

Мнѣ хотѣлось еще подумать о моемъ великомъ счастьѣ, но меня такъ клонилъ сонъ, и мнѣ было такъ хорошо, что я тотчасъ же заснулъ.

III.

Никогда не спалось мнѣ такъ хорошо, какъ въ эту ночь. Какое счастье сознавать, что нашелъ себѣ гнѣздо. Это сознаніе является даже средн сна и улаживаетъ его.

На разсвѣтѣ, когда солнце стало нѣсколько освѣщать окошко, я тихо проснулся. Въ старомъ домѣ раздавался стукъ станка, старикъ Антуанъ Дюбургъ уже пускалъ челнокъ между нитокъ, и стукъ этотъ мнѣ суждено было слушать въ продолженіе десяти лѣтъ. Воспоминаніе о постукиваньи станка на вѣки осталось у меня въ ушахъ, и даже въ глубинѣ души.

Я услышалъ, что тетушка Бале вставала у себя въ комнатѣ. Она высѣкла огня, отворила окно, чтобы освѣжить комнату; развела огонь и надѣла свои толстые деревянные башмаки, чтобы пойти за молокомъ къ г-жѣ Штаркѣ, молочницѣ, жившей на углу. Я слышалъ, какъ она сошла и подумалъ:

— Зачѣмъ это она пошла?

На дворѣ расгвѣвалъ гнѣтухъ; по улицѣ проѣзжали таратайки, городъ просыпался. Черезъ нѣсколько минутъ послышался стукъ поднимавшихся на лѣстницу деревянныхъ башмаковъ; тетушка Бале возвратилась, приготовила кофе, поставила кипятиться моло-

ко; потомъ отворила потихоньку ко мнѣ дверь, и я увидѣлъ, какъ эта добрая женщина, не слышавшая, что я шевелюсь, заглянула ко мнѣ. Видя же, что я, какъ заяцъ, гляжу во всё глаза, она мнѣ сказала:

— А! а! Видишь какъ... онъ тутъ нѣжится!.. Ахъ, эти мужчины, имъ бы только поваляться... Это ужъ въ крови у нихъ!.. Ну, Жанъ-Пьеръ, пора на ноги!

Я быстро всталъ и надѣлъ штаны. Наконецъ она посадила меня къ себѣ на колѣни, чтобы помочь надѣть башмаки, и потомъ, погладивъ меня по головѣ своей длинной рукой, сказала улыбаясь:

— Веди себя хорошенько, и ты будешь красавцемъ... Да... будешь красавцемъ... Не слѣдуетъ однако же гордиться. Иди теперь, вымойся внизу у колодца; вымой лицо, шею, руки... Чистоплотность лучшее качество человѣка. Нечего бояться загрязнить воду, Жанъ-Пьеръ, она на то и создана.

— Да, тетуська Бале, отвѣчалъ я ей, спускаясь съ старой крутой лѣстницы.

Она же, нагнувшись сверху на перила, съ головой повязанной желтымъ платкомъ и въ серебряныхъ серьгахъ, кричала мнѣ:

— Смотри, не упади!.. осторожнѣй!

Послѣ этого она вошла къ себѣ въ комнату. Внизу лѣстницы я увидѣлъ входъ во дворъ слѣва, въ концѣ сѣней, а справа маленькую кухню Дюбурговъ, отворенную настежь; на очагѣ пылалъ огонь, освѣщая кострюли и блюда. Въ кухнѣ была г-жа Мадленъ, и я тотчасъ же сказалъ ей:

— Здравствуйте, г-жа Мадленъ.

И побѣжалъ на колодець, гдѣ славно вымылся. Становилось уже жарко, лучи солнца пробивались на дворъ и согрѣвали меня. На перилахъ галереи сидѣла, поджавъ ноги подъ животъ, сѣрая кошка, и казалось будто спала на солнышкѣ, а воробьи летая кричали и дрались въ дождевыхъ жолобахъ.

Я смотрѣлъ и слушалъ эти новыя для себя вещи, обсушиваясь подлѣ колодца, когда изъ глубины сѣней начала кричать Анета Дюбургъ.

— А, это ты, Жанъ-Пьеръ!

— Да, — это я.

Мы обрадовались и вмѣстѣ расхохотались; а г-жа Мадленъ крикнула изъ кухни:

— Анета... Анета... не мани... оставь въ покоѣ Жана-Пьера.

Тутъ я быстро вбѣжалъ на верхъ. Тетуська Бале, увидавъ, что я чистъ и свѣжъ, осталась довольна.

— Такимъ надо быть всегда, сказала она. — Теперь напьемся кофе, и потомъ идемъ на рынокъ.

Чашки уже стояли на столѣ. Въ первый разъ въ жизни пилъ я кофе, что находилъ очень вкуснымъ, находилъ даже вкуснѣе супу. Послѣ этого надо было вымести комнаты, вымыть посуду и привести все въ порядокъ.

Часовъ около семи мы отправились. Тетушка Бале несла на головѣ одну изъ корзинокъ съ вишнями, а я несъ въ корзинкѣ вѣсы и гири. Такимъ образомъ мы вышли. Погода была отличная.

Вязальщикъ, мелочной лавочникъ и другіе кунцы, стоя безъ сюртуковъ около своихъ лавокъ, которыя они только-что открыли, смотрѣли на насъ, когда проходили по большой улицѣ. Слухъ, что тетушка Бале взяла на свой счетъ ребенка изъ Саверна, уже распространился, и многіе не хотѣли ему вѣрить. Двое или трое изъ рыночныхъ знакомыхъ, молочница Штаркъ и башмачница, спрашивали у нея:

— Это вашъ ребенокъ?

— Да, мой, говорила она, смѣясь: — Не легко, конечно, родить въ мой года ребенка, который, только-что родившись, уже ѣсть супъ. Я этимъ могу похвалиться.

Надъ этимъ хохотали. Вскорѣ мы дошли до площади стараго дворца Савернскаго епископа. Тамъ подъ акаціями помѣщался нашъ досчаной балаганъ, рядомъ съ пятью, съ шестью такими же. Солнце весело свѣтило, а мы сидѣли въ тѣни, съ корзиною вишенъ. Служанки, гусары приходили покупать у насъ вишни по три су за фунтъ, дѣти обыкновенно покупали у насъ сантима на два, на три.

Все это удивляло меня, такъ какъ я ничего подобнаго не видывалъ. Два или три раза тетушка Бале велѣла мнѣ выйти на площадь познакомиться съ товарищами. Наконецъ, я вышелъ и тотчасъ меня обступили и стали спрашивать:

— Откуда ты?

Я отвѣчалъ, какъ умѣлъ. Наконецъ большой рыжій мальчикъ, сынъ писаря Матерна, выдернулъ у меня сзади рубашку изъ панталонъ, чтобы насмѣшить народъ, и въ ту же минуту тетушка Бале издали крикнула мнѣ:

— Хвати его, Жанъ-Пьеръ!

Я бросился на долговязаго Матерна, злобнаго какъ рыжій осель, и съ перваго же удара повалилъ его на полъ. Тетушка Бале кричала:

— Не робѣй, Жанъ-Пьеръ!.. Откатай его за это!.. Ахъ, онъ негодный.

Присутствующіе увидѣли въ этотъ день, что я силенъ, и поэтому всѣ въ городѣ говорили:

— Мальчикъ тетушки Бале силенъ! Онъ изъ Саверна; онъ пасъ коровъ и козъ и очень силенъ!

И всѣ меня стали уважать. Долговязый Матернъ и братъ его Жеромъ очень сердились на меня, но ничего не смѣли сказать. Тетущка Бале казалась очень довольна.

— Хорошо, говорила она:—я очень рада! Не надо самому нападать на другихъ, но не надо и спускать другимъ; въ этомъ узнается человѣкъ. Кто позволяетъ наступать себѣ на ногу, тотъ дрянъ.

Она радовалась. Часамъ къ пяти мы продали вишни, и пошли домой готовить себѣ обѣдъ, ѣсть и спать.

Такимъ образомъ все это повторялось ежедневно. Дни были то солнечные, то дождливые. Послѣ вишенъ тетущка Бале стала продавать маленькія груши, послѣ грушъ сливы и т. д. Она не заставляла меня постоянно сидѣть у себя въ балаганѣ, а напротивъ того говорила мнѣ:

— Пойди побѣгать! Въ твои года нельзя сидѣть какъ монаху за чегвами; дѣти должны бѣгать, прыгать, двигаться. Это необходимо для роста и силы. Иди играть!

Конечно, я самъ этого хотѣлъ и въ первыя же двѣ недѣли я зналъ уже и Матерновъ, и Гурдье, и Пуле, и Робишоновъ, словомъ, всѣхъ школьниковъ города; потому что, слава Богу, довольно было времени, отъ шести часовъ утра до семи вечера, бѣгать по улицамъ, смотрѣть на токаря, кузнеца, точильщика, жестянника, столяра, было время заглянуть и въ конюшни, въ амбары, на сѣновалы, побѣгать вдоль изгородей, подбирая оставшуюся малину и ежевику..

А драки шли своимъ чередомъ! Всякій вечеръ, возвращаясь, я слышалъ, какъ г-жа Дюбургъ кричала изъ конца сѣней.

— Славно учится Жанъ-Пьеръ. Посмотрите-ка на его локти... Посмотрите на колѣни... взгляните на носъ... на уши... Славно.

Я не отвѣчалъ и торопливо взбирался на верхъ. Но если въ это время случалось тутъ бывать тетущкѣ Бале, то слова эти ее сердили.

— Г-жа Дюбургъ, говорила она:—пусть лучше онъ будетъ такимъ оборваннымъ, но не позволяетъ себя бить. Слава Богу! мало еще собакъ, которыя убѣгаютъ поджавши хвостъ, когда ихъ хлоп-

нужь, это ужь пусть дѣлають другіе; а я люблю тѣхъ, кто ока-
леть зубы и кусаетъ, тогда на нихъ нападаютъ. Чтожь дѣлать, у
всякаго свой вкусъ. Не люблю трусовъ, они мнѣ портятъ вровь.
Да и кромѣ того, г-жа Мадленъ, не надо мѣшаться не въ свое
дѣло.

Послѣ этого она брала меня за руку, и мы гордо уходили на
верхъ. Во второмъ этажѣ жилъ старый стекольщикъ Ривель, у ко-
торого всегда въ жаркое время была отворена дверь на лѣстницу.
Онъ молча сидѣлъ съ очками въ мѣдной оправѣ на носу, какъ
молча сидѣла его маленькая жена, съ утра до ночи занятая инитьемъ,
и у нихъ въ комнатѣ только скрипѣли стекла на столѣ. Когда мы,
проходя, здоровались или прощались съ ними, то они оба молча
наклонили голову.

Эти добрые люди никогда ни съ кѣмъ не осорились; они похо-
дили нѣсколько на свои два горшка съ резедой, которые цвѣли у
нихъ за окошкомъ въ тѣни дворика. Они никогда не возвышали
голоса. Иногда только по вечерамъ жена кликала на лѣстницѣ
кошку, потому что они не могли лечь спать, не пустивъ въ ком-
нату своей кошки.

Все шло своимъ порядкомъ, такъ какъ тетупка Бале была до-
вольна; но черезъ шесть недѣль или два мѣсяца, разъ вечеромъ,
когда у насъ съ двумя Матернами произошла драка за еврейскимъ
кладбищемъ, и когда они такъ валяли меня въ кранивѣ, что лицо
мое, руки и даже ноги подъ панталонами были красны какъ варе-
ные раки, тетупка Бале, съ грустью глядѣвшая на меня, вдругъ
сказала мнѣ за ужиномъ:

— Сегодня, Жанъ-Пьеръ, не мы остались побѣдителями; другіе
привезли пушки, а мы съ трудомъ спасли знамена.

Услыхавъ это, я разсердился и отвѣчалъ:

— Да они напали на меня вдвоемъ!

— Справедливо; они вѣчно вдвоемъ и втроемъ на одного. Но
мнѣ пріятно, что ты никогда не жалуешься и все переносишь.
Чтожь дѣлать? На войнѣ надо быть по военному: на войнѣ вы-
игрываютъ, проигрываютъ, опять выигрываютъ, двигаются впередъ,
отступаютъ.—Ты не жалуешься!.. такъ же какъ Бале, онъ никогда
не жаловался; даже въ день своей смерти онъ посмотрѣлъ на ме-
ня, какъ бы говоря:—Это ничего... мы наверстаемъ!—Вотъ это такъ
называется быть мужчиной... Онъ могъ сдѣлаться яримцемъ, гер-
цогомъ и королемъ, какъ и всякой другой; на это у него не было
недостатка въ крабрости, ни въ доброй волѣ, но у него не было
хорошаго почерка и онъ не зналъ четырехъ правилъ арифметики;

не будь этого, Богъ знаетъ, что было бы съ нами! Я, можетъ быть, была бы герцогиней де-Бале, или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ.. Къ несчастію, бѣдный Бале не зналъ четырехъ правилъ! Словомъ, что тутъ было дѣлать? Но за то мнѣ не хочется, чтобы тоже самое случилось съ тобой, и надо, чтобы ты зналъ все; я хочу, чтобы ты попалъ въ главный штабъ, понимаешь?

— Да, тетушка Бале.

— Я хочу, чтобы ты началъ немедя; и завтра же я сведу тебя къ г. Васеро, который пройдетъ съ тобой всю школьную науку. Послѣ этого ты можешь выбирать какое хочешь ремесло. Деньги можно зарабатывать различно; одни зарабатываютъ ихъ пляской на канатѣ, другіе продавая вишни и груши, вотъ какъ мы, третин наводя полуду на костюли или подставляя лобъ за короля прусскаго, который допускаетъ къ себѣ въ армію только дворянъ, такъ что храбрость, смѣтливость и знаніе не могутъ достигнуть офицерскаго чина. Да, Жанъ-Пьеръ, деньги приобрѣтать можно ладовъ на пятьдесятъ, мнѣ это приводилось видѣть! Но всего пріятнѣе сидѣть въ большомъ мягкомъ креслѣ, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстухѣ и жабо, какъ я видѣла много разъ, и улыбаться людямъ, которые приходятъ поклониться, снимая шляпу до земли, говоря:— господинъ посланникъ... господинъ префектъ... господинъ министръ, и т. д. Это очень удобно, но для этого надо знать четыре правила и имѣть хорошій почеркъ. Такъ мы пойдемъ къ г. Васеро, Жанъ-Пьеръ. Это рѣшено, сказала она, вставая; завтра рано мы пойдемъ, хотя бы пришлось платить тридцать су въ мѣсяць, мнѣ все равно.

Потолковавъ такимъ образомъ, мы отправились спать, и до полуночи я все мечталъ о школѣ, о старикѣ Васеро, о четырехъ правилахъ и обо всемъ, что говорила мнѣ тетушка Бале.

На слѣдующій день, рано по утру, тетушка Бале великолѣпно разрядилась. Когда я вышелъ изъ моей комнаты часовъ около семи, я увидѣлъ на ней очень нарядное платье съ зелеными цвѣтами; изъ своихъ сѣдыхъ волосъ она сдѣлала двѣ большія взбитыя булки надъ ушами и надѣла большой бѣлый чепецъ, что придавало ей почтенный видъ.

— Садись, Жанъ-Пьеръ, сказала она: — надо позавтракать. Черезъ полчаса мы отправимся.

Потомъ она надѣла на меня чистую рубашку, новые башмаки и мою бархатную куртку; она открыла большой сундукъ и достала изъ него очень хорошую шаль, которую надѣла на плечи передъ нашимъ маленькимъ зеркальцемъ; бахромка шали почти касалась

полу у подола платья. Когда все было прилажено, она повела меня.

Я никогда не видывалъ школы въ Савернѣ и это безпокоило меня, но такъ какъ госпожа Бале шла передо мной, то мнѣ поневолѣ приходилось идти за ней.

Внизу, въ темныхъ сѣняхъ, изъ дверей своей кухни выглянула госпожа Дюбургъ и съ удивленіемъ смотрѣла намъ вслѣдъ. На улицѣ тетушка Бале взяла меня за руку и сказала:

— Войдя въ школу, сними шапку.

Мы пошли по маленькой улицѣ и вдругъ передъ старымъ домомъ, выходящимъ угломъ на двѣ улицы, я услышалъ бездну голосовъ, кричавшихъ вмѣстѣ: *б-а-ба! б-е-бе! б-и-би!* и т. д. Отъ крика стекла стараго дома дрожали; а между этими дѣтскими голосами какой-то страшный голосъ кричалъ:

— Матернъ! Пстой! вотъ я встану!

Это былъ голосъ г. Васеро, кричавшаго на Матерна.

Мы пришли въ школу. Отъ звука этого голоса у меня ужъ забѣгали мурашки по спинѣ. Въ это же время мы вышли на маленький дворикъ, гдѣ нѣсколько дѣтей застегивали себѣ подтяжки, и тетушка Бале сказала мнѣ:

— Идемъ!

Она пошла влѣво въ темный корридоръ, куда и я пошелъ за нею. Въ концѣ сѣней была дверь съ маленькимъ квадратнымъ окошкомъ посрединѣ; тамъ-то и пѣлось посреди страшнаго гама *б-а-ба!*

Тетушка Бале отворила дверь. Въ ту же минуту все смолкло, и я увидѣлъ большую залу: ряды желтыхъ столовъ, закапанныхъ всюду чернилами, скамейки, гдѣ сидѣли дѣти въ деревянныхъ и кожаныхъ башмакахъ и босые, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ протирали себѣ штаны; прописи, повѣшанныя на веревочкахъ, висѣли вдоль оконъ; направо за дверью помѣщалась большая чугунная печка; съ той же стороны на стѣнѣ висѣла черная картина; а налѣво, между двухъ оконъ, стояла каеэдра, гдѣ сидѣлъ г. Васеро, въ черной шелковой шапочкѣ, вздернутой на затылокъ, съ большой плеткой, сложенной на копитрѣ. Онъ сидѣлъ величаво, положивъ на копитрѣ руку, вытянувъ два пальца, и писалъ при-мѣръ.

Въ комнатѣ толпились дѣти отъ шести до двѣнадцати лѣтъ; старшія сидѣли вокругъ столовъ, младшія на тройномъ рядѣ скамеекъ, противъ каеэдры. Тетушка Бале подвела меня къ старику Васеро, объявила въ чемъ дѣло и оставила въ школѣ.

Въ первый день, когда прочли молитву и стали убѣгать, говоря: «прощайте, господинъ Васеро!» я такъ обрадовался, выбравшись на воздухъ, что въ одинъ мигъ очутился дома и взлетѣлъ на верхъ, крича:

— Кончено!

Старикъ Антуанъ Дюбургъ не могъ утерпѣть, чтобы не засмѣяться, и даже старшеъ стекольщикъ Ривель поднялъ носъ къ верху, посмотрѣлъ въ свои большіе очки, какъ я бѣгу по лѣстницѣ и сказалъ своей женѣ:

— Вотъ, Катерина, лучшее время жизни; тогда не думаютъ ни о завтракѣ, ни объ обѣдѣ; когда кончится классъ, значить, нарботался на цѣлый день. Не воротится ужь этому времени.

Тетушка Бале тоже была очень довольна.

IV.

Съ этого дня школа была мнѣ знакома: я зналъ, какъ надо пѣть на вытяжку *б-а-ба*, подмѣчать малѣйшія движенія г. Васеро, и дѣлать видъ, что занимаешься, а самому смотрѣть, какъ летаютъ мухи.

Утромъ, тотчасъ послѣ класса, я отправлялся на площадь въ нашъ балаганъ, къ тетускѣ Бале; и она меня почти всегда спрашивала:

— Ну что, Жанъ-Пьеръ, идетъ?

— Да, но все-таки трудно.

— И, говорила она:—на этомъ свѣтѣ все трудно. Если бы яблоки и груши катались по большой дорогѣ, то не садили бы деревьевъ; если бы хлѣбъ самъ шелъ въ карманъ, то не сѣяли бы зеренъ, не желали бы дождя и солнца, не жали бы и не складывали бы въ снопы, не вѣяли бы и не носили бы мѣшки на мельницу, не мололи бы, не везли бы муку къ булочнику, не мѣсили бы тѣсто и не пекли бы; все это было бы очень удобно, но этого не можетъ быть, и слѣдовательно надо, чтобы люди помогали всему этому. Все, что растетъ само по себѣ, никуда негодится, какъ чертополохъ, крапива, репейникъ и трава въ болотахъ. И чѣмъ больше прилагаютъ стараній, тѣмъ лучше выходитъ дѣло; такъ, наприкладъ, для винограда, на возвышеніяхъ среди камней, надо носить навозъ въ корзинахъ; это вѣдь тоже трудно, Жанъ Пьеръ, но за то

и вино вкусно. Если бы ты видѣлъ, какъ въ Испаніи, на югѣ Франціи и вдоль Рейна работаютъ на солнцѣ, чтобы добыть вина, то сказалъ бы: «какое еще счастье сидѣть въ тѣни и учиться тому, изъ чего всю жизнь можно извлекать пользу!» Теперь тебя пашеть и въ тебя сѣть старикъ Васеро, а потомъ кто же будетъ жать? у кого будетъ на полкѣ хлѣбъ? У тебя! Я это дѣлаю потому, что ты мнѣ нравишься, и надо этимъ пользоваться. Я не вѣкъ вѣдь буду съ тобой. Пользуйся, пользуйся!...

Эти вещи задѣвали меня за живое, и я старался; мнѣ хотѣлось все знать, чтобы радовать тетушку Бале.

Надо и то сказать, что господинъ Васеро не былъ мною доволенъ, потому что черезъ недѣлю я зналъ буквы, и онъ говорилъ даже вслухъ:

— Посмотрите-ка на Клавеля, онъ выучился буквамъ въ одну недѣлю, тогда какъ этотъ большой, рыжій осель, Матернъ, и этотъ бездѣльникъ, Гурдые, въ три года только выучились разорять гнѣзда и вырывать изъ огородовъ морковь послѣ классовъ. Ахъ негодяи!... Ахъ, вы скверное отродье!

Говоря это, онъ сердился и кончалъ тѣмъ, что бросался на нихъ, такъ что школа оглашалась ужасными криками, а господинъ Васеро повторялъ безъ устали:

— Если васъ когда нибудь повѣсятъ, меня нельзя будетъ упрекнуть, потому что, слава Богу! не мало я стараюсь исправить васъ. Я трачу больше плетковъ на этихъ Матерновъ и Гурдые, нежели на всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ; и все-таки это ни къ чему не ведетъ, они становятся все хуже и хуже, и ко мнѣ приходятъ ежедневно съ жалобами, какъ будто я въ этомъ виноватъ.

Около этого-то времени, г. Васеро перевелъ меня въ третій классъ, къ старшимъ, и сказала мнѣ:

— Скажи госпожѣ Бале, что тебѣ надо купить аспидную доску для писанья.

Тетушка Бале была отъ души довольна, когда узнала, что я иду впередъ.

— Я довольна тобой, Жанъ-Пьеръ, сказала она мнѣ, ты меня утѣшаешь.

Всѣ жильцы въ нашемъ домѣ, и даже сама госпожа Мадленъ привыкли наконецъ ко мнѣ; противъ меня уже ничего болѣе не говорили. Маленькая Анета выбѣгала ко мнѣ на встрѣчу, когда я возвращался изъ школы, говоря:

— Вотъ нашъ Жанъ-Пьеръ!

Я былъ бы очень счастливъ; но мнѣ тяжело было сидѣть вѣчно

въ заперти; я не могъ привыкнуть сидѣть по два часа неподвижно. Да! жизнь вещь трудная, и на свѣтѣ рождаются люди не для радости.

Сколько разъ, сидя въ классѣ, когда солнце свѣтило въ открытыя окна черезъ висѣвшія прописи, и мошки кружились на свѣтѣ, сколько разъ забывалъ я и доску, и примѣры, и черты, старую залу, товарищей и грамматку, глядя на яркій свѣтъ, выпучивъ глаза, какъ мечтающая кошка, и я представлялъ себѣ гору въ Савернѣ: высокій лиловый верескъ и желтоцвѣтный золотой дрокъ, въ которомъ жужжали пчелы; козъ, лазившихъ на право и на лѣво по скаламъ, вытягивая свои длинныя, худыя шеи, съ маленькой бородкой, чтобы достать жимолость; быковъ, лежавшихъ подъ тѣнью стараго бука, съ полузакрытыми глазами и тихо мычавшихъ, какъ будто жалуясь на зноѣ; щелканье бичей, раздающихся въ горахъ Сень-Виттъ; и нашъ маленькій огонекъ изъ хвороста, съ взвизгивающимъ къ облакамъ дымомъ; бѣлую золу, гдѣ мы пекли картофель; потомъ большіе, сосновые, темные лѣса, спускавшіеся въ глубь долины; плескъ воды, пѣніе дроздовъ по ночамъ, стукъ топора дровосѣка въ тиши, валившаго дерева... Сколько разъ... сколько разъ вспоминалъ я все это!

Вдругъ надо мной раздавался голосъ:

— Клавель, что ты смотришь?

Я вздрагивалъ и тотчасъ же принимался за работу.

Г. Васеро рѣдко билъ меня. Онъ дѣлалъ большое различіе между учениками, и возмущался только противъ неисправимыхъ. Мнѣ кажется, онъ угадывалъ мои мысли, и что у него самого бывали въ прежнее время такія же, когда онъ вспоминалъ о своей деревнѣ.

Для тѣхъ, кто привыкъ къ воздуху, для дѣтей, которыя впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ птицы гнѣздились вокругъ лѣса, надо много времени, чтобы забыть все это; воспоминаніе о зелени постоянно является къ нимъ, а пріятный запахъ листьевъ, луговъ, ручьевъ долетаетъ до нихъ черезъ городскіе валы.

Не будь у насъ четверговъ, мнѣ кажется, я умеръ бы съ горя, потому что, не смотря на вкусныя супы тетушки Бале, я видимо худѣлъ. Къ счастью, у насъ были четверги: завтра мы отправимся въ г. Баръ за орѣхами, будемъ бѣгать подъ тѣнью сосенъ, лазить, кричать и дѣлать все, что намъ вздумается.

Да! четверги.... Ахъ! если бы ихъ было по два въ недѣлю.

По воскресеньямъ надо было ходить къ обѣдни и къ вечерни, такъ и пропадала половина дня.

Но по четвергамъ мы уходили съ ранняго утра, и тетушка Бале, провожая, говорила мнѣ:

— Да, тебѣ надо побѣгать, Жанъ-Пьеръ, я не хочу, чтобы ты такъ худѣлъ. Школа вещь хорошая.... очень хорошая, но нельзя же надсаживаться, сидя за книгами. Дѣтямъ нуженъ воздухъ. Иди, побѣгай! Выкупайся, но смотри, не заходи въ опасныя мѣста. Пока не выучишься хорошо плавать, надо держаться около берега. Тонуть только дураки.

Все это говорила она мнѣ напрасно, потому что за два дня раньше я думалъ о томъ, какъ буду купаться и бѣгать. Насъ было трое: мелевый Жанъ-Поль Латушъ, сынъ экспедитора, Эммануэль Доломье, сынъ нашего мирового судьи, и я; Анета хотѣла ходить съ нами; она плавала, цѣловала меня; но г-жа Мадленъ не позволяла, и когда мы бѣжали уже далеко въ концѣ улицы, мы все еще слышали ея крикъ и плачь.

У Эммануэля и Жанъ-Поля въ карманѣ всегда бывало нѣсколько су; у меня бывала только краюшка хлѣба, но зато я находилъ больше орѣховъ, больше черники, и мы дѣлились.

Первымъ нашимъ желаніемъ было всегда идти купаться. Да, рѣка Цернь, съ своими осинами и буками, хорошо знала насъ; а и теперь могъ бы показать вамъ хорошее песчаное дно направо отъ долины Сибль.

Господи! какое наслажденіе добраться до окраины голой скалы и смотрѣть внизъ на огромную долину, заросшую лѣсомъ, на большіе луга, глубокую тропинку, спускающуюся въ горячемъ пескѣ, между висящихъ маленькихъ корней, гдѣ бѣгаютъ сотни ящерицъ, и какое наслажденіе пуститься вскачь по этой тропинкѣ, окаймленной высокими сухими верескомъ!

Какое веселье подойти къ берегу рѣки, сунуть въ нее руку и тихо кричать: «тепла!» потомъ быстро сбросить на землю блузу, снять башмаки, панталоны, чулки, прячась и смѣясь, въ то время, какъ вода свиститъ и кипитъ надъ черными камешками; потомъ бросаться поочередно: разъ... два.... три... и спускаться по теченію, точно лягушки, подъ трепещущею тѣнью; а зеленныя стрекозы летаютъ зигзагами и трещатъ крыльями подъ зеленымъ сводомъ листьевъ.

Хорошее время!

Какъ дрожитъ, привставъ изъ пѣны, какъ хлопаешь другъ друга по спинѣ, убивая большихъ сѣрыхъ мухъ, сѣвшихъ чтобы укусить; какъ приятно бѣгать, брызгаться водой, а потомъ прислушиваться и трусить сторожа!—Какъ вѣдь подслушиваешь!

Потомъ, когда начинаютъ уже щелкать зубы, и когда говоришь другъ другу: «По кожѣ бѣгають мурашки... нора выходить!» и когда сидишь въ горячій песокъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ поспѣлымъ лицомъ, какой чувствуешь вдругъ апетитъ, и если съ собой случится краюшка хлѣба, съ какимъ удовольствіемъ уплетаешь ее! Господи, вѣдь бываютъ же въ жизни хорошіе дни!

Потомъ, одѣвшись, идешь въ лѣсъ, освѣженный, прозябшій, пошвыстывая и ударяя по кустамъ, для того чтобы отереть блѣдныя кисти орѣховъ... Ну вотъ какова жизнь! Если бы школы существовали только для того, чтобы были четверги, я сталъ бы утверждать, что это учрежденіе полезное.

И такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы; послѣ воскресенья и четверга школа; послѣ лѣта осень: время грушъ и яблоковъ, которые убираются въ кладовыя, время, когда опадаютъ листья, когда порывы вѣтра несутъ сухіе листья по дорожкамъ.

Когда орѣхи, черника и ежевика пройдутъ, то значить—всему конецъ. — А холодъ, первый бѣлый морозъ, зима, закрытыя двери, старый станокъ однообразно стучащій, дождь вмѣстѣ съ вѣтромъ пробивающійся къ намъ въ балаганъ на площади; все приходитъ своимъ чередомъ, какъ веселье такъ и скука.

Зима не коротка у подножія горъ, а между тѣмъ съ какимъ наслажденіемъ припоминаешь очагъ, закутанныя фигуры добрыхъ сосѣдей, рукавицы доходящія до локтей, башмаки подшитые красной кожей, и даже большую печь въ школѣ, когда, придя ранѣе другихъ еще на разсвѣтѣ, до прихода г. Васеро, грѣешься вокругъ съ мѣшкомъ за спиною, въ то время какъ дождь льетъ ливнями по окнамъ!

Какъ потомъ говоришь себѣ: когда наступитъ еще разъ это время, когда мы будемъ опять молоды?

V.

Такимъ образомъ прошло три года. Я былъ тогда однимъ изъ первыхъ въ школѣ; я зналъ катихизисъ, у меня былъ хорошій почеркъ, писалъ я правильно и зналъ четыре правила. Наступило время конфирмоваться и приняться за какое нибудь ремесло.

Тетушка Бале часто повторяла мнѣ:

— Въ мое время, Жант-Пьеръ, когда храбростью и случаемъ

можно было добиться до всего, я совѣтовала бы тебѣ дожидаться восемнадцати лѣтъ и потомъ пойти въ военную службу; но нынче я вижу, что дѣлается: военная служба ничего не значитъ; люди сбѣгаютъ изъ гарнизона въ гарнизонъ, отправляются на нѣскольکو лѣтъ въ Африку учиться пить абсентъ и потомъ возвращаются шалошами.

Эммануэль Доломье, маленькій Жанъ-Поль и многіе другіе изъ моихъ товарищей уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ учились по латыни въ Пфальцбургскомъ лицей, чтобы сдѣлаться судьями, адвокатами, нотариусами, офицерами и т. д.

Г. Васеро утверждалъ, что я способнѣе ихъ, и что жаль оставить меня недоучившимся; но къ чему и способности, когда чело-вѣкъ бѣденъ? Надо зарабатывать хлѣбъ насущный!

Сердце у меня ныло отъ грусти; но я, не желая огорчать тетюшку Бале, скрывалъ отъ нея свое горе, какъ къ концу осени случилось происшествіе, которое мнѣ не забыть никогда. Утромъ за вѣдѣлю до моей конфирмаціи, всѣмъ было уже извѣстно, что я буду во главѣ другихъ читать *торжество вторы*, и отвѣчать. Самъ священникъ Язовъ пришелъ связать объ этомъ къ намъ въ домъ, и слухъ объ этомъ разнесся по всѣмъ городскимъ бумажкамъ.

Это было для насъ честью, но зато стоило большихъ издержекъ. Объ этомъ говорилось ежедневно. Госпожа Мадленъ, вмѣшивающаяся во все, считала столько-то на платье, столько-то на жилетъ, на бѣлый галстухъ, столько-то на панталоны, башмаки и шляпу; все вмѣстѣ это составляло большую сумму, и тетюшка Бале говорила:

— Что же дѣлать, надо постараться. Жанъ-Пьеръ примется теперь за ремесло; это послѣдній великій день его юности.

Анета, уже порядочно подростшая, восклицала:

— Такъ какъ онъ первый по ученю, ему надо быть и первому по наряду.

Я же, начинавшій уже понимать жизнь, молчалъ.

Въ это утро, въ то время какъ внизу въ комнатѣ Дюбурговъ шла рѣчь объ этомъ важномъ происшествіи, а тетюшки Бале не было дома, въ восемь часовъ - отворилась дверь и въ комнату вошла высокая рыжая женщина съ корзинкой на рукѣхъ.

Въ маленькой комнатѣ было нѣсколько темно и я не узналъ этой женщины съ перваго взгляда. И только, когда она начала кричать пронзительнымъ голосомъ, какъ на базарѣ: «Здравствуйте, господа, здравствуйте! Я пришла посмотреть на нашего мальчика!» — узналъ я въ ней госпожу Гокаръ, свою двоюродную сестру, ту

которая, три года тому назадъ, отказалась отъ меня, говоря, что отецъ мой негодяй.

Она осматривалась во всѣ стороны, я же такъ былъ пораженъ, что кровь застыла у меня въ жилахъ.

— Ну! крикнула она, увидавъ меня:—ну! Жанъ-Пьеръ, говорятъ, что ты хорошо ведешь себя?.. Это радуетъ насъ всѣхъ, насъ твоихъ родственниковъ, и бѣднаго Герло: у него были даже слезы на глазахъ... А Пезель... а Коніанъ!..

Я молчалъ, совершенно возмущенный.

— Садитесь-же, госпожа Говаръ, сказала госпожа Мадленъ, подвигая ей стулъ:—садитесь. Да, да, на него жаловаться нельзя, слава Богу. Но вамъ для конфирмаціи... какія издержки!

— Это такъ, воскликнула долговязая Говаръ:—мы уже думали объ этомъ, мы говорили: «эта почтенная госпожа Бале не можетъ же все сдѣлать; но вѣдь это кровь наша... Это нашъ родственникъ!» Ну такъ вотъ...

Она сняла покрыву съ корзины и достала оттуда новое платье, пару башмаковъ, панталоны и жилетъ.

Госпожа Мадленъ и Анета кричали отъ восторга:

— Ахъ, госпожа Говаръ!

— Да, да, я думаю, что это будетъ ему къ лицу!

Видя, что я молчу и мрачно сижу за столомъ, госпожа Мадленъ говоритъ мнѣ:

— Да подойди же, Жанъ-Пьеръ, иди же, поблагодари твою двоюродную сестру, добрую госпожу Говаръ.

Тутъ я почувствовалъ, что во мнѣ что-то шевельнулось, что-то ужасное, и я не размышляя отвѣчалъ:

— Я не хочу!

— Какъ не хочешь?

— Нѣтъ, ничего не хочу; я не хочу платья.

Г-жа Говаръ приподнялась съ удивленіемъ.

— Что это съ нимъ? проговорила она протяжнымъ голосомъ:— что это съ нимъ, съ нашихъ Жаномъ-Пьеромъ?

— А! воскликнула г-жа Мадленъ:— онъ гордъ; у него отъ славы голова закружилась.

— Такъ! сказала рыбная торговка:— это ужъ семейная гордость-то! Отъ такой гордости и богатѣютъ люди.

Въ это время старикъ Антуанъ сказалъ мнѣ:

— Какъ, Жанъ-Пьеръ, ты не благодаришь кузину! Такъ въ тебѣ нѣтъ чувства благодарности?

Услыхавъ эти слова, я не могъ удержаться отъ рыданій. Я уперся лбомъ въ стѣну и зарыдалъ.

Всѣ удивились. Старикъ Антуанъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и тихо сказалъ:

— Что съ тобой?

— Ничего... только я не хочу ничего отъ нихъ! сказалъ я ему, всхлипывая.

— Почему?

— Они выгнали меня, они сказали, что отецъ и мать мои—негодяи!

Старикъ Антуанъ, услыхавъ то, что я говорю, совершенно поблѣднѣлъ, и такъ какъ г-жа Мадленъ опять начала упрекать меня, то онъ въ первый разъ строго сказалъ ей:

— Молчи, Мадленъ, молчи!

Онъ ходилъ, наклонивъ голову, взадъ и впередъ по комнатѣ. Г-жа Мадленъ не говорила болѣе. Я же все еще стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ лбомъ, съ щеками мокрыми отъ слезъ, а маленькая Анета, стоя сзади меня, говорила:

— А вѣдь какое славное платье... Взгляни только, Жанъ Пьеръ.

И въ ту минуту, когда г-жа Гокаръ, злобно захохотавъ, складывала опять въ корзинку платье и восклицала: «Такъ ты не хочешь, мальчикъ? Изъ за этого нечего плакать... другіе вѣрно захотятъ. Такъ вотъ какъ ты благодаришь добрыхъ людей!» Въ ту минуту, какъ она говорила это, громко хохоча и закрывая свою корзинку, отворилась дверь, и я услыхалъ, что тетушка Бале крикнула:

— Что тутъ такое дѣлается? О чемъ ты плачешь, Жанъ-Пьеръ?

— А вотъ! отвѣчала г-жа Мадленъ, представьте себѣ, что онъ не беретъ великолѣпное платье для дня своей конфирмаціи, платье, которые нарочно изъ деревни принесла ему кузина его Гокаръ.

— Ого! сказала тетушка Бале, поднявъ голову: — отчего же ты не берешь, Жанъ-Пьеръ?

— Потому что онъ помнитъ, что отца его называли негодяемъ, рѣзко отвѣчалъ старикъ Антуанъ.

— А! онъ помнитъ это... и оттого не беретъ ихъ платья! вскричала добрая женщина.— Ну такъ онъ правъ... у него есть сердце.

И, взглянувъ на г-жу Гокаръ, она сказала:

— Убирайте вонъ, до сихъ поръ обходились безъ васъ, и теперь тоже обойдемся. Я, Марія-Анна Бале, подарю платье этому ребенку. Убирайтесь въ чорту, слышите?

Долговязая Гокаръ хотѣла кричать, но у тетушки Бале былъ голосъ посильнѣе, настоящей трубный голосъ, покрывавшій собою все.

— Убирайся вонъ, казалья, кричала она: — вы отреклись отъ своей крови... вы стоите всѣ, чтобы васъ повѣсили!..

Въ это время въ комнату вошли привлеченныя крикомъ Ривель, его жена и двѣ или три сосѣдки; такъ что рыбная торговка, видя это, едва успѣла схватить свою корзинку и бѣжала, крича съ видомъ отчаянія:

— Вотъ поиди, дѣлай добро людямъ... стойтъ того... стойтъ!

Послѣ этого тетушка Бале тронула меня за плечо и сказала:

— Я, Жанъ-Пьеръ, сдѣлаю тебѣ платье.

— Ахъ! воскликнулъ я, охвативъ ее: — отъ васъ... отъ васъ блуза... и больше мнѣ ничего не надо.

— Не только блуза, сказала она тронутымъ голосомъ: — но у тебя будетъ платье лучше, чѣмъ у другихъ. Не безпокойтесь, г-жа Мадленъ, это мальчикъ съ душой; а человекъ съ душой никогда не пропадетъ.

Такъ говорила эта добрая женщина, на которую я смотрѣлъ какъ на свою мать. И черезъ недѣлю у меня было отличное платье для причастія, нѣсколько широкое, для того чтобы могло дольше служить. Всѣ въ домѣ были рады.

Всѣ эти давно минувшія происшествія пришли теперь мнѣ на память и вызвали слезы!—Это были послѣдніе школьные дни; теперь началась другая жизнь и другія заботы: жизнь ученика ремесленника, когда работаешь не только для себя, но и для хозяина, когда принужденъ вѣчно трудиться и заботиться о будущемъ.

VI.

Дня черезъ два, черезъ три послѣ конфирмованія моего, тетушка Бале спросила меня, нравится ли мнѣ какое нибудь ремесло болѣе другихъ. Мы сидѣли за завтракомъ. Я отвѣчалъ ей, что мнѣ нравится болѣе всѣхъ другихъ столярное мастерство, потому что я всегда любовался на красивую мебель, на большіе коммоды, хорошо полдированные шкафы, на рамы стараго орѣха и тому подобныя вещи.

Это эй пришлось по душѣ.

— Я довольна, что ты выбираешь, сказала она мнѣ: — потому что тѣ, которые берутся за первое попавшееся ремесло, показываютъ, что имъ не нравится никакое. И рада, что это рѣшено,—сказала она, вставая: — такъ лучше отправляться тотчасъ же. На-

дѣвай хорошее платье, Жанъ-Пьеръ, я сведу тебя къ столярному мастеру Нивуа, около колодца. Лучшаго хозяина и желать нельзя. Никто въ городѣ не знаетъ мастерства лучше Нивуа. Это человѣкъ умный; онъ объѣхалъ Францію и прожилъ даже лѣтъ пять, шесть въ Парижѣ. Я увѣрена, что онъ тотчасъ же приметъ тебя, чтобы доставить мнѣ удовольствіе.

Я давно зналъ дядюшку Нивуа, въ его сѣрой суконной курткѣ съ большими четверугольными карманами, гдѣ съ одной стороны лежалъ метръ и рейсфедеръ, а съ другой стороны — большая картонная табатерка. Мнѣ нравились его открытое и прямое лицо, его матовые маленькіе глазки. Лучшаго хозяина я не желалъ и потому быстро одѣлся, пока тетушка Бале надѣвала шаль.

Черезъ нѣсколько минутъ, мы вышли безъ дальнѣйшихъ разсужденій и вскорѣ пришли къ г. Нивуа, у котораго подлѣ мастерской была маленькая харчевня противъ дровянаго двора и колодца.

Вивѣска харчевни изображала два стакана пѣнящагося пива, и была всегда полна гусарами, которые пѣли, въ то время какъ пила и стругъ выбивали имъ тактъ.

Около девяти часовъ мы вошли въ мастерскую. Господинъ Нивуа, рисовавшій краснымъ карандашемъ большія линіи по доскѣ, очень удивился, увидавъ насъ.

— Эй да это тетушка Бале! сказали онъ.—Ужь не рунится ли балаганъ? Надо пустить въ дѣло гвозди.

— Нѣтъ, балаганъ еще стоитъ крѣпко, смѣясь отвѣчала тетушка Бале.—Я пришла просить васъ о другой услугѣ.

— Все, что прикажете, къ вашимъ услугамъ.

— Я была увѣрена въ этомъ, сказала тетушка Бале:—я надѣялась на васъ. Вотъ Жанъ-Пьеръ, котораго вы знаете... сынъ Николая Клавелиа изъ Саверна, котораго я считаю своимъ собственнымъ сыномъ. Ну, такъ ему хочется учиться вашему ремеслу; у него много охоты, терпѣнія, и если вы его примете, я увѣрена, что онъ постарается угодить вамъ.

— Ага! серьезно, но тѣмъ не менѣе ласково сказалъ дядюшка Нивуа:—такъ ли это, Жанъ-Пьеръ?

— Да, господинъ Нивуа, я общаю угодить вамъ, если только это возможно...

— Угодить мнѣ всегда возможно, сказалъ старикъ столяръ, кладя линейку на верстакъ и крикнувъ въ дверь кабака:

— Маргарита! Маргарита!

Вслѣдъ за этимъ жена г. Нивуа, женщина довольно высокая и здоровая, одѣтая по крестьянски, отворила дверь и спросила:

— Что тебѣ, Нивуа?

— Возьми нацѣди хорошую бутылку краснаго вина, и снеси вмѣстѣ съ двумя стаканами туда наверхъ, въ комнату. У насъ съ госпожею Бале дѣла, намъ надо поговорить.

— Тетушка Бале, идите—я покажу вамъ дорогу.

Они вошли вмѣстѣ въ комнату, около мастерской наверху, въ видѣ голубятни. Въ ней было слуховое окно, изъ котораго старый столяръ, распивая бутылку, положивъ локти на столъ видѣлъ все, что дѣлается внизу. Тамъ онъ проводилъ большую часть утра съ другомъ своимъ, старымъ геометромъ Панаромъ, бесѣдуя о различныхъ пріятныхъ предметахъ. Они, какъ братья, любили другъ друга, и опорожнивъ бутылочку у Нивуа, часамъ къ одиннадцати уходили опоражнивть бутылочку у Панара, у котораго была тоже харчевня на большой дорогѣ.

У Нивуа Панаръ платилъ за бутылку въ присутствіи жены, и Нивуа клалъ двѣнадцать су къ себѣ въ карманъ, а у Панара Нивуа платилъ за бутылку и Панаръ клалъ двѣнадцать су къ себѣ въ карманъ, вслѣдствіе этого жены ихъ бывали всегда довольны, думая:

Вѣдь платить тотъ, значить у насъ прибавляется двѣнадцать су. Съ этими двѣнадцатью су они опорожнивали свои погреба, не возбуждая ни малѣйшихъ непріятностей въ семьѣ.

Все это не мѣшало г. Нивуа быть отличнымъ столяромъ, умнымъ и разумнымъ человѣкомъ, не заботившимся о томъ, чтобы сдѣлаться богатымъ, потому что онъ зналъ, что всѣ мы кончимъ тѣмъ, что попадемъ въ ящикъ ногами впередъ. Другъ его Панаръ былъ однихъ съ нимъ взглядовъ. Я считалъ ихъ всегда очень почтенными людьми и любителями вина.

И такъ тетушка Бале и г. Нивуа ушли наверхъ въ комнату; а же остался внизу.

— Ну такъ рѣшено! сказалъ Нивуа, сходявшій съ тетушкой Бале по лѣстницѣ.—Жанъ Пьеръ придетъ сегодня же послѣ обѣда и ученье его такимъ образомъ начнется. Я беру его на четыре года. Въ первые два года онъ мало будетъ мнѣ полезенъ, ну а вторые пойдутъ уплатой за ученье.

— Хотите письменное условіе? сказала тетушка Бале.

— Полноте! какое между нами письменное условіе, вскричалъ старикъ столяръ. — Развѣ я васъ не знаю?

Они прошли черезъ мастерскую.

— Идемъ, Жанъ-Пьеръ, сказала мнѣ тетушка Бале.

И мы вышли в мѣстѣ.

На улицѣ г. Нивуа прошелъ съ нами нѣсколько шаговъ, объясняя, что я долженъ приходить каждый день лѣтомъ въ шесть часовъ утра, а зимою въ семь,—что въ полдень мнѣ будетъ даваться, часъ на обѣдъ, а что вечеромъ въ семь часовъ я буду свободенъ, какъ буду свободенъ по воскресеньямъ и по другимъ праздникамъ.

Условившись обо всемъ объ этомъ, онъ ушелъ къ себѣ въ мастерскую, а мы вернулись домой.

VII.

Шесть лѣтъ выжилъ я у старика Нивуа. Сколько было работы, сколько гори, но сколько и счастья въ эти долгіе года ученья! Все во мнѣ оживаетъ, все пробуждается! Я какъ будто слышу скрипъ струга, визгъ пилы и стукъ молотка подъ большой крышей мастерской; я какъ будто слышу еще звонъ стакановъ въ сосѣднемъ кабакѣ, и пѣніе гусаровъ: *»En avant Fanfan la Tulipe!»* я какъ будто вижу паденіе подъ верстаемъ стружекъ и какъ я ихъ отталкиваю ногой съ залитыми потомъ щеками и лбомъ.

А долговязаго Жари, моего товарища по мастерской, блѣднаго, худого съ всклооченными волосами, я тоже будто вижу его, слышу какъ онъ командуетъ мной! Ученикъ, стругъ! — Ученикъ, гвозди! — Прибери опилки, ученикъ да поживѣ.—Это что такое? ты собрался прина равливать.... Ха! ха! славная работа! какъ это выструга но!.... какъ это распилено!... хозяинъ хорошо наживется на этомъ.. Надо, что-бы онъ добылъ стараго дуба, чтобы учить тебя портить его!» И такъ далѣе. И вѣчное ворчанье, вѣчный толчокъ локтемъ когда онъ проходилъ мимо меня.

— Отойти отсюда, вѣчно суешься!

Господи, какое надо имѣть терпѣніе и желаніе выучиться, чтобы жить съ такими безсовѣстными, бездушными и безчестными негодьями! Чѣмъ лучше работа, тѣмъ они находятъ ее хуже, тѣмъ больше грызеть ихъ зависть, тѣмъ больше они зеленѣютъ и желтѣютъ. Если бы они смѣли накинуться на тебя!... Но у нихъ недостаетъ на это смѣлости!... Негодяй!... Негодяй!....

Вотъ какова однакожь жизнь, вотъ какую поддержку можно ждать отъ жизни.

Старикъ Нивуа замѣчалъ зависть этого негодяя и восклицать иногда: — эй, Мишель, постарайся же не ругаться съ Жаномъ-Пье-

ромъ. Ты вѣдь не сразу выучился выстругивать доску и вбивать гвоздь; это вѣдь даромъ тебѣ не досталось.... на это пошли года, да года. И не смотря на это ты еще управляешься не по камергерски съ стругомъ и наугольникомъ, какъ говорилось въ царствованіе того; у тебя на спицѣ нѣтъ еще ключа, вывѣски твоего величія. Еслибъ ждали, пока ты изобрѣтешь гвозди, долго пришлось бы ждать. Не смѣй кричать на ученика; я не позволяю этого.... Слышишь?

Къ несчастью, старика не бывало же всегда въ мастерской; у него бывали заказы въ городѣ, и Жари видя, что онъ выходитъ, немедля вымѣщаль на мнѣ всѣ тѣ насмѣшки, которыя принужденъ былъ выслушивать.

Среди этихъ непріятностей, на мою долю выпадали однако счастливыя минуты, и привязанность моя къ тетускѣ Бале росла съ каждымъ днемъ.

Не прошло и шести мѣсяцевъ послѣ моего поступленія, какъ г. Нивуа позволилъ мнѣ уносить домой стружки. Я накладывалъ себѣ въ передникъ столько, сколько влѣзало въ него, и съ какой радостью кричалъ въ дверяхъ:

— Тетушка Бале, вотъ стружки! мы можемъ развести славный огонь, недостатка въ дровахъ больше не будетъ!

Она же, видя мою радость, дѣлала видъ, что считаетъ серьезнымъ приобрѣтеніемъ эти стружки.

— Никогда въ жизни не видывала я такого отличнаго огня, говорила она: — Да и кромѣ того, вѣдь отъ нихъ тепло, Жанъ-Пьеръ, такъ что прелесть.

Спустя нѣкоторое время, въ концѣ года, выучившись немного ремеслу, я великолѣпно отдѣлалъ кладовую для овощей и фруктовъ, наложивъ рядъ крѣпкихъ планокъ. Этимъ я занимался по воскресеньямъ, а еще послѣ этого, когда семейство Дюбурговъ наняло въ окрестностяхъ города маленькій садикъ, то бесѣдку имъ выстроилъ тоже я, сдѣлавъ срубъ, обивъ внутри циновкой и скрѣпивъ снаружи драпъ для вьющихся растений.

Маленькая Анета приходила смотрѣть на мою работу и находила все превосходнымъ; сама г-жа Мадленъ хвалила меня, а тетушка Бале не стѣсняясь говорила:

— Жанъ Пьеръ будетъ лучшимъ работникомъ Саверна; онъ будетъ слишкомъ хорошъ для такого города. Мастерамъ работникамъ надо уходить въ столицы; тамъ они наживаются и могутъ наконецъ жениться на дочери богатаго фортепяннаго мастера или мастера рѣдкой мебели, какъ напримѣръ: шкаповъ, коммодовъ,

кѣтокъ. Мнѣ случалось видѣть это сотни разъ въ особенности въ Вѣнѣ въ Австріи и въ Берлинѣ, гдѣ у богатыхъ людей есть об-
щай выдавать своихъ дочерей за хорошихъ работниковъ.

Ей все казалось въ хорошемъ свѣтѣ, потому что она любила
меня.

Дюбурги, довольные своей бесѣдкой, ничего не отвѣчали; но по
глазамъ г-жи Мадленъ я видѣлъ, что она находитъ похвалы эти
преувеличенными, и съ удовольствіемъ опровергла бы ихъ.

Все шло такимъ образомъ слишкомъ годъ. Я еще не былъ хо-
ронимъ мастеромъ, но г. Нивуа часто давалъ мнѣ дѣлать неболь-
шія вещицы, какъ напримѣръ шкатулки, которыя намъ заказывали
въ училища, и, казалось, всегда оставался доволенъ.

— Хорошо, Жанъ-Шьеръ, говорилъ онъ:—это можетъ годиться,
недостаетъ только отдѣлки. Вотъ связки не довольно плотны, этотъ
шарнеръ немного великъ... замокъ врѣзанъ слишкомъ глубоко... Но
для ученика, это очень порядочно.

Разумѣется, въ эти дни Жари былъ еще злѣе обыкновеннаго:
лишь только хозяинъ уходилъ изъ мастерской, онъ тотчасъ же об-
ращалъ похвалы его въ насмѣшку, и издѣвался надъ моей рабо-
той. Если-бъ онъ могъ все сломать и уничтожить, онъ сдѣлалъ бы
это съ удовольствіемъ; но онъ этого не смѣлъ, и потому смотрѣлъ
только, пожимая своими худыми плечами, и говорилъ:

— Славная работа! Послушайте-ка, какъ она отворяется, какъ
закрывается!

Онъ отворялъ крышку, повторяя:

— Кракъ! кракъ! это настоящая музыка... Визжить, поеть... въ
ней всё удовольствія вмѣстѣ. Въ нее можно класть книги, и въ
тоже время наигрывать пѣсенку учителю... Продолжай, Жанъ-
Шьеръ, ты общаешь многое!

Онъ пыхтѣлъ и держался обѣими руками за бока, какъ будто
желая удержаться отъ смѣху.

Легко себѣ представить, какъ я оскорблялся, видя его злобу. Не
уважай я такъ г. Нивуа и тетушку Бале, и всѣхъ, я непремѣнно
сказалъ бы этому негодю, что я объ немъ думаю.

Я съ трудомъ удерживался, но въ одинъ прекрасный день чаша
переполнилась. Расскажу вамъ это въ подробности, потому что на-
до объяснить все, чтобы порядочные люди видѣли, кто правъ, кто
виноватъ, и могли бы сказать: «Нѣтъ, это было уже слишкомъ...
такъ продолжаться не могло... мы поступили бы точно также».

Такъ вотъ какъ это было.

Въ началѣ третьяго года моего ученья, за нѣсколько дней до

дня св. Анны, 27 іюля, вечеромъ передъ уходомъ, г. Нивуа, посмотрѣвъ мою работу, сказалъ мнѣ:

— Жанъ-Пьеръ, я доволенъ тобою, ты оказалъ уже мнѣ истинныя услуги, и я хочу показать тебѣ мою благодарность. Скажи мнѣ, чего бы тебѣ хотѣлось.

Услышавъ эти слова, я почувствовалъ, что сердце у меня забилося. Жарн, вѣсившій свой передникъ и рабочую куртку на гвоздь, обернулся и сталъ слушать. Я зналъ бы, что отвѣтить, да не смѣлъ. Я стоялъ въ смущеніи, когда старикъ Нивуа сказалъ мнѣ еще:

— Вѣдь ты никогда ничего не получалъ отъ меня, Жанъ-Пьеръ!

Тутъ онъ вынулъ изъ кармана большую пяти-франковую монету и, подбрасывая ее на рукѣ, сказалъ:

— Доволенъ ли ты будешь пятью франками, чтобы погулять? Ну-ка, отвѣчай смѣло; что ты скажешь о пяти франкахъ въ карманѣ Жана-Пьера?

Смущеніе мое увеличивалось, потому что давно было у меня уже желаніе, о которомъ я мечталъ, но которое могло дорого стоить. Я не смѣлъ высказать его, но потомъ, собравшись съ духомъ, отвѣчалъ:

— Господинъ Нивуа, всего больше я счастливъ тѣмъ, что знаю что вы мною довольны; да, это большая радость, въ особенности для тетушки Бале.

— Конечно, конечно, сказалъ онъ нѣжно:—но ты, чего ты желаешь?

— Вотъ что! господинъ Нивуа... Но я не смѣю!

— Что?

— Вотъ что, мнѣ всего пріятнѣе было бы показать свою работу тетушкѣ Бале.

И такъ какъ г. Нивуа все слушалъ, то я продолжалъ:

— У насъ дома есть старый хромоногий столъ, круглый и складной; надо всякій разъ подкладывать подъ одну ножку, для того чтобы онъ не качался. И если бы вы были такъ добры и позволили бы мнѣ сдѣлать новый, онъ поспѣлъ бы какъ разъ ко дню Св. Анны.

— Эхъ, эхъ! вскричалъ старикъ Нивуа, полушутя, полусердито:— знаешь ли ты, что ты просишь? Столъ, круглый столъ, и вѣрно изъ стараго орѣха?

— Ахъ нѣтъ! изъ дуба.

— Изъ дуба... хорошо... изъ дуба... но... а работу дней на восемь, на десять, ты это не считаешь?

— Я буду работать по вечерамъ, господинъ Нивуа, я буду работать лишнихъ часа по два, по три.

Послѣ этого онъ точно что-то обдумывалъ и, кашлянувъ раза два три себѣ въ руку, сказалъ:

— Это для имянинъ тетушки Бале?

— Да.

— И эта мысль пришла тебѣ самому?

— Да, и я былъ бы невыразимо счастливъ.

— Ну хорошо, сказалъ онъ:—я согласенъ, ты будешь работать по вечерамъ, и я тебѣ дамъ выбрать дерева. Еще теперь свѣтло, идемъ въ магазинъ.

Жари вышелъ, а мы пошли въ магазинъ. Тамъ были превосходныя доски, и я смотрѣлъ на сухое грушевое дерево, оно мнѣ очень нравилось, но было слишкомъ дорого. Я выбралъ дубъ, а г. Нивуа воскликнулъ:

— Такъ какъ ужъ мы намѣрены сдѣлать издержку, то по крайней мѣрѣ пусть будетъ вещь хорошая. На моемъ мѣстѣ, Жанъ-Пьеръ, я выбралъ бы эту грушу.

Это меня такъ обрадовало, что я не могъ отвѣчать; я взвалилъ доску себѣ на плечо, и мы возвратились въ мастерскую, гдѣ я приперъ ее къ стѣнѣ. Все, чего я желалъ впродолженіи этихъ двухъ лѣтъ, сбывалось. Я предвидѣлъ счастье тетушки Бале.

Доску эту я уже представлялъ себѣ съ четырьмя ножками, съ покрывкой, съ кругомъ, представлялъ себѣ какъ это будетъ красиво, что отъ доски у меня останутся еще остатки, и отъ всего этого восторга у меня билось сердце. Со мной никогда не случалось ничего подобнаго; и когда я выходилъ, затворяя мастерскую, г. Нивуа, видя по моему лицу, что я думаю, спросилъ меня:

— Ты придешь работать сегодня вечеромъ?

— Да, господинъ Нивуа, если вы позволите.

— Хорошо, хорошо, мы зажжемъ лампу.

Я пошелъ домой въ такомъ счастливомъ настроеніи духа, что не замѣтилъ, какъ очутился въ своихъ сѣняхъ. Я только и думалъ что о своемъ столѣ, и сейчасъ же послѣ ужина снялъ мѣрку и принялся за работу.

Фасонъ стола такъ ясно рисовался у меня въ головѣ, что дня черезъ четыре, всѣ части его были выпилены и вычищены; оставалось только склеить и отполировать ихъ. Г. Нивуа приходилъ раза по два по три въ вечеръ посмотреть на работу; онъ осматривалъ всякую штуку со всѣхъ сторонъ, закрывъ одинъ глазъ, и наконецъ сказалъ мнѣ:

— Ну! Жанъ-Пьеръ, теперь, такъ какъ работа уже подвигается, я могу сказать тебѣ, что ты славно воспользовался двумя годами

ученія, и что, говоря по справедливости, вмѣсто того чтобы брать отъ меня сухой груши, ты долженъ былъ бы мнѣ дать что нибудь.

Я задрожалъ отъ радости, охватившей меня съ головы до ногъ.

— Но, сказалъ онъ:—я надѣюсь, что ты вознаградишь меня своей работой.

— Господинъ Нивуа, я останусь вашимъ работникомъ сколько вамъ угодно времени! вскричалъ я:—и я не стою вашихъ милостей.

— Ты стоишь ихъ во сто разъ болѣе, сказалъ онъ:—ты хороший работникъ, честная душа, и если будешь продолжать такъ, то будешь честнымъ человѣкомъ. Такъ, дитя мое, тетушка Бале будетъ довольна, да и я тоже доволенъ.

Послѣ этого онъ ушелъ, и въ этотъ вечеръ я такъ постарался, что къ десяти часамъ всѣ части были склеены, за исключеніемъ верха. На слѣдующій день я приготовилъ верхъ и намазалъ лакомъ, чтобы начать полировать на слѣдующій вечеръ.

Въ эти восемь дней Жари ничего не говорилъ; онъ только стискивалъ губы и изкоса смотрѣлъ на меня. Я тоже ничего не говорилъ.

Столъ мой, уже склеенный, стоялъ въ углу вдали отъ верстака: Утромъ того дня, когда я долженъ былъ начать полировать, войдя въ мастерскую, я пошелъ посмотреть высохъ ли лакъ, и что же увидалъ? въ средней доскѣ скраю дыру, величиною въ два кулака.—Я поблѣднѣлъ и обернулся. Жари хохоталъ изподтишка.

— Кто это сдѣлалъ? сказалъ я.

— Это большой стругъ, отвѣчалъ онъ, громко захохотавъ:—не слѣдуетъ ставить хорошія вещи подъ полку со стругами, потому что когда струги падаютъ, они пробиваютъ дыры.

— А кто уронилъ большой стругъ?

— Я, отвѣчалъ онъ, хохоча еще громче:—мнѣ онъ понадобился.

Лишь только произнесъ онъ: «Я!» какъ я бросился на негодня какъ звѣрь. Я былъ на пѣлюю голову ниже его ростомъ, руки его были вдвое больше моихъ, но съ перваго же удара онъ свалился кувыркомъ, и я прижалъ его колѣнкой въ грудь, пова онъ толкая меня кричалъ:

— Ахъ, разбойникъ!.. какъ ты смѣешь!..

— Да, смѣю, говорилъ я ему съ пѣной у рта, нанося ему страшные удары по лицу.

Мы катались въ стружкахъ, онъ протягивалъ свои длинные, костлявыя руки, чтобы душилъ меня; но ярость моя была такъ велика, что, не смотря на его силу, я одолевалъ его, когда на крикъ

нашъ прибѣжали старикъ Нивуа и трое гусаровъ и оторвали меня отъ него, какъ какого нибудь бульдога, котораго надо укусить, для того чтобы онъ выпустилъ свою жертву. Они держали меня на воздухъ за руки и за ноги, и я весь тресся и дрожаль.

Долговязый Жари всталъ, крича:

— Я тебѣ задамъ!

Но лишь только онъ сказалъ: «Я тебѣ задамъ!» какъ я вырвался и какъ перо какое нибудь спибъ его подъ столъ. Онъ кричалъ:

— Рѣжутъ!.. рѣжутъ!..

Меня пришлось оторвать еще разъ, и вытащить въ сосѣдную комнату. Старикъ Нивуа спрашивалъ:

— Что такое случилось?

Причемъ я заливался слезами, отвѣчалъ:

— Онъ нарочно сломалъ мой столъ.

— А! онъ сломалъ столъ! сказалъ онъ:—негодяй... подлець! а! онъ нарочно сломалъ столъ... Ну такъ ты хорошо поступилъ, Жанъ-Пьеръ. Теперь онъ можетъ похвастаться, что ему хорошо досталось. Это гнѣвъ честнаго человѣка, котораго обкрадываютъ.

Гусары съ удивленіемъ смотрѣли на меня и говорили между собою:

— Чортъ возьми! да онъ хуже дикой кошки!

Жена г. Нивуа принесла лоханку чистой воды, гдѣ Жари сталъ мыть себѣ лицо. Я слышалъ, какъ онъ охаетъ, говоря:

— Я не хочу больше работать съ этимъ разбойникомъ, онъ хотѣлъ убить меня.

И въ то же время онъ, какъ подлець, рыдалъ, а г. Нивуа прійдя посмотрѣть его, сказалъ ему:

— Подѣломъ тебѣ досталось... отлично. Ты не хочешь больше работать съ Жанъ-Пьеромъ, тѣмъ лучше. Для меня это отличный преллогъ отдѣлаться отъ завистнииа и дурака. Иди къ г. Гарвигу перевязать раны.

Больше мы ничего не слышали! черезъ нѣсколько минутъ г. Нивуа пришелъ, говоря:

— Негодяй убрался. Я осмотрѣлъ столъ; мы тотчасъ же переѣнимъ среднюю доску, Жанъ-Пьеръ, и завтра къ именинамъ тетушки Бале все будетъ готово. И такъ утѣшься, сегодня вечеромъ все исправимъ.

Послѣ этого я отправился и очень былъ удивленъ, сообразивъ, что я побилъ долговязаго Жари. Я думалъ: «Да! знай я это раньше, ты не надоѣдалъ бы мнѣ вирожденіи двухъ лѣтъ, сквер-

ный негодяй! Я началъ бы съ того, чѣмъ кончилъ; но лучше поздно, чѣмъ никогда.

VIII.

Все идетъ хорошо; со времени моей битвы противъ Жари прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, негодяя замѣнилъ другой товарищъ, веселый малый, по имени Пикарь, который смѣялся, пѣлъ и стругалъ вмѣстѣ со мной, и съ которыми мы жили какъ братья.

Г. Нивуа давалъ мнѣ тогда половинную плату работника, семь франковъ пятьдесятъ сантимовъ въ недѣлю, которые я отдавалъ въ субботу вечеромъ тетущкѣ Бале, и нечего говорить, какъ былъ счастливъ этимъ; но она всегда заставляла меня удерживать по нѣсколькеу су на воскресенье:

— У работника должно быть всегда что нибудь въ карманѣ, говорила она:—онъ не долженъ быть ребенкомъ. Если бы случилось, что его угостятъ стаканомъ вина, надо, чтобы онъ имѣлъ возможность отплатить за него.

Я понималъ, что она права, и никогда никѣмъ не одолжался. Мнѣ случалось даже по воскресеньямъ ходить танцевать за городъ, въ *Панье-флери*. Мы весело проводили время, дѣвушки изъ Сенъ-Витта, изъ Дозенгейма или откуда нибудь изъ другого мѣста, возвращаясь отъ вечеренъ, всегда заходили туда; нѣкоторыя дѣвушки изъ Саверна тоже приходили туда; кларнетъ, тромбонъ, флейта, хохотъ и стукъ пивныхъ кружекъ смѣшивались подъ цвѣтущими яблонями.

Какъ же иначе? Вѣдь молодость? Тѣ, которые хотятъ, чтобы все всегда были скромны, вѣрно ничего не помнятъ. Что касается до меня, то я любилъ танцевать и вечеромъ, а возвратясь домой, мечтать то о Маргаритѣ, то о Христинѣ.

Меня удивляетъ, что въ то время я совсѣмъ не думалъ объ Анетѣ; мы стали какъ-то чужды другъ другу; я считалъ ее барышней; она, можетъ быть, считала меня простымъ работникомъ, — я не знаю. Она была дѣвушка нѣсколько гордая, державшаяся своихъ правилъ и все-таки, не смотря на это, хохотунья. Иногда на-примѣръ, по вечерамъ, увидя меня, когда я возвращаюсь домой, она кричала:

— Эй, Жанъ-Пьеръ, иди сюда, у насъ сегодня алады съ яблоками... Иди же!

Она приносила мнѣ ихъ прямо съ огня, весело говоря:

— Открой ротъ.

Это дѣлалось какъ во времена дѣтства. Но по воскресеньямъ она наряжалась и не обращала болѣе вниманія на Жанъ-Пьера въ рубашкѣ безъ сюртука, и считала себя выше какого нибудь столяра, плотника или вообще ремесленника. Она никогда не приходила въ *Панье-флери*.

Я же вообразилъ, что влюбленъ въ дочь полевого сторожа Пасофа, въ большую Лизу, котора мнѣ, Богъ знаетъ почему, понравилась! Я водилъ ее подъ руку даже послѣ каждаго вальса по саду, думая:

— Это моя возлюбленная!

Вотъ однако же какъ можно себя настроить! И мѣсяца черезъ два или три, когда Лиза Пасофъ уѣхала съ своей сестрой служить въ Парижъ, я считалъ себя несчастнѣйшимъ смертнымъ. Я вослипла въ душѣ:

— Жанъ-Пьеръ, ты не можешь еще понять своего несчастія.

Но черезъ недѣлю я уже танцевалъ съ другой, съ Шарлотой Мерю, дочерью садовника, а потомъ черезъ недѣлю опять съ третьей.

Въ началѣ слѣдующаго лѣта кончился срокъ моего ученья, и мнѣ дали полную поденную плату; въ нашей маленькой комнатѣ третьяго этажа стало проглядывать довольство. Тетушка Бале говорила, что мы будемъ покупать муку сами на рынкѣ, и давать печь хлѣбъ булочнику Шануану, и что мы будемъ черточкой обозначать хлѣбы.

Она хотѣла тоже закупить сухихъ овощей, имѣть въ кладовой картофеля и на чердакѣ дровъ, потому что дорого покупать по мелочамъ.

Я былъ счастливъ, видя, что вмѣсто того чтобы быть въ тягость этой доброй женщинѣ, моей второй матери, я наконецъ становлюсь ей полезенъ и могу поддерживать ее на старости лѣтъ. Да, это сознание было невыразимо пріятно.

Такимъ образомъ прошли два года, въ которые не случилось ничего новаго; но въ 1847 совершились перемѣны, и большія перемѣны. Въ жизни случаются такіе годы, передъ которыми все, что чувствовалъ въ жизни, исчезаетъ. Они походятъ на зерна, заброшенные въ землю, ихъ не видно, они точно погибли, но вдругъ наступаетъ весна, и они тянутся къ небу.

Я помню, что какъ разъ въ началѣ весны, утромъ я работалъ съ Пиваромъ; распѣвая и обстругивая передъ тремя открытыми окошками, выходящими на площадь съ колодцомъ; я помню, что отъ время до времени мы посматривали на проходившихъ служанокъ

въ коротенькихъ юбочкахъ, съ кружкой или кадочкой въ рукѣ, и болтавшихъ между собою въ ожиданіи своей очереди. Погода стояла отличная, вода въ колодцахъ горѣла на солнцѣ какъ зеркало, вереницы коровъ и быковъ подходили утолять жажду, поднимая свои розовыя ноздри, съ которыхъ вода падала по каплямъ, какъ брилліанты, или убѣгали, прыгая и поднимая заднія ноги, что заставляло служанокъ кричать. Дѣти тоже подводили пить лошадей, скача посреди всего этого; бичи щелкали, дѣвушки трещали, а Пикарь весело говорилъ:

— Вотъ толстая Розалія, служанка изъ кофейной, съ своей кружкой. Ха! ха! ха! молодець какой! Взгляни-ка на ея руки, Жанъ-Пьеръ, вотъ ее такъ можно назвать молодцемъ бабой! А вотъ эта дочь сапожника, ну она знаетъ всѣ городскія происшествія, ей надо не меньше двухъ часовъ, чтобы сходить за водой.

Потомъ, распѣвая, мы продолжали работать. Шумъ, хлопанье бича, мычанье, хохотъ и крики продолжались своимъ чередомъ.

Вслѣдъ за этимъ, взглянувъ вдаль въ сторону рынка, я увидѣлъ какую-то незнакомую молодую дѣвушку, на ней было лиловое платье, и она шла съ непокрытой головой, такой милой походкой, что я заранѣе говорилъ себѣ:

— Какая хорошенькая дѣвушка! какъ мило одѣта и какъ хорошо сложена! какъ она славно идетъ!

Я смотрѣлъ, думая, —

— Я ее никогда не видывалъ, она не изъ Саверна, а между тѣмъ вѣдь она изъ работницъ. Это не дама.

Чѣмъ больше я глядѣлъ, тѣмъ меньше казалось мнѣ, что я ее знаю, какъ вдругъ я увидѣлъ, что это была Анета. Она несла работу въ нашу улицу женѣ командира Тардье; и тутъ я въ первый разъ замѣтилъ, какъ она хороша собой, какіе у нея прелестные голубые глаза, очень хорошіе черные волосы, свѣжее и веселое лицо, словомъ, она была чрезвычайно какъ мила. Это такъ поразило меня, что я немедли началъ стругать въ страшномъ смущеніи, чтобы не показать, что я ее видѣлъ.

Въ то время, какъ я стоялъ, наклонившись надъ работой, Анета проходила, заглянула къ намъ въ мастерскую, — чего прежде никогда не случалось — и весело крикнула:

— А! здравствуйте, Жанъ-Пьеръ! Вы вѣчно за работой.

Она говорила это шутя. Мнѣ слѣдовало бы отвѣчать: «Да, мадамъ, Анета. А вы несете куда нибудь работу?» Мы вмѣстѣ посмѣялись бы; но я весь вспыхнулъ, и началъ что-то шепелять, такъ что Анета съ удивленіемъ смотрѣла на меня, а Пикарь сказалъ:

— Не удивляйтесь, мадмуазель Дюбургъ; малый этотъ влюбленъ, да такъ влюбленъ, что самъ себя не помнитъ.

А она тотчасъ же ушла, восклицая:

— Ахъ! бѣдный Жанъ-Шьеръ! и расхохоталась какъ сумасшедшая.

Я точно съ неба свалился, услыхавъ, что говоритъ Пикаръ; и когда она ушла, я закричалъ:

— Пикаръ, вы настоящая скотина, какъ можно говорить такія вещи; вы сдѣлаете меня несчастнымъ на всю жизньъ.

И я сѣлъ на лавку, закрывъ лицо руками, и готовъ былъ заплакать. Я приходилъ въ такое отчаяніе, что хотѣлъ бѣжать. Пикаръ, посмотрѣвши на меня, сказалъ:

— Послушай, Жанъ-Шьеръ, сначала я просто пошутилъ, но теперь вижу, что былъ правъ.

— Нѣтъ, это неправда!

— Если это не правда, такъ зачѣмъ же ты сердишься?

— Потому что мнѣ стыдно за твою глупость.

— Э! возразилъ онъ; нечего тебѣ отчаяваться за меня; будь я въ десять разъ еще глупѣе, отъ этого тебѣ не будетъ ни теплѣе, ни холоднѣе.

Съ такимъ болваномъ нечего было разсуждать, и я принялся опять за работу, думая:

— Готово! теперь я пойду домой!

Мнѣ казалось, что у меня все было написано на лицѣ, и что г-жа Мадленъ, встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, сразу все замѣтитъ. Я очень ошибался, потому что къ вечеру Анета и не вспоминала болѣе объ этомъ. Что ей было до этого за дѣло? Какая дѣвушка не слыхивала: «Молодой человѣкъ влюбленъ!»

Все шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Я вошелъ къ намъ на верхъ, не встрѣтивъ ни съ кѣмъ. Къ восьми часамъ Дюбургъ открыли внизу окно на улицу, чтобы очистить воздухъ. Послѣ ужина тетушка Бале сошла разсказывать имъ рыночныя новости. Двѣ другія сосѣдки сѣли на лавку у нашихъ дверей, разсуждая о Пасхѣ и Троицѣ, о церковной кружкѣ для бѣдныхъ, о старой Розалин, получавшей столько-то и столько изъ общества благотворительности, и т. д.

Г-жа Мадленъ мела комнату, Анета пошла на верхъ шить для себя, и когда я робко спускался, она крикнула мнѣ:

— Прощайте, Жанъ-Шьеръ!

Я успокоился и благодарилъ Бога за всеобщее ослѣпленіе.

Но на другой день, и въ продолженіе всей недѣли, види, что Анета не обращаетъ на меня вниманія, что она уходитъ, прихо-

дять, поднимается и опускается съ лѣстницы, не обертывая головы, въ то время, какъ я на нее смотрю, что она по прежнему говорить мнѣ только: «Здравствуйте, Жанъ-Шьеръ!»—«Прощайте, Жанъ-Шьеръ!» тогда я воскликнулъ въ глубинѣ души своей:

— Что это значитъ? Такъ она меня совсѣмъ не любитъ! Она говоритъ со мной также, какъ говорила въ прошедшемъ году!

Я былъ въ отчаяніи, потому что мнѣ хотѣлось, чтобы она измѣнилась. Къ счастью, я припомнилъ, что шесть или восемь мѣсяцевъ тому назадъ, я считалъ за самое высшее удовольствіе ѣсть каштаны съ толстою Жюли Керманнъ, воображая, что я влюбленъ въ нее.

— Точно также и относительно Анеты, думалъ я:—она ничего не знаетъ, она еще настоящій ребенокъ. Но потомъ, черезъ полгода или черезъ годъ, она увидитъ, что я хорошій работникъ, и заслуживаю уваженіе порядочной дѣвушки, и что мы будемъ счастливы женившись. Старикъ Антуанъ всегда уважалъ меня, а чего лучшаго можетъ желать госпожа Мадленъ въ зятя—какъ меня! Я не богатъ, но зарабатываю свои пятьдесятъ су въ день. Господинъ Нивуа цѣнитъ меня все болѣе и болѣе; онъ прибавитъ мнѣ въ будущемъ году, и, кто знаетъ, хозяинъ становится старъ; ужъ ему не такъ-то легко бѣгать, можетъ быть, понадобится кто-нибудь, чтобы закупать вмѣсто него дубовыя доски на пильныхъ заводахъ, да и для другихъ дѣлъ. Рано или поздно, надо же будетъ ему взять какого-нибудь работника, повѣреннаго, умѣющаго и вымѣрить, и высчитать, и написать смѣту, и заключить торгъ. Если не теперь, то черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ можетъ сначала дать мнѣ пай, а потомъ допустить до участія въ его дѣлахъ, это очень просто и естественно. И тогда, Жанъ-Шьеръ, съ миленькой экономной женой, съ старикомъ отцомъ Антуаномъ, съ тещей госпожей Мадленъ, которая сдѣлается женщиной почтенной, и съ твоей доброй, старой тетушкой Бале, которую всѣ вы будете любить и все болѣе и болѣе уважать, тогда, окруженный такой семьей, кто на свѣтѣ можетъ считать себя счастливѣе тебя? Не говоря уже о дѣтяхъ, которыхъ мы будемъ воспитывать въ трудѣ и добромъ примѣрѣ и которыя будутъ радовать всѣхъ насъ.

Я думалъ о всемъ этомъ, стругая, распиливая и приколачивая. Все это представлялось мнѣ совершенно ясно; все оживало и катилось какъ на колесахъ; сбрасывая широкія стружки, я ликовалъ въ душѣ, не слышалъ даже пѣсенъ Пикара и по цѣлымъ часамъ предавался этимъ мечтамъ. Только веселый голосъ старика Нивуа заставлялъ меня приходиться въ себя:

— Послушай, Жанъ-Пьеръ, кричалъ онъ:— да остановись!... остановись!... Ты все вѣдь простругаешь; весь домъ дрожитъ. Вотъ паренъто, духу перевести не дастъ!... Точно лѣсопильная мельница... не останавливается ни на минуту.

Тутъ я смѣлся, обтирая лобъ, и съ нѣжностью смотрѣлъ на него.

— Да, говорилъ онъ, нюхая по обыкновенію табакъ: — я доволенъ тобою, Жанъ-Пьеръ, рѣдко попадаются такіе прилежные работники.

Потомъ онъ смотрѣлъ работу, находилъ все отличнымъ, и я былъ увѣренъ, что къ слѣдующей зимѣ получу прибавку, и чувствовалъ, что я стою ея, что разумѣется удваивало мое удовольствіе.

Только одна тетушка Бале угадала кое-что. Часто, по утрамъ, видя, какъ я чешусь передъ своимъ зеркальцемъ, и завязывая хорошенькимъ узломъ галстукъ, покручиваю усы и чишусь съ головы до ногъ щеткой—чего прежде никогда не бывало,—она смотрѣла на меня, лукаво прищурившись, и говорила:

— Ты становишься кокетливъ, Жанъ-Пьеръ. Хе! хе! хотѣлось бы вѣдъ знать, съ чего это ты сдѣлался вдругъ такимъ. Ну ужъ, хорошъ, хорошъ... Нечего такъ смотрѣться.... Будь покоенъ, поправись.

И видя, что я краснѣю, она говорила:

— Тутъ нѣтъ ничего дурного; нечего краснѣть...

Когда она говорила мнѣ подобныя вещи, мнѣ хотѣлось выпрыгнуть въ окошко; я угадывалъ ея намеки и морозъ пробиралъ меня по кожѣ.

Но меня беспокоилъ серьезно рекрутскій наборъ, назначенный черезъ годъ. Къ счастью въ 1847 г. въ царствованіе Людовика-Филиппа былъ миръ; въ Альзасѣ можно было достать наемщика за тысячу и за тысячу двѣсти франковъ, да и кромѣ того было много счастливыхъ номеровъ.

Я могъ вынуть счастливый номеръ, а въ случаѣ неудачи, съ помощью стараго хозяина, обязавшись остаться у него, могъ взять въ долгъ. Это, конечно, отсрочило бы свадьбу; но когда есть надежда на счастливый номеръ, надежда, которая не покидаетъ и въ случаѣ неудачи, когда человѣкъ влюбленъ и все видитъ въ розовомъ свѣтѣ, тогда для него не существуетъ ни помѣхи, ни неудачи; онъ не думаетъ о неприятномъ и случай, который можетъ сразу все разстроить, кажется ему бессмыслицей.

IX.

Разъ вечеромъ, послѣ работы, я шелъ домой; еще не было совершенно темно и солнце освѣщало крыши; въ переулкѣ «Двухъ Ключей» было уже мрачно, и издали нижнія окошки въ нашемъ домѣ свѣтились какъ фонарь. Въ домѣ должно было случиться что нибудь необыкновенное, потому что госпожа Мадленъ не имѣла обмененія жечь свѣчей.

Лишь только подошелъ я къ дому, спрашивая себя:—Что бы это могло быть?—какъ изъ сѣней вышла тетушка Бале, весело крича:

— Скорѣе, Жанъ-Пьеръ, сегодня вечеромъ у насъ пиръ.

И почти вслѣдъ за нею, Анета сказала мнѣ:

— Ахъ, Жанъ-Пьеръ, знаешь вѣдь... тетушка Жаклина умерла.

Я вхожу въ маленькую, низенькую комнату и вижу съ лѣвой стороны становъ, отодвинутый къ стѣнѣ,—мотки и куски полотна и даже шесты съ крючками, все это въ беспорядкѣ навалено на немъ, чтобы очистить больше мѣста; — а на право, подлѣ печки, столъ, накрытый чистой скатертью, съ семью или восемью приборами, и тремя зажженными свѣчами, убранными около стеклушекъ бумажными оборками.

Въ кухнѣ разведенъ былъ огонь. Тетушка Ривель, слышавшая хорошей кухаркой и стряпавшая даже въ теченіи двѣнадцати лѣтъ у Бишофа въ гостинницѣ Орла, до своего замужества, тетушка Ривель помогала госпожѣ Мадленъ. На краю пикапчика у нихъ стояло большее блюдо съ сосисками, начиненная индѣйка и жареная на вертелѣ, а въ буфетѣ видѣлось нѣсколько запечатанных бутылокъ.

Словомъ, пиръ былъ точно свадебный, какихъ я никогда не видывалъ. Старикъ Антуанъ, сидя, скрестивъ ноги, на своей скамейкѣ, протянулъ ко мнѣ руки, восклицая:

— Жанъ-Пьеръ, наша бѣдная, старая тетка Жаклина, отправилась; она не успѣла дать ничего въ пользу церкви. Какое счастье!

Вотъ, однако, какія могутъ явиться мысли человѣку, и человѣку хорошему, когда является богатство.—Омъ обнялъ меня и сказалъ черезъ нѣсколько минутъ:

— Иди, одѣвись! Я тоже одѣну свое хорошее коричневое платье. Сегодня на вечеръ приглашены капитанъ Флорентинъ съ женою, госпожа Френцель, тетушка Бале и мой старый товарищъ, оружейникъ Виллонъ. Если бы мы знали, то я позвалъ бы Нивуа, но вѣсть эта пришла только въ три часа.

Тутъ онъ че могъ удержаться отъ смѣху, и сказалъ:

— Слава Богу, наткалъ я не мало аршинъ полотна, поработалъ на своемъ вѣку довольно, будетъ съ меня!

Онъ поднялъ руки. Анета, уже разряженная, тоже говорила:

— Съ меня тоже будетъ шитья!

А г-жа Мадленъ кричала изъ кухни:

— Да, да, да и пора ужъ было! Теперь мы можемъ пожить. — Г-жа Ривель, положите масла въ кострюлю. Вотъ соль и перецъ. Теперь ужъ нечего скупиться.

Я вышелъ посреди этихъ толковъ, довольный, что тетушка Бале тоже приглашена. Я радовался счастию Дюбурговъ, и началъ бриться, мечтая обо всемъ этомъ, воображая, что г-жа Мадленъ возгордится, никакъ не предвидя однако, до какой степени это можетъ дойти.

Надѣвъ чистую рубашку и свое хорошее платье, я сошелъ внизъ Комната уже была полна гостей. Скоро стали усаживаться за столъ и подали ужинъ. Я былъ очень веселъ, проводя этотъ вечеръ вмѣстѣ съ Анетой.

Но когда къ концу ужина я услышалъ, что г-жа Мадленъ говорить: — что теперь, слава Богу, семейство Дюбурговъ займетъ свое настоящее положеніе; что г-жѣ Анетѣ, ихъ единственной дочери, не придется болѣе ходить и обшивать особъ, не стоящихъ ея; что всякой инженеръ, адвокатъ и нотариусъ почтетъ за счастье вступить съ ней въ бракъ; что она сдѣлается барыней, какъ госпожа такая-то, у которой нѣтъ и четверти ихъ богатствъ; что не трудно выучиться носить шляпки, шали и кружева, и что Анета скоро къ этому привыкнетъ!.. когда я услышалъ это, мнѣ все стало ясно; я взглянулъ на Анету и увидавъ, что она смѣется, слушая эти пріятныя вещи; мнѣ стало холодно, несмотря на выпитое вино. Въ это же самое время тетушка Бале такъ грустно посмотрѣла на меня, что мнѣ захотѣлось заплакать и убѣжать.

Меня удивляетъ, что у меня достало силы скрыть мое волненіе. Но они чокались, пили за здоровье добрыхъ людей; смотрѣли, какъ старикъ Виллонъ разрѣзаетъ индѣйку и вынимаетъ каштаны, такъ что на мою блѣдность и отчаяніе никто не обратилъ вниманія. Только одна тетушка Бале поняла все. Она отвѣтила госпожѣ Мадленъ только одной фразой:

— Да, сказала она: — вы правы, госпожа Дюбургъ, гораздо легче выучиться носить шали и шляпки, нежели умѣть обходиться безъ нихъ, когда долго носилъ ихъ.

Всѣ засмѣялись.

Я пилъ рюмку за рюмкой. Мнѣ это было необходимо, чтобы поддержать себя.

Ужинъ этотъ продолжался до одиннадцати часовъ. Тогда всѣ разошлись. Старикъ Антуанъ, стоя въ дверяхъ со свѣчкой въ рукѣ, кричалъ:

— Прощайте! прощайте!

А капитанъ Флорентинъ, опираясь на госпожу Френцель, удалялся въ темной улицѣ, отвѣчая хохотомъ и словами: — прощайте, почтенная компанія!.. Ха! ха! ха! славно!..

Я пошелъ къ себѣ въ комнату. Тетушка Бале шла за мною, не говоря ни слова. Теперь мнѣ все было ясно, я видѣлъ, что всѣ надежды мои погибли.

На верху я высѣкъ огня, зажегъ наши обѣ лампы и сказалъ:

— Спокойной ночи, тетушка Бале.

— Прощай, дитя мое, отвѣчала она.

Я ушелъ къ себѣ въ комнату и заперъ дверь. Потомъ, оставшись одинъ, я сѣлъ на постель противъ лампы и сталъ размышлять о вещахъ страшныхъ и безконечныхъ. Я припомнилъ все, что случилось со мною съ самого рождения... И проклялъ я свою судьбу! Я вспомнилъ, что говорила вдова Рошаръ, и что лучше было бы для меня послѣдовать за моимъ отцомъ, и нашелъ, что она права. Что казалось мнѣ тогда, когда тетушка Бале пришла взять меня, такимъ счастьемъ, теперь казалось самымъ большимъ несчастьемъ. — Пусть бы она меня бросила, восклицалъ я въ душѣ: — я умеръ бы съ голода... Тѣмъ лучше! А если бы не умеръ, то былъ бы дровосѣкомъ, полѣсовщикомъ; срубалъ бы пни, ѣлъ бы разъ въ годъ говядину, ходилъ бы полунагой, терпѣлъ бы отъ холода, снѣга, вѣтра, дождя... что за важность? Другого бы ничего я не зналъ и не былъ бы такъ несчастливъ! Теперь всему конецъ. Дуракъ я былъ, думая, что Анета можетъ любить меня; она думаетъ только о томъ, чтобы сдѣлаться дамой; госпожа Мадленъ мечтаетъ объ инженерахъ, адвокатахъ и нотаріусахъ; а у г. Дюбурга недостаетъ силы воли: онъ сдѣлаетъ все, что онъ захотятъ!

Всѣ эти мысли пробѣгали въ моей головѣ, какъ разлившался рѣва. Часы проходили, я не трогался; мнѣ хотѣлось плакать, но время слезъ прошло; на груди у себя я чувствовалъ точно камень, давившій мнѣ сердце; это было въ тысячу разъ хуже всякихъ рыданій.

На разсвѣтѣ я всталъ и вышелъ. Когда я проходилъ, тетушка Бале, надѣвавшая юбку, крикнула мнѣ:

— Ты уходишь, Жанъ-Пьеръ?

— Да, отвѣчалъ я ей:— есть спѣшная работа; г. Нивуа велѣлъ мнѣ прійти съ разсвѣтомъ... Я тамъ буду завтракать.

— Хорошо, сказала она.

Я сошелъ съ лѣстницы и пустился бѣжать по городу, куда глаза глядятъ. Двери и ставни были закрыты; полевые работники выходили на работу съ заступами на плечѣ.

— Здравствуйте, Жанъ-Пьеръ.

— Здравствуйте, говорилъ я имъ.

Мнѣ нужно было прохладнаго воздуха, который освѣжилъ бы меня.

Въ шесть часовъ я пошелъ, какъ обыкновенно, на работу. Въ мастерскую пришелъ г. Нивуа. Я рассказалъ ему о наслѣдствѣ Дюбурговъ. Онъ нашелъ, что это хорошо, и что эти хорошіе люди стоятъ такого счастья, въ особенности отецъ Антуанъ. Я не отвѣчалъ, потому что горе давило меня.

Въ двѣнадцать часовъ я вышелъ; но вмѣсто того, чтобы идти обѣдать домой, я пошелъ въ кабачекъ «Трехъ королей» выпить бутылку вина, такъ какъ ѣсть мнѣ не хотѣлось. Къ часу я принялся опять за пилу и стругъ, а лихорадка одолевала меня.

Вечеромъ однакожь надо было идти ужинать. Я собрался съ духомъ, но, къ счастью, прійдя домой, я встрѣтилъ госпожу Ривель, объявившую мнѣ, что Дюбургъ уѣхалъ въ Сень-Виттъ, въ вaretъ. Это успокоило меня; мнѣ тяжело было бы видѣть этихъ людей.

Х.

Я тихо входилъ на лѣстницу, держась за перила и думая:

— Зачѣмъ ты не одиночекъ на свѣтѣ? Тогда скоро все было бы покончено!

И когда я уже былъ на верху, я услышалъ голосъ:

— Это ты, Жанъ-Пьеръ, я жду тебя уже цѣлый часъ.

И поднимая голову, я увидалъ тетюшку Бале, въ старомъ желтомъ платкѣ на головѣ; большой костлявой рукой она держала лампу, чтобы освѣтить мнѣ.

— Что ты идешь такъ тихо? спросила она.

— Я очень усталъ, отвѣчалъ я ей.

Мы вошли въ мансарду, гдѣ въ печкѣ свѣтилось еще нѣсколько угольковъ; на накрытомъ столѣ стояла, въ ожиданіи меня, миска, покрытая тарелкой. Тетюшка Бале пододвинула мнѣ стулъ, а сама сѣла на скамейку напротивъ. Она смотрѣла на меня.

Мнѣ ѣсть не хочется, сказала я ей.

— Все равно, съѣшь чтонибудь.

Но это было выше силъ моихъ. Я сидѣлъ, повѣсивъ руки, и не имѣлъ силы поднять ложки. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и вдругъ тетушка Бале внятно сказала мнѣ:

— Такъ ты ее очень любишь, бѣдное дитя мое?

Эти слова поразили меня какъ ножомъ въ сердце. Я прислонился лбомъ къ столу и зарыдалъ.

— И давно ты ее любишь? продолжала она.

— Вѣчно, тетушка Бале, отвѣчала я ей:—вѣчно, но въ особенности съ начала весны.

И я рассказалъ ей о своемъ удивленіи въ тотъ день, когда мы съ Пикаромъ увидели ее проходившую по улицѣ колодца, какъ вдругъ она показалась мнѣ красавицей, и такой красавицей, что я совсѣмъ былъ ослѣпленъ, и задрожалъ весь, не смѣя поднять глазъ; какъ она зиглянула въ окно мастерской, крикнувъ: —а вы вѣчно за работой, Жанъ-Пьеръ? и рассказалъ о своемъ смущеніи и страхѣ, возвращаясь вечеромъ домой; потомъ о своихъ надеждахъ... о мечтахъ, что она можетъ полюбить меня когданибудь... что это было почти вѣрно... и что въ такомъ случаѣ когданибудь утромъ я послалъ бы тетушку Бале слѣзать предложеніе, и что....

Далѣе продолжать я не могъ. Воспоминанія эти душили меня, и я опять началъ плакать какъ ребенокъ.

Тетушка Бале слушала меня и тихо говорила:

— Да... да... такъ... это всегда такъ!.. И какъ человѣкъ счастливъ... очень счастливъ!.. И все случилось бы такъ, какъ ты говоришь, Жанъ-Пьеръ, Анета полюбила бы тебя, она увидѣла бы, что ты стоишь ей любви, она увидѣла бы, что въ Севернѣ нѣтъ другого такого молодца какъ ты... Могу сказать, такого хорошаго и красиваго! потому что это истинная правда! Все шло бы своимъ чередомъ, и мы всѣ соединились бы на счастье; старуха Бале указывала бы дѣтей, гордо бы расхаживала съ ребенкомъ на рукахъ... Господи! какое несчастье!

Услыхавъ, что я плачу, она восклицала:

— Все зло отъ этихъ мерзкихъ денегъ... Ахъ! мерзкія деньги, когда онѣ появляются въ одну дверь, счастье выходитъ въ другую.— Сегодня утромъ они уѣхали, чтобы осмотрѣть свое богатство. Съ ними ѣхалъ этотъ долговязый болванъ Бреслау, этотъ грошовый адвокатъ, съ огромными равчесаными бакенбардами и закрученными усамп, какъ у какогонибудь тамбуръ-мажора. Они повезли его

оцѣнять имущество, а онъ мерзавецъ уже обнюхиваетъ приданое!..
Какіе дураки, эти Дюбургі!

Услыхавъ это, я, поблѣднѣль, взглянувъ на тетушку Бале; но она была занята своимъ собственнымъ отчаяніемъ, и кричала, поднимавъ къверху свои костлявыя руки:

— Ахъ дураки! они воображаютъ теперь себя богачами и думаютъ, что мѣшки вѣчно будутъ полны! Мадленъ и маленькая Анета приглашали сегодня по утру и меня... Имъ хотѣлось показать мнѣ свое серебро и вещи, но я не хотѣла ѣхать... Все это недовольно роскошно для меня... Я видывала кое-что получше!.. Что, такое ихъ наслѣдство? Ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что Марія—Анна Бале получила въ свое время!.. Да!.. мы получили наслѣдство въ Италіи... намъ досадили брилліантовыя и жемчужныя ожерелья, четки изъ цехиновъ, двойныя и четвертыя піастры, золотыя, зеленныя и красныя; а цѣлыя возы мебели, платьевъ и священническихъ ризъ, свѣтившихся какъ солнце, а священные сосуды, а старыя картины, стоившія тысячи и тысячи франковъ!.. И чтоже мы со всѣмъ этимъ сдѣлали? Мы сдѣлали тоже, что, кажется, сдѣлаютъ и эти Дюбургі: мы все проѣли, все протратили, все выбросили въ окна... Да!.. И вотъ та же тетушка Бале, которую ты видишь, Жанъ-Пьеръ, эта тетушка Бале, не хвастаясь, была еще покрасивѣе мадамъ Анеты, у ней были и лучше волосы, и лучше глаза, и лучше губы; она была высока и красива; Бале гордился ею, и могъ гордиться передъ цѣлой арміей.—Ну! и чтоже осталось отъ этого всего? За исключеніемъ старыхъ плутовъ, проповѣдовавшихъ дисциплину и порядокъ, набивая фургоны своего армейскаго корпуса,—и которые сдѣлались потомъ отъявленными мерзавцами,—такъ за исключеніемъ ихъ, всѣ другіе и красавица Марія—Анна первая кончили тѣмъ, что стали пилить дрова, лудить костюлы, чистить котлы, или продавать на рынкѣ яблоки и груши, довольные и тѣмъ, что зимою могутъ имѣть горячихъ угольковъ въ грѣлкахъ! А тотъ-то, что презиралъ деньги, что добивался только государствъ, дворцовъ и имперій, кончилъ тѣмъ, что попалъ на скалу посреди моря, съ балаганомъ изъ смоленой бумаги! Вотъ, Жанъ-Пьеръ, это и доказываетъ, что кошѣйка, пріобрѣтенная трудомъ, лучше мѣшка съ золотомъ, найденнымъ въ могилѣ покойника. Это должно было бы служить людямъ урокомъ; слѣдовало бы понять, что честный работникъ, какъ ты, лучше какого нибудь шалопая Бреслау.

Она хорошо говорила, но все это я и самъ зналъ. Сколько разъ рассказывала она мнѣ о своихъ несчастіяхъ; да и кромѣ того чужая бѣда не помогаетъ своей собственной.

Мысль объ этомъ Бреслау перевернула меня, я сидѣлъ все еще, упершись лбомъ объ столъ, размышляя о томъ, что я несправедливо уже вытерпѣлъ, и думать:

— Къ чему ты живешь, несчастный?

Она тоже умолкла, и такимъ образомъ молчаніе продолжалось нѣкоторое время, когда я почувствовалъ, что она наклонилась ко мнѣ и, взявъ обѣими руками меня за голову, подаловала меня.

— Ты молчишь, Жанъ-Пьеръ, прошептала она:—Ты слишкомъ страдаешь, не правда ли, дитя мое? Однако же, надо же вѣдь теперь рѣшить, что намъ дѣлать.

— Мнѣ надо уѣхать, не шевелясь, сказалъ я ей: — мнѣ надо уѣхать!

— Уѣхать, проговорила она, дрожа всѣмъ тѣломъ:—да куда же?

— Далеко... Куда нибудь далеко...

— Нѣтъ, вскричала добрая старушка: — Тебѣ нельзя уѣхать... Это черезъ чуръ, Жанъ-Пьеръ... А я то, я вѣдь не могу ѣхать съ тобой... Я ужъ теперь слишкомъ стара.

Тогда я поднялъ голову и взглянулъ въ отчаяніи. Волосы нависли у меня на лбу; я сказалъ ей:

— Если хотите, я останусь... Но если явится тотъ другой... если я увижу его... несчастіе!.. тогда все будетъ кончено!

И видя, что она глядитъ на меня съ удивленіемъ и ужасомъ, я протянулъ къ ней руки, восклицая:

— Простите меня, тетушка Бале.. Я люблю васъ, я люблю васъ болѣе жизни!.. Я обязанъ вамъ всѣмъ. Я хотѣлъ остаться.. поддерживать вашу старость... Я былъ счастливъ, мечтая объ этомъ. Но если я увижу того, я убью его!..

Вѣроятно лицо мое выражало сильное отчаяніе, потому что бѣдная старушка залилась слезами. И въ тоже время она кричала:

— Ты правъ, Жанъ-Пьеръ, да, ты правъ... Я знаю тебя.. Да и на что я надѣялась, Господи! Не одинъ, такъ другой. Уѣзжай... Да, Жанъ-Пьеръ, ты правъ! И не безпокойся, мы увидимся... Я не такъ стара, какъ полагають; у меня достанетъ силы еще лѣтъ на десять, на пятнадцать... Мы еще разъ проживемъ вмѣстѣ... потомъ... потомъ!.. Я сама выберу тебѣ жену, хорошую жену; и у насъ будутъ дѣти... Только не унывай.. Пусть пройдетъ время.

Мы держали другъ друга въ объятіяхъ и оба рыдали.

— Вы вѣдь мать моя, говорилъ я ей:

— Да, я твоя добрая старая мать Бале, говорила она.—У меня только ты и есть, все мое счастье въ тебѣ. Ты ѣдишь... Это тяжело!.. Ты поѣдишь въ Парижъ... Ты сдѣлаешься хорошимъ работ-

никомъ, и почему знать... Я поѣду можетъ... Да, поѣду, если это будетъ возможно... когда нибудь!. Пивуа уже говорилъ мнѣ, что тебѣ слѣдовало бы поѣхать въ Парижъ, но я не хотѣла, у меня были другія намѣренія; теперь я рада. Я пойду повидаюсь съ Нивуа, тебѣ нечего тутъ мѣшаться.

У меня сердце разрывалось, слушая рыданіе этой хорошей и честной женщины. Никогда не думалъ я, что возможно перенести это.

Она наконецъ замолкла; и закрывъ лицо своими длинными руками, положивъ локти на столъ, она думала о горѣ своемъ въ теченіи тридцати лѣтъ; по щекамъ у нея текли тихо, безъ всхлипыванія, слезы.

Мнѣ же, при видѣ этого, хотѣлось все разрушить. Я возненавидѣлъ родъ человѣческій, и самого себя, и всѣхъ, кого я зналъ. Въ головѣ у меня роились тысячи мыслей; я находилъ все отвратительнымъ.

Во время этого гробового молчанія пробило одиннадцать часовъ, тогда бѣдная старушка вздохнула, и вынула изъ кармана платокъ, чтобы вытереть лицо, говоря:

— Ну, Жанъ-Пьеръ... спи спокойно, дитя мое.

Я не могъ удержаться отъ слезъ, и снова упалъ въ ея объятія, повторяя:

— Простите мнѣ, тетушка Бале, простите!

— Да ты ничего не сдѣлалъ, говорила она:—ты ни въ чемъ не виноватъ, бѣдное дитя мое, отъ всей души прощаю тебѣ. Это все несчастная судьба! Если бы я могла сдѣлать тебя счастливѣе себя самой, повѣрь, я съ охотой пострадала бы нѣсколько болѣе... Но пора ложиться спать. Поцалуй меня еще разъ и идемъ спать.

Поцаловавъ ее нѣсколько разъ, я ушелъ къ себѣ въ комнату, и растянулся на постель въ совершенномъ отчаяніи. Черезъ нѣсколько минутъ спусти, въ дверную сѣважину я увидѣлъ, что тетушка Бале затушила лампу.

Все это происходило въ іюнѣ мѣсяцѣ 1847 г.; никогда я этого не забуду.

XI.

Часто мнѣ думалось, что въ великихъ жизненныхъ испытаніяхъ женщины мужественнѣ насъ: вмѣсто того, чтобы падать духомъ, онѣ, на оборотъ, поддерживаютъ и ободряютъ наши силы. Нота-

кїа жепщины, какъ тегушка Бале—истинная рѣдкость. На другой день она казалась спокойнѣе, и за завтракомъ замѣтила мнѣ:

— Послушай, Жанъ-Пьеръ, много, много передумала я въ эту ночь, и теперь все это представляется мнѣ совершенно основательнымъ. Мысль о разлукѣ съ тобою, въ первую минуту, была для меня горькимъ ударомъ; но вѣдь рано или поздно надобно было бы прибѣгнуть къ этому рѣшенію. Чему ты можешь выучиться здѣсь? Вѣдь не въ Савернѣ можно сдѣлаться порядочнымъ работникомъ: нужно повидать свѣта, приглядѣться къ работѣ мастеровъ. Притомъ и конскрипція много бы стѣснила насъ. Да, эта минута была для меня очень тяжела.

Говоря это, она старалась казаться спокойною, а я притворился, будто вѣрю этому спокойствію; но по глазамъ ея, налитымъ слезами, и по дрожащему голосу мнѣ было ясно, что она хотѣла только утѣшить меня.

Набросивъ платокъ, она вышла съ словами:

— Пойду-ка я къ Нивуа.

День былъ воскресный. Долго поджидалъ я ея возвращенія и раздумывалъ о нашихъ невзгодахъ. Въ церкви благовѣстили къ обѣднѣ, и ко мнѣ подступили воспоминанія о томъ прекрасномъ времени, когда я сидѣлъ у хора рядомъ съ маленькою Анетою: пѣніе подъ органъ, нашъ выходъ изъ церкви среди толпы народа, радость возвращающейся семьи, готовой собраться вокругъ стола, голосъ тегушки Бале, говорившей мнѣ въ корридорѣ:—иди-ка, у насъ есть что-то хорошее—и крикъ маленькой Анеты:—и у насъ есть что-то хорошее! И вѣдь это было наканунѣ... Какъ быстро улетаетъ счастье, Господи Боже мой, какъ быстро оно улетаетъ, и какъ тяжелы позднѣйшія о немъ воспоминанія!

Часовъ въ одиннадцать Бале возвратилась.—Я все устроила, сказала она. Нивуа находить, что все это хорошо. Ему хотѣлось бы продержатъ тебя до конца мѣсяца, чтобы имѣть время приискать другого работника; но онъ такъ доволенъ твоимъ послушаніемъ его совѣтамъ, что объ остальномъ заботится не много. Вотъ твое жалованье, которое я сейчасъ же отъ него получила: это тебѣ на дорогу. Мимоходомъ я взяла для тебя мѣсто въ дилижансѣ на завтра къ пяти часамъ вечера—вотъ и билетъ. Теперь пойду пошу, что для тебя необходимо: самое нужное—новыя рубахи и пары двѣ прочныхъ башмаковъ.

Она старалась мнѣ улыбаться, но я могъ развѣ только не плакать. И между тѣмъ нужно было сѣсть за столъ и обѣдать, сохраняя самое обыденное спокойствіе. Смотрѣть другъ на друга

ми не смѣли, и при каждомъ словѣ должны были собираться съ духомъ, чтобы какъ нибудь вдругъ не измѣнить своей наружной твердости.

Наконецъ она сказала мнѣ:

— Не пойти-ли тебѣ, Жанъ-Пьеръ, къ господину Васеро? Вѣдь ты знаешь, что онъ тебя любитъ.

— Пойду,—не замедлилъ я отвѣтить:—а право, тетушка Бале, меня бы стало на то, чтобы совсѣмъ забыть о немъ.

Въ тоже время я взялъ шапку и вышелъ. Я былъ совершенно доволенъ, что сдѣлалъ это, потому что оставаться дома и не смѣть зарыдать—было уже черезъ чуръ жестоко.

Было очень жарко. Въ Крапивномъ переулкѣ, за садами, все копошилось вдоль по заросшимъ изгородямъ. И все это еще предъ мои глаза.

Спустя нѣсколько минутъ, я входилъ въ маленькій дворикъ и, взобравшись на верхъ, увидѣлъ съ площадки чрезъ широко отворенную дверь комнаты, съ лѣвой стороны, моего стараго учителя, сидящаго еще за столомъ и окруженнаго своей семьей. Какъ обыкновенно въ праздничные дни, продолжительность богослуженія и время, употребляемое на снятіе съ себя пѣвческой одежды и шапки, на повѣшаніе ихъ въ ризницѣ и на возвращеніе домой, заставили его-запоздать обѣдомъ.

Это былъ совсѣмъ не тотъ человекъ, что въ школѣ; на немъ былъ черный бумажный кофакъ и легкая фуфайка, такъ какъ было очень жарко. На одномъ изъ колѣнъ онъ держалъ свою маленькую дочку, для которой съ необыкновенной важностью обрѣзывалъ яблоко.

— Э, да это Кламель, сказалъ онъ, завидя меня на верху лѣстницы.

— Да, господинъ Васеро, я пришелъ проститься съ вами.

— Какъ, ты уѣзжаешь?

— Я ѣду въ Парижъ; всякій работникъ долженъ посѣтить Парижъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ жизни. Онъ приглашаетъ меня състь. Жена и дѣти слушали, а хозяинъ хвалитъ мое намѣреніе, прибавляя, что онъ былъ мною всегда доволенъ и что мое посѣщеніе ему очень пріятно.

Когда я, спустя подчасу, поднялся, онъ довелъ меня до двери и обнялъ, и сердцу моему стало такъ отрадно, потому что уваженіе и дружба честныхъ людей всегда приносятъ отраду.

— Счастливаго пути, Кламель, сказалъ онъ еще съ верху лѣстницы:—счастливаго пути и добраго здоровья!

— Благодарю, благодарю васъ, господинъ Васеро.

Я вышелъ въ переулокъ, вполне очастливленный дружескими напутствіями этаго благороднаго человѣка.

Тогда могло быть около двухъ часовъ, и я хотѣлъ воспользоваться остаткомъ дня, чтобы повидаться и съ господиномъ Нивуа. И такъ, по переулку я дошелъ до Лафонтеновой площади. Въ то время, какъ гусары пѣли внизу, хохотали, бражничали и играли въ кегли вдоль дровянаго сарая, старій столяръ сидѣлъ съ своимъ пріятелемъ Панаромъ въ комнатѣ надъ нашею мастерскою; завидя меня издали, когда я проходилъ мимо его окна, онъ закричалъ мнѣ:

— Сюда, Жанъ-Шерь.

Я прошелъ чрезъ мастерскую и поднялся на верхъ. Бутылка, какъ водится, торчала передъ ними, находясь въ обществѣ двухъ до половины налитыхъ стакановъ.

— Стаканъ, Маргарита, крикнулъ господинъ Нивуа на лѣстницу и затѣмъ, когда я входилъ, онъ сказалъ:

— Ну такъ какъ же, ты ѣдешь! Въ добрый часъ!

Я поклонился господину Панару, который также замѣтилъ, что я дѣлаю хорошо. Потомъ стаканъ, принесенный Маргаритою, былъ наполненъ и мы чокнулись за здоровье другъ друга.

— Вотъ видишь-ли, Жанъ-Шерь, говорилъ господинъ Нивуа, порядочный работникъ долженъ побывать въ Парижѣ, гдѣ можетъ изучить свое ремесло основательно. Самые искусные провинціалы, считающіе себя образцами, приходятъ въ изумленіе, когда, съѣздивъ туда, узнаютъ, что людей ихъ разбора считаютъ тамъ дюжинами, и что многое множество есть тамъ такихъ молодцовъ, которые могли бы поучить ихъ, какъ вбивать колья и стругать щепки.

— Да, говорилъ господинъ Панаръ, тамъ-то и можно образоваться. Иностранцы знаютъ это отлично, и вотъ почему городъ переполненъ нѣмцами, англичанами, русскими, итальянцами и испанцами, которые, спустя нѣсколько лѣтъ, разѣзжаются по домамъ, чтобы дома щеголять добытыми у насъ познаніями.

Это были старые, закадычные пріатели, во всемъ между собою согласные: чуть только одинъ изъ нихъ говорилъ, другой немедленно ему поддакивалъ; по воскресеньямъ носы ихъ становились сизыми, тоже по причинѣ взаимныхъ поддакиваній.

Я оставался у нихъ до семи часовъ. Господинъ Нивуа хотѣлъ удержать меня на ужинѣ, но узнавъ, что я долженъ ѣхать завтра въ пять часовъ, ограничился обѣщаніемъ зайти въ контору дилижансовъ съ рекомендательнымъ для меня письмомъ къ г. Бракону, улица Ла-Гранъ № 70.

Разставаясь со мной, онъ всунулъ мнѣ еще пятифранковую монету въ руку, и такъ какъ я отказывался взять ее, получивъ сполна свое жалованье, то онъ сказалъ мнѣ:

Жалованье жалованьемъ, а вотъ это экую ты долженъ взять, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе; гдѣ нибудь въ дорогѣ ты выпьешь на него за здоровье Нивуа, а поэтому не смѣешь отказаться.

Надо было взять. Возвратясь домой, я рассказалъ о своихъ визитахъ тетускѣ Бале, которая осталась, повидимому, довольна. Она выпорожнила уже свой большой чемоданъ, чтобы уложить въ немъ мои вещи. Кто посмотрѣлъ бы на насъ во время ужина, никогда не могъ бы и подумать о самомъ тяжеломъ горѣ, которое грызло насъ обонхъ; мы говорили о моей поѣздкѣ, какъ о дѣлѣ совершенно натуральномъ, которое должно было случиться рано или поздно; мы надѣялись только его отсрочить, но минута разлуки настала ранѣе, чѣмъ мы предполагали.

И объ этомъ мы долго говорили! Но зато ночью, зная, что на слѣдующій день нужно было ѣхать, и что въ дилижансѣ взято уже для меня мѣсто, при мысли, что, быть можетъ, мнѣ никогда не придется болѣе увидѣть ни Анету, ни ту, которая пріютила и вскормила меня, своимъ трудомъ воспитала какъ родное дитя, что не увижу ни стараго дома, гдѣ прошло мое дѣтство, ни стараго города, ни горъ, ни лѣсовъ,—при раздумьи обо всемъ этомъ, я проливалъ горькія-горькія слезы. И слышно мнѣ было, какъ благородная женщина, мнѣ вторая мать, тихонько покашливала по временамъ, какъ будто чѣмъ то захлебываясь, потомъ вставала, украдкой подходила къ шкафу и прислушивалась къ моей комнатѣ. Я хотѣлъ увѣрить ее, будто сплю—но до сна ли мнѣ было!

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня я отворилъ свою дверь: старушка сидѣла уже передъ моимъ чемоданомъ съ сложенными на колѣняхъ руками. Если бы мы только взглянули другъ на друга, то опять могли бы разразиться всхлипываніями. Но она была тверже меня и все продолжала мнѣ улыбаться.

— Вѣдь ты не забудешь меня, Жанъ-Пьеръ, сказала она. При этихъ словахъ я опять убѣжалъ въ свою комнату, рыдая, какъ безумный.

Разсказывать о своемъ отъѣздѣ изъ Саверна очень-очень тяжело. Но тѣмъ не менѣе надобно говорить обо всемъ, надобно перебирать въ воспоминаніи и тяжелыя испытанія, и свѣтлыя минуты; потому что въ этомъ-то и жизнь.

Въ четыре часа тетусва Бале управилась съ моимъ чемоданомъ: онъ былъ запертъ. Я глядѣлъ на старушку и помогалъ ей. Она

объясняла мнѣ то и другое, а я слушалъ ее, и въ голосѣ ея мнѣ чудился голосъ моей родной матери. Въ глазахъ моихъ она должна была читать мои чувства, потому что казалась болѣе довольною и по временамъ говорила:

— Успокойся, Жанъ-Пьеръ; мы свидимся съ тобою скоро. Всему вѣдь есть срокъ.

— Да! отвѣчалъ я чуть слышно.

— Все перемелится, мува будетъ, твердила она: не нужно только отчаяваться. Теперь я совершенно оправилась. Однако и время собираться, Жанъ-Пьеръ, какъ бы не опоздать. Вотъ возьми, спрячь это въ карманъ, дитя мое, да смотри не потеряй.

— Это что такое? удивился я.

— Вѣдь сейчасъ по прибытіи въ Парижъ работы не добудешь, придется и пообождать. Такъ вотъ я и припасла тебѣ это... на случай болѣзни... притомъ же эта конскрипція... Здѣсь шестьдесятъ франковъ.

— А вы же какъ?

— Э, я, посмотри-ка, посмотри: денежки у меня есть.

И она показала мнѣ нашу маленькую коробочку, въ которой лежали пять или шесть пятифранковыхъ монетъ.

— Вѣдь я себя не забываю, прибавила она.

Я былъ просто ошеломленъ. Я обнялъ ее, потомъ взвалилъ себѣ на плечи чемоданъ, и мы вышли.

Подходя къ конторѣ дилижансовъ, мы издали заприѣтили дядю Нивуа, который поджидалъ насъ у воротъ. Подойдя къ намъ на встрѣчу, онъ сказалъ:

— Вы являетесь какъ разъ во время, а то бы пожалуй опоздали. Въ тоже время онъ передалъ мнѣ письмо къ господину Бравоно, которое я спряталъ въ карманъ своей жилетки.

Вскорѣ зазвучала и труба кондуктора: въ концѣ главной улицы показался громадный дилижансъ, съ его тювами, огромнымъ кожаннымъ чехломъ, четырьмя сѣрыми конями, наконецъ конскриптами, сидѣвшими въ красныхъ фуражкахъ, на наружныхъ мѣстахъ экипажа.

— Вонъ онъ, вонъ онъ, закричали всѣ.

— Ну, Жанъ-Пьеръ, обнимемся-ка, говорилъ мнѣ Нивуа.

А я взглянулъ на тетумку Бале, она протянула ко мнѣ руки, хотѣла говорить—и не сказала ни полслова. Тогда я бросился къ ней, сжалъ ее... Но такимъ объятіямъ нѣтъ имени.

Глухое перекатываніе колесъ раздавалось все ближе и наконецъ смолкло. Вляхи лошадей звякали у двери, путешественники крича-

ли, на своемъ плечѣ я чувствовалъ руку Нивуа, который говорилъ и тащилъ меня; но я ничего не понималъ, ни о чемъ не думалъ, а все сжималъ мою бѣдную старушку Бале.

Не знаю, какъ мы разстались и какимъ образомъ я очутился въ дилижансѣ между шестью или семью конскриптами, которые пѣли, угощаясь водкой. Я обернулся и закричалъ:

— Тетушка Бале!

Она стояла, прислонясь къ двери. Нивуа силился ее увести, но она не трогалась съ мѣста. Я открылъ дверцы и хотѣлъ выйти, но въ это мгновеніе громадный экипажъ тяжело качнулся и тронулся съ неописаннымъ шумомъ, кондукторъ трубилъ, углы крышъ уходили назадъ, тамъ и сямъ оглядывались прохожіе, сторонясь къ стѣнамъ домовъ; потомъ показалось открытое небо, по дорогѣ повстрѣчалась роща старыхъ зеленыхъ елей съ маленькимъ квадратнымъ виноградникомъ; мы выѣхали за городъ, стали взбираться по отлогости и экипажъ пошелъ медленнѣе. А тамъ далеко, за лѣсами, я различалъ свое первое родимое гнѣздо. Во мнѣ заговорили воспоминанія о моемъ отцѣ, бѣдномъ дровосѣкѣ, и не смущаясь хохотомъ и пѣснями конскриптовъ, я склонилъ голову на колѣни и заплакалъ. Эхъ, о чемъ только я тогда не передумалъ!

Когда экипажъ былъ на половинѣ отлогости у очаровательнаго ручья, откуда спускается тропинка въ долину Саверна, дверцы отворились и раздался голосъ кондуктора:

— Не хочетъ ли кто нибудь размять ноги пѣшкомъ?

Конскрипты вышли, а я остался одинъ въ дилижансѣ, шагомъ поднимавшемся по извилистой дорогѣ. Лошади храпѣли; нѣкоторые изъ пассажировъ шли вмѣстѣ съ кондукторомъ по правую сторону чрезъ кустарники; я же, прислонясь къ маленькому окошку, видѣлъ влѣво восхитительную Шлиттенбахскую поляну, домъ господина Леклера въ ея глубинѣ, бесѣдку ея на скалѣ, разросшіяся деревья и вверху подъ облаками развалины О-Барра и Герольдсека; а тамъ далѣе синѣла привольная равнина Альзаса и у подошвы отлогости выглядывалъ старикъ Савернъ, въ которомъ столько отрадныхъ деньковъ было прожито мною.—Ну вотъ ты опять одинъ одишепенекъ на бѣломъ свѣтѣ, разсуждалъ я самъ съ собою. Твои знакомцы не забудутъ о тебѣ въ теченіи мѣсяца, полгода, пожалуй года: но вѣдь у всякаго изъ нихъ есть свое дѣло; когда нибудь, случайно, вспомнятъ они о Жанъ-Пьерѣ, а тамъ и всему конецъ... Одна тетушка Бале не забудетъ тебя.

Все тѣ же будутъ и деревья, и скалы и старые дома; и гора, и развалины, на которыя ты глядѣлъ съизмаля, глядишь еще въ эту

минуту, и которыя погружали тебя въ мечтаніе. Другіе будутъ глядѣть на нихъ, другіе стануть передумывать, что было передумано тобою, но тебя уже здѣсь не будетъ! Анета разбогатѣетъ... выйдеть за мужъ... Да что же такое жизнь, Господи милосердый!..

Вотъ какія мысли кружились въ моей головѣ, нагоняя на меня невыносимую тоску.

Когда экипажъ поровнялся съ трактиромъ дяди Филлера, конскрипты усѣлись по прежнему, а кондукторъ затрубилъ съ своего мѣста. Лошади понеслись мѣрнымъ галопомъ и пыль, поднимаясь вверхъ, застилала придорожные потоки, кусты и травку; лѣсъ убѣжалъ назадъ и мы были среди ровной степи.

Часть спустя, мы миновали Гондерлохскую ложбину и деревню Четырехъ-Вѣтровъ. Потомъ, перемѣнивъ лошадей на станціи перваго разряда, мы прибыли въ Пфальсбургъ съ его форпостами, его мостами, его мрачными воротами, его военнымъ плацомъ. И мимо всего этого—въ галопъ! Это былъ какой-то смутный и тяжелый сонъ; еще тяжелѣе стало на душѣ, когда ушли назадъ лѣса и видна была одна широкая, сплошная степь надъ Миттельброномъ, да тамъ вдаль индѣ синѣли Вогезы, умирая на посерѣвшемъ небѣ.

— Прощайся навсегда съ старыми горами, раздумывалъ я:—теперь ты увидишь развѣ однѣ кучи ржи или овса, конопли или рѣпы, да крошечныя фруктовыя деревья, да жалкія подобія изгородей. Господи твоя воля! А вотъ спускается и ночь; по обнаженной степи пробѣгаютъ большія золотыя полосы; справа, слѣва засыпаютъ фермы и маленькія деревушки. Наконецъ темно; конскрипты горлачатъ, ѣдятъ, пьютъ, экипажъ несется безъ усталости и копыта лошадей звучатъ, какъ мѣрный стукъ стѣнныхъ часовъ, и съ каждымъ шагомъ все дальше, все дальше.

Я прижался къ углу и просунулъ руку въ ремень окошка. Отъ продолжительнаго глядѣнья я чувствовалъ въ глазахъ нестерпимую боль, хотѣлъ заснуть и, конечно, не могъ. Конскрипты на каждой станціи запасались водкой и съ хохотомъ рассказывали о своихъ покинутыхъ возлюбленныхъ. Одинъ получилъ отъ жида тысячу двѣсти франковъ, другой тысячу четыреста, третій и того болѣе. И вотъ все, о чемъ они толковали.

XII.

По мѣрѣ приближенія къ Парижу, все измѣнялось, принимало другой, лучшій видъ: деревни становились населеннѣе, дома выше,

окна чаще, вывѣски, которыя у насъ вѣшаютъ только надъ дверями, забирались на первый, второй, третій этажи, даже подъ самыя крыши, щеголяя краснымъ, голубымъ, желтымъ и самыми разнообразными цвѣтами. А внизу тѣснились другъ къ дружки кофейни, трактиры, лавочки. Передъ домами были растянуты впередъ холщевые навѣсы, для защиты людей отъ дожда и солнца. Толпы народа въ блузахъ, сюртукахъ, въ жилетахъ, въ шапкахъ и шляпахъ шли туда и сюда, бѣжали, суетились—ни дать, ни взять—муравейникъ!

Справа и слѣва высокія трубы—четверугольныя и круглыя—коптили небо своимъ дымомъ; впереди чувствовалось что-то большое, особенное, великолѣпное и страшное. А за нами слѣва уже удалялось какое-то высокое квадратное укрѣпленіе.

— Это Венсенъ, сказалъ мнѣ кондукторъ, когда мы проѣзжали мимо.

Я открылъ глаза и невольно, затаивъ дыханіе, размышлялъ:

— Такъ вотъ ужъ я недалеко отъ Парижа; и мнѣ придется видѣть этотъ великанъ-городъ, о которомъ я слышу съ самаго рожденія, изъ котораго являются всѣ порядочные мастеровые, всѣ толстобрюхіе купчины, всѣ богатые господа, говорящіе:—то ли дѣло въ Парижѣ!

А при видѣ этаго движенія, этихъ взадъ и впередъ снующихъ экипажей, я раздумывалъ:

— Правда, совершенная правда. Парижъ—что-то особенное для людей. Какое счастье жить работою въ Парижѣ, гдѣ подмастерья—простые мальчишки, а мастера—подмастерья!

Дорога стала несравненно шире, была очень хорошо усыпана и по срединѣ укрѣплена. А въ дальнемъ разстояніи, на самомъ концѣ дороги, видѣлись двѣ высокія постройки, упиравшіяся чуть не въ самое небо.

Въ это мгновеніе кондукторъ далъ кучеру на водку, и экипажъ загрохоталъ какъ громъ. Множество другихъ каретъ, похожихъ на дилижансы, но со входомъ сзади по двумъ прикрѣпленнымъ у отверстія ступенькамъ, проносились мимо насъ, биткомъ набитыя пассажирами.

— Это омнибусы, сказалъ мнѣ кондукторъ:—ну-ка, приготовьтесь, молодой человекъ, мы подъѣзжаемъ. Вонъ видите ли тѣ двѣ высокія стѣны съ промежуточными рѣшетками. Это Троиная застава, слышите ли, а? А дальше будетъ Сентъ-Антуанское предмѣстье. А вонъ тотъ огромный голубой сводъ на лѣво—это Пантеонъ. А

двѣ высокія башни—это Нотръ-Дамъ. Вотъ это Сень-Сюльписъ, это башня Сень-Жакъ, а тамъ — вонъ-оно, четверугольная постройка свѣтло-сѣраго цвѣта—то Триумфальныя ворота.

Чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ болѣе было на что посмотреть. И со всѣхъ сторонъ по полямъ были разсыпаны дома цѣлыми сотнями, на пространствѣ болѣе двухъ миль. Мы однако еще не были въ Парижѣ. Двѣ высокія постройки, казалось, не хотѣли къ намъ приблизиться, и только часу въ девятомъ я увидѣлъ рѣшетку, которую кондукторъ называетъ Тронной заставой.

Тутъ-то было поглядѣть; сколько набралось экипажей всѣхъ возможныхъ формъ, большихъ, маленькихъ, четырехугольныхъ, круглыхъ. Они тянулись гуськомъ по семи, восьми и десяти въ рядъ, отбѣхавъ на окраину дороги, чтобы дать промчатся нашему экипажу, который летѣлъ во весь духъ. Лошади прыгали, гнули шеи, выкидывали наружу ноги—это былъ шумъ неистовый и величественный. Кондукторъ принялся собирать свое платье и застегивать шинель.

— Пріѣхали! сказали онъ.

Дѣйствительно мы вѣзжали въ рѣшетчатую заставу. На секунду нужно было остановиться, чтобы допустить къ экипажу таможеннаго надсмотрщика въ его зеленомъ мундирѣ, и въ то время, какъ онъ свидѣтельствовалъ подъ чохломъ тюки, мы вѣзжали въ великій городъ и именно въ то Сентъ-Антуанское предместье, которое описывали мнѣ настоящимъ раемъ: мы были въ Парижѣ!

Нѣтъ, тѣ, которые не пріѣзжали сюда изъ провинціи, никогда не поймутъ, что такое видѣть Парижъ въ первый разъ. Они представить себѣ не могутъ, что испытываетъ тогда человѣкъ, при видѣ этихъ безконечныхъ линій огромныхъ, шести, и семиэтажныхъ домовъ съ ихъ безчисленными окнами, ихъ трубами, которыя въ населенныхъ частяхъ города тысячами торчатъ въ воздухѣ, наконецъ съ ихъ тротуарами, по которымъ толпы народа безостановочно идутъ, идутъ, и конца нѣтъ этому неудержимому движенію. Эти экипажи, эта сплошная мостовая, эта озабоченность, до сихъ поръ вами невиданная,—запахи печенья, пряностей, морской воды, сыраго мяса, эти объемистыя тачки, наполненные нечистотами, этотъ вѣчный гулъ: гу, гу, гу, крики продавцевъ, хлопанье бичей, скрипъ колесъ,—да наконецъ нѣтъ силъ перечестъ всего, что васъ ошеломляетъ!

Когда я слышалъ все это, на меня нашель просто столбнякъ. Съ изумленіемъ слѣдилъ я, какъ нашъ экипажъ все болѣе и болѣе углубляется въ городъ, какъ все видѣнное мною повторялось,

разливалось и направо, и налѣво по безконечнымъ, длиннымъ, прямымъ и косымъ улицамъ, съ тою же самою муравьиною суматохою.

И посреди этого коловорота, мы добрались до обширной площади, въ центрѣ которой высоко поднималась бронзовая колонна. Не смотря на колесный грохотъ, я слышалъ крикъ кондуктора:
— Бастильская площадь!

Но секунду спустя, громадная колонна, вся покрытая золотыми буквами, съ ея ангеломъ, помѣщеннымъ наверху и улетающимъ на небо—изчезла. А тысячи людей все шли, все шли...

И какихъ только людей я не видѣлъ! И торговцевъ цвѣтами, несшихъ въ передникахъ кучи розъ, и людей, у которыхъ на спинѣ помѣщались маленькіе бассейны съ колокольчиками, кранами къ локтямъ. Эти люди давали пить прохожимъ. Да впрочемъ я видѣлъ такое разнообразіе предметовъ, что три четверти ихъ совершенно позабылъ.

Когда мы проѣзжали чрезъ площадь, кондукторъ, приведя въ порядокъ всѣ свои пожитки, опять усѣлся и закричалъ мнѣ:

— Бульвары!

И послѣ мнѣ приходилось вѣзжать въ Парижъ, но такого изумленія и восторга, какъ въ тотъ разъ, я никогда больше не испытывалъ. Вообразите себѣ улицу вчетверо шире другихъ, украшенную роскошными домами съ безконечными рядами балконовъ, улицу, которой конца не запримѣтитъ глазъ; подвигаешься впередъ—и вмѣстѣ съ поворотами бульваровъ видишь опять дома, опять балконы, опять вывѣски—просто до усталости!

Наконецъ у меня уже не хватало и времени на разсматриваніе—все исчезало съ неимоверною быстротою. И всюду эти бѣгущія, безчисленныя толпы, эти экипажи, эти дамы, эти господа, эта толотня, выкрикиванья торговцевъ и прочая суета.

Вдругъ дилижансъ повернулъ и понесся, сломя голову, по болѣе узкой улицѣ.

— Сень-Мартенская улица! кричалъ мнѣ кондукторъ: готовьтесь, мы подъѣзжаемъ къ конторѣ дилижансовъ.

Мы вчались по улицѣ. Высокіе и мрачные, сѣрые и грязные дома съ тысячами разноцвѣтныхъ вывѣсокъ, казалось, наклонялись внизъ; дилижансъ стучалъ немилосердно; иѣшеходы тѣснились на тротуарахъ, продолжая двигаться суетливо. Наконецъ экипажъ повернулъ на право въ улицу попросторнѣе.

Въ эту минуту во всѣ окна нашего дилижанса выглядывали красныя фигуры, изъ любопытства высунувшись наружу

— Вот хлебный складъ, успѣлъ еще подсказать кондукторъ.

Еще нѣсколько секундъ — и мы вѣзжали шагомъ подъ сводъ большого двора конторы дилижансовъ въ улицѣ Сентъ-Оноре, тогда какъ экипажъ нашъ былъ окруженъ сотнями народа.

Въ этомъ же самомъ дворѣ помѣщались въ линію множество другихъ дилижансовъ, пріѣзжавшихъ ежеминутно.

Когда мы очистили экипажъ, то были встрѣчены крикомъ людей всякаго разбора.

— Въ гостинницу: Германія!

— Въ гостинницу: Нормандія!

Одни совали намъ карточки; другіе, блузники съ небольшими корзинами, спрашивали насъ, куда мы желаемъ отправиться.

Я просто не зналъ, что мнѣ дѣлать; взглянулъ на своего кондуктора, но тотъ отправился въ контору, и, держа подмышкою свой кожаный портфель, подошелъ къ отверстію рѣшетки, гдѣ принялся сводить счеты съ конторщикомъ.

Сзади насъ толпы родственниковъ—мужчинъ, женщинъ, дѣтей— всѣ въ шляпахъ—явились встрѣчать своихъ братьевъ и сестеръ.

Все это обнималось, посылало за экипажами и хохотало.

А я былъ одинъ, по виду не могъ быть принятъ за богача и потому никѣмъ не былъ замѣченъ; всѣ бросились сначала помогать другимъ, лучшимъ меня. Я смотрѣлъ, какъ выгружались изъ дилижанса тюки и чемоданы; находясь посреди этого множества людей, изъ которыхъ далеко не всѣ имѣли фізіономію честнаго вида, я былъ самъ не свой: ну, какъ ктонибудь унесетъ мой чемоданъ,—что тогда будетъ со мною?

Не зная, на что мнѣ рѣшиться, какъ приближенный, стоялъ я въ этой густой кучѣ людей, бѣгавшихъ взадъ и впередъ, входившихъ, выходившихъ, считавшихся,—какъ вдругъ кака-то фигура подходитъ ко мнѣ съ словами:

— Ба! это ты, Жанъ-Пьеръ?

Я всматриваюсь и узнаю молодого Монборна, одного изъ моихъ прежнихъ товарищей въ школѣ г. Васеро. На немъ была небольшая блуза, перехваченная поясомъ, а подъ рукою онъ держалъ одну изъ видѣнныхъ уже мною корзинокъ съ двумя ручками. Узнавъ своего школьнаго товарища, я никакъ не могъ удержаться, чтобъ не броситься ему на шею и не закрыть:

— Ты ли это, Мишель?

— Еще бы! отвѣчалъ онъ весело.

— Ну, что же ты здѣсь подѣлываешь?

— Переносу вещи, братъ, вотъ ужъ два года, какъ я занимаюсь ремесломъ носильщика.

Это былъ маленький, тощій, косоглазый юноша, что однако не мѣшало ему быть очень сильнымъ; мнѣ же казалось, что онъ посланъ мнѣ самимъ провидѣніемъ. Послѣ довольно радостныхъ обятій, онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, а ты, Жанъ-Пьеръ, съ родины... что же ты думаешь дѣлать?

Я по столярной работѣ. Господинъ Нивуа далъ мнѣ письмо.

— А куда тебѣ нужно?

— Въ улицу Ла-Гарпъ?

— Далеконько, замѣтилъ онъ, но подожди меня, я вотъ кое-что свесу здѣсь по сосѣдству, а потомъ вернусь и потащу твой чемоданъ. Только это, братецъ, будетъ стоить тебѣ тридцать два су... вѣдь я семейный человѣкъ, милый мой... другой бы содралъ съ тебя дороже...

— Хорошо, хорошо, сказалъ я, поторопись только, я тебя ожидаю.

Онъ отправился. На сердцѣ у меня немножко отлегло; я остался возлѣ чемодана, который въ числѣ множества другихъ былъ выложенъ въ контору: я поглядывалъ на него и не отходилъ ни шагу. А между тѣмъ во дворѣ, подъ сводомъ и на улицѣ все продолжало по прежнему суетиться; прислушиваясь къ этому гаму, я никакъ не могъ себѣ вообразить, чтобы онъ продолжался непрерывно, но однако впоследствии мнѣ нужно было убѣдиться, что шумъ не оставляетъ этого города ни днемъ, ни ночью.

Чась спустя, когда мною стало уже овладѣвать безпокойство, Монборнъ возвратился.

— Ну, сказалъ онъ, я управился: покажи-ка мнѣ твой чемоданъ.

— Вотъ онъ.

— А билетъ?

— Есть.

— Ну и прекрасно.

Въ тоже время онъ вытащилъ мой чемоданъ изъ подъ кучи другихъ, поставилъ его стоймя въ свою корзину, обвилъ все это веревкой и однимъ усиліемъ взвалилъ себѣ на плечи.

— Твое письмо адресовано къ столярному мастеру, въ улицу Ла-Гарпъ? спросилъ онъ меня, не останавливаясь.

— Да.

— Но вѣдь ты мѣста еще не имѣешь?

— Нѣтъ.

— И жить въ его домѣ не будешь?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ видишь ли! Надо пріютить тебя гдѣнибудь въ нему поближе. Положись на меня; я знаю въ улицѣ Латинскаго квартала такое мѣсто, гдѣ можно переночевать за десять су; по-мѣсячно за квартиру тамъ платять семь, восемь, десять франковъ, смотря по комнатѣ. Ты самъ увидишь, только—плата впередъ.

— Ну, ну, веди меня туда, отвѣчалъ я, да если ты знаешь, гдѣ можно недорого пообѣдать, пожалуйста уважи прежде, чѣмъ уйдешь.

— Какже, какже, тамъ же недалеко въ сторонѣ находятся рестораны Фликото, одно изъ порядочныхъ мѣстъ въ Парижѣ.

— Да вѣдь тамъ все, должно быть, непомярно дорого?

— Нѣтъ, не очень...смотря по кушаньямъ и винамъ. Кто ѣстъ говядину, платитъ восемь-девять су; ну, а если потребовать ципленка и вина, то это конечно будетъ стоить шестнадцать-восемнадцать су и дороже.

Я естественно подумалъ, что съ добрымъ кускомъ говядины, хлѣбомъ и водою, мнѣ вовсе не будутъ нужны циплята и вино.

Мы проходили мимо громаднаго зданія, окруженнаго рѣшотками и сверху до низу покрытаго лѣпною работою; улица, по которой мы двигались, уходила подъ арку этого великолѣпнаго зданія, но мы взяли на лѣво и пошли въ обходъ.

Монборнъ сказалъ мнѣ, что это былъ Лувръ.

Когда мы обошли рѣшотку, находившуюся съ правой стороны, глазамъ моимъ въ первый разъ открылись набережная Сены, Новый Мостъ, переброшенный чрезъ эту рѣву и посреди его конная статуя Генриха IV.

Отсюда-то, съ этого моста, можно особенно полюбоваться великолѣпиемъ Парижа. По правую сторону, такъ далеко, какъ только можетъ завидѣть глазъ, простирается Лувръ, далѣе, въ разстояніи болѣе мили, Триумфальная арка заканчиваетъ обширную аллею; по другую сторону видны дворецъ-Юстиціи, храмъ Богоматери, островъ Стараго Города (la Cité), котораго ветхія зданія смотрятся въ водѣ...

Со всѣмъ этимъ, однако, я познакомился уже впоследствии, потому что въ этотъ разъ былъ рѣшительно ослѣпленъ великолѣпиемъ. Мосты, вѣчно покрытые толпами людей, приводили меня въ неменьшее изумленіе. Вся эта картина представлялась мнѣ шире цѣлаго Альзаса, и если бы не необходимость слѣдовать за Монборномъ,

шагавшимъ впередъ безъ устали, я бы остановился тамъ на нѣсколько минутъ подивиться.

По сторонамъ Новаго-Моста находились лавчонки, въ которыхъ изготовлялись разныя жареныя и печеныя снадобья, но вполсѣдствіи, какъ я слышалъ, всѣ онѣ были разобраны.

Поглядѣвъ украдкою на статую и перебѣжавъ черезъ мостъ, мы повернули по противоположной набережной, обнесенной каменной оградой и вошли съ правой стороны въ улицу Ла-Гарпъ.

Въ этой улицѣ мнѣ даже запахло старымъ роднымъ Саверномъ... такъ все здѣсь было старенько, скромненько. И здѣсь, какъ у насъ, были торговцы старымъ желѣзнымъ товаромъ, и здѣсь за ветхими чорными, круглыми дверьми продавались книги, подтяжки и галстукки.

— Да, подумалъ я невольно, здѣсь не найдешь милліонеровъ.

Мнѣ было такъ отраднo очутиться среди людей моего десятка, которые продавали, покупали изъ за куска хлѣба...

По словамъ Монборна, эта часть города называлась Студенческимъ кварталомъ: повернувъ налево въ слѣдующую улицу, онъ остановился наконецъ передъ узкимъ домомъ, по крайней мѣрѣ, въ шесть этажей вышиною.

— Ну, Жанъ-Пьеръ, мы дошли, сказалъ онъ.

Это ветхое зданіе находилось позади линіи улицы; изъ за низкаго забора, тянувшагося по направленію улицы, выглядывала крыша этаго стараго насѣста, съ его окнами, напоминавшими монастырскія рѣшотки въ Мармутъе. Вполсѣдствіи я узналъ, что это былъ ветхозавѣтный Ключи, — хранилище всѣхъ допотопныхъ древностей Франціи; мой трактиръ былъ расположенъ нѣсколько далѣе. Какъ теперь вижу его полуразвалившійся фронтонъ, котораго угловые камни торчали чуть не до неба.

Монборнъ пошелъ по узкому корридору, безпрестанно цѣпляясь чемоданомъ о его стѣны; темнота же этого корридора не позволяла намъ ровно ничего видѣть въ четырехъ шагахъ передъ собою. Въ тоже время обонаніе страдало отъ запаха кожи, смѣшаннаго съ другими, не менѣе странными запахами, и въ ушахъ отдавались всевозможные звуки: и удары молота, и шумъ токарнаго станка, и чье-то пѣніе, между тѣмъ какъ на дворѣ все продолжало вертѣться, горланить, суетиться.

Наконецъ мы вышли на крошечный дворикъ; когда я взглянулъ на небо, то мнѣ показалось, что я нахожусь на днѣ колодца. Я все еще продолжалъ глядѣть вверхъ, какъ вдругъ кто-то отворилъ окно подвальнаго этажа и закричалъ:

— Кто тамъ?

— Проѣзжающій, отвѣчалъ Монборнъ.

Дверь въ концѣ корридора отворилась и изъ нея показался жирный паренъ съ отвислыми, желтыми щеками, въ грязномъ бумажномъ колпакѣ, съ засученными рукавами и сапожничьимъ ремнемъ въ рукѣ; за этимъ парнемъ, котораго я, разумѣется, принялъ за сапожника, вышла сухая, курносая баба, уже сѣдая; она поглядѣла на меня, какъ сорока.

— Вы хотите переночевать? спросилъ меня сапожникъ.

— Нѣтъ, я хотѣлъ бы нанять комнату помѣсячно.

— Отчегожь, можно, отозвался онъ: Жаклина покажетъ вамъ квартиры.

— Это столярный подмастерье, замѣтилъ Монборнъ.

А госпожа, поглядѣвъ на меня пристально, стала ухмыляться.

— Изъ провинціи замѣтила она: пойдете!

Отцѣпивъ связку ключей съ крючка, она начала подниматься вмѣстѣ со мной, тогда какъ Монборнъ медленно слѣдовалъ за нами.

— Вамъ будетъ хорошо, отозвалась она.

Мы поднимаемся, поднимаемся. Окна становятся все выше, дворикъ все ниже; наконецъ я уже боялся выглядывать въ окна, чтобы какъ нибудь не полетѣть головой внизъ.

— У насъ есть комнаты всякихъ цѣнъ, сказала старуха, но вѣдь молодые люди гонятся за дешевизной.

— Да, согласился я, если бы у васъ была комната за шесть или семь франковъ... Не успѣлъ я договорить, какъ она съ негодованіемъ оборачивается и кричитъ:

— За шесть франковъ? Не стоить и подниматься.

Мы были на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы, почти подъ самыми черепицами. Замѣтивъ мое удивленіе, старуха, которой фигура какъ бы одервенѣла, говоритъ мнѣ:

— Пожалуйте внизъ... Самая дешовая цѣна у насъ восемь франковъ и впередъ...

— Ну, покажите же мнѣ комнату въ восемь франковъ, сказалъ я, нѣсколько оправившись.

Поднявшись на послѣднія верхнія ступеньки, она отворила маленькую дверь между стропилами. Я заглянулъ и увидѣлъ, что то былъ уголъ крыши; на кровати, приставленной къ углу и источенной червями, лежитъ матрацъ, который, вмѣстѣ съ своимъ одеяломъ, былъ право не толще лепешки. Противъ постели помѣщался столъ съ кружкой воды на немъ; въ крышѣ было продѣлано окошко, отворявшееся сверху внизъ посредствомъ задвиганія.

Жутко показалось мнѣ здѣсь поселиться.

— Ну что же, рѣшайтесь, говорила старуха.

Я не могъ быть увѣреннымъ, что сразу найду себѣ работу; сосудить меня деньгами было некому, и единственнымъ моимъ обезпеченіемъ въ городѣ, гдѣ всякій думалъ только о себѣ, была бережливость; сообразивъ все это, я отвѣчалъ ей:

— Извольте! Если нѣтъ подешевле, я согласенъ занять эту комнату.

— И хорошо дѣлаете, сказала она: а жильцовъ у насъ всегда довольно.

Сходя внизъ, она указала мнѣ въ углу на что-то въ родѣ умывальника и сказала:

— Вотъ здѣсь вода.

Монборнъ все еще поднимался; я возвратился съ нимъ въ свою комнату, которую тотъ очень похвалилъ, тѣмъ болѣе, что тамъ оставалось мѣсто и для чемодана. Видя, что онъ торопился уйдти, я заплатилъ ему тридцать два су и онъ ушелъ, рассказавъ мнѣ, что отсюда чрезъ два дома по правую сторону около отеля Кюни былъ ресторанъ.

Я затворилъ дверь, сѣлъ на постель, схватился за голову руками и почувствовалъ такую тоску одиночества среди подобнаго города, вдали отъ участія, среди чужихъ людей, что въ первый разъ мнѣ захотѣлось быть солдатомъ.

— Ну что я буду дѣлать на свѣтѣ? размышлялъ я:—другіе счастливы,—у другихъ есть дома, жены, или отцы и матери, братья и сестры. А у меня кромѣ бѣдной старой тетушки Бале никого нѣтъ...

— Ну чтожь такого, если я и поступлю въ военную службу: меня будутъ учить маршировать, но за то мнѣ дадутъ пищу, платье, квартиру, я не буду знать никакихъ заботъ. Я буду защищать законъ, и если даже мастеровые станутъ безчинствовать и бунтоваться, то и тогда я буду дѣйствовать за одно съ своимъ полкомъ. Дядя Нивуа, пожалуй, разсердится, но не могу же я существовать одинъ-одинешенежь...

Я приунылъ сильно. Утѣшать меня было некому; тоска по роднѣ меня съѣдала.

Въ то же время, когда всѣ эти грустныя раздумья бродили въ моей головѣ, я припомнилъ, что отецъ Эммануэля, моего бывшего то варища, предлагалъ мнѣ посѣтить его сына, занимавшагося изученіемъ права и жившаго въ латинскомъ кварталѣ. Хотя бы только взглянуть на него—и это было бы мнѣ уже такъ отрадно!..

Продолжая раздумывать, я вспомнилъ, что онъ жилъ въ Песчаной улицѣ, номеръ 7. Но прошу поворно приѣзжему отыскать Песчаную улицу въ Парижѣ!.. А мнѣ все-таки хотѣлось попробовать. Черезъ нѣсколько минутъ является старуха съ полотенцемъ, которое она положила на кружку, говоря:

— Постельное бѣлье и полотенца будутъ перемѣняться каждый мѣсяць. А о цѣнѣ вамъ извѣстно—восемь франковъ и впередъ...

Я понялъ, почему такъ скоро явилось ко мнѣ полотенце, расплатился съ старухой и спросилъ ее, не можетъ ли она сказать мнѣ, далеко ли отсюда Песчаная улица.

— Нѣтъ, не далеко: и развѣ вы кого нибудь тамъ знаете?

— Да тамъ живетъ студентъ правъ, съ которымъ я выросъ вмѣстѣ.

— А! отозвалась она какъ-то почтительно: вотъ ужъ мой мужъ расскажетъ вамъ, гдѣ это. Если вамъ что понадобится, милости просимъ не церемониться съ нами.

— Теперь мнѣ нужно только остаться одному, отвѣчалъ я ей.

Старуха ушла. Я налилъ въ кружку воды, отперъ чемоданъ, умылся, надѣлъ чистую рубашку и новое платье. Солнце играло на стеклахъ моего окошка и неугомонный шумъ снаружи доходилъ даже до меня, подъ самую крышу.

Хорошенько заверши свой чемоданъ и дверь комнаты, я сталъ спускаться, размышляя о томъ, какъ бы отыскать Эммануэля который одинъ могъ подать мнѣ добрый совѣтъ и поддержать мою шаткую твердость.

XIII.

Когда я сходилъ по лѣстницѣ, то еще болѣе былъ пораженъ жалкимъ видомъ дома. Въ длину грязной лѣстницы, вмѣсто перилъ, была протянута засаленная веревка; у крошечныхъ дверей, означенныхъ нумерами, лежали истертая, осмыконная соломенная подстилки; въ окнахъ шести этажей, въ тѣни двора, торчали вазы съ бѣдненькими, поблекшими цвѣтами; и то, и се провѣтривалось по сторонамъ; со ржавыхъ сточныхъ трубъ пѣнилась внизу грязная вода; домъ былъ напичканъ портными, жестянниками, токарями, швеями—словомъ всѣми этими жалко прозябавшими семьями, которыхъ члены, не глядя другъ на друга, стучали, пѣли, свистали, вертѣли колеса, кололи иголками....

— Вѣдь это тоже Парижъ, раздумывалъ я: если въ этомъ городѣ есть дворцы, пышные отели, безконечные раззолоченные бал-

коны, то есть также и такія мѣста, куда не заглянетъ никогда солнышко, гдѣ работа кипитъ годъ за годомъ, безостановочно, и нѣтъ ей горемычной конца.... Нѣтъ, не вѣрилъ я больше, что столица—земной рай. И чѣмъ ниже я спускался, тѣмъ лѣстница становилась мрачнѣе: внизу было совершенно темно. Ощупью сталъ я отыскивать корридоръ и услышалъ голосъ дворника.

— Эй! Послушайте:

Я обернулся.

— Вѣдь вамъ нужно въ Песчаную улицу, номеръ 7?

— Да.

— Ступайте же вы по нашей улицѣ на право, потомъ поверните въ первую улицу налѣво. Тамъ вы выйдете на Сорбоннскую площадь, а дальше будетъ Песчаная улица. У васъ тамъ пріятель-студентъ?

— Да, мой прежній школьный товарищъ.

— А! отозвался тотъ, поглядѣвъ на свою жену.

Наконецъ таки я различилъ, что они помѣщались въ маленькой комнаткѣ въ углу корридора, но мнѣ нельзя было терять времени на разсматриванье.

— Такъ не забудьте-жь, какъ выйдете на право, потомъ на лѣво, а потомъ пойдете чрезъ Сорбоннскую площадь, прибавилъ дворникъ, усаживаясь за работу.

И вотъ я опять очутился посреди страшной давки торговцевъ платьемъ, водоносовъ, овернскихъ угольщиковъ, экипажей, которые такъ и мчались, такъ и мчались неудержимымъ потокомъ. Я не забылъ объясненій дворника, и не смотря на оглушительный стужъ большнхъ телѣгъ, наваленныхъ камнями, не смотря на крики кучеровъ и тысячи другихъ, мнѣ совершенно невѣдомыхъ, возгласовъ, нашель таки, и довольно скоро, Песчаную улицу, лежавшую вправо отъ улицы Сенъ-Жакъ.

Я шель медленно и отыскивалъ седьмой номеръ, который, наконецъ, увидѣлъ подъ вывѣской: книгопродавецъ Фроманъ Пернеттъ.

Въ это мгновеніе сердце мое почти замерло.

— Какъ-то приметъ меня Эммануэль, раздумывалъ я, онъ, которому предстоить карьера судьи, королевскаго прокурора или другая завидная доля; а мнѣ на роду написано быть и теперь, и до гроба простымъ мастеровымъ.

Съ такими мыслями вошелъ я въ корридоръ. Какъ теперь вижу передъ собой гипсовую статую, изображавшую молодого человѣка, увѣчаннаго цвѣтами и держащаго въ рукѣ стеклянной шаръ. Возлѣ этой статуи находилась въ тѣни стеклянная дверь, которую я никакъ

не смѣлъ отворить. Но вотъ выходитъ какая-то толстая, угреватая женщина.

— Вамъ кого угодно? спрашиваетъ она меня.

— Не могу ли я видѣть господина Эммануэля Доломье.

— Во второмъ этажѣ, номеръ 11, объяснила она, опять затворяя за собой дверь.

Я поднялся по довольно опрятной лѣстницѣ и безъ труда нашелъ нужный мнѣ номеръ. Ключъ былъ въ замкѣ; мнѣ слышно было, какъ въ этой квартирѣ пѣли, хохотали, словомъ веселились,—не то, что на нашей улицѣ, гдѣ не бываетъ праздника, гдѣ видишь одну безконечную ломовую работу. Нѣсколько минутъ прислушивался я къ женскому смѣху, потомъ тихонько постучался; раздался голосъ Эммануэля:

— Войдите!

Я отворилъ дверь. Между двумя высокими и свѣтлыми обнами сидѣлъ и писалъ Эммануэль, въ прекрасномъ небесно-голубомъ халатѣ, заваленный грудами старыхъ книгъ; по лѣвую сторону находилась его постель, обернутая бѣлымъ пологомъ, и черный мраморный каминъ, на которомъ стояли дорогіе часы, а сзади зеркало.

— Ба, это Жанъ-Пьеръ! закричалъ онъ, повернувъ голову и разставляя руки.

Ужъ одинъ звукъ его голоса былъ для меня утѣшеніемъ; мы обнялись, какъ въ тотъ разъ, когда выходили изъ рѣки въ долину Плоской скалы.

— Какими это судьбами? говорилъ онъ: — отлично, отлично, вотъ Богъ послалъ земляка; мы съ нимъ пообѣдаемъ сегодня вмѣстѣ.

Онъ хохоталъ, я же чувствовалъ, что я весь поблѣднѣлъ.

— Что съ тобой, Жанъ-Пьеръ? спросилъ онъ меня.

— Ничего, ровно ничего. Я такъ радъ, что тебя вижу, и что ты такъ радушно меня принимаешь.

— Скажите, пожалуйста! Да развѣ ты считаешь меня подлецомъ? Полно, дружокъ, полно... садись-ка вотъ въ это кресло. Знаешь-ли, вчера я получилъ это письмо отъ отца: пишетъ о наслѣдствѣ Дюбурга... а впрочемъ новаго ровно ничего!

Я видѣлъ, что онъ былъ вполне доволенъ, веселъ, и это радовало меня самого. Снявъ свой великолѣпный халатъ, онъ принялся умывать себѣ руки и лицо, расчесывать волосы и русую бородку, суетился, бѣгалъ взадъ и впередъ, поглядывалъ на меня, смѣялся и говорилъ:

— Великолѣпно! Я вотъ окончилъ работу—мы побродимъ вмѣстѣ, Жанъ-Пьеръ, я познакомлю тебя съ Парижемъ.

Въ тоже время я разскаивалъ ему подробно дѣло о наслѣдствѣ, но совершенно умалчивалъ о моихъ чувствахъ къ Анетѣ. Онъ хвалилъ мое намѣреніе усовершенствоваться въ ремеслѣ; когда же я не могъ утаить отъ него, какъ тревожила меня трудность найдти себѣ скоро работу, онъ сказалъ мнѣ, надѣвая пальто и сѣрую шляпу.

— Э, голубчикъ, вѣдь такой лихой работникъ, какъ ты, не будетъ сидѣть безъ дѣла. Будь спокоенъ; такъ какъ у тебя есть отъ господина Нивуа рекомендательное письмо, то мы сейчасъ же пустимъ его въ ходъ.

Поглядѣвъ на адресъ, онъ сказалъ:

— Да вѣдь это въ двухъ шагахъ отсюда; пойдемъ!

Всѣ мои опасенія разсѣялись. Эммануэль, въ его пальто, шелковомъ голубомъ галстукѣ, шляпѣ, съ его остренькой бородкой, съ его толковой рѣчью и добрымъ сердцемъ, представлялся мнѣ какимъ-то божествомъ. И какая разница между хоронимъ образованіемъ и горькою необходимостью добывать себѣ кусокъ хлѣба ручнымъ трудомъ!

И какъ отрадно дѣйствуетъ на каждого порядочное образованіе!

Рука объ руку мы вышли на Песчаную улицу и стали глазѣть по сторонамъ на дѣвушекъ, курившихъ въ окнахъ крошечныя папироски. Улица была заселена студентами, которые нахлобучивали на бокъ огромныя красныя и синія шапки, и почти всѣ жили въ обществѣ женщинъ.

Эммануэль, какъ столичный житель, ни на что уже не обращалъ вниманія, тогда какъ я съ жаромъ разсуждалъ самъ съ собою:

— Эхъ, если бы найдти работу, все бы пошло отлично. Какая страшная разница жить въ Парижѣ или въ такомъ городишкѣ, какъ Савернъ, гдѣ городской сержантъ глядитъ чуть не маршалою Франціи, а субъ-префектъ ужъ просто королевичъ!—Какъ мѣняются наши понятія!...

Съ такими мыслями, очутился я въ улицѣ Ла-Гарпъ, какъ вдругъ Эммануэль остановился у воротъ и, глядя вверхъ, сказалъ:

— Номеръ 70, Браконó, столярный мастеръ. Ну, Жанъ-Пьеръ, сюда.

Страхъ опять овладѣлъ мною.

По одну сторону воротъ поднималась широкая лѣстница, а по другую тянулась стѣна, покрытая афишами и объявленіями; дальше простирался довольно свѣтлый дворъ, въ глубинѣ котораго стоялъ навѣсъ, поддерживаемый столбами. Въ ухахъ у меня уже отдавался

стукъ молота, шипѣнье пилы и скобеля. Мужественныя размышленія мои—исчезли...

Эммануэль шелъ впереди меня съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто прогуливался по своей комнатѣ. Проходя черезъ дворъ, мы увидѣли трехъ или четырехъ мастеровыхъ, собиравшихся сколачивать гвоздями ящики; вправо находилась тѣсная контора, въ которой у окна писала молодая дѣвушка.

Вотъ все, что я могъ замѣтить, потому что когда Эммануэль спросилъ господина Браконо, къ намъ сейчасъ же вышелъ изъ подъ навѣса старый столяръ, высокаго роста, худощавый, сѣдой, съ глазами, еще непотерявшими живости; на немъ была куртка, фуфайка и передникъ.

— Я Браконо! сказалъ онъ.

— Очень приятно, господинъ Браконо, отнесся къ нему Эммануэль, совершенно свободно—вотъ-съ, рекомендую вамъ отличнаго молодаго человѣка и честнаго работника, который желалъ бы быть вамъ полезнымъ, если это можно. Онъ пріѣхалъ изъ провинціи, ну и вы понимаете, на первыхъ порахъ, у него нѣтъ смѣлости; въ такихъ случаяхъ позволительно обратиться къ рекомендаціи перваго встрѣчнаго.

— Вы студентъ? спросилъ старый столяръ, ласково улыбаясь.

— Студентъ правъ, отвѣчалъ Эммануэль: а въ немъ я рекомендую вамъ моего прежняго школьнаго товарища.

Мастеровые продолжали работать, а молоденькая дѣвушка начала глядѣть въ окно конторы.

— У васъ есть законный видъ? спросилъ меня господинъ Браконо.

— Какже-съ, и притомъ у меня есть къ вамъ письмо отъ господина Нивуа.

— А, такъ это васъ посылаетъ ко мнѣ Нивуа, сказалъ старикъ; теперь у насъ, правда, нѣтъ работы, ну да ладно, мы ужъ посмотримъ. Ну, а что этотъ чудакъ Нивуа—все еще бодръ?... какъ его дѣлишки?...

— Слава Богу.

— Ну и слава Богу.

Распечатывая письмо, онъ отправился въ тѣсную контору, а мы за нимъ.

— Садитесь-ка, сказалъ онъ: а ну, Клодина, посмотри, что это такое.

Дѣвушка была его дочь. Впослѣдствіи я узналъ, что Нивуа ча-

сто няньчилъ ее на колѣняхъ. Она читала письмо, а старый хозяинъ твердилъ:

— Теперь дѣла мои идутъ не больно быстро... Однако, нельзя же оставить безъ вниманія письмо стараго пріятеля, какъ ты думаешь, Клодина?

— Нѣтъ, нельзя, папаша. По пріѣздѣ въ Парижъ, работники первое время всегда находятся въ затрудненіи; но потомъ, спустя вѣсколько недѣль, они знакомятся съ городомъ лучше и достаютъ работу.

— Ну, да что тутъ толковать много, сказалъ господинъ Браконо. Я не могу дать вамъ теперь постоянного мѣста, но вы будете пока получать отъ меня три франка поденно, и какъ только который нибудь изъ моихъ работниковъ отойдетъ отъ меня, вы получите его мѣсто. Согласны-ли?

Разумѣется, я поспѣшилъ принять это предложеніе, поблагодаривъ за него хозяина; на первыхъ порахъ я бы взялъ и вдвое дешевле.

— Ну, смотрите же, подтвердилъ онъ, завтра, то есть въ понедѣльникъ, въ шесть часовъ вы должны явиться на работу.

Это былъ человѣкъ аккуратный, простой, смышленный. Эммануэль, съ своей стороны, хотѣлъ благодарить какъ его, такъ и Клодину, зардѣвшуюся яркимъ румянцемъ. Мы вышли вполне довольные, а я хотѣлъ даже танцовать и кричать во все горло.

— А эта Клодина прехорошенькая брюнеточка, говорилъ мнѣ Эммануэль.

Но мнѣ до этого вовсе не было дѣла: я просто оналѣлъ отъ радости, какъ конскриптъ, выдернувшій счастливый номеръ.

— Ну что, доволенъ ли ты? спросилъ меня Эммануэль, когда мы были уже на улицѣ.

— Да помилуй, еще бы! Вѣдь ты жизнь мнѣ возвратилъ!

Тотъ захохоталъ.

Возвратясь на Сорбоннскую площадь, мы вошли въ узкую улицу, обставленную старыми зданіями и высокими рѣшетчатыми окнами. Когда мы проходили мимо двухъ огромныхъ сводчатыхъ воротъ, Эммануэль ввелъ меня въ какой-то старый вымощенный дворъ, окруженный зданіями, похожими на казармы: съ правой стороны поднималась въ небо большая башня Сорбонны.

— Посмотри-ка сюда, сказалъ онъ мнѣ, видишь ли напротивъ насъ тѣ двери: тамъ съ утра до вечера раздаются рѣчи профессоровъ о латинскомъ и греческомъ языкахъ, объ исторіи, о математикѣ, ну, словомъ, о всемъ, что только можно себѣ представить.

Это первые люди во Франціи и всякій имѣеть право ихъ слушать. Въ другомъ зданіи, которое осталось позади насъ, на улицѣ Медицинской Школы, говорятъ только о медицинѣ, въ третьемъ, на площади Пантеона, толкуютъ только о правѣ, въ четвертомъ, на улицѣ Сень-Жака, объясняютъ исторію и политику. Здѣсь, другъ мой, чтобы выучиться чему нибудь, стоитъ только захотѣть.

Старая Сорбонна пробила пять часовъ; я сильно призадумался, но Эммануэль сказалъ мнѣ:

— Ну, Жанъ-Пьеръ, пора обѣдать; послѣ обѣда отправимся погулять. Вѣдь впродолженіи недѣли намъ нельзя будетъ видѣться часто: воспользуемся же, покрайней мѣрѣ, первымъ днемъ нашего свиданья.

Онъ схватилъ меня опять за руку. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы вошли въ сырой, узкій, ветхій, какъ и улицы, переулокъ, который проходилъ позади дряхлыхъ построекъ и велъ къ монастырю Сень-Венуа.

Это одно изъ мѣстъ въ Парижѣ, наиболѣе напоминающихъ дворъ старой савериской синагоги. Въ мое время глазъ всегда встрѣчалъ тамъ слуховыя и длинныя узкія окна, на которыхъ было развѣшено грязное бѣлье, безконечныя крыши съ ихъ безчисленными трубами, стѣны, выдолбины, наконецъ заплесневѣлые, сырые закоулки, напичканные всякимъ соромъ.

Это милое убѣжище было конечно совсѣмъ непомощно и сообщалось съ улицей Сень-Жакъ посредствомъ узкаго прохода, въ срединѣ котораго былъ вбитъ столбъ, для предупрежденія вѣзда въ эту щель экипажа; на улицу же Сень-Жакъ велъ изъ нея другой, болѣе просторный переулокъ.

Сколько разъ приходилось мнѣ и завтракать, и обѣдать съ Эммануэлемъ у Обера возлѣ монастыря Сень-Венуа! Домъ, гдѣ помѣщался его ресторанъ, находясь насупротивъ узкаго прохода, былъ единственнымъ чистоплотнымъ и выкрашеннымъ домомъ; внизу его тянулся рядъ оконъ, вверху была небольшая отлогая крыша, а внутри три просторныхъ залы, занятыя рестораномъ.

Было еще рано, когда мы вошли, и потому господинъ Оберъ сказалъ:

— Вы сегодня изъ раннихъ гостей, господинъ Эммануэль.

И въ тоже время, онъ протянулъ моему товарищу табатерку.

Залы, сообщавшіяся одна съ другой двумя квадратными дверями, были еще почти совершенно пусты; только тамъ и сямъ, за маленькими столиками сидѣло нѣсколько молодыхъ людей; первый разъ въ жизни я увидѣлъ тогда, что можно было ѣсть и заниматься

при этомъ чтеніемъ. Благовонный запахъ, врываясь съ лѣвой стороны въ залу, не замедлилъ возбудить во мнѣ охоту покушать.

— Ну, что же, щепоточку, докучалъ господинъ Оберъ.

— Благодарю, отвѣчалъ Эммануэль: не нюхаю.

— Да, да, вы нравственный молодой человекъ, замѣтилъ господинъ Оберъ и поглядѣлъ на меня.

— Это товарищъ мой, отозвался Эммануэль, — изъ Северна.

— А, очень приятно... землячокъ!

Затѣмъ мы вошли въ залу, находившуюся съ правой стороны.

Эммануэль повѣсилъ на стѣну мою фуражку и свою шляпу, усадилъ меня противъ себя у открытаго окна и потомъ сказалъ:

— Ну-ка, чего бы намъ такого... Во-первыхъ, бутылку добраго вина съ зельтерской водой, потому что жарко; потомъ, двѣ порціи супу à la julienne, двѣ порціи бифштексу, а тамъ увидимъ — такъ что-ли?

— Послушай, Эммануэль, сказалъ я, не издерживайся, пожалуйста, ради меня: кромѣ куска говядины, хлѣба и воды мнѣ ничего не нужно.

Тотъ разсердился.

— Поди ты! Хорошее угощеніе для стараго товарища—кусокъ мяса, хлѣбъ да вода! Чтожь, я по твоему скряга, что ли?

И не желая меня выслушать, онъ закричалъ:

— Эй, гарсонъ! двѣ порціи супу à la julienne, вина, зельтерской воды!

Я увидѣлъ, что нужно было молчать. Гарсонъ, завитой на удалую и называвшійся Жаномъ, принесъ намъ отличнаго супу съ морковью, бутылку вина и зельтерскую воду: мы принялись обѣдать съ большимъ усердіемъ.

Это былъ мой первый обѣдъ въ Парижѣ, и я никогда не забуду о немъ, не только ради вина, жаркаго и салата, но особенно ради того участія, которое оказывалъ мнѣ Эммануэль и другіе подсѣвшіе къ нашему столу молодые люди; они обращались со мною совершенно какъ съ равнымъ, когда Эммануэль передалъ имъ, что я учился вмѣстѣ съ нимъ въ одной школѣ. Нѣтъ, никогда я этого не забуду! То были люди образованные, совершенно развязно толковавшіе между собою о законѣ, о правосудіи, о медицинѣ, объ исторіи, о правительствѣ, словомъ, о чемъ угодно...

А я ничего не зналъ, ничего не понималъ, но имѣлъ здравый толкъ—молчать.

Одинъ изъ нихъ, высокій и сухощавый, по имени Силлери, спорилъ съ другимъ—Кокличемъ. Двое или трое изъ пріателей Эммануэля вмѣшались въ этотъ споръ, хохотали и орали во все горло; каждую минуту являлись новые гости, знакомые первымъ, компаніями въ три, четыре, шесть человѣкъ; скоро всѣ три залы были набиты народомъ, и у cadaго стола продолжались прежніе ученыя споры.

Въ воздухѣ смѣшивались всевозможные звуки, тарелки, бутылки звенѣли, слуги бѣгали, крича по временамъ въ двери кухни:

- Порцію жаркого!
- Двѣ порціи спаржи!
- Порцію почекъ-сотэ!
- Порцію бифштекса!
- Бутылку вина и т. д. и т. д.

Въ свои руки они подхватывали на бѣгу три, четыре, пять тарелокъ сразу, а подъ мышки тыкали нѣсколько бутылокъ—и ничто у нихъ не выпадало! Всякій получалъ, что спрашивалъ... Признаюсь, ничего подобнаго я прежде не видѣлъ. Эти крикливые лакеи своею необыкновенною памятью и ловкостью удивляли меня несравненно болѣе, чѣмъ всѣ споры о правительствѣ, потому что я лучше могъ раскусить и оцѣнить ихъ таланты; тогда-то припомнились мнѣ слова Нивуа, который говаривалъ мнѣ, что люди работаютъ и приобрѣтаютъ въ Парижѣ въ одинъ часъ гораздо больше, чѣмъ у насъ продолженіи цѣлыхъ сутокъ.

Тамъ же въ первый разъ я увидѣлъ освѣщеніе газомъ: какъ только насталъ вечеръ, по всѣмъ столамъ вдругъ заблестали прекрасныя бѣлыя и небесноглубыя огни въ формѣ тюльпановъ; слуги бѣгали ко всѣмъ кенкстамъ съ концомъ зажженного воска, какъ сторожа въ церквяхъ, и газъ загорался въ одно мгновеніе. Впослѣдствіи я нерѣдко удивлялся, отчего не вздумаютъ употреблять газовый свѣтъ въ соборныхъ храмахъ; вѣдь онъ не въ примѣръ лучше желтаго горѣнья восковыхъ свѣчей и былъ бы угоднѣе Господу. Не распространяясь много, скажу, что этотъ обѣдъ съ его винами и спорами продолжался до поздней ночи. Наконецъ нужно же было вставать; всѣ сидѣвшіе за нашимъ столомъ студенты пожали другъ другу руки, Эммануэль заплатилъ въ конторѣ три франка, и мы вышли въ самое восхитительномъ расположеніи духа.

Я и забылъ сказать, что мы скушали также цвѣтной капусты

съ прованскіиъ масломъ, и что отъ вина у насъ какъ то весело шумѣло въ головѣ.

Когда мы удалились отъ стараго монастыря святаго Бенедикта, улицю св. Якова Матюрень, я былъ пораженъ необыкновенною для меня картиною: по всѣмъ улицамъ, которыя вели къ набережнымъ, народъ толпился теперь еще больше, чѣмъ среди бѣлаго дня. Но днемъ всѣ эти толпы были заняты работою у хозяевъ или у себя дома, а ночью выползали изъ своихъ шестиэтажныхъ гробовъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Я узналъ это только впоследствии, и вотъ почему это движеніе народа теперь привело меня въ порядочное изумленіе.

Нѣкоторыя женщины останавливали насъ, когда мы проходили по узкимъ переулкамъ; мнѣ объяснили, что это значить, и тогда сердце мое болѣзненно сжалось. Тутъ глядѣлъ я на Эммануэля, не вѣря, чтобы на свѣтѣ могли существовать такіе ужасы. Тяжелыя ощущенія только тогда меня оставили, когда мы увидѣли старыи мостъ св. Михаила, во всю свою длину горѣвшій безчисленными огнями, которые отражались въ водѣ, подъ зіяющими арками, и при свѣтѣ которыхъ въ воздухѣ обрисовывались мрачныя фасады прибрежныхъ зданій.

— Боже милостивый, вскричалъ я,—какъ это хорошо! Творецъ небесный—какъ же дивно хорошъ Парижъ!

Мы пошли по тротуару набережныхъ. Эти длинныя ряды каретъ, вѣчно ожидающихъ, чтобы ихъ наняли, эти группы книжекъ, разложенныхъ на прилавкахъ маленькихъ будокъ для всякаго рода справокъ; эти громадныя постройки въ рѣкѣ, покрытыя парусиною, въ которыхъ можно выкупаться; эти барки съ углемъ, похожія на каменоломни, да наконецъ тысячи тысячъ другихъ диковинокъ, показывающихъ умъ, смыслъ, хитрость людей, ихъ умѣнье добывать деньги,—все это ставило меня въ тупикъ, и я продолжалъ восторгаться:

— Такъ хорошо, такъ хорошо, что лучше вообразить нельзя!

— Погоди, погоди еще, возражалъ мнѣ Эммануэль.

Онъ повелъ меня дальше, чрезъ Новый Мостъ и мрачный дворъ Лувра, на которомъ возвышалась статуя герцога орлеанскаго, по улицѣ Севтъ-Оноре, чрезъ десятокъ другихъ улицъ, и я, не чувствуя усталости, соображалъ:

— Но вѣдь это должно же гдѣ нибудь кончиться: всѣ эти новинки гдѣ нибудь да прекратятся!

Раздумывая такимъ образомъ, я продолжалъ идти рядомъ съ

Эммануэлемъ. Мы прошли чрезъ великолѣнный дворъ, окруженный колоннадой и запертый спереди рѣшоткой, у которой караулила городская стража,—и вдругъ очутились подъ какимъ-то зеркальнымъ сводомъ, шириной въ цѣлую улицу, освѣщеннымъ внутри, будто солнцемъ, и наполненнымъ множествомъ магазиновъ, въ которыхъ было разложено золото, серебро, хрусталь, брильянты, шелкъ—чего только тамъ не было!

То была Орлеанская галлерей.

Кто не видѣлъ этой галлерей, тотъ не имѣеть никакого понятія о богатствахъ и чудесахъ Парижа.

Но когда мы пришли въ Палерояльскій садъ съ его безчисленными, освѣщенными газомъ, арками, подъ которыми пріютились отъ дождя, вѣтра и солнца сотни магазиновъ, одни великолѣнные другихъ; дальше, когда мы вышли на большую площадь, безпрестанно орошаемую водопадами, дающими прохладу толпѣ дѣтей и богачей, которые усаживаются близъ зеленѣющихъ лужковъ,—вотъ тутъ-то мнѣ пришлось всплеснуть руками!

Эммануэль говорилъ, объяснялъ мнѣ все по частямъ, но я уже ничего не слушалъ и боялся окончательно потерять голову среди всего, кружившагося передъ моими глазами. Меня приводили въ восхищеніе эти галлерей, залитыя свѣтомъ и усаженныя магазинами, закрытыми однимъ большимъ цѣльнымъ и такимъ прозрачнымъ стекломъ, что мнѣ чудилось, будто я дотрогиваюсь руками до золотыхъ карманныхъ часовъ, жемчужныхъ четокъ, брильянтовыхъ перстней, до тѣхъ бронзовыхъ и мраморныхъ часовыхъ издѣлій, которые представляютъ видъ цвѣтовъ, фигуръ, лошадей, оленей самой изящной отдѣлки, на которую надо глядѣть цѣлыя недѣли, чтобы оцѣнить всѣ ея достоинства.

Въ концѣ одной изъ такихъ галлерей, Эммануэль сказалъ мнѣ: — Посмотри-ка: вотъ Вефуръ!

Я увидѣлъ подъ стекломъ небольшой мраморный бассейнъ, наполненный черепахами, куда ниспадала каскадомъ вода, а кругомъ бассейна улыбались груши, яблоки и еще какіе-то фрукты, красные, зеленые и желтые, съ большими листьями; по объясненію моего спутника, то были ананасы, гранаты, зеленый миндаль и другія рѣдкости, занесенныя къ намъ изъ далекихъ странъ. Дальше, подъ другимъ стекломъ была разложена рыба и разная дичь такой необыкновенной свѣжести и лакомага вида, что казалось будто ее вотъ только-что вытащили изъ воды или подстрѣлили въ чащѣ. Эммануэль толковалъ мнѣ, что изъ этихъ маленькихъ черепахъ

варять супъ и что самый дешовный обѣдъ здѣсь стоитъ двадцать франковъ. Я недоумѣвалъ. Своихъ шестьдесятъ франковъ я могъ, значить, проѣсть здѣсь въ одинъ присѣсть. Ну, хорошъ былъ бы я, если бы вздумалъ зайти сюда пообѣдать!

На одной изъ другихъ оконечностей галлерей мы увидѣли театр Палерояля: толпы людей ждали своей очереди, чтобы войти и какой-то парадно одѣтый полицейскій охранялъ порядокъ.

Ну словомъ, Палерояль, съ его несмѣтными сокровищами, аркадами, садомъ и фонтанами и вообще всѣмъ поселилъ во мнѣ безграничное удивленіе.

Уже болѣе двухъ часовъ мы все фланировали. Въ концѣ Орлеанской галлерей подъ аркою помѣщались эбеновыя издѣлія; долго глядѣлъ я на нихъ, любовался ими, рѣшительно отчаяваясь произвести что нибудь подобное. Это представлялось мнѣ недостижимымъ, и я согласился, что господинъ Нивуа былъ правъ, говоря, что въ Парижѣ работаютъ лучшіе мастера въ цѣломъ свѣтѣ.

Потомъ мы поднялись на бульвары, видѣли церковь св. Магдалины, толпы гуляющихъ, двѣ триумфальныя арки; ночью все это было еще великолѣпнѣе, чѣмъ днемъ. Линіи газовыхъ огней неотступно слѣдятъ за вами всюду, и никакой языкъ не въ силахъ передать всѣ прелести парижской ночи.

У входа какой-то очень широкой улицы Эммануэль останавливается и говоритъ:

— Вонъ тамъ Вандомская колонна!

Вдали на обширной площади я различилъ эту мрачную колонну съ ея Наполеономъ вверху. Было уже, однако, по крайней мѣрѣ одиннадцать часовъ, а путь мнѣ предстоялъ порядочный: мы пошли, не мѣшкая. Эммануэль зналъ Парижъ такъ же хорошо, какъ и Севернъ. Мы прошли еще подъ многими арками, чрезъ многіе переулки, видѣли еще многое множество магазиновъ; но я уже насмотрѣлся досыта, и больше ничто уже не могло подстрекнуть моего любопытства.

Около полуночи я съ удовольствіемъ очутился у воротъ дома, гдѣ нанялъ квартиру. Вверху на желѣзномъ болтѣ горѣлъ тусклый фонарь.

Эммануэль показалъ мнѣ, какъ надобно было звонить и мнѣ отворили

— Ну, спокойной ночи, Жанъ-Пьеръ, сказалъ мой пріятель, пожима мнѣ руку: до перваго воскресенья!

— Да, отвѣчалъ я съ чувствомъ.

Онъ отправился по Сорбоннской улицѣ, а я вошелъ въ узкій и темный корридоръ. Дворникъ, не говоря ни слова, поглядѣлъ изъ своего окошка; я вскарабкался на лѣстницу и былъ совершенно доволенъ, что въ первый же день нашелъ себѣ работу.

Отворивъ дверь своей комнаты, я увидѣлъ, что луна свѣтитъ въ мое крошечное окно, потомъ раздѣлся, вспомнилъ о всемъ, мною сегодня видѣнномъ, но улегшись, сейчасъ же заснулъ.

XV.

Въ половинѣ шестого слѣдующаго утра я уже спускался по лѣстницѣ и слышалъ внизу крикъ:

— Эй, дворникъ!

Мастеровые, жившіе въ томъ же домѣ, также отправлялись на работу; намъ отворили, и мы, не глядя другъ на друга, гурьбою вышли на улицу.

Парижъ просыпается поздно, и въ пять часовъ все еще спитъ, разумѣется, если исключить рабочихъ и торгашей, провѣтривающихъ и выметающихъ свои лавчонки, выглядывающихъ наружу въ полураздѣтомъ видѣ и наливающихъ у своихъ прилавковъ рюмку старымъ пѣницамъ, самымъ раннимъ пташкамъ столицы. Потомъ у воротъ усаживаются молочницы съ своими огромными жестяными кувшинами, далѣе выползаютъ хозяйки и кухарки, тогда какъ рабочіе, подметавшіе городскія улицы, съ метлами на плечахъ, уже возвращаются домой большими артелями.

Все это я видѣлъ мимоходомъ. Улицы были сыры и влажны, но сверху солнце — то самое благодатное солнце лѣта, обливающее своимъ золотомъ поля, луга и деревья съ ихъ фруктами и цвѣтами, теперь блестяло на ветхихъ трубахъ и огромныхъ, гнилыхъ крышахъ, робко скользя по длинѣ улицъ.

И какъ часто, когда оно здѣсь восходило, я переносилъ его мысленно къ себѣ на родину, на травку, бѣляющую утренней росой между деревушками, на сады и рощи! Какъ часто оно, лучезарное, погружало меня въ воспоминанія о Севериѣ, объ Анетѣ, о мамашѣ Бале!— Теперь, думалъ я, они также выходятъ, озираются вокругъ и говорятъ промежъ себя: какое чудесное утро!

Да, чудесное утро для тѣхъ, кто не живетъ въ парижскихъ улицахъ, глубокихъ какъ трубы. Что же прикажешь дѣлать! Нуж-

но мириться съ своею долею и быть довольнымъ уже тѣмъ, что есть работа.

Было шесть часовъ, когда я входилъ во дворъ столярнаго мастера; двое или трое мастеровыхъ уже вертѣлись подь навѣсомъ, готовясь снять куртки и взяться за скобели. По утру, до начала работы, давалось четверть часа свободнаго времени; работники посмотрѣли на меня, не говоря ни слова, и когда я имъ поклонился, какой-то старичокъ лѣтъ пятидесяти, съ длинной русой бородой, бѣлѣвшей просѣдью, открытымъ лбомъ, маленькими глазками, смуглымъ лицомъ и немножко покляпымъ носомъ, однимъ словомъ, папаша Перриньонъ, съ головы до ногъ выглядывавшій мастеромъ, сказалъ мнѣ довольно привѣтливо:

— Ну, а что, провинціалъ, вы рано встаете на вашей родинѣ?

— Да, хозяинъ, мы исполняемъ свой долгъ.

— Эка штуку отмочилъ: свой долгъ! Скажи-ка, братъ, лучше: мы стараемся заработать су пятьдесятъ, чтобъ было на что пообѣдать—такъ дѣло-то будетъ пояснѣе.

Прочіе захохотали, и я покраснѣлъ, не зная, что отвѣчать.

Дядя Перриньонъ, завѣдывавшій работами, имѣлъ способность ко всему придирааться, работники слушали его и всегда находили, что онъ правъ; за свои политическія убѣжденія онъ, какъ я узналъ позже, пересидѣлъ въ разныхъ тюрьмахъ и даже, кажется, отвѣдалъ галеръ. Вотъ за все это онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ своемъ околоткѣ.

Наконецъ принялись за работу.

Ящики, которые, какъ я видѣлъ, сколачивались вчера, назначались для помѣщенія въ нихъ разной мебели—столиковъ, коммодовъ, шкаповъ, совсѣмъ отдѣланныхъ и разставленныхъ въ глубинѣ магазина. Нужно было только сколотить еще нѣсколько ящиковъ, и этижъ-то началась моя столярная дѣятельность..

Полчаса спустя, явился господинъ Браконо. Мебель нужно было владывать въ ящики, перекладывая соломкою, и потомъ нагружать на три телеги. Работа эта у насъ, въ провинціи, заняла бы цѣлый день, а здѣсь къ девяти часамъ все было окончено и телеги были уже на пути.

Мы отправились завтракать. Я познакомился тогда съ двумя товарищами, изъ которыхъ одинъ, по фамиліи Вальси, былъ высокаго роста, блѣднолицый, отличный работникъ, но почти всегда хворый, а другой, Кантенъ, красивый собою и носившій фуражку на

бекрень, былъ такой страшный болтуны, что только одинъ дядя Перриньонъ могъ его унять, говоря:

— Перестань, трещотка!

Наконецъ вся наша компанія, въ курткахъ, медленно вышла на улицу. Позади всѣхъ шелъ дядя Перриньонъ, котораго теперь, за воротами мастерской, называли уже господиномъ Перриньономъ; на старикѣ была широкая темная шинель и шляпа, а длинная съ просѣдью борода придавала ему особенно почтенную наружность.

Въ первой булочной, по правую руку, всякій изъ насъ запасся хлѣбомъ, а на концѣ Бумажной улицы мы вошли въ нѣчто смахивающее на харчевню и носившее названіе *Saboulot*.

Но объ этой харчевнѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ подобныя заведенія разбросаны по всѣмъ улицамъ Парижа и кормятъ ремесленниковъ всякаго разбора—плотниковъ, столяровъ, ювелировъ, каменщиковъ и такъ далѣе до безконечности. Наше *Кабуло* на Бумажной улицѣ раздѣлялось стеклянной перегородкой съ маленькими занавѣсками, на двѣ комнаты. По одну сторону перегородки помѣщались столы для живописцевъ, граверовъ, конторщиковъ — словомъ, для ремесленной аристократіи, зарабатывающей семь, восемь и даже десять франковъ въ день; съ другой стороны, также за столами могли засѣдать каменщики, булочники, столары и прочая подобная братія.

Само собою разумѣется, что налѣво все стоило вдвое дороже, чѣмъ направо, потому что во-первыхъ столы были застланы скатертьями, и притомъ цѣна соразмѣрилась здѣсь съ карманомъ каждаго. Вотъ почему мы никогда не ходили на сторону маляровъ и журналистовъ. Намъ давали похлебку, кусокъ говядины, миску овощей и полбутылки вина за пятнадцать су, которое для другихъ стоило тридцать. Нужно также прибавить, что ихъ комната была выкрашена зеленой краской, а паша не была выкрашена никакою; ну, да это было для насъ рѣшительно все равно.

Въ глубинѣ харчевни, какъ разъ противъ ея двора и притомъ на нашей половинѣ, была расположена совершенно темная кухня, освѣщаемая среди бѣлаго дня только однимъ салннымъ огаркомъ,— и все заведеніе было такъ уютно, что въ немъ улегалось не болѣе двадцати квадратныхъ футовъ. Вотъ здѣсь-то мы, сидя бокъ-о-бокъ, набивали наши желудки, тогда какъ мадамъ Грэндоржъ, добрая, толстая тетеха, родомъ изъ Вогезовъ, съ жирными щеками, маленькими живыми глазками, бѣлыми зубами и пухлымъ подбородкомъ,—бѣгала взадъ и впередъ, обмакивала наши булки въ по-

хлебку, хохотала то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ насъ, и, по временамъ, приподнимая завѣску, поглядывала въ столовую журнальцовъ. Для прислуги у госпожи Грэндоржъ была женщина, но кромѣ ея по хозяйству нерѣдко помогала ей одинъ славный малый, нѣкто Арманъ, по ремеслу рѣшникъ, жирный, квадратный челоуѣчекъ, съ черной бородой, нѣсколько краснымъ носомъ, угловатыми манерами, но необыкновенно добрымъ сердцемъ.

Мы кушали молча, въ то время какъ художники и журналисты спорили и горланили, какъ галки. До насъ доходили всѣ ихъ разсужденія о королѣ, о министрахъ, о камерахъ, о всѣхъ возможныхъ негодяяхъ—какъ они величали правительство—отъ послѣдняго караульнаго до господина Гизо включительно.

Особенно злились они на господина Гизо. Все это сообщало намъ политическія новости, которыя намъ были извѣстны прежде, чѣмъ появлялись въ газетахъ; и часто, когда какой нибудь журналистъ кричалъ, что казна расхищена, что нація оскорблена, дядя Перриньонъ подмигивалъ глазомъ и тихонько говорилъ:

— Послушайте, послушайте! Этотъ разсуждаетъ дѣльно... понимаетъ вещи... Это самый умный между ними... у него есть толкъ.

Мы бы, пожалуй, были непрочь оставаться здѣсь до вечера и слушать ихъ споры, но въ три четверти девятаго нужно было возвращаться къ работѣ.

Когда мы послѣ пришли обѣдать въ ту же харчевню, то къ своему удовольствію застали тамъ нѣкоторыхъ изъ крикуновъ, но они такъ осипли, что госпожа Грэндоржъ полуотворила ихъ дверь, безъ чего мы бы, конечно, не услышали больше ни слова.

Мнѣ нерѣдко приходило въ голову, что съ подобными депутатами государственныя дѣла пошли бы совершенно иначе.

Но надобно еще вернуться къ разсказу о завтракѣ, въ концѣ котораго дядя Перриньонъ, взглянувъ на меня, сказалъ:

— Ну, провинціалъ, ты что платишь?

— Все, что вамъ угодно, отвѣчалъ я, нѣсколько смѣшавшись.

Тотъ улыбнулся и замѣтилъ:

— Не обо мнѣ одномъ рѣчь: ты всѣмъ своимъ новымъ товарищамъ долженъ поставить могоарычъ.

— Именно объ этомъ я и думала, господинъ Перриньонъ,—разумѣется, на сколько хватитъ моего кармана, потому что я не богатъ.

— Э, пустое, была бы добрая воля, отозвался онъ и затѣмъ, обратясь къ прочимъ, свазалъ:

— Ну-ка, ребята, что вамъ по вкусу? Только не крѣпко развояйте парнишку: вѣдь вы видите, онъ добрый малый.

Одинъ хотѣлъ водки, другой — кюрасо, но старый Перриньонъ замѣтилъ:

— Нѣтъ ужъ лучше всѣмъ намъ чокнуться однимъ. Двѣ бутылки винца, мадамъ Грэндоржъ!

Принесли двѣ бутылки, и я разлилъ вино по стаканамъ. Всѣ товарищи вышли за мое здоровье, а я — за здоровье всѣхъ; потомъ мы расплатились и вышли.

Господинъ Перриньонъ былъ, повидимому, въ хорошемъ ударѣ, и уже называлъ меня не провинціаломъ, а парнишкой.

Съ этихъ поръ всѣ мои товарищи обращались со мной совершенно какъ съ равнымъ, что, конечно, не мѣшало имъ далеко превосходить меня въ ремеслѣ, потому что они работали два, три, четыре года въ Парижѣ, а я только-что явился изъ полудикаго Северна. Это было мнѣ очень тяжело, не изъ зависти — упаси меня отъ нея Господи — но потому что въ головѣ моей нерѣдко бродили такія мысли:

— Ну развѣ ты стоишь трехъ франковъ въ день? И захочетъ ли еще хозяинъ тебя держать? Боже милосердый! Ну если хозяину вздумается — что очень немудрено — тебя прогнать; куда ты тогда денешься?

Послѣ этаго понятно, почему я боялся дня раздачи жалованья, въ который обыкновенно благодарятъ ненужныхъ работниковъ. Да, я боялся этого дня, а кошелекъ мой, тѣмъ не менѣе, замѣтно пустилъ и требовалъ подкрѣпленій.

Наконецъ пришла роковая минута. Въ одну субботу вечеромъ господинъ Браконо держалъ совѣтъ съ дядей Перриньономъ, и я видѣлъ, какъ оба они были пасмурны. Когда дошла очередь до меня, хозяинъ, молча, отсчиталъ мнѣ двадцать семь франковъ. И не смотря на это, когда я вышелъ, мнѣ такъ и казалось, что вотъ-вотъ тебя воротятъ словомъ: — эй, послушайте! Къ сожалѣнью, у насъ работы теперъ нѣтъ и потому... Только перебѣжавши чрезъ дворъ, я вздохнулъ свободнѣе и подумалъ: славу Богу, — меня не поблагодарили!

Уже былъ я порядочно далеко на улицѣ, какъ вдругъ услышалъ позади себя крикъ дяди Перриньона:

— Эй постой, да остановись же... Что такъ разбѣжался — точно отъ кого уходишь!

Веселая наружность старика и на меня нагнала смѣхъ.

— Ты, кажется, сегодня въ хорошемъ расположеніи духа, ска-
заль онъ, взявъ меня за руку.

— Я всегда таковъ, господинъ Перриньонъ.

— Вотъ какъ! Даже когда изо всѣхъ силъ надрываешься съ
своимъ скобелемъ, чтобы поспѣть за другими, когда потъ бѣжитъ
съ тебя въ три ручья, когда ты сжимаешь зубы...

Мнѣ стало стыдно, что мои усилія были подмѣнены.

— Вотъ то-то и есть: мы не хотимъ обращаться къ старшимъ,
хотимъ знать все сами, не перенимая у другихъ; мы вишь черезъ чуръ
горды, чтобы попросить чьегонибудь совѣта и готовы лучше дѣвтъ
изъ кожи съ утра до ночи. Чтожь быть гордымъ, имѣть твердый,
характеръ, пожалуй, и хорошо: да толку-то въ этомъ одномъ мало.

— Помилуйте, господинъ Перриньонъ, оправдывался я, если бы
я только смѣлъ обратиться къ вамъ за совѣтомъ...

— Почему же не смѣть? Развѣ я звѣрь какой?

Мнѣ показалось, что онъ былъ немного разсерженъ; но, успо-
коившись въ тоже время, онъ продолжалъ:

— Ты угостилъ меня, помнишь, бутылкой винца, а сегодня я
поставлю тебѣ другую на свой счетъ. Я думалъ было ужинать се-
годня въ своемъ семействѣ въ улицѣ Клодвига, какъ обыкновенно;
но у меня есть здѣсь по сосѣдству кой-какія дѣлишки и притомъ
мнѣ хочется поговорить съ тобою.

— Если хотите, я сбѣгаю куда вамъ нужно.

— Нѣтъ ужъ предоставь это мнѣ самому. Тебѣ же я желалъ бы
дать нѣсколько совѣтовъ, которые очень пригодились бы тебѣ впо-
слѣдствіи.

Это доказательство участія меня тронуло. Вдали отъ родины,
среди чужихъ людей, всякое ласковое слово бѣдняку такъ отрадно...

Мы вошли въ нашъ Кабуло. Было пожалуй около половины ось-
мого. Стоя на стулѣ, молодой Арманъ чистилъ кенкетъ; нѣсколько
работниковъ изъ булочной сидѣли за ужиномъ, послѣ котораго
должны были замѣшивать тѣсто до двухъ часовъ ночи.

Спросивъ бутылку вина, мы усѣлись близъ стеклянной двери и
господинъ Перриньонъ, опершись локтемъ о большой столъ, долго
говорилъ мнѣ о нашемъ ремеслѣ, объясняя, что всякій городъ,
даже всякая деревня производитъ работу по своему.

— Въ Парижѣ, толковалъ онъ, все идетъ впередъ, измѣняет-
ся, улучшается. Я совершенно согласенъ, что въ свое время
Нивуа былъ хорошимъ мастеромъ: но вѣдь за пятнадцать лѣтъ
наша работа много усовершенствовалась и упростилась. Каждый

божій день, не тотъ, такъ другой изъ этой огромной массы рабочихъ придумываетъ какую нибудь хитрость, при помощи которой можно производить работу скорѣе или лучше, а всѣ прочіе сейчасъ же пользуются этимъ изобрѣтеніемъ. Ты, конечно, работаешь по старому, какъ въ Савернѣ; вотъ хоть бы мѣряешь не компасомъ, а шнурочкомъ: положимъ, оно все равно, но вмѣсто одного раза, ты прикидываешь свою мѣрку два раза и за каждымъ разомъ теряешь нѣсколько секундъ, изъ которыхъ къ концу дня вырастаютъ цѣлые часы даромъ потеряннаго времени, уже не говоря о неприятности, стыдѣ и безпокойствѣ отстать отъ другихъ.

— Правда, горькая правда! сказала я.

Тотъ засмѣялся.

— Да вѣдь ко всему, дружокъ, можно привыкнуть. Брось свой шнурокъ, и если что нибудь тебя затруднитъ, обратись ко мнѣ.

— Ахъ, господинъ Перриньонъ, если бы и я могъ вамъ также оказать какую нибудь услугу! вскричалъ я.

— Почему знать, отвѣчалъ онъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ— можетъ и окажешь. Во всякомъ случаѣ, сдѣлай послѣ для другихъ то, что я теперь дѣлаю для тебя, и мы будемъ совершенно квиты.

Съ этими словами добрый старикъ снялъ со стѣны шляпу и мы вышли. На дворѣ была ночь, и мы, пожавъ другъ другу руки, разошлись; онъ направился въ Бумажную улицу, я — въ улицу Ла-Гарпъ. Нѣтъ, ужъ за одно это вниманіе я никогда не забуду стараго Перриньона.

Такіе благородные люди, считающіе своихъ ближнихъ братьями, попадаютъ не на каждомъ шагу и имѣютъ, по моему, одинъ недостатокъ: они стараются всѣхъ поддѣлать такими порядочными людьми какъ сами, и за это-то бездушные негодяи называютъ ихъ глупцами. Между тѣмъ въ тотъ же вечеръ мнѣ готовилась еще одна и большая радость.

Не нужно, кажется, и говорить о томъ, что въ первый же день моей работы, я успѣшилъ купить чернила, перьевъ, бумаги, и увѣдомить тетушку Вале, что письмоцо дяди Нивуа мнѣ очень пригодилось, что Эммануэль и теперь, какъ въ Савернѣ, былъ для меня добрымъ товарищемъ, и что я былъ бы вполне счастливъ, если бы когда нибудь получалъ добрую о ней вѣсточку.

Дойдя до конца темнаго корридора и собираясь подняться на лѣстницу, я былъ остановленъ крикомъ дворника.

— Господинъ Жанъ-Пьеръ Клавель!

— Что нужно, господинъ Трюбѣръ?

— Вамъ письмо.

Въ большомъ смущеніи схватилъ я это письмо, но проходя мимо засаеннаго фонаря, узнать почеркъ тетушки Бале, и сердцу моему сейчасъ же сдѣлалось такъ сладко... Быстро взобрался я на верхъ и, двѣ минутки спустя, сидя на своемъ соломенномъ тюфякѣ передъ лампой, уже заливался обильными слезами, читая письмо доброй старушки, въ которомъ она, за извѣщеніемъ о своемъ здоровьѣ, рассказывала мнѣ, какого труда ей стояло побѣдить свою грусть послѣ моего отъѣзда, какъ пріятно ей было узнать, что я имѣлъ уже работу, и какъ до сихъ поръ она не теряла надежды когда нибудь со мною свидѣться.

Въ письмѣ упоминалось также, что Дюбурги возвратились съ грудой серебра и разныхъ драгоценностей тетушки Жаклины и что наслѣдство ихъ даже превосходило всѣ предположенія, но все это интересовало меня очень мало и потому голова моя была занята такими мыслями:

Одна тетушка Бале должна быть вѣчно въ твоей памяти: она тебя вскормила, постоянно согрѣвала своимъ участіемъ, она одна тебя любитъ и имѣетъ право на твою любовь. Какое тебѣ дѣло до этихъ Дюбурговъ? Вѣдь чѣмъ больше они разбогатѣютъ, тѣмъ скорѣе забудутъ своихъ прежнихъ добрыхъ знакомыхъ. Нѣтъ, Жанъ-Пьеръ, ты долженъ работать и жить для тѣхъ, кто тебѣ дѣлалъ добро. Старайся разжиться для того, чтобы переселить къ себѣ твою старую тетушку Бале и по возможности вознаградить ее за всѣ ея благодѣянія. Вотъ въ чемъ твой долгъ, твое счастье, а остальное....

Богъ съ нимъ!

Съ такими-то утѣшительными мыслями я заснулъ глубокимъ сномъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ТРИ СЕМЬИ.

VII.

Подвигъ капитана Харитонова.

Звучно гудитъ надъ «мирнымъ городомъ» колоколъ, призывающей вѣрующихъ къ обѣднѣ.

Микулинъ, ошеломленный приговоромъ лекаря и Гребцова, впалъ въ жалчайшее уныніе, напился до свотского безобразія и спалъ на своемъ диванѣ. Измятый картузь съѣхалъ къ его запекшемуся рту; загрязненное пальто свалилось на полъ, изъ подъ сюртука выглядывала разорванная ночью со злости рубашка, подъ диваномъ робкая мышь подералась къ плащу и, вздрагивая, обгрызаетъ его залитую щами полу... А Ольга Ивановна Березова, въ рубашкѣ, юбкѣ и незашнурованномъ еще корсетѣ, сидитъ въ своей спальнѣ на постелѣ, и слеза за слезой скатываются по ея лицу. Сидитъ она, блѣдная отъ бессонной ночи, съ опухшими глазами, и горько плачетъ. Плачетъ она о томъ, что такъ неожиданно рано свалились всѣ поэтическія драпировки и дакораціи, прикрывавшія ея первую любовь; плачетъ о томъ, что, освободившись отъ этихъ волшебныхъ декорацій, любовь ея явилась такою рабски покорною, такою старчески немощною предъ каждымъ взглядомъ; плачетъ она о томъ, что нѣтъ теперь человѣка, въ которомъ она могла бы встрѣтить участіе къ ея горю, сожалѣніе о ея горькой участи и о ея ошибкахъ. Да, Ольга Ивановна, теперь не встрѣтите вы ни участія, ни сожалѣнія, ни прощенья. Ка-

кое дѣло вѣковой мудрости до вашего раскаянія или до того, ошибались ли вы въ этой исторіи, или поступали, слѣдуя развратнымъ стремленіямъ вашей натуры? Не нужно этой вѣковой мудрости, ни развитія ума вашего, ни самостоятельной мысли, ни знанія людей и жизни, а нужно ей въ васъ красивую, не бывшую еще ни въ чьихъ рукахъ и потому дорогую игрушку, нужно ей самку...

Видите ли вы черезъ прозрачныя занавѣси вашей комнаты всѣхъ этихъ идущихъ и ѣдущихъ людей?... Вотъ идетъ одинъ гадкій развратникъ, столкнувшій одну изъ любившихъ его дѣвушекъ въ тѣ дома, о которыхъ вы и подумать не можете, иначе какъ съ краской на лицѣ, доведшей другую отдавшуюся ему женщину до нищенства съ его ребенкомъ подъ окнами. Вотъ проходятъ отцы и матери, продавшіе и продающіе своихъ дочерей дряхлымъ старикамъ, низкимъ развратникамъ, дикимъ самодурамъ. Вотъ добродѣтельныя женщины, которыя утромъ ласкаютъ нелюбимыхъ мужей, выпрашивая у нихъ денегъ на наряды и удовольствія, а вечеромъ амуруются съ небогатыми, но милыми юношами. Вотъ цѣломудренно-чистыя, дѣтски-невинныя дѣвушки, гордящіяся своею цѣломудренностью и пламенно мечтающія о выгодной продажѣ своей цѣломудренности. Видишь ли ты всѣхъ этихъ идущихъ и ѣдущихъ мимо тебя людей? И всѣ-то они могутъ съ наглымъ презрѣніемъ взглянуть тебѣ въ лицо, и передъ каждымъ-то изъ нихъ ты опустишь свои бѣдныя, заплаканные глаза. А между тѣмъ, въ твоей ошибкѣ виноваты они же, эти люди, окружавшіе твое дѣтство и дѣвичество страшною пустотой, позволявшіе разрастаться въ тебѣ среди этой пустоты разнымъ неблагоприятнымъ побужденіямъ, заброшеннымъ ими же, и не давшіе тебѣ знанія жизни и людей и этимъ втолкнувшіе тебя въ грязныя объятія Микулина... Подыми же свою голову, дитя мое, и гордо вынеси ихъ наглея взгляды.

Но вотъ отворяется дверь въ ея спальню и сначала является брюхо, обтянутое суконными брюками съ краснымъ вантомъ и жплетомъ съ металлическими пуговицами, затѣмъ показываются плечи съ лекарскими погонами и наконецъ плѣшивая, дряблая голова. Это родитель Ольги Ивановны. Тупо смотреть его мутные глаза, и легкія судороги бѣгаютъ по его желтому, измятому лицу.

— Ну, мое дѣтище, — говоритъ онъ, останавливаясь передъ дочерью и скрещивая на груди руки.

Молодая женщина порывисто подноситъ къ глазамъ своимъ мокрый отъ слезъ платокъ.

— Ну, моя милая, — повторяетъ отецъ, и судороги опять бѣгаютъ по его сморщенному лицу. — Такъ ты связалась съ этимъ оборвышемъ? Ты вздумала на старости лѣтъ осрамить меня?...

Какъ ножомъ рѣжетъ этотъ злобный тонъ Ольгу Иванову, и отчаянно напрягается ея грудь, какъ будто желая на весь городъ закричать въ защиту ея оборвыша. Но что хорошаго она могла сказать теперь о человѣкѣ, котораго она полюбила всѣми своими молодыми силами, ради котораго вынесла страшный позоръ униженія, къ которому обратилась наконецъ въ невыносимую минуту своей жизни за помощью и получила одинъ отвѣтъ, что ея возлюбленный уже третій день лежитъ въ скотски-пьяномъ состояніи... И горькія слезы текутъ по ея блѣднымъ щекамъ въ отвѣтъ на вопросъ отца.

— Зачто ты меня мучишь? Зачто ты хочешь уложить меня въ гробъ? — раздается дрожащій голосъ отца. Зачто — скажи мнѣ, ради Христа? Что я тебѣ сдѣлалъ? Припомни ты свое дѣтство, дѣвичество, припомни всю свою жизнь, которую ты прожила подъ моей кровлей!..

Онъ умолкаетъ и, опустивши голову, начинаетъ ходить по комнатѣ... Наступаетъ тяжкое молчаніе, прерываемое всхлипываньями дочери и вздохами отца.

— Все забыла, — произнесъ онъ зло и пасмѣшливо.

Еслибъ молодая женщина могла въ настоящую минуту припомнить и осмыслить то прошлое, о которомъ говорилъ ей отецъ, то врядъ-ли увидѣла бы въ немъ что нибудь привлекательное, осмысленное и достойное памяти. Припомнила бы она, что ее занимали только разными нарядами, тряпками и безконечными разсужденіями относительно того, что этотъ вотъ цвѣтъ, Олинька, тебѣ къ лицу, а ленточка эта не идетъ... Припомнила бы она можетъ быть и то, что всѣ отношенія къ ней ея родителя ограничивались единственно щипками ея розовой, пухлой щеки и замѣчаніями, что отъ ея красоты весь городъ сойдетъ съ ума, а мужья побросаютъ женъ, и т. п.

— Ты все забыла, говоритъ отецъ, опять останавливаясь

передъ ней и скрещивая на груди руки. Забыла всѣ наши заботы о тебѣ, забыла любовь нашу, стыдъ, совѣсть, все, все бросила... Но это допустимъ... Можетъ быть, женсваго стыда и совѣсти у тебя никогда и не бывало, можетъ быть, уже съ колыбели въ тебѣ гнѣздилися развратъ... Допустимъ это... Все это можетъ быть... Но какъ ты смѣла, живя въ моемъ домѣ, завести позорную связь? Какъ ты смѣла развратничать, имѣя уже жениха, — жениха имѣя?

Рыданія душать молодую женщину.

— Какъ ты смѣла подвести мою сѣдую голову подъ такой позоръ, что на нее пальцами показывают!...

Молодая женщина припала лицомъ къ подушкѣ...

— Ну!...

Тяжелая рука отца грубо опустила на ее плечо и потрясла его.

— Что вамъ? — отчаянно спросила молодая женщина, быстро вставая, — что же вамъ? — повторила она глухимъ и дрожащимъ голосомъ.

Березовъ невольно отступилъ назадъ передъ ея блестящими глазами и поблѣднѣвшимъ лицомъ, полнымъ глубокаго страданія...

— Отвѣчай ты мнѣ!..

— Что-же я вамъ скажу?...

— Ты слышала, что я тебѣ говорилъ?...

— Я не поняла васъ...

— Я говорилъ тебѣ, — заговорилъ отецъ, задыхаясь отъ злости, — какъ ты смѣла, имѣя жениха, связаться съ этимъ оборвышемъ?...

У Ольги Ивановны хрустнули судорожно сжатые пальцы.

— Боже мой... Я не люблю его...

— Кого, его?

— Капитана...

— А! Что же онъ пьяница? игрокъ? нищій, что ли?..

— О, ради Бога, къ чему вы принуждаете меня?.. Вы сами говорили мнѣ сейчасъ, что любили меня, заботились обо мнѣ, такъ зачѣмъ же вы хотите меня связать съ нимъ, когда я его не люблю?..

Отецъ нагло засмѣялся...

— Вѣдь вы не хотѣли бы... Скажите пожалуйста, вѣдь вы

не хотѣли бы, чтобы у насъ съ нимъ были вѣчныя Петорія, неудовольствія, мученія?.. Вѣдь вы не хотѣли бы, чтобы я, живя съ нимъ, постоянно думала о другомъ и не принесла бы мужу ничего, кромѣ тора?... Не смѣйтесь такъ!..

— Отецъ продолжалъ смѣяться, но не хорошій былъ этотъ смѣхъ.

— Да-съ. Такъ ты не любила его?.. А этотъ жервавецъ-нищій, любовникъ твой, удостоился твоей любви?..

Молодая женщина точно оцѣмѣла, и смертная блѣдность начала раазливаться по ея лицу...

— Я въ немъ ошиблась: считала его лучшимъ; — съ усиленъ отвѣтила она.

— Бѣдная малютка! зло и тихо проговорилъ отецъ. Она ошиблась... Нѣтъ, милая, тебѣ двадцать три года, — тебя не проведешь. Ты смѣаешь вещи не хуже моего. Связались мы съ этимъ милымъ оборвышемъ потому, что связаться было удобно... Поамурились съ нимъ, да замужъ за капитана — и вонцы въ воду... Такъ что ли?..

Ольга Ивановна задрожала всѣми мускулами своего тѣла.

— Вы этого не можете говорить... Я не думала этого: рассказала она, замкаясь... Я не отказалась отъ сватовства, потому что боялась... Я надѣялась вѣйти замужъ за Михалина... Вы не смѣете этого говорить...

— Что? глухо протянулъ отецъ, наклонясь къ ней.

— Я боялась, что мнѣ помѣшаютъ, что запрутъ меня...

— Что? Я не смѣю? протяжно повторилъ отецъ, сжимая ея руку, и лицо его исказилось злобою.

Въ эту минуту, шума своимъ шелковымъ платьемъ, вошла прекрасная мамаша Ольги Ивановны и пеняла своему мужу нѣсколько словъ. Глава семейства посмотрѣлъ на нее съ удивленъемъ, пожалъ плечами, отеръ лицо, закурилъ сигару и выгнелъ...

И говорилъ уже о мамашѣ Березовой, что она была, когда-то красивая и очаровательная госпожа, теперь уже безлюдно высохшая подъ лунами большаго солнца. Мимоходомъ взглянула она въ зеркало на свое желтое, сухое и холодное лицо, поправила розовую ленту въ волосахъ, сѣла на стулъ и съ насмѣшливой улыбкой уставила свои безжизненные глаза на дочь.

Длилось мертвое, тяжелое молчаніе...

Молодая женщина, неподвижно сидѣвшая на кровати, робко и съ мольбою взглянула на мать. Та по прежнему насмѣшливо улыбалась и не спускала глазъ съ дочери. Ольга Ивановна невольно потупилась и вздохнула.

— Вы бы одѣлись, ядовито проговорила мать.

Ольга Ивановна начала разсѣянно одѣваться.

— Во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ вы чрезвычайно неловки, замѣтила мать съ сильнымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ и небрежно закурила папиросу.

Наступило молчаніе.

А въ залѣ, понуривъ голову и неподвижно опустивъ сжатые руки, быстро ходилъ изъ угла въ уголъ честнѣйшій капитанъ Харитоновъ, облеченный въ мундиръ и новые, сильно скрипящіе сапоги. Опустылась его голова, нахмурился узкій загорѣлый лобъ—и видно было, что какія-то крѣпкія, невеселыя мысли сокрушали его честное, безобидное сердце... Сокрушали его эти мысли чуть-ли не три дня и три ночи. Впали его щеки, заросъ бородой подбородокъ, не одинъ съдой волосъ выступилъ на головѣ и грустно, безцѣльно смотрѣли его глаза, какъ будто созерцая какія-то весьма печальныя сцены...

— Я пришелъ въ вамъ по дѣлу, разсѣянно отвѣтилъ онъ на привѣтствіе озадаченнаго Березова.—Я пришелъ переговорить съ вами насчетъ моего предложенія, сказалъ капитанъ, поднимая на лекаря свои свѣтлые, сѣрые глаза.

Березовъ посмотрѣлъ на него и прошелся по комнатѣ.

— Вы вѣроятно не слыхали объ исторіи, которую разыграла моя дочь? спросилъ онъ тихо и угрюмо.

— Слышалъ-съ, отвѣчалъ капитанъ.

— Что же?.. Какъ вы на нее смотрите?

— Я полагаю, что Ольга Ивановна ошиблись въ этомъ господниѣ, съ рѣдкимъ спокойствіемъ сказалъ капитанъ, закуривая сигару. У лекаря блеснули глаза.

— И что же? быстро спросилъ онъ.

— И разочаровались въ немъ...

— Ну-съ...

— Я полагаю, что это дѣло законченное, продолжалъ капитанъ, и головъ его дрогнулъ. Его все равно, что не было.

Оно не мѣшаетъ мнѣ просить руки вашей дочери, такъ какъ я люблю ее не менѣе прежняго.

— Лекаръ точно замеръ передъ капитаномъ, оставивъ на него свои мутные, совершенно ошалѣвшіе отъ неожиданнаго сюрприза глаза...

Капитанъ Харитоновъ, нѣсколько блѣдный, съ вздрагивающими пальцами, тоже смотрѣлъ на него.

— Вы... рѣдкій человѣкъ, сказалъ наконецъ Березовъ, протягивая руку, и какое-то снисходительное сожалѣніе послышалось и въ тонѣ его голоса, и въ ожившихъ понемногу глазахъ.— Другого такого человѣка трудно найти, продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ, вѣрнѣе сжимая руку капитана; а самъ въ тоже время невольнo думалъ:—не сумасшедшій ли это человѣкъ?

— Вамъ однако слѣдуетъ переговорить съ Ольгой, — сказалъ онъ, глупо улыбаясь.

— Сейчасъ? покорно спросилъ капитанъ.

— Пожалуйста...

Капитанъ машинально положилъ свою недокуренную сигару въ пепельницу и замаршировалъ въ другія комнаты.

Ольга Ивановна, уже одѣтая, сидѣла у окна, сложивъ на колѣняхъ руки и опустивъ голову.

Тихо подняла она свои опухшіе глаза на вошедшаго, расшаркивающагося капитана, и яркая краска стыда вспыхнула на секунду въ ея лицѣ. А капитанъ неподвижно остановился въ дверяхъ, смотря на свою обезображенную, исхудалую, блѣдную невѣсту, и вздрагивали его усы, незамѣтно покрывались влагой глаза... Робко подошелъ онъ къ Ольгѣ Ивановнѣ, почтительно поцѣловалъ ея руку и сѣлъ, не сводя глазъ съ бѣдной женщины...

— Вы много плакали, Ольга Ивановна, началъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Вы очень добры, капитанъ, отвѣтила тихо молодая женщина.

— Нѣтъ-съ, сказалъ капитанъ. Я понимаю, что подобныя испытанія нелегко переносятся... Но... не стоитъ-съ; такъ ошибиться свойственно человѣку. Во всякомъ случаѣ я сейчасъ говорилъ вашему отцу, что, какіе бы тамъ случаи ни произошли, я по прежнему люблю васъ и глубоко уважаю...

Первая дрожь пробѣжала по тѣлу молодой женщины. Она быстро поднялась; съ глубокою преданностью схватила руку своего бывшего жениха, и—поцѣловала ее.

— Спасите меня, прошептала она, вздрагивая.—Я буду вашей рабой, вашей слугой, я не стою вашей любви,—и слезы сильнѣе полились изъ ея глазъ...

И вотъ черезъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ царить идиллическая, семейная картина. Сидитъ въ креслѣ лекарь Березовъ, положивъ руку на плечо сидящей у его ногъ дочери, и сияеть самодовольствіемъ его важный, мѣдный лобъ... Сидитъ подлѣ него мадамъ-супруга съ своей изящной прической, съ насмѣшливо-презрительной улыбкой и поправляетъ воротничекъ Ольги Ивановны. А она впиалась своими задумчивыми глазами въ лицо растроганнаго капитана и полна созерцаньемъ грядущей впереди жизни, въ которой она рѣшилась посвятить всѣ свои силы и способности устройству счастья капитана.

Капитанъ прислонился спиной къ шкафу и, добродушно улыбаясь, покручиваетъ свои усы... Его дѣло сдѣлано. Дальше онъ не видитъ предмета, достойнаго разсужденія.

VIII.

Семья.

И вотъ процѣли надъ капитаномъ Харитоновымъ и дѣвицей Березовой вѣнчальныя пѣсни, украсили ихъ руки обручальными кольцами, и началась для новой четы общая семейная жизнь... Да, общая семейная жизнь! Та ли это жизнь, которую чужаки Корчагинъ хотѣлъ охарактеризировать словами, что въ ней всѣ силы и способности одного субъекта вездѣ и во всякое время готовы къ услугамъ другого? Нѣтъ, не та у Харитоновыхъ пошла жизнь, да не могла она и быть такою...

Бывшая дѣвица Березова вступила въ новую жизнь съ огромнымъ запасомъ благодарности и преданности къ капитану, котораго она всѣми силами старалась полюбить, возвысить въ своемъ мнѣннн, украсить его въ своемъ воображеннн разными, даже вовсе несуществующими въ немъ достоин-

ствами и убедить себя, что онъ достоинъ любви и его слѣдуетъ любить. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ великому запасу благодарности и преданности присоединяется еще въ ней нѣкоторое количество бессознательной грусти, той грусти, которая овладѣваетъ человѣкомъ, идущимъ ради какой либо великой обязанности на вѣрную смерть и прощающимся со всѣмъ, что было дорого для него въ жизни. Однако, Ольга Ивановна давила въ себѣ это невольное чувство грусти и рѣшилась пожертвовать всею своею молодою жизнью, всѣми своими молодыми силами для счастья человѣка, спасаемаго ее отъ семейной каторги. Чувство благодарности было пока въ ней преобладающимъ чувствомъ.

Но, дитя мое, страшно мнѣ это глубокое чувство дѣльной благодарности, страшно мнѣ это жертвованіе всею твоею молодою жизнью!... На что пойдетъ твоя слѣпая преданность? На что растрачатся неразумныя силы твоей молодой жизни? Станешь ты набивать твоему мужу трубку, станешь выбѣгать къ нему на встрѣчу, снимать съ него шинель, цѣловать его щеки, шиповать ему чужки, ласкать его, выбираться ему за обѣдомъ лучшіе куски..... И пройдетъ въ этомъ вся жизнь. Не громадны твои силы, дитя мое, но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что есть счастье выше твоего, есть жизнь шире и плодотворнѣе твоей и на этомъ основаніи тебя можно сравнить съ слѣпымъ странникомъ, идущимъ безъ руководителя по широкой степи... Бредеть онъ дрожащими ногами по песку и камнямъ, томить его жажда и голодъ, томить его тоска и скука, а въ сторонѣ отъ его пути разстилаются невидимыя имъ богатые рощи и чистыя рѣки..... Не титанъ а тотъ слѣпой, не принесетъ онъ въ эти рощи никакого райскаго счастья,—но все-таки жаль его, потому что жадъ жизни человѣческой, проходящей бесплодно и пусто.

Что же въ твоей новой жизни? куда приложишь ты свою безграничную преданность?...

Смотрятъ въ твое окно покосившіяся заборы, отгораживающіе грязный дворъ. На дворѣ лежитъ куча занесенныхъ снѣгомъ бревенъ, къ которымъ привязана верховая лошадь, опустившая голову; дальше, на крылечкѣ вухни сидитъ солдатъ, покуриваетъ отъ скуки трубку и ждетъ твоего мужа; по забору прыгаетъ скучающая ворона, а собака, тоже скучающая,

дасть на недѣлю. И ата-то картина будетъ торчать передъ глазами твоими и день, и недѣлю, и мѣсяцъ; а потомъ можетъ быть напомнитъ только въ томъ, что вѣсто вороны будетъ прыгать по забору сорова, а вѣсто солдата, вурящаго трубку, появится унтеръ-офицеръ, нюхающій табакъ изъ берестовой табакорки...

Впрочемъ, какое же дѣло тебѣ до скучающихъ воронъ и до курищихъ и нюхающихъ служивыхъ?.. Обратимся въ другому. Вотъ комнаты, выметенныя до того чисто, что свѣлько ихъ ни мети, все-таки чище не сдѣлаешь; эти комнаты наполнены мебелью и коврами на столько, что больше ничего не придумаешь, — но, неправда-ли, онѣ тебѣ кажутся унылыми апартаментами или даже совершенно нежилыми сараями?..

— Это мое жилье, — думаешь ты. — Можетъ быть, я проживу здѣсь всю свою жизнь...

Вотъ брезжится утренній свѣтъ. Скрипятъ ворота, скрипятъ ставни; столбомъ стоитъ надъ каждой трубой дымъ; чуть не въ каждомъ онѣ блеститъ розовое пламя, томящейся печки... Потягиваются собаки, потягиваются люди, раздается въ соседней комнатѣ кашель, плесканье и переливанье воды, слышится шлепанье башмаковъ вухарки, принесшей самоваръ, — и вотъ подходитъ къ двоимъ постелямъ и самъ капитанъ, въ пунцовомъ халатѣ и съ длиннымъ чубукомъ во рту. Тихо наклоняется онѣ надъ тобой, улыбается своей добродушной улыбкой и подсаживается къ тебѣ...

— Выспалась, Олицьва? спрашиваетъ онѣ очень серьезнымъ даже съ нѣкоторой тревогой въ голосѣ...

— Выспалась, — отвѣдаешь ты, потягиваешь...

— То-то... И думать — не разбудилъ-ли тебя... Голова не болитъ?...

— Н-нѣтъ, — говоришь ты, сладко зѣвая...

— Что это?... У тебя голосъ какъ будто охрипъ? Не простудилась-ли?

— Да гдѣ же мнѣ простудиться-то, гол. бичивъ?.. Я гдѣ не выходила на холодъ...

— То-то, то-то, — говоритъ капитанъ, затаиваясь изъ своего чубука и мысленно тая отъ адресовавшаго въ нему нѣжнаго названія. — Ну, Олицьва, иди чай пить...

Свѣжакъ и сильная, съ яркими румянцемъ на щекахъ, съ

свободно текущей въ жилахъ молодой кровью, полная силы и жизни выходишь ты изъ комнаты.... И начинается разговоръ сновъ, полуплутливое-полусерьезное отъискиваніе ихъ смысла, значенія и пророческаго примѣненія въ жизни. Появляется хозяйка дома, бывшій предметъ капитана, все еще приводящій его своимъ появленіемъ въ нѣкоторое смущеніе— и толкованіе сновъ подъ ея руководствомъ переходитъ въ настоящее нравобѣсіе и всякую дьявольщину...

Вотъ являются мимоходомъ двѣ монахини, усаживаются въ чайному столику, и мистическій разговоръ разгорается до страшныхъ размѣровъ, доходитъ до сонныхъ видѣній, чудесъ, молящикся на монастырскія стѣны коровъ и т. п. Наконецъ монахини, выпросивъ у тебя чайку, сахарку, и кое какую работу, въ родѣ вязанья чулковъ, съ низкими поклонами уходятъ. И передъ тобою опять таже картина пустого грязнаго двора съ мусоромъ, бревнами, скучающими собаками, прыгающими воронами и солдатомъ, курящимъ трубку на крылечкѣ. Однообразно стучать часы, тяжело дышетъ свернувшаяся на коврѣ любимая собака капитана, и бесплодно, скучно и глупо проходитъ минута за минутой, часъ за часомъ твоей жизни. Пройдешь ты по комнатамъ, мелькнетъ въ зеркалѣ твоя красивая, молодая фигура, напомнитъ она тебѣ о счастьѣ, о жизни—и вдругъ нахлынетъ на тебя безсознательная, жгучая тоска, вынесетъ она со дна твоей памяти все пережитое, пережитое, всѣ твои дѣвическія надежды, мечты, исторію съ Микулинымъ и жгучія, безотрадныя слезы хлынутъ по твоимъ щекамъ.

— Олинька, Олинька! Что съ тобой, другъ мой? восклицаетъ возвратившійся мужъ твой — и тоскливо забьется его сердце.

— На міръ божій не глядѣла бы, — говоришь ты плача.

— Да отчего же тебѣ такъ грустно? что такое пришло тебѣ на память? допрашиваетъ капитанъ, самъ чуть не плача.

— А! отвѣчаешь ты, махнувши рукой... Все пришло на память... Микулинъ пришелъ на память. Балы, вечера пришли на память... Весь этотъ вздоръ вспомнился, всѣ эти исторіи...

И самой тебѣ чудится въ это время, будто бы ты не оттого плачешь, что тебя давятъ здѣсь самыя стѣны, что жаль тебѣ

несбывшихся мечтаній, а оттого, что тебѣ вспомнилась грустная исторія съ жалкимъ Микулинымъ!

Наступаетъ послѣобѣденное время. Изъ спальни раздается тихое храпѣнье заснуваго капитана, вторить ему свернувшаяся на коврѣ собака, стучать часы — и опять минута за минутой, часъ за часомъ бесплодно, скучно и пусто проходить. Наклонилась ты у ярко пылающей печки и лѣниво перебираешь какой-то романъ. Скрипнула дверь, зашелестило платье и явилась хозяйка, бывший предметъ капитана. Обла она подлѣ тебя на скамеечку, оглядѣлась вокругъ, прислупалась къ храпѣнью капитана и тяжело вздохнула. Видно было, что эта, давно знакомая ей обстановка навѣвала на нее нѣкотораго рода нѣжныя чувства!

— Хорошій онъ, ахъ, какой хорошій, тихо замѣтилъ изгнанный предметъ, указывая съ сокрушеніемъ сердечнымъ на дверь, изъ которой исходило легкое храпѣнье капитана.

Молодая женщина странно улыбнулась.

— Да-съ!... Берегите вы его, любите его; другого такого человѣка не найдете... Скажу я вамъ откровенно, какъ своей сестрѣ...

Хозяйка немного замялась.

— Я сто знаю уже три года... И скажу я вамъ откровенно, что сужу объ немъ по тому, какъ онъ жилъ съ другой женщиной. Ну да... что ужъ тутъ секретничать.

Хозяйка опять замялась и потупилась.

— Видите ли, дорогая моя... до женитьбы онъ жилъ съ другой женщиной...

— Съ другой? быстро спросила Ольга Ивановна, и глаза ея какъ-то странно раскрылись, заблестѣли и оживились какой-то недоумѣвающей, радостной и вмѣстѣ серьезной мыслью.

Явилось было въ ней въ эту минуту сопоставленіе этой сердечной исторіи капитана съ ея собственными отношеніями къ Микулину, явилось на минуту и безсильно исчезло.

— Да-съ. Только вѣрьте мнѣ, что все это также кончилось, какъ бы въ могилу было сложено, продолжала хозяйка съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ. У него, можетъ быть, и изъ памяти совершенно вышла эта исторія, съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на васъ. Я это рассказываю вамъ къ тому только, что ангелская, золотая душа у этого человѣка.

И хозяйка съ слезинкой, блеснувшей при свѣтѣ огня на ея рѣсницѣ, опять указала на дверь, изъ-за которой торжественно раздавалось храпѣнье капитана.

— Душу свою онъ положить за того, кого любить, восторженно продолжала хозяйка: — онъ ночей не спалъ, почти не ѣлъ, не пилъ, когда заболѣла его милая... Онъ навзрыдь плакалъ отъ радости, когда она съ постели встала, выздоровѣла.

Хозяйка отодвинулась отъ огня и тихонько утерла неволью выступившія слезы.

Подъ вліяніемъ такихъ разсказовъ, Ольга Ивановна еще болѣе убѣждается, что капитанъ благороднѣйшій человекъ и что она должна быть очень счастлива, соединившись съ такимъ человекомъ... Она начинаетъ ждать чего-то хорошаго, ждать перемены къ лучшему... А завтра опять начнется повтореніе сегодняшняго, и опять такъ же будешь ты ждать чего-то хорошаго... Отъ кого же ждать, дитя мое?

Картина однообразія и отупленія человека до идиотизма видимо оттапливаетъ тебя, производитъ въ тебѣ чувство глубокаго омерзѣнія. Но, берегись. Такая жизнь дѣйствуетъ незамѣтно; до того незамѣтно, что можно подъ вліяніемъ ея дойти до послѣдней степени идиотизма и все еще воображать себя незамѣвившимся; можно скончательно замереть умственно и въ то же время считать себя попрежнему сильнымъ и умнымъ. Берегись! Какое бы чувство въ тебѣ ни было — не живи въ той жизни, которая не даетъ дѣла существующему въ тебѣ чувству. Молодая и свѣжая сила не жиретъ безъ дѣла. Безъ него она непремѣнно ослабнетъ, умретъ, и тогда для тебя начнется пора прозябательной жизни, пора ѣды, сна, спанья съ мужемъ, глупыхъ разговоровъ, спячки, да нарѣдка нерадостныхъ сожальній о невозвратно погубленномъ прошломъ. А потому эти сожальнія замрутъ сами собою, и даже случено будетъ тебѣ безъ этихъ глупыхъ разговоровъ и вѣчной спячки...

IX.

Весна.

Стоитъ весна, свѣтитъ мѣсяцъ на степь и освѣщаетъ картину только что освободившейся отъ снѣга пустыни. Блес-

тять и журчатъ сватывающіеся съ горъ снѣговые ручьи, широко раздѣлились рѣны, затопившія низменные берега; пахнетъ Весенней, молодой травой, пролетаютъ стаи птицъ, тянущихся въ теплыя края. Колеблется розовое зарево отъ сожигаемыхъ остатковъ прошлогодней растительности, бѣжитъ впередъ степной пожаръ — и остается, за нимъ печальная голая равнина. Пускай... Пройдетъ мѣсяць, пройдетъ три и на этой перегорѣвшей почвѣ заколосится богатая жатва... Пускай погибаетъ все, что стѣсняетъ своею жизнью счастье другихъ, пускай погибаетъ все, что можетъ расчистить своею гибелью широкое мѣсто для молодой и богатой жизни...

Стоитъ въ степи тишина. При свѣтѣ мѣсяца поднимается на гору телѣга въ пару лошадей. Ямщикъ подергиваетъ рожжами и чмокаетъ губами, а на облучѣй коренасто усѣлся зажиточный, жирный мѣщанинъ Зиновьевъ и, подперевъ руками бока, уставился своими маленькими глазами на открывшіяся съ горы «мирный городъ» съ его рядами огней и отдѣльно стоящей слободкой.

— Далеко ли до города? спрашиваетъ онъ отрывисто.

— Отсель-то?.. протянулъ ямщикъ,

— Отсель-то, — небрежно передразнилъ мѣщанинъ.

— Семь верстъ, батюшка.

Мѣщанинъ погладилъ свою окладистую бороду и опять задумчиво засмотрѣлся на стоящую особнякомъ слободку, какъ будто стараясь разглядѣть въ ней свой родимый домъ.

— Въ городѣ то семья у тебя? обратился къ нему ямщикъ, повертывая свое худое, покорно-тупое лицо.

— Есть.

— Вотъ тебя и поджидаетъ, надо полагать, женушка-то. А то можетъ и не ждетъ, иное что по хозяйству справляетъ или въ гостяхъ, пожалуй...

— Иному брату полагается въ эту пору спать ужъ, — нехоти отбѣтилъ мѣщанинъ. — Ты, птица, откуда?

— Вятской.

— Слѣпородъ, значить, по прозванью.

Благодушный мужикъ молча обратился къ лошадамъ.

— Спускай съ горъ-то, спускай... Чего боишься? Чего намъ въ домутахъ-то взынуть! повелительно закричалъ мѣщанинъ, и телѣга быстро повалилась съ горы.

А въ его родномъ домѣ горитъ еще огонь: не снять его жена, молодая мѣщанка Зиновыха. На кровати ея раскинулся румяный, веселый Стойко, а рядомъ ребенокъ, играя, тянетъ его за кумачную рубаху, прельстившую его черныя глазенки блестящемъ металлической пуговицы на воротѣ. Къ кровати придвинуть столъ, а у стола сидитъ за шитьемъ работающая Зиновыха.

Вотъ она опустила иглу, опустила руки и засмотрѣлась въ темное окно.

Стойко взглянулъ на нее. Она пристально смотрѣла въ темную степь.

— Катя! Что ты? —

— Вдѣтъ кто-то, — въ полголоса отвѣчала Зиновыха, не поворачивая головы. Стойко замолчалъ и тихонько отстранилъ ребенка.

— Проѣхали, — замѣтила Зиновыха и задумчиво принялась за работу.

— Трусъ ты, баба, — подсмѣиваясь, сказалъ Стойко.

— Тебя бы да въ мою шкуру... Небось, десять разъ на день перевернулось бы сердце.

— Ой-ли?

— Вотъ тебѣ и ой-ли... Тебѣ-то что? Ну приѣхалъ—тебѣ-то и горюшка мало: ругать не тебя будутъ, бить не тебя будутъ... Тебѣ-то небось, ни одной нагайки не достанется: всѣ-то я приму на свою спину, весь стыдъ я возьму на свою душу.

Зиновыха подняла глаза на своего милаго.

У Стойко губы злобно сжались, вздрагивали и все-таки не переставали подсмѣиваться.

— Да что жь? этого я боюсь, что ли? продолжала Зиновыха. — Побоевъ, да стыда?! Э-эхъ! Этому быть, этого и не миновать. Не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ послѣ завтра—а надо будетъ... Все равно... А вотъ то обидно, что много ли я пожила, много ли порадовалась съ нимъ въ своей жизни?... Вздохнуть не успѣла, да и опять...

Голосъ ея задрожалъ.

— Какъ же тутъ быть? спросилъ Стойко.

— Чего же тебѣ смѣшно-то?.. Такъ и быть, что терпѣть надо...

— Да грѣхъ замалывать,—подразнилъ ее Стойко. Неладно, голубушка. По моему, ужъ если грѣшить, такъ грѣшить въ полное свое удовольствіе, чтобы было не житье, а масленица... А то и приниматься не стоитъ.

— Чего же еще тебѣ?

— Ты слушай...

— Ну!

— Сядь ко мнѣ—ладнѣе будетъ.

Зиновьяха пересѣла къ нему.

— Сядемъ рядкомъ, да потолкуемъ ладкомъ,—началъ Стойко вмѣсто предисловія и остановился на минуту. Ыдемъ, Катяка, въ теплыя страны.

Зиновьяха оттолкнулась.

— Ыдемъ, Катяка,—спокойно говорилъ Стойко, устремивъ на нее свой рѣшительный взглядъ.

Зиновьяха въ недоумѣніи смотрѣла на него.

— Что ты это выдумалъ? На смѣхъ, что ли? почти машинально сказала она.

— Зачѣмъ на смѣхъ? Что въ самомъ дѣлѣ? Взаправду что ли подставлять ему спину? Здорово живешь! Что нибудь одно выходить: или ѣхать надо, или я твоему-то башку сверну на сторону.

Зиновьяха поблѣднѣла, какъ полотно.

— Господи, Господи, — заговорила она, въ испугѣ. Знала бы я это — одна бы терпѣла. Не спозналась бы я съ тобой, жила бы одна. Ты уѣхалъ бы себѣ; сперва погоревалъ бы, а тамъ и забылъ бы, и пошло бы все по хорошему.

— Ишь куда забрела,—нетерпѣливо прервалъ Стойко, хмуря брови.

— На правду набрела...

— Гдѣ тутъ правда-то? Али тебѣ лучше съ мужемъ-то?

— Кабы лучше было—не томилась бы.

— Ну, и говорить, значить, нечего. Сказъ тутъ одинъ: хочешь со мной жить, такъ надо жить, не хочешь — Богъ съ тобой.

Блѣдная Зиновьяха упорно смотрѣла на полъ.

— Не хочу я съ тобой жить,—сказала она глухо.

— Что? не своимъ голосомъ спросилъ Стойко, приподнявшись и наклоняясь къ ней.

— Не хочу жить съ тобой... Стану съ мужемъ, — рѣшительно повторила Зиновыха, упорно не поднимая глазъ.

У Стойко опустились руки:

— Что ты, Катя, Богъ съ тобой? Что ты это говоришь? спросилъ онъ.

— Не хочу, — отчаянно повторила Зиновыха.

Стойко облокотился на столъ и закрылъ лицо ладонями.

Наступило тяжелое молчаніе.

— Да что жь это ты дѣлаешь, Катя? заговорилъ наконецъ Стойко, повернувшись къ ней... Скажи ты мнѣ, ради Христа! Не пойму я.

А въ Катеринѣ громко заговорило родное нашей русской женщинѣ чувство самопожертвованія и отреченія отъ своего собственнаго счастья ради любимаго человѣка. Ярko нарисовалась въ ея напуганномъ воображеніи картина пеминуемой гибели Стойко, видѣвшаго исходъ только въ смерти ея мужа или въ бѣгствѣ, и пугливо отшатнулась она отъ всякихъ рѣшительныхъ плановъ, отшатнулась на сторону покорности, терпѣнія и отреченія отъ грѣховныхъ радостей. Задумался ей планъ тихой, страдальческой покорности мужу. Станетъ она няньчить дѣтей, повиноваться мужу, ходить за хозяйствомъ, ни разу не попробуетъ она воротиться къ теперешнимъ отношеніямъ съ Стойко, глубоко затаитъ въ себѣ свою любовь къ нему, станетъ жить въ ней, отдыхать въ воспоминаніяхъ о ней. А Стойко потоскуеть, потоскуеть, да и успокоится — полюбитъ другую, женится и не будетъ даже подозрѣвать, что бывшая любовница его все еще тоскуеть о немъ. И горько, грустно заплакала Зиновыха.

Стойко всталъ.

— Э-эхъ, протянулъ онъ съ упрекомъ. Кто тебя пойметъ? въ чужую душу никто не влѣзетъ... Сказала бы напрямикъ, что прискучилъ моль мнѣ, да и шабашъ. Оно, правду сказать, раненько, да и не съ чего бы, — ну да вѣдь всяко бываетъ.

Зиновыха не вытерпѣла.

— Зачто ты меня мучишь? всплѣхиво спросила она... Зачто?

— Не зачто, — насмѣшливо подтвердилъ Стойко.

— Зато вѣрно, что не хочу власть на твою душу тяжкаго грѣха? Не хочу тебя ввести въ пагубу?

Стойко вздохнулъ и весело засмѣялся.

— Шутъ ты, Катька,—сказалъ онъ, смѣясь и подсаживаясь къ ней.

— Чему обрадовался?

— Шутъ и есть... Я думалъ и не вѣсть что приключилось.

— Очень забавно, что ли?

— Ахъ ты шутъ, шутъ, — нѣжно говорилъ Стойко.. Али ты думаешь, что легче видѣть, какъ твое тѣло бѣлое нагайкой исполосуютъ? легче видѣть, какъ тебя бить да мучить стануть?.. Глазены твои свѣтлыя состарятся, личико бѣлое изсушится, всю-то тебя голубушку изуродуютъ... Эхъ ты!

— Да что же я тутъ сдѣлаю?

— Уѣдемъ, Катька.

— Куда?

— На Кубань.

— Да какъ я изъ мужнина дома уѣду? Подумай ты.

— Думаль, Катька. Просто соскучилась, моль, ждала мужа, да поѣхала къ роднѣ... А по дорогѣ мало ли что можетъ случиться можно и потонуть, можно и убиту быть.

— Ишь ты!..

— А тамъ на Кубань пріѣхала съ мужемъ вазачка Акулька, али Дарья, али Маша... Избу рубятъ, землю папуть, деньгу загребаютъ, ребятъ растятъ...

— Еще что?

— А будетъ и того... Смотри-ка разгорѣлась!!

— Нѣтъ, ты говори еще.. Какъ мы жить-то будемъ...

— Ну, слушай... Земля тамъ богатая; мѣсто выберемъ хорошее, — избу срубимъ, оштукатуримъ, выбѣлимъ, ставни узорами распишемъ, огородъ огородимъ, пшеницу станемъ сѣять...

— Кубанку?

— Знаешь, видно, толкъ-то? Кубанку настоящію... Ее станемъ сѣять, виноградъ растить, арбузы садить, табакъ воздѣлывать — ну и торговать, значить, начнемъ.

— Постой... А ребенка какъ же?..

— И его возьмемъ.

— То-то... Погоди-ко... Постой!...

Въ степи далеко гдѣ-то звякаетъ колокольчикъ; то звякнетъ, то опять замолвнетъ.

— Ъдутъ, — чуть слышно сказала Зиновѣиха, и заняло отъ страха ея сердце.

Ближе зазвенѣлъ колокольчикъ. Вотъ и лошадь заржала, застучали колеса. — Пронеси Господи мимо, — шепчетъ бѣдная женщина.

Но Господь не пронесъ. Телѣга свернула съ большой дороги и дѣлвкомъ по степи направилась къ дому Зиновѣихи.

Стойко плюнуль, натянуль верхнюю одежду, взялъ въ руки шапку, рукавицы, кушакъ и пересѣлъ къ столу....

— Отворяй, — крикнуль въ одно знакомый голосъ, отъ котораго вздрогнула Зиновѣиха и лихорадочно подернулся Стойко.

— Отворяй, хозяйшка, Богъ далъ гостя, — громко, но твердо повторилъ Стойко.

Зиновѣиха бросилась на дворъ, а Стойко покрутилъ усы, закусилъ губы, вынулъ трубку и, жмуря брови, сталъ набивать ее табакомъ...

Заскрипѣли ворота, послышались на дворѣ тихія восклицанія, шаги, топотъ лошадей, взвизгнула дверь и вошелъ широкоплечій, жирный, красный и поглядывающій изподлобья Онисимъ Петровичъ Зиновѣевъ.

Стойко приподнялся и беззаботно здороваеся; хозяинъ спускаетъ съ широкихъ плечъ кафтанъ; Катерина стоитъ за нимъ блѣдная, понуривъ голову и поминутно вздрагиваетъ.

И вотъ передъ нами группа тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ людей, волнуемыхъ самыми разнообразными мыслями. Рушились всѣ свѣтлыя мечтанія Катерины въ ту самую минуту, когда они разрослись до полнѣйшей, обаятельной картины, и стоитъ она теперь, какъ оглушенная громомъ, и предчувствуетъ бѣду неминуемую. Рушились надежды Стойко и кипитъ подъ его благодушной маской глужая ненависть къ челоуѣку, вошедшему полнымъ и самовластнымъ хозяиномъ въ его счастье. Обманулъ Зиновѣевъ въ своихъ ожиданіяхъ найти жену, одиноко поджидающей его возвращенія, и поднимается теперь въ немъ подозрѣніе, ревность, злоба на челоуѣка, вмѣшавшагося, повидимому, въ его семейную жизнь...

— Все-ли благополучно? спрашиваетъ онъ угрюмо.

— Слава Богу, Онисимъ Петровичъ, — нетвердо отвѣчаетъ Катерина.

— Сережка здоровъ?

— Слава Богу.

— А ты что?

— Живу помаленьку... Грѣхъ пожаловаться.

— Покажись-ко, — угрюмо сказалъ Зиновьевъ, повертывая ее за плечи къ свѣту.

У Катерины разомъ вспыхнулъ румянецъ.

— Живеть, — усмѣхаясь замѣтилъ мужъ ея, точно облегшій ее своими суровыми объятіями.. А ты, Андрей Петровичъ, должно полагать, и день и ночь меня ждешь, не дождешься? — подозрительно обратился онъ къ благодушно курившему Стойко.

— Поджидаль... Бабуся моя видѣла тебя сегодня во снѣ, потому я и заѣхалъ, спровѣдать; а что бабуся во снѣ увидитъ, тому быть, не миновать, — беззаботно отвѣчалъ Стойко.

— Ты, какъ я погляжу, все такой-же.

— Еще лучше сталъ.

— Вотъ какъ! И бабъ также любишь?

— Больше полюбилъ... Жениться хочу...

— Благое дѣло... Женушка-то моя поила-ли тебя чаемъ?

— Кажись, нѣту.

— Что такъ?

— Да завернулъ-то я на минуту... Трубки не успѣлъ еще закурить.

— Ну и ладно. Вмѣстѣ напьемся.

Зиновьевъ прошелся по комнатѣ, мимоходомъ заглянулъ въ сѣни, осмотрѣлъ работу жены и подозрительно посмотрѣлъ на кровать.

— Лошадь пала, — замѣтилъ онъ вскользь.

— Плохо, отозвался Стойко.

— Плохо не плохо, а не хорошо...

Заклипѣлъ самоваръ.

— Гдѣ-жь ты, Онисимъ Петровичъ, пропадалъ? началъ спрашивать Стойко.

— Въ губернію ѣздилъ.

— Вотъ что... Почтовымъ трактомъ?

— Почтовымъ... Лошадь пала, Катя...

— Пала? торопливо переспросила Зиновьяха, точно ее толкнулъ кто? Отчего? гдѣ?..

— Богъ ее знаетъ... Пей чай-то.. Въ сорока верстахъ отсюда пала... Нанялъ извозчика.

Катерина машинально налила чашву.

— Что-жъ тебѣ за охота была ѣхать почтовымъ трактомъ? благодушно бесѣдовалъ Стойко.

— А то какимъ-же?

— А черезъ Башкирію.

— Какіе-жъ тамъ пути въ Башкирію?

— Пути какъ пути... Прямая дорога въ губернію.

— А чортъ-ли въ нихъ не запутается? раздражительно замѣтилъ хозяинъ.

— Недогадливъ, братъ ты, Описимъ Петровичъ. Видно, не нашъ братъ, казакъ. Знаешь, какъ я ѣздилъ?

— А ну!

— Запрягъ я прежде всего лошадь, перекрестился, шапку надѣлъ...

— Да ты не балатурь.

— Слушай, да учись...

— Ну—ну...

— Надѣлъ шапку, купилъ на дорогѣ полфунтика чаю и подержалъ путь на Башкирію. Приѣхалъ — башкиры на печахъ лежать... Спросилъ самоваръ—башкиры съ пеньей слезли, попили маленько чайку и готовы за меня въ огонь и въ воду. Ну, говорю, други пріятели, расскажите дорогу. Одинъ башкирецъ вскочилъ на коня, летитъ впереди меня до другой станціи и избу получше показываетъ. Тутъ опять башкиры лежать на печи... Спрашиваю самоваръ.

— Да ну тебя, раздражительно прервалъ его Зиновьевъ.

Катерина немного приободрилась и смѣлѣе взглядывала на благодушествующаго, спокойнаго и рѣшительнаго казака.

— Такъ-то всю Башкирію и проѣхалъ... Такъ же поѣзжай и ты, наставительно продолжалъ Стойко, а то даромъ прогуляешься пятьсотъ верстъ и барыши растеряешь.

— Чего ты меня учить вздумалъ?

— Не учить васъ нельзя, педантично замѣтилъ Стойко.

— Ишь ты!.. Казакъ видно.

— Извѣстно.

— Казаки тоже. Бороды не могли отстоять.

— Какой бороды?

— Какая борода бываетъ... Уральцы — тѣ казаки: отстояли бороду. А ваша гдѣ?

— На кой прахъ намъ она?

— Борода-то? вотъ одинъ всаулъ справедливо говорилъ мнѣ, что въ бородѣ честь...

— У кого значить есть борода, у того и честь? Ой-ли? — весело и ядовито захохоталъ Стойко — борода такъ борода — помело помеломъ и будетъ, заключилъ онъ съ вызывающимъ взглядомъ.

Закинула его молодая, горячая кровь.

— У меня у самого борода есть, угрюмо замѣтилъ Зиновьевъ.

— Тебѣ и честь, рѣзко отвѣтилъ Стойко.

Мѣщанинъ изподлобья посмотрѣлъ на него.

— Не всякому дано чувствовать такія вещи, сказалъ онъ сурово. Великимъ умомъ надо обладать.

Стойко задумчиво барабанилъ по столу.

— Катерина! сказалъ, немного помолчавъ, Зиновьевъ.

Катерина вздрогнула.

— Чего? спросила она, точно проснувшись.

— Ты какъ насчетъ этого думаешь?..

— О чемъ?

— Ты нивкакъ спишь, мать, угрюмо замѣтилъ Зиновьевъ.

— Истомилась ждавши, да обезпамятѣла дождавшись, поддержалъ Стойко...

— Должно быть, двусмысленно и сурово подтвердилъ Зиновьевъ... Казаковъ въ походъ собираютъ, замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанія и искоса взглянулъ на жену.

— Пускай собираютъ, отвѣтилъ Стойко.

— А ты-то не казакъ?

— Я свое сдамъ... Раньше какъ черезъ три года не потребуютъ.

— Смотри братъ... Всѣ двѣнадцать полковъ собираютъ.

— Слыхалъ.

— То-то слыхалъ... А иди-во, братъ, въ походъ — воротись офицеромъ.

— Спасибо.

Стойко, посидѣвъ еще немного, всталъ и началъ опоясываться.

Х.

РАСПРАВА.

Ночь въ домѣ Зиновьева прошла спокойно. Разсвѣло. Солнце вышло изъ за горизонта, и легъ отъ него слабый красноватый свѣтъ; пересѣкаемый исполнися-длинными тѣнями домовъ, заборовъ и деревьевъ; проснулись дневныя птицы, закрицѣли ворота и ставни.

Вышелъ Зиновьевъ на прикрытое досчатымъ навѣсомъ крылечко своего дома, оглянулъ дворъ, усѣлся на ступеньку и задумчиво закурилъ трубку.

Обвѣваетъ его тихимъ вѣтромъ, согрѣваетъ солнечными лучами, поютъ кругомъ его въ садахъ и огородахъ птицы, — но отъ всей этой свѣжести, теплоты и жизни еще тяжелѣе западаетъ въ его грудь тяжелая тоска... Безвыходно останавливаются его думы на воспоминаніи о вчерашней встрѣчѣ его женой, о ея холодности, непривѣтливости, задумчивости, и безотвязно рисуется передъ нимъ картина нерадостнаго вступленія въ его родной домъ, въ которомъ никто не выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, никто не повисъ у него на шеѣ, обливалъ ее радостными слезами, никто не распросилъ его съ теплымъ участіемъ о его поѣздѣ... Жена молчитъ и тоскуетъ, малый сынъ спитъ, Стойко балагуритъ съ какой-то злою насмѣшкой въ словахъ и тяжелое томительное подозрѣніе овладѣваетъ Зиновьевымъ при созерцаніи этой картины.

Выше восходитъ солнце, слышнѣе становится городская жизнь.

Вотъ вышелъ изъ избы и работникъ-киргизъ, съ метлой, поправилъ шапочку, поплевалъ на руки и усердно принялся за работу.

— Здорово, парень! громко обращается къ нему хозяинъ.

— Добрый день, Онисимъ Петровичъ, добрый день, привѣтствуетъ его работникъ... Какъ, бачьва, съѣздилъ? Здоровъ-ли?

— Ничего—ладно.

— Ну, слава Богу, бачька, слава Богу.

— Вашему, что-ли?

Работник молча начинает мести дворь.

— Вашему Богу, что-ли, слава-то? привязывается злобный мѣщанинъ.

— Богъ одинъ, бачька, уклончиво отвѣчаетъ работникъ.

— Ишь ты! насмѣшливо протягиваетъ хозяинъ.

Наступаетъ молчаніе.

— Лошадь у меня пала, замѣчаетъ наконецъ Зиновьевъ.

— Новую надо купить... Хорошую можно найти.

— Не у вашихъ-ли?

— Что-жь? У нашихъ много хорошихъ лошадей.

— Собаки вѣдь — надуютъ.

— Затѣмъ! я толкъ знаю.

— Самъ то ты, другъ киргизъ, — собака.

У работника вспыхиваютъ на минуту глаза... Онъ молча мететь.

— Видалъ я по пути твоихъ земляковъ, — продолжаетъ хозяинъ выливать свою злобу... Зимой видалъ... Приѣдутъ въ станицу мерзые, да голодные — хлѣба! хлѣба! кричать. Зайдутъ въ избу поотогрѣться, да перехватить хлѣба — смотреть жадко...

— Бѣденъ народъ, — глухо отвѣтилъ киргизъ.

— Собаки — одно слово. На людей не похоже...

Работникъ остановился, подумалъ и подсѣлъ къ Зиновьеву.

— Послушай меня, бачька... Ты человекъ добрый, — заговорилъ онъ тихо, а глаза его такъ и свѣтились, губы подергивались... Жаль мнѣ тебя...

У Зиновьева сердце забилося...

— А что?.. Спросилъ онъ не своимъ голосомъ.

У киргиза раздуваются ноздри.

— Береги жену, бачька...

Зиновьевъ судорожно поднялся.

— Она съ вазаконъ любится, — докопчилъ киргизъ и взялся за метлу.

— Ты врешь? задыхаясь, спросилъ мѣщанинъ.

— Ни, бачька.

— Убью, если врешь.

— Убей, бачька.

Зиновьевъ посмотрѣлъ ему въ лицо, повернулся и ушелъ въ избу. Киргизъ, подсмѣиваясь, принялся за работу и затянулъ веселую пѣсенку.

И вотъ Онисимъ Петровичъ Зиновьевъ сидитъ въ своей горницѣ у стола и упорно, бессмысленно, диво смотритъ на лицо спящей жены. Разметалась молодая женщина, растрепались ея густые, русые волосы, разгорѣлось бѣлое, красивое лицо, раскрылись румяныя губы—и неподвижно смотритъ мужъ на ея красоту, а самого злость забираетъ... Растрогала ли его эта кипящая жизнью красота, горько-ли ему стало потерять ее! Давить-ли его мысль, что пропали всѣ заботы его объ этой женщинѣ, всѣ попеченія о ея счастьѣ,—пропали и прахомъ пошли для новой любви и измѣны?

Нѣтъ. Не растрогала его эта красота, не жалко ему потерять ее, потому что не тратилъ онъ на нее ни заботъ, ни ласкъ, ни попеченій.—Приобрѣлъ онъ себѣ жену, не какъ любимую женщину, для счастья которой можно-бы было положить и душу свою,—а какъ работницу. Поилъ, кормилъ и ласкалъ онъ ее, не какъ горячо любимую женщину, а какъ нужное существо, данное ему обществомъ на подмогу, на потребу и на ласку. На измѣну ея смотрѣлъ онъ не какъ на осужденіе его семейной жизни, не какъ на недовольство имъ, а какъ на возмутительное возстаніе противъ его законныхъ правъ, какъ на измѣну навѣки закабаленнаго ему раба.

Проснулась и жена...

— Самоваръ поставь,—мягко и тихо сказалъ Онисимъ Петровичъ.

Жена одѣлась, поставила самоваръ, умылась и начала прибирать комнату.

Онисимъ Петровичъ сидѣлъ, опустивъ глаза и перебиралъ пальцы.

— Что ты безъ меня дѣлала?—спросилъ онъ мягко и не поднимая глазъ...

— Какъ слѣдуетъ, Онисимъ Петровичъ, по хозяйству... Сережу обшивала...

— А что у тебя со Стойко?—мягко спросилъ Зиновьевъ и поднялъ на жену неумолимо-холодные блестящіе глаза.

Катерина вздрогнула, поблѣднѣла и пошатнулась

— Ничего,—отвѣтила она чуть слышно.

Мужъ неподвижно смотрѣлъ на нее...

— Ты съ нимъ связалась?—продолжалъ онъ ровнымъ голосомъ.

У Катерины подкосились ноги.

— Онисямъ Петровичъ! вскрикнула она тихо....

Зиновьевъ поднялся и протянулъ къ ней руку.

— Кайся! крикнулъ онъ тѣмъ-же неумолимымъ, холоднымъ голосомъ...

Катерина прижалась къ стѣнѣ и закрыла лицо руками.

— Кайся! повторилъ Зиновьевъ, кладя свою тяжелую руку на ея плечо...

Катерина обезумѣла.

— Ну! сказалъ мужъ и оторвалъ ея руки отъ блѣднаго лица.

— Да что я тебѣ сдѣлала?.. отчаянно говорила Катерина.

— Говори...

— Да что я тебѣ скажу?!..

— Сознавайся...

— Не въ чемъ мнѣ тебѣ сознаваться!...

— Не въ чемъ?...

— Не въ чемъ.

— Какъ Богъ святъ, не въ чемъ?.

— Не въ чемъ...

— Говори—какъ Богъ святъ.

Катерина громко зарыдала. Зиновьевъ посмотрѣлъ, плюнулъ на нее и ушелъ изъ дому.

И вотъ осталась Катерина одна одиношенька съ маленькимъ сыномъ, горько плакавшимъ, глядя на нее, да съ своими безвыходно-страшными мыслями. Рушилась теперь вся ея бѣдная, не богатая радостями жизнь.... Покирится ли бѣдная женщина—ее ожидаетъ тяжелая семейная жизнь съ вѣчными побоями, руганью, каторжной работой, и станетъ она таять, таять и наконецъ закончить свое жизненное томленіе одинокой смертью. Бросится ли она прочь изъ этого семейнаго круга—ее ожидаютъ вѣчныя угрызенія совѣсти и вѣчное желаніе забыться и вырвать изъ головы тяжелыя воспоминанія и страхъ загробныхъ адскихъ мученій... И тяжело томилаась она, и падала вся ея энергія, слабѣла жажда жизни, мельчали мысли—и поднимались жалкія надежды на примиреніе съ мужемъ,

на возможность успокоить его мелкою дождю, смрачениемъ, поворностью и тѣмъ кое-какъ загладить это горькое дѣло. Замираетъ жизнь, тупѣетъ мысль и вмѣсто свѣтлой человѣческой жизни воцаряется прозябаніе и горячечный бредъ.

Но вотъ сврипнула вализна. Идетъ мужъ; съ нимъ отецъ и мать Катерины.

Стоитъ Катерина передъ печкой, готовитъ обѣдъ, и каплютъ изъ глазъ ея слеза за слезой.

Вошли старики, сѣли.

— Здравствуй, дочка... Плачешь никакъ?

— Плачешь,—угрюмо отвѣтилъ Онисимъ Петровичъ и тоже сѣлъ... Пошелъ я къ вамъ, да не засталъ...

— Мы въ тебѣ шли... А что?—спрашиваетъ мать Катерины...

— Семейное дѣло...

Старики охнули и посмотрѣли на Катерину...

— Плачешь никакъ, дочка?

Катерина махнула рукой.

— Ты, Онисимъ, не обижай ее, погоди, можетъ врутъ...

— А ты, матушка, слыхала что нибудь?..

— Слышала.

— Охъ, грѣхъ,—захрипѣлъ старикъ.

— Слышишь?—вскрикнулъ Онисимъ Петровичъ женѣ.

Блѣдная какъ смерть Катерина повернула къ нему страдальческое лицо.

— Слышишь?.. повторилъ мѣщанивъ и махнулъся.

— Я скажу... скажу,—вскрикнула Катерина...

— Не тронь... Пусть скажетъ,—поддержала мать Катерины.

— Ну?

— Виновата, Онисимъ Петровичъ, — проговорила Катерина.

Зиновьевъ схватилъ себя за волосы и припалъ головой на столъ.

— Грѣхъ, грѣхъ, — кричѣлъ старикъ, моргая глазами.

Зиновьевъ опять поднялся.

— Ну!... сказалъ онъ неумолимо.

— Помилуй, Онисимъ Петровичъ... Согрѣшила одинъ разъ...

Сослужилась одна,—дгала обезумѣвшая Катерина... Помилуй...
Хоть на десять лѣтъ оставь меня впередъ — не провинилась...

Мать подмигивала ей на полъ... Бросилась Катерина въ ноги... Какъ собаку пнулъ ее мужъ, всталъ и отвернулся...

— Дожили, — мрачно сказалъ онъ, обращаясь къ старикамъ.

— Дожили, — угрюмо повторили старики и встали.

— Гдѣ глаза-то были? Чего смотрѣлъ? Дѣвкой — была, какъ голубица... хорошъ мужъ! сказали они на прощанье и ушли.

Катерина стояла опозоренная, блѣдная, и новыя чувства подымались въ ней; подымался въ ней страшный протестъ противъ человѣка, которому она только что бросилась въ ноги съ искренимымъ желаніемъ отказаться ради его отъ всѣхъ своихъ личныхъ радостей. — Зиновьевъ вышелъ на минуту и опять воротился.

— Видишь? спросилъ онъ и поднялъ нагайку.

Катерина вздрогнула, стиснула зубы и опустила глаза.

Дверь затворилась, окна завѣсились и началось возстановленіе порядка. И были въ этой закупоренной комнатѣ злыя, мучительныя слезы, тихіе стоны, вырывающіеся сквозь стиснутые зубы, была кровь.

Такъ-то прошелъ день... Показались звѣзды.

— Поди на рѣку, — сказалъ Зиновьевъ. — Нанеси въ бочку воды.

— Врядъ-ли дойду, — отвѣтила Катерина.

— Ничего, поди, насмѣшливо сказалъ мужъ... Да смотри, наноси полную бочку.

И она пошла. Свѣтили звѣзды, сіялъ мѣсяцъ, благоухали въ степи весенніе цвѣты, тепломъ дышало въ воздухѣ и необъятно-широкимъ, свѣтлымъ казался міръ. Мадъ-природа! Отчего въ необъятномъ просторѣ твоёмъ, въ лѣсахъ твоихъ, въ водахъ, въ воздухѣ, въ степяхъ таятся такая могучая возвышающая сила, ручьемъ вливающаяся въ душу истомленнаго человѣка, вносящая въ него и свѣжесть, и вѣру въ себя, и силу? Отчего подавляется и медлчаетъ эта сила и свѣжесть средь людского общества? Зовешь ты человѣка въ иную жизнь?... Но когда же, наконецъ, услышитъ онъ немолчный призывъ твой? и долго-ли еще придется ему искать спокойствія и счастья въ твоёмъ великомъ спокойствіи, не смущаемомъ жизнью другихъ людей?

Вотъ струится темная, холодная рѣка, качаются на ея по-

верхности ванны; отражаются въ ея водахъ звѣзды и стоять надъ ней непробудная тишина. Стоитъ надъ рѣкой Катерина, жадно дышитъ она чистымъ воздухомъ—и вливается въ нее жажда жизни, пробуждаются безсознательныя надежды на счастье...

Тихо опускаются въ воду ведра, пробѣгаютъ свѣтлыя круги по водѣ и опять настаётъ тишина...

«Безъ ума, безъ разума меня замужъ выдали» — разносится по степи грустный, точно плачущій голосъ, и ровными ступенями скользитъ по молодой травѣ исполинская тѣнь твердо и ровно пагающей съ воромысломъ на плечахъ Катерины. Новыя силы въ себѣ чувствуетъ она теперь. Что-то будетъ!..

ХІ.

ВОЗСТАНОВЛЕНИЕ СПОКОЙСТВІЯ.

— Наносила-ли воды? спрашиваетъ Зиновьевъ жену.

— Наносила, Онисимъ Петровичъ.

— Полную кадку?..

— Полную, Онисимъ Петровичъ.

— Спина-то болитъ? смѣется глава.

— Болитъ, Онисимъ Петровичъ.

Онисимъ Петровичъ злобно смѣется.

— Шолковая стала ты, говоритъ онъ, сваля свои бѣлыя зубы.

— Онисимъ Петровичъ, начинаетъ Катерина поворно: — буду я на всю жизнь мою твоей вѣрной рабой, въ кабалу тебѣ пойду, мысли непокорной не пущу въ себѣ, — только смилуйся, исполни одну мою просьбу...

И подкашиваются ея бѣдныя ноженъки; садится она въ темномъ углу и ярко блестятъ оттуда ея глубокіе глаза.

— Что же тебѣ надо? презрительно спрашиваетъ Онисимъ Петровичъ.

— «Отпусти меня, Онисимъ Петровичъ, отдохнуть маленько. Отвези меня въ сестрѣ, въ станицу... Будь милостивъ...

— Не буду къ тебѣ милостивъ.

— Онисимъ Петровичъ!..

— Не проси, неумолимо отвѣтилъ мужъ, потянувшись на своей кровати и занинувъ за голову руки.

— Ноги меня не носятъ, руки мнѣ не служатъ, вся-то я изболѣла, Онисимъ Петровичъ, молятъ Катерина.

— Затѣмъ и бьютъ, чтобы больно было.

— Не поправиться мнѣ, пожалуй, чуть не крикнула, сдерживая свои рыданія, молодая жена.

— Такъ и надо...

Катерина безнадежно опустила голову и опять потекли неудержимыя слезы... Жизнь твоя молодая, жизнь твоя сильная! Жаль тебѣ ее, обруженную всѣми чудными благами широкаго, свѣтлаго міра и осужденную грязнымъ невѣжей на гибель!

И еще попытка:

— Онисимъ Петровичъ, горько зоветъ Катерина.

— Ну...

— Вороти отъ бабушки Серезу.

— Не ворочу.

Катерина подняла на мужа долгій, испытующій, недоумѣвающій взглядъ.

— Ужели не воротить? спросила она тихо.

— Не ворочу.

— Или я ему не мать?..

— Разговаривай! крикнулъ Онисимъ Петровичъ. Нагайки захотѣла?

Катерина вздохнула, посидѣла молча, потомъ встала, сняла нагаръ со свѣчи и задумчиво остановилась у стола, устремивъ долгій взглядъ на лежащаго мужа.

— Чего смотришь—глаза выпучила? сурово спросилъ онъ.

Катерина смотрѣла попрежнему.

— Чего смотришь? бѣшено повторилъ мужъ, повернувшись къ ней.

— Душегубецъ ты, сказала она тихимъ, но глубоко потрясающимъ голосомъ.

Онисимъ Петровичъ вздрогнулъ, взглянулъ на нее и поднялся.

— Не тронь—зарѣжу! крикнула Катерина, схвативъ со стола длинный ножъ хлѣборѣзъ.

Онисимъ Петровичъ дрожалъ всѣми членами и не двигался съ мѣста.

— Душегубецъ ты, разбойникъ, съ глубокимъ упрекомъ повторила Катерина, смотря ему прямо въ глаза, — звѣрь мой!

— Погоди! глухо сказала Онисимъ Петровичъ и легъ, взглянувъ на жену налившимися кровью глазами. — Постой, рычалъ онъ, повертываясь лицомъ къ подушкѣ.

Катерина сѣла къ столу, облопотилась и опять молча смотрѣла на мужа. Онъ лежалъ неподвижно и не открывалъ глазъ. Задумалась Катерина и потерялась въ своихъ безысходно тяжелыхъ думкахъ. Вотъ пахнулъ вѣтеръ и приотворилъ окно... Смотри въ него! Это звѣздное, чудное небо, этотъ чистый, прохладный воздухъ, наполненный влагой, ароматами лѣсовъ, цвѣтовъ и травы, этотъ просторъ земли и синяго воздуха, эти вольныя птицы, несущіяся въ свѣтлой вышинѣ, — вся эта необъятная ширь, свѣжесть, красота и воля, все это горькая насмѣшка надъ человѣческой жизнью, надъ ея дукотой, тѣсною и нездоровьемъ, надъ ея мизерностью, слабостью, сдвинченностью и покорностью. Смотри въ него, русская женщина! Это звѣздное синее небо сіяетъ надъ необъятнымъ пространствомъ земли, но кажется, нѣтъ въ ней ни одного угла, въ которомъ бы бѣдная, жалкая жизнь человѣка доходила до такого позора, какимъ покрыта твоя настоящая участь. Есть рабы, но они остаются рабами до тѣхъ только поръ, пока у нихъ скованы руки и ноги, а въ душѣ они свободные люди, сознаютъ свое рабство и оплакиваютъ его въ пѣсняхъ, полныхъ глубокой скорби, тоски по свободѣ и родинѣ. Есть измученныя, изморенныя женщины-дѣти и женщины-матери, онъ заре дозари трудящіяся среди пыли и копоти, шума и треска фабричныхъ машинъ, — но вопить въ этихъ изморенныхъ работницахъ врывающаяся ненависть къ господамъ, отнимающимъ у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба, и ведутъ они съ этими господами борьбу не на животъ; а на смерть; и съ каждымъ годомъ одерживаютъ новыя побѣды.

А ты? Нѣтъ ни желѣзныхъ оковъ на твоихъ тѣлѣ, нѣтъ ни голода, ни холода, ни грозящей изнурительной смерти, а все-то позорнѣйшія для человѣка пятна лежатъ на тебѣ, и незамѣтно въ твоей жизни ни борьбы, ни ненависти, ни порывовъ къ освобожденію — стоитъ одна покорность и стараніе

покоряться, — стоять тупое — самодовольство своей поворной жизнью!..

Глубоко задумалась Катерина надъ своей участью. Не видѣла она, какъ присматривался къ ней Онисимъ Петровичъ, какъ онъ поднялся, всталъ и бросился на нее. Тутъ только опомнилась она и дико вскрикнула.

— Не уйдешь, говорилъ онъ влобно.

— Пусты, Онисимъ!..

— Я-те пушу!.. Посто-ой!..

Однакъ вырвалась Катерина.

— Не оставишь ты меня? спросила она въ дверяхъ.

— Я-те оставлю! задыхаясь, отвѣтилъ Онисимъ Петровичъ.

— А лучше оставь, Онисимъ Петровичъ, отозвался изъ отворенныхъ сѣней звучный, суровый голосъ.

Вошелъ Стойко.

— Здравствуй, Онисимъ Петровичъ. Воюешь никакъ? спросилъ онъ, бросилъ на столъ шапку и скрепячая на груди руки.

— Здравствуй, отвѣтилъ Зиновьевъ и сбѣлъ на кровать.

— Воюешь, кажись?

— Ничего. Милые бранятся, только тѣнятся.

— Ловокъ ты потѣшаться! — замѣтилъ казакъ, нечего сказать.

Лютая злоба кипѣла въ груди Онисима Петровича. Мгновенно всталъ онъ, прошелся, покуривъ голову, отъ кровати до двери, и изподлобья взглянулъ на своихъ противниковъ. Блѣдная, меланхолически-задумчивая и рѣшительная Катерина стояла въ углу, опустивъ свои длинныя рѣсницы. Высокій, крѣпкій и суровый Стойко, скрестивъ на широкой груди руки, зорко смотрѣлъ на него. И Онисимъ Петровичъ въ глубокомъ раздумьи прошелся еще разъ по комнатѣ.

— Силой не возьмешь — убьютъ. На ласку не пойду — я ли не господинъ въ своемъ домѣ, — раздумывалъ онъ, и то разгиралась въ немъ дикая рѣшимость, то подавлялась она невольною робостью...

Но Онисимъ Петровичъ рѣшился. Молча прешель онъ въ отворенную дверь и, не спѣша, спустился съ крылечка на дворъ. Стойко затворилъ за нимъ дверь.

— Здравствуй, Катя, — скавалъ онъ и крѣпко подымоваля молодую женщину... Что скажешь?... Какъ живешь?..

— Не жизнь мнѣ, а смерть,—отвѣтила Катерина.

— Смерть, да не намъ,—задумчиво возразилъ Стойко.

— Или я въ рѣву брошусь, или его изведу,—сказала Катерина...

Казакъ ничего не отвѣтилъ.

А Онисимъ Петровичъ вышелъ на дворъ. Въ дальнемъ углу двора стояли сани; у нихъ и остановился хозяинъ.

— Спишь, парень?—тихонько влиевнулъ онъ.

— Ни, бачька... Что велишь? откликнулся работникъ.

— Казакъ прѣехалъ,—тихо сказалъ Онисимъ Петровичъ.

— Ага!... Слышу.

— Добромъ не пущу.

— Какъ можно.

— Не пущу... Держи парень деньги,—задумчиво говорилъ мѣщанинъ.

— Спасибо, бачька. Что велишь?

— Если вликну тебя, бѣги въ избу. Что тамъ будетъ,—воля божья; а добромъ не выпущу его,—заговорилъ мѣщанинъ, задыхаясь. До полусмерти разнесу. Противника на меня не бывало еще. Коню его положи подъ сѣдло гвоздь или колючку—самъ знаешь. Конь, значитъ, расшибеть... Дѣйствуй, да смотри, не плошай,—знаешь меня... Поможешь по силѣ—богачъ будешь; сфальшинь—берегись...

И твердо, тихо, не торопясь, пошелъ Онисимъ Петровичъ въ избу и сжималъ на дорогѣ свои крѣпкіе кулаки. Вошелъ онъ въ горницу, не взглянулъ ни на кого и сѣлъ къ столу.

— Что сважешь, пріятель?—спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія и изподлобья взглянулъ на Стойко.

— Хорошаго ничего нѣтъ.

— А дурного много-ли?

— Говорятъ, много.

— А что, примѣрно?

— Говорятъ, вотъ, что ты творишь много зла.

— Ой-ли?—спросилъ Онисимъ Петровичъ. Опозорилъ я какую либо семью, что-ли?

— Свой родной домъ опозорилъ,—отвѣтилъ Стойко.

— Опозорилъ и есть. Пустилъ въ него пса погананаго.

— Пустилъ-ли, не пустилъ-ли,—а у тебя что въ домѣ?

— А что?...

— Застѣновъ, что-ли?...

Онисимъ Петровичъ усмѣхнулся.

— Кто у тебя тутъ стонеть, кто мучится?

— Сама себя раба бьетъ, коли плохо жнетъ.

— Не ври,—говорилъ казакъ. Кто тебя не влюбить, если ты самъ будешь хорошѣ?

— Никто,—отвѣтилъ Онисимъ Петровичъ и посмотрѣлъ на дверь.

— Никто,—продолжалъ Стойко. А ты посмотри прежде на себя-то.

— Смотрю.

— Видишь-ли, что слѣдуетъ съ тобой сдѣлать?

— Что же?—спросилъ Онисимъ Петровичъ и опять взглянулъ на дверь, съ трудомъ сдерживая нетерпѣніе.

— Ты жизнь отымаешь за одну вину; такъ какую же муку тебѣ положить за всѣ твои дѣла?

— За какія?

— За какія?—горько спросилъ Стойко. За какія дѣла-то? А скажи ты мнѣ, сколько разъ ты обманывалъ жену твою?... Ты казнишь ее за одинъ обманъ, а сколько перевозилъ ты подарковъ въ Николаевское?

Онисимъ Петровичъ взглянулъ на жену, неподвижно облокотившуюся о печку и злобно улыбнулся. Опять посмотрѣлъ онъ на дверь и чуть не крикнулъ работника.

— Пожалуй, не справился, собака, съ лошадыю, — подумалъ онъ и сдержался.

— Теперь второе дѣло: какъ ты капиталы нажилъ себѣ?... Разбоемъ нажилъ... Въ базарные дни поджидалъ за заставой мужиковъ съ хлѣбомъ. Отбивалъ его, чуть не задаромъ, да продавалъ на базарѣ вдесятеро. Разбоемъ нажилъ.

У Стойко разгорѣлись глаза, какъ у диваго звѣря.

Наконецъ раздался у крыльца шорохъ. Онисимъ Петровичъ прислушался и всталъ.

— Да что тутъ толковать? крикнулъ онъ бѣшено. Разъ надулъ ты меня, въ другой—неудастся. И тебя расшибу, и жену въ гробъ вволочу.

— Врешь!...

— Вволочу!...

— Врешь!...

Блеснулъ ножъ, и мѣщанинъ вздрогнулъ, зашатался и рухнулъ на полъ.

У крыльца попрежнему раздавался шорохъ.

— Ну, презрительно сказалъ Стойко, готово. Одѣвайся Катя, — бѣжимъ.

Катерина быстро одѣвалась.

— Сжечь надо, сказалъ потомъ Стойко.

— Сжечь? повторила Катерина.

— Да... Сгорѣлъ, да и все тутъ...

Катерина покорно помогала ему.

И вспыхнула горница...

Скоро тревожно загудѣлъ набатный колоколъ, зашевелился городъ, заскрипѣли ворота, повалилъ народъ по улицамъ — и колыhalось надъ домами и церквами розовое зарево. Повалилъ толпами раздраженный тревогой и дико-могучій народъ. Смотри на него, Катерина! Это шумящее, иввивающееся по улицамъ, могучее, тысяче-головое чудовище, это твой судья!...

Свершилось твое дѣло... Свершилась развязка иворной борьбы между тобою и мужемъ, но тебѣ еще предстоитъ теперь выступить на новую битву съ обществомъ, выступающимъ на сцену въ роли мстителя за поруганныя обязанности. Гдѣ тебѣ слабой и одинокой бороться съ этимъ немолчимъ обществомъ, крѣпко стоящимъ за свои права вѣковыя, за права на безусловную отъ тебя покорность, и право на широкій разгулъ своей тяжелой руни!..

Брошень твой жребій...

И. Васильевъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ОЧЕРКИ БУРЯТСКОЙ ЖИЗНИ.

(посвящается о. н. пахолкову).

I.

Наступало лѣто. Китайцы въ бѣлыхъ халатахъ, точно тѣни умершихъ, лѣниво двигались по Кяхтѣ, переходя изъ дому въ домъ и ругая русскихъ, разѣхавшихся по дачамъ.—Точно лошади или быки убѣжали русскіе купцы на зеленую траву—ворчали они между собой.

— Ты куда, чорта? сердито спрашивалъ меня китаецъ, замѣчая сборы въ дорогу.

— На дачу ѣду. Жарко здѣсь и скучно стало—всѣ разѣхались, мои отвѣчалъ я.

Китаецъ съ досады плюнулъ и ушелъ, сердито хлопнувъ дверью. Заглянулъ ко мнѣ другой китаецъ, тоже полюбопытствовалъ узнать, куда я ѣду и, получивъ тотъ же отвѣтъ, сказалъ мнѣ дурака.

Я поѣхалъ на дачу. Дѣйствительно было жарко. Кони тяжело дышали и съ нихъ капалъ потъ на сухую, песчанную землю. Кой-какъ поднявшись на высокій Бургутуйскій хребетъ, я оглянулся кругомъ: назадъ внизу видѣлись верхушки остроконечныхъ сопокъ, впереди открывалась необъятная степь. Долго мы спускались съ вершины хребта и наконецъ выѣхали на ровную, открытую мѣстность (*). Съ обѣихъ сторонъ, вдали отъ дороги, паслись стада

*) Съ разрѣшеніемъ свободной торговли съ Монголіею и Китаемъ, путь на Чиню и Керанъ идетъ по монгольской землѣ, минуя Бургутуйскій хребетъ и памятникъ, построенный у подножія хребта въ честь графа Муравьевъ Амурскаго. Теперь мимо этого памятника никто не проѣзжаетъ, такъ какъ дорога совершенно заброшена.

крупнаго и мелкаго рогатаго скота, еще далѣе видѣлись табуны лошадей. Изрѣдка начали попадаться бурятскія юрты. Старикъ бурятъ, верхомъ на быкѣ, запряженномъ въ двухъколесную сѣришную таратайку, тихо тащился по степи. Маленькая, мѣдная трубка торчала у него въ зубахъ. Онъ задумчиво посматривалъ въ разныя стороны, монотонно мурлыча свою грустную степную пѣсню. Жарко. Бурятъ снялъ свою остроконечную шапку и почесалъ бритую голову, на затылкѣ которой торчала косичка, похожая на мышинный хвостикъ. Онъ ѣхалъ по направленію къ юртѣ, около которой бѣгали нагіе ребятишки съ загорѣлымъ мѣдно-краснымъ цвѣтомъ кожи. Черныя косматыя собаки лежали подъ тѣнью, высунувъ языки, и тяжело дышали. Не вдалекѣ отъ юрты, молодой бурятъ, съ арканомъ въ рукѣ, скакалъ верхомъ по степи, стаиваясь поймать коня. Полу его синяго кафтана развѣвались по воздуху, шапка давно свалилась на землю, но конь не поддавался на арканъ и увлекалъ бурята далѣе и далѣе въ степь.

Мы переѣзжали уже рѣчку Суджи, но я все еще смотрѣлъ назадъ, на остающіяся позади юрты. Меня занимала эта новая, невиданная еще мною картина.

— А что, ямщикъ, по Чикюю и Керану много живеть бурятъ? спрашивалъ я.

— Да гдѣ же имъ и быть больше, какъ не здѣсь. Забайкалье—ихъ сторона. Тутъ, почитай, сплошь живутъ бурята до самаго города Нерчинскаго,—отозвался ямщикъ, не поворачивая головы.

Приѣхали къ Керану. Нанялъ я себѣ маленькій домикъ въ казначейской станицѣ и сейчасъ же отправился къ юртѣ бурятъ, стоявшей не вдалекѣ отъ станицы. Наступали сумерки. Около юрты маленькія дѣти съ матерями загоняли коровъ въ изгородь, сдѣланную тутъ же у юрты. Женщина, сидя на деревянномъ чурбанѣ, доила корову; вблизи отъ нея, другая въ устроенной изъ бревенъ мялкѣ, мила кожу. Въ юртѣ горѣлъ большой огонь, войлочная дверь была закинута къ верху, и видно было, что посрединѣ юрты, на огнѣ, поставлена чугушная чаша, въ которой варился кирпичный чай. На сѣверной сторонѣ, считаемой почетной, стоялъ красенькій шкафчикъ, съ тремя уступами въ видѣ лѣстницы; свѣтъ отъ огня падалъ на разставленные по этимъ уступамъ маленькіе мѣдные бурханы (идолы), предъ которыми были поставлены жертвы: пшено и масло въ маленькихъ металлическихъ чашечкахъ. Направо стояла низенькая кровать, покрытая кошмой (войлокомъ), налѣво была раскинута на землѣ кошма, а на ней лежала старая бурятка. Мужчины сидѣли около огня и ждали чаю.

- Здравствуй, товарищ! сказалъ я, входя въ юрту.
- Здравствуй! протяжно раздалось въ отвѣтъ.
- Вотъ я пришелъ къ вамъ въ гости, посмотрѣть хочу ваше житье-бытье.

— Мы рады гостю, больно рады, только ужъ плоха наша юрта—небогата; скота тоже мало, — говорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ, почесывая себѣ лобъ.

Я сѣлъ на низенькую кровать. Старуха оставила на меня свои мутные, плохо видѣвшіе глаза и закапаялась. Черезъ нѣсколько времени прибѣжали два мальчугана и вслѣдъ за ними женщины вошли въ юрту, принесли въ кадусѣхъ молоко и вылили его въ варившійся чай. Молодая смуглая бурятка вгоняла въ юрту маленькаго теленка и укладывала его около стѣнки.

— Зачѣмъ-же вы теленка-то сюда вогнали? спросилъ я.

— Погода по ночамъ холодная стоитъ, нельзя—спортятся телята, отвѣчалъ буряты, помѣшивая палочкой въ котлѣ.

Ребятишки сѣли тоже около котла и маленькимъ прутикомъ принялись мѣшать золу. Пожилой буряты выдернулъ у нихъ пруть и, бросивъ его въ огонь, прикривнулъ на дѣтей. Женщины сидѣли въ сторонѣ и молчали.

— Ну, гость, чай-то нашъ пьете-ли, а? Кирпичной чай не любить богатный русской мужикъ, а спрашивалъ буряты.

— Нѣтъ, спасибо, — кирпичный чай не пью. Прощайте, добрые люди, отвѣчалъ я, вставая.

— Ну прощайте... а завтра на праздникъ пойдете-ли, нѣтъ-ли? спросилъ буряты.

— А какой завтра у васъ праздникъ?

— Праздникъ большой, — на гору поидемъ, въ кумирню, богу молиться. Лама придетъ и по книгамъ читать будетъ.

— Что-же онъ читать будетъ?

— Книги читать будетъ, хорошія ламскія книги...

— Да какой-же это праздникъ? по какому случаю?

— Такъ праздникъ ужъ, большой праздникъ. Коня будутъ бѣгать и лама хорошія книги читать будетъ.

Что-же въ этихъ книгахъ написано?

— Всякое святое слово написано, — хорошія ламскія книги...

— Только въ этомъ и будетъ весь праздникъ?

— Да праздникъ ужъ будетъ...

Такъ я и не добился, что у нихъ за праздникъ такой и по какому случаю.

Утромъ слѣдующаго дня, я рано соскочилъ съ постели и отпра-

вился смотрѣть бурятскій праздникъ. День былъ солнечный и жаркій. Буряты тянулись длинной вереницей, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, по тропинкѣ на самую верхушку горы, гдѣ кой-какъ прилѣпилась маленькая часовенка. Измученный и усталый, я не успѣлъ еще добраться на верхъ, какъ уже молебствіе кончилось. Оно и заключалось только, какъ я узналъ впоследствии, въ чтеніи нѣсколькихъ молитвъ на тибетскомъ языкѣ, котораго самъ читавшій не понималъ. Всѣ двинулись назадъ подъ гору, и я отправился вслѣдъ за толпой. Спустились съ горы, и, выйдя на ровную мѣстность, ламы (духовныя лица) стали усаживаться въ ряды по чинамъ. Кругомъ ихъ садились буряты; нѣкоторые хлопотали въ сторонѣ, разрѣзывая на маленькіе куски варенную баранину, и раскладывая ихъ на дощечки; нѣкоторые варили чай въ котлахъ и разносили его ламамъ и гостямъ въ небольшихъ деревянныхъ чашечкахъ; другіе таскали дощечки съ мясомъ и ставили предъ сидящими ламами. Коня, назначенные для бѣга, уже отправились въ тому мѣсту, откуда долженъ былъ начаться бѣгъ.

Чинно и важно сидѣли ламы въ своихъ жолтыхъ и красныхъ кафтанахъ, съ книжками за пазухой. Вновь приходящіе буряты, вѣроятно запоздавшіе по какому нибудь случаю на молебствіе, подходили къ старшему ламѣ, наклоняли голову, и лама, въ видѣ благословенія, прикладывалъ ко лбу подходящаго книжку. Получившій такое благословеніе, смиренно отходилъ въ сторону. Въ дальнихъ рядахъ начинали покуривать трубочки, послышался въ воздухѣ запахъ араки и чрезъ нѣсколько времени чинное молчаніе стало нарушаться. сначала отрывистыми рѣчами, а потомъ эти отрывистыя рѣчи перешли въ общій говоръ. Вниманіе всѣхъ обращено было въ ту сторону, откуда долженъ былъ начаться бѣгъ. Нетерпѣливые поднимались и уходили на болѣе высокія мѣста посмотрѣть, не бѣгутъ-ли коня. Вскорѣ послышался отдаленный топотъ и крики; яснѣе и яснѣе стало раздаваться приближеніе скачущихъ. Большая часть бурятовъ поднялись на ноги, только ламы остались на мѣстахъ, сохраняя важное и глубокомысленное выраженіе на своихъ красныхъ, расплывшихся лицахъ.

Коня, съ заплетенными въ гривы разноцвѣтными лентами и съ султанами на лбу, мчались во весь опоръ. Мальчики буряты, посаженные на нихъ, усленно хлестали кнутами и кричали во все горло. Лошадь, прибѣжавшую раньше другихъ, хозяинъ взялъ подъ уздцы и повелъ къ старшему ламѣ. Лама съ важностію, достойною его сана, тотчасъ поднялся на ноги, прочиталъ коню похвальную рѣчь и приложилъ ко лбу его свою книжку. Коня от-

вели въ сторону. Отставшіе во время бѣга, кони, какъ недостойные благословенія и похвальныхъ рѣчей, стояли на дальнемъ планѣ.

Опять пронесся запахъ араки, и черезъ нѣсколько времени бурятинъ отодвинулись въ сторону отъ ламъ, очистивъ такимъ образомъ мѣсто для борцовъ.

Въ сторонѣ раздѣлялись двое бурятъ. Оставшіе въ однихъ интаняхъ, они засучили ихъ выше колѣнъ и старательно натерли руки пескомъ. Два бурята подошли къ нимъ, взяли ихъ подъ руки и подвели къ ламажъ. Борцы смиренно преклонили головы предъ старшимъ ламой; лама прочелъ надъ ихъ головами молитву и стукнулъ обоимъ по головамъ книжкой. Борцовъ отвели на средину площадки и оставили однихъ. Съ минуту они потоптались на одномъ мѣстѣ, потомъ начали придвигаться другъ къ другу, быстро наклоняясь къ землѣ, схватывали на ходу песокъ, натирали имъ руки, и вдругъ разомъ бросились одинъ на другого. Началась борьба. Долго возились борцы, не уступая другъ другу; долго пыжились они, стараясь свалить другъ друга на землю, но, послѣ продолжительныхъ усилій, они свалились оба и продолжали борьбу, валяясь по землѣ. Наконецъ одинъ изъ борцовъ успѣлъ забраться на другого и сталъ его давить. Дикіе глаза его налились кровью, у рта была пѣна. Изъ толпы выбѣжали нѣсколько человѣкъ и стащили побѣдителя съ его жертвы. Побѣжденный, едва поднявшись, скрылся въ толпѣ, а побѣдитель опять былъ подведенъ къ ламѣ и снова получалъ колотушку въ голову книгой.

Прошло нѣсколько времени. Запахъ араки еще разъ пронесся въ воздухъ, ламы пили чай и вкушали съ дощечекъ баранину. Публика шумно говорила, покуривая изъ коротенькихъ мѣдныхъ трубочекъ. Отдохнувшій послѣ побѣды, борецъ былъ опять подведенъ къ ламѣ и, послѣ обычнаго благословенія, снова вышелъ на площадку и сталъ важно расхаживать въ ожиданіи соперника. Соперникъ не замедлилъ явиться. Опять помялись они нѣсколько времени, хватая руками землю и быстро бросились одинъ на другого. Побѣдителемъ остался прежній герой. Его снова стащили съ противника и подвели къ ламѣ на благословеніе. Онъ переборолъ до десяти человѣкъ, и каждый разъ по окончаніи борьбы его подводили къ ламѣ.

Посидѣли ламы и гости, поѣли не одного барана, выпили нѣсколько котловъ биричнаго чаю, изрядное количество араки и потащились каждый къ своей юртѣ.

Тѣмъ и кончился бурятскій праздникъ.

II.

Прожилъ я на дачѣ цѣлое лѣто и въ это время коротко познакомился съ жизнію, нравами и обычаями бурятъ.

Буряты ведутъ жизнь кочевую, переселяясь въ теченіи лѣта нѣсколько разъ съ одного мѣста на другое, для доставленія скоту хорошаго корма. При переселеніи принимается въ расчетъ прежде всего то, чтобы на новомъ мѣстѣ была хорошая трава и какая нибудь вода; для бурята все равно, хороша эта вода, или дурна: онъ и изъ лужи напьется. Снимаютъ они кошмы съ юрты, собираютъ весь скарбъ свой, сложатъ на одноколки, и потянется обозъ, поскрипывая никогда немазанними колесами, къ новому мѣсту, оставивъ на старомъ одинъ только пепель и выжженные круги земли. Впереди таратаекъ всегда идетъ какая нибудь старуха-родоначальница, набожно нашептывая молитвы, и при переправѣ чрезъ ручей или ключъ, непременно бросаетъ въ воду мелкую монету, прося у боговъ позволенія на переправу. Переѣдутъ буряты на выбранное мѣсто, поставятъ юрту и, чрезъ часъ, другой, можно подумать, что они на этомъ мѣстѣ цѣлый вѣкъ жили.

Нѣкоторые на лѣто строятъ себѣ изъ бревенъ срубы, покрываютъ ихъ драньемъ, и въ такомъ незатѣйливомъ зданіи живутъ до осени. Наступитъ холода, поставитъ буряты свою войлочную юрту, разведетъ въ ней огонь и согрѣвается семья въ дымной и душистой юртѣ. Есть и такіе бѣдняки, что зиму и лѣто перебиваются въ одной юртѣ. Кошма во время лѣта отъ жаровъ и дождей сильно портится, и зимой въ такой юртѣ жить бываетъ очень холодно.

У бурятъ самое почетное мѣсто (непременно на сѣверъ) всегда занимаетъ шкафикъ съ бурханами. Достаточные буряты имѣютъ колоколь фунтовъ въ 6 или 7 и мѣдные тазы (тимпаны), въ которые они бьютъ во время совершенія молитвъ. Въ срединѣ юрты оставлено мѣсто для огня и надъ нимъ вверху отверстіе для дыма, которое зимою, по окончаніи топки, прикрывается кошмой, отчего въ юртѣ дѣлается дымно и угарно. Къ утру юрта выстываетъ, всѣ жмутся подъ бараньи шубы, и хозяйка спѣшитъ развести поскорѣе огонь. Пища бѣднаго класса—исключительно одинъ кирпичный чай, сваренный на водѣ съ примѣсью небольшого количества молока. Богатые сѣдаютъ немовѣрное количество баранины, но самое любимое блюдо-бурята—это внутренности быка, зажаренные съ кровью. Хлѣбъ у нихъ дѣлается самымъ простѣйшимъ способомъ: смѣшаютъ муку съ водой и сдѣланные такимъ образомъ

жатышки положить въ горячую золу,—вотъ и хлѣбъ готовъ. Многіе любятъ пить кумысъ (молоко кобылицы) и выпиваютъ его въ громадномъ количествѣ. Вино готовится изъ молока, остающагося отъ выдѣлки масла; молоко подвергается броженію и сохраняется потомъ въ деревянныхъ кадочкахъ. Это вино называется «араки». Кошмы или войлоки буряты дѣлаютъ сами (большую часть этотъ трудъ падаетъ на женщинъ) изъ шерсти своихъ барановъ. Дохлый рогатый скотъ употребляется въ пищу точно также, какъ и убитый. Нѣкоторые изъ бурятъ обязываютъ себя клятвою не ѣсть «падали» и исполняютъ это обѣщаніе, конечно, только при извѣстномъ достаткѣ; въ крайности-же и дохлая лошадь идетъ въ пищу и, пожалуй, иной разъ предпочитается даже невкусному кирничному чаю.

Главное богатство бурята заключается въ большомъ количествѣ крупнаго и мелкаго рогатаго скота и въ табунахъ лошадей. Украшеніе богатыхъ женщинъ составляетъ моржанъ—коралль краснаго цвѣта, величиною въ кедровый орѣхъ, а иногда и болѣе, смотря по состоянію. Цѣна моржана зависитъ отъ величины и цвѣта, приблизительно отъ 75 р. до 150 р. за фунтъ, въ которомъ заключается отъ 60 до 100 корольковъ. Одежда женщинъ, въ праздничные дни, состоитъ изъ парчи яркихъ цвѣтовъ, употребляемой у насъ въ церквяхъ, а также и изъ шелковыхъ матерій; шапки ихъ изъ бобровъ и соболей; на груди повѣшены русскія серебрянныя монеты, въ ушахъ серги, унизанныя въ нѣсколько рядовъ моржаномъ; на головѣ тоже украшенія, сдѣланныя изъ моржана, въ родѣ діадемы на рукахъ толстые, серебрянныя браслеты; сапоги шелковые, въ родѣ китайскихъ, съ толстыми подошвами. Дѣвицы носятъ прическу, состоящую изъ множества косицъ, убранныхъ моржаномъ; замужнія-же носятъ только двѣ косы, красиво лежащія по обѣ стороны груди и соединенныя нитями изъ моржана и серебра.

Конечно, въ менѣе состоятельномъ классѣ бурятъ, какъ и у всѣхъ народовъ вообще, серебрянныя украшенія замѣняются мѣдными, парчевыя и шелковыя ткани—простыми дешовыми и вмѣсто бобровыхъ и соболевыхъ шапокъ женщины носятъ мерлушатая. Но какъ бы ни была бѣдна семья бурята, хотя бы она нищенствовала. но улусамъ, а все-таки у каждой женщины сохраняется два-три зерна настоящихъ коралловъ, для украшенія въ праздничный день своей прически. Китайцы ухитрились приготовить изъ рису нѣчто похожее на моржанъ, и это дешовое украшеніе въ большомъ количествѣ расходуется по всей Монголіи, достигая и до бурятъ.

Женщина въ бурятской семьѣ работаетъ гораздо больше, чѣмъ

мужчина. Утромъ она встанетъ первая, разведетъ въ юртѣ огонь, заваритъ кирпичный чай и отправляется доить коровъ. Кончивъ это дѣло, бурятка возвращается въ юрту поить ребятишекъ чаемъ и потомъ опять уходитъ, гнать скотъ на водопой. Мужъ въ это время проснется, почешется, потянется и, лѣнливо поднявшись съ кошмы, пьетъ оставленный для него въ котелкѣ чай и покуриваетъ свою трубочку; жена, возвратившись съ водопою, сѣдлаетъ ему коня, и буряты ѣдутъ верхомъ по дѣлу или просто гуляютъ по знакомымъ улусамъ. Жена между тѣмъ прибирается въ юртѣ, что ни будь шьетъ, дѣлаетъ войлоги или выминаетъ въ мялкѣ кожу. Мужъ возвращается послѣ своей прогулки и жена разсѣдливаетъ коня, а онъ себѣ посиживаетъ у юрты или заваливается на кошму съ неизмѣнной своей спутницей—трубкой. Женщины нерѣдко занимаются къ русскимъ жать хлѣбъ или косить траву. Для своихъ же стадъ и табуновъ буряты сѣна не заготовляютъ, предоставляя имъ цѣлую зиму перебиваться какъ и тѣмъ угодно. Скотъ, питающийся ветошью, въ теченіе зимы исхудаетъ, ребры его высунутся, движенія сдѣлаются медленны и слабы.—Ничего, думаетъ буряты:—вотъ наступитъ весна,—поправится; и дѣйствительно съ наступленіемъ весны, когда появится сочная, питательная зелень, скотъ въ двѣ-три недѣли откармливается и поправляется, какъ будто и не постился никогда.

Нѣкоторые буряты уходятъ въ городъ на заработки и занимаются къ русскимъ плотниками и землекопамъ—другихъ работъ они не знаютъ. Впрочемъ, въ послѣднее время буряты начинаютъ понимать выгодную сторону хлѣбопашества и мало по малу принимаютъ, хотя и въ незначительной степени, за этотъ благодарный трудъ.

III.

Совершая свои молитвы, буряты становятся на колѣни предъ бурханами, складываетъ ладони рукъ и, поднимая ихъ ко лбу, приговариваетъ какія-то слова. Болѣе религіозные, кромѣ обыкновенной молитвы, еще устрояютъ около юрты вертищеса отъ вѣтра столбики, написанные разными молитвами. Нѣкоторые отъ этого столбика проводятъ веревку въ юрту и, подергивая ее, приводятъ въ движеніе столбикъ; движеніе столбика вокругъ своей оси, по понятіямъ бурята, замѣняетъ его личныя молитвы. Сколько разъ повернется столбикъ, столько разъ число молитвъ, уписанное на немъ, зачтется въ заслугу бурята.

— Дальджема! кричитъ какой нибудь старикъ своей вѣчной работницѣ-женѣ:—дай-на мнѣ добрую чашку араки.

Дальджема приноситъ араку. Выпить старикъ охмѣляющее питье и, дернувъ нѣсколько разъ проведенную отъ столбика веревку, спокойно завалился спать. Это значитъ, что онъ помолился.

Если не каждый богатый буряты, то большая часть изъ нихъ, считаетъ неизменною своею обязанностію хотя одинъ разъ въ жизни сходить въ г. Ургу на поклоненіе живому богу—Хутухтѣ. Городъ Урга, отстоящій на триста верстъ отъ Кяхты, небольшой монгольскій городъ съ дворцомъ для Хутухты. Этотъ городъ кажется и построенъ для его резиденціи; въ народѣ онъ называется «ламскій городъ», потому что при Хутухтѣ находится до десяти тысячъ ламъ.

Отправляется монголь или буряты въ Ургу и несутъ съ собою, по силѣ возможности, соборей, серебра, а иногда и золота. Придетъ онъ въ Ургу — услужливые ламы не откажутъ ему въ принятіи жертвы и позволятъ полежать, растянувшись на землѣ, предъ входомъ во дворецъ живого бога. Полежитъ поклонникъ минуты двѣ-три передъ дворцомъ, пошепчетъ молитвы, выскажетъ свои задушевные просьбы и отправляется въ обратный путь, исполнивъ свой религиозный долгъ. Видѣтъ Хутухту никто никогда не можетъ, кромѣ приближенныхъ, старшихъ ламъ. Онъ живетъ себѣ во дворцѣ съ дѣтства и откармливается на убой до 18—20 лѣтняго возраста. Къ этому времени, по ученію ламъ, душа его переселяется въ душу какого нибудь дитяти изъ благочестиваго семейства въ Тибетѣ, а тѣло улетаетъ на небо. Когда наступаетъ подобный торжественный день, ламы, съ разными приличными случаю церемоніями, отправляются въ Тибетъ, отыскиваютъ тамъ какое нибудь богатое благочестивое семейство и объявляютъ ему, что Хутухта, какъ видно изъ священныхъ тибетскихъ книгъ, переселился въ душу ихъ сына. Семейство, конечно, жертвуетъ ламамъ богатые дары, а маленькое дитя съ почестями перевозится въ Ургу. Проходитъ извѣстное количество лѣтъ; мальчикъ подростаетъ, откармливается, ублажаемый приближенными ламами, и впоследствии, по всей вѣроятности, его тоже убиваютъ и замѣняютъ новымъ, котораго ожидаетъ та же несчастная участь. Конечно, дѣло понятное,—чѣмъ чаще душа Хутухты будетъ переходить въ маленькихъ дѣтей изъ благочестивыхъ и богатыхъ семействъ,—тѣмъ выгоды ламамъ...

Я былъ знакомъ съ однимъ ламой, только что возвратившимся изъ путешествія въ Ургу.

— Что, лама, ты, говорятъ, въ Ургу ходилъ? спрашивалъ я.

- Какъ не ходить,— ходилъ, отвѣчалъ лама, почесывая лобъ.
 — Что-же, ты отнесъ туда серебро или золото?
 — Отнесъ немного...
 — А что именно?
 — Три соболя отнесъ, два золотыхъ и пятнадцать серебряныхъ денегъ,—пересчитываетъ по пальцамъ лама.
 — Зачѣмъ-же ты такъ много отнесъ, поменьше бы?
 — Ничего ужъ... отнесъ... задумчиво говорилъ буряты.
 — Кому-же ты ихъ тамъ отдалъ?
 — Тамъ большому ламѣ отдалъ... живому богу молился.
 — Ты видѣлъ, что-ли, живого бога?
 — Его самаго не видѣлъ, а домъ его видѣлъ,—большой такой...
 — Какъ же ты не видѣлъ? ты вѣдь лама?
 — Мнѣ нельзя его видѣть: я маленький лама. Серебро я отдалъ, соболей и золото далъ—все взялъ большой лама.
 — А тебѣ не жаль денегъ?
 — Зачѣмъ жаль? Зато живому богу помолился, говорилъ задумчиво буряты и по обыкновенію потиралъ ладонью лобъ.

Въ Ургѣ, кромѣ Хутухты, есть еще пророки—гычены. Эти хотя и не отличаются безсмертіемъ, но имѣютъ тоже нѣкоторыя особенности, доставляющія имъ и деньги, и почетъ. Гычены, большею частію, пустынники и отшельники, и къ нимъ обращаются, какъ къ людямъ, которымъ боги за ихъ святую жизнь открываютъ будущее. Желаящіе приподнять хотя кончикъ таинственной завѣсы будущего, приносятъ къ этимъ почтеннымъ старцамъ серебро, золото, соболей и получаютъ отвѣты на свои вопросы (*).

IV.

Во время беременности женщину каждый мѣсяцъ посѣщаетъ лама и читаетъ надъ ней молитвы о благополучномъ ея разрѣшеніи. По разрѣшеніи отъ бремени, лама съ подобающею важностію перелистываетъ священную книгу, отыскивая въ ней указаніе на тотъ счастливый день, въ который можно совершить обрядъ крещенія. Этотъ обрядъ заключается въ чтеніи молитвъ на тибетскомъ язы-

(*) У буряты, какъ и у всѣхъ азійскихъ народовъ, есть еще шаманы-духовидцы, но о нихъ я считаю лишнимъ говорить, такъ какъ они довольно подробно описаны Гартвигомъ и многими другими.

кѣ. Новорожденнаго моютъ и даютъ ему имя, по имени перваго гостя, вошедшаго въ юрту.

Однажды, во время обряда, вошелъ въ юрту русскій священникъ; новорожденный была дѣвочка. Буряты пришли въ страшное недоумѣніе и не знали, какъ назвать дитя. Священникъ замѣтилъ ихъ затрудненіе.

— Да кто у васъ родился-то? спросилъ онъ.

— Дѣвчонка родилась, объяснили буряты, переглядываясь между собой.

— Ну такъ что-же? Назовите ее Машкой и конецъ дѣлу, сказалъ тутъ священникъ.

Такъ и назвали. Дитя выросло и осталось навсегда подъ именемъ *Машки*.

По окончаніи каждаго обряда: крещенія, свадьбы или погребенія— лама получаетъ для кумирни приношеніе въ видѣ коня, быка, барана или кирпичнаго чаю, смотря по достатку дающаго. Давая приношеніе, буряты не заботятся о томъ, чтобы лама доставилъ его въ кумирню; онъ крѣпко вѣритъ, что отдавъ жертву богу, а если принявшій лама утантъ даръ въ свою пользу, то самъ же и отвѣтитъ предъ богомъ.

Въ каждой семьѣ бурятской, одинъ изъ сыновей отъ рожденія назначается въ ламы. Это назначеніе открывается тоже чрезъ священныя тибетскія книги, гдѣ будто-бы значится, быть-ли ребенку ламой, или нѣтъ. Если быть, то будущій лама отдается въ ученіе тибетскому языку и медицинѣ; но большая часть ихъ, конечно, ничего не смыслятъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Лама можетъ жениться, какъ слѣдуетъ, только въ такомъ случаѣ, если въ его семьѣ нѣтъ братьевъ. Если-же у него есть женатый братъ, то лама пользуется его женою, какъ собственной. Нѣкоторые утверждаютъ, что у братьевъ въ этомъ случаѣ составляется компанія, и этому, пожалуй, можно вѣрить, потому что буряты, даже ради гостепрѣимства, уступаетъ по чужому у него въ юртѣ дорогому гостю—свою жену, а иногда и незамужнюю дочь. Это вполнѣ въ нравахъ бурятскихъ и этимъ особенно пользуются ламы. Та дѣвица, которая забеременѣла отъ ламы, скорѣе другихъ найдетъ себѣ мужа, такъ какъ связь ея съ ламой считается чѣмъ-то священнымъ. Если-же беременность получилась отъ связи ея съ простымъ смертнымъ, то этотъ смертный долженъ взять свое дитя къ себѣ.

Дѣти въ бурятской семьѣ находятся въ полномъ и безусловномъ повиновеніи у своихъ родителей, и когда сынъ достигаетъ такого возраста, что можно его женить—отецъ выбираетъ ему невѣсту и

посылаетъ сватовъ къ ея родителямъ. Сваты торгуются о калымѣ, то есть, сколько долженъ дать женихъ за невѣсту голову скота, сколько серебра и проч. По окончаніи торговъ, сватовъ угощаютъ аракой и бараниной; приглашаются въ юрту жениха ламы и опять раскрываютъ они свои священныя книги, отыскивая въ нихъ день, въ который можно совершить свадебный обрядъ.

Къ дѣвицѣ, просватанной замужъ, собираются ея подруги и живутъ у нея по нѣскольку дней, приготавливая приданое. Вскорѣ послѣ сватанья, отцу невѣсты доставляется часть калыма, остальная же часть выдается внослѣдствіи, смотря по условію. Наканунѣ свадьбы, какъ у невѣсты, такъ и у жениха, убиваютъ барановъ и быковъ для угощенія будущихъ гостей. Богатые бураты за нѣсколько дней до свадьбы дѣлаютъ вечера, на которыхъ однако женихъ не участвуетъ. На этихъ вечерахъ, кромѣ ближнихъ родственниковъ, никого изъ постороннихъ не бываетъ;—посиживаютъ только собравшіеся родственники вокругъ чайнаго котелка, попиваютъ чайкъ и толкуютъ о предстоящей свадьбѣ, о калымѣ, о достоинствахъ невѣсты, и проч.

— Работница будетъ хорошая...

— Большая дѣвка, здоровая...

— Да и калымъ не дорогой дали... Дѣвка отличная!

Въ день свадьбы женихъ съ своими друзьями отправляется къ юртѣ невѣсты; ея подруги, завидя приближающихся молодыхъ, становятся въ кругъ и составляютъ изъ себя цѣпь, слетаясь руками; въ средину этого круга становится невѣста. Женихъ съ друзьями стараются разорвать цѣпь и вырвать изъ круга невѣсту. Пискъ и визгъ поднимается ужасный, подруги защищаютъ невѣсту, насколько хватаетъ у нихъ силы и, не имѣя болѣе возможности сопротивляться напору нападающихъ, уступаютъ наконецъ невѣсту друзьямъ жениха. Взявъ приступомъ невѣсту, друзья жениха одѣваютъ и закутываютъ ее въ шубы или тлани, сажаютъ верхомъ на лошадь, и процессія съ невѣстой уѣзжаетъ въ поле; слѣдомъ за ней уходитъ и обозъ съ приданнымъ. Женихъ возвращается назадъ въ свою юрту, гдѣ ожидаютъ его родные и они, всѣ вмѣстѣ, отправляются верхами въ поле, отыскивать невѣсту. Ыдутъ они турьбой по степи, видятъ расположившіяся таборомъ поѣзды невѣсты, но нарочно стараются проѣхать мимо. Ламы, важно засѣдающіе гдѣ нибудь по близости у ручья,—останавливаютъ этотъ поѣздъ жениха, сирашивая: куда вы ѣдете и кого вы ищете?

— Мы ѣдемъ по степи, отвѣчаютъ ѣдущіе и ищемъ мы корову, у которой рога серебрянныя, хвостъ шольвовый, копыта золотыя и

вѣсто глазъ горять яркіе драгоцѣнные камни. Не видали-ли вы такой коровы?

— Видѣли, отвѣчаютъ ламы: мы сидѣли здѣсь у ручья, а она бѣжала мимо; мы остановили ее и взяли въ свой таборъ.

— Отдайте-же ее намъ—она наша, просятъ со стороны жениха. Ламы нѣсколько времени не хотятъ отдавать, но потомъ соглашаются и тогда оба поѣзда, соединившись вѣвѣстѣ, отправляются къ юртѣ жениха. Тутъ читаются священныя книги, невѣсту переодеваютъ въ другое платье и затѣмъ начинается свадебный пиръ.

Такъ какъ въ юртѣ жениха помѣститься всѣмъ гостямъ нѣтъ никакой возможности, то большая часть гостей разсаживаются около юртъ. Время для свадебнаго пира всегда назначается къ вечеру и продолжается до утра. Много съѣдается тутъ варенаго и жаренаго мяса, много выпивается араки и кумысу и еще больше кырпичнаго чаю. Публика располагается небольшими группами, и въ срединѣ каждой группы непременно раскладываютъ костеръ. Молодые гости составляютъ пляски, старики мурлычатъ пѣсни или сосутъ свои коротенькія трубки; нагіе ребятишки бѣгаютъ около огня; кой гдѣ буряты борятся, поощряемые зрителями; собаки подбираютъ обглоданныя кости... Поздно ночью оканчивается этотъ праздникъ; и гостей большею частію развозятъ уже въ одноволокъ, такъ какъ они бывають не въ состояніи возвратиться домой верхомъ.

Первую ночь невѣста проводитъ не съ своимъ женихомъ, а съ кѣмъ нибудь изъ ея или его друзей, смотря по ея выбору. Этотъ обычай нѣкоторые буряты оправдываютъ тѣмъ, что невѣста остается въ эту ночь неприкосновенной; другіе однако при этомъ хитро посмѣиваются и говорятъ двусмысленности. Кто ихъ знаетъ, что это за обычай? Вѣрно только то, что женихъ увидитъ свою молодую жену только на второй день послѣ свадьбы, и тогда уже у нихъ начнется настоящая супружеская жизнь.

Цѣлый мѣсяць послѣ свадьбы, молодая живетъ барыней, почти ничего не дѣлаетъ, и лишь изрѣдка возьмется за какую нибудь ничтожную работу. Къ концу мѣсяца она съѣздитъ къ своимъ роднымъ, поживетъ у нихъ недѣльку-другую и, возвратившись къ мужу, принимаетъ уже на себя всѣ тяжелыя обязанности жены-работницы.

Буряты можетъ имѣть въ одно время не болѣе двухъ женъ. Разводъ допускается закономъ только въ такомъ случаѣ, если разводимые дадутъ обѣщаніе болѣе никогда не вступать въ бракъ,

Официальные разводы бывают весьма рѣдко и не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго. Сидятъ себѣ дамы въ своихъ жолтыхъ и красныхъ костюмахъ, читаютъ священныя книги, старшій изрѣдка позваниваетъ въ колокольчикъ—вотъ и весь обрядъ. Большею частію разводы бываютъ безъ участія дамъ, по обоюдному согласію супруговъ, а иногда просто жена убѣжить отъ мужа, и въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ право требовать калымъ назадъ, но если мужъ оставляетъ жену, то калымъ ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

Оставившая мужа или оставившій жену можетъ съ разрѣшенія дамъ снова вступить въ бракъ, и этотъ законный бракъ можно повторять сколько угодно разъ. Точно также и послѣ смерти жены, буряты можетъ снова жениться — законъ дозволяетъ ему бракъ, пожалуй, если хотите, до ста разъ; соблюдается только, чтобы въ одно время не было болѣе двухъ жёнъ.

V.

У буряты часто можно встрѣтить барановъ, быковъ и лошадей, увѣшанныхъ разноцвѣтными тряпками, вилетенными и привязанными къ гривѣ, рогамъ и хвосту. Это — священныя особы, и пугать, бить, а тѣмъ болѣе убивать ихъ считается величайшимъ грѣхомъ. Случилось мнѣ видѣть четырехърогаго барана, остановившагося у самаго входа въ юрту. Буряты стоялъ поодаль и не смѣлъ отогнать его отъ дверей.

— Что ты стоишь такой испуганный? спросилъ я.

— Да вотъ баранъ...нерѣшительно отвѣчалъ буряты.

— Ну что же, баранъ?

— Юрту заслонилъ — пройти нельзя...

— Отгони его — не съѣсть вѣдь.

— О! нельзя. Подожду мало — уйдетъ...

Дѣйствительно баранъ постоялъ, потерялъ рогами о кошму и пошелъ дальше, къ радости буряты, нетерпѣливо ожидавшаго его ухода.

Во время сильной бури, продолжительныхъ дождей, грома, молніи и землетрясеній, буряты и ихъ дамы начинаютъ совершать моленіе предъ бурханами; нерѣдко во время землетрясеній вырываютъ они ямы, въ которыя кладутъ жертвы—золото, серебро или кораллы для умилостивленія разгнѣванныхъ божествъ.

Умирая, бурята приглашаютъ къ себѣ ламу и исповѣдуются.

Богатый еще при жизни дѣлаетъ завѣщаніе: сколько дать въ кумирню, сколько оставить семьѣ и сколько положить съ собой въ гробъ, въ видѣ выкупа за землю. Послѣ его смерти, приходятъ нѣсколько ламъ, читаютъ священныя книги, бьютъ въ тимпаны и по книгамъ же назначаютъ день, въ который слѣдуетъ тѣло предать землѣ, и мѣсто, гдѣ зарыть покойника. Случается, что въ ожиданіи погребенія умершій лежитъ по пяти и шести дней въ юртѣ и разлагается, распространяя на полверсты кругомъ ужасную вонь. Подобное замедленіе, по рассказамъ нѣкоторыхъ бурятъ, бываетъ отъ того, что ламѣ мало дадутъ за труды, и священная книга, по его расчету, показываетъ отдаленный срокъ погребенія.

На мѣстѣ, выбранномъ для погребенія умершаго, собираются ламы, разстилаютъ на землю войлокъ, на войлокъ кладутъ черную баранью шкуру, а на черную — бѣлую и тогда уже начинается чтеніе священныя книги и поклоненіе богамъ, чтобы они позволили вырыть яму для могилы. Послѣ чтенія молитвъ, покойника опускаютъ въ землю. Со всѣхъ четырехъ сторонъ въ могилѣ ставятъ изъ чистаго бѣлаго стекла баночки, наполненныя серебромъ или золотомъ — это выкупъ за землю. Потомъ закопаютъ гробъ, сдѣлаютъ сверху насыпь земли, наставятъ кругомъ жердей и обтянутъ ихъ веревками. На веревки повѣсятъ разноцвѣтныя тряпки и бумажки, исписанныя молитвами, и онѣ, колыхаясь отъ вѣтра, будутъ, по понятіямъ бурятъ, замѣнять умершему молитвы. Совершивъ тризну на могилѣ, родственники покойнаго, вмѣстѣ съ ламами, отправляются обратно въ юрту.

Понятія бурятъ о загробной жизни нѣсколько схожи съ христіанскими. Они вѣрятъ, что наступитъ такой день, когда вся земля разрушится и Богъ придетъ судить и разбирать дѣла людей. Грѣшныхъ велитъ бросать въ ямы—или холодныя, со льдомъ, или горячія, съ пылающими дровами, смотря по грѣхамъ. Умершій, переходя въ новый міръ, встрѣтитъ по дорогѣ всѣхъ обиженныхъ, обманутыхъ и обчитанныхъ имъ, которые будутъ къ нему приставать и требовать удовлетворенія; нѣкоторые изъ грѣшныхъ увидятъ дерево, на верху котораго будутъ сидѣть ихъ знакомые и звать ихъ къ себѣ, рассказывая прелести и удобства ихъ помѣщенія. Грѣшники полѣзутъ къ нимъ на дерево, но, царапаясь объ иглы и шипы, будутъ обрываться внизъ, и снова потомъ взбираться, до безконечности...

Нѣкоторые изъ ламъ говорятъ, что мученія грѣшныхъ вѣчно продолжаться не могутъ, потому что Богъ, создатель всего міра, очень добрѣ и непремѣнно проститъ грѣшныхъ, помучивъ ихъ

нѣсколько времени. Праведныхъ ожидаетъ блаженство, состоящее изъ всякаго рода наслажденій, конечно, во вкусѣ азіатскомъ.

Богослуженіе бурятъ, кромѣ описаннаго чтенія священныхъ тибетскихъ книгъ, совершается нѣсколько разъ въ году въ большихъ кумирныхъ. На эти богослуженія призываетъ главный лама, называемый хамба-лама. Это начальникъ надъ всѣмъ бурятскимъ духовенствомъ и пользуется большимъ почетомъ между бурятами за непомвѣрную тучность своего тѣла. Всѣ хамба-ламы, умершаго въ 1861 году, доходилъ до 10 пудовъ.

VI.

Давно уже русское духовное начальство заботится о распространеніи христіанства между бурятами. Какъ шло и какъ продолжается теперь это распространеніе, мнѣ неизвѣстно; но въ бытность мою въ Иркутскѣ мнѣ пришлось слышать нѣсколько фактовъ, которые я считаю нелишнимъ передать.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, буряты вдругъ цѣлыми улусами стали принимать крещеніе. Духовное начальство было, конечно, очень радо такому усиѣху ихъ проповѣди. Но чрезъ нѣсколько времени обращеніе въ христіанство такъ же быстро остановилось, какъ и началось.

— Что такое сдѣлалось съ ними? думали недоумѣвающіе проповѣдники.

Оказалось, что буряты принимали православную вѣру, потому только что освобождались этимъ отъ вліянія ихъ ролового князька, слишкомъ усердно эксплуатировавшаго ихъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ (*). Князекъ, замѣчая потерю своего вліянія, отправился въ Иркутскъ и самъ со всей семьей своей тоже перешелъ въ христіанскую вѣру, но онъ умѣлъ устроить ихъ дѣла такъ, что съ крещеніемъ снова получилъ власть, какъ надъ обращенными въ православіе, такъ и надъ оставшимися въ старой вѣрѣ бурятами. Съ этого-то времени буряты не такъ ревностно стали переходить въ православіе....

(*) Буряты раздѣляются на множество отдѣльныхъ родовъ, управляемыхъ родовыми князьками. Каждый родъ состоитъ иногда изъ тысячи или болѣе чело­вѣкъ, въ большинствѣ случаевъ неизюющихъ степени родства между собою. Это устройство отчасти напоминаетъ кланы шотландскихъ горцевъ.

Бывали такіе случаи, что бѣдный буряты принималъ крещеніе по нѣскольку разъ. Окрестить его разъ, одѣнуть, обуять, и сладко накормятъ; пойдетъ онъ въ свой улусъ рассказывать своимъ о хорошей русской вѣрѣ и чрезъ нѣсколько времени снова является, подъ другимъ именемъ, объявляя о желаніи перейти въ христіанство. Опять онъ получаетъ крестъ, рубашку, халатъ, шапку, сапоги и проч.

Рассказывали, что хамба-лама, получая отъ русскаго правительства извѣстныя права, обязывается не мѣшать распространенію христіанства между бурятами. Мѣшаетъ онъ или нѣтъ—кто знаетъ? извѣстно только то, что доходъ съ бурятскихъ кумирень онъ получаетъ въ весьма приличномъ количествѣ и терять его во всякомъ случаѣ ему было-бы очень прискорбно...

Въ послѣднее время русская миссія имѣетъ свою резиденцію въ посольскомъ монастырѣ на берегу Байкала. Одинъ мой знакомый былъ очевидцемъ, какъ наши миссіонеры обращаютъ буряты.

Большая часть буряты знаютъ порусски, но при появленіи незнакомаго лица, кто-бъ онъ ни былъ, на отрѣзъ отказываются отъ этого знанія: — толмачъ учный (переводчика нѣтъ) — да и только, хоть вы ихъ принуждайте угрозами, хоть упрасивайте, буряты все будутъ отдѣлываться своимъ: — толмачъ учный, — пока не увидятъ безопасности разговора порусски. Пріѣзжаетъ миссіонеръ въ бурятскій улусъ и, получивъ «толмачъ учный», начинаетъ говорить чрезъ переводчика. Буряты стоятъ и сидятъ около него въ юртѣ и, по-видимому, со вниманіемъ слушаютъ проповѣдь миссіонера. Долго и много говоритъ миссіонеръ, буряты все слушаютъ, тиконько задыхая и почесывая лбы.

— Ну что-же, бѣдныя дѣти степей, видите-ли какаа прекрасная, святая и чистая вѣра христіанская! заключаетъ свою рѣчь миссіонеръ.

— Вѣра хороша; славная, хорошая вѣра, отвѣчаютъ ему нѣкоторые изъ буряты, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ну такъ что-же еще думать? принимайте святое крещеніе, будете дѣти православной церкви и угодни Господу Богу, — избавитесь отъ вѣчной муки, которая васъ ожидаетъ за поклоненіе поганымъ и сквернымъ идоламъ...

Буряты слушаютъ, сохраняя молчаніе.

— Что-же вы задумались, несчастныя жертвы ада и вѣчныхъ мукъ? Неужели вы предпочитаете вашу грѣховную вѣру истинному и праведному ученію Христову? спрашиваетъ миссіонеръ.

— Вѣра ужь хороша, больно хороша, чудная вѣра! говорить опять буряты, почесывая плохо выбритые лы.

— Тамъ что-же еще вамъ нужно? Сами поняли, что хорошая вѣра, — слышите-же принять святое крещеніе.

— Холодна теперь больно погода; вотъ ужь лѣто подойдетъ, тепло будетъ, тогда ужь можно креститься, отговариваются буряты.

Миссіонеръ убѣждаетъ въ полной убѣренности, что съ наступленіемъ лѣта буряты перейдутъ въ православіе. Прибѣгаетъ онъ лѣтомъ и начинаетъ опять уговаривать буряты.

— Ну, вотъ и лѣто наступило благодатное! «пріецо день спасенія», слышите прикнуть къ стаду Христову, говоритъ онъ имъ.

— Теперь тепло ужь, больно тепло, — отвѣчаютъ буряты, — можно креститься... только вотъ что... ребята наши всѣ по полямъ... кто свѣтъ пасеть, кто чего... Вотъ ужь осенью вода соберутся, тогда и креститься хорошо будетъ...

Прибѣгаетъ миссіонеръ осенью и начинаетъ снова доказывать бурятамъ преимущества христіанской вѣры предъ мечестивымъ идолопоклонствомъ. Опять поддакиваютъ ему буряты — хоро-о-шая вѣра, чудная вѣра! — и опять отнѣкиваются подъ какииъ нибудь предлогомъ.

Одинъ изъ торчащихъ миссіонеровъ, вѣроятно не имѣя силъ вынести подобныя отговорки, сожегъ ихъ кумирню, желая этимъ доказать бурятамъ, что боги ихъ безсильны и не спасутъ своего погананаго храма.

Боги дѣйствительно оказались безсильны: сухія бревна стараго здания скоро окватило пламя, вѣтерокъ явился на подмогу и въ полчаса кумирня сгорѣла до основанія. Буряты стояли, смотрѣли и молчали. Миссіонеръ сазалъ имъ еще нѣсколько поученій, приводя въ примѣръ безсиліе ихъ поганыхъ боговъ, Буряты опять слушали и опять похвалили русскую вѣру.

— Хоро-о-шая, чудная вѣра.

Миссіонеръ убѣжалъ въ посольскій монастырь. Но не прошло мѣсяца, какъ буряты составили прошеніе и подали его въ Иркутскъ. Писали они, что миссіонеръ сожегъ ихъ кумирню и всѣхъ боговъ, въ ней находившихся, и что вмѣстѣ съ ихъ богами сгорѣла икона, чтимаго ими Николая Чудотворца.

Чѣмъ кончилось это дѣло — мнѣ неизвѣстно.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИДЕИ ОГУСТА КОНТА.

Х.

Въ римскомъ политизмѣ религія совершенно подчинена политикѣ, которая имѣетъ строго-завоевательное направленіе, обусловленное характеромъ и географическимъ положеніемъ римскаго народа. Римъ обязанъ своими обширными завоеваніями не столько храбрости легионовъ, сколько хладнокровной расчетливости сената и народа. Храбростью отличались всѣ древніе обитатели Европы; и самнитане, и греки, и македоняне, и галлы, и иберійцы — всѣ они были чрезвычайно воинственны и неудержимо храбры; а между тѣмъ только однимъ римлянамъ досталось господство надъ древнимъ міромъ. Завоевателей въ древности было очень много, но результаты ихъ подвиговъ исчезали обыкновенно вмѣстѣ съ ихъ личностями и не могли образовать никакой прочной связи между покоренными народами. Всѣ великія монархіи передней Азіи — вавилонская, ассирійская, персидская — были только конгломератами народовъ, платящихъ дань общему побѣдителю, но нисколько не связанныхъ между собою единствомъ законовъ, обычаевъ, вѣрованій, образованія, промышленной жизни и административныхъ учреждений. Александръ Македонскій первый задумалъ произвести дѣйствительное сліаніе между побѣжденными національностями, и его завоеванія, не смотря на крайнюю непродолжительность его собственной жизни и не смотря на бездарность его преемниковъ, распространили греческую цивилизацію въ передней Азіи и въ сѣверовосточной Африкѣ. Но прочное покореніе и глубокое объединеніе рѣзко обозначенныхъ народностей древняго міра составляло такую колоссальную задачу, которая далеко

превышала силы отдѣльной личности и которую могъ рѣшить въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій только цѣлый народъ, одаренный всѣми важнѣйшими качествами воина и администратора. Такимъ народомъ оказались римляне.

Римляне не были ни фанатиками, ни мыслителями, ни художниками, ни героями; они были преимущественно ростовщиками и клезниками. Добродѣтельный Катонъ называетъ божественнымъ того человѣка, который, въ теченіе своей жизни, приобретаетъ больше богатствъ, чѣмъ сколько оставили ему его предки. Пламенный патриотъ Брутъ, зарѣзавшій Цезаря, бралъ, или точнѣе, драгъ съ своихъ должниковъ по *сорока восьми* процентовъ. «Лихоимство, говоритъ Тацитъ (Annal. VI, 16), было у насъ стариннымъ порокомъ и самую обыкновенную причину нашихъ раздоровъ и нашихъ возмущеній. Законы противъ лихоимства нарушались самими сенаторами, изъ которыхъ ни одинъ не былъ чистъ отъ подобныхъ злоупотребленій.» Трудно себѣ представить, чтобы римляне могли когда нибудь серьезно составлять законы противъ лихоимства. Законы XII таблицъ предоставляють, напротивъ того, кредитору такую безграничную власть надъ должникомъ, которая многимъ новымъ историкамъ показалась даже неправдоподобною и которая, конечно, могла дѣйствовать на ростовщиковъ только самымъ поощряющимъ образомъ. Вотъ текстъ закона, какъ переводитъ его Мишле (Histoire romaine, I, 2.): «Пусть его (должника) зовутъ въ судъ. Если онъ не пойдетъ, возьми свидѣтелей, заставь его. Если онъ будетъ медлить и попыбуетъ бѣжать, захвати его. Если старость или болѣзнь мѣшаютъ ему явиться, дай ему лошадь, но носилокъ не нужно. За богача—пусть ручается богачъ; за пролетарія —кто захочетъ. Когда долгъ признанъ и дѣло обсужено, — тридцать дней отсрочки. Потомъ пусть его схватятъ и вѣдутъ къ суду. Закатъ солнца закрываетъ судъ. Если онъ не удовлетворяетъ требованіямъ суда, если никто за него не ручается, кредиторъ уведетъ его къ себѣ и привяжетъ его ремнями или цѣпами, вѣсомъ въ пятнадцать фунтовъ; меньше пятнадцати фунтовъ, если того хочетъ кредиторъ. Пусть узникъ кормится своею пищею. Или же дайте ему фунтъ муки, или больше, смотря по вашему желанію. Если онъ не заплатитъ, держите его въ оковахъ шестьдесятъ дней; между тѣмъ приводите его въ судъ три раза, въ базарные дни, и объявляйте публичкѣ, на какую сумму простирается долгъ. На третій базарный день, если

окажется нѣсколько кредиторовъ, пусть они разрѣжутъ тѣло должника. Если они отрѣжутъ больше или меньше, пусть они за то не подвергаются отвѣтственности. Если они хотятъ, они могутъ продать его въ чужія земли, за Тибръ.»—Текстъ закона самъ по себѣ такъ выразителенъ, что онъ лучше всякихъ пространныхъ разсуждений обрисовываетъ народный характеръ римлянъ, неустрашимо доводившихъ свое уваженіе къ священнымъ правамъ капитала до хладнокровнаго и методическаго разрѣзыванія несостоятельнаго человѣческаго тѣла, которое, въ эту тяжелую минуту, могло успокаивать себя тѣмъ разсужденіемъ, что его рѣжутъ на самомъ законномъ основаніи и съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ формальностей. У римлянъ былъ еще другой законъ, изъ котораго усматривается, что римляне умѣли превращать въ наличныя деньги даже своихъ родныхъ и законныхъ дѣтей. Этотъ законъ говоритъ, что отецъ имѣетъ право продать сына въ рабство *только три раза*. Это значить, что сынъ, проданный своимъ отцомъ и отпущенный на волю покупщикомъ, возвращается подъ власть отца, который имѣетъ полное право продать его *вторично*; если второй покупатель также отпуститъ его на волю, то отецъ опять овладѣваетъ имъ и можетъ продать его *въ третій разъ*. Послѣ *третьей* продажи, отецъ уже теряетъ надъ сыномъ всякую власть.—Существованіе такого закона доказываетъ очевидно, что многіе отцы дѣйствительно торговали своими дѣтьми, и что общественное мнѣніе относилось къ подобной торговлѣ очень снисходительно. Ясное дѣло, что законодателю никогда не приходится въ голову фантазія ограничивать извѣстными постановленіями такіе поступки, къ которымъ данное общество не обнаруживаетъ ни малѣйшей наклонности.

Кляузничество римлянъ наложило свою печать на всё явленія ихъ частной, общественной и государственной жизни. Постоянно стараясь поживиться чужимъ достояніемъ, нарушая на каждомъ шагѣ чужія права, римляне въ то же время обнаруживали самое глубокое уваженіе къ формальной сторонѣ всякихъ договоровъ, условій, законовъ, обычаевъ, традицій и церемоній. Объявляя какому нибудь народу войну, римляне всегда устраивали такъ, что эта война, чисто завоевательная съ ихъ стороны, принимала видъ вынужденной обороны. Римляне всегда прикидывались обиженными и надѣялись этимъ маневромъ обезпечить за собою содѣйствіе высшихъ силъ. При объявленіи войны соблюдались всегда извѣстныя формальности.

До каких ребяческих уловок доводило римлян их стремление сражаться постоянно за правое дело — это всего лучше видно из их поступка с самнитянами. Самнитский генерал, Кай Понций, окружил римскую армию в узком горном проходе, и, вместо того, чтобы уничтожить ее, заключил с консулом Постумием мир, выгодный для самнитяв. Сенат отказался утвердить этот договор, отговариваясь тем, что этот договор, заключенный без ведома народа и без участия жрецов-фециалов, не имеет никакой обязательной силы. Это мнение было высказано самим Постумием, который требовал только, чтобы, для соблюдения закона, фециалы выдали самнитянам, с должными церемониями, его, Постумия, и всех других предводителей, подписавших неутвержденный договор. Желание Постумия было исполнено. Фециалы отвезли их в неприятельский лагерь, раздели их до гола и связали их по рукам и по ногам, причем Постумий приказал затануть ремень потуже, для того, чтобы вся церемония была исполнена с безукоризненною добросовестностью. «Так как эти люди, — заговорил фециал, введя плетников в собрание самнитяв, — без воли римского народа, обещали заключить мирный договор (заключенный договор превратился в обещание) и так как, в этом случае, они впали в оплошность, то, чтобы снять с римского народа ответственность за нечестивое преступление, я выдаю вам этих людей.» У Постумия был приготовлен для самнитяв новый сюрприз; в то время, когда фециал договаривал свою речь, связанный консул ухитрился толкнуть его ногою и крикнуть тотчас, что он, человек, выданный самнитянам, нанес оскорбление римскому жрецу, и что, вследствие этого, римляне имеют законное основание вести с самнитянами войну. В поведении Постумия обнаруживаются очень ярко, как мужество, так и пронырство римлян. Постумий смело и весело идет на встречу мучительной смерти, и в то же время тщательно наблюдает за точным исполнением мельчайших формальностей, выгораживающих римский народ от всякой нравственной ответственности перед богами и перед людьми. Правда, что самнитяне тотчас освободили выданных им полководцев; но на такое великодушие никак нельзя было рассчитывать, и Постумий, с своей стороны, приняв, как мы видели, все меры, чтобы вывести из терпения тех людей, от которых зависела его участь.

Передъ началомъ каждой войны римскій сенатъ отиривался на границу враждебнаго народа и, произнося объявленіе разрыву, бросалъ копье на непріятельскую землю. Это было очень удобно, пока римляне воевали исключительно съ итальянцами. Но не задолго до начала пуническихъ войнъ римлянамъ пришлось сразиться съ Пиррромъ, царемъ эпиротамъ, врывающимся въ Италію. Нослать сената въ Грецію было неудобно, а между тѣмъ отказаться отъ исполненія старой церемоніи было единкомъ страшно. Римляне вывернулись изъ этого затрудненія посредствомъ юридической хитрости. Они заставили одного эпиротскаго перебѣжчика купить въ окрестностяхъ Рима поле, которое и должно было изображать сначала Эпиръ, а потомъ и всѣ остальные непріятельскія земли. Передъ каждою войною сенатъ, произнося привычную рѣчь, бросалъ въ это поле копье, и затѣмъ всѣ формальности, относящіяся къ объявленію войны, считались исполненными. Клеузическая такія образомъ съ людьми римляне старались даже, такими же условіями, перехитрить багоновъ и судобу. Однажды сенатъ отыскалъ въ сицилианскихъ виллагахъ предсказаніе, что галлы два раза должны овладѣть городомъ. Чтобы предотвратить это бѣдствіе, сенатъ приказалъ зарыть живыми двухъ галловъ, мужчину и женщину, въ самой серединѣ Рима. Такъ какъ галлы, подъ предводительствомъ Бренна, уже однажды разъ овладѣли Римомъ, то такъ какъ зарытые галлы, по мнѣнію сената, также овладѣли римскою землею, то предсказаніе оказалось исполненнымъ, и римляне успокоились.

XI.

Типическія особенности римскаго характера — спокойная разсудительность, хладнокровная расчетливость, мужественная настойчивость и монархическая изворотливость — выработались или, по крайней мѣрѣ, развѣрнулись съ полною силою во время двухсотлѣтней внутренней борьбы патриціевъ и плебеевъ. Въ греческихъ республикахъ, аристократы и чернь постоянно вели между собою неустанныхъ войнъ и, при каждомъ удобномъ случаѣ, призывали другъ противъ друга военныя силы другихъ народовъ. Въ Римѣ, напротивъ тому, такая же точная борьба окончилась безъ кровопролитія, и не только никогда не отдавала города на жертву иностранцамъ, но

даже ни разу не помѣшала враждующимъ сословіямъ вести общими силами упорныя завоевательныя войны. Духъ холоднаго формализма и расчетливаго плутищества избавилъ Римъ отъ бѣдствій междуусобной войны, которая навѣрное отпала бы у римлянъ возможность завоевать впоследствии тогдашній образованный міръ. Патриціи и плебеи, глубоко проникнутые любовью къ сутяжничеству и уваженіемъ къ внѣшнимъ формамъ легальности, старались преимущественно о томъ, чтобы перехитрить и переупрямить другъ друга. Плебеи медленно, расчетливо и осторожно подвигались впередъ; патриціи упорно отставали каждый клочекъ своихъ привилегій, торговались изъ-за каждой мелочи, оттягивали время разными благовидными уловками, развлекали своихъ противниковъ разными хитростями и медленно уступали ихъ легальному натиску. Эта продолжительная борьба оказалась для обѣихъ сторонъ такою превосходною школою политическаго пронырства, послѣ которой римлянамъ сдѣлалось уже очень нетрудно справиться съ другими націями, руководствуясь извѣстнымъ девизомъ: «Divide et impera.—(Раздѣлай и господствуй)». Во всѣхъ своихъ завоевательныхъ предпріятіяхъ, римляне дѣйствовали постоянно съ тою осмотрительностью и расчетливостью, которыя составляютъ основныя свойства ихъ національнаго характера. Они никогда не бросались, очертя голову, въ дальскія или рискованныя предпріятія; они никогда не вели войнъ изъ-за принциповъ, никогда не увлекались ни любовью къ славѣ, ни ненавистью, ни дружбою, и постоянно имѣли въ виду только осязательныя выгоды — деньги, земля и рабочую силу. Въ ихъ войнахъ нѣтъ ничего похожаго на блистательные подвиги Александра. Политика сената обыкновенно умѣла такъ хорошо изолировать врага и такъ ловко выбирать удобную минуту для начала войны, что успѣхъ нападенія оказывался почти независимымъ отъ личныхъ талантовъ полководца. Самая трудная часть завоевательной карьеры Рима заключается конечно въ ея началѣ, то есть, въ покореніи Италіи. Когда Италія была завоевана, тогда уже можно было сказать заранее, что весь древній міръ сдѣлается добычею римлянъ, тѣмъ болѣе, что всѣ земли этого древняго міра уже давно были истощены многими вѣками беспорядочныхъ войнъ и самой сиверной администраціи. Завоеваніе Италіи шло туго и медленно; римлянамъ пришлось потратить на это дѣло около четырехъ столѣтій. Непобѣдимое упорство и неизмѣнная послѣдовательность римской политики въ

теченіе всего этого продолжительнаго и многотруднаго періода объясняются преимущественно тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣла республики постоянно находились въ рукахъ цѣлаго привилегированнаго сословія, а не отдѣльныхъ личностей и не народной массы. Аристократическій образъ правленія можетъ сдѣлаться, и обыкновенно дѣлается, для народа тяжелѣе самаго безумнаго личнаго деспотизма; привилегированное сословіе можетъ устроить такую утонченную, многостороннюю и систематическую эксплуатацію массъ, въ которой вовсе не нуждается единичный деспотъ. Съ этой точки зрѣнія, аристократія хуже всякой тиранніи. Эти обыкновенные плоды свои аристократическій образъ правленія принесли и въ Римѣ. Но если взглянуть на римскую республику съ точки зрѣнія ея завоевательной карьеры, то надо будетъ согласиться, что эта карьера была возможна только при аристократическомъ правительствѣ; если бы дѣлами Рима завѣдывала масса, то эта масса, не имѣя возможности посвящать все свое время политическимъ размышленіямъ, непремѣнно, въ большой или меньшей степени, стала бы дѣйствовать по свободному вдохновенію, уступая напору хорошихъ или дурныхъ страстей и увлекаясь доводами краснорѣчивыхъ ораторовъ. Можно сказать навѣрное, что римскій народъ все-таки не обнаружилъ бы той подвижности и того легкомыслія, которыми прославились, наприимѣръ, афиняне; но трудно также предположить, чтобы, находясь въ рукахъ народной массы, римская политика могла сохранять постоянно тотъ характеръ неумолимой расудочности и безстрастной послѣдовательности, которымъ она отличалась въ теченіе многихъ вѣковъ и безъ котораго побѣды римскихъ полководцевъ оказались бы безплодными. — Если бы Римъ былъ монархіею, то послѣдовательная политика была бы еще менѣе возможна, потому что для этого надо было бы предположить, что на римскомъ престолѣ появлялись, одинъ за другимъ, нѣсколько десятковъ царей, одинаково даровитыхъ, расчетливыхъ, безстрастныхъ и безсовѣстныхъ. Всѣ эти качества, очень рѣдкия въ отдѣльныхъ личностяхъ, и никогда не встрѣчающіяся въ цѣлыхъ массахъ, очень обыкновенны въ тѣхъ сословіяхъ, чьихъ члены съ малыхъ лѣтъ воспитываются для общественной дѣятельности, и потомъ служатъ государству въ теченіе всей своей жизни, то въ совѣтѣ, то на полѣ сраженія. Эти сословія до такой степени приучаются видѣть въ своихъ собственныхъ интересахъ интересы всего отечества, что они систематически

разнуживаютъ свой эгоистическіе инстинкты, «аристократически подвѣ-
ляютъ въ себя все добрыя чувства и вливаютъ себя въ влисную
патриотическую заслугу: это соразительное искаженіе чуждѣнческаго
образа. На что не рѣшился бы деспотъ, на то рѣшается аристокра-
тія, потому что она сама для себя оставляетъ то общественное
мнѣніе, которое оправдываетъ и одобряетъ ея рѣшимость. Только
въ рукахъ аристократіи могутъ составиться крѣпкія политическія
традиціи: только аристократія, подвергающаяся медленному обнов-
ленію и живу, можетъ соединить старческую осторожность съ юноше-
скою энергіею и во всякую данную минуту дѣйствовать противъ
своихъ враговъ то волчьимъ ртомъ, то львинымъ хвостомъ. Сло-
вемъ, все дурныя стороны аристократическаго правительства прици-
лись даже велья болѣе ксати, когда Римъ вступилъ на путь
завоевательныхъ войнъ.—Побѣда илебеавъ надъ патриціями уничто-
жила; правда; вастическій характеръ римской аристократіи, но все
государственное устройство римской республики осталось по пре-
жнему аристократическимъ, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что эле-
ментъ богатства сталъ на одну доску съ элементомъ родовой знатности.
Высшія государственныя должности перестали быть исключитель-
нымъ достояніемъ патриціевъ; но продолжали по прежнему сосре-
доточиваться въ рукахъ немногихъ фамилій, но той простой при-
чинѣ, что дѣтямъ богачей, консуловъ или сенаторовъ было очень
нетрудно остановить на себя вниманіе избирателей и побѣдить на
выборахъ бѣдныхъ или незнатныхъ соплателей.—Вслѣдствіе этого,
высшія должности въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ могли считаться почти
наслѣдственными; и, сообразно съ этимъ обстоятельствомъ, все вос-
питаніе направлялось въ этихъ семействахъ къ тому, чтобы при-
готовлять военачальниковъ и администраторовъ. Связанные между
собою узами родства и единствомъ общихъ аристократическихъ ин-
тересовъ, молодые воины и старые сенаторы такъ хорошо понимали
другъ друга и дѣйствовали съ такимъ единодушіемъ, что смѣлая
предпримчивость первыхъ и хладная расчетливость вторыхъ взаимно
поддерживали и дополняли другъ друга во всѣхъ важнѣйшихъ слу-
чаяхъ римской исторіи. Такъ какъ жреческія должности принадле-
жали тому же высшему классу военачальниковъ и правителей, то
понятно, что все возможные авторитеты, теоретическіе и практиче-
скіе; гражданскіе и военныя, тянули все силы народа въ одну и
ту же сторону, на одну и ту же завоевательную дорогу. Новорія

своихъ сосѣдей, Римъ умѣлъ немедленно превращать своихъ побѣжденныхъ враговъ въ вѣрныхъ союзниковъ и въ колезныя орудія для дальнѣйшихъ завоеваній. Сами итальянцы покорили для Рима Италію, и тѣ же итальянцы завоевали впоследствии, подъ начальствомъ римскихъ полководцевъ, весь образованный міръ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ распоряженіяхъ римскаго сената преобладалъ постоянно элементъ политическаго расчета. Не увлекаясь чувствомъ ненависти и злорадства, сенатъ вовсе не хотѣлъ унижать, давить и поработать побѣжденныхъ враговъ, въ содѣйствіи которыхъ онъ постоянно нуждался для расширенія своего господства. Одною силою оружія Римъ, конечно, не могъ держать въ повиновеніи всю Италію, а между тѣмъ только господство надъ военными силами Италіи могло доставать Риму побѣду надъ другими государствами. Поэтому, сенатъ поневолѣ долженъ былъ предоставлять итальянцамъ кое-какія права, заключать съ ними особыя условія и вообще воздерживаться, въ отношеніи къ нимъ, отъ тѣхъ грубыхъ проявленій насилія, которыя считались въ древности естественнымъ послѣдствіемъ побѣды. Располагая всѣми вооруженными силами Италіи, римская аристократія блистательнымъ образомъ выполнила свою задачу: она скрутила и обобрала весь тогдашній историческій міръ, въ томъ числѣ и своихъ собственныхъ соотечественниковъ, доблестныхъ гражданъ города Рима. Въ то время, когда римскіе легіоны покоряли и опустошали Азію, лаперизмъ, въ Италію и въ Римѣ, былъ доведенъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, до какихъ врядъ-ли возвысилась даже современная Англія, находящаяся также подъ управленіемъ родовой и денежной аристократіи. «У дивихъ звѣрей, говорилъ Тиверій Грахъ, есть пещеры, въ которыя они могутъ удалаться, а у людей, проливающихъ свою кровь за Италію, нѣтъ въ Италіи ничего, кромѣ солнечнаго свѣта и того воздуха, которымъ они дышатъ. Безъ постоянныхъ жилищъ, они бродятъ по всей странѣ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Полководцы ихъ обманываютъ, когда они убѣждаютъ ихъ сражаться за могилы предковъ и за домашніе очаги. Развѣ хотъ у одного изъ этихъ людей есть своя домашняя святыня и семейная гробница? Они дерутся и умираютъ только затѣмъ, чтобы поддерживать чужую роскошь. Ихъ называютъ владынами міра, а между тѣмъ у нихъ нѣтъ кома земли, который составлялъ бы ихъ собственность». Весь государственный механизмъ Рима былъ приспособленъ къ завоевательной войнѣ; за-

воевательная война была необходима для того, чтобы поддерживать въ механизмѣ порядковъ и стройность. Консулы только на то и годились, чтобы водить легіоны въ атаку; сенатъ только тѣмъ и былъ замѣчательнъ, что умѣлъ ссорить между собою враговъ римской республики и награждать своихъ союзниковъ, обирая въ нихъ пользу своихъ противниковъ. Когда всѣ противники, которыхъ можно было покорить и обобрать, оказались покоренными и обобранными, когда всѣ враги римской республики превратились въ ея подданныхъ, тогда римское государственное устройство оказалось совершенно несостоятельнымъ и быстро обнаружило всѣ признаки полнаго разложенія. Въ Италію были снесены со всѣхъ сторонъ горы серебра, золота и всякихъ драгоценностей; такого колоссальнаго и систематическаго грабежа не видѣлъ еще и, по всей вѣроятности, никогда больше не увидитъ міръ. «Гдѣ богатства тѣхъ народовъ, говоритъ Цицеронъ въ своей рѣчи *pro lege Manilia*, — которые теперь доведены до нищеты? Странный вопросъ! Развѣ вы не видите, что Афины, Пергамъ, Кизикъ, Милетъ, Хиосъ, Самось, вся Азія, Ахаія, Греція, Сицилія снесены цѣликомъ въ наши загородные дворцы?» — Вмѣстѣ съ драгоценностями, римскіе генералы захватывали несметныя массы невольниковъ; цѣлыя населенія продавались въ рабство, и такъ какъ число покупателей было очень ограничено, то, разумѣется, дешевизна людей доходила до самыхъ комическихъ размѣровъ. Послѣ подвиговъ Лукулла въ Азію, раба можно было купить за четыре драхмы (меньше рубля серебромъ). Встрѣчаясь съ такими цифрами, читатель перестаетъ удивляться тому, что римляне тратили рабовъ на гладиаторскія игры, или тому, что Великій Полліонъ кормилъ своихъ любимыхъ рыбъ живыми рабами. Это продовольствованіе рыбъ могло казаться Полліону выгоднымъ даже въ экономическомъ отношеніи, потому что, когда взрослый и здоровый человѣкъ цѣнится въ цѣлковый, тогда этотъ человѣкъ, очевидно, не имѣетъ даже значенія рабочей силы. Вытягивая изъ провинцій рабочее населеніе и платя за человѣка по четыре драхмы, римскіе олигархи этими поступками объявляли громогласно всему міру, что только они, олигархи, имѣютъ право жить на свѣтѣ и потреблять продукты человѣческаго труда; что необходимою должна считаться только та доля труда, которая удовлетворяетъ потребностямъ и прихотямъ олигарховъ; и что затѣмъ вся остальная масса наличной трудовой силы должна продаваться за безцѣнокъ, какъ вещь совершенно излишняя и

ли на что негодная. ¹⁾ Этимъ образомъ дѣйствій, римская олигархія очевидно обрекала всѣ провинціи на голодную смерть и на запустѣніе. Придя къ такому поразительному политическому и экономическому абсурду, римская республика непремѣнно должна была погибнуть; вопросъ могъ состоять только въ томъ, погибнетъ-ли она одна, или же погубить вмѣстѣ съ собою всѣ свои обширныя владѣнія. Имперія рѣшила этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что погнубить должны только однѣ отжившія республиканскія учрежденія. Превращеніе республики въ имперію, или, другими словами, переходъ верховной власти отъ привилегированнаго сословія къ одной всецѣльной личности, оказалось для провинцій истиннымъ благодѣяніемъ. Этому не отрицаетъ даже Тацитъ, не смотря на всю свою ненависть къ цезарямъ. Что благоразумные императоры не допускали въ провинціяхъ тѣхъ грабительствъ, которыми отличались аристократы республиканскихъ временъ—это само собою разумѣется и никѣмъ не оспаривается. Но даже отъявленные негодяи, въ родѣ Каллигулы, Нерона или Домиціана, были для провинцій менѣе вредны и опасны, чѣмъ республиканская олигархія. Тиранія самыхъ звѣробразныхъ императоровъ разыгрывалась только въ самомъ Римѣ, и обрушивалась преимущественно на богатыхъ и знатныхъ людей. Провинціалы были очень довольны именно тѣми императорами, которые въ Римѣ приобрѣли себѣ репутацію людоедовъ. Когда нѣкоторые губернаторы посовѣтовали Тиверію увеличить подати, наложенныя на провинціаловъ, Тиверій отвѣчалъ имъ, что «хорошій пастухъ долженъ стричь, но не обдирать своихъ овецъ».—Домиціанъ, по словамъ Светонія, такъ искусно умѣлъ держать въ рукахъ провинціальныхъ губернаторовъ, что они, въ его время, отличались небывалымъ безкорыстіемъ и неслыханною честностью.—Проконсулы временъ республики посылались въ провинціи на кормленіе, не получая отъ государства никакого жалованья и пользуясь совершенно неограниченною властью. Они обращались съ провинціею, какъ съ непріятельскою страной, и никто не могъ требовать отъ нихъ отчета, кромѣ ихъ сообщниковъ и родственниковъ, засѣдавшихъ въ сенатѣ. Губернаторы временъ имперіи, напротивъ того, получили

1) Аристократы нашего времени, мальтузианцы, говорятъ даже, что избытокъ рабочей силы очень вредно. Великій Поллювъ омазывается благодѣтелемъ человечества.

определенные оклады жалованья, были снабжены инструкціями, ограничивавшими ихъ власть, и подчинены строгому надзору со стороны приближенныхъ людей императора, не имѣвшихъ ничего общаго съ аристократическимъ сословіемъ. Вся внутренняя политика императоровъ, хорошихъ и дурныхъ, постоянно была направлена къ тому, чтобы унижать жалгіе остатки старой сенаторской аристократіи. Лучшіе изъ императоровъ достигали этой цѣли тѣмъ, что предоставляли права гражданства провинціаламъ, или тѣмъ, что старались ограничить власть господъ надъ рабами. Худшіе дескоты просто душили и обирали богатыхъ аристократовъ, которыхъ знаменитые предки душили и обирали провинціаловъ. Тѣ факты, что Калигула произвелъ своего любимаго жеребца Инцитата въ сенаторы, или что Домиціанъ созвалъ полное собраніе сената для обсужденія вопроса о рыбномъ соудѣ, оказываются вовсе не симптомами умственного разстройства, а напротивъ того, очень злыми насмѣшками деспотовъ надъ обломками аристократіи, которая, окончивъ свою завоевательную задачу, потеряла смыслъ своего существованія и лишилась всѣхъ своихъ прежнихъ достоинствъ. Калигула и Домиціанъ нисколько не ошиблись въ своихъ современникахъ, предположивши въ нихъ способность глотать, съ пріятною улыбкою, всевозможныя оскорбленія, идущія сверху; извѣстно, что сенаторы Калигулы торжественно благодарили своего повелителя за ту честь, которая была оказана ихъ сословію производствомъ Инцитата. Извѣстно также, что сенаторы Домиціана произносили, по вопросу о соудѣ, длинныя, серьезныя и горячія рѣчи.—Удары цезарей сыпались большею частью на такіе фязіономіи, которыя умѣли выразить только одно подобострастное умиленіе. Имперія убила аристократію, но сама не поставила на ея мѣсто никакой новой идеи, ничего, кромѣ полновластной личности, которая почти всегда оказывалась совершенно неблагонадежною и вела себя до крайности неприлично. Весь періодъ имперіи можетъ быть названъ продолжительнымъ разложеніемъ стараго римскаго механизма, приспособленнаго для завоевательной войны и прішедшаго въ совершенную негодность на другой же день послѣ окончательной побѣды. Прекративши насильственнымъ образомъ бесплодную войну между цивилизованными націями древняго міра, римское господство произвело сближеніе враждовавшихъ народностей. Это сближеніе совершилось именно въ періодъ имперіи. Тутъ перемѣшались между собою и національности, и религіи, и философскія школы, и юри-

дическія понятія, и смыслы. Въ обществѣ результаты получались очень мутная помесь, изъ которой однако, при содѣйствіи варваровъ, выработались мало по малу новыя формы болѣе прочной и богатой цивилизаціи. Греческая философія распространилась во всей иннеріи и подготовила превращеніе политеизма въ монотеизмъ. Матеріалы для этого превращенія нашлись въ самой мифологіи грековъ и римлянъ, въ которой существовало съ незапамятныхъ временъ понятіе Судьбы, подчинявшея своему таинственному рдѣнію: жестушки и желанія людей и боговъ. Когда созрѣвающій челоѣвѣскій умъ началъ подмѣчать въ различныхъ явленіяхъ природы строгую правильность и неизмѣнное постоянство, тогда понятіе Судьбы жестко выдвинулось на первый планъ, обрисовалось яснѣе, получило опредѣленные личные атрибуты и превратило всю толпу боговъ и богинь въ безгласную и дослушную толпу слугъ и служавокъ. Этому перевороту должно было, въ значительной степени, содѣйствовать то обстоятельство, что національные боги, не умѣвшіе зацѣпить своихъ поклонниковъ отъ римскаго оружія и исклѣнншіяся напередъ величьемъ Юпитера Максиміанскаго, потеряли въ глазахъ нерабодящихъ націй большую часть своего прежняго авторитета. На сколько римскій императоръ былъ сильнѣе желянъ національныхъ царей, на столько же новый богъ долженъ былъ оказаться сильнѣе желянъ національныхъ боговъ. Когда въ Римѣ сбѣжались съ разныхъ концовъ древняго міра десятки религій, тогда малое соперничество равносиллобритннхъ култовъ и жрецовъ пребудило въ очень многихъ умахъ и стремленіе къ какому нибудь болѣе широкому, высшему и чистому ведпству, которое позволяло бы конецъ скандальнымъ и цреческимъ интригамъ, режаманъ, онусамъ и есорамъ. Философія, въ периодъ иннеріи, приняла теологическое направление и старалась отыскать въ языческихъ мѣтахъ высшій символическій смыслъ, выработала, подъ прикртіемъ старыкъ имень, новое монотеистическое ученіе. Видя передъ собою ту, колоссальную деморализацію, которую римская иннерія далеко превзошла всѣхъ остальныхъ историческихъ эпохи, философы очень добросовѣстно стремились къ тому, чтобы обновить и образумить общество вліаніемъ философскихъ доктринъ. Философы старались устроить какое-то царство разума, въ которомъ верховная власть будетъ принадлежать мыслителямъ, и въ которомъ все люди будутъ добродѣтельными и счастливыми: какъ вроднн и послушныя оицы. Чтобы влести людей въ это царство благо-

правія и блаженства, философиямъ надо было выработать и распространить сильную и убѣдительную нравственную доктрину, а для этого имъ непрежѣнно надо было выдти въ ту или другую сторону изъ области метафизики, въ которой обрѣталась греческая философія, послѣ своего разрыва съ господствующимъ политизмомъ. Построить какую бы то ни было нравственную доктрину можно только или на вѣрѣ, или на знаніи. Чтобы считать одни поступки обязательными, а другіе предосудительными, человѣкъ долженъ или воображать себѣ, что надъ нимъ есть высшая сила, посылающая ему награды и наказанія, или знать, посредствомъ точнаго изслѣдованія окружающей природы и собственного организма, что одни поступки приносятъ ему пользу, а другіе вредъ. Знанія философовъ были такъ отрывочны и недостаточны, что на нихъ невозможно было построить нравственную и социальную доктрину. Метафизика, по своему обыкновению, привела всѣхъ искреннихъ мыслителей только къ систематическому сомнѣнію, превратившему наконецъ весь ви́днмій міръ въ призракъ и въ обманъ чувствъ. Такими діалектическими тонкостями невозможно было дѣйствовать на массы и реформировать общественную жизнь. Поэтому, когда философія почувствовала въ себѣ призваніе къ практической дѣятельности, тогда она, поневолѣ, откинулась назадъ, къ теологіи, и въ этой области остановилась на той доктринѣ, которая, по своей рациональности, стояла выше древнихъ мифовъ и была болѣе способна внести въ общество единодупіе, порядокъ и нравственную чистоту. Философы и народныя массы встрѣтились въ своихъ стремленіяхъ на монотеизмъ, и хотя смѣлыя надежды философовъ далеко не осуществились, однако, тѣмъ не менѣе, человѣчество вступило въ новую фазу своего историческаго развитія. Вмѣстѣ съ основною доктриною, измѣнились, по обыкновению, всѣ отрасли умственной дѣятельности, всѣ государственныя учрежденія и всѣ важнѣйшія формы общественной жизни. Здѣсь оканчивается древняя исторія, и начинается средневѣковій періодъ, наполненный такими явленіями, о которыхъ древность не имѣла понятія.

XII.

Вѣрованія политическовъ имѣли чисто національное значеніе; каждое отдѣльное политическое тѣло имѣло своихъ специальныхъ покровите-

лей, которыхъ господство не распространялось на сосѣдей. Умплестивленіе этихъ національныхъ боговъ жертвоприношеніями и различными церемоніями составляло прямую обязанность существующаго правительства. Обѣ власти, духовная или теоретическая (*puvoir spirituel*), и свѣтская или практическая (*puvoir temporel*), во времена политеизма, оставались неразлучными и сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ. Переходъ къ монотеизму разорвалъ древнюю связь, существовавшую между религіею и народностію. Верховное существо монотеистовъ уже не могло быть спеціальнымъ повровителемъ отдѣльнаго племени; это верховное существо сдѣлалось творцомъ и правителемъ всего міра, отцомъ и судьею всѣхъ людей, безъ различія національностей. Не имѣя никакого мѣстнаго или племенного характера, монотеизмъ можетъ сдѣлаться общею религіею многихъ народовъ, разбросанныхъ по различнымъ частямъ свѣта, управляющихся различными законами и составляющихъ множество независимыхъ политическихъ тѣлъ.

Единственною связью между этими различными народами окажутся ихъ общія вѣрованія; въ тѣ времена, когда теологическое міросозерцаніе безраздѣльно господствуетъ надъ умами людей, эта единственная связь имѣетъ очень важное значеніе; народы, связанные общими вѣрованіями, считаютъ себя, до нѣкоторой степени, членами одной общей семьи, и противуполагаютъ себя всему остальному міру, который, по ихъ мнѣнію, коснѣетъ въ пагубномъ заблужденіи. У народовъ, связанныхъ единствомъ теософической доктрины, пробуждается, конечно, стремленіе поддерживать эту связь, сохраняя въ чистотѣ первобытное ученіе и взаимно предостерегая другъ друга отъ такихъ нововведеній и умозаключеній, которыя, такъ или иначе, могутъ нарушить эту драгоцѣнную чистоту. Возникаетъ потребность совѣщаться или переписываться о религіозныхъ дѣлахъ; обнаруживается необходимость создать какую нибудь центральную власть, къ которой можно было бы обращаться съ разныхъ сторонъ за рѣшеніемъ спорныхъ догматическихъ или дисциплинарныхъ вопросовъ. Словомъ, космополитическій характеръ монотеизма, при благоприятныхъ историческихъ обстоятельствахъ, естественнымъ образомъ приводитъ за собою учрежденіе такой власти, которая, по возможности, старается сдѣлать себя независимою отъ отдѣльныхъ національныхъ правительствъ. Когда національныя правительства сильны и бдительны, тогда эти старанія оказываются неудачными; когда же въ политическомъ

міръ господствуетъ безпорядочная борьба личныхъ страстей и частныхъ интересовъ, тогда эти старанія увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, что и случилось дѣйствительно въ средневѣковой Европѣ, гдѣ, какъ извѣстно, космополитическая власть папъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, боролась съ національными правительствами за верховное господство.—Въ этой средневѣковой борьбѣ папъ съ императорами и съ королями Осгуть Контъ усматриваетъ то раздѣленіе властей, которое, по его мнѣнію, должно сдѣлаться основаціемъ будущаго національнаго общественнаго устройства, примиряющаго въ себѣ всѣ разумныя требованія порядка и прогресса. Чтобы понять взглядъ Конта на раздѣленіе властей, надо сначалаознакомиться съ его мнѣніями о тѣхъ обязанностяхъ, которыя нормально-организованное общество должно налагать на лучшихъ своихъ мыслителей. Философы древней Греціи мечтали о томъ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ отрасли верховной власти; они полагали, что господство повсѣмъ правамъ должно принадлежать разуму и что народъ будетъ счастливъ только тогда, когда его дѣлами будутъ завѣдывать самые гениальные и глубокомысленные изъ его соотечественниковъ. Къ этой мечтѣ греческихъ философовъ Контъ относится очень недоброжелательно. Онъ полагаетъ, что гениальный мыслитель, въ большей части случаевъ, оказался бы очень посредственнымъ, или даже нигуда негоднымъ администраторомъ. Фридрихъ II сказалъ однажды, что, если бы онъ захотѣлъ разорить въ конецъ какуюнибудь провинцію, то предоставилъ бы ея управленіе своимъ друзьямъ философамъ. Упомянутая мимоходомъ объ этихъ извѣстныхъ словахъ, Контъ говоритъ, что онѣ превосходно выражаютъ собою чистѣйшую истину, потому что, для занятія всѣдневными практическими дѣлами простое и трезвое благоразуміе гораздо полезнѣе, чѣмъ глубокомысленіе и гениальность. Дѣло мыслителей прокладывать новые пути, выработывать новые принципы, обогащать и освѣжать жизнь новыми руководящими идеями. Дѣло администраторовъ—идти по этимъ вновь предложеннымъ дорогамъ, и прикладывать данныя общія идеи къ мелкимъ и случайнымъ обстоятельствамъ мѣста и времени. Мыслитель ищетъ общихъ законовъ, и обращаетъ мало вниманія на частныя особенности изучаемыхъ явленій; администраторъ, напротивъ того, постоянно имѣетъ дѣло съ конкретными подробностями, отъ которыхъ, въ большей части случаевъ, зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ его распоряженій. Поэтому, мыслителю, превратившемуся въ администратора,

пришлось бы насиловать свою природу, и, если бы даже ему удалось приневолить себя къ аккуратному и кропотливому выполнению мелкихъ практическихъ обязанностей, то, во всякомъ случаѣ, лучшая и драгоценнѣйшая часть его умственныхъ силъ осталась бы непримененною къ дѣлу; и, слѣдовательно, пропала бы даромъ для человечества. Крошѣ того, въ правительствѣ, составленномъ изъ мыслителей, высшія мѣста, все-таки, ни въ какомъ случаѣ, не достались бы первокласснымъ гениямъ. Подвиги и силы тѣхъ гениевъ, которые дѣйствительно производятъ перевороты въ общественномъ сознаниі, болышею частью не могутъ быть оцѣнены по достоинству современниками, именно потому, что гений слишкомъ далеко хватаетъ впередъ, и слишкомъ рѣзко противурѣчатъ установившимся теоріямъ. Не умѣя понять гениальнаго мыслителя, современники видятъ въ немъ или безтолковаго фантазера или вреднаго шарлатана; пониманіе начинается только тогда, когда многолѣтняя работа мыслителя приведена къ концу и разъяснена обществу другими мыслителями, менѣе даровитыми, чѣмъ первый мыслитель, но болѣе понятливыми, чѣмъ масса равнодушныхъ и недовѣрчивыхъ современниковъ. Когда это пониманіе становится всеобщимъ, тогда уже поздно призывать гения въ верховный совѣтъ, потому что гений уже умеръ, или, по крайней мѣрѣ, превратился въ дряхлаго старика. Стало бытъ, правительство философовъ было бы, во всякомъ случаѣ, правительствомъ оплодотворяющихъ посредственностей, неспособныхъ сдѣлать ничего великаго ни въ области мысли, ни въ области практической жизни. Наконецъ, особенно важно то обстоятельство, что, присвоивъ себѣ господство надъ обществомъ, и превратившись въ правительство, мысль тотчасъ начинаетъ слабѣть и развращаться; для того, чтобы сохранять всю свою силу и всю свою свѣжесть, мысль должна постоянно оставаться чисто-прогрессивною силою, вѣчно недовольною тѣмъ, что существуетъ, вѣчно критикующею несовершенства настоящаго, вѣчно стремящеюся къ болѣе полной и къ болѣе разумной жизни. Если мысль выйдетъ изъ этого положенія систематической оппозиціи, если она присвоитъ себѣ прямое господство, то она, подобно всякому другому правительству, проникается инстинктомъ самосохраненія и незамѣтнымъ образомъ, мало по малу, направитъ все свои усилія къ тому, чтобы поддерживать тотъ порядокъ вещей и тотъ строй понятій, вторые создали ея политическое существо. Однимъ словомъ, если бы греческіе философы успѣли

осуществить свою мечту, то их идеальное государство очень скоро превратилось бы въ неподвижную теократію, систематически подавляющую внутри себя всякую самодѣятельность индивидуальной мысли. И такъ, стремленія греческихъ философовъ ошибочны. Спрашивается теперь, какимъ же образомъ должно выразаться въ нормально-организованномъ обществѣ оплодотворяющее вліяніе сильной мысли?—Отвергая честолюбивыя мечты греческихъ философовъ, Контъ полагаетъ въ тоже время, что дѣйствительныя отношенія этихъ философовъ къ обществу были также совершенно ненормальны, именно потому, что эти философы дѣйствовали въ рассыпную и не имѣли никакого оффиціального характера.

По соображеніямъ Конта оказывается, что лучшіе мыслители даннаго общества должны составить изъ себя теоретическую власть, совершенно независимую отъ практической, но имѣющую, подобно всякому другому правительству, свою внутреннюю іерархическую организацію. Эта теоретическая власть должна завѣдывать воспитаніемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; то есть, внушивши подрастающему поколѣнію извѣстныя понятія, чувства и стремленія, она должна, своимъ постояннымъ вліяніемъ на общество и на отдѣльныя личности, направлять своихъ бывшихъ воспитанниковъ къ неуклонному примѣненію усвоенныхъ идей къ дѣйствительной жизни. Не трудно понять, что идея Конта объ организованной и независимой теоретической власти нисколько не лучше той мечты греческихъ философовъ, которую самъ же Контъ разбиваетъ самыми побѣдоносными и неопровержимыми аргументами. Геніямъ приходится оставаться за штатомъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, потому что, въ обоихъ случаяхъ, высшія мѣста въ правительственной іерархіи будутъ доставаться не тѣмъ мыслителямъ, которые умнѣ остальныхъ, а тѣмъ, которые умѣютъ приобрѣсти себѣ наиболѣе обширную извѣстность. Мысль, какъ здѣсь, такъ и тамъ, превратится въ консервативную силу, и сдѣлается тормазомъ, вмѣсто того чтобы быть двигателемъ. Организованная іерархія Конта непремѣнно разовьетъ въ себѣ тѣ естественныя инстинкты, которые свойственны всякому правительству, практическому или теоретическому, — разовьетъ ихъ именно потому, что она — организованная іерархія, и слѣдовательно, подобно всякому другому организму, поставлена въ необходимость отстаивать, прежде всего, свое собственное органическое существованіе. Въ конечномъ результатѣ получи-

лась бы чистѣйшая теократія, или же получился бы чистый нуль, то есть, независимая теоретическая власть, придуманная Контомъ, принуждена была бы, или захватить въ свои руки всѣ отрасли политическаго господства, или же отказаться отъ своей независимости и подчиниться свѣтскому правительству. Двѣ независимыя верховныя власти не могутъ существовать рядомъ въ одномъ и томъ же обществѣ; онѣ могутъ только бороться между собою, и борьба ихъ, рано или поздно, непременно должна кончиться тѣмъ, что одна власть уничтожить и прогнать другую. Такъ точно было и въ средневѣковой Европѣ. Если же Контъ, при всей своей необыкновенной проницательности, принялъ ожесточенную борьбу за полюбовное раздѣжаніе, то эту странную ошибку можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что Контъ, увлеченный своею собственною политическою утопіею, постарался увидѣть въ исторіи оправданье этой утопіи и, находясь въ этомъ, далеко не безпристрастномъ настроеніи повѣрилъ съ особеннымъ удовольствіемъ чувствительнымъ разсказаньямъ католическихъ писателей, подобныхъ монсеньору Боссюэ и графу де-Местру. На этихъ двухъ изобрѣтателей Контъ дѣйствительно ссылается очень часто, причежъ онъ обыкновенно называетъ ихъ *l'illustre de Maistre* и *le grand Bossuet*.

XIII.

По мнѣнію Конта, великая политическая задача католицизма состояла въ томъ, чтобы, устраняя опасныя мечты греческой философіи о верховномъ господствѣ разума, доставить мыслителямъ правильное и постоянное вліяніе на теченіе общественныхъ дѣлъ. «Вмѣсто того, говорить Контъ, чтобы увѣковѣчивать, между людьми дѣла и людьми мысли, печальную борьбу, которая должна была истощать самыя драгоценныя силы человѣческой цивилизаціи, надо было устроить между ними постоянное соглашеніе, которое могло бы превратить ихъ гибельный антагонизмъ въ полезное соперничество, единодушно направленное къ наилучшему удовлетворенію главныхъ общественныхъ потребностей; надо было, по возможности, назначить, для каждой изъ двухъ великихъ силъ, въ совокупности политической системы, правильное участіе, совершенно отдѣльное и незави-

симее, хотя и направленное въ одной общей цѣли; надо было пристроить обѣ силы къ такому значенію, которое соответствовало бы ихъ характеристическимъ особенностямъ». — (Phil. Pos. T. V. p. 228). Вслѣдъ за тѣмъ читатель узнаетъ, къ крайнему своему удивленію, что католицизмъ побѣдилъ эту громадную трудность самымъ восхитительнымъ образомъ (de la manière la plus admirable) и что онъ, не смотря на множество препятствій, произвелъ то фундаментальное раздѣленіе властей, въ которомъ здравая философія, наперекоръ современнымъ предразсудкамъ, должна видѣть величайшее усовершенствованіе общественнаго организма. Если мы отдадимъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое — практическая власть, и что такое — теоретическая власть, то мы немедленно сообразимъ, что средневѣковой католицизмъ о раздѣленіи властей не имѣлъ и не могъ имѣть ни малѣйшаго понятія. Практическою властью называется та власть, которая собираетъ налоги, ведетъ войны, заключаетъ трактаты, издаетъ законы, чеканитъ монету, преслѣдуетъ преступниковъ и творитъ надъ ними судъ и расправу. Отличительный признакъ этой практической власти заключается въ томъ, что, въ случаѣ надобности, она можетъ и должна поддерживать вооруженною силою каждое изъ своихъ распоряженій или требованій. Теоретическою властью, напротивъ того, можно назвать только ту силу, которая вырабатываетъ и формируетъ общественное мнѣніе. Такою силою можетъ быть только мысль, не имѣющая за собою никакихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ и дѣйствующая на общество исключительно своею собственною, внутреннею разумностью и убѣдительною. Раздѣленіе властей существуетъ только въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ мысль не терпитъ никакихъ преслѣдованій, и не получаетъ никакого покровительства со стороны матеріальной силы, находящейся въ распоряженіи практической власти. На общепотребительномъ политическомъ языкѣ, раздѣленіе властей называется свободою мысли и свободою совѣсти. Такимъ раздѣленіемъ властей пользуются, въ настоящее время, только Англія и Америка. Но это раздѣленіе властей совершенно несовмѣстно съ какою бы то ни было организациею теоретической власти. Всякая организациа непременно подчиняетъ волю отдѣльной личности волѣ начальника или рѣшенію большинства. Но что же вы будете дѣлать, если найдется такая личность, которая захочетъ дѣйствовать по своему, не обращая вниманія ни на приказанія начальника, ни на рѣшенія

своихъ товарищей? — Вы сдѣлаете одно изъ двухъ: или вы предоставите этой своеобразной личности полную свободу, или же вы употребите противъ нея матеріальную силу, которая переломитъ ее своеправіе какими пибудь энергическими внушеніями, напрімѣръ, розгами, или тюремнымъ заключеніемъ, или смертною казнью. — Въ первомъ случаѣ, я осмѣлюсь спросить васъ: куда же дѣвалась ваша организація, и на что же она нужна, если каждая отдѣльная личность дѣлаетъ въ области мысли все, что ей вздумается? — Во второмъ случаѣ, вы мнѣ позволите спросить у васъ: куда дѣвалось раздѣленіе властей, и можно ли называть вашу организованную власть *теоретическою*, если она пускаетъ въ ходъ матеріальную силу? *Бичи, темницы, топоры* — развѣ это все *теоретическія* средства? Всѣ эти средства вы можете заимствовать только у практической власти; и во всѣхъ этихъ средствахъ вы можете пользоваться только въ такомъ случаѣ, если это вамъ будетъ положительно разрѣшено практическою властью. Значитъ, пользуясь этими средствами, вы ставите вѣсе *sanctum sanctorum*, вашу теоретическую святую подѣ покровительство практической власти; а кто требуетъ покровительства, тотъ, разумѣется, подѣняется контролю, потому что, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же вы найдете такихъ полоумныхъ людей, которые, заживиривъ глаза, согласились бы покровительствовать неизвѣстно чему. Стало быть, верховнымъ судьей въ дѣлѣ теоріи оказывается, самымъ естественнымъ и неизбѣжнымъ образомъ, практическая власть. Гдѣ же, послѣ этого, ваша самостоятельность? Ясное дѣло, что надо выбирать одно изъ двухъ: или организацію, или независимость. Эти два условія взаимно исключаютъ другъ друга. Контъ, какъ настоящій французъ, дорожитъ преимущественно единствомъ и порядкомъ; его смущаютъ и приводятъ въ негодованіе хаотическое разнообразіе и дерзкая пестрота личныхъ сужденій; онъ отзывается съ непритворнымъ отвращеніемъ объ *умственной анархіи* нашего времени; сокрушаясь надъ этою *анархіею*, въ которой нѣтъ ничего печальнаго и предосудительнаго, онъ очень мало заботится о сохраненіи независимости, и, разсуждая очень пространно и торжественно о раздѣленіи властей, самъ на каждомъ шагу, во имя единства и порядка, отступаетъ отъ этого основного принципа своей политической философіи. Непомѣрное пристрастіе Конта къ любезному единству и порядку внушаетъ ему пламенную нѣжность и глубокое уваженіе къ средневѣковой католиче-

ской системѣ, которую онъ прямо называетъ *образцовымъ произведеніемъ политической мудрости* (le chef-d'œuvre politique de la sagesse humaine); Контъ боится даже, что онъ, по недостатку мѣста, не успѣетъ достаточно передать читателю, въ своемъ общемъ философскомъ трактатѣ, то *глубокое восхищеніе*, которымъ онъ уже давно проникнуть въ отношеніи къ основному плану средневѣковой общественности. Контъ выражаетъ наконецъ ту мысль, что было бы чрезвычайно полезно сосредоточить всѣ политическія разсужденія и споры между двумя главными направленіями, — католическимъ и положительнымъ; всѣ остальные доктрины онъ сваливаетъ въ одну кучу, и называетъ презрительнымъ именемъ протестантской метафизики; эта метафизика, по его мнѣнію, поражаетъ только безплодныхъ и безконечныхъ пренія, радикально враждебная всякому здравому политическому плану. Но, вслѣдъ за тѣмъ, Контъ тотчасъ же признается, что положительную школу составляетъ, въ данную минуту, одна его собственная особа, изъ чего слѣдуетъ очевидное заключеніе, что бесѣдовать и спорить о политикѣ имѣютъ разумное право только графъ де-Местръ съ одной стороны, и Огюсть Контъ съ другой стороны. Такъ какъ объ эти компетентныя стороны питаютъ одинаково сильную любовь къ единству и къ порядку, то можно поручиться впередъ, что свобода мысли будетъ задавлена во всякомъ случаѣ, какии бы результатомъ ни закончилась борьба между обожателями Пиа IX и новымъ папою позитивизма. Къ счастью для современнаго человѣчества, такъ называемая протестантская метафизика, къ которой отнесены безъ разбора и Вольтеръ, и Фейербахъ, и Фурье, и Прудонъ, — вовсе не намѣрена подавать въ отставку и уступать поле сраженія *здравымъ политическимъ планамъ* графа де-Местра и Огюста Конта. Дѣло отрицанія далеко еще не кончено, даже въ западной Европѣ; а когда начнется дѣло созиданія, то оно будетъ производиться вовсе не по тѣмъ планамъ, которые Контъ считаетъ здравыми. Политическія тенденціи Конта кладутъ ложный розовый колоритъ на всѣ средневѣковыя учрежденія, которыя онъ подвергаетъ тщательному и подробному анализу. Общій взглядъ Конта на средневѣковую систему совершенно невѣренъ; симпатіи его направляются къ тому политическому организму, который, по мѣрѣ силъ своихъ, поддерживалъ и упрочивалъ въ европейскихъ обществахъ нищету и тупоуміе. Несмотря на эти капиталныя ошибки Конта, его историческій анализъ заключаетъ въ себѣ множество чрезвычайно

глубокихъ и вѣрныхъ замѣчаній . Даже тамъ, гдѣ онъ ошибается и приходитъ въ совершенный разладъ съ историческою истиною, онъ все-таки остается сильнымъ и оригинальнымъ мыслителемъ, котораго заблужденія и натяжки оказываются болѣе интересными и поучительными, чѣмъ самыя безукоризненно вѣрныя словозвліанія добродѣтельныхъ, умѣренныхъ и аккуратныхъ либераловъ нашего времени .

Въ средневѣковомъ обществѣ было невысказано то раздѣленіе властей, которое Огюсту Конту желательно въ немъ усматривать . Если бы это раздѣленіе дѣйствительно существовало, то папы не имѣли бы ни малѣйшей возможности преслѣдовать и истреблять еретиковъ . Папы могли бы дѣйствовать противъ нихъ только увѣщаніями и аргументами, а въ крайнемъ случаѣ ругательствами и проклятiями, но такъ какъ еретики, по своему извѣстному упрямству, стали бы навѣрное платить папамъ тою же монетою, то, разумѣется, знаменитое католическое единство очень быстро распалось бы въ разныя стороны, и средневѣковая Европа огорчила бы великихъ организаторовъ де-Местра и Конта такою же беспорядочною пестротою разнообразнѣйшихъ сектъ, какою украшается въ настоящее время Сѣверная Америка, не имѣющая ни малѣйшаго понятія о высокихъ прелестяхъ единства, системы и порядка . Папы, въ самое цвѣтущее время своего могущества, безпрестанно обращаются къ императору и къ королямъ за такими аргументами, которые всегда дѣйствуютъ на еретиковъ сильнѣе всякихъ увѣщаній, ругательствъ и даже проклятiй . По приглашенію папъ, свѣтская власть безпрестанно вѣщаетъ и сжигаетъ неугодныхъ спорщиковъ, то по одиночѣ, то дѣлами сотнями . Въ началѣ XIII вѣка, самый могущественный изъ папъ, Иннокентій III, напускаетъ на южную Францію десятки тысячъ вооруженныхъ крестоносцевъ, которые жгутъ города, рѣжутъ людей, насилюютъ женщинъ, и наконецъ, всеми этими подвигами, благополучно возстановляютъ нарушенное единство католической системы, этого *образцоваго произведенія политической мудрости* . Немного позднѣе, преемникъ Иннокентія III, Григорій IX, учреждаетъ инквизицію, которая начинаетъ неуспѣшно заботиться о поддержаніи великаго единства, и поддерживаетъ его тѣмъ, что постоянно передаетъ заведомозрѣнныхъ людей въ распоряженіе свѣтской власти, всегда имѣющей въ готовности весьма достаточное количество вѣслицъ и костровъ . Пока свѣтская или практическая власть находитъ

для себя удобнымъ оказывать теоретической власти эти дружескія услуги, достигая порѣ любезное Огюсту Конту единство: во-какъ держится, хотя постоянно трещитъ и скрипитъ, то въ Италиі, то въ Англіи, то во Франціи, то въ Германіи. Какъ только предупредительная любезность практической власти истощается, такъ тотчасъ же разрушается великое единство, и начинается несправедливое для Огюста Конта протестантское безобразіе. Ясно, кажется, что средневѣковая теоретическая власть держалась, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, не своимъ собственнымъ могуществомъ, но внутреннею разумностью и убѣдительною своею основной идеею, а только искуственною и чисто внѣшнею поддержкою матеріальной силы, то есть, практической власти. Есть ли, послѣ этого, такая и-буду возможность говорить серьезно о раздѣленіи властей?

Въ теоретическихъ трактатахъ очень легко и удобно раздѣлять то, что нераздѣлимо въ дѣйствительной жизни. Но, при всемъ томъ, средневѣковые мыслители, даже въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ, никогда не думали провозглашать взаимную независимость обѣихъ властей. Одни изъ этихъ мыслителей поддерживали притязанія папъ, другіе отстаивали права императоровъ и королей. Первые были гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе вторыхъ. Первые объявляли очень откровенно, что папъ принадлежать верховная власть надъ всеми государями и надъ всеми народами. Вторые превозносили божественныя права свѣтскихъ властителей, но въ тоже время никакъ не осмѣливались утверждать, что императоры и короли не обязаны повиноваться папамъ. Они просто обходили молчаніемъ щекотливый вопросъ о столкновеніяхъ между обѣими властями, совѣтовали государямъ уважать папу, какъ отца, успокоивались на той обманчивой надеждѣ, что любовь и уваженіе будутъ устранять всякіе поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ. Эта нерѣшительность имперіалистовъ доказываетъ, какъ нельзя лучше, совершенную невозможность провести ясную пограничную черту между обѣими властями даже въ теоретическомъ разсужденіи. Клерикальная партія, напротивъ того, не обнаруживала никакихъ колебаній, именно потому, что раздѣленіе властей вовсе не входило въ ея расчеты. Вся программа этой партіи была въ высшей степени проста и послѣдовательна: надо было, безъ дальнѣйшихъ церемоній, превратить императоровъ и королей въ папскихъ прикащиковъ, которыхъ папа могъ бы, по своему благоусмотрѣнію, штрафовать и выгонять въ отстав-

ку. Эти стремления пасть къ клерикальной диктатурѣ высказывались во всеуслышаніе, какъ самими папами, такъ и всѣми публицистами ультрамонтанскаго лагеря.

Но поддерживать такія неутихшія притязанія послѣ скандальнаго раскола, совершившагося въ XV вѣкѣ, и въ особенности послѣ реформациі, было уже довольно затруднительно. Потерявши свое господство надъ умами довѣрчивыхъ массъ и нуждаясь, для своего существованія, въ милостивомъ покровительствѣ свѣтской власти, папы, изъ чувства самосохраненія, должны были предать благоразумному забвенію средневѣковыя теоріи о низложеніи императоровъ и о разрѣшеніи подданныхъ отъ присяги. Знаменитые діалектики и дипломаты католицизма, іезуиты, постарались соорудить новую теорію папской власти, приспособленную до нѣкоторой степени къ измѣнившимся условіямъ времени. Однако и въ этой новой теоріи, составленной нарочно для того, чтобы пощадить самолюбіе королей и народовъ, — обѣ власти остаются нераздѣленными, и папа, попрежнему, является верховнымъ судьей свѣтскихъ правителей. Различіе между старою и новою теоріею состоитъ только въ томъ, что Григорій VII и Иннокентій III прямо присвоивали папѣ свѣтскую власть, между тѣмъ, какъ іезуиты, напротивъ того, считаютъ свѣтскую власть *косвеннымъ послѣдствіемъ* духовной власти. Вся разница заключается въ процессѣ доказательствъ, что же касается до результатовъ, то въ нихъ не оказывается никакой перемѣны.

Изъ всего этого разсужденія получается тотъ очевидный результатъ, что короли совершенно самостоятельны... если только они безпрекословно повинутся папѣ. Если же они выходятъ изъ повиновенія, то они, разумѣется, становятся тотчасъ вредными для спасенія душъ, превращаются въ рабовъ грѣха, и слѣдовательно, утрачиваютъ всякую возможность пользоваться самостоятельностью. Тогда, разумѣется, папа, съ крайнимъ прискорбіемъ, беретъ ихъ подъ свою спасительную опеку, какъ малолѣтнихъ или слабоумныхъ. Повидному, въ этой теоріи все обстоитъ совершенно благополучно, и спасеніе душъ обезпечено, какъ нельзя лучше, противъ всевозможныхъ враждебныхъ случайностей. Не смотря на всѣ эти достоинства, папа Сикстъ V нашелъ эту теорію столь оскорбительною для величія римскаго престола, что немедленно внесъ сочиненіе іезуита Беллармина въ списокъ тѣхъ вредныхъ и безнравственныхъ книгъ, которыхъ чтеніе запрещается послушнымъ дѣтямъ

католической церкви. Не смотря на всё перевороты, совершившіеся въ политическомъ и въ религіозномъ мірѣ, Святѣйшій въ шестнадцатомъ столѣтіи не думалъ отказываться отъ притязаній своихъ великихъ предшественниковъ. «Мы возведены, пишетъ онъ, на верховный престолъ справедливости, и мы обладаемъ неограниченнымъ господствомъ надъ всѣми королями и государями земли, надъ всѣми народами, не по человѣческому, а по божескому установленію».

Если Контъ называетъ мечты греческихъ философовъ безразсудными, то онъ долженъ, выражаясь математическимъ языкомъ, называть мечты средневѣковыхъ клерикаловъ безразсудными въ квадратѣ или въ кубѣ, потому что, конечно, ни Пифагоръ, ни Платонъ никогда не мечтали о томъ, что они обладаютъ или будутъ обладать неограниченнымъ господствомъ надъ всѣми государями и народами земли.

XIV.

Важнѣйшая заслуга католицизма, по словамъ Конта (Phil. Pos. T. V. 123.), состояла въ томъ, что онъ, учредивши чисто-правственную власть, ввелъ постепенно нравственность въ политику, въ которой господствовали, до того времени, грубая сила и своекорыстный расчетъ. Контъ полагаетъ, что въ древнемъ мірѣ нравственность была подчинена политикѣ, между тѣмъ, какъ въ новомъ мірѣ, напротивъ того, политика подчиняется нравственности. Эту перемѣну Контъ приписываетъ католицизму. За нее католицизму стоило бы дѣйствительно сказать большое спасибо, если бы только эта перемѣна дѣйствительно была произведена. Но ничего похожего на подобную перемѣну нельзя отыскать ни въ средневѣковой исторіи, ни въ новой исторіи, ни въ той самоповѣйшей исторіи, съ которою мы знакомимся по газетамъ. Гдѣ жь они, эти Аристиды и Катоны политическаго міра; гдѣ они, эти добродѣтельные и безкорыстные администраторы, отказывающіеся, во имя высшихъ нравственныхъ принциповъ, отъ удобнаго случая пожиться на счетъ слабаго сосѣда клочкомъ земли или нѣсколькими милліонами военной контрибуціи? Въмѣсто ожидаемыхъ и требуемыхъ Аристидовъ и Катоновъ мы получаемъ двухъ Наполеоновъ, Луи-Филиппа, Меттерни-

ха, Пальмерстона, Баха, Мантейфеля, Бисмарка, Шмерлинга, Гайнау, Радецкого, Морни, и обильную коллекцію разныхъ другихъ, столь же миловидныхъ воплощеній современной политической добросовѣстности и деликатности. Всѣ эти свѣтила государственной мудрости оказали пѣкоторымъ сообразительнымъ людямъ XIX вѣка ту дѣйствительно капитальную услугу, что отбили у нихъ всякую охоту гоняться за тѣмъ неуловимымъ призракомъ отвлеченной нравственности, который, къ сожалѣнію, увлекалъ за собою Огюста Конта въ теченіи всей его жизни. Сообразительные люди нашего времени поняли наконецъ, что справедливость водворится во всѣхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ не тогда, когда всѣ жители нашей планеты пронянутся высокими добродѣтелями, а тогда, когда каждый нахаль будетъ встрѣчать себѣ очень чувствительный отпоръ со стороны тѣхъ безотвѣтныхъ личностей, надъ которыми онъ, во времена ихъ безотвѣтности, привыкъ куражиться и озорничать. Поэтому, сообразительные люди, во всей Европѣ, только о томъ и заботятся, чтобы положить конецъ овечьей безотвѣтности большинства, и организовать достаточную силу отпора во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такая сила требуется условіями общественнаго механизма. Въ современной политикѣ принципъ выгоды никогда не совпадаетъ съ принципомъ справедливости; частная, жизнь въ малыхъ размѣрахъ, представляетъ собою картину точно такого же разлада. Глядя на эти явленія, одни мыслители умозаключаютъ, что принципы выгоды и справедливости, по самой природѣ своей, осуждены вести между собою вѣчную вражду; дойдя до такого убѣжденія, мыслители эти становятся на сторону справедливости и начинаютъ требовать отъ своихъ послѣдователей и отъ всѣхъ людей, чтобы они постоянно зарѣзывали свои собственные выгоды на алтарѣ добродѣтели, нравственности и человѣколюбія. Если, разсуждаютъ мыслители, каждый человѣкъ, во всякую данную минуту, будетъ готовъ отдать ближнему послѣднюю рубашку, то, разумѣется, на свѣтѣ не будетъ ни голодныхъ, ни раздѣтыхъ, ни ограбленныхъ, ни избитыхъ людей. Разсужденіе очень основательное и добродушное,—но, къ сожалѣнію, бѣдные классы общества, какъ больные, чающіе движенія воды ждуть безуспѣшно, почти двѣ тысячи лѣтъ, чтобы въ ихъ богатыхъ соотечественникахъ пробудилось эксцентрическое желаніе снять съ себя, въ пользу ближняго, послѣднюю рубашку. Желаніе это не пробуждается, и люди до сихъ поръ по-

стоянно производить сниманіе рубашекъ не надъ собою, а надъ своими безсильными и неопытными ближними, которые, на юмористическомъ языкѣ филантроповъ, называются младшими братьями. Въ виду такихъ выразительныхъ фактовъ, другіе мыслители, болѣе дальновидные, сообразили, что, если бѣднымъ классамъ общества надо будетъ, для улучшенія своей участи, ожидать терпѣливо, пока старшіе братья украсятся добродѣтелями,—то дѣло этихъ бѣдныхъ классовъ всего лучше будетъ теперь же одать въ архивъ, съ полною увѣренностью, что оне рѣшатся послѣ дождика въ четвергъ. Эти другіе мыслители поняли, что требовать отъ старшихъ братьевъ независности въ собственнымъ выгодамъ—значить требовать психологической невозможности, и, слѣдовательно—умышленно или неумышленно—увлечивать то положеніе вещей, благодаря которому процвѣтаетъ сниманіе рубашекъ, совершенно неспособное улучшить положеніе младшихъ, подвергающихся этому сниманію. Мыслители поняли, что принципъ выгоды въ настоящее время даетъ неудовлетворительные результаты только потому, что онъ недостаточно обобщенъ, и что огромное большинство—именно всѣ младшіе братья—по своему развитію и по своему положенію находятся въ невозможности руководствоваться въ жизни этимъ великимъ принципомъ. Если *каждый* будетъ постоянно стремиться къ своей собственной выгодѣ, и если *каждый* будетъ правильно понимать свою собственную выгоду, то, конечно, никто не будетъ снимать рубашку съ самаго себя, но зато это добродѣтельное сниманіе окажется излишнимъ, потому что каждый будетъ отстаивать твердо и искусно собственную рубашку, и вслѣдствіе этого, каждая рубашка будетъ украшать и согрѣвать именно то тѣло, которое ее выработало. Такимъ образомъ, если принципъ личной выгоды будетъ, съ неуклонною послѣдовательностью, проведенъ во всѣ отправления общественной жизни, то каждый будетъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, и только тѣмъ, что принадлежитъ ему по самой строгой справедливости. Чѣмъ сильнѣе работаетъ мысль въ этомъ направленіи,—тѣмъ сознательнѣе становится стремленіе къ личной выгодѣ,—тѣмъ искуснѣе и безобиднѣе производится полюбовное размежеваніе сопрягающихся интересовъ,—тѣмъ рѣшительнѣе обнаруживается вліяніе просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія на всѣ распоряженія практической власти,—и, слѣдовательно, тѣмъ неотразимѣе оказывается преобладаніе великихъ нравственныхъ принциповъ надъ мелкими политическими расчетами. Всѣ эти пре-

восходные результаты достигаются не искоренением эгоизма — а, напротив того, систематическим превращением всех граждан, с первого до последнего, в совершенно последовательных и правильно рассчитывающих эгоистов. При таком взгляде на вещи, нравственное воспитание отдельной личности или цѣлага общества не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія; нравственное совершенствованіе оказывается только однимъ изъ неизбѣжныхъ послѣдствій умственнаго развитія; что содѣйствуетъ работѣ мысли, то возвышаетъ нравственность; что притупляетъ умъ, то ведетъ къ нравственному паденію. — Контъ, при всемъ своемъ глубокомыслии, не сумѣлъ однако же отдѣлаться отъ толпы тѣхъ рутинныхъ моралистовъ, которые уже богъ знаетъ сколько вѣковъ ведутъ комическую борьбу съ человѣческимъ эгоизмомъ, то есть, съ самымъ великимъ, плодотворнымъ и неистребимымъ свойствомъ нашей животной природы. Къ счастью для насъ, наши косматыя предки; близкіе родственники могучаго гориллы, оставили намъ такую богатую завѣщанію эгоистической силы, которая не поддается ни какимъ морализаторскимъ попыткамъ, и которая будетъ волновать и мучить личность и общество до тѣхъ поръ, пока коллективный умъ чело-вѣчества не отыщетъ для нея широкаго и правильнаго исхода. Еслибъ не было у насъ этой неутомимой горилловской страстности, этой неутолимой жажды личнаго наслажденія, то спиритуалисты съ одной стороны, и мальтузианцы съ другой стороны давно успѣли бы превратить въ кастратовъ огромное большинство нашей породы. Человѣчество спасалось отъ гибели, на каждомъ шагѣ, именно тѣми грубыми животными страстями, противъ которыхъ вооружаются средневѣковые моралисты и вмѣстѣ съ ними позитивистъ Контъ. Нравственная доктрина Конта обрисовывается очень ярко словомъ *altruisme*, которое онъ самъ придумалъ, для того чтобы, въ противоположность къ *эгоизму*, обозначить способность жить для другихъ—*vivre pour autrui*. Въ этой доктринѣ онъ сходитъ съ средневѣковымъ католицизмомъ, которому онъ и свидѣтельствуетъ свое почтеніе за мнимое проведеніе этой доктрины въ политическую жизнь. Но мораль Конта и его средне-вѣковыхъ друзей вытекаетъ изъ такого превратнаго взгляда на человѣческую природу, что каждая попытка приложить эту мораль въ дѣйствительности вовлекаетъ моралистовъ въ безвыходныя противо-

рѣчія съ ихъ собственнымъ ученіемъ. Именно эти роковыя противорѣчія убили теоретическую власть средневѣковыхъ моралистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключались общественныя обязанности средневѣкового аббата? Отказываясь отъ всякой личной выгоды и отъ всякаго личнаго наслажденія, отъ богатства, отъ власти, отъ комфорта, отъ почестей, отъ любви, отъ семейной жизни, — онъ долженъ былъ постоянно побуждать всѣхъ своихъ ближнихъ къ такимъ же точно подвигамъ аскетическаго самоотреченія. Но у ближняго были свои собственные понятія и тенденціи: ему хотѣлось наѣдаться до отвала, напиться до безчувствія, наслаждаться до изнеможенія, и драться съ каждымъ подобнымъ себѣ буяномъ. Такими ближними были почти всѣ феодалыя бароны, то есть, именно тѣ люди, на которыхъ средневѣковому аббату было необходимо дѣйствовать, если только этотъ аббатъ относился серьезно къ своимъ обязанностямъ и чувствовалъ искреннее желаніе сколько нибудь осмыслить и облагородить окружающую жизнь вліяніемъ своихъ возвышенныхъ нравственныхъ доктринъ. Но, чтобы господствовать надъ умами сильныхъ и богатыхъ буяновъ, чтобы не превратиться въ ихъ шута и лакея, аббату было необходимо имъ удивлять ихъ какими нибудь сверхъестественными подвигами самоистязанія, или же стоять съ ними наравнѣ по своему богатству, по своему могуществу и по своему положенію въ обществѣ. Путь самоистязанія такъ узокъ и прискорбенъ, что на него вступало всегда самое незначительное меньшинство, даже въ тѣ времена, когда аскетическое воодушевленіе принимало до нѣкоторой степени эпидемическій характеръ. Поэтому, аббатамъ, чистосердечно преданнымъ своей доктринѣ, но не чувствующимъ въ себѣ присутствія факирскихъ наклонностей, приходилось поневолѣ стремиться къ богатству и къ разнымъ другимъ суетнымъ благамъ, для того чтобы этими благами поддерживать достоинство своего сана и вліяніе всей корпораціи на общественныя дѣла. Этимъ и начинался рядъ роковыхъ внутреннихъ противорѣчій. Аббатъ гнался за богатствомъ, чтобы доставить силу и вѣсъ такой доктринѣ, которая отъ своихъ адептовъ требуетъ презрѣнія къ богатству. Вслѣдствіе этого, каждому желающему представлялся ежеминутно удобный случай уличать аббата въ вопиющемъ разладѣ между словами и поступками. Изъ этого перваго противорѣчія развивалось множество другихъ противорѣчій, еще болѣе крупныхъ и скандальныхъ. Въ средніе вѣка,

основаніе богатства и могущества заключалось въ обладаніи населенными землями. Аббаты и епископы превратились въ феодалныхъ бароновъ. Вступая во владѣніе, баронъ обязанъ былъ приносить присягу своему сюзерену, то есть, тому высшему властителю, который считался настоящимъ собственникомъ даннаго помѣстья, и которому баронъ обязанъ былъ помогать во время войны. Желая владѣть землею, аббаты и епископы должны были подчиняться тѣмъ условіямъ, съ которыми было связано это владѣніе. Они должны были являться по требованію сюзерена съ опредѣннымъ числомъ вооруженныхъ людей, не смотря на то, что основная доктрина была совершенно враждебна, не только наступательнымъ, но и оборонительнымъ войнамъ. Такъ какъ земли, находившіяся во владѣніи епископовъ и аббатовъ, принадлежали императору, королямъ, герцогамъ и разнымъ другимъ свѣтскимъ владѣтелямъ, то эти же владѣтели присвоили себѣ право производить въ аббаты и въ епископы кого имъ было угодно. Духовныя должности стали отдаваться придворнымъ любимцамъ, или продаваться съ аукціоннаго торга. Въ X вѣкѣ случалось нерѣдко, что ребята 5—10 лѣтъ попадали по протекціи въ епископы. «Школьники и безбородые мальчишки, пишетъ Бернаръ Клервальскій, по знатности своего происхожденія, производятся въ церковныя должности, и выдерживая экзамень подъ ферулою учителя, радуются болѣе своему избавленію отъ роугъ, чѣмъ полученію епископскаго сана». Эти явленія вытекали очень естественно изъ того обстоятельства, что епископы и аббаты владѣли обширными помѣстьями; а владѣніе это было необходимо для того, чтобы представители теоретической власти могли дѣйствовать на своихъ современниковъ. Между тѣмъ, искренніе моралисты никакъ не могли переносить тѣхъ безобразій, которыя позволяла себѣ практическая власть, торговавшая духовными должностями и назначавшая въ епископы малолѣтнихъ ребятъ. Для прекращенія этихъ безобразій, понадобилось начать колоссальную борьбу между папствомъ и имперіею. Для достоинства клерикаловъ, для самостоятельности ихъ корпораціи, для утвержденія и распространенія ихъ доктрины, — эта борьба была совершенно необходима, но въ то же время всякая борьба, всякія честолюбивыя стремленія, всякія воинственныя манифестаціи прямо противоположны духу и буквѣ ихъ основной доктрины. Клерикаламъ представлялась, такимъ образомъ, очень печальная дилемма: покориться свѣтской власти — значило

обречь себя на бесцелье и деморализацию; а возстать против этой власти—значило нарушить самые основные законы той морали, которая составляет единственную *raison d'être* клерикальной корпорации. Руководствуясь темъ естественнымъ инстинктомъ самосохранения, который живетъ въ каждомъ индивидуальномъ и коллективномъ организмѣ,—клерикальная корпорация выбрала второй путь. Этотъ путь привадедъ папство сначала къ высшей ступенѣ его могущества, а потомъ къ окончательной побѣдѣ, потому что противорѣчіе между доктринаю и жизнью сдѣлалось очевиднымъ для самыхъ доверчивыхъ простаковъ. Борьба папства съ имперією относится къ самому цвѣтущему времени средневѣкового католицизма; если въ католицизмѣ дѣйствительно существовало стремленіе подчинять политику нравственности,—то это стремленіе должно было выразиться особенно сильно именно въ это время. Между тѣмъ оказывается, что весь этотъ періодъ наполненъ такою борьбою, которую, съ точки зрѣнія католической морали, надо признать за величайшую безнравственность. Папы пускаютъ въ ходъ противъ императоровъ и королей чисто-революціонныя средства, между тѣмъ, какъ имъ, папамъ, было строго приказано повиноваться преобладающимъ властямъ. Значить, политика преобладаетъ надъ нравственностью, вмѣсто того чтобы подчиняться ей. Дѣло дошло до того, что папа Урбанъ II уговорилъ принца Генриха, сына императора Генриха IV, возбуждаться противъ отца и вести съ нимъ кровопролитную войну. То ожесточеніе, съ которымъ сынъ сталъ преслѣдовать отца, называлось, на языкѣ папы, *внушеніемъ свыше* и выполненіемъ божественной воли. Папы, очевидно, утвердилось сразу очень прочно на томъ основательномъ разсужденіи, что цѣль оправдываетъ средства. Это разсужденіе дѣдаетъ величайшую честь ихъ политическимъ способностямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно отнимаетъ у насъ всякую возможность приписывать католицизму внесеніе нравственности въ политику, потому что иначе намъ пришлось бы воздать такую же точно похвалу Николаю Макиавелли и ордену иезуитовъ.

XV.

Втянувшись въ упорную борьбу съ императорами, великіе папы XII и XIII столѣтій сдѣлались предводителями политической партіи,

и стали поступать такъ, какъ поступаютъ, вездѣ и всегда, политическіе дѣятели. Папы постоянно дѣлали то, чего требовали отъ нихъ обстоятельства. Во всемъ своемъ поведеніи они обнаружили очень много искусства, энергіи, твердости и неустрашимости, и очень мало добросовѣстности и нравственной разборчивости. Такъ, напримѣръ, Григорій IX напалъ на сицилійскія владѣнія Фридриха II, въ то время, когда Фридрихъ находился въ Палестинѣ, и слѣдовательно, въ качествѣ крестоносца, имѣлъ наибѣйшее право считать себя совершенно неприкосновеннымъ для всякаго христіанскаго государя. Иннокентій IV преслѣдовалъ того же Фридриха съ такою страстною и неотвѣтимою ненавистью, которая привела въ ужасъ добродушнаго Людовика IX, дѣлавшаго безуспѣшныя попытки помирить папу съ императоромъ. Послѣ смерти Фридриха, Иннокентій сталъ проповѣдывать крестовый походъ противъ сына его, Конрада; примасъ Германіи, архіепископъ майнцскій, былъ отрѣшенъ отъ должности за то, что, на воинственныя прокламаціи папы, онъ осмѣлился отвѣчать словами Иисуса Христа: «вложи мечъ твой въ ножны!» Жизнь и доктрина разошлись между собою такъ далеко, что указанія на доктрину превратились въ политическія преступленія. Видя истребительныя наклонности папы, одинъ епископъ и одинъ аббатъ сговорились между собою зарѣзать Конрада. Послѣ смерти Конрада, папа объявилъ себя опекуномъ его сына, двухлѣтняго Конрадина. Въ качествѣ опекуна, Иннокентій на-чисто отобралъ своего питомца, давши предварительно торжественное и публичное письменное обѣщаніе сохранить его права въ полной неприкосновенности. Преемники Иннокентія продолжали его политику, и дѣло кончилось тѣмъ, что Сицилія досталась французскому принцу, Карлу Анжуйскому, а Конрадинъ, которому папство торжественно обѣщало свое покровительство, погибъ на эшафотѣ, по приказанію новаго сицилійскаго короля, возлюбленнаго сына римской церкви. И такъ, преобладаніе нравственности надъ политикою оказывается чистѣйшимъ мифомъ.

Убѣдившись въ политическомъ безсиліи средневѣковой морали, посмотримъ теперь, какія именно стороны этой нравственной доктрины привлекаютъ къ себѣ особенное сочувствіе Огюста Конта. — Прежде всего Конту очень нравится то, что средневѣковые моралисты проповѣдывали людямъ смиреніе. Контъ полагаетъ, что человеческую гордость слѣдуетъ постоянно унижать какъ можно сильнѣе; онъ на-

дѣется, что *новая общественная философія утверждаетъ и даже усовершенствуетъ въ значительной степени этотъ важный отдѣлъ нравственнаго ученія* (Phil. Rös. V, 308). Надежды Конта основываются на томъ обстоятельстве, что положительныя науки ежeminутно убѣждаютъ человѣка въ слабости и ограниченности его ума. Къ какимъ полезнымъ или приятнымъ результатамъ приведетъ людей это постоянное униженіе гордости—этого Контъ не объясняетъ; но догадаться очень не трудно, почему смиреніе такъ дорого Конту. Тутъ дѣйствуетъ, очевидно, неистощимая любовь къ дисциплинѣ и къ субординации, которыя, какъ извѣстно, развертываются въ полномъ блескѣ именно тогда, когда забитыя, разоренныя и задавленные массы утрачиваютъ всякое сознаніе своего человѣческаго достоинства. Тогда надъ милліонами смиренныхъ людей господствуетъ горсть такихъ личностей, къ которымъ проповѣдь смиренія вовсе не относится. Въ средніе вѣка, моралисты уиѣли смирать только тѣхъ, которые уже были слишкомъ достаточно смиренны обстоятельствами жизни. На бароновъ, на рыцарей, на всѣхъ сытыхъ и пьяныхъ средневѣковыхъ буяновъ, проповѣдь смиренія совсѣмъ не дѣйствовала. А каково было смиреніе самихъ проповѣдниковъ—это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая: въ 1063 году, въ праздникъ Рождества, фульдскій аббатъ, въ Госларскомъ соборѣ, подрался во время обѣдни съ гильдесгейскимъ епископомъ, изъ за рѣшенія вопроса о томъ, кому изъ нихъ сидѣть возлѣ примаса Германіи, архіепископа майнцакаго. Дѣло происходило въ присутствіи малолѣтняго короля, Генриха IV. Герцогъ баварскій помирилъ воинственныхъ прелатовъ, и побѣда осталась за аббатомъ. Но на слѣдующій годъ епископъ принялъ свои мѣры заблаговременно, и въ Троицынъ день спряталъ въ алтарѣ отрядъ вооруженныхъ людей. Въ то время, когда разставляли кресла, эти воины кинулись на людей фульдскаго аббата и обратили ихъ въ бѣгство. Люди аббата воротились съ новыми силами, и въ церкви произошла кровопролитная свалка, причемъ проповѣдники смиренія,—аббатъ и епископъ,—оба ободряли бойцовъ воинственными жестами и восклицаніями.

Далѣе, Конту очень нравятся суровыя отношенія средневѣковой морали къ самоубійству, на которое древніе философы смотрѣли съ большимъ уваженіемъ. Въ самоубійствѣ, конечно, нѣтъ ничего похвальнаго и полезнаго для общества, но такъ какъ каждый чело-

вѣкъ очень достаточно защищенъ противъ самого себя инстинктомъ самосохраненія, и такъ какъ, вслѣдствіе этого, самоубійство всегда и вездѣ бываетъ чрезвычайно рѣдко, то нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній придавать особенно важное значеніе суровымъ или спсходительнымъ взглядамъ моралистовъ на это преступленіе. Самоубійцами дѣлаются обыкновенно или помѣшанные, или неизлечимо больные, или осужденные на смерть. Во всѣхъ этихъ людяхъ общество почти ничего не теряетъ, или, по крайней мѣрѣ, теряетъ только то, что оно само готовилось у себя отнять. Но Контъ возмущается въ самоубійствѣ не тѣмъ реальнымъ убыткомъ, который нанесется обществу, а преимущественно фактомъ неповиновенія, непозволительнымъ нарушеніемъ должной субординаціи. Поэтому, онъ выражаетъ надежду, что, при господствѣ положительной философіи, самоубійство будетъ осуждаться еще строже, и что это осужденіе окажется вполне дѣйствительнымъ, не смотря на то, что позитивиста уже нельзя будетъ пугать загробными мученіями. Здѣсь намъ представляется превосходный случай измѣрить всю колоссальность того деспотизма, которому, по мнѣнію Конта, можно и должно подчинять людей для ихъ же собственнаго благополучія. Контъ говоритъ, что «люди должны быть непобѣдимо привязаны къ жизни, такъ чтобы они не могли избавлять себя отъ ея мучительныхъ послѣдствій внезапною катастрофою, предоставляющею каждому опасную способность уничтожать, по своему произволу, ту необходимую реакцію, которую общество рассчитывало на него произвести.» Слова *необходимая реакція*, очевидно, обозначаютъ наказаніе, на столько тяжелое, что виновный предпочитаетъ ему лишеніе жизни. Преступникъ, поставленный въ такое положеніе, видитъ въ обществѣ своего злѣйшаго врага; между преступникомъ и обществомъ порваны всѣ связи; нѣтъ мѣста для другихъ чувствъ, кромѣ взаимной ненависти; чтобы вырваться изъ рукъ своего неумолимаго преслѣдователя, преступникъ прибѣгаетъ къ самому отчаянному средству. И въ эту-то минуту, когда человѣкъ, отвергнутый обществомъ, бросаетъ ему свое послѣднее проклятіе, въ эту минуту Контъ считаетъ возможнымъ тотъ шансъ, что преступника удержитъ уваженіе къ господствующему суровому взгляду на самоубійство. Для того, чтобы этотъ шансъ былъ дѣйствительно возможенъ, надо систематически, съ самой колыбели, превращать человѣка въ автоматъ, который будетъ не только поступать, но даже чувствовать и думать

исключительно такъ, какъ того требуютъ законы и обычаи данного общества. Такая дрессировка составляетъ для Контъ вѣдѣе его желаній. Онъ желаетъ этой дрессировки не для того, чтобы уничтожить самоубійства; напротивъ того, уничтоженіе самоубійствъ имѣетъ въ его глазахъ огромную важность именно потому, что оно выражаетъ собою полный успѣхъ дрессировки. Личность выдрессирована такъ, что прививныя чувства и мысли становятся сильнѣе естественныхъ инстинктовъ; и что страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ продолжаетъ дѣйствовать, тогда, когда разорваны всѣ связи съ обществомъ, и когда уже замолчалъ даже голосъ самосохраненія. Выше этого идеала не поднимался еще ни одинъ теоретикъ деспотизма въ цѣломъ мірѣ.

Какъ рѣшительный противникъ эманципаціи женщинъ, Контъ восхищается тѣми отношеніями, которыя установила между обоими полами средневѣковая мораль. Контъ съ особеннымъ удовольствіемъ настаиваетъ на томъ обстоятельстве, что католицизмъ, устраняя женщину отъ священнодѣйствія, къ которому ихъ допускала отчасти классическая древность, — стремится такимъ образомъ привязать женщинъ къ домашнему очагу, на которомъ и должны сосредоточиваться всѣ ихъ помысленія и вся ихъ дѣятельность. Отведя женщинамъ ихъ настоящее мѣсто, католицизмъ, по мнѣнію Контъ, значительно улучшилъ ихъ общественное положеніе, и доставилъ имъ, со стороны мужчинъ, то уваженіе, которое составляетъ выдающуюся черту въ рыцарскихъ нравахъ. Средневѣковая жизнь дѣйствительно произвела въ судьбѣ женщинъ довольно важныя улучшенія, но эти улучшенія не могутъ быть приписаны католицизму, который вообще относился къ женщинамъ очень сурово и презрительно. Средневѣковыя моралисты любили попрекать своихъ современницъ грѣхомъ несмотрительной Еввы, и совѣтовали имъ очень серьезно, олицетвлять, не осушая глазъ, тотъ поступокъ легкомысленной прародительницы, благодаря которому человечество утратило свое первобытное блаженство. Строгіе моралисты утверждали также, что женщины, унаследовавъ отъ Еввы ея легкомысліе, составляютъ и будутъ составлять постоянно самое серьезное препятствіе на пути человечества къ нравственному совершенству и къ вѣчной жизни. Изъ такого суроваго взгляда на женщину никакъ не могло развиться чувство почтительной и страстной рыцарской любви. Это чувство и не развилось бы никогда, если бы католическая мораль не нашла себѣ

решительнаго противу себя въ характеръ германской расы. При какихъ условіяхъ сформировался этотъ характеръ, мы не знаемъ, но достоверно известно то, что уваженіе къ женщинамъ встрѣчается въ древнѣйшихъ германскихъ легендахъ и законахъ, сложившихся задолго до вторженія германцевъ въ предѣлы римской имперіи. По баварскимъ законамъ, за оскорбленіе, нанесенное женщинамъ, платится болѣе высокой штрафъ, чѣмъ за оскорбленіе мужчины, потому, говоритъ законъ, что женщина не можетъ сама защитить себя оружіемъ. Кто пощметъ свободной женщины палецъ или руку, тотъ, по салическому закону, долженъ заплатить 15 солидовъ золота (около 375 рублей), кто пощметъ женщину руку выше локтя, платитъ вдвое. (Laurent. Les barbares et le catholicisme. p. 36). Скандинавскія саги заключаютъ въ себѣ множество эпизодовъ самой почтительной любви между сильными королями, съ одной стороны, и простыми пастушками, съ другой стороны. Все это такіе задатки, изъ которыхъ рыцарскимъ нравамъ вовсе не трудно было развиться. Здѣсь, и также во многихъ другихъ случаяхъ, Контъ обращаетъ слишкомъ мало вниманія на характеръ расы, помимо котораго невозможно составить себѣ ясное понятіе о средневѣковыхъ идеяхъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Воздавши католицизму должную дань уваженія за привязываніе женщинъ къ домашнему очагу, Контъ выражаетъ надежду, что эманципаторскія попытки нашего времени потерпятъ познѣйшую неудачу, и что, подъ господствомъ позитивизма, женщины всѣхъ классовъ общества будутъ предаваться исключительно исполненію высокихъ обязанностей супруги и матери. Люди, желающіе обезпечить за женщинами экономическую дѣятельность, обыкновенно, указываютъ барынямъ и барышнямъ на кухарокъ и прачекъ, умѣющихъ добывать себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ. Контъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ указываетъ прачкамъ и кухаркамъ на барынь и барышень, которыя, навѣрное, никакъ не ожидали и не надѣялись превратиться, для кого бы то ни было, въ образецъ, достойный подражанія. Контъ говоритъ съ своей обыкновенной серьезностью и торжественностью, что «въ высшихъ классахъ общества, женщины могли, съ большимъ удобствомъ, слѣдовать своему истинному назначенію; и вслѣдствіе этого, должны, нѣкоторымъ образомъ, сдѣлаться естественнымъ типомъ, къ которому, со временемъ, будутъ, по возможности, стремиться, съ разныхъ сторонъ, всѣ другія формы женскаго существованія».

(Phil. Rev. V, 312.) И такъ, всѣмъ женщинамъ предписывается, во имя положительной философіи, стремиться къ благородной праздности, которая, по наслѣдованіямъ Конта, оказывается необходимою для безукоризненнаго выполненія высокихъ обязанностей супруги и матери. Супруга, какъ извѣстно, должна, своимъ сознательнымъ сочувствіемъ, подкрѣплять и ободрять своего мужа, работающаго на пользу общества и обязаннаго твердо стоять за то, что онъ считаетъ правдою. Мать, какъ извѣстно, должна приучать своихъ дѣтей къ труду и къ честному пониманію человѣческихъ и гражданскихъ обязанностей. По теоріи Конта оказывается, что хорошею супругою и хорошею матерью будетъ только та женщина, которая сама никогда не трудилась, никогда не принимала никакого участія въ общественной жизни, не несла на себѣ никакой серьезной обязанности и не умѣла полюбить дѣятельною любовью ни одной великой идеи. Такая женщина особенно способна дѣлать съ своимъ мужемъ его заботы, способна потому, что сама не имѣетъ объ этихъ заботахъ никакого понятія. Такая женщина особенно способна внушить своему сыну любовь къ труду, способна потому, что сама не оскверняла своихъ нѣжныхъ рукъ никакою работою. Такая женщина особенно способна воодушевить мужа, брата или сына на смѣлое и честное выполненіе великаго гражданскаго долга, способна потому, что сама безраздѣльно погружалась мыслью и чувствомъ въ повѣрку копѣчныхъ счетовъ, представляемыхъ вухарками, прачками, портнихами и обойщиками.

Далѣе, Контъ восхищается тѣмъ, что католицизмъ освятилъ неразрушимость брака. Эта неразрушимость, разсуждаетъ Контъ, превосходно соотвѣтствуетъ истиннымъ потребностямъ нашей природы; безъ этой неразрушимости «наша краткая жизнь потратилась бы на безконечный и обманчивый рядъ плачевныхъ попытокъ». (Phil. Rev. V, 311.). Опасность *потратить* на глупости *краткую жизнь* обусловливается такими общественными явленіями, надъ которыми самая возвышенная нравственная доктрина не можетъ имѣть ни малѣйшаго контроля. Устранить эту опасность католицизмъ былъ не въ силахъ. Въ самомъ дѣлѣ, тратить жизнь на *плачевныя попытки*, то есть, устраивать свадьбы и разводы по нѣскольку разъ въ годъ могутъ только тѣ мужчины и женщины, которые не имѣютъ никакихъ серьезныхъ занятій и обязанностей, и которые живутъ на всемъ на готовомъ, присвоивая себѣ и поглощая въ изобиліи продукты чу-

жого труда. Кто самъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе, тому некогда бѣгать по городамъ и селамъ для пріобрѣтенія новыхъ интересныхъ знакомствъ, способныхъ повести за собою *плачевную попытку*. Кто занятъ съ утра до вечера серьезными заботами, тотъ ищетъ себѣ серьезнаго сочувствія, а не гаремныхъ развлеченій, годныхъ только для тѣхъ людей, которые съ утра до вечера страдаютъ болѣзненною скукою тунеядца. *Плачевныя попытки* для трудящагося человѣка были бы положительно неприятны, если бы даже онѣ были возможны, то есть, если бы даже у него было на то достаточно свободнаго времени. Работникъ какъ человѣкъ, принужденный смотрѣть на жизнь серьезно, умѣетъ цѣнить дружбу и вносить элементъ дружбы во всѣ свои отношенія къ близкимъ и симпатичнымъ ему людямъ; при такихъ условіяхъ о *плачевныхъ попыткахъ* нечего и заикаться, потому что всякому извѣстно, что старый другъ лучше новыхъ двухъ, и что никому никогда не приходило въ голову разорвать сношенія съ вѣрнымъ и испытаннымъ другомъ изъ любви къ разнообразію, или вслѣдствіе неопредѣленной надежды отыскать себѣ новаго друга, еще болѣе доброкачественнаго. Слѣдовательно, если мы видимъ, что въ какомъ нибудь обществѣ господствуетъ наклонность къ *плачевнымъ попыткамъ*, то причину этого уродливаго явленія мы должны искать никакъ не въ томъ, что данное общество не обсыпано благодѣяніями средневѣковой морали. Причину надо искать гораздо глубже, въ экономическомъ и социальномъ строѣ даннаго общества. Лечить это общество надо также не регламентаціе половыхъ отношеній, а радикальными экономическими преобразованіями. Прежде всего, надо замѣтить, что *плачевнымъ попыткамъ* нигдѣ и никогда не можетъ предаваться все населеніе страны сверху до низу. *Плачевныя попытки*—занятіе барское, доступное только самому незначительному меньшинству, и чѣмъ ярче обозначается наклонность къ *плачевнымъ попыткамъ*, тѣмъ незначительнѣе по своему числу то меньшинство, которое имъ предается. Проще и яснѣе, чѣмъ неравномѣриѣ распредѣляются богатства, тѣмъ сильнѣе свирѣпствуетъ развратъ, потому что съ одной стороны, меньшинство, желая разогнать свою скуку, требуетъ себѣ птичьяго молока, и пускается во всякія затѣи, а съ другой стороны, большинство, постоянно имѣя передъ собою перспективу голодной смерти, оказывается въ высшей степени способнымъ питать всевозможныя затѣи своею собственною

плотью и кровью. Словомъ меньшинство, выдвигаетъ купцовъ, а большинство поставяетъ товаръ. Когда историкъ говоритъ о господствѣ *плачевныхъ попытокъ* въ данномъ обществѣ, то онъ, при этомъ постоянно имѣетъ въ виду только меньшинство, которое такимъ образомъ играетъ роль *всего общества*, отбрасывая массу націи на самый задній планъ, туда, куда историкъ дѣйствительно не зачѣмъ и заглядывать, потому что въ этихъ сферахъ жизнь и движеніе мысли остановились и оцѣпенѣли подъ гнетомъ нужды и непожѣрнаго воловьего труда. Настоящее зло именно въ томъ и состоитъ, что праздное меньшинство—все, а трудящаяся масса—ничто. Изъ этого основного зла развивается множество всякихъ нарывовъ и прыщей, которые могутъ служить для историка драгоценными симптомами существующей болѣзни, но которые никакъ не допускаютъ отдѣльнаго или частичнаго леченія. Однимъ изъ этихъ второстепенныхъ нарывовъ оказывается наклонность къ *плачевнымъ попыткамъ*, наклонность, которая устоять противъ всякой возвышенной морали, и погибнетъ только тогда, когда реформа сверху или переворотъ снизу нанесетъ рѣшительный ударъ сложному эксплуататорскому механизму, перетягивающему продукты народнаго труда изъ нижнихъ слоевъ общества въ верхніе. Когда не будетъ тунелдцевъ, тогда не будетъ и пороковъ, развивающихся изъ тунелдства. Что же касается до запрещенія разводовъ, то оно никакимъ образомъ не можетъ положить конецъ *плачевнымъ попыткамъ*, потому что настоящіе любители такихъ *попытокъ* всего менѣе заботятся о томъ, чтобы принимать на себя какія нибудь обязательства. Развода можетъ желать только такой человекъ, который, будучи связанъ съ одною особою, полюбилъ серьезно другую, и, вслѣдствіе этого, считаетъ необходимымъ дать этой другой прочное общественное положеніе. Напротивъ того, люди, забавляющіе себя разнообразіемъ, не имѣютъ никакой причины добиваться развода, потому что брачныя узы никогда не имѣли любовнымъ шалостямъ, и даже придавали этимъ шалостямъ всю прелесть запрещеннаго плода, особенно привлекательнаго для скучающихъ тунелдцевъ.—Контъ утверждаетъ, — по поводу неразрушимости брака,—что огромное большинство нашей породы состоитъ изъ бѣзцвѣтныхъ личностей, для которыхъ полная самостоятельность даже обременительна, и которымъ гораздо удобнѣе подчиняться неодолимой необходимости и жить по предписанной программѣ, чѣмъ выбирать себѣ дорогу и составлять планъ

дѣйствию собственнымъ умомъ. Это разсужденіе показываетъ ясно, что неразрушимость брака является только одною крошечною частицею той благодѣтельной опеки, которая, по мнѣнію Конта, должна осласлиивить безцвѣтное большинство. Какъ неразрушимость брака, такъ и запрещеніе самоубійства особенно драгоцѣнны Конту, именно потому, что обозначаютъ собою искорененіе личнаго своеволія, и торжество спасительной субординаціи. Безцвѣтность большинства служитъ оправданіемъ опеки, но само собою разумѣется, что опека, въ свою очередь, будетъ поддерживать, упрочивать и даже усиливать эту безцвѣтность, великодушно снимая съ безцвѣтныхъ людей тяжелую обязанность задумываться надъ задачами жизни. Такимъ образомъ, опека и безцвѣтность будутъ взаимно увѣковѣчивать другъ друга, и атрофія головного мозга сдѣлается одною изъ важнѣйшихъ причинъ прочнаго человѣческаго благосостоянія, подобно тому, какъ атрофія ногъ считается у китайцевъ одною изъ важнѣйшихъ условій физическаго красоты.

Наковецъ, Контъ объяснилъ намъ, что католицизмъ замѣняетъ энергическій, но дикій патріотизмъ древнихъ болѣе возвышеннымъ чувствомъ челоуѣколюбія или всеобщаго братства. Вслѣдъ за тѣмъ Контъ оговаривается на счетъ религіозныхъ антипатій, которыя на самомъ дѣлѣ значительно стѣсняли проявленіе доброжелательныхъ чувствъ. Эта оговорка Конта почти совершенно уничтожаетъ его главную мысль. Если положить на одну чашку вѣсовъ всю массу ненависти, порожденной и взлелѣянной католицизмомъ, а на другую всю массу любви, выработанной имъ же, то по всей вѣроятности, первая чашка перетянетъ. О крестовыхъ походахъ и обо всѣхъ другихъ войнахъ съ сарацинами и съ сѣверными язычниками говорить неацѣмъ; эти войны могли быть порождены національною ненавистью и политическою необходимостью, хотя въ такомъ случаѣ онѣ, разумѣется, не имѣли бы того истребительнаго характера, который былъ имъ приданъ въліяніемъ католицизма. Гораздо важнѣе отношенія средневѣковыхъ европейцевъ къ евреямъ, которые жили съ ними рядомъ, въ однихъ и тѣхъ же городахъ, и которые, конечно, могли бы слиться съ ними, войти въ составъ отдѣльныхъ европейскихъ націй, и превратиться въ полезныхъ и счастливыхъ гражданъ, если бы ихъ не преслѣдовала религіозная ненависть католиковъ, поощряемыхъ сенщеніями соборовъ и папскихими посланіями папъ и епископовъ. Еще важнѣе отношенія като-

ликовъ въ еретикамъ; здѣсь католицизмъ является прямо силою, разрывающею всѣ гражданскія и родственныя связи, здѣсь католицизмъ вооружаетъ одну половину народа противъ другой; здѣсь онъ превращаетъ своихъ адептовъ въ шпионовъ, доносчиковъ и палачей; словомъ, здѣсь онъ производитъ на свѣтъ такое нравственное безобразіе, о которомъ классическая древность не имѣла понятія. Шпионы, доносчики и палачи были, конечно, и въ Греціи, и въ Римѣ, но тамъ занимались этими дѣлами люди, продавшіе свою совѣсть за наличныя деньги; на нихъ такъ и смотрѣли даже тѣ особы, которыя пользовались ихъ услугами. Католицизмъ, напротивъ того, выдумавши новое преступленіе *ересь*, ухитрился превратить доносы и пытки въ доблестныя подвиги и въ священную обязанность. Инквизиторы очень серьезно считали себя благодѣтелями челоуѣчества, а несчастные люди, поддерживавшіе дѣятельность инквизиторовъ своими доносами, совершенно искренно были убѣждены въ томъ, что исполняютъ важнѣйшій долгъ честнаго челоуѣка. Если мы примемъ въ соображеніе, что ереси возникали и плодились въ каждомъ городишкѣ или мѣстечкѣ, и что при всеобщей напуганности ревностныхъ католиковъ, ересью могло показаться имъ каждое неосторожное слово, произнесенное сдуру или съ пьяну; то мы поймемъ, что чувства ненависти и взаимнаго недоуѣрія, порожденныя ежедневными усиліями проповѣдниковъ и моралистовъ, должны были совершенно заглушать чувство общаго челоуѣколюбія, предписанное буйвою и духомъ основной доктрины. Не мѣшаетъ также припомнить здѣсь и ту знаменитую вражду между гвельфами и гибеллинами, которая родилась и выросла подъ влияніемъ вѣковой борьбы папства и имперіи. Здѣсь не было даже и догматическаго разногласія. Здѣсь папа, какъ глава политической партіи, пользовался противъ своихъ *политическихкихъ* противниковъ тѣмъ оружіемъ, которое онъ, какъ глава церкви, имѣлъ право употреблять только противъ враговъ религіи. Все это приносило очень мало пользы нравственному совершенствованію европейцевъ, но все это вытекало самымъ логическимъ образомъ изъ основныхъ свойствъ той системы, которую Контъ называетъ *le chef-d'oeuvre politique de la sagesse humaine*. Если существуетъ организованная теоретическая власть, то она должна заботиться о своемъ самосохраненіи, и вслѣдствіе этого, должна, отложивъ въ сторону нравственную разборчивость, бить своихъ враговъ всѣмъ тѣмъ, что попадается ей подъ руку, то есть, всѣмъ тѣмъ, что че-

ловѣческая глупость оставляетъ въ ея распоряженіи. Отъ такой власти, которая ежеминутно борется за свое существованіе, смѣшно даже и требовать, чтобы она развивала въ своихъ приверженцахъ чувство всеобщаго человѣколюбія. Эта власть, прежде всего, постарается превратить своихъ приверженцевъ въ солдатъ, готовыхъ биться за нее на жизнь и на смерть, во всякую данную минуту, съ кѣмъ бы то ни было и какими бы то ни было, честными или безчестными средствами. Того требуетъ логика вещей, и, слѣдовательно, о всеобщемъ человѣколюбіи нечего и думать, потому что этому чувству можетъ научить людей только свобода, посвященная разумному и общественному труду.

Католическое милосердіе, по мнѣнію Конта, дастъ людямъ самое лучшее средство облегчать, по возможности, страданія, неизбежныя въ общественной жизни и относящіяся преимущественно къ распредѣленію богатствъ. Этому трогательному милосердію Контъ съ горечью противопоставляетъ тѣ *чисто матеріальныя или политическія мѣры, безсильныя и тиранническія, и способныя повести за собою самыя тяжелья общественныя потрясенія*,—словомъ, тѣ мѣры, къ которымъ желаютъ прибѣгнуть безразсудные социалисты. Само собою разумѣется, что католики оказываются несравненно мудрѣе и добродѣтельнѣе социалистовъ, и что позитивистамъ предписывается подражать католикамъ. Рѣшеніе задачи о голодныхъ людяхъ возлагается на будущую теоретическую власть, которая дастъ богачамъ превосходное нравственное воспитаніе и обяжетъ ихъ такимъ образомъ осыпать бѣдное челоѣчество всевозможными благодѣяніями. Это наивное рѣшеніе, эта апологія богадѣленъ, милостыни и нищенства показываетъ ясно, что Контъ не имѣлъ никакого понятія о тѣхъ простѣйшихъ законахъ, по которымъ совершается въ обществѣ движеніе и накопленіе продуктовъ труда. И если бы контовскія идеи были проведены въ жизнь, то онѣ дали бы совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ожидалъ отъ нихъ Контъ. Но нетрудно понять, что эти идеи неприложимы. Чисто-нравственное вліяніе оказывается всегда совершенно безсильнымъ, если оно идетъ наперекоръ личнымъ выгодамъ тѣхъ людей, на которыхъ слѣдуетъ дѣйствовать, и если, кромѣ того, оно ежеминутно парализируется тѣми разнообразными искушеніями, которыя порождаетъ весь строй общественной жизни. При такихъ условіяхъ сами вліятели развращаются до мозга костей, и становятся на одинъ уровень съ тѣми людьми, которыхъ требо-

жалось облагородить. Эту истину доказали своими приёмами католическіе монахи, аббаты, епископы, кардиналы и папы. Эту же истину испыталъ бы на себѣ немедленно контовскій *rouvoir spirituel*, если бы только онъ дѣйствительно могъ организоваться.— Поэтому, для рѣшенія задачи о голодныхъ людяхъ необходимо соблюденіе двухъ условій. Во первыхъ, задачу эту должны рѣшить непременно тѣ люди, которые въ ея разумномъ рѣшеніи находятъ свои личныя выгоды, то есть, ее должны рѣшать сами голодные люди, сами пролетаріи, сами работники. Кто беретъя рѣшать ее для работниковъ, но не черезъ работниковъ, тотъ навѣрное кого нибудь обманываетъ, самого себя, или свою публику. Во вторыхъ, рѣшеніе задачи заключается не въ воздѣлываніи личныхъ добродѣтелей, а въ перестройкѣ общественныхъ учрежденій.—Этихъ двухъ условій не выполнили ни Контъ, ни его средневѣковые друзья. Впрочемъ, надо и то сказать, что Контъ, подобно католическимъ моралистамъ, ширится очень добродушно съ пауперизмомъ, видя въ немъ неизбежное, и, слѣдовательно, нормальное явленіе. Это, по его соображеніямъ, одно изъ *inconvenients inséparables de l'état social*. Это значить, что социальная задача для него неразрѣшима, и что, слѣдовательно, съ нимъ нечего и толковать о такихъ вопросахъ, въ которыхъ онъ ровно ничего не понимаетъ.—

XVI.

Все, что Контъ говоритъ объ историческомъ развитіи нравственности, составляетъ самое слабое и, въ тоже время, единственное слабое мѣсто его великаго историко-философскаго труда. Основная причина его ошибокъ заключается въ той, совершенно несостоятельной мысли, что нравственность можетъ развиваться и совершенствоваться сама собою, независимо отъ успѣховъ знанія и отъ различныхъ улучшеній въ экономической жизни общества. Конечно, Контъ понималъ очень хорошо, что области знанія, промышленности и нравственности находятся въ постоянномъ сообщеніи между собою и, вслѣдствіе этого, постоянно дѣйствуютъ другъ на друга; но ошибка его заключалася именно въ томъ, что онъ принималъ нравственность за отдѣльную область, въ которой могутъ совершаться самостоятельныя ииженія, и которая посредствомъ этихъ

измѣненій можетъ дѣйствовать на другія области и на всю совокупность человѣческаго существованія и развитія. Неосновательность этого мнѣнія доказать не трудно. Въ самомъ дѣлѣ, основной принципъ всей человѣческой дѣятельности заключается вездѣ и всегда въ стремленіи человѣка къ собственной выгодѣ, то есть, къ тому, что соответствуетъ потребностямъ его организма. Этотъ основной принципъ не измѣняется нигдѣ и никогда, но поступки, въ которыхъ проявляется стремленіе къ выгодѣ, могутъ быть бесконечно разнообразны, во-первыхъ потому, что пониманіе выгоды бываетъ неоднаково, а во-вторыхъ потому, что средства, находящіеся въ распоряженіи человѣка, бываютъ также неодинаковы. Пониманіе собственно выгоды есть не что иное, какъ практическій выводъ изъ всего міросозерцанія, то есть, изъ совокупности всѣхъ взглядовъ человѣка на природу, на самого себя и на окружающихъ людей. Особенности же міросозерцанія зависятъ, во-первыхъ, отъ количества собранныхъ наблюденій, и во-вторыхъ, отъ логическаго достоинства теорій, построенныхъ на основаніи добытыхъ фактическихъ знаній; вѣрность и разумность даннаго міросозерцанія увеличивается или тогда, когда парастаетъ запасъ фактовъ, или тогда, когда совершенствуются логическіе приемы. Эти двѣ категоріи улучшеній относятся одинаково къ области умственнаго развитія, и обнаруживаютъ одинаково сильное вліяніе на пониманіе личной выгоды. — Наблюденія и размышленія человѣка надъ природою и надъ собственнымъ организмомъ не только даютъ ему пониманіе личной выгоды, но, въ тоже время, показываютъ ему и тѣ пути, по которымъ онъ долженъ идти къ этой выгодѣ. Совокупность этихъ путей называется промышленностью и составляетъ прикладную отрасль умственнаго развитія. Составивъ себѣ извѣстное пониманіе личной выгоды, и приравнявшись къ тѣмъ средствамъ, которыми достигается выбранная цѣль, человѣкъ втягивается въ извѣстный образъ жизни, и приобретаетъ себѣ извѣстный комплектъ привычекъ. Та часть этого комплекта, которая обнимаетъ собою отношенія человѣка къ другимъ людямъ, называется *нравственностью*. Спрашивается теперь, такия причины могутъ произвести въ прибрѣтенныхъ привычкахъ какия бы то ни было измѣненія? — Привычки, а слѣдовательно, и нравственность, — могутъ измѣниться только тогда, когда измѣняются основанія привычекъ, то есть *пониманіе* или *средства*. Улучшиться эти привычки могутъ только тогда, когда совершится какое нибудь

открытие, или возникнетъ болѣе рациональная гипотеза, или будетъ сдѣлано какое нибудь изобрѣтеніе, — вообще тогда, когда расширится міръ человѣческой мысли или усилится господство человѣка надъ природою. Высшая точка нравственнаго развитія будетъ достигнута тогда, когда *пониманіе* выгоды сдѣлается безукоризненно вѣрнымъ, и когда *средства* уравновѣсятъ желанія, то есть тогда, когда человѣкъ дойдетъ до крайнихъ предѣловъ теоретическаго знанія и практическаго могущества. Составные элементы нравственности заключаются такимъ образомъ въ чистой и въ прикладной наукѣ. Контъ смотритъ на это дѣло иначе. Объявляя непримиримую вражду принципу личной выгоды, Контъ видитъ главную задачу нравственности въ систематическомъ ослабленіи эгоизма. Эта борьба съ эгоизмомъ должна состоять въ особенныхъ упражненіяхъ, влонящихся къ искусственному удерживанію страстей, и къ такому же искусственному расшевеливанію доброжелательныхъ влеченій. Если оказывается, такимъ образомъ, крайняя необходимость дрессировать и гонять на кордѣ человѣка, какъ манежную лошадь, то, разумѣется, надо создать особенный организованный классъ берейторовъ, обязанныхъ хранить и совершенствовать великіе принципы манежной выѣздки. Этотъ классъ берейторовъ называется у Конта *rouvoir spirituel*, и занимается не возвышеніемъ уровня человѣческихъ знаній и даже не распространеніемъ знаній уже добытыхъ, а именно формированіемъ добродѣтельныхъ привычекъ и придумываніемъ разныхъ морализирующихъ упражненій. Чтобы эта нравственная гимнастика имѣла какіе нибудь шансы успѣха, теоретическая власть непременно должна быть организована и приведена къ строгому единству, потому что какія бы то ни было привычки могутъ получить обязательную силу только въ томъ случаѣ, если каждая отдѣльная личность будетъ постоянно встрѣчаться съ этими привычками во всемъ окружающемъ обществѣ. Напротивъ того, іерархическая органическая организація и строгое единство были бы совершенно излишни и даже невозможны, если бы настоящее значеніе нравственности было опредѣлено вѣрно, и если бы, вслѣдствіе этого, теоретическая власть дѣйствовала не на привычки людей, а на ихъ убѣжденія, и дѣйствовала бы не силою авторитета, а очевидностью строгихъ доказательствъ. Признавая необходимость дрессировки и берейторовъ, Контъ нашелъ въ средневѣковой организаціи именно то, что онъ считалъ особенно драгоценнымъ; онъ на-

шелъ тайтъ цѣлое громадное министерство, старавшееся регламентировать нравственность, и не обращавшее никакого вниманія ни на реальныя свойства природы и человѣка, ни на условія мѣста и времени. Этого было довольно, чтобы очаровать и ослѣпить Конта. Увлечшись своими морализаторскими пристрастіями, онъ увидалъ въ средневѣковой системѣ небывалое раздѣленіе властей, и еще болѣе небывалое преобладаніе справедливости надъ политическимъ расчетомъ. Кроме того, онъ, въ своемъ увлеченіи, приписалъ необыкновенную плодотворность и дѣйствительность разнымъ нравственнымъ сентенціямъ и декретамъ, которые оставались всегда мертвою буквою и которые, по своей противоположности съ естественными человѣческими наклонностями и потребностями, ни въ какомъ случаѣ не могли принести людямъ ни малѣйшей пользы. Эти ошибочныя мнѣнія Конта, выходящія изъ его невѣрнаго взгляда на нравственность, и изъ его неосновательной несправедливости къ эгоизму, я постарался опровергнуть на предыдущихъ страницахъ. Теперь я снова обращаюсь къ тѣмъ глубокимъ и разумнымъ идеямъ Конта, съ которыми я совершенно согласенъ.

Вся исторія человѣческой мысли представляетъ намъ колоссальную борьбу разсудка съ воображеніемъ, борьбу, которая не кончена до сихъ поръ, но въ которой окончательная побѣда разсудка не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію. Съ тѣхъ поръ, какъ началась достоверная исторія, разсудокъ постоянно одерживаетъ побѣды, а воображеніе, дѣлая одну уступку за другою, постоянно отодвигается назадъ, оставляетъ разсудку все больше и больше простора, и при этомъ занимаетъ новыя укрѣпленныя позиціи, которыя его неутомимый противникъ беретъ приступомъ, не смотря на самое упорное и продолжительное сопротивленіе. Въ началѣ исторіи, воображеніе было всецѣльно; во времена *фетишизма* для разсудка не было мѣста; самыя простыя и мелкія явленія объяснялись фантастическимъ образомъ; однакоже, разсудокъ, опираясь на свидѣтельство пяти чувствъ, сдѣлалъ свое дѣло, и выбилъ воображеніе изъ самой крѣпкой его позиціи; воображеніе отодвинулось назадъ, предоставило разсудку объясненіе простѣйшихъ явленій и состроило себѣ новую твердыню — систему *политеизма*. Укрѣпившись тѣми наблюденіями, которыя сдѣлалъсь возможнымъ послѣ паденія фетишизма, разсудокъ повелъ свою атаку противъ политеизма и подрылъ его тѣмъ аргументомъ, что постоянство и правильность, за-

нѣчаемыя во всѣхъ явленіяхъ природы, несовмѣстны съ гипотезою о существованіи многихъ правителей, способныхъ расходиться между собою въ своихъ мнѣніяхъ, желаніяхъ, и дѣйствіяхъ. Тогда воображеніе еще разъ отступило назадъ, и выработало себѣ ту доктрину, которая наложила свою печать на средневѣковой періодъ. Разсудокъ, конечно, не уgomонился. Такъ какъ средневѣковая доктрина была уступкою, которую воображеніе принуждено было сдѣлать разсудку, то, разумѣется, эта доктрина была для разсудка менѣе стѣнительна, чѣмъ политеизмъ. Поэтому, водвореніе средневѣковой доктрины было полезно для умственного развитія Европы. Однакоже, несомнѣнно то, что, вслѣдъ за торжествомъ новой доктрины надъ политеизмомъ, умственное движеніе приостановилось на нѣсколько столѣтій; съ III вѣка до XI-го, Европа не произвела ничего новаго и оригинальнаго ни въ наукѣ, ни въ литературѣ. Замѣчательно, что эта приостановка произошла раньше нашествія варваровъ. Этотъ упадокъ умственной дѣятельности объясняется, съ одной стороны, общимъ политическимъ и экономическимъ ослабленіемъ римской имперіи, и, съ другой стороны, направленіемъ новой доктрины, требовавшей отъ своихъ адептовъ высокихъ добродѣтелей и относившейся, не только равнодушно, но даже презрительно и враждебно къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ, заподозрѣннымъ въ порожденіи умственной гордости. Умные и даровитые люди рождались, конечно, и въ тѣ вѣка, которые считаются эпохою самаго глубокаго невѣжества и варварства; потребность работать умомъ не замирала никогда; но этой потребности средневѣковая доктрина открыла новую форму удовлетворенія. Умные, даровитые и даже гениальные люди въ то время были необходимы для того, чтобы развить главныя подробности доктрины, чтобы устранить внутреннія противорѣчія и разномыслія, чтобы поддерживать письмами и поученіями общее единодушное воодушевленіе, чтобы привлекать постоянно новыхъ адептовъ, чтобы основать великое европейское единство, и чтобы надъ этимъ единствомъ поставить тотъ сильный и стройный политическій организмъ, который впоследствии далъ папамъ возможность побѣждать императоровъ и королей. Этотъ политическій организмъ надо было сформировать, и дѣло это было тѣмъ болѣе трудно, что въ прошедшемъ не существовало ни одного такого учрежденія, которое можно было бы взять за образецъ. Это формированіе производилось въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія и было закончено, во второй поло-

внѣ XI вѣка, папою Григоріемъ VII. Во все это время, практическія заботы этого созиданія постоянно поглощали умственные способности тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, могли бы сдѣлаться Ньютонами, Колумбами, Гарвеями или Шекспирами. Диспуты о разныхъ очень возвышенныхъ и неудобопонятныхъ матеріяхъ не прекращались никогда, даже въ самыя мрачныя времена европейскаго невѣжества. Само собою разумѣется, что эти диспуты не дали никакихъ осязательныхъ результатовъ, то есть, не обогатили человѣчества новыми знаніями, но считать эти диспуты совершенно бесполезными было бы очень неосновательно. Они пробудили и развернули въ тогдашнихъ людяхъ расположеніе и способность къ упорному умственному труду, они выучили ихъ слѣдить за всѣми изгибами и изворотами мысли и выводить изъ даннаго положенія всевозможныя близкія и отдаленныя послѣдствія; они заставили ихъ уважать силу человѣческой мысли, которую ревностные моралисты окончательно стерли бы съ лица земли, если бы она не оказалась необходимою для созерцанія высшихъ истинъ и для посрамленія разномыслящихъ диспутантовъ; они одни наконецъ подготовили и сдѣлали возможнымъ то искреннее, страстное и трогательное уваженіе, съ которымъ глубоко вѣрующіе діалектики католическаго міра преклонились передъ твореніями проклятаго и великаго язычника Аристотеля. Умственная эманципация начинается съ того времени, когда творенія Аристотеля сдѣлались необходимою составною частью и даже фундаментомъ клерикальнаго образованія. Схоластика, обруганная, осмѣянная и превращенная въ синонимъ безсмыслицы счастливыми писателями XVIII вѣка, была первымъ шагомъ средневѣкового ума на пути къ окончательному освобожденію. Дѣло въ томъ, что традиціонная доктрина стала нуждаться въ поддержкѣ со стороны той діалектики, которую средневѣковые мыслители почерпнули изъ Аристотеля. Доктрина, гордившаяся въ былое время девизомъ *credo quia absurdum*, заключила тѣсный союзъ съ философіею, надѣясь превратить ее въ послушное оборонительное оружіе. Разсчетъ оказался очень невѣрнымъ. Когда мыслителю приказано употребить всю силу его логики на то, чтобы развить изъ даннаго положенія всѣ его послѣдствія, — то нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что мыслителю ни подъ какииъ видомъ не придется въ годову лукавая и опасная мысль начать исследование съ довѣркія того самаго положенія, которое было выдано ему за аксіо-

му, не требующую никаких доказательств. Может быть, сотни мыслителей обнаружат самое похвальное уместенное благонравіе, и не дотронутся своимъ діалектическимъ оружіемъ до тѣхъ основныхъ положеній, которыя довѣрены имъ защитить. Но если даже на пѣ-люю тысячу благонравныхъ мыслителей придется хоть одинъ нескромный и недовѣрчивый искатель истины, и если этотъ неустрашимый искатель сдвинетъ съ мѣста хоть одинъ тезисъ общеобязательной традиции, то его дѣла не затушаетъ никогда вся благонравная тысяча.—Средневѣковая доктрина никакъ не могла обходиться безъ содѣйствія метафизики; на метафизикѣ было построено все ея ученіе, въ которомъ уже не было общедоступной и яркой конкретности и рельефности, составлявшихъ силу и популярность древняго политеизма. Метафизикою должна была средневѣковая доктрина защищаться противъ своихъ внутреннихъ враговъ. Метафизика пропитала насъ всю эту доктрину, и понемногу раскрыла весь тотъ строй понятій и гипотезъ, къ которому она была призвана на помощь. Сначала возникло отрицаніе разныхъ дисциплинарныхъ подробностей, потомъ родилась критика политической организаціи, наконецъ дошло дѣло до анализа основной доктрины. Это постепенное разрушеніе продолжается съ XII вѣка до нашего времени, а между тѣмъ, средневѣковая организація теоретической власти все еще существуетъ, не смотря на то, что передовые умы уже давно освободились изъ подъ ея господства.—Живучесть средневѣковой іерархіи обуславливается нѣкоторыми замѣчательными особенностями ея внутренней организаціи. Въ этомъ отношеніи особенно важно то обстоятельство, что клерикальное сословіе пополнялось постоянно изъ всѣхъ классовъ общества, не исключая и низшихъ. Сильныя дарованія прокладывали сыну простого крестьянина дорогу къ высшимъ клерикальнымъ должностямъ, и даже къ папскому престолу. Не стѣсняясь въ выборѣ своихъ членовъ никакими посторонними соображеніями, не требуя отъ нихъ ни знатности происхожденія, ни богатства, словомъ ничего, кромѣ личныхъ достоинствъ, клерикальная корпорація постоянно имѣла въ своемъ распоряженіи огромное количество сильныхъ умовъ и твердыхъ характеровъ, и кромѣ того, въ теченіе многихъ вѣковъ, постоянно притягивала къ себѣ и обращала въ свою пользу тѣ дарованія, которыя могли бы составить ей опасную оппозицію или конкуренцію, если бы оставались непристроенными къ ея официальной дѣятельности. Набирая себѣ

отговору даровитыхъ защитниковъ, клерикальная корпорація подвергала ихъ долговременному влиянію тѣхъ идей, за которыя они должны были бороться; она формировала по своему ихъ умъ и характеръ, втягивала ихъ въ кругъ клерикальныхъ понятій и стремленій, испытывала и упражняла ихъ силы на низшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, и допускала ихъ къ вліятельнымъ должностямъ только тогда, когда они, прониженные насковозъ духомъ и тенденціями системы, не имѣли уже ни желанія, ни возможности выбиться изъ традиціонной колени и пуститься въ какія нибудь опасныя умствованія или нововведенія. Консервативное направленіе всей корпораціи, соответствующее вполнѣ характеру самой доктрины, поддерживалось даже тѣмъ, что замѣщеніе всѣхъ должностей производилось не по выбору снизу, а по назначенію сверху. Высшія должностныя лица, дававшія такимъ образомъ импульсъ всему клерикальному организму, были, конечно, особенно сильно расположены къ охраненію традиціоннаго порядка, во-первыхъ потому, что этотъ порядокъ доставлялъ имъ всѣ наслажденія обширной власти, а во-вторыхъ потому, что они, по давности своего служенія, имѣли возможность сильнѣе своихъ подчиненныхъ втянуться въ корпоративные интересы и проницаться преданіями клерикальной политики. Безграничная преданность общему дѣлу, доходившая у клерикаловъ до самыхъ грандіозныхъ размѣровъ, объясняется преимущественно тѣмъ, что ихъ безбрачное состояніе отнимало у нихъ возможность увлекаться частными, семейными интересами. Клерикалу, какъ холостяку надо было или вдаться въ безобразный кутежъ, или посвятить свою жизнь тѣмъ интересамъ корпораціи, которые онъ, по всему складу своихъ понятій, принималъ за высшіе интересы всего человѣчества. Многие, конечно, шли по первому пути, и превращали жизнь въ грязную оргію, но такъ какъ клерикальная корпорація постоянно забирала въ себя самыхъ умныхъ и даровитыхъ людей, то она и была всегда богата такими личностями, которымъ непременно надо было любить, мыслить и дѣйствовать, и которые должны были обратиться на служеніе интересамъ корпораціи всю силу, страстность и глубину своихъ неудовлетворенныхъ стремленій.—Безбрачное состояніе клерикаловъ было особенно необходимо для того, чтобы корпорація не превратилась въ замкнутую касту. Если бы принципъ наследственности водворился въ іерархію то, разумѣется, онъ произвелъ бы немедленное пониженіе ея интеллектуальнаго могущества,

и личныя дореванія, отгѣсноныя отъ иеривальныхъ должностей, проложили бы себѣ какую нибудь новую дорогу и, привлекая къ себѣ вниманіе и довѣріе общества, подорвали бы такимъ образомъ значеніе теоретической власти, потерявшей возможность побѣждать своимъ противникомъ превосходствомъ ума и таланта.

XVI.

Средневѣковая организація свѣтскаго общества, то есть феодальная система, сформировалась, по мнѣнію Конта, вслѣдствіе того, что военная дѣятельность, имѣвшая въ древности завоевательный характеръ, начала принимать оборонительное направленіе. Когда римскіе легіоны столкнулись на востокѣ съ парфянами, а на сѣверѣ— съ германцами,—тогда дальнѣйшее расширеніе римскихъ владѣній должно было прекратиться. Съ одной стороны, нравы азійскихъ народовъ, не затронутыхъ эллинизмомъ, были такъ несходны съ нравами римлянъ, что сліяніе между ними было бы невозможно, даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣ военныя предпріятія римлянъ, противъ восточныхъ сосѣдей, увѣнчивались постоянно полнымъ успѣхомъ. Съ другой стороны, германцы были еще такъ мало привязаны къ землѣ и, въ случаѣ военной неудачи, такъ легко могли покинуть свои жилища и перейти на новыя мѣста, что превратить ихъ въ подданныхъ римскаго государства не было никакой возможности. Поэтому, важнѣйшею обязанностію римскихъ императоровъ сдѣлалось, естественнымъ образомъ, постоянное охраненіе римскихъ границъ, ежегодно подвергавшихся опустошительнымъ набѣгамъ со стороны неукротимыхъ сѣверныхъ варваровъ. Охраненіе это было тѣмъ болѣе затруднительно, что сѣверная граница римской имперіи была очень длинна, и почти на всемъ своемъ протяженіи соприкасалась съ жилищами воинственныхъ народовъ германскаго племени. Такъ какъ характеръ оборонительной войны состоитъ именно въ томъ, что инициатива принадлежитъ противнику, который выбираетъ самъ, по своему благоусмотрѣнію, время и мѣсто своего нападенія,—то, разумѣется, римляне, державшіеся на своихъ границахъ въ оборонительномъ положеніи, принуждены были постоянно поджидать враговъ на всѣхъ мѣстностяхъ пунетахъ и во всякую данную минуту. Начальники пограничныхъ земель должны были имѣть въ своемъ

распоряженіи достаточное количество вооруженныхъ людей, ежеминутно готовыхъ вступить въ сраженіе съ варварами; кромѣ того, эти начальники нуждались въ довольно-обширной автономіи; имъ надо было ежеминутно соображаться съ быстро-измѣняющимися обстоятельствами и дѣйствовать рѣшительно, на свой страхъ, не сносясь съ центральнымъ правительствомъ и не дожидаясь отъ него инструкцій и разрѣшеній, которыя, въ большей части случаевъ, оказывались бы ненужными или неудобными по своей запоздалости. Начальникъ, постоянно защищающій свой край, по своему собственному плану, и такими силами, которыя разъ навсегда отданы въ его распоряженіе, долженъ почувствовать, рано или поздно, что связь его съ центральной властью слабѣетъ, и даже можетъ оборваться, если онъ самъ захочетъ воспользоваться обстоятельствами. Въ честолюбивыхъ желаніяхъ никогда не бываетъ недостатка, и, дѣйствительно, многіе губернаторы римскихъ провинцій старались отдѣлаться отъ имперіи, или, по крайней мѣрѣ, превратить свою должность въ наследственное достояніе своего семейства. — Если бы римская имперія была въ силахъ пересоздать свою внутреннюю организацію, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, то ей пришлось бы, въ III или въ IV вѣкѣ, раздробиться такъ точно, какъ раздробилась впоследствии монархія Карла Великаго. Только это раздробленіе могло спасти ее отъ варваровъ; оно было необходимо, потому что централизація; очень удобная для наступательной войны, никуда не годится для оборонительныхъ дѣйствій. Но перерожденіе было уже невозможно. Съ одной стороны, натискъ варваровъ былъ чересчуръ стремительный; съ другой стороны, экономическое изнеможеніе имперіи дошло до такихъ размѣровъ, что число ея жителей стало уменьшаться съ ужасающею быстротою; чѣмъ больше народа погибало отъ голода и отъ разныхъ болѣзней, порожденныхъ лишениями и страданіями, тѣмъ хуже становилось положеніе тѣхъ, которые оставались въ живыхъ. Фиску, какъ существу безличному и отвлеченному, не было никакого дѣла до народныхъ бѣдствій. Чего не могли заплатить мертвые, то раскладывалось на живыхъ; чѣмъ меньше становилось число работниковъ и плательщиковъ, тѣмъ обременительнѣе дѣлались налоги; чѣмъ больше накоплялось недоимокъ, тѣмъ сильнѣе становились нажимающіе снаряды; попытки сдѣлались необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ финансоваго управленія. Народъ былъ до такой степени забитъ, разоренъ, задавленъ и опутанъ громад-

ною сѣтью бюрократической администраціи, что даже послѣднее отчаянное лекарство противъ общественныхъ бодѣзней, вооруженное возстаніе, сдѣлалось для него недоступнымъ. Его энергія была убита. При такомъ положеніи дѣлъ, остановить вторженіе варваровъ не было никакой возможности. Поэтому, феодальная система сложилась только тогда, когда варвары завоевали Римскую имперію и усьлились въ различныхъ ея провинціяхъ. Послѣ этого завоеванія, необходимость оборонительной войны нисколько не прекратилась. Завоевателямъ имперіи грозили со всѣхъ сторонъ новые враги, искавшіе себѣ также добычи или удобныхъ земель для поселенія. Съ юга на Европу надвигались сарацины; съ сѣвера разсыпались по всѣмъ европейскимъ морямъ легкіе корабли скандинавскихъ пиратовъ, съ востока на Германію кидались венгры; въ самой Германіи до времени Карла Великаго разбойничали саксы; съ береговъ Балтійскаго моря дѣйствовали славяне и пруссы. Всѣ эти разноплеменные враги тревожили Европу отъ VII до XI вѣка, то есть, именно въ то время, когда выработывалась феодальная организація. Постоянно ведя оборонительныя войны, европейское общество естественнымъ образомъ вылилось въ тѣ формы, которыя всего лучше приспособлены къ оборонѣ. Само собою разумѣется, что характеръ и обычай германскаго племени наложили на эти формы печать своего вліянія, и придали имъ тѣ типическія особенности, съ которыми феодальная система появляется въ средневѣковой исторіи. Беспорядочная и безтолковая воинственность феодальныхъ владѣтелей, обращавшихъ ежеминутно другъ противъ друга тѣ силы, которыми необходимо было отражать общаго врага, — обусловливались, конечно, не раздробленіемъ территоріи, а именно темпераментомъ германскихъ завоевателей, еще не укрощенныхъ цивилизаціею, и не примѣнившихъ къ потребностямъ мирной и разумной общественной жизни. Если бы выработываніе феодальной организаціи досталось на долю какому нибудь другому народу, болѣе благовоспитанному, то, разумѣется, въ исторіи феодализма оказалось бы меньше бесполезнаго кровопролитія, и временное назначеніе феодализма было бы выполнено быстрѣе, то есть, необходимость постоянныхъ оборонительныхъ войнъ миновалась бы раньше, вслѣдствіе того, что непокойные сосѣди, отбитые на всѣхъ пунктахъ, были бы направлены, силою оружія, на дорогу мирнаго гражданскаго и промышленнаго развитія.

Когда прекратились завоевательныя предпріятія римлянъ, тогда

положеніе рабовъ стало медленно измѣняться къ лучшему. Невольничьи рынки пополнялись почти исключительно военнопѣнными и вообще всѣми беззащитными людьми, которые захватывались въ непріятельской странѣ римскими легионами. Пока война была постояннѣйшимъ занятіемъ римлянъ и производилась въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ, сопровождаясь опустошеніемъ цѣлыхъ обширныхъ и богатыхъ государствъ, до тѣхъ поръ рыночная цѣна рабовъ держалась такъ низко, что римскіе вельможи могли покупать себѣ цѣлыя арміи, или, какъ говоритъ Плиніи, цѣлыя націи невольниковъ, которыхъ жизнь не цѣнилась почти ни во что, и которыхъ матеріальное благосостояніе, такимъ образомъ, не было гарантировано даже личнымъ интересомъ владѣльца. Чтобы охарактеризовать одною чертою тогдашнюю дешовизну человѣческой жизни, достаточно упомянуть о гладиаторскихъ играхъ, которыя, для развлеченія державнаго народа, губили въ нѣсколько часовъ тысячи молодыхъ, здоровыхъ, сильныхъ и ловкихъ людей. Когда кончались опустошительныя завоеванія, тогда притокъ новыхъ рабовъ прекратился, и, такъ какъ привычка расходовать людей безъ счета успѣла пустить въ жизни аристократовъ очень глубокіе корни, то, разумѣется, скоро оказался чувствительный недостатокъ рабочихъ рукъ. Завросъ на людей усилился, а подвоза не было и не предвидѣлось; вслѣдствіе этого, цѣна раба должна была повыситься, и, соразмѣрно съ этимъ повышеніемъ, должно было улучшиться его положеніе, потому что владѣльцу становилось уже убыточно застѣвать раба до смерти, или посылать его на арену за неудачное приготовленіе соуса или за разбитіе какой нибудь вазы. Такъ какъ раба для каждаго землевладѣльца были совершенно необходимы, и такъ какъ число рабовъ продолжало быстро уменьшаться, вслѣдствіе скарденности хозяевъ,—то, очевидно, покупка рабовъ съ каждымъ десятилѣтіемъ должна была становиться все болѣе и болѣе затруднительною, вслѣдствіе чего владѣльцы должны были все вѣрнѣе и вѣрнѣе держаться за тѣхъ людей, которые уже находились въ ихъ рукахъ. Идя по этому пути, надо было наконецъ придти къ тому убѣжденію, что продавать раба вообще невыгодно, и что рабъ долженъ быть наглухо привязанъ къ той землѣ, которую онъ обрабатываетъ. Конечно, это убѣжденіе, превращавшее рабство въ вѣрностную зависимость, не могло имѣть вліянія на судьбу тѣхъ людей, которые окружали особу хозяина, и составляли его дворню. Этихъ людей незачѣмъ было

прикрѣплять къ землѣ, но продавать ихъ также было не выгодно, потому что дворня состояла обыкновенно изъ ремесленниковъ, а ремесленники, при всеобщемъ упадкѣ промышленной предприимчивости и расторопности, съ каждымъ годомъ становились рѣже и цѣннѣе. — Уже одно то обстоятельство, что рабы перестали быть предметомъ всендневной торговли, — значительно улучшило ихъ положеніе. Хозяину рабъ дѣлался необходимъ, не только для работы, но и для завода. Хозяинъ, для своей же собственной выгоды, долженъ былъ давать рабу возможность производить на свѣтъ и выкармливать здоровыхъ дѣтей. Хозяинъ, для этого, долженъ былъ доставлять рабу, по меньшей мѣрѣ, хоть тѣ удобства жизни, которыми пользовались, въ благоустроенныхъ слотныхъ дворахъ, быки и бараны. Въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде, когда хозяину выгодно было, въ три-четыре года, выжимать изъ раба всю его рабочую силу и потомъ выбрасывать его вонъ, въ видѣ негоднаго калѣки, — въ сравненіи съ этимъ прежнимъ рабствомъ, говорю я, новое положеніе раба, получившаго одинаковыя права съ быками и баранами, составляло значительное усовершенствованіе. — Прикрѣпленный навсегда къ участку земли или къ особѣ хозяина, рабъ могъ уже не только исполнять обязанности заводскаго производителя, но и завязывать прочныя отношенія съ любимою женщиною и вообще пользоваться, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми правами мужа и отца. Его не разлучали съ женою; малолѣтнихъ дѣтей не отрывали отъ матери; вслѣдствіе этого, въ рабскомъ населеніи становится возможнымъ развитіе лучшихъ человѣческихъ чувствъ, за которыми непременно должно слѣдовать постоянно возрастающее сознаніе собственного человѣческаго достоинства, — сознаніе, заключающее въ себѣ зародыши грознаго и неподкупнаго суда надъ всѣми неправдами порабощенія и эксплуатаціи. — Католицизмъ узаконилъ и освятилъ семейныя отношенія несвободныхъ людей; бракъ крѣпостнаго крестьянина получилъ одинаковую силу съ бракомъ барона или короля. Кромѣ того, католицизмъ вообще предписалъ крѣпостнымъ исполненіе тѣхъ же самыхъ нравственныхъ законовъ, которые были обязательны для сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ людей. Равенство обязанностей предполагаетъ равенство правъ, и, хотя средневѣковыя моралисты вовсе не желали придти къ этому послѣднему заключенію, однако же оно было неизбѣжно, и къ нему стремились постоянно тѣ люди, для которыхъ оно было особенно обяательно и интересно. Срав-

нивая свое поведеніе съ поведеніемъ своего барона, какой нибудь честный мужикъ легко могъ придти къ той мысли, что онъ, мужикъ, исполняетъ въ отношеніи къ барону всѣ свои нравственныя обязанности, и что, напротивъ того, баронъ всѣ свои обязанности ежеминутно нарушаетъ, мужикъ легко могъ сообразить, что увлекающагося или заблуждающагося барона не мѣшало бы, для его же собственной пользы, наставлять на путь истины матеріальною силою, составляющею самое общепотребительное лекарство противъ всякихъ мужицкихъ заблужденій или увлеченій. Мужикъ видѣлъ, какъ его баронъ круто и рѣшительно расправлялся съ своими обидчиками, не обращая вниманія на ихъ высокое положеніе въ свѣтскомъ обществѣ или даже въ церковной іерархіи; мужикъ зналъ, что его баронъ воюетъ съ епископомъ, или отсиживается къ своему крѣпкомъ замкѣ отъ королевскаго войска. Этотъ примѣръ непременно долженъ былъ дѣйствовать заразительно на такого человѣка, для котораго сопротивленіе составляло насущную необходимость, потому что этому человѣку пришлось отстаивать не богатство, а послѣдній кусокъ черстваго хлѣба, облитаго потомъ и слезами. Такимъ образомъ, обѣ средневѣковыя власти, теоретическая и практическая, оказали мужику по одному невольному, но тѣмъ не менѣе капитальному благодѣянію; первая, наложивши на мужика нравственныя обязанности, воспитала въ немъ чувство собственнаго достоинства; вторая пояснила ему, посредствомъ послѣдняго обученія, какими способами слѣдуетъ защищать это достоинство противъ посягательствъ различныхъ нахаловъ и буйновъ. Мужикъ оказался ученикомъ понятливымъ и даровитымъ.—Одинъ изъ самыхъ популярныхъ средневѣковыхъ романовъ, *Roman de Rou*, рисуетъ слѣдующими крупными чертами господствующее настроеніе угнетенныхъ массъ. «Господа, размышляеть грубое мужичье, не дѣлають намъ ничего, кромѣ зла; мы съ нихъ не можемъ добиться ни добросовѣстности, ни справедливости, они всѣмъ владѣють, все себѣ позволяютъ, все поѣдаютъ, а насъ заставляютъ жить въ бѣдности и въ печали. Для насъ каждый день—тяжелый день; нѣтъ у насъ ни одного словойнаго часа; мы завалены повинностями и поборами, оброками и барщиною. И съ какой стати мы все это терпимъ? Вырвемся изъ подъ ихъ власти; мы такіе же люди, какъ они; у насъ тѣ же члены, тотъ же ростъ, та же спла, то же терпѣніе, и насъ сто противъ одного. Будемъ защищаться противъ рыцарей, будемъ крѣпко стоять другъ за

друга, и никто надъ нами не станетъ барствовать, и мы будемъ рубить себѣ лѣсъ, будемъ ловить дичь въ лѣсу, и рыбу въ прудахъ, и будемъ все дѣлать по своему, и въ лѣсахъ, и на лугахъ, и на водѣ.» (Laurent Faeodalité et l'église, p. 599.). Размышленія, приписанныя мужикамъ, вовсе не выдуманы самимъ поэтомъ; такія размышленія существовали въ живой дѣйствительности и приносили обильные плоды. Всѣ обиженные классы средневѣкового общества постоянно волновались, и, разумѣется, только одни эти волненія вынуждали у господствующаго сословія такія уступки, которыя расширяли феодальную систему и выработали изъ себя основные элементы новой государственной и общественной жизни, очень неудовлетворительной, но, по крайней мѣрѣ, способной развиваться и совершенствоваться. Требования мужиковъ и мѣщанъ были обыкновенно чрезвычайно умѣренны; они желали мира, правильного суда, и точнаго опредѣленія денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Обѣ власти, феодальная и клерикальная, видѣли въ такихъ требованіяхъ неслыханную и непростительную дерзость. Рыцари дѣйствовали противъ этихъ претензій силою оружія, а папы и епископы—силою самыхъ усердныхъ молитвъ и самыхъ торжественныхъ проклятій. Въ концѣ XII вѣка, въ низшихъ слояхъ французской націи началось обширное движеніе, направленное противъ безтолковыхъ феодальныхъ междуусобій и противъ безсовѣстныхъ барскихъ притѣсненій. Плотникъ Дюранъ пришелъ къ епископу города Пюи и объявилъ ему, что Мадонна приказала ему, Дюрану, проповѣдывать людямъ миръ; въ доказательство своихъ словъ, Дюранъ показывалъ пергаментъ, полученный имъ съ неба; на пергаментѣ была нарисована Мадонна, держащая на рукахъ младенца; кругомъ изображенія было написано: Агнецъ божій, принявшій на себя грѣхи міра, пошли намъ миръ!—Епископъ прогналъ отъ себя посланника Мадонны, но, видя сначала посмѣялся надъ его проповѣдью, однако, черезъ нѣсколько дней, къ Дюрану присоединилось больше ста человекъ; въ началѣ слѣдующаго, 1183 года, число его учениковъ дошло до пяти тысячъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, движеніе охватило всю Францію. Послѣдователи Дюрана называли себя *братьями мира* и устроили себѣ особенный костюмъ,—бѣлый полотняный или шерстяной капюшонъ. Когда *братьевъ мира* или *капюшонниковъ* оказалось уже очень много, тогда они взялись за свое дѣло очень серьезно и съ большою энергіею. Они рѣшились силою оружія водворить и поддерживать

миръ на всея пространства своего отечества. Началось радикальное исправленіе феодалныхъ нравовъ посредствомъ матеріальной силы. *Братья мира* стали давать генеральныя сраженія тѣмъ баронамъ, которые, не слушая ихъ увѣщаній, продолжали нарушать общественное спокойствіе своими глупыми раздорами. Особенно ревностно и успѣшно *братья мира* занялись преслѣдованіемъ наемныхъ дружинъ, такъ называемыхъ *рутьеровъ* или *брабансоновъ*, составившихъ себѣ печальную знаменитость самыми безобразными злодѣяніями. Въ одномъ сраженіи, *братья мира* истребили отъ десяти до двѣнадцати тысячъ этихъ бандитовъ. Пропаганда Дюрана усилилась до такой степени, что въ его братство стали поступать мушкетеры и женщины изъ всѣхъ сословій: монахи, аббаты, епископы, рыцари, графы надѣвали бѣлый капюшонъ и клялись охранять общественное спокойствіе; безтолковыя феодалныя войны очевидно начали тяготить даже самихъ бойцовъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось движеніе *капюшонниковъ*, если бы оно не возстановило противъ себя всѣхъ высшихъ сословій, принявши чисто-соціальное направленіе, находившееся впрочемъ въ самой тѣсной логической связи съ его основными стремленіями. Если *капюшонники* хотѣли водворить миръ, то, разумѣется, имъ невозможно было смотрѣть равнодушно на ту постоянную, глухую войну, которую каждый феодалъ велъ ежедневно съ своими крестьянами, заваливая ихъ работою, отнимая у нихъ имущество, и подвергая ихъ, по своему благоусмотрѣнію, телѣснымъ и всякимъ другимъ наказаніямъ. *Братья мира* вѣшались въ домашнія дѣла земледѣльческой аристократіи. «До того дошло ихъ неистовое безуміе, пишетъ — своей хроникѣ одинъ благочестивый каноникъ, что глупый этотъ народъ предписалъ графамъ обращаться съ подданными снисходительнѣе прежняго.» Такое неистовое безуміе, клонившееся дѣйствительно на уничтоженію крѣпостной зависимости, заслуживало, конечно, самаго строгаго наказанія. Представители обѣихъ властей сообразили наконецъ, что наряжаться въ бѣлые капюшоны и кокетничать съ идеями всеобщаго мира—значить подкапывать тотъ самый порядокъ, который даетъ имъ деньги, господство и всѣ прочія житейскія удовольствія. Бароны и епископы соединили всѣ свои силы противъ общаго врага и, въ началѣ XIII вѣка, стерли съ лица земли опасныхъ негодяевъ, осмѣлившихся завести рѣчь о какой-то безнравственной снисходительности. При этомъ удобномъ случаѣ, нѣкоторые прелаты обезсмертили свои имена тѣмъ пламеннымъ усердіемъ

и тою спасительною свирѣпостью, съ которыми они принялись вырѣзывать и выжигать изъ сознанія французской націи *неистовое безуміе* и ядовитую ересь плотника Дюрана. — Этими небольшими разсказомъ я заканчиваю ту часть моей работы, которая относится къ самому цвѣтущему періоду средневѣковыхъ идей и учреждений. Этотъ разсказъ показываетъ ясно, до какой степени правы тѣ почтенные люди, которые утверждаютъ, у насъ и за границей, что все происходитъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, что демократія нуждается въ долговременномъ пребываніи подъ разнообразными педагогическими орудіями, и что простой народъ всѣми своими добрыми чувствами и помышленіями обязанъ исключительно благотворному вліянію обѣихъ властей, теоретической и практической, въ особенности первой, — впрочемъ, и второй, тоже въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы теорія и практика, соединившись вмѣстѣ, не урезонили глупаго плотника Дюрана, то Франція имѣла бы несчастье пользоваться съ XIII вѣка свободою промышленности, равенствомъ гражданъ предъ закономъ, и разными другими преждевременными затѣями, которыя по соображеніямъ всѣхъ философствующихъ историковъ, въ томъ числѣ и Конта, имѣли право утвердиться на земномъ шарѣ никакъ не раньше XVIII столѣтія. Епископы и бароны спасли Францію отъ этой ужасной опасности, и, совершивши, въ золотой вѣкъ своего господства, цѣлый рядъ такихъ же блестящихъ и полезныхъ подвиговъ, упрочили за собой безсмертное право на уваженіе и признательность всего человечества вообще, и философствующихъ историковъ въ особенности. Милль говоритъ, что тѣ люди, которые сомнѣваются въ возможности превратить исторію въ науку, отложить свои сомнѣнія, познакомившись съ трудами Конта. Дѣйствительно, Контъ убѣждаетъ и увлекаетъ читателя силою своего отвлеченнаго анализа. Но, какъ только читатель обращается къ живымъ историческимъ фактамъ, такъ въ умѣ его пробуждаются снова прежнія сомнѣнія и прежній взглядъ на исторію, какъ на громадный арсеналъ, изъ котораго всѣ политическія партіи могутъ брать себѣ всевозможные аргументы.

Д. Писаревъ.

УДОЧКА.

КОМЕДИЯ ВЪ 3-хъ АКТАХЪ.

(Посвящается памяти Е. А. П—вой).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Петръ Петровичъ Поплавковъ; старнѣе чиновникъ, 50 л.
Лиза его дочь, 18 лѣтъ.

Егоръ Савичъ Порубежниковъ, довольно достаточный земледѣлецъ, 32 лѣтъ.

Николай Ивановичъ Одуванчиковъ, чиновникъ 24 лѣтъ.
Бубенчиковъ, ротмистръ въ отставкѣ.

Козьявинъ, прапорщикъ.

Пендерборскій, исправникъ, находится подъ слѣдствіемъ.

Кукушечкинъ, секретарь одного важнаго барина, 56 лѣтъ.

Слуга Громовержцева, тогоже важнаго барина.

(Дѣйствіе происходитъ въ квартиру Одуванчикова, въ домъ Поплакова).

ЯВЛЕНІЕ I.

ОДУВАНЧИКОВЪ И КУКУШЕЧКИНЪ.

Кукушечкинъ *(развалиясь на диванъ, нюхаетъ табакъ)*. Такъ, такъ-то-съ, Николай Ивановичъ!—По совѣсти говорю; внемлите словамъ моимъ.—Я всѣмъ и каждому человѣкѣ доброжелательный.—Не скорпіонъ я какой, чтобы брату вла желать, а вѣдь всѣ мнѣ братья единокровные, Николай Ивановичъ! Да-съ! —

Такъ намъ, значить, подобаеть помогать другъ другу, рука руку мыть,—особенно чиновникамъ-то одного вѣдомства; а вы что дѣлаете?—Въ обличенія изволили удариться. Вѣдь вы не тогмо насъ малыхъ съ грязью смѣшали, да и ихъ превосходительство, Константина Герасимовича, не побрезговали малую толику задѣть.

Одуванчиковъ (*нѣсколько сконфуженный*). Кто вамъ сказалъ, что тамъ Константинъ Герасимовичъ?—Кажется, онъ не названъ по имени.

Кукучечкинъ. Не названъ-то онъ, не названъ, да вѣдь имѣющій уши, чтобы слышать, слышитъ. Вѣдь по всему городу благовѣсть идетъ.—Да чего, намедни съ Хрисанфъ Петровичемъ встрѣтился: Константинъ Герасимовичъ, говоритъ, изображень; даже, говоритъ, и турнюра его; все едино, что портретъ нарисованъ; — такъ-то-съ. А вы еще изволите сердиться, что васъ два года наградами обходятъ.

Одуванчиковъ (*быстро ходя изъ ула въ уоль, горячасъ*). Еще бы! Какіе нибудь Мошвины да Трошвины, что пера въ руки взять не умѣютъ—фразы грамотно не составляютъ,—получаютъ чины и ордена, а тутъ работаешь какъ волъ; работаешь толково, дѣльно, честно, и хоть-бы спасибо сказали.—Ну что-же по вашему, это дѣлаеть честь Константину Герасимовичу.

Кукучечкинъ. Позвольте, позвольте, Николай Ивановичъ. — Внемлите! Ну, посудите сами, можетъ ли Константинъ Герасимовичъ вамъ доброжелательствовать, когда вы ихъ прости Господи, ровно пса смердящаго на позорище свѣту выставляете? — Едино, что остается имъ, — это тогмо злобу противу васъ питать.—Что и говорить,—вы человекъ образованный, изъ университетскихъ; не чета нашему брату, что на мѣдныя деньги учился; ну и по службѣ опять: законы достаточно небезызвѣстны вамъ.—Да вѣдь служба-то состоитъ не тогмо въ томъ, чтобы бумагу переписать, или слѣдствіе произвести. — Надо начальство помнитъ и почитать его. — Вѣдь не отъ насъ оно, начальство-то, Николай Ивановичъ,—отъ Бога оно, а потому и держись властей предержавшихъ, по писанію. Такъ-то-съ!—Вотъ вы-съ про Мошвина сей часъ изволили упомянуть, а вѣдь онъ передъ Константинъ Герасимовичемъ, ави Давидъ передъ Сауломъ, на лютиѣ играетъ;—а вы-то, все ово за око, да зубъ за зубъ! (вздохнувъ вну-

шительно). Эхъ, да такое-ли бы вы мѣсто занимали, когда сподобилъ-бы Господь въ вашу душу смиреніе и уголивость къ начальству вложить. Уфъ далеко-бы вы пошли, уфъ, какъ далеко! А вы изволили за обличенія приняться. Конечно, мода на это нынѣ пошла.—Изъ-за моря, говорятъ, привезли.— Да плюньте вы на эту моду-то! Сочиняйте вы лучше что нибудь такое, чтобы и для сердца-то усладительно было, и начальству въ угоду!— право, такъ!— да и для службы это хорошо было бы, да и намъ лестно, что вы добродѣтель нашу описываете, а не напервы какія!—А то, что прозу? Сами вы себѣ врагъ, Николай Ивановичъ, зарываете вы таланты въ землю,—да-съ! Скажу, примѣрно, хоть про этого-же самого Мошкина. Не вамъ чета и по уму, и по образованію, а черезъ сочинительство большими милостями отъ начальства пользуется. И подѣломъ-съ! Съ умиленіемъ, можно сказать, читаешь его сочиненія... Хоть-бы, примѣрно, въ послѣдній разъ балъ описалъ у его превосходительства: очень изобразительно! Ихъ превосходительство очень хвалили и въ примѣръ противу г. Щедрина выставляли.

О д у в а н ь ч и к о в ь. Послушайте, всѣ ваши разглагольствованія ровно ни къ чему не поведутъ. Я не изъ тѣхъ, которые охотно мѣняютъ свои убѣжденія на крестикъ въ петличку. Кланяться и унижаться не въ моихъ правилахъ. Я слишкомъ честенъ, чтобъ рѣшиться на подобную гадость!

К у к у ш е ч к и н ь. Да не унижаться, Николай Ивановичъ! Всякому зрячему видимо, что строптивость ваша до этого не допустить васъ. Такъ, по крайности, не затрогивайте ихъ пре-ство. Вѣдь у насъ на всю канцелярію трубятъ, что вы на нихъ какую-то новую критику сочиняете, да и самъ ихъ пре-ство говорилъ, что Одуваньчиковъ молъ, опять, валяется, хочетъ мою душу деламировать. Очень огорчены!

О д у в а н ь ч и к о в ь. О! я его еще не такъ огорчу. Морозину и Мошкину два года сряду награды, а мнѣ ничего?.. Да мнѣ чортъ ли въ вашихъ наградахъ. Моя награда здѣсь! (*показывая на грудь*). Это — моя честная совѣсть. Я знаю, что меня не любятъ, что меня рады въ ложкѣ воды утопить, (*горьчася*). Но за то меня боятся, и ни одна шельма не имѣетъ права сказать, что Одуваньчиковъ—плутъ, всяточникъ! Что Одуваньчиковъ—человѣкъ отсталыхъ идей, а это стоитъ чего ни-

будь! А награды ваши? *(махнувъ рукой)* берите ихъ себѣ! Что я не имѣю счастья приглашаться на обѣды въ ихъ превосходительству, такъ, право, мнѣ это все равно; я даже радъ; но крайней мѣрѣ лишень удовольствія видѣть равныхъ пресмыкающихся личностей! Бояться мнѣ некого! Еще посмотримъ, кто кому солонѣ придется! Не то время, чтобы пугать было можно. Онъ видитъ только цвѣточки—будутъ и ягоды!

Кукучежанинъ. Плетью обуя не перешибешь, Ниводлай Ивановичъ. Вѣрите слову, что хуже себѣ надѣлаете!—Теперь они васъ тою милостями своими обходятъ, а то вѣдь и во гнѣвъ, пожалуй, придутъ—противъ рожа невозможно прати, по писанію. И то намедни въ конфиденціальной бесѣдѣ со мной изволили выразиться, что яко-бы вы фармазону подвержены и разныя злонамѣренныя мысли распространяете, черезъ что для службы неблагонадежны и опасны. Тамъ, что ни говорите-сь, а подобная атестація великое зло вамъ можетъ причинить!

Одуванчиковъ *(выходя изъ себя)*. А, такъ вотъ—вы на баня штуки пускаетесь! Не глупо! Но вѣдь и я еще не выжилъ изъ ума! Но въ наше время оклеветать человѣка не такъ-то легко! Я добръ въ душѣ, я терпѣливъ и скромнень до времени; но когда меня задѣнутъ—я съумѣю мстить! *(съ азартомъ)*. Я егѣ къ такому позорному столбу выставлю, на потѣху публикѣ, что, какъ ни мало у него стыда, а покраснѣеть. Да не одинъ онъ пострадаетъ, всѣхъ негодяевъ по ниточкѣ разберу выставлю! Всѣ ваши грязныя дѣлашви на судъ общественнаго мнѣнія! А, вы пугать меня вздумали?—Не испугаете; не изъ трусливыхъ! Борьба, такъ борьба; только еще вопрошь, на чьей сторонѣ останется побѣда. *(Быстро ходя изъ ума въ уголъ)*. Каковы молодцы!—Такъ вы пришли сюда по эванію секретаря Константина Герасимовича? Напрасный трудъ; не вамъ мои убѣжденія мѣнять! *(Выходя изъ себя)*. Вашихъ угрозъ я не боюсь! вашихъ наградъ мнѣ не нужно; совѣтовъ не принимаю, давайте ихъ другимъ, но не злите меня, не доводите до крайности, если только вамъ не хочется быть публично опельмованными!

Кукучежанинъ. Николай Ивановичъ! Что вы? Господь въ вами! да вѣдь это я по дружескому только!

Одуванчиковъ. Знаю я это дружелюбіе; *(холодно)*. Извините, я взволновалъ. Къ тому-же пора мнѣ и на службу!.. *(Быстро уходитъ въ дверь на лѣво)*.

Куку щечкинъ *(одинъ)*. А дѣло-то дряннѣ! *(въ раздумьѣ)*. Ну какъ я теперь покажусь ихъ пр-ству? И безъ того-то у нихъ отъ первой критики разлитіе желчи сдѣлалось. Понятно: всѣ по городу, и старые, и малые только что не галдятъ!.. А ужъ Андрею Егорычу, что твое свѣтлое воскресенье,—радость неописанная: ровно его губернаторомъ сдѣлали. Такая эхидна! Самъ же и прислалъ газетку съ критикой Константину Герасимовичу, да еще три запискѣ.—Такъ, молъ, и такъ, полюбопытствуйте интересная статейка.—Тотъ хватъ, анъ тамъ его собственннй обликъ изображенъ и душу его декламируютъ!—Охъ-хо-хо! Какъ тутъ не разлиться желчи?—А жаловаться нельзя: по имени не названъ. Да легче-ли отъ этого; все-таки тебѣ только что пальцемъ въ ротъ не тычутъ! И что это за мода проклятая настала, всякую мразь и нечистоту на свѣтъ божій выставлять? *(задумывается)*. Говорилъ Константину Герасимовичу: угрозой Одуванчикова не смутишь; не того поля ягода; еще пуще озлобится! *(опять задумывается)*. Надо будетъ другую удочку закинуть; благо рыбка-то тавадъ.. Гмъ... гмъ... попробуемъ. *(Уходитъ, мурлыча)*. Помяни Господи царя Давида и всю вротость его!

ЯВЛЕНИЕ II.

Одуванчиковъ *(выходитъ изъ кабинета слѣва, сильно встревоженный)*. Не глупо придумали, Константинъ Герасимовичъ, не глупо! Средство вѣрное зажать ротъ. Правда, немножко нечестное, ну да вѣдь мы всегда въ правѣ ожидать отъ васъ подобныхъ сюрпризовъ. Примѣръ не первый. Но вы ошибаетесь, думая, что я положу передъ вами оружіе. Человѣкъ, который избралъ своей миссіей служеніе правдѣ, не отступитъ передъ вами. Я самъ предупрежу васъ; самъ брошу вашу службу! *(Входя въ кабинетъ)*. Мнѣ душно наконецъ, въ этой средѣ грязныхъ взяточниковъ, грошовыхъ честолюбій, наглыхъ фразеровъ, которые прудятъ наше гнилое болото. Меня ждетъ

другое дѣло; другіе люди! Я смѣло поведу ихъ, во имя истины, на обличеніе порока и лжи. Я раздавлю этихъ червей, которые подтачиваютъ здоровые корни родного дерева. Я буду сѣять, сѣять, сѣять, а Богъ плоды дастъ! Я!.. (*Увидя входящую Лизу, умолкаетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Одуванчиковъ и Лиза.

Лиза (*входитъ изъ правыхъ дверей и несетъ на подносѣ кофейникъ и чашки*). А мы съ папой къ тебѣ пить кофея. У насъ полы моютъ. (*Ставитъ подносъ на столъ.*) Что съ тобой? ты очень встревоженъ.

Одуванчиковъ (*быстро ходя по комнатѣ*). Будешь встревоженъ, когда кругомъ тебя одна ложь, грязь и тина!

Лиза (*ласкаясь къ нему*). У! какой ты сердитый сегодня. И вѣроятно пустяки встревожили. Охота тебѣ волноваться, мой другъ!

Одуванчиковъ. Охота волноваться; какъ это легко сказать? Да вѣдь не камень же я, чтобъ оставаться равнодушнымъ во всему, что происходитъ вокругъ. Ни одного честнаго человѣка; вездѣ подкупъ, грязь, интрига (*беретъ со стола газету и показываетъ Лизѣ*). Полюбуйтесь: Мошкину опять чинъ, Корвину награда; а я опять на бобахъ... (*съ ироніей*). Весело!

Лиза. Коля, я не узнаю тебя. Неужели такіе пустяки тебя тревожатъ? Да не самъ ли ты мнѣ говорилъ, что не придаешь никакого значенія всякимъ побрякушкамъ и служишь не изъ за награды?

Одуванчиковъ. Конечно, я и теперь скажу тоже, но досадно, что тутъ дѣйствуетъ интрига, а не справедливость. Не знаютъ, какъ насолить человѣку, такъ и...

Лиза. Ну и Господь съ ними. Пусть тѣшатся этими наградами тѣ, для кого онѣ нужны, а у тебя другая цѣль, мой милый. Ты и безъ этихъ украшеній краше ихъ всѣхъ. Не вѣрю, чтобы тебя это встревожило. Что нибудъ да не такъ.

Одуванчиковъ (*сдержанно*). Сейчасъ былъ у меня Куку-печкинъ... Говорилъ, что статья моя очень огорчила Константина Герасимовича...

Лиза. И прекрасно. Значить ты, попалъ въ дѣль. Казни ихъ, обличай, но огорчаться самому за всѣхъ сверныхъ людей, ей-ей, не стоитъ. Я знаю твой благородный характеръ. Не за него ли я полюбила тебя, мой милый? Знаю, какъ тебѣ тяжело видѣть все то дурное, что творится у насъ, но расшнаться изъ за этого, право, не стоитъ. Твоя жизнь, твои силы еще многимъ нужны... (*обнимая его*)... Ну хоть бы мнѣ, Коля, милый мой!

Одуванчиковъ (*обнимая ее; разтроганнымъ голосомъ*). Ахъ, Лиза, Лиза, только возлѣ тебя и отдыхаетъ мое сердце. Ты одна еще и миришь меня съ жизнью. Ты единственный мой другъ, добрая моя. Кругомъ вездѣ враги...

Лиза. Что это, какъ ты сегодня сверно настроенъ? А папа, а Егоръ Савичъ?

Одуванчиковъ. Нѣтъ, они не то. Какъ ни близокъ мнѣ твой папа, а все-таки между нами лежитъ порядочная пропасть.

Лиза. Ну, ты сегодня не въ духѣ; все преувеличиваешь! (*Шутливо*) Вѣдь папа тоже либеральничаетъ; это ты его съ толку сбилъ! Ну, засмѣйся же, полно хмуриться. (*Молчаніе.*) Ахъ, Коля, я и забыла тебѣ сказать, я сегодня съ почты повѣстку получила. Это, вѣрно, тетя шлетъ подарокъ къ свадьбѣ.

Одуванчиковъ. Теперь не до свадьбы; надо будетъ отложить на время.

Лиза (*съ удивленіемъ*). Это почему, Коля?

Одуванчиковъ. Не то время, душа моя, чтобъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ.

Лиза (*качая головой, грустно*). Коля, Коля! Не самъ ли ты говорилъ, что жена единственный и первый другъ и помощникъ мужу? Она живетъ его радостями, дѣлитъ его горе. Въ настоящую минуту отъ кого онъ услышитъ искреннее слово утѣшенія, какъ не отъ нея? (*Печально*). Впрочемъ, можетъ быть, ты считаешь меня недостойной дѣлить твои планы и работы; я слишкомъ мало развита для тебя? Но, Коля, вѣрь, что любовь часто дѣлаетъ больше, чѣмъ умъ! Любовь—сила; а не вѣрить моей любви — ты не имѣешь права. Ты знаешь,

я вся тебѣ отдалась безропотно, безхитростно, со всей страстью молодости. Я не о бракѣ мечтала, ты это знаешь: не я первая произнесла это слово!.. *(при послѣднихъ словахъ голось ея звучитъ сквозь слезы)*.

О д у в а н ь ч и к о в ъ. Полно, Лиза! Вотъ у тебя ужъ и слезы на глазахъ *(обнимая ее, шутливо)*. Хороша у меня будетъ женушка,—этакая экзальтированная головка!

Л и з а *(сквозь слезы)*. Самъ-то ты!..

О д у в а н ь ч и к о в ъ. Да развѣ я не любилъ тебя *(цѣлуетъ ея руки)*. Не говорилъ ли я тебѣ этого тысячу разъ, и еще сто тысячъ разъ скажу, что ты единственное утѣшеніе въ моей жизни... А о свадьбѣ я говорю, что хотѣлось бы прежде покончить со службой... ну и тогда... развязавши руки...

Л и з а. Ахъ, если бы поскорѣе, Коля! Какъ давно вѣдь это тянется! О, какъ я нетерпѣливо жду того дня, когда я, не краснѣя, войду при постороннихъ въ твою комнату; а то, Богъ знаетъ, чего не говорятъ въ городѣ.

О д у в а н ь ч и к о в ъ *(хладнопросто)*. Есть тѣмъ огорчаться, дружокъ. Негоднымъ рта не замажешь.

Л и з а *(съ горечью)*. А самъ-то ты изъ себя выходишь, если о тебѣ дурно отзовется какой нибудь Кукушечкинъ, или подобные ему. Знаешь, Коля, ты добрый, честный человѣкъ, но самолюбивъ, страшно самолюбивъ, и этотъ недостатокъ я давно подмѣтила у тебя. Не сердись, мой милый! *(Цѣлуетъ его)*. А кофе-то простылъ; ну, давай пить на мировую.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же и Поппавковъ *(въ вишь-мундирѣ и съ портфелемъ подъ мышкой—входитъ справа)*.

П о п л а в к о в ъ *(весело пѣвая)*. А, вотъ и наши съ дровами прѣехали. А кофе-то готовъ? Молодецъ, Лизоль, пропустимъ чашечку. *(Одуванчикову)*. Ну, голубчикъ, Николай Ивановичъ, дай обниму тебѣ, *(обнимаетъ)* умища моя, разутьшиль душеньку! Мордашкишъ въ канцеляріи вслухъ читаль.

Что смѣху-то между канцелярскими было — и сказать нельзя! Зайцевъ, знаешь ты его, какъ схватился за животъ, такъ и покотился со смѣху; даже смотрѣть на него было боязно: индо побагровѣлъ весь. А какъ дошло до амуровъ Константина Герасимовича съ ихъ племянницей, какъ вскочить онъ, руки въ боки, и ну трепака. *(Пауза)*. Ну, братъ, и продернулъ же ты Константина Герасимовича. Въ самую, что называется жилку хватилъ. Морозовъ, тотъ, голубчикъ ты мой, просто изъ кожи полѣзъ; давайте, говорите, братцы Николай Ивановичу: канойнибудь монументъ приподнесемъ: вазу серебрянную, али стаканъ какой, за то, что нашего громовержца сквозь жѣдныя трубы протащилъ. Ей-ей, не вру, складчину дѣлають.

О д у в а н ь ч и к о в ь *(важно, съ самодовольствіемъ)*. Это, пожалуй, лишнее. Это будетъ походять на манифестацію. И тѣмъ доволавъ, что встрѣтилъ сочувствіе; значить, написано не дурно.

П о п л а в к о в ь. Него не дурно; я тебѣ говорю, грохотала канцелярія, всё изъ за столовъ повыскадали слушать, а это самое время Кукушечкинъ насть, — какъ изъ земли выросъ. Чѣмъ спрашиваетъ, господа изволите заниматься? А Морозовъ, знаешь ты его, и хватилъ: — Да мы, говорите, дѣянія одного мужа непотребнаго читаемъ, — да и подаетъ ему газету. Взглянулъ это Кукушечкинъ, инда позеленѣлъ; точно оборвался что у него въ нутрѣ. Повяതു секретарь Константина Герасимовича.

О д у в а н ь ч и к о в ь. Каковъ Морозовъ, — не ожидалъ я отъ него.

П о п л а в к о в ь. Да чего Морозовъ! Теперь у насъ въ канцеляріи всё такіе либералы, что чудо! Дѣла, голубчикъ ты мой, совсѣмъ бросили, только и толкуютъ, что объ этой... какъ ее... эмпаціи...

О д у в а н ь ч и к о в ь. Эмансипаціи.

П о п л а в к о в ь. Виноватъ, Николай Ивановичъ, сбрендилъ. Я вѣдь и самъ тово... ей-ей... Говорю это своимъ... теперь говорю, братцы, не прежнія времена. У меня, говорю, не брать съ просителей, а то, я говорю, всёхъ... этихъ... Эхъ! какъ ихъ... консервъ...

О д у в а н ь ч и к о в ь *(внушительно)*. Консерваторовъ.

Поплавковъ. Да, да... Э-эхъ, память-то какая стала... А все ты, голубчикъ Николай Ивановичъ, все ты просвѣтилъ насъ,—ей-ей такъ. А ужъ какъ злится Константинъ Герасимовичъ! за докторомъ, сказываютъ, послалъ...

Лиза (*грустная, смотря въ окно.*) Бъ намъ, кажется, Егоръ Савичъ.

Поплавковъ. Милости просимъ, милости просимъ! Агафья ихъ сюда проведетъ. Вѣдь они-съ, Николай Ивановичъ, не чужіе люди; вмѣстѣ и кофейку напьемся. (*Одуванчиковъ морщится.*)

Лиза. Ты сдѣлалъ гримасу; тебѣ, кажется, не нравятся его посѣщенія?

Одуванчиковъ (*съ жолчью*). Нисколько; но не прыгать же мнѣ отъ радости. Это вамъ было бы простительно; онъ вашъ другъ.

Лиза (*серьезно*). Да, я уважаю его. Немножко скептикъ, немножко серьезень, ну да вѣдь это характеръ тавой... а ко-рошій человѣкъ.

Одуванчиковъ (*горячася*). Эгонистъ, человѣкъ съ чор-ствымъ сердцемъ, не способный ни на какія увлеченія. Для него общаго блага нѣтъ, было бы только ему хорошо!

Лиза. Ну, это не совсѣмъ правда...

Одуванчиковъ. Еще бы не защищать друга. Онъ и говорить-то, какъ монету чеканить. Ни одной порывистой ноты въ голосъ. Ледъ, а не человѣкъ!

Лиза (*задумчиво и грустно*). Не всегда...

Одуванчиковъ (*съ худо скрытою жолчью*). О, это я знаю.

Поплавковъ (*все время занятый завтракомъ*). Да будетъ вамъ! Что вы все ссоритесь въ послѣднее время!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тъ-же и Порубежниковъ.

Порубежниковъ. Здравствуйте, Лизавета Петровна! (*жметъ ей руку*). Ну какъ вы, Николай Ивановичъ и Петръ Петровичъ?

Лиза. Налить вамъ кофею?

Порубежниковъ. Большое спасибо вамъ, съ удовольствіемъ выпью (*садясь въ кресло*). Уфъ, усталъ! Сегодня всю вашу администрацію объѣхалъ, начиная съ секретаря земскаго суда и кончая губернаторомъ. Уфъ! (*вытираетъ лобъ платкомъ*). Задался денекъ. Скучная это вещь конючить по переднимъ да кланяться.

Одуванчиковъ (*съ злой ироніей*). Добрая воля.

Порубежниковъ (*спокойно*). Конечно, добрая воля. Никто не заставлялъ.

Одуванчиковъ (*горячася*). Для меня это не понятно. Да если бы мнѣ пришлось умирать съ голоду, у меня не хватило бы силъ кланяться и унижаться передъ этими господами.

Порубежниковъ (*хладнокровно*). Унижаться северно,— и говорить нечего, а попросить иногда необходимо. Мало ли какія обстоятельства бываютъ.

Одуванчиковъ. По моему, для порядочнаго человѣка эти поклоны и просьбы должны быть противны понятію о чести.

Порубежниковъ. Какъ кто смотритъ; вѣдь у насъ понятія о чести довольно сбивчивы. (*Къ Лизѣ*) Лизавета Петровна, позвольте еще кофею!

Поплавковъ. О чемъ это вы хлопотали, Егоръ Савичъ?

Порубежниковъ. Старая исторія, Петръ Петровичъ. Знаете вы старушку Зюзину?

Поплавковъ. Какъ не знать. Еще у ней родственники имѣніе оттягиваютъ.

Порубежниковъ. Она самая. Ну вотъ я и принялся за ея дѣло. Жаль бѣдную, двое взрослыхъ дочерей,—да четверо взрослыхъ внуковъ на рукахъ, а кормиться нечѣмъ. Вотъ я сегодня и пошелъ. Кого смазалъ, кого усовершенствовалъ, ну и объѣхали, что дѣло приметъ другой оборотъ.

Лиза. Доброе дѣло, Егоръ Савичъ.

Одуванчиковъ (*съ ироніей*). Хмъ! странно это одно; какъ будто была необходимость прибѣгать къ такимъ божовымъ колеямъ. Не могли вы прямо протестовать отъ ея имени?

Порубежниковъ. Изучень, Ниволой Ивановичъ, горькимъ опытомъ научень Сдѣлалъ было разъ подобную штуку,

да только все дѣло испортить. Помните, что мы на землѣ живемъ, да еще въ руссiйскомъ государствѣ.

Поплавковъ. А вы бы, Егоръ Савичъ, не просили Нивоя Ивановича гласности предать это дѣло, право-такъ-съ! А-съ? Онъ на это талантъ имѣеть. Читали вы, какъ они Константина Герас...

Порубежниковъ. Читаль. По моему, обличенiя въ этихъ случаяхъ бесполезны; да и что это за обличенiя, гдѣ говорится, что господинъ *Иксъ* отнял незаконно имѣнiе у госпожи *Зетъ*? Вѣдь это кувольная комедiя — не больше. Положимъ, что въ нашемъ городѣ и узнають, о комъ рѣчь идетъ. Потолкуютъ, потолкуютъ, да черезъ недѣлю и забудутъ, а тѣ, кому знать слѣдуетъ, и не прочтутъ; а если и прочтутъ случайно, то естественно имъ невдомекъ будетъ, въ какомъ, дескать, тридесатомъ царствѣ это дѣло происходило, и что это за господинъ *Иксъ*, и что это за госпожа *Зетъ*? Ну, вотъ вамъ наша гласность!

Одуванъчиковъ (съ жолчью). Такъ вы отвергаете всякую пользу гласности?

Порубежниковъ. Сохрани меня Господи! никогда! Да у насъ-то нѣтъ гласности, вотъ что я говорю (*возвзвывая голосъ*). Хорошая вещь гласность, да нѣтъ ея у насъ, такъ и говорить о ней нечего.

Лива. Будетъ вамъ спорить! Повончили съ уставными, Егоръ Савичъ?

Порубежниковъ. Повончили, Ливавета Петровна. Слава Богу, полюбовно сдѣлались.

Одуванъчиковъ. Вы какой надѣль дали крестьянамъ?

Порубежниковъ. По положенiю.

Одуванъчиковъ (*насмѣливо*). Но у васъ такъ много земли: развѣ не могли вы дать больше?

Порубежниковъ. Могъ, да не было надобности. Земля у нихъ хорошая, луга отведъ славные. Не жалуются, благодарятъ еще.

Одуванъчиковъ. А вы не боитесь создать пролетарiатъ?

Порубежниковъ (*кристально посмотрѣвъ ему въ глаза*). Простите меня, Николай Ивановичъ! Кто вамъ сны такіе шлетъ? Пролетарiатъ въ нашемъ земледѣльческомъ классѣ! да вѣдь это вониющая нечистота. Каждый крестьянинъ у насъ надѣ-

лень собственностью, возможенъ ли тутъ пролетаріатъ? Увидите, пройдетъ немного времени, и ваши крестьяне станутъ, благодаря эмансипаціи, самымъ богатымъ классомъ въ государствѣ. Конечно, будутъ и исключенія, да вѣдь гдѣ же ихъ нѣтъ? Какойнибудь пьянчужка станетъ пролетаріемъ; ну, да вѣдь законъ не для нихъ писанъ. Вы все трусите пролетаріата, а онъ давнымъ давно уже корни пустилъ, да только не тамъ, гдѣ вы его ищите.

Одубанчиковъ (*важно*). Само собою разумѣется, что я причисляю сюда и мастеровой и рабочей классы.

Норубежниковъ. И это не пролетаріатъ. Они богаче насъ съ вами, если принять во вниманіе ихъ нужды и требованія. Вѣрьте, что у всякаго трезваго работника есть кусокъ хлѣба про черный день. А вотъ у этихъ несчастныхъ созданий, что живутъ на жалованьи отъ *перваго* и до *перваго*, ужь навѣрно ничего не отложено, если только они честные люди. На 8, на 10, да и на 20 руб. въ мѣсяцъ не раскутишься; особенно, когда на шеѣ семья сидитъ. Только что перебивается бѣдняга, а тутъ вдругъ—бацъ! увольняется за штатомъ, и ступай по міру. Вотъ онъ, пролетаріатъ нашъ! Работникъ-то, положимъ, зарабатываетъ 3 рубля въ мѣсяцъ: два проѣсть, а одинъ отложить. Ему рядиться неважнѣ, если особой охоты нѣтъ, а чиновнику мундиръ нуженъ, сюртукъ нуженъ, волей-неволей онъ съ людьми водится, а все это денегъ стоитъ. Ну и живетъ мѣсяцемъ впередъ. Вотъ онъ, пролетаріатъ нашъ, а не крестьяне, не рабочей классъ... (*Слышитъ шумъ съ передней*). Э, да къ вамъ кажется гости.

Лиза (*прищурясь смотритъ въ двери*). Это кажется Бубеньчиковъ, Пендерборскій... и еще кто-то... Примешь ихъ?

Одубанчиковъ. Целовка не принять... вѣроятно въ окно видѣли, что дома.

Лиза. Охота тебѣ, Коля, водиться съ этими господами,— не нравятся мнѣ они; ну еще Бубеньчиковъ хоть глушь, да честень...

Норубежниковъ. Признаюсь, Николай Ивановичъ, я самъ удивляюсь, что у васъ можетъ быть общаго съ этими господами?

Одубанчиковъ (*вспыхнувъ*). Какимъ вы всегда докторальнымъ тономъ дѣлаете замѣчанія. Впрочемъ, ваши лѣта,

относительно моихъ, даютъ вамъ на это право. Вы не знали этихъ господъ съ годъ тому назадъ. Это были безчувственные животныя; а теперь въ нихъ есть человѣческія черты. Я бросилъ въ нихъ сѣмя и оно даетъ плодъ; развѣ этого мало?

Порубежниковъ. Полноте, пожалуйста. — Вы дали имъ только наружный лоскъ, а въ сущности они все тѣже, если не хуже. Прежде, по крайней мѣрѣ, каждый изъ нихъ съ перваго слова наивно сознавалъ, что онъ или дуракъ, или подлець, а теперь, благодаря вамъ, они прикрываются красивыми фразами, и также наивно считаютъ себя за честныхъ и полезныхъ людей... Однако мнѣ пора и до дому. Еще кое-какія дѣлишки есть! (*Быстро встаетъ жметъ руки и уходитъ*).

Поплавковъ. Каковъ! какъ расхотился сегодня; а то и слова бывало не выжмешь. Однако давай кофе убирать. (*Вмѣстѣ съ Лизой уноситъ приборъ съ чашками*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Одуванчиковъ, Бубеньчиковъ, Козьякинъ и Пендерворскій (*послѣдніе трое вдругъ вваливаются въ комнату*).

Одуванчиковъ (*про себя*). Эхъ ихъ нанесло!

Бубеньчиковъ (*во все горло*). Водки, Коля! за твое здоровье пьемъ! Стоишь, стоишь того! — Сокрушилъ главу змія! Качать его братцы! (*Всѣ приступаютъ*).

Одуванчиковъ. Нѣтъ, пожалуйста, господа, безъ качанья, не здоровится.

Бубеньчиковъ. Оставь! (*всѣ отступаютъ; Одуванчикову*) Ну, братъ, честь тебѣ и слава! «Ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный». Да-да. Сейчасъ изъ Лондона: статью твою огуломъ слушали. Потомъ, братецъ, на шарокатѣ сыграли! ха-ха-ха. Кто это былъ, сказалъ шарокатъ-то, а? Пушкинъ, вѣжется... а? — вѣжется онъ, этакая шельма! Биллиардъ у него шарокатъ, ха-ха-ха! А вотъ у насъ въ полку былъ поручикъ Загвоздинъ; такъ тотъ — белендрясами называлъ. Какъ честный человѣкъ, не лгу! Коля! а Козьякву-то (*указывая на Козьякина*) сегодня на двадцать чѣтыре рюмки проваляли. Вотъ она—

пехоторія-то; не то, что нашъ братъ, кавалеристъ... Ну что же, братъ Коля, водки-то за здравье!

Одуванъчиковъ (*про себя*). Чортъ-бы васъ взялъ! (*вслухъ*). Иванъ! (*входитъ слуга*). Поскорѣй водки и закуску!

Бубеньчиковъ. Да, братъ Коля, хорошая эта вещь гласность; это я теперь еще болѣе чувствую. Я вѣдь, Коля, и самъ либераль, какъ честный человѣкъ! Что это я, бывало, въ полку творилъ, просто унеси ты мое горе. И все, братъ, за правду. Только я, братъ, словесами не дѣйствовалъ: слогу Богъ не далъ; а вотъ руками,—это мое почтеніе: могу, братъ, расправиться! Уо! если-бъ цензура разрѣшила распространять гласность боксомъ! Гм-да! (*сильное движеніе*). Полагаю, многихъ бы я здѣсь окалѣчилъ! какъ честный человѣкъ! Константинъ Герасимовичъ, полагаю, теперь въ постель-бы лежалъ. Мирошвину тоже, думаю, на костыляхъ-быковылять... У меня, братъ, на это расправа короткая: чивъ! чивъ! и, какъ честный человѣкъ, одинъ изъ членовъ навѣрно поврежденъ. У меня вѣдь вонъ какіе (*показываетъ кулаки*). Какъ честный человѣкъ—огорчу! (*съ глубокимъ вздохомъ*). Э-хъ! еслибъ цензура дозволила кулаками,—любезное дѣло было бы. Оно, конечно, братъ, хорошо и слогомъ; да все не то! Вѣдь это только духовно умиротворяешь, а плоть-то не чувствуетъ, а надобно, чтобъ и плоть сокрушалась; чтобъ во всѣхъ статьяхъ человѣкъ позналъ правду...

Пендерборскій. Нѣтъ, это на разбой похоже... это не обличеніе, а кулачная расправа.

Бубеньчиковъ. Такъ что-жъ, ничего! какъ честный человѣкъ, ничего. Полѣчится и выздоровѣетъ; а между тѣмъ—наука!

Пендерборскій. Однако... (*приносятъ закуску; всѣ обступаютъ столъ*).

Одуванъчиковъ. Будетъ вамъ, господа; закусывайте лучше. (*Пендерборскому*). Читали о судебныхъ реформахъ?

Пендерборскій. Еще бы. Да, Россія идетъ впередъ...

Бубеньчиковъ. Да еще какъ идетъ-то.

Одуванъчиковъ. Годъ, два, и у насъ гласное судопроизводство. Великое время мы переживаемъ.

Бубеньчиковъ (*пережевывая балыкъ*). Только не всякому, полагаю, это по сердцу. (*Подмигивая на Пендерборскаго*). Тутъ

каноньки-то нельзя будет производить. Того и смотри, что обожжешься; пожалуй и рученьки спрутятся.

Пендерборскій. *(выжмурь, Бубеньчикову)*. Что вы такъ обидно смотрите на меня? Если это намень, то... признаюсь... онъ не дѣлаетъ вамъ чести... Кажется, мой либеральный взглядъ достаточно извѣстенъ всему уѣду... Если вы скажете, что я беру...

Одуванчиковъ. Полноте, господа!

Пендерборскій *(болте и болте юрлясь)*. Нѣтъ-съ, позвольте! Если вы скажете, что я беру, — вы не заставите меня покраснѣть... *(приходя въ экстаз)*. Я беру, дѣйствительно беру, и готовъ это сказать на площади, передъ народомъ; но что я беру, надо знать? Беру куръ, беру гусей, поросать... возьму кануюнибудь несчастную синенькую. И зачѣмъ я беру, надо знать? Я не выключиваю, не выпрашиваю; я беру то, что несетъ мнѣ народъ. Да-съ! надобно знать духъ народа, его характеръ, его національныя особенности, чтобъ толковать о подобныхъ вещахъ... *(съ эффектом)*. Грѣхъ не въ томъ, что я возьму какогонибудь высохшаго поросенка. Грѣхъ будетъ тогда, если я отнажусь, потому что тогда я оскорбляю народное чувство, подрываю въ немъ чувство благодарности... да-съ!

Козявкинъ. Это ихъ-съ правда; человекъ отъ избытка даетъ—отчего не взять...

Пендерборскій *(юрлясь)*. Не избытокъ, какой тутъ избытокъ, не о томъ рѣчь, а главное вѣрованія, — вѣрованія народныя подрываются; вотъ что-съ! *(Всѣ закусываютъ молча)*.

Козявкинъ. Да-съ; вездѣ нынче прогрессъ!

Пендерборскій. Ну, положите, въ вашей военной службѣ его быть не можетъ.

Бубеньчиковъ *(подходитъ въ Пендерборскому, крутя усы)*. А позвольте васъ спросить, почему его быть не можетъ? а?

Козявкинъ. Да извѣстно... одно слово—военная служба.

Бубеньчиковъ. Извольте повторить, что вы сказали: въ военной службѣ нѣтъ прогресса?—а? *(Пендерборскій молчитъ)*. Ну отвѣчай-же!

Пендерборской *(растерянный)*. Я не говорилъ о кавалеріи... я... пѣхоту подразумѣвалъ.

Бубеньчиковъ. То-то! *(Хладнокровно)*. Ну, подѣлуй меня. *(Цѣлуетъ Пендерборскаго)*. Пѣхтура, конечно, другое дѣло; про-

грессъ-то, что паровая, бѣшить, такъ пѣтушкомъ его не догонишь... (*Подходитъ къ вахушкѣ и вытаскиваетъ фюмку водки*).

Козявкинъ (*обидчиво*). Все это напрасно—съ... Да воть, напримѣръ, гдѣ у меня полусабля, видите? (*поворачивается кружкомъ*).

Пендерборскій. Дома оставили...

Козявкинъ. Да съ, и всегда такъ хожу. Вчера съ своимъ батальоннымъ встрѣтился; онъ замѣтилъ мнѣ это; а я возьми и нагуби ему.

Пендерборскій. Ну, это еще не прогрессъ! за такія штуки...

Козявкинъ. Помилуйте, какъ же не прогрессъ! Я значить свои убѣждения отстаиваю, а мое убѣжденіе такое, что саблю нужно только на войнѣ носить; да цоть и вахначей нашъ тоже говорить (*жадно*). Да я вамъ скажу, что если я захочу, я бѣлый жилетъ надѣну и растегнутый по улицѣ пройду, ни на кого не посмотрю. Нѣтъ-съ, напрасно вы изволите думать, что господа военные не сочувствуютъ этому прогрессу!

Пендерборскій. Да это вовсе не прогрессъ, Господь съ вами: это просто несоблюденіе формы.

Козявкинъ. Нѣтъ, это значить свобода, а свобода—прогрессъ.

Пендерборскій. Вотсе не прогрессъ!

Козявкинъ. Нѣтъ-съ, прогрессъ!

Бубеньчиковъ (*все время занятый застракомъ*). Это о чемъ у васъ? Насчетъ жилета? это ничего, жилетъ. А la Napoleon?

Козявкинъ. Да-съ, а la Napoleon. И адъютантъ нашъ такой носить.

Бубеньчиковъ. Знаю. Съ выемкой воть здѣсь?

Козявкинъ. Да-съ, съ выемкой.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣже и Слуга Громовержцева.

Слуга (*подавая небольшой конвертъ*). Отъ его превосходительства господину Одуванчикову!

Одуваньчиковъ (*встревоженный, беретъ конвертъ и обращается ко встѣмъ*). Что бы это значило, господа?

Пендерборгскій. Каверза какая нибудь!

Одуваньчиковъ. Гмъ!...

Бубеньчиковъ (*крутя усы*). Полагаю, что такъ...

Козявкинъ. Неприятность.

Одуваньчиковъ (*распечатываетъ, быстро пробываетъ и невольно опускаетъ руки*). Приглашеніе на обѣдъ!

Всѣ... (*удивленные*). Какъ?

Одуваньчиковъ. Да! (*читаетъ прерывающимся голосомъ*). Константинъ Герасимовичъ Громовержецевъ поворнѣйше проситъ пожаловать къ нимъ на обѣдъ, сего 26 числа, въ 4 часа пополудни.

Пендерборскій. Струхнулъ.

Одуваньчиковъ. Хоть убейте, не понимаю. Послѣ всего этого... приглашеніе на обѣдъ. Не понимаю... мысли путаются...

Бубеньчиковъ (*все время задумчиво крутившій усы*). Фю-фю-фю! Такъ вотъ онъ на какую штуку поднялся! ахъ, онъ разбойникъ! (*рпщительнымъ тономъ*). Боля, не ходи обѣдать — мой совѣтъ тебѣ.

Одуваньчиковъ. Но почему-же?

Бубеньчиковъ. Не ходи! Знаю я эти обѣды. Тебя хотятъ высѣчь... да, высѣчь...

Всѣ (*съ удивленіемъ*). Какъ высѣчь?

Бубеньчиковъ. Какъ обыкновенно сѣкутъ. Да еще не то что обыкновенно, а какъ сидорову козу вздеруть!

Одуваньчиковъ (*встревоженно*). Ты съ ума сошелъ?

Бубеньчиковъ. Нѣтъ, братъ, еще рано. Я этотъ фортельто знаю, старинный онъ. У насъ въ полку была подобная исторійка; тоже одинъ напакостилъ другому: тотъ и пригласи его къ себѣ на обѣдъ. Угостилъ на славу; яствъ и питій было въволюшку, а послѣ обѣда въ кабинетъ — сигарочку покурить; а тамъ уже два гайдука на готовѣ. Ну и взерепенили голубчика...

Одуваньчиковъ (*нерпщительно*). Что за вздоръ? Исключительный случай...

Бубеньчиковъ. Не исключительный, братъ. Самъ бывалъ въ такихъ передрагахъ, такъ знаю. Не ходи, — вѣрь чести, высѣкутъ! Ну самъ согласишься: на кой чортъ ему приглашать те-

бя въ объѣду? что ты не видалъ, что-ли? Бнязь, что-ли, какой умеретенскій? (*Утвердительномъ тономъ*). Навѣрно высѣкутъ.

Одуванъчиковъ (*совершенно растерянный*). Конечно, это приглашеніе нѣсколько странно... но... такая дикая фантазія.

Бубеньчиковъ. Не дикая... Самъ съ этимъ согласишься, когда почувствуешь на своемъ тѣлѣ. Я, братъ, таки пожилъ на своемъ вѣву, всего наглядѣлся. А то вотъ что, постой; пожалуй можно идти, только прихвати меня съ собой! отрекомендешь, конечно. Я, братъ, не выдамъ; охулки на руку не положу. Я знаю его прислугу. Десятковъ такихъ одной рукой уложу. Вотъ только кучеръ Михѣй... здоровая собака. Я разъ для пробы боролся съ нимъ... Да онъ, кажется, теперь въ деревнѣ. (*Слутъ*). Михѣй — въ деревнѣ у васъ?

Одуванъчиковъ (*оглянувшись, про себя*). Боже мой, человекъ не ушелъ и все слышитъ.

Слуга. Въ деревнѣ-съ.

Бубеньчиковъ. Смотри, не врй! Вы и не думайте у меня его высѣчь (*указываетъ на Одуванъчикова*), а то я васъ всѣхъ вмѣстѣ съ барининомъ вашимъ въ бараній рогъ согну.

Слуга (*улыбаясь*). Помилуйте, какъ можно.

Бубеньчиковъ. А что, изъ постороннихъ ктонибудь еще приглашенъ?

Лакей. Никакъ нѣтъ-съ!

Бубеньчиковъ (*Одуванъчикову*). Слышишь, больше ничего. Значитъ, хотятъ келейнымъ порядкомъ.

Одуванъчиковъ (*растерянный и взбѣшенный*). Ты спятилъ, Бубеньчиковъ. (*Слутъ*). Хорошо! благодари, и скажи, что буду! (*Слуга уходитъ. Бубеньчикову*). Вѣдь это ужъ ни на что не похоже, такая сцена и при человекѣ.

Бубеньчиковъ. Скажите пожалуйста, я о немъ-же забочусь, а онъ на меня въ претензіи. Ну, такъ чортъ съ тобой; пусть тебя выдерутъ хорошенько! И подѣломъ; на себя пѣнай, вѣдь не мои тѣлеса будутъ страдать. (*Къ встѣмъ*). Пойдемте, еще партійку хватимъ; ему одѣваться нужно, на казнь египетскую идти. Прощай! (*въ дверяхъ*). А все-таки я вечеромъ забѣгу распросить, какъ это тебя тамъ уконтентуютъ. (*Всѣ прощаются и уходятъ*).

Одуванъчиковъ (*одинъ*). Дуракъ! и выдумаль-же! (*Быстро ходя по комнатѣ*). Оно дѣйствительно, странное приглашеніе и

какая цѣль? Гмъ! Прочестъ нотацію? это онъ могъ-бы сдѣлать, потребовавъ меня, какъ начальникъ! Развѣ дѣйствительно струсилъ? но нѣтъ, занимая такой постъ... странно... Не высѣчь-же, въ самомъ дѣлѣ! И, чортъ знаетъ, съ каковой стати мнѣ эта дикая мысль въ голову пришла. А все этотъ болванъ,—высѣкутъ! высѣкутъ!.. Странно... ничего не понимаю!.. И какими глазами я буду смотрѣть на него во время этого обѣда... Голова идетъ кругомъ... *(Кричитъ въ дверь направо)*
Лиза! Лиза!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Одуванъчиковъ и Лиза.

Лиза *(входя)*. Что такое?

Одуванъчиковъ *(подавая приласительную записку)*. Прочти и скажи, что это значить?

Лиза *(прочитавъ, смотритъ на него удивленными глазами)*.
Ничего не понимаю.

Бубеньчиковъ *(показываясь въ окнѣ, съ улицы)*. Помяни мое слово,—высѣкутъ! и зѣло высѣкутъ...

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ II.

ЛИЦА:

Константинъ Герасимовичъ Громовержецевъ, занимаетъ довольно важное мѣсто, 45 лѣтъ.

Наташа, его племянница, 22-хъ лѣтъ.

Одуванчиковъ.

Кукушечкинъ.

Слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Громовержецева спустя два года послѣ предъ идущаго. Богато меблированный кабинетъ дѣлового человѣка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Громовержецевъ (*въ креслахъ за письменнымъ столомъ, съ сигарой въ зубахъ*). **Кукушечкинъ** (*съ портфелемъ подъ мышкой*).

Кукушечкинъ. Такъ изволите приказать, ваше превосходительство, докладъ отложить до завтра?

Громовержецевъ. Да. Мнѣ что-то нездоровится сегодня. Голова болить. Всю ночь глазъ не могъ сомкнуть. Наташа изъ ума не шла. Чего только не передумалось; а толку никакого. Не знаю, что и дѣлать. Время проходитъ; а за кого ее пристройшь? Садись! (*Кукушечкинъ садится*). Да! этотъ грѣхъ (*вздохнувъ*) тяжелымъ камнемъ лежитъ здѣсь (*показываетъ на сердце*).

Кукушечкинъ. Кто безъ грѣха-то, ваше превосходительство! Гдѣ тотъ человѣкъ, что безъ грѣха былъ бы! Интересно посмотрѣть на такого человѣка. Полагаю, за деньги бы показывали. Одинъ Господь милосердый безъ грѣха, а мы въ утробѣ матери уже во грѣсѣхъ пребываемъ. (*Заминяся*) Оно, конечно... благое вы дѣло, ваше превосходительство, совершите, если по великодушію своему дѣвичій стыдъ Натальи Алексѣевны законнымъ бракомъ прикроете.

Громовержецевъ (*съ досадой*). Какое тутъ великодушіе,

вогда я тутъ одинъ виноватъ. Это мой святой долгъ. Понимаешь?

Кукушечкинъ. Какъ-съ не понять; только напраслину изволите взводить на себя, ваше превосходительство. Лукавый смутиль! Силенъ онъ, врагъ рода человѣческаго. Съ нимъ, осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, завсегда всѣ силы адскія пребываютъ.

Громовержецъ (*строю*). Ну, ты философію-то къ чорту на время! У тебя, я знаю, всякой мерзости оправданіе найдется; еще текстами, пожалуй, подвѣрбишь! Тутъ надо не воду въ ступѣ толочь, а дѣло дѣлать! Ты, вѣжета, у меня свой, какъ семьянинъ принять, а потому я и откровененъ съ тобой.

Кукушечкинъ (*привставая со стула*). Животъ готовъ положить за васъ, ваше превосходительство.

Громовержецъ. Знаю. Ну, за кого мы ее выдадимъ? Какъ на зло прошлый годъ всѣ переженились.

Кукушечкинъ (*со вздохомъ*). Весеннимъ временемъ было, ваше превосходительство.

Громовержецъ. Чортъ бы ихъ побралъ. Кто тамъ у насъ изъ холостыхъ остался?.. Мошкинъ.

Кукушечкинъ. Мошкинъ,—да Корягинъ еще!

Громовержецъ (*въ раздуми*). За нихъ она не пойдетъ, да и жаль будетъ отдать ее бѣдную.

Кукушечкинъ. Неподходящая статья-съ. Наталья Алексѣевна барышня съ воспитаніемъ: и на фортепіанахъ, и танцы разные... ну-съ, и опять въ діалектамъ пристрастны. А вѣдь Мошкинъ и Корягинъ, это, прости Господи, кашмара какаютъ. Мошкинъ, такъ тотъ-съ, окромя того, слабости человѣческой подверженъ, безъ году недѣлю трезвымъ его увидишь... Корягинъ, теперь, хотя онъ поведенія трезваго, нраву тихаго и къ службѣ рачителенъ, да изъ себя какой-то ненатуральный. Все лицо вавилонями. Онъ и самъ, бѣдный, этому не радъ, и все жалованье на разныя притиранья тратитъ, а все нѣтъ пользы; золотуха, слезываютъ. Нѣтъ-съ, какіе это женихи для Натальи Алексѣевны. Не по Сенькѣ шапка — облапаются.

Громовержецъ. Тутъ и толковать нечего. Одинъ Одуванчикъ остается.

Кукушечкинъ. Единую со мною мысль изволите питать, ваше превосходительство. Женихъ — ничего, какъ слѣдуетъ быть жениху. Если не оставите своими милостями — въ гору пойдетъ шибко!

Громовержецъ (*съ раздуми*). Это такъ. Но послѣ всѣхъ этихъ слуховъ, которые ходятъ по городу...

Кукушечкинъ. Да вѣдь на всякой ротокъ не накинешь платокъ, ваше превосходительство. А что относительно этихъ слуховъ, такъ вѣдь они-съ — человекъ образованный: поймутъ, что про кого только здѣсь не говорятъ. Можетъ, вѣдь и врутъ-съ... Да хотя бы и того-съ, и въ правду, такъ вѣдь не безызвѣстно имъ, что многія ли изъ нихъ выходятъ за-мужъ, какъ слѣдуетъ, въ своемъ видѣ. (*Помолча*). Прежде вотъ и сами они въ фармазонствѣ пребывали и по неопытности своей зловредными мыслями были заражены, а теперь-съ они другимъ человекѣмъ стали, — благонамѣренны, сообразительны-съ, потому — одумались, даже другихъ на путь истинный наставляютъ-съ.

Громовержецъ. Это ты про Одуваньчиковъ?

Кукушечкинъ. Про нихъ, ваше превосходительство, тихенькимъ стали, говорю, и за васъ теперь горой стоятъ-съ.

Громовержецъ. Да, мы исправили его. И чѣмъ? Какія нибудь три, четыре приглашенія на обѣдъ, награда... и волкъ сталъ теленкомъ. Такъ ты думаешь, что Одуваньчиковъ...

Кукушечкинъ. Я въ этомъ вполне увѣренъ, ваше превосходительство. Да на такую барышню всякій польстится. Собою раскрасавица, молода, и комплекція такая привлекательная для молодого человекѣка. Сколько я запримѣтилъ, ваше превосходительство, Одуваньчиковъ къ нимъ въ сердцѣ своемъ чувство имѣютъ. Намедни они такими глазами взирали на нихъ, что...

Громовержецъ. Самому мнѣ казалось, что она какъ будто немножко задѣла его за живое. Да вѣдь чортъ его знаетъ. Притомъ, какъ я слышалъ, у него какая-то старая связь съ какой-то дѣвчонкой.

Кукушечкинъ. Нѣтъ-съ, не извольте беспокоиться, ваше превосходительство; они ужъ отлынивать стали. Прежде точно вели они амуръ и жениться обѣщались, а теперь нѣтъ-съ, который мѣсяцъ не заглядываютъ. Да и какая она имъ-съ пар-

тія. Дѣвушка точно изъ себя красивая и разсудка не лишена, да вѣдь голъ перекатная. Какая-сь она имъ жена!

Громовержецъ. Дай Богъ, чтобъ такъ было. А у него съ Натали, дѣйствительно, какъ будто началась маленькая интимность. Я вчера нарочно ихъ однихъ оставилъ на весь вечеръ.

Кукушечкинъ. Да помиуйте-сь... Изъ одной благодарности имъ слѣдуетъ. Всѣмъ, кажется, высшаны отъ васъ. Въ два года три награды. Ну-сь, и опять живутъ въ вашемъ домѣ, на вашихъ хлѣбахъ, все едино что родной. Подобаеть возчувствовать.

Громовержецъ. Положимъ, въ неблагодарности я не имѣю права его упрекать. Читалъ ты его послѣднюю статью, гдѣ онъ говоритъ о моей дѣятельности въ этомъ непочатомъ краѣ?

Кукушечкинъ. Читалъ-сь, съ умиленіемъ читалъ-сь.

Громовержецъ. Ну, то-то! Она и тамъ обратила вниманіе... Да, кстати, наградные списки въ нынѣшнемъ докладѣ?

Кукушечкинъ. Такъ точно-сь!

Громовержецъ. Вели переписать... его къ слѣдующему.

Кукушечкинъ. Какъ бы не отказали, ваше превосходительство; въ прошедшемъ году изволили...

Громовержецъ. Сдѣлать особое представленіе. Въ воздаяніе особыхъ заслугъ, трудовъ на пользу края, ну, и прочее... понимаешь?

ЯВЛЕНИЕ II.

Громовержецъ, Кукушечкинъ и Наташа (въ утреннемъ капотѣ).

Наташа (цалуетъ въ лобъ Громовержца; онъ цалуетъ ея руку). Bon jour! Здравствуйте, Егоръ Савичъ!

Громовержецъ. Что такъ рано? Хорошо ли спала?

Наташа. Нѣтъ, все дурныя мысли въ голову лѣзутъ. (Садится въ кресло съ лѣвой стороны стола). Послушай, Константинъ, я буду говорить откровенно. Егоръ Савичъ—свой. На-

до торопиться... Я боюсь дожить до позора... Меня заключутъ, на меня пальцемъ станутъ указывать въ городѣ.

Громовержецъ. Полно, Наташа, не безпокойся; все устроится.

Наташа. Смотри, чтобъ не опоздать! *(Отбрасываетъ юлову на спинку кресла)*

Громовержецъ. Ну, что вчерашній вечеръ?

Наташа. Ахъ, не напоминай пожалуйста! Злость беретъ, какъ вспомню. Какъ нарочно онъ вчера не походилъ на себя. Я употребила всѣ средства наэкзальтировать его. То была остроумно-игрива, то грустна: словомъ, въ ударѣ, какъ говорятъ. Новый пеньюаръ удивительно какъ шелъ ко мнѣ. Онъ растаялъ, пустился въ нѣжности и, можетъ быть, еще какіе нибудь будь полчаса и онъ лежалъ бы у моихъ ногъ, какъ вдругъ отворяются двери и входитъ этотъ противный Филиповъ. Въ передней никого не было и дверь забыли запереть. Это меня ужасно взбѣсило.

Громовержецъ *(съ досадою)*. Этакой болванъ, этотъ Васька. Такъ онъ-таки таялъ.

Наташа. Да еще какъ! А теперь, пожалуй, опомнится. Одна слабая надежда еще остается. На зарѣ у меня мелькнула недурная мысль и планъ мой долженъ бы удался. Вѣдь онъ изъ тѣхъ, которые жертвами бредятъ; чаду у него въ головѣ довольно. Но если и этимъ путемъ не достигну цѣли *(закрываетъ лицо руками)*, поворъ!

Кукушечкинъ. Напрасно вы, сударыня, такъ сокрушаться изволите, а я-то на что-съ? Дѣло...

Громовержецъ *(перебивая его, ей)*. Въ чемъ же твой планъ?

Наташа. Послѣ скажу. Пришлю за тобой, когда онъ придетъ, а теперь пойду готовить вамъ чай. Если спросить обо мнѣ, скажи, что больна, въ постелѣ, всю ночь былъ жаръ, бредъ; послали за докторомъ. *(Уходитъ)*

ЯВЛЕНИЕ III.

Громовержецъ и Кукушечкинъ.

Громовержецъ *(задумчиво)*. Чтобы такое она затѣвала? Кукушечкинъ. Полагаю, что недурную механику изво-

ляли придумать: барышня сообразительная, ихъ Господь великою женскою хитростью надѣлилъ.

Громоверхцевъ. Гмъ!.. Такъ ты съ своей стороны тоже... понимаешь?

Кукушечкинъ. По гробъ жизни...

Громоверхцевъ. Знаю! Только не пересаливай... потоньше, поосторожнѣе... а то ты, пожалуй, такъ поусердствуешь, что все дѣло испортишь.

Кукушечкинъ. Дѣло-дѣлурознь, ваше превосходительство. Не изъ ученыхъ, а понимаю, что обстоятельство щекотливое и подобаетъ въ немъ наипаче политикой дѣйствовать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Одуванчиковъ.

Громоверхцевъ. А, Николай Ивановичъ, милости просимъ!—Ну-съ, какъ живете-можете! Садитесь-ко, да закури-вайте сигару.

Одуванчиковъ (*сидясь и закуривая сигару*). Я къ вамъ встать по дѣлу о старухѣ Зюзиной... Совсѣмъ другой оборотъ приняло: имѣніе приговорили было ея родственникамъ,—теперь опять тянуть на ея сторону...

Громоверхцевъ. Оно, положимъ, по смыслу закона имѣніе должно остаться за ней, хотя мое мнѣніе было всегда на сторонѣ родственниковъ. Они живутъ открыто; у нихъ весь городъ принять; слѣдовательно для нихъ средства къ жизни составляютъ первую и существенную необходимость, — тогда какъ старушенка могла-бы домаячить и въ своемъ выселѣ. Но знаете, за нее желаніе губернатора... вслѣдствіе просьбы этого господина Порубежникова... дѣлать нечего...

Одуванчиковъ. Это досадно... какой-нибудь Порубежниковъ и... Притомъ примите во вниманіе то, что родственники хотятъ жаловаться; дѣло стоило имъ большихъ издержекъ.

Кукушечкинъ. Это пустяки-съ. Сами на себя петлю не надѣнуть. Не безъизвѣстно имъ, что по закону и дающій и принимающій единой отвѣтственности подлежатъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ ЖЕ И СЛУГА.

Слуга. Наталья Алексѣевна къ себѣ васъ просятъ.

Громовержецъ. Хорошо, ступай! (*Слуга уходитъ*).

Одуванчиковъ. Ахъ, Господи, съ этой старушкой я забылъ даже спросить о здоровьи Натальи Алексѣевны.

Громовержецъ (*грустно*). Въ постелѣ лежитъ. Всю ночь напролетъ жаръ, ознобъ, бредъ; послалъ за докторомъ.

Одуванчиковъ (*нѣсколько встревоженный*). Что-жъ это такое?

Громовержецъ. Богъ знаетъ! Прописалъ что-то успокоительное. Находить, что должна быть какая-нибудь нравственная причина... Однако не хуже-ли ей! Извините меня, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, — я сейчасъ ворочусь. (*Быстро уходитъ*).

Одуванчиковъ. Что такое съ ней, — простудилась вѣрно?

Кукушечкинъ. Смѣю думать, что не простуда, а влюбленн-сь! Знакома мнѣ эта матерія. Слава Господу, не первой десятокъ живу, — всего наглядѣлся. Въ послѣднее время часто онѣ въ задумчивости пребываютъ и нерѣдко подмигиваютъ, какъ онѣ у себя, въ одиночествѣ, въ спальнѣ, слезы тихія проливаютъ и все какой-то маленькой портретъ цалуютъ.

Одуванчиковъ (*задумчиво*). Неужели? Но въ кого-же она влюблена?

Кукушечкинъ (*равнодушно*). А Господь ихъ знаетъ. Это ихъ-сь дѣло, намъ не сважуть. Если и нашъ братъ такія дѣла въ секретѣ держитъ, то наипаче образованная дѣвица. Эхъ, докладъ-то сегодня и не подписали... (*собираетъ бумаги*).

Одуванчиковъ. А большой?

Кукушечкинъ. Есть малая толика. (*Спохватясь*). И забылъ было; поздравить васъ можно... въ коллежскіе, Николай Ивановичъ!

Одуванчиковъ (*удивленный и обрадованный вѣстью*). Вы шутите... я и такъ два года сряду...

Кукушечкинъ. Особеннымъ представленіемъ входятъ. Да-съ, разысканы вы ими.

Одуванчиковъ. Миѣ даже, право, совѣстно... за что?

Кукушечкинъ. Это ихъ дѣло; не знаю-сь, объ начальствѣ я и себѣ, и дѣтямъ не дозволю въ разсужденія пускаться. Да-сь, Николай Ивановичъ, быстрыми стопами вы въ гору пошли. Одного недостаетъ — хозяйшки. Избрать-бы вамъ себѣ эту самую дѣвицу образованную, чтобы изъ лица была красочка, да умѣла-бы въ высшемъ обществѣ ролю разыграть. Такую вамъ надобно; безпремѣнно такую. Другую не берите; службу себѣ испортите. А вѣдь у васъ-то что впереди, уфъ — духъ захватываетъ...

Одуванчиковъ. Отчего же... я не прочь жениться... но гдѣ вы найдете дѣвушку, которая удовлетворяла-бы всѣмъ этимъ условіямъ?

Кукушечкинъ (*мохалъ табакъ*). Это такъ-сь! это справедливо! Трудно сыскать такую. Ну, да вѣдь свѣтъ не клиномъ же сошелся: толцете и обряцете! Да вотъ, примѣрно, хоть-бы Наталья Алексѣевна, чѣмъ не невѣста? любой губернаторшѣ не уступитъ. Одно горе — противу сердца не пойдутъ; съ малолѣтства ихъ знаю. Вотъ если-бы вы были ихъ предметомъ, ну тутъ не грѣхъ сто молебновъ отслужить, да вѣдь это еще на двое старуха сказала... А противу сердца не пойдутъ.

Одуванчиковъ. Но, положимъ, что она въ меня влюблена!

Кукушечкинъ (*состроивъ удивленную физиономію*). Въ васъ?.. что вы, что вы, Николай Ивановичъ... пожалуй еще Константинъ Герасимовичъ услышитъ... (*оглядывается боязливо кругомъ*).

Одуванчиковъ. Я говорю къ тому, что если-бы это даже и было, то слухи, которые ходятъ про нее по городу... а?

Кукушечкинъ. О комъ у насъ по городу не говорятъ, Николай Ивановичъ? Все это злоствуютъ противу Константина Герасимовича; не любятъ всѣ его, а за что — Господь вѣдаетъ. А сплетнямъ въ нашемъ городѣ переводу, полагаю, до свѣтопреставленія не будетъ. Да чего лучше, я вамъ скажу: — прихожу я вчера въ канцелярію: гуль гуломъ идетъ. Прислушиваюсь: о чемъ это они, ракалии, толкуютъ. Знаете вы дочку Петра Петровича Поплавкова, Лизавету Петровну? Дѣвица скромная и хотя необразованная, но въ благочестіи

воспитана. Слышу, про нее это языки чешутъ, что яко бы она съ Порубежниковымъ въ любовной связи находится...

Одуванчикова (*вспыхнувъ*). Мерзавцы! кто сказалъ это?..

Кукушечкина. Да я, по правдѣ, и не разбиралъ. Слышу, всѣ гадятъ. Ну, возможно-ли вѣроятіе дать? Конечно, вѣдомо мнѣ, что Порубежниковъ у нихъ съ утра до ночи, а ино время и заночевываетъ у нихъ; такъ вѣдь они съ коихъ поръ знакомы, все равно, что свои. А въ людяхъ-то вонъ какая молва ходитъ. Такъ вотъ и про Наталью Алексѣвну.

Одуванчикова (*про себя*). Порубежниковъ... гмъ... а можетъ быть и такъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Громовержевецъ (*видъ его разстроены*).

Одуванчикова. Ну, что Наталья Алексѣвна, лучше?

Громовержевецъ. Свверно. (*Подходитъ къ письменному столу и начинаетъ безсознательно переставлять съ мѣста на мѣсто разныя бездѣлушки. Замѣтно, что онъ находится подъ вліяніемъ какой-то серьезной мысли*). Ты, Егоръ Савичъ, откуда въ канцелярію?

Кукушечкина. Такъ точно, ваше пр—ство.

Громовержевецъ. Ну и съ Богомъ! Я сегодня не буду! (*Протягиваетъ ему лѣвую руку, которую тотъ беретъ съ подобострастіемъ, низко кланяется и уходитъ. Громовержевецъ начинаетъ быстрыми шагами ходить изъ угла въ уголъ. Молчаніе*).

Одуванчикова (*берясь за шляпу*). Мое почтеніе, Константинъ Герасимовичъ; вамъ теперь не до гостей.

Громовержевецъ (*продолжая ходить*). Подождите минуточку... Мнѣ нужно сказать, вамъ два слова. (*Продолжаетъ нѣсколько времени ходить еще болѣе ускореннымъ шагомъ, потомъ вдругъ останавливается передъ Одуванчиковымъ*). Николай Ивановичъ! Я васъ всегда зналъ за благороднаго человѣка; да вы такой и есть... Послушайте, вы должны на время оставить нашъ городъ! На какіе-нибудь полъ-года... Я, пожалуй, вамъ дамъ хорошую командировку. Я убѣжденъ, что вы исполните мою просьбу... Вы честный человѣкъ.

Одуванчикъ. Благодарю васъ; но неужели вы считаете меня недостойнымъ вашего довѣрія? Скажите причину!

Громовержецъ (*вздыхнувъ*). Это бесполезно. Словомъ, обстоятельства этого требуютъ.

Одуванчикъ. Повѣрьте, что бы я отъ васъ ни услышалъ, слова ваши залегутъ здѣсь (*показываетъ на грудь*), какъ камень на днѣ. Все останется между нами.

Громовержецъ. Вѣрю; но зачѣмъ-же? То, что пришлось-бы вамъ услышать, можетъ васъ растрогать; а душевное спокойствіе чего-нибудь да стоитъ.

Одуванчикъ. Вашей таинственностью вы еще болѣе заставляете меня мучиться и теряться въ догадкахъ... Ради Бога, скажите!

Громовержецъ. Вы этого хотите непременно? Извольте! (*Съ сильнымъ выраженіемъ*.) Натали влюблена въ васъ; влюблена, какъ сумасшедшая. Она сей часъ призналась мнѣ; доктору это тоже не безъизвѣстно. У ней страшное нравственное потрясеніе. Докторъ считаетъ первымъ условіемъ успѣшнаго леченія,—ваше отсутствіе и отсутствіе всего, что могло-бы ей напоминать васъ. Я успѣлъ утащить потихоньку изъ ея комнаты вашу карточку. Вотъ вамъ причина,—важется, уважительная. Надѣюсь, что вы, какъ честный человѣкъ, не захотите испортить жизнь моей племянницы изъ одного самолюбія. Вы не фать... Я васъ знаю.

Одуванчикъ (*взволнованнымъ и нѣсколько обиженнымъ тономъ*). Я безпрекословно исполню ваше требованіе, тѣмъ болѣе, что вы, какъ видно изъ вашихъ словъ, другого исхода даже и допустить не можете.

Громовержецъ. Какой-же еще другой исходъ можетъ быть? я васъ не понимаю! Пожалуй, возможенъ еще одинъ, и самый благопріятный. Это жениться вамъ на ней! Но что-же вамъ за охота будетъ связывать всю свою жизнь съ нелюбимой дѣвушкой. Вѣдь вы къ ней не питаете никакого чувства. Можетъ быть она и нравится вамъ, какъ недурная и умная дѣвушка, со связями и средствами. Но для женщины въ родѣ Натали,—этого мало будетъ отъ мужа.

Одуванчикъ (*сдерживая волненіе*). Какъ вы самоувѣренно говорите. Я, кажется, не избиралъ васъ повѣреннымъ своихъ сердечныхъ тайнъ... (*Холодно и утѣиво*.) Я исполню ваше

требованіе; но исполните и вы мою послѣднюю просьбу... Я желалъ-бы повидать я съ Натальей Алексѣвной: это для меня необходимо. Испросите у нея позволеніе на это, отъ моего имени!

Громовержецъ. Къ чему-же?.. Это свиданіе еще болѣе разстроитъ ее. (*Въ раздумьи.*) А впрочемъ.. я спрошу, и вечеромъ дамъ вамъ знать.

(*Голосъ Бубеньчикова за дверью.*) Пусти, говорятъ тебѣ!

(*Голосъ слухи.*) Невелѣно принимать.

(*Голосъ Бубеньчикова.*) Пусти. — Не видишь развѣ, хамъ, съ кѣмъ говоришь? Мнѣ Колю нужно; я вчера, братъ, только изъ повозки.

Громовержецъ. (*приподнимаясь съ кресель.*) Что тамъ такое?

Одуванчиковъ. Знакомый голосъ. (*Шумъ въ средней; дверь расплывается, въ комнату вбѣгаетъ Бубеньчиковъ и бросается на шею Одуванчикову.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ И БУБЕНЬЧИКОВЪ.

Бубеньчиковъ. Коля! пріятель! здорово, братъ! Сто лѣтъ не видались! (*отступая и оглядывая его*) У! да и какъ же ты постарѣлъ! (*Замытивъ Громовержеца.*) Извините; вѣроятно имѣю честь видѣть ихъ превосходительство, г. Громовержеца?

Громовержецъ. Д-да-съ! его!

Бубеньчиковъ. Извините, ваше пр-ство, что такимъ наѣздникомъ влетѣлъ къ вамъ. Чувство дружбы влекло; вчера только изъ повозки; сегодня проснулся и первымъ долгомъ— къ старому пріятелю, Колѣ. Сказали мнѣ, что у васъ; ну, думаю, вѣроятно генераль извинитъ, чувство дружбы влекло, да встать, думаю, и его пр-ству буду имѣть честь представиться. (*Расшаркиваясь*): Бубенчиковъ, ротмистръ въ отставкѣ. Покорнѣйшую просьбу буду имѣть до вашего пр-ства.

Громовержецъ. Сдѣлайте одолженіе, что вамъ угодно?

Бубеньчиковъ. Время терпитъ, еще успѣю изложить (*указывая на Одуванчиковъ*): давно съ старымъ пріятелемъ не видались. Такъ-то братъ, Коля! слышалъ я, какъ ты мах-

нулъ, азіать этакой, рукой теперь тебя не достанешь; а все благодаря великодушію ихъ пр-ства. Это, ваше пр-ство, дѣлаетъ вамъ честь, что вы такихъ людей, какъ Коля, впередъ двигаете. А вѣдь помните, какъ вы приглашали его на обѣдъ въ первый разъ? я вѣдь, ей Богу, думалъ, что вы его хотите высѣчь; право думалъ, что высѣчь; а тутъ-то вы и показали все великодушіе своего характера и чрезъ-то врага обезоружили. Я теперь только прозрѣлъ душу вашего пр-ства.

Одуванъчиковъ (*про себя съ неудовольствіемъ*). Все тотъ-же; вѣчно вздоръ мелеть.

Бубеньчиковъ. Ну, смѣйся, смѣйся. (*Громовержцеву*) Вѣдь мы съ нимъ, ваше пр-ство, вмѣстѣ сѣмяна правды сѣяли; онъ словесами, а я больше дѣломъ, (*показывая кулаки*). Комплекція у меня на это способная. Ну, братъ Коля, что я въ эти два года дѣла-то надѣлалъ! Въ Колокамскѣ надъ исправникомъ такую расправу сочинилъ, что самому смѣшно, какъ вспомню. Полагаю, и теперь еще въ госпиталѣ; лѣвый бокъ я ему натрудилъ: не грабъ крестьянъ! Въ Уманскѣ—ну, тамъ я деликатно поступилъ; неловко было нахрапомъ: съ вице губернаторомъ связался. Такая баба, что всѣ совѣтники на немъ верхомъ ѣздили. За это, братецъ, за малодушество его, я ему въ театрѣ, при всей публикѣ, бумажный колпакъ съ волокольцами на голову надѣлъ и деликатнымъ образомъ удалился. Надъ одной барыней тоже довольно забавный физическій опытъ произвелъ, чтобъ дѣвокъ поѣдомъ не ѣла; да и дѣвчи-то, какъ на зло, всѣ такія славныя. Да-съ: (*Молчаніе*). А кстати, позвольте васъ, ваше пр-ство, одной просьбой обезпечить?

Громовержцевъ (*съ худо скрытой досадой*). Извольте, только потрудитесь пожалуста покороче... сущность.

Бубеньчиковъ. Желаю служить подъ вашимъ начальствомъ. Миѣ-бы этакъ на первый разъ хоть немудрящее мѣсто, цѣлковыхъ въ 600,—а если можно и больше,—не откажусь!

Громовержцевъ. Такихъ мѣстъ у меня нѣтъ да и вообще я въ затрудненіи... Вѣдь вы никогда не были въ гражданской службѣ?

Бубеньчиковъ. Я-то? что вы-съ! Да я въ эти два года, можно сказать, всю администрацію прошелъ. Служилъ и въ

земскомъ судѣ, и по министерству государственныхъ имуществъ, два мѣсяца овругомъ заправлялъ, и въ казенной палатѣ малую толику кресло насиживалъ.

Громовержцевъ. Чтоже васъ заставило такъ часто мѣнять службу?

Бубеньчиковъ. Не по своей волѣ; враги одолѣвали. Вездѣ за правду стоялъ; кривды и взяточничества не терплю, отъ того и нагъ! Да вотъ, если приведется вамъ быть проездомъ въ Уманской губерніи и встрѣтите вы тамъ председателя какойнибудь палаты искалѣченного,—такъ, честью завѣряю, это дѣло моихъ рукъ.

Громовержцевъ. Подъ судомъ не были?

Бубеньчиковъ (*зордо*). Четырнадцать разъ и все за правду. Горжусь этимъ, ваше пр-ство!

Громовержцевъ (*пожимая плечами*). Но какже я могу васъ послѣ всего этого принять,—посудите сами?

Бубеньчиковъ (*возвзвывая голосъ*). А позвольте васъ спросить, почему-же вы меня не можете принять? (*Подходя почти къ самому носу генерала и крутя усы*). Почему-же вы не можете меня принять а-а? (*подступаетъ къ нему*).

Громовержцевъ (*нѣсколько встревоженный*). Хорошо... я подумаю... переговорю съ секретаремъ... загляните дня черезъ два.

Бубеньчиковъ (*крутя усы*). Гмъ.. то-то!.. такъ значить я могу надѣяться?..

Громовержцевъ (*нетерпливо*). Постараюсь. До свиданья. (*Бубеньчиковъ идетъ и опять возвращается*)

Бубеньчиковъ. Виновать, ваше пр-ство!. Коля! у насъ сегодня вторникъ?

Одуванчиковъ (*съ досадой*). Да.

Бубеньчиковъ (*разсчитывая на пальцахъ*). Такъ значить побывать въ пятницу?..

Громовержцевъ (*выходя изъ себя*). Въ пятницу, прощайте!

Бубеньчиковъ. Честь имѣю кланяться. (*Уходитъ*).

Громовержцевъ. Если хотите, Николай Ивановчъ, пожалуй, кое что можно сдѣлать для вашего знакомаго.

Одуванчиковъ. Вы оскорбляете меня, ваше пр-ство. Какого рода знакомство я могу водить съ подобными госпо-

дами? Онъ таковой-же мой знакомый, какъ и вапшъ. Къ тому же онъ глупъ и дерзковъ.

Громовержцевъ. Послѣднее не подлежитъ сомнѣнью, но я было думалъ... (*звонитъ входитъ слуга*). Если этотъ господинъ еще придетъ, не принимай сказать, что дома нѣтъ. Ступай! (*Слуга уходитъ*.) Однако я безъ церемоніи на минутку оставлю васъ, Николай Ивановичъ, навѣщу Наташу. (*Уходитъ*.)

О д у в а н ь ч и в о в ь (*одинъ; быстро ходитъ по комнатамъ, по временамъ останавливаясь*). Гмъ... Бѣдная Наташа! Не думалъ, чтобъ свѣтская дѣвушка могла полюбить такъ страстно. Ну, другое дѣло Лиза; та—дитя природы; у такихъ женщинъ всегда чувство сильнѣе и глубже... (*Задумывается*). Въ два года—двѣ женщины, и обѣ красавицы. И что я имъ далъ взамѣнъ ихъ любви и страданій? Впрочемъ зачто-жъ на себя-то вину взваливать? судьбѣ такъ было угодно. Да вѣдь и я не даромъ пользовался наслажденіемъ. Не одна безсонная ночь, не одна тяжелая минута раскаянія выпала на мою долю. Нѣтъ, пора повончить съ такой жизнью. Богъ съ ними, съ этими неопредѣленными отношеніями; пора остепениться, бросить холостую жизнь. Кукушечинъ правъ: Натали для меня блестящая партія. Умна, хороша, молода и влюблена безъ памяти. Чего-же еще желать. При ея состояніи и связяхъ она съумѣетъ прочно устроить мое положеніе въ обществѣ. О служебной карьерѣ и говорить нечего: у ней вездѣ рука. Одно... эти щекотливыя слухи... да вѣдь легко можетъ быть, что и дѣйствительно лгутъ!.. А навонецъ, если-бы даже и такъ... Поговорятъ, поговорятъ и замолчатъ; языки устанутъ. (*Молчаніе*) А Лиза?.. что съ ней будетъ? (*махнувъ рукой*) Э! да вѣдь на всѣхъ не переженишься.

ДѢЙСТВІЕ Ш.

ЛИЦА:

Поплавцовъ.

Порубежниковъ:

Лиза.

Бубеньчиковъ.

Агафья, ключница Поплавцовой, 40 лѣтъ.

Слуга Одуванчиковъ.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Поплавцова.

ЯВЛЕНІЕ I.

АГАФЬЯ (*одна, смѣтаетъ пыль съ мебели*).

Охъ-хо-хо! (*глубоко вздыхаетъ*). Прогнѣвили видно мы Господа милосердаго. Наслалъ онъ на насъ чорный денежъ. Куда дѣлись и смѣшки и разговоры—все прахомъ пошло. Промежъ людей живешь, а ровно на владбищѣ. Кабы не привыкла я къ барышнѣ, дня бы нога моя здѣсь не осталась; безпремѣнно разсчитать бы потребовала. Глядячи на нихъ, сама вся истомилась. Еще пока барчасть въ корпусъ не отвозили — голосъ человѣческой слышала, а теперь словно въ ночь глухую на погостѣ стоишь. Вонъ мухи-то однѣ и подають голосъ... вш., вш! (*юнитъ мухъ*). Баринъ до обѣда на службѣ, а барышня запрется у себя; все Богу молится, али по комнатѣ ходить да руки ломаетъ. Въ ину недѣлю и слова не добьешься: да, да нѣтъ! вотъ и весь отвѣтъ. Почитай съ годъ, окромя своего дому, и свѣта божьяго не видѣла. Вотъ каково оно житье-то у насъ. А все это пошло у насъ не ладно съ тѣхъ поръ, какъ этотъ постоялецъ, будь онъ проклять, съ квартиры переѣхалъ. Смутилъ онъ, собака, нашу барышню рѣчами своими. А ужъ рѣчивистъ, надо правду говорить: какъ почнетъ бывало, словно горохомъ сыплеть, духу перевести не дастъ; а нашимъ-то и любо слушать его, пострѣла этакого. Не любила я его, — форсу много задавалъ. Такимъ гоголемъ расхаживаетъ, бывало, словно супротивъ него другого такого человѣка и на свѣтѣ нѣтъ. А вѣдь и вольцами обмѣнялись, а какъ переѣхалъ и носу не ва- жеть, пакостникъ этакой... (*шумъ въ передней*) Бого это Богъ

даеть? (*Отворяя дверь*). Здравствуйте, батюшка Егоръ Савичъ, добро пожаловать! Что это вы насъ совсѣмъ забыли? Поди, третій день глазъ не показывали.

ЯВЛЕНІЕ II.

АГАФЬЯ И ПОРУБЕЖНИКОВЪ.

Порубежниковъ. Радъ бы въ рай, Агафьюшка, да грѣхи не пускають, и безъ того много дѣлъ оставилъ, чтобъ васъ навѣстить. Что Петръ Петровичъ?

Агафья. На службѣ, батюшка, не приходилъ еще.

Порубежниковъ. Ну, а барышня? (*тихо*) все также?

Агафья. Еще хуже, батюшка, Егоръ Савичъ! Все въ своей комнатѣ, и не выходитъ. Прежде, бывало, какъ всплакнетъ, такъ какъ будто поспоконѣе станеть, а нынче и слезъ-то нѣтъ. Только и дѣла, что Богу молятся да изъ угла въ уголь ходить. Да и привередливая какая стала, ровно малый ребенокъ; чуть ступни чѣмъ, выбѣжить изъ комнаты, позеленѣть: — не жучьте, говоритъ, меня! дайте мнѣ умереть спокойно, что я вамъ сдѣлала, — да и опять къ себѣ въ комнату. Сегодня она какъ будто поспоконѣе. Кажись плакала ночью; глаза что-то опухли, и вотъ еще недавно мурлыкала себѣ подъ носъ — ровно пѣла.

Порубежниковъ (*про себя, грустно*). Гмъ! Болѣзнь далеко зашла. (*Агафья*) Петръ Петровичъ видитъ?

Агафья. Какъ не видать-то; видеть, да крѣпится. Да взбалмошной онъ у насъ какой-то! Кабы сказала ей давно на прямо, что малый, моль, плуть, дергача задаеть, — можетъ тоска давно бы у ней пропала, поплакала бы, поплакала, да и забыла; а онъ замѣсто того, все обнадеживаетъ: безпремѣнно, говорить, женится только дѣла повершить; дѣловъ много. (*Помолча*). И, батюшка, Егоръ Савичъ, отходить хочу; боязно что-то, какъ бы до грѣха не дожить.

Порубежниковъ. Господь съ тобой, и не думай. Потерпи денька три-четыре, — перемелется, мука будетъ. Одуванчикова не былъ и не присылалъ?

Агафья. Жуда тебѣ! Только и видѣли, какъ вчера мимо.

дома въ коляскѣ прокатилъ, — и на домъ даже не взглянулъ. А она, голубушка, стоитъ себѣ у окна, да все его ожидаетъ. Я, Батюшка, Егоръ Савичъ, о васъ ей доложу. Можетъ и выйдутъ.

По рубежниковъ. Да, пожалуйста. *(Анабья уходитъ)*. Бѣдная, бѣдная; до чего довелъ тебя этотъ грошовый либералишка! И отдать всю душу свою такой дряни! Ну, хоть бы умъ, да красота—все это обаятельно дѣйствуетъ на женщинъ, но вѣдь ничего этого нѣтъ. Одно пустозвонство, фразерство, трескотня и только. Чѣмъ все это объяснить? Потребностью молодой души любить, а кругомъ никого лучше не было?... Бѣдная! Вѣрю: близко время, погаснѣтъ она за своего идола; но вѣдь надо много силъ, чтобы пережить такой кризисъ, да и вѣдь ли она переживетъ его... *(Задумывается)*. Господи, да если бы она мнѣ удѣлила сотую долю той любви, которую отдала ему... *(Машнуетъ рукой)* Эхъ! не мечтай, братъ. Глупо! Вѣрнись! Авось еще наша жизнь кому нибудь и пригодится.

ЯВЛЕНИЕ III.

Порубежниковъ и Лиза *(она худая, блѣдная; но выраженіе лица спокойно)*.

Порубежниковъ *(идя на встрѣчу ей)*. Здравствуйте, Лизавета Петровна! Ну, какъ ваше здорье? Все хандрите?

Лиза *(сидя въ кресло)*. Да... немножко...

Порубежниковъ. Этого нельзя сказать. Все одиъ и никого видѣть не хотите...

Лиза. Да, это было, но вается проходить. Я такъ обрадовалась, узнавъ, что вы пріѣхали... Нѣтъ, серьезно, съ сегодняшней ночи, я какъ будто другая стала; точно я—не я, а кто-то другой.

Порубежниковъ. Вы сегодня себя гораздо лучше чувствуете. Вы сами это говорите, да и постороннему это замѣтно. Глаза у васъ свѣтлые, лицо спокойное. Вотъ и воспользуйтесь добрымъ днемъ; дайте себѣ слово порѣже вспоминать о прошломъ.

Лиза. Ахъ, Егоръ Савичъ, вамъ совѣтовать легко. Это дѣлается

номимо моей воли. Вотъ еслибъ можно было вынуть сердце и вложить вмѣсто него другое, — тогда такъ. Впрочемъ, сегодня я дѣйствительно спокойнѣе, — равнодушнѣе какъ-то. Зато, если бы вы знали, что я перестрадала въ эту недѣлю, — врагу смертельному не пожелаю. Вы знаете, что у меня нѣтъ отъ васъ тайнъ; да и въ чему таить: вся моя жизнь вамъ хорошо извѣстна. Мною въ эти дни овладѣла было мысль о самоубійствѣ, и я рѣшилась умертвить себя голодомъ. Пять дней я ничего не брала въ ротъ, и дѣйствительно ослабѣла; но голова работала страшно; мысли такъ и шли — непрерывно, безостановочно. Все, все старое, давнишнее, какъ живое, стояло передо мной цѣлые дни; до поздней ночи я все ходила, ходила безъ усталости и все думала. Ночью я не спала, а лежала съ открытыми глазами и передо мною стоялъ то онъ, то папа, то вы; вотъ какъ теперь вижу васъ: и такъ всю ночь напролетъ. И знаете, меня не пугало все это, я чувствовала себя хорошо... грезы были все такія пріятныя. Но вчера утромъ мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно... я чувствовала, что начинаю сходить съ ума.. При мысли, что я сойду съ ума, — ужасъ овладѣлъ мной. Нѣтъ, думаю себѣ, лучше смерть, и рѣшилась утопиться. Весь день эта мысль не покидала меня; я свылкалась съ нею, и вечеромъ, когда всѣ улеглись спать, я достала свой старенькій бурнусъ, надѣла его и пошла уже въ двери. Мною овладѣла страшная дрожь... какой-то панический страхъ напалъ; я хотѣла пересилить его и не могла... Тогда я вспомнила, что вино придаетъ бодрость и рѣшимость, и потихоньку вошла въ папину комнату, достала изъ шкафа графинъ и рюмку и отнесла къ себѣ. Зажмуривъ глаза, я проглотила рюмку и голова у меня закружилась, такъ что я чуть-чуть не упала.

Порубежниковъ (*про себя*). Какое безуміе!

Лиза. Но это было не долго; я вдругъ почувствовала силы и энергію. Мнѣ захотѣлось передъ смертью проститься съ отцомъ, написать ему письмо, оправдать въ его глазахъ мой поступокъ и я написала цѣлый листъ; потомъ я совсѣмъ ослабѣла, такъ что я едва дошла до кровати. Черезъ минуту я уже ничего не помнила. Проснувшись я сегодня рано, вся подушка была мокрая и глаза опухли, — вѣрно плакала во снѣ; но голова была свѣжа, и мнѣ вдругъ стало стыдно за вчераш-

нее. Я вспомнила объ отцѣ и братьяхъ и рѣшилась жить, какъ бы тяжела ни была эта жизнь...

Порубежниковъ. Ну и прекрасно! А все таки полечиться вамъ не мѣшаетъ.

Лиза. Перестаньте, мой другъ, ваши лекарства тутъ не помогутъ, время можетъ вылечить меня.

Порубежниковъ. Это такъ, но небольшія развлеченія...

Лиза (*съ досадою*). Полноте, и слушать не хочу. До развлеченій-ли мнѣ теперь, когда не все еще тутъ перекипѣло? Признаюсь, кромѣ васъ, папы и Агафьи—не могу видѣть людей. Мнѣ они противны. Глупо, но что же дѣлать?

Порубежниковъ. Выслушайте хладновровно, Елизавета Петровна, что я вамъ скажу. Вы не хотите видѣть людей, они вамъ противны, и увасъ на это есть нѣкоторое право, и прекрасно. Поѣзжайте ко мнѣ въ деревню! Надѣюсь, другъ имѣетъ право сдѣлать подобное предложеніе. Тамъ, кромѣ мужичковъ и вашего покорнаго слуги, который, какъ вы говорите, вамъ непротивенъ, вы никого не увидите. Домъ у меня не большой, но уютный, самъ я живу во флигелѣ. Мѣстность живописная, чистый воздухъ, родники, садъ... все къ вашимъ услугамъ. Будете гулять, купаться, рыбачить... хотите, я васъ буду учить ѣздить верхомъ. Лѣнь выйдти изъ дому, къ вашимъ услугамъ книги и журналы, даже фортепiano есть. Славно бы лѣто провели. А ужъ какъ это поправить ваше здоровье, и говорить нечего.

Лиза (*задумчиво*). Благодарю васъ, добрый другъ... но какъ же это сдѣлать? а папа?

Порубежниковъ. И онъ съ нами! Уговоримъ его взять отпускъ на лѣто. Идетъ?

Лиза (*въ раздумьи, какъ бы про себя*). Нѣтъ, нѣтъ... Узнаетъ онъ еще, Богъ знаетъ, что подумаетъ.

Порубежниковъ (*тяжело вздохнувъ*). Охъ-хо-хо! Елизавета Петровна, скажите, положи руку на сердцѣ... вы все еще его любите?

Лиза (*вспыхнувъ, горячо*). Да за что же мнѣ разлюбить его? За то, что онъ меня разлюбилъ? да развѣ онъ въ томъ виноватъ? Развѣ виновата я, что люблю его? Правда, я хочу забыть его, но не могу; иногда даже что-то похожее на чувство ненависти въ нему шевельнется—за то, что онъ жестокъ.

Хоть бы разъ въ мѣсяцъ заглянулъ... словомъ перебросился, — мнѣ и этого было бы довольно. Вѣдь онъ знаетъ, какъ я страдаю!... А какъ начну раздумывать, такъ и приду въ той мысли, что можетъ быть онъ по прежнему любить меня, только очень занятъ службой... Онъ все такой же честный, благородный... Я о немъ въ два года слова дурного не слыхала...

Порубежниковъ. Да, дурно сдѣлали мы, окружающіе васъ, что во время не открыли вамъ глаза, — грѣхъ на нашей душѣ! Мы боялись раздражить еще незажившую рану. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Вы сегодня чувствуете себя лучше: воспользуюсь этой минутой... Послушайте, Елизавета Петровна, отозвался ли я когданибудь о немъ дурно?

Лиза. Никогда, хотя я и видѣла, что онъ вамъ не нравился.

Порубежниковъ. Такъ въ настоящую минуту я произнесу свой безпристрастный приговоръ. Вы любили и любите не его, а мечту, созданную вашимъ горячимъ воображеніемъ. Тотъ Одуванчиковъ, котораго знаете вы, и тотъ, котораго знаю я и весь остальной людъ — не имѣютъ между собою ничего общаго! *Вашъ*, плодъ вашей фантазіи, — честный, гуманный, благородный человѣкъ, идущій противъ всякаго зла, во имя правды, — только что не пророкъ! *Нашъ*, котораго мы видимъ трезвыми глазами, — не крупная личность на либеральныхъ ходуляхъ, фразеръ, мелкое честолюбіе, скажу больше, продажная добродѣтель!

Лиза (*ломая руки*). Зачто? зачто?

Порубежниковъ. Выпейте чашу за одинъ разъ, это легче! Таковой откровенностью я смываю свой старый грѣхъ излишней деликатности. Вы думаете, онъ любилъ васъ когданибудь? никогда! Ваша любовь была ему пріятна, — это правда. Она льстила его самолюбію, нѣжила его, и только. Вѣрю, что когда онъ слышалъ отъ васъ слова любви, онъ таялъ. Онъ, можетъ быть, въ эти минуты и самъ хотѣлъ полюбить васъ, да вѣдь не всякому дается право на эту боль и наслажденіе; деревяннымъ сердцемъ любить трудно. Услышатся фальшивыя ноты, и для постороннихъ, дѣйствительно, звучалъ страшный диссонансъ въ его словахъ и дѣлѣ.

Лиза. Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Простите меня, я

люблю и уважаю васъ, какъ друга; но вы влеводите на него; его не любятъ... у него вездѣ враги...

Порубежниковъ *(съ грустью)*. О, какъ бы я желалъ быть лжецомъ, въ этомъ случаѣ, но, къ сожалѣнію...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Порубежниковъ, Лиза и Поплавковъ *(съ-вице-мундиръ съ портфелемъ подъ мышкой)*.

Поплавковъ. А, Лизонь! Ну что, мамочка моя *(цѣлуетъ ее съ любовью)*, ничего, здорова? Ну слава Богу! Егоръ Савичъ! *(жметъ ему руку)*. А я новостей-то, новостей навезъ. Николай Ивановичъ-то, какой щельмецъ? Такъ въ гору и лѣзетъ; какъ только у него духъ не захватываетъ. Вице-губернаторомъ скоро будетъ. Вотъ-тѣ Христоръ; Константину Герасимычу изъ Питера пишутъ... *(Лизѣ)* Такъ-то, ваше превосходительства, вице-губернаторша вы моя. Теперь значить, устроился и за свадьбу скоро.

Порубежниковъ *(про себя)*. Старый дуралей.

Поплавковъ *(продолжая скороговоркой)*. Вотъ махнулъ, такъ махнулъ. А какое, говорятъ, сочиненіе настроилъ про Константина Герасимовича, — просто сказываютъ, предестъ.. самъ не читалъ, некогда было, мамочка, а захватилъ газету-то. Прославляетъ онъ здѣсь Константина Герасимовича; ставить онъ его выше лѣсу стоячаго... Такъ и слѣдуетъ ему, мамочка, человекъ онъ благородный, чувствуетъ, что вознесенъ имъ, благодарность, значить, есть въ человекѣ. И стихами даже, сказываютъ, въ одномъ мѣстѣ прихватилъ.

Лиза *(нетерпеливо слушающая его болтовню)*. Будетъ вамъ. Дайте мнѣ эту статью, я пробѣгу ее у себя...

Поплавковъ *(вынимая изъ портфеля)*. Вотъ, вотъ изволь, а лучше бы вслухъ, Лизонь, а?.. Право, а мы бы послушали.

Лиза. Нѣтъ, я одна! *(быстро уходитъ)*.

Порубежниковъ. Что вы такое дѣлаете, Петръ Петровичъ, опомнитесь! Въмѣсто того, чтобы тушить пожаръ, вы подливаете масла въ огонь.

Поплавковъ. Какъ это, Егоръ Савичъ? Не пойму, голубчикъ!

Порубежниковъ. Странно. Не сейчасъ-ли вы подавали Елизаветѣ Петровнѣ надежду на бракъ съ Одуваньчиковымъ? Скажите откровенно, вы вѣрите въ возможность этой свадьбы?

Поплавковъ (*растерянный*). Да что же мнѣ дѣлать-то, голубчикъ, Егоръ Савичъ? Вѣдь не чужой я ей, — отецъ, моя вѣдь плоть-то. Каково мнѣ видѣть, какъ она убивается, да тоскуетъ, голубушка моя, только и успокоишь ее маленько, какъ пообѣщаешь, что женится, молъ. И безъ того у меня все сердце изсохло, гляючи какъ она мается...

Порубежниковъ. А этимъ вы еще болѣе ее мучите. Гораздо лучше было бы, если-бъ вы давнымъ давно отняли у нее всякую надежду.

Поплавковъ (*нервничательно*). Егоръ Савичъ... а вѣдь можетъ онъ и того.... и взаправду женится?... Человѣкъ онъ благородный... понимаетъ, что опозорить честную дѣвушку и грѣшно, и стыдно. Вѣдь это все равно, что... въ гробъ живую ее зарыть... Притомъ, обручены они какъ слѣдуетъ; у меня, какъ ни раскину умомъ, все выходитъ, что женится.

Порубежниковъ. Такъ чего же онъ ждетъ?

Поплавковъ (*не твердо*). Да служба видно мѣшала, дѣла устроить хотѣлъ, а теперь, какъ получить такое мѣсто, конечно... и...

Порубежниковъ. Ждите! Э-хъ, Петръ Петровичъ, до старости вы до жили, а все ребенокъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тя-жѣ и Лиза (*съ газетой въ рукахъ*).

Лиза. Возьмите! (*кладетъ газету на столъ*). Это не онъ писалъ.

Поплавковъ. Какъ, мамочка, не онъ, онъ — Николай Ивановичъ: вотъ и подпись... Ишь, какими буквами отпечатали. Посмотри: «Николай Одуваньчиковъ».

Лиза. Да; онъ, но не тотъ Одуваньчиковъ, котораго я знала когда-то... (*Съ негодованіемъ*) Сколько леоти, подслуживанья, какое самоуниженіе... этотъ лакейскій тонъ... Господи, такъ низко пасть и въ какіе нибудь два года...

Порубежниковъ. Что, не правъ-ли я былъ, Лизавета Петровна?

Лиза (*тяжело вздохнувъ*). Да. Но можно-ли было думать? А я-то, какъ я вѣрила въ благородство его души... Я, должно быть, ужасно глупа.

Порубежниковъ. Не браните себя.—Не вы однѣ вѣрили ему.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Бубеньчиковъ (*сильно разстроенный*).

Поплавковъ. А, Хрисанфъ Васильевичъ, милости просимъ! (*Бубеньчиковъ со вѣсти здороваётся*). Что это, голубчикъ мой, встревоженный такой! откуда?

Бубеньчиковъ (*мрачно*). Изъ вертепа разбойниковъ. Пришелъ въ домъ вашъ умиротворить свою душу.

Порубежниковъ. Ну, навѣрно накуралесилъ гдѣ нибудь.

Бубеньчиковъ (*торжественно*). Совершилъ!

Поплавковъ. И что это у тебя за охота, голубчикъ, народъ побивать? Откуда-же?

Бубеньчиковъ. Отъ Константина Громовержцева.

Поплавковъ. Что, небось отказали въ мѣстѣ?

Бубеньчиковъ (*мрачно*). Отказалъ. (*Вдругъ одушевляясь*).

Дао тважи онъ прямо, скажи откровенно, что не дамъ,—ну и дѣло въ шляпѣ, а то пообѣщаль: загляните, говорить. Шесть дней сряду пороги обиваль,—нѣтъ, да нѣтъ дома. Ну, понятно, возмутилась кровь; не привыкъ я гнуть шею передъ ними. Врешь, думаю, изловлю! Вчера встрѣтилъ его на улицѣ, въ пролеткѣ шагомъ ѣдетъ. Я за нимъ, прямо къ нему въ пролетку и сѣлъ рядомъ. Я говорю, Константинъ Герасимовичъ, такого мнѣнія, что во многоглаголаніи нѣсть спасенія; говори теперь напрямикъ: быть мнѣ съ мѣстомъ, или нѣтъ, а то я человекъ отчаянный и всякую штуку сдѣлать могу. Заер-

залъ онъ на пролеткахъ, Завтра, говорить, непременно приходите, а у самого голосенокъ дрожить. Хорошо, думаю себѣ,—и отпустилъ его съ миромъ. Прихожу сегодня, гляжу,—вся улица экипажами запружена: что за притча такая?.. Вхожу въ переднюю, лакей сказываетъ, не принимаютъ,—сегодня барышня обручается съ Николай Ивановичемъ Одуванъчиковымъ. Какъ? съ Колькой? говорю. Пойду поздравить—пріятель, молъ. Нельзя, отвѣняетъ, васъ совсѣмъ не велѣно пускать,—и загородилъ дорогу. Ну, шалишь! думаю. Взялъ его за выю и положилъ ницъ: этимъ манеромъ только и умиротворилъ. Вхожу въ залъ и точно: стоятъ они рядкомъ. Она расфуфыренная такая... ну и вается уже того... криолинъ-то у нее что-то больно парусомъ раздуло; а онъ франтомъ такимъ: вся голова въ барашкахъ; словно пудель! Народу чортова пропасть. Подошелъ я къ Колѣ, поздравляю,—вижу коробить его, но ничего молчить. Стали шампанское пить; вялъ и я боваль; ну, думаю себѣ, надо приличный спичъ сказать.—Благородные, говорю, синьоры!—всѣ глаза на меня вытаращили;—позвольте мнѣ, какъ другу и пріятелю Коли, провозгласить тостъ за здравіе сей непорочной дѣвицы и сего мужа; исполненнаго гражданскихъ доблестей и служенія истинѣ. Ура!—Всѣ выпили! А что, говорю, благородные синьоры, какой плодъ долженъ принести сей бракъ? какъ вы полагаете?—Всѣ молчатъ, переглядываются.—А я, полагаю, говорю имъ, что отъ сего брака родится если не антихристъ, то по крайности полъ-антихриста.—Всѣ такъ и всколыхнулись. Константинъ Герасимовичъ ко мнѣ было; но я показалъ ему кулакъ и сказалъ:—не искушай кроводиле!—и затѣмъ удалился цѣль и невредимъ. Асиады, а не люди, вертепъ разбойничій!

Лиза (во время разсказа сильно взволнованная, начинаетъ тихо плакать). Пошли ему Богъ счастье! (Рыдая уходитъ).

Порубежниковъ (идя за ней). Елизавета Петровна,—успокойтесь.

Бубеньчиковъ (тоже). Елизавета Петровна, что вы-съ,—да стоятъ-ли онъ? (Лиза уходитъ.) Ну теперь держись, либералишна. Такой я на тебя, по старой дружбѣ, афронтъ подпущу, что тятенькины косточки во гробѣ хрустнутъ.

Поцлавковъ. Что ты, Господь съ тобой, голубчикъ!

Бубеньчиковъ (какъ бы разсуждая самъ съ собой). Или

нѣтъ, постой! Схриплю сердце до дья брачнаго. А вотъ какъ, только раздадутся звуки трубъ и тимпановъ и зашумятъ цысли, — тогда трепещите филистимляне! Самсонъ найдетъ на ващъ царь Валтасаровъ и сокрушитъ онъ зубы многимъ. То есть первый въ мѣрѣ мудрецъ не сообразитъ того, что совершу я въ этотъ вечеръ. Пуцай это будетъ моею лебединой пѣснью!

Подпавковъ. Что ты, что ты! себя же погубишь!

Бубеньчиковъ (*махнувъ рукой*). Э! есть о комъ тужить; я въ міру одна голова, какъ персть, и голова-то пропавшая. Вы думаете, я не чувствую, что образъ человѣческій давнымъ давно утратилъ? Что я? не воръ, не взяточникъ, не обманщикъ? — только и есть за мной хорошаго! Конечно, и этого капитала хватило-бы на жизнь, кабы не чарочка, да не лютость моя въ злѣбъ... (*съ азартомъ*). У-у-у! полагаю, что многие подлгутъ костями на томъ цыру; и будетъ плачь и скрежетъ зубовой.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тъ же и Лиза (*идетъ у ней заплаканн*),

Порубежниковъ (*съ утѣхою*), Лизавета Петровна, опять слезы?

Лиза. Последняя! (*стараясь улыбнуться*) довольно дурачиться! (*обнимаетъ отца*). Теперь, папа, я вся твоя: буду хозяйничать, работать, поконить твою старость.

Подпавковъ. Дзюкъ! голубчикъ ты мой — (*нимаетъ ее*).

Порубежниковъ. А поделить въ деревнѣ восстани слѣдуетъ.

Лиза (*жметъ ему руку*). Благодарю васъ, добрый другъ... Нелзя... Простите меня, съумасшедшую... Я стала такой мнительной... Начипись въ городѣ говоръ, сплетни, мнѣ вадется, я опять заболѣю... Медя все раздражаетъ. Нѣтъ, лучше адѣсь... Я, папа, вы къ намъ заглядывать станете, — я и усложжусь.

Порубежниковъ. Такъ рѣшайтесь, Лизавета Петровна, вѣать въ деревню хозяйвой и сплетень не будетъ. Дайте мнѣ право участвовать въ вашихъ хлопотахъ и ухаживаньяхъ за батюшкой! (*Въ волнени*). Лизавета Петровна! снадите, подожж

руку на сердце,—считаете-ли вы меня способнымъ составить счастье любимой женщины?

Лиза. Конечно.

Порубежниковъ. Выскажусь за одно! Вы не могли не замѣтить, что я любилъ и люблю васъ.

Лиза. Да, мой другъ, но къ чему все это?

Порубежниковъ. Знаю, что помышлять о вашей любви ко мнѣ въ настоящую минуту было-бы болѣе чѣмъ глупо. Старая рана еще далеко не зажила, но развѣ не можете вы быть моимъ другомъ, сестрой, если я только въ вашихъ глазахъ стою того? Выходите за меня!

Лиза. Ахъ, Егоръ Савичъ, добрый мой; васъ-то я менѣе всякаго другого стою.

Порубежниковъ. Лизавета Петровна!

Лиза. Нѣтъ, никогда!... Вы знаете... (*закрываетъ лицо руками*).

Порубежниковъ. Полноте! забудьте. Все это было и быльемъ поросло. Гроза миновалась; настанутъ ясные дни, если только вы взглянете краснымъ солнышкомъ, Лизавета Петровна.

Поплавковъ. Лизокъ, рѣшай...

Бубеньчиковъ. Лизавета Петровна, неужели вы отвергните руку сего достойнаго человѣка?

Порубежниковъ (*беретъ ея руку*). Моя, или нѣтъ?

Лиза (*съ волненіемъ*). Ваша! (*Тихо обнимаетъ его*).

Бубеньчиковъ. Ура! Теперь надо бы и того,—вспрыснуть. Сейчасъ распоряжусь!

Поплавковъ (*вертятся около Лизы и Порубежникова*). Лизокъ, душа моя!... Егоръ Савичъ, голубчикъ!... Господи, счастье-то какое, и во снѣ не снилось.

Бубеньчиковъ (*возвращаясь*). Распорядился!—(*съ оттыкомъ грусти*). Хотъ на чужое счастье полюбоваться, когда своего нѣтъ. Одинъ я останусь, какъ перстъ. (*Съ ожесточеніемъ*) Пойду по стогнамъ града и, полагаю, многи возопіють!...

Поплавковъ. Что ты, что ты, голубчикъ. Нѣтъ, ужъ на радостяхъ не валѣчь ты народа, Христа ради... Егоръ Савичъ, какъ же мы теперь-то... а?

Порубежниковъ. Ко мнѣ въ деревню. Лиза, я, вы...

Лиза. Хрисанфъ Игнатьевичъ!

Бубеньчиковъ (*грустно*). Негодень, ликъ человѣческій утра- тиль.

Порубежниковъ. Перестаньте дурить и вернется онъ къ вамъ. Я давно васъ знаю, вы честный и добрый человекъ, да дурь на себя напустили, а все чарочка. Бросьте вы ее, — я вамъ работу найду; опять человекомъ станете.

Лиза. Бросьте, Хрисанфъ Игнатьевичъ.

Бубеньчиковъ (*крутя усы*). Можно-съ! трудно, а можно-съ! Только ужъ извините. Сегодня я на свадьбѣ урѣжу... Полагаю, до положенія ризъ урѣжу.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Тѣ-же и слуга Одуваньчикова.

Слуга (*входя*). Господину Порубежникову отъ Николая Ива- новича Одуваньчикова (*подастъ записку*).

Порубежниковъ (*пробѣжавъ записку*). Приглашеніе на свадьбу, въ воскресенье. (*Служь*). Подожди! (*Садится за письменный столъ*).

Лиза. Я напишу отвѣтъ.

Порубежниковъ. Что ты, Лиза?

Лиза. Не мѣшай, пусти! (*садится у стола и пишетъ, читая въ слухъ*).

Милостивый государь, Николай Ивановичъ! поздравляю, благодарю и искренно сожалею, что не могу раздѣлить вашу радость, такъ какъ въ воскресенье же, по странной случайности, и вашъ поворный слуга вступаетъ въ бракъ со старой вашей знакомой, Елизаветой Петровной Поплавковой, кото- рая съ своей стороны просила меня предать вамъ желаніе всякаго счастья.—Подписывай!

Порубежниковъ (*цѣлуя ея руку*). Милая ты моя.

Бубеньчиковъ. Э! такъ вотъ когда пиръ Валтасаровъ. Егоръ Савичъ, разрѣшите въ послѣдній разъ потѣшиться, такъ связать, фибры расправить! а тамъ — адью!

Порубежниковъ. Не смѣйте и думать, а то отступлюсь отъ васъ!

Поплавковъ. Несутъ, несутъ! (*Алабья вноситъ подносъ съ бокалами*).

Порубежниковъ. Что, Агафьюшка, не говорилъ я тебѣ?
(*Диабля только вслѣпываетъ*).

Порубежниковъ (*поднимая бровь*). Забвенье прошлому!
Лиза (*также*). За новую жизнь!

Порубежниковъ (*обнимая ее, шутливо*). А все, я думаю,
немножко жаль прежняго?... Посмотри въ зеркало, — на глазахъ
слезы.

Лиза. Нѣтъ, забвенье! но грустно вѣрить, что всѣ они
такіе...

Порубежниковъ. О, нѣтъ далеко не всѣ, мой другъ.
Много у насъ честныхъ людей въ потѣ лица работаютъ на
благо родины; но мы ихъ не замѣтимъ. У нихъ нѣтъ гром-
кихъ фразъ, они молчатъ, но работаютъ! и работа ихъ впо-
слѣдствіи дастъ великіе результаты. Такіе прогрессисты, какъ
Одуваньчиковъ, только тормозятъ ихъ дѣло и вредятъ ему
болѣе, нежели всѣ открытыя враги прогресса... Ну да Богъ съ
ними! Локомотивъ бѣжитъ, — ихъ не остановить его. За новую
жизнь! (*маленько Лизу*).

Бубежниковъ. Ура!

Степанъ Федоровъ.

ЭПИЗОДЫ

ИЗЪ ИСТОРИИ ФРАНЦІИ 1830—40 г.

Побѣда буржуазіи.—Нищета и неудовольствіе народа.—Сутнныя выраженія радости и гордости.—Популярность новаго короля.—Принцъ Конде въ С.-Дж.—Завѣщаніе въ пользу герцога Орлеанскаго.—Таинственная смерть принца Конде.—Глубокое впечатлѣніе, произведенное на народъ этимъ происшествіемъ.

I.

Іюльская революція 1830 г. окончилась побѣдой буржуазіи; она открыла собой такъ-называемую «иѣщанскую монархію». Буржуазія ликовала. Она возвела на престолъ человѣка, который былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ исключительно ей. Новые министры были тоже люди, могущество и славу которыхъ создала она. Законодательная власть перешла въ ея руки.

Но несмотря на все это, въ концѣ августа, того же года, Парижъ былъ свидѣтелемъ страннаго зрѣлища. Вдоль набережныхъ и бульваровъ проходили тысячи ремесленниковъ, собранныхъ по цѣхамъ. Они шли медленно и въ порядкѣ; они были безоружны; лица и движенія ихъ были серьезны; ни одинъ крикъ не вылеталъ изъ этой печальной толпы. Она направилась къ канцеляріи префекта полиціи. Эти люди шли просить справедливости къ себѣ, состраданія къ своимъ женамъ и дѣтямъ,—шли потому, что переворотъ, произведенный ими, оказался пагубнымъ для нихъ.

Уже въ ночь на 13-е августа, толпа молодыхъ мясниковъ безмолвно проходила по городу, съ факелами въ рукахъ.

Скоро, сильнѣйшее волненіе обнаружилось въ народѣ. Несчастные, покрытые грязными рубищами, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ они незадолго до того стремились на смерть, — шумно собирались на площадяхъ. Толпы составлялись у подъѣздовъ министерствъ, на гревской площади, на площади Пале-Рояля, — вездѣ, гдѣ нѣтъ свое мѣстопробываніе могущество и наслажденіе. Здѣсь скорбь бѣдняковъ изливалась то въ рѣчахъ бурнаго негодованія, то въ трогательныхъ жалобахъ. Одни роптали на внезапное прекращеніе работъ, другіе на уменьшеніе заработной платы. Нѣкоторые съ негодованіемъ говорили о предпочтеніи, оказывавшемся передъ ними въ извѣстныхъ мастерскихъ работникамъ, принадлежавшимъ къ другой партіи. Всѣ проклинали убійственное вліяніе машинъ. — Неужели — восклицали они — мы сражались только изъ-за этого? Наканунѣ битвы мы были счастливы, чѣмъ на другой день послѣ нея; — такъ что же намъ рассказываютъ о нашей побѣдѣ? Насъ называютъ великимъ народомъ, — а между тѣмъ, мы не можемъ располагать даже собственными руками. Всѣ кричатъ, что мы спасли отечество, — а наши семьи, отданныя на жертву отчаянію и нищетѣ, стонутъ вокругъ насъ!

Такимъ образомъ, уже на первыхъ порахъ обнаруживались страшныя недоразумѣнія. Буржуазія, которую владѣніе землею, пользованіе капиталами предѣлали всемогущею въ социальномъ отношеніи, стремилась только къ утверженію своего господства въ отношеніи политическомъ. Напротивъ того, народъ, еще слишкомъ невѣжественный для того, чтобы желать участія въ правительственной власти, дрожалъ подъ гнетомъ социальнаго устройства, въ которомъ онъ не видѣлъ для себя ничего, кромѣ притѣсненія.

Несомнѣнно, что июльская революція усилила страданія рабочаго класса. Побѣжденная партія состояла изъ богатыхъ людей; ея пораженіе пошатнуло всѣ тѣ ремесла, которыя поддерживаются склонностью къ роскоши. Притомъ, будущее было ненадежно, война возможна, и энтузіазмъ, который притворно выказывали политическіе дѣятели, только прикрывалъ недоувѣріе, сжимавшее сердца богачей. Отсюда произошли несправимыя бѣдствія, и это-же было причиною, что въ народѣ поселилось чувство горечи, къ которому приѣшлась досада по поводу обманутыхъ надеждъ.

Столица волновалась все больше и больше. Смуты начинали обнаруживаться даже внѣ ея. Въ Руанѣ рабочіе потребовали увели-

ченія задѣльной платы или уменьшенія рабочихъ часовъ. Во многихъ мѣстахъ взиманіе налоговъ встрѣтило энергическое сопротивленіе. Въ одинъ августъ, изъ 13 милліоновъ, долженствовавшихъ поступить въ казну отъ косвенныхъ налоговъ, правительство потеряло 2 милліона.

Но въ то время, когда народъ страдалъ и волновался, буржуазія продолжала упиваться своей побѣдой. Театры оглашались патриотическими пѣснями. Отдѣльная коммисія была назначена для раздачи національныхъ наградъ. Депутации со всѣхъ концовъ Франціи стекались на поклоненіе новому правителю. Людовикъ Филиппъ принималъ поздравленія съ добродушіемъ, доставлявшимъ приверженцамъ случаи, которыхъ искало ихъ рвеніе. Поэты, наперерывъ другъ передъ другомъ, прославляли добродѣтели короля. Обѣдъ на 400 персонъ былъ данъ городомъ генералу Лафайету. Семья, сидѣвшая безъ хлѣба, смотрѣли на все это; можетъ быть, онѣ и роптали, — но въ обществѣ, вяломъ и апатичномъ, ропотъ бѣднаго замираетъ безъ отголоска, если печальная необходимость не превращаетъ его въ воинственный крикъ.

Впрочемъ, все было пущено въ ходъ для того, чтобы отнять у сѣтованій народа тотъ характеръ искренности, который придавали ему событія. Въ небольшомъ посланіи къ рабочему классу, Карлъ Дюпенъ совѣтовалъ ремесленникамъ, которыхъ онъ называлъ своими друзьями, остерегаться коварныхъ подстрекательствъ. Либеральныя газеты шли еще дальше; онѣ называли шпионами или каторжниками и тѣхъ рабочихъ, которые въ мастерскихъ сильно возставали противъ употребленія машинъ. Чтобы посѣять въ народѣ разединеніе и сковать его неизвѣстностью, напечатали сильный протестъ противъ грозящихъ безпорядковъ, и сочиненіе это приписали ремесленникамъ, не назвавъ, впрочемъ, авторовъ по имени.

Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что уничтоженіе машинъ было бы со стороны рабочаго класса дикимъ насиліемъ, и что онъ сдѣлался бы первою жертвою этого поступка. Но несомнѣнно, то, что если употребленіе машинъ имѣетъ окончательнымъ результатомъ неоспоримыя выгоды, то временныхъ бѣдствій, порождаемыхъ ихъ внезапнымъ вторженіемъ въ сферу промышленности, достаточно для осужденія соціального устройства. Поэтому, проклятія были совершенно естественны въ устахъ бѣдныхъ рабочихъ, жертвъ убійственной конкуренціи. Клеймить ихъ за это названіемъ преступ-

никовъ, значило пускаться на безчестное дѣло. Но когда каинъ бы то ни было интересамъ грозить опасность, тогда они становятся неумолимы, и всѣ средства защиты кажутся имъ хорошими.

Въ первыя минуты, послѣдовавшія за июльскимъ переворотомъ, въ порывѣ перваго увлеченія, предводители буржуазіи произнесли слова, имѣвшія огромное значеніе: они заговорили о верховномъ господствѣ народа. Но скоро они раскаялись въ этомъ и стали бояться, чтобы гордость этого народа не возвысилась слишкомъ сильно, вслѣдствіе такихъ словъ. 18 августа 1830 г., въ National было уже напечатано: «Рабочее населеніе Парижа не есть народъ; подобно артистамъ, купцамъ и проч., оно составляетъ только часть народа. .»

Смотръ національной гвардіи, произведенный королемъ 29 августа, прекратилъ на время взаимное недоверіе и взаимную борьбу. На Марсовомъ полѣ, покрытомъ безчисленною толпою вооруженныхъ людей, была построена палатка для короля. Генералъ Лафайетъ раздалъ знамена различнымъ отрядамъ и принялъ ихъ присягу отъ имени государя. Солнце ярко горѣло на безоблачномъ небѣ. Видъ былъ великолѣпный. Энтузіазмъ, которымъ июльская революція наполнила всѣ души и который еще не угасъ въ нихъ, выражался, въ продолженіи всего этого дня, восторженными кликами и пѣснями побѣды. Радость новаго государя была конечно велика, потому что популярность его казалась въ то время безпредѣльною, почти равною популярности Лафайета.

Но въ это-же самое время разнесся слухъ о таинственномъ и трагическомъ происшествіи, которому суждено было навсегда запечатлѣть собою начало этого царствованія. Происшествіе это замѣчательно прежде всего тѣмъ, что въ лицѣ послѣдняго члена фамиліи Конде оно выказало всю жалкую сторону падшаго вождя; затѣмъ, оно имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что вслѣдствіе его начались пренія, шумъ которыхъ заставилъ смолкнуть радостныя восклицанія, раздававшіяся вокругъ новаго трона,—и родились ужасныя, странныя подозрѣнія, слѣды которыхъ обнаруживались еще долго послѣ того...

Когда вспыхнула июльская революція, принцъ Конде, герцогъ бургонскій, спокойно жилъ въ своемъ помѣстьѣ, не принимая никакого участія въ политикѣ. Но услышавъ о несчастіяхъ, поразившихъ домъ Бурбоновъ, онъ сильно смутился. Онъ боялся за Карла X,

онъ дрожалъ за самого себя,—и къ этимъ опасеніямъ, этимъ горестямъ скоро присоединились всѣ муки неизвѣстности, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Онъ спрашивалъ себя: «Имѣю-ли я право,—я, человѣкъ, удрученный годами и болѣзнями, — ждать рѣшенія своей судьбы и не ускорять его бесполезною преданностью? Или же долженъ я поспѣшить къ моему несчастному государю и предложить ему если не помощь, то по крайней мѣрѣ утѣшеніе, вѣрнаго и безстрашнаго приверженца?» Старикъ слышалъ, какъ окружавшіе его люди говорили, что въ минуту опасности мѣсто Конде должно быть подлѣ короля,—и готовъ былъ рѣшиться...

Но въ это время онъ находился подъ неограниченнымъ вліяніемъ женщины весьма темнаго происхожденія. Говорили, что нѣкогда она была актрисою Ковентъ-Гарденскаго театра, потомъ находилась на содержаніи у одного богача и наконецъ, завладѣвъ сердцемъ принца Конде, устроила такъ, что онъ выдалъ ее за честнаго офицера, барона Фешера, что дало ей возможность прикрывать маскою приличія свой развратъ. По сдѣланію обстоятельствъ, которыя не бесполезно изложить здѣсь, интересы этой женщины были тѣсно связаны съ интересами Орлеанскаго дома.

Довольно глупая, некрасивая, то вкрадчивая и нѣжная, то надѣнная и повелительная, баронесса Фешеръ совершенно завладѣла старикомъ Конде, такъ что въ 1824 г. онъ отдалъ ей по завѣщанію помѣстья Сень-Ле и Буасси, а въ 1825 г. около милліона франковъ. Но этого ей показалось мало. Она заставила принца подарить ей еще одно помѣстье, Энгіенскій-Лѣсъ,—и все-таки не остановилась. Она боялась, чтобы въ случаѣ смерти ея благодѣтеля, его законные наследники не возстали противъ нея и не заставили отдать то, что она получила въ подарокъ. Изъ соображенія этого щекотливаго положенія враги баронессы заключили потомъ, что она заставила Конде усыновить герцога Омальскаго единственно потому, что желала приобрѣсть себѣ поврительство могущественной фамиліи.

Достоверно то, что въ 1827 г. она предлагала герцогинѣ Орлеанской (впослѣдствіи королевы французской, женѣ Людовика Филиппа) свои услуги, и герцогиня отвѣчала ей слѣдующимъ письмомъ: «Я весьма тронута вашею заботливостью объ устройствѣ дѣла, на которое вы смотрите какъ на искреннее желаніе принца Конде, и вѣрьте, если я буду такъ счастлива, что онъ усыновить моего

сына, то вы найдете въ насъ всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ поддержку, о которой вы просите меня и за которую ручается вамъ благодарность матери».

Но соглашаясь на это предложеніе, герцогиня не желала сдѣлать первый шагъ. Напротивъ того, мужъ ея, герцогъ Орлеанскій (впоследствии Людовикъ Филиппъ) нашелъ, что въ такомъ прибыльномъ дѣлѣ излишняя щекотливость неумѣстна. Узнавъ отъ баронессы Фешеръ, что она предложила своему любовнику усыновить герцога Омальскаго (сына Людовика Филиппа), герцогъ Орлеанскій не задумался обратиться прямо къ принцу Конде. Въ письмѣ, исполненнымъ впрочемъ достоинства и умѣренности, онъ объявилъ принцу, что его сильно тронуло ходатайство баронессы и что онъ гордился бы, если-бы одинъ изъ сыновей его носилъ славное имя Конде.

Такая неожиданная штука повергла стараго принца въ сильное волненіе. Не смотря на то, что его сношенія съ домою Орлеанскимъ всегда выражались въ формѣ самой изысканной вѣжливости,—онъ бывалъ у герцога Орлеанскаго весьма рѣдко, не любилъ принимать его у себя и пивалъ къ нему только тогда, когда нужно было условиваться на счетъ какихъ-нибудь мелочей придворнаго церемоніала,—мелочей, которымъ герцогъ Орлеанскій, этотъ будущій «король-гражданинъ», придавалъ огромное значеніе. Это видно изъ многихъ писемъ его къ принцу Конде;—приведемъ кстати одно изъ нихъ:

«Такъ какъ мнѣ извѣстно, что вы желаете знать заранее, какія свѣдѣнія я получилъ о празднествахъ, на которыя мы приглашены, то я спѣшу извѣстить васъ о томъ, что сообщилъ мнѣ г. де-Брезе о молебнѣ, который будетъ отслуженъ завтра въ Notre Dame по случаю рожденія герцога Бордосскаго. Король не будетъ на этомъ молебнѣ, но будетъ считаться присутствующимъ, вслѣдствіе чего его кресло поставятъ по срединѣ нашихъ стульевъ, которые будутъ выстроены въ рядъ и притомъ сдѣланы по одинаковой формѣ и обиты одинаковою матеріей. Въ каретѣ съ Monsieur поѣдутъ герцогъ Ангулемскій, я и вы. Узнавъ объ этомъ, я объявилъ г. де-Брезе, что поѣду на церемонію, и во вторникъ въ десять часовъ утра явлюсь къ Monsieur для сопровожденія его. Я буду въ полной формѣ, въ сапогахъ, съ голубою лентой, и г. де-Брезе извѣститъ насъ, по-скольку лошадей будетъ впряжено въ каждую карету кортежа, по осьми или по двѣ,—для того чтобы и у насъ было столь-

но же лошадей, сколько у нашихъ старшихъ. Если я не получу этого извѣщенія отъ г. де-Брезе, то велю запретъ въ мою карету восемь лошадей...» и т. д.

Но возвращаемся къ нашему разсказу. И такъ, принцъ Конде пришелъ въ сильное волненіе. Этотъ герцогъ Орлеанскій, котораго ему навязывали, былъ его крестникомъ, но онъ не желалъ сдѣлать его также и своимъ наслѣдникомъ. Оставить наслѣдіе Конде семейству, стоявшему во главѣ враговъ дворянства и монархіи, казалось старому предводителю вооруженной эмиграціи преступленіемъ и чуть-чуть не безбожнымъ дѣломъ. Онъ не могъ забыть, что одинъ изъ членовъ этого дома вотировалъ смерть Людовика XVI, а другой сражался подъ начальствомъ Дюмурье. Но съ одной стороны, какъ отказать безъ оскорбленія въ томъ, что орлеанская фамилія, на основаніи увѣренія баронессы Фешеръ, считала предметомъ его искренняго желанія? А съ другой, какъ пойти наперекоръ баронессѣ, черезъ посредничество которой онъ получалъ преждевременную благодарность. Притомъ, ловкая баронесса написала ему: «Король и королевское семейство желаютъ, чтобы наслѣдникомъ вашего имени и вашего семейства вы избрали принца изъ вашей фамиліи, а многіе думаютъ, что я одна противлюсь этому... Умоляю васъ вывести меня изъ этого жестокаго положенія, избравъ себѣ наслѣдника. . . Этимъ, мой драгоценнѣйшій другъ, вы доставите себѣ благосклонность королевской фамиліи, а вашей бѣдной Софіи обезпечите менѣе несчастную будущность.»

Принцъ Конде былъ неспособенъ противиться ходатайствамъ такого рода. Но на этотъ разъ просьба являлась такою деспотическою и рѣзкою, что онъ не могъ сдержать свое негодованіе. Онъ осыпалъ баронессу Фешеръ упреками за то, что, помимо его вѣдома, не узнавъ о его намѣреніяхъ, она затѣяла съ герцогомъ Орлеанскимъ такое важное дѣло. Баронесса дала пройти бурѣ и въ тотъ же самый день написала принцу, что герцогъ Орлеанскій уѣзжаетъ въ Лондонъ, что она ожидаетъ его къ завтраку, что для свиданія представляется такимъ образомъ удобный случай и что на этомъ свиданіи можно «не сказать ничего положительнаго.»

Мучимый со всѣхъ сторонъ, лишенный минуты спокойствія, Конде уступилъ; свиданіе состоялось. Но оно не кончилось ничѣмъ рѣшительнымъ. Герцогъ Орлеанскій, однако, считалъ свои надежды до такой степени основательными, что тайно поручилъ одному изъ

своихъ повѣренныхъ, Дюпену, приготовить проектъ завѣщанія въ пользу герцога Орлеанскаго. Онъ сообразилъ, что если поднести принцу къ подписи завѣщаніе уже готовое, то это избавитъ старика отъ обязанности сочинять, и потому облегчитъ осуществленіе хитро задуманнаго плана.

Между тѣмъ баронесса становилась все болѣе и болѣе настойчивою. Старый принцъ, въ свою очередь, былъ раздраженъ и сердитъ; спокойствіе оставило его; ночи онъ проводилъ безъ сна. Часто, не думая, что его ктонибудь слышитъ, онъ громко высказывалъ свои тайныя мысли. «Моя смерть — единственная вещь, которую имѣютъ въ виду!» — вскричалъ однажды въ порывѣ отчаянія этотъ блѣдный представитель доблестнаго рода. Въ другой разъ онъ забылся до того, что сказалъ своему приближенному, Сюрвалю: «Чуть только они добьются того, чего желаютъ, — моя жизнь будетъ, пожалуй, въ опасности.» Наконецъ, чтобъ освободиться отъ преслѣдованій баронессы Фешеръ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ великодушію самого герцога Орлеанскаго. 20 августа 1829 г. онъ писалъ къ нему: «Вы могли замѣтить, какъ сильно тяготитъ меня дѣло, занимающее насъ и затѣянное безъ моего вѣдома и немножко необдуманно баронессою Фешеръ.» И затѣмъ умолялъ своего родственника убѣдить баронессу отказаться отъ плановъ на герцога Омальскаго, которому, впрочемъ, обѣщалъ гласное и надежное доказательство своей пріязни.

Герцогъ Орлеанскій отозвался на эту странную просьбу. Онъ тотчасъ же отправился къ баронессѣ Фешеръ и въ присутствіи свидѣтеля, котораго она позаботилась приготовить, сталъ просить ее отказаться отъ своего ходатайства. Баронесса осталась непреклонною. Такимъ образомъ герцогъ Орлеанскій и не испортилъ дѣла своего сына, и выказалъ себя въ глазахъ принца Конде человѣкомъ благороднымъ и необыкновенно безкорыстнымъ.

Такое положеніе было слишкомъ неестественнымъ для того, чтобы не окончиться какоюнибудь страшною сценой. Вечеромъ 29 августа 1829 г., принцъ Конде былъ въ Парижѣ и сидѣлъ въ бильярдной комнатѣ своего дворца съ баронессою Фешеръ; скоро его приближенный, Сюрваль, находившійся въ это время въ залѣ, услышалъ въ бильярдной сильныя крики. Черезъ минуту его повзвали, онъ побѣжалъ и замѣтилъ принца въ припадкѣ страшнаго гнѣва. — «Посмотрите — сказала ему баронесса — какъ принцъ раз-

драгаетъ себя безъ всякаго повода; постарайтесь успокоить его.» — «Да, сударыня — вскричалъ старикъ — вы поступаете страшно безчеловѣчно, приставляя мнѣ ножъ къ горлу съ цѣлю заставить меня сдѣлать дѣло, къ которому, какъ вамъ хорошо извѣстно, я питаю сильнѣйшее отвращеніе.» И затѣмъ, схвативъ баронессу за руку, онъ прибавилъ, сопровождая свои слова выразительнымъ жестомъ: «Ну, такъ рѣжьте меня этимъ ножомъ, рѣжьте скорѣе!»

На слѣдующій день, т. е. 30 августа 1829 г. принцъ Конде составилъ и написалъ завѣщаніе, которымъ назначалъ герцога Омальскаго своимъ единственнымъ наслѣдникомъ, а баронессѣ отказалъ около десяти милліоновъ деньгами и землями. При составленіи и подписаніи этого завѣщанія баронесса не присутствовала.

Таковы были отношенія, существовавшія въ минуту взрыва іюльской революціи, между баронессою и принцемъ, котораго эта революція возводила на престолъ.

Принцъ Конде, лишенный всякой самостоятельности, не могъ указать въ своемъ согласіи на установленіе новой династіи. Но сердце его оставалось преданнымъ низложенному государю. Онъ съ ужасомъ спрашивалъ себя: что станетъ съ этимъ семействомъ, такъ внезапно брошеннымъ съ престола въ изгнаніе? Одно имя Карла X заставляло его рыдать; онъ отказался отъ всякихъ увеселеній и не разъ говорилъ: «нѣтъ, видѣть двѣ революціи—это слишкомъ много для человѣка! пора мнѣ въ могилу!» Притомъ онъ боялся, чтобы вторая революція не повлекла за собою для высшаго дворянства такихъ послѣдствій, какими ознаменовалась для этого класса и первая,—боялся, чтобы земли и помѣстья аристократіи не подверглись грабежу. Поэтому онъ приказалъ принять всѣ мѣры для защиты своихъ владѣній, и въ первые дни, слѣдовавшіе за революціей, лошада его стояли осѣдланными и готовыми для бѣгства.

Эти опасенія продолжались не долго. Всюду возстановившееся спокойствіе и потомъ извѣстіе о благополучномъ отъѣздѣ Карла X съ семействомъ разогнали всю боязнь принца Конде. Но грустное настроеніе его не исчезло. Слуги его замѣчали это, а нѣкоторымъ изъ нихъ показалось даже, что отношенія между нимъ и баронессою Фешеръ приняли весьма странный характеръ. Дѣйствительно, одно имя этой женщины по временамъ вызывало въ немъ, повидимому, томительное чувство. Его нѣжность къ ней была по прежнему велика, но къ ней примѣшивался какой-то страхъ. Наконецъ онъ открылъ

своему егермейстеру Шуло и приближенному камердинеру Манури свое намѣреніе отправиться въ далекое путешествіе, — намѣреніе, согласовавшееся съ просьбою его къ барону Сюрвалю, его управляющему, приготовить ему милльонъ франковъ банковыми билетами. Что касается до причины этого рѣшенія, то принцъ не сообщилъ ее никому; но предположенное путешествіе онъ велѣлъ держать въ тайнѣ и особенно просилъ не проговориться о немъ баронессѣ Фешеръ.

Баронесса, съ своей стороны, была не совѣсмль spokojна на счетъ исполненія духовнаго завѣщанія принца. Ей хотѣлось, чтобы деньги и земли, отказанныя ей по этому завѣщанію, были укрѣплены за нею дарственной записью, а такъ какъ издержки въ этомъ случаѣ были бы слишкомъ велики, то Сюрваль, управляющій принца, предложилъ продать сестрѣ короля, Аделаидѣ, помѣстье Сень-Ле, находившееся въ числѣ земель, завѣщанныхъ принцемъ баронессѣ.

Между тѣмъ, намѣреніе Конде бѣжать встрѣтило препятствіе. Манури, его камердинеру, было приказано добыть паспортъ, взять экипажъ и ожидать своего господина въ Муассель; но этотъ планъ не осуществился вслѣдствіе невозможности сдѣлать все это безъ огласки. Тѣмъ не менѣе принцъ продолжалъ упорствовать въ своемъ намѣреніи выѣхать изъ Сень-Ле.

Въ это же время, по замку его стали ходить зловѣщія слухи. Рассказывали, что утромъ, 11 августа, Манури засталъ принца съ окровавленнымъ глазомъ, что принцъ поспѣшилъ объяснить своему камердинеру причину этого, сказавъ: «я нечаянно ударился глазомъ о ночной столикъ»; что когда камердинеръ позволилъ себѣ замѣтить, что столикъ гораздо ниже кровати, то принцъ смутился и замолчалъ, что нѣсколько минутъ спустя, Манури, разстилая коверъ въ уборной, замѣтилъ у двери потайной лѣстницы письмо, которое, будучи передано принцу, сильно смутило его; что послѣ этого онъ сказалъ: «я неискусный лгунъ; я сказалъ, что ушибся во снѣ, а на самомъ дѣлѣ я упалъ отворяя дверь и ударился вискомъ о косякъ ея». Послѣ этого происшествія, онъ выразилъ Манури желаніе, чтобы тотъ спалъ у двери его спальни. Когда же Манури замѣтилъ, что это можетъ показаться страннымъ и что гораздо проще и естественнѣе отдать это приказаніе Лекомту, дежурному лакею, — принцъ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, лучше оставимъ это.» Лекомтъ былъ помѣщенъ въ замкѣ баронессою Фешеръ.

Нѣсколько дней спустя, къ принцу Конде пріѣхала съ визитомъ

королева; она привезла ему большой орденъ почетнаго легіона. Королева хотѣла успокоить и утѣшить своего знатнаго родственника. Это посѣщеніе, повидимому, доставило принцу большое удовольствіе. Но въ ночь, слѣдовавшую за этимъ днемъ, въ замокъ принца въѣхалъ всадникъ. Это былъ Шуло, егермейстеръ. Его ждали и провели тайкомъ въ спальню принца.—«Я рѣшился, сказалъ принцъ, увидѣвъ его;—королева привезла мнѣ сегодня большой орденъ почетнаго легіона. Они хотятъ, чтобы я присутствовалъ въ палатѣ перовъ. Это невозможно.» И отъѣздъ старика былъ окончательно рѣшенъ.

Но какъ бѣжать безъ огласки? Шуло узналъ, что въ небольшомъ селеніи, въ двухъ льѣ отъ Сень-Ле, ждалъ уже нѣсколько дне экипажъ, высланный туда по приказанію баронессы Фешеръ и что по данному сигналу онъ долженъ былъ отправиться по дорогѣ въ Англію. Это извѣстіе внушило Шуло слѣдующій планъ: Въ замкѣ жилъ старый слуга Деклеръ, схожій лицомъ съ принцомъ. Шуло придумалъ переодѣть его въ платье этого послѣдняго и въ экипажѣ принца отвезти его въ означенное селеніе; тамъ посадить его въ экипажъ, приготовленный баронессою Фешеръ, — и такимъ образомъ въ то время, когда за принцемъ гнались бы по Гаврской дорогѣ, онъ безпрепятственно направлялся бы къ Швейцаріи.

Среди этихъ приготовленій наступилъ день Св. Людовика. Жители Сень-Ле, любившіе принца Конде, представили ему въ этотъ день доказательства своей пріязни, которыя крайне тронули его и могли бы совершенно разсѣять его политическія опасенія, если бы таковыя еще оставались у него. Принцъ принялъ мѣстныхъ власти съ пріятливымъ лицомъ и дружескими словами...

Въ этотъ же самый день баронесса Фешеръ взяла у Ротшильда переводъ на Англію въ пол-милліона франковъ, — потому-ли, что причины, не касавшіяся ея связи съ принцемъ, призывали ее въ Лондонъ, или потому, что между нею и старикомъ Конде прошла какая нибудь туча.

Какъ бы тамъ ни было, но на слѣдующій день, въ девятомъ часу утра, между принцемъ и баронессою Фешеръ произошла рѣзкая сцена. Люди слышали изъ другой комнаты, какъ старикъ, съ большимъ жаромъ произносилъ имя Шуло, — а когда баронесса вышла, Манури засталъ своего господина сидящимъ передъ окномъ, на маленькомъ диванѣ и въ страшномъ волненіи. Вслѣдствіе этой

сцены принцъ отправилъ курьера съ порученіемъ сказать Шуло, чтобы онъ пріѣхалъ какъ можно скорѣе въ село, гдѣ его ожидало важное дѣло. Остальной день прошелъ безъ особенныхъ приключеній. Къ принцу пріѣхалъ съ визитомъ графъ Коссе-Бриссакъ; принцъ оставилъ его обѣдать и просилъ даже провести ночь въ замкѣ. Онъ довольно грустно говорилъ о современныхъ событіяхъ и просилъ, чтобы за обѣдомъ, въ присутствіи слугъ, не говорилъ о томъ, что происходило въ Парижѣ. Обѣдъ прошелъ весело. Только, когда графъ Коссе заговорилъ о нѣкоторыхъ каррикатурахъ на Карла X, появившихся со времени его низложенія, принцъ огорчился и, наклонившись къ баронессѣ Фешеръ, сказалъ: «попросите его замолчать.» Въ девять часовъ сѣли играть въ карты. Принцъ игралъ въ вистъ съ баронессою и двумя изъ своихъ приближенныхъ, былъ веселѣе обыкновеннаго, проигралъ и не заплатилъ, сказавъ: «до завтра.»

Онъ намѣревался уѣхать 31 августа, и нетерпѣліе его оставитъ Сенъ-Ле было такъ велико, что онъ приказалъ своему архитектору приготовить ему какъ можно скорѣе помѣщеніе въ Шантильи. После картъ онъ отправился въ свою спальню и проходя черезъ переднюю, сдѣлалъ своимъ слугамъ дружескій знакъ, который удивилъ ихъ потому, что былъ похожъ на прощаніе...

Въ спальнѣ, куда сопровождали его докторъ и камердинеръ, принцъ молчалъ въ то время, когда его раздѣвали. Но на это обстоятельство не обратили вниманія ни камердинеръ, ни докторъ, потому что оно не противорѣчило привычкамъ принца. Уходя, камердинеръ спросилъ, «въ которомъ часу, ваша свѣтлость, прикажете разбудить васъ?»— Въ восемь часовъ, отвѣчалъ принцъ спокойно.

Спальня принца Конде соединялась небольшимъ корридоромъ съ пріемной. Эта пріемная выходила съ одной стороны въ будуаръ, примыкавшій къ большому корридору замка, а съ другой стороны на потайную лѣстницу, примыкавшую къ площадкѣ, на которой были расположены комнаты баронессы Фешеръ и ея племянницы г-жи Флассанъ. Отъ нижней площадки этой потайной лѣстницы шелъ длинный корридоръ, выходившій въ пріемную замка, а отъ верхней площадки другой корридоръ, въ которомъ помещались комнаты аббата Бріана, секретаря баронессы Фе-

перъ, вдовы Ламассинъ, ея горничной, и семейства Дюпре, также состоявшаго при баронессѣ. Комната этихъ послѣднихъ помещалась какъ разъ подъ спальнею принца, такъ что они могли легко слышать, что говорилось на верху.

Въ эту ночь, съ 26 на 27, сторожа обошли по обыкновенію весь паркъ. Камердинеръ Леконтъ заперъ дверь уборной и унесъ съ собою ключъ, — необходимая предосторожность, потому что принцъ очень часто забывалъ затворять дверь своей спальни. Г-жа Флассанъ не спала до двухъ часовъ утра и писала; никакого шума она не слышала. Семейство Дюпре тоже ничего не слышало. Впродолженіе всей ночи полнѣйшая тишина господствовала въ замкѣ.

На слѣдующее утро, въ восемь часовъ, Леконтъ, согласно полученному наканунѣ приказанію, постучалъ въ дверь своего господина. Онъ нашелъ ее запертою, и принцъ не отвѣтилъ. Камердинеръ ушелъ, чрезъ нѣсколько минутъ вернулся съ докторомъ и снова постучалъ. Отвѣта не послѣдовало. Тогда оба они въ безпокойствѣ поспѣшили доложить объ этомъ баронессѣ Фешеръ. «Я сейчасъ пойду туда,—вскричала она—когда онъ услышитъ мой голосъ, то отвѣтитъ мнѣ.» И она побѣжала на верхъ полуодѣтая. Дойдя до двери спальни, она закричала: «отворите, принцъ, это я!» Молчаніе продолжалось. Но въ замкѣ уже все поднялось на ноги. Прибѣжали камердинеры Манури и Леклеркъ, аббатъ Бріанъ и Мери-Лафонтенъ. Съ помощію желѣзнаго лома, Манури взломалъ нижнюю часть двери и пролѣзъ въ спальню съ Леконтомъ и докторомъ. Ставни были затворены и въ комнатѣ очень было темно. Только одна свѣчка горѣла въ углубленіи ея, по и она была заставлена ширмой. При этомъ слабомъ свѣтѣ, вошедшіе въ спальню увидѣли голову принца, прислоненную къ окошку, выходявшему на сѣверъ. Манури отворилъ ставень другого окна, и всѣ троє увидѣли страшное зрѣлище. Принцъ Конде висѣлъ на задвижкѣ оконной рамы, открыли дверь и всѣ бросились туда. На порогѣ остановили только баронессу, которая со стономъ упала на одно изъ креселъ, стоявшихъ въ уборной. Въ то же время страшная суматоха началась въ замкѣ. Принцъ умеръ! кричала испуганная прислуга. Услышавъ шумъ, духовникъ принца поспѣшилъ на мѣсто этого возмутительнаго происшествія и засталъ тамъ баронессу и другихъ. Манури

бросился къ духовнику, увлекъ его въ спальню и, указывая на трупъ, сказалъ: «вотъ принцъ!»

Принцъ Конде былъ привязанъ къ задвижкѣ окна двумя платками, изъ которыхъ одинъ проходилъ сквозь другой. Тотъ платокъ, который обвивался вокругъ шеи, былъ затянутъ наглухо, и между нимъ и шеей присутствующіе могли легко продѣть пальцы. Голова покойника свѣсилась на грудь, лицо было блѣдно. Языкъ не выходилъ изъ рта и только касался губъ; руки были закрыты, колѣни согнуты; оконечности ногъ касались ковра, такъ что въ страшныхъ страданіяхъ, вызываемыхъ послѣдними усиліями жизни принцу, чтобъ избѣжать смерти, стояло только опереться о ставни и стать на ноги. Эта поза сильно опровергала мысль о самоубійствѣ. Она удивила большую часть присутствующихъ.

Скоро пріѣхали мѣстные власти: сначала меръ Сенъ-Ле, составлявшій протоколъ о положеніи тѣла; затѣмъ ангіенскій мировой судья, приказавшій отвязать трупъ и перенести его на постель; слѣдственный судья изъ Понтюза, составившій протоколъ о всей обстановкѣ. Король, узнавшій о происшествіи, въ половинѣ двѣнадцатаго прислалъ съ своей стороны своего секретаря и нѣсколькихъ придворныхъ. Но никто не увѣдомилъ объ этомъ законнаго наслѣдника покойника, Людовика Рогана, лишеннаго наслѣдства по завѣщанію, о которомъ онъ еще не зналъ.

Въ различныхъ протоколахъ, составленныхъ въ этотъ день, было рѣшено, впредь до болѣе подробнаго изслѣдованія, что смерть произошла отъ самоубійства; и дѣйствительно, такъ какъ замокъ былъ запертъ изнутри, то предположеніе убійства становилось не вѣроятнымъ. Но скоро увѣренность въ самоубійствѣ принца начала мало по малу ослабѣвать. Возрастъ покойника, отсутствіе въ немъ энергичности, его извѣстная религіозность, страшная боязнь, которую онъ тысячу разъ обнаруживалъ при одной мысли о смерти, мнѣніе его о самоубійствѣ, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на подлый поступокъ, спокойствіе его въ послѣдніе дни жизни, все это разбивало предположеніе, возникшее вслѣдствіе того, что комната была заперта изнутри; на каминѣ нашли часы принца, заведенные имъ наканунѣ вечеромъ, а подъ подушкою платокъ съ завязаннымъ узломъ, похожимъ на тѣ, которые принцъ обыкновенно дѣлалъ, ложась спать, чтобы не забыть на слѣдующій день о ка-

комъ нибудь дѣлѣ. Притомъ трупъ не висѣлъ на воздухѣ, а почти касался пола. Лакей Романцо, путешествовавшій въ Турціи и Египтѣ, и его товарищъ ирландецъ Файфъ видѣли много повѣшанныхъ, они засвидѣтельствовали, что лица этихъ несчастныхъ были не блѣдны, но черноваты; что глаза ихъ оставались открытыми, а языкъ выходилъ наружу; ничего подобнаго не представлялъ трупъ принца Бонде. Когда его снимали съ окошка, то Романцо развязывалъ узелъ, посредствомъ котораго трупъ былъ привязанъ къ задвижкѣ, и это стоило ему большого труда, потому что узелъ былъ сдѣланъ весьма искусно и затянутъ весьма крѣпко. А между тѣмъ, всѣ слуги принца хорошо знали, что онъ былъ крайне неловокъ, что онъ не умѣлъ даже завязать себѣ башмаговъ, что нѣкогда онъ былъ раненъ саблей въ правую руку, а въ лѣвой была переломлена у него одна кость, вслѣдствіе чего онъ не могъ поднимать ее выше головы.

Сомнѣнія, возбужденныя всѣми этими обстоятельствами, укрѣплялись нѣкоторыми странными признаками, которые не могли ускользнуть отъ вниманія самыхъ приближенныхъ слугъ принца. Туоли, которыхъ онъ рѣдко надѣвалъ, почти всегда стояли у стола, на которомъ его раздѣвали; чья же рука, въ эту роковую ночь, поставила ихъ у постели? Принцъ спалъ обыкновенно на самомъ краѣ кровати; отчего же въ эту ночь середина ея была измята, а края напротивъ приподняты? Люди, приготовлявшіе постель, обыкновенно отодвигали ее въ глубину алькова, и точно также сдѣлали вечеромъ 26 числа; кто же сдвинулъ кровать съ этого мѣста почти на полтора аршина? Когда люди вошли утромъ въ комнату покойника, то увидѣли на каминѣ двѣ свѣчи, загашенныя и негорѣвшія; кто же могъ загасить ихъ? Самъ принцъ? но неужели онъ добровольно окружилъ себя глубокой темнотою, чтобы сдѣлать такія сложныя приготовленія къ смерти.

Что касается до баронессы Фешеръ, то она настаивала на мысли о самоубійствѣ. Она какъ будто вѣрила, что происшествіе 11 августа, когда принца нашли съ окровавленнымъ глазомъ, было только неудавшейся попыткой къ самоубійству. Она очень боялась разговоръ о планѣ отъѣзда, составленномъ покойникомъ, и когда однажды Манури открыто заговорилъ при ней объ этомъ, она сказала ему: «берегитесь, подобные разговоры могутъ васъ компрометировать предъ королемъ. Аббатъ Брианъ съ своей стороны, съ замѣ-

чательною настойчивостью доказывалъ, что принцъ самъ лишилъ себя жизни; онъ говорилъ о разстройствѣ его умственныхъ способностей, о явномъ упадкѣ всѣхъ его силъ въ послѣдніе дни жизни, и увѣрялъ, что онъ повѣсилъ въ припадкѣ помѣшательства.

Корыстолюбивыя побужденія, возникающія у каждаго около гроба, уже начинали обнаруживаться во всей своей печальной наивности. Подлѣ этого трупa,—единственного остатка знаменитаго рода, въ присутствіи этой загадочной смерти, среди этого смѣшаннаго ропота, этихъ слезъ,—наслѣдство жертвы было уже предметомъ торгашества, и мысль о завѣщаніи парила надъ этою погребальною сценой. Бумаги покойника сдѣлались предметомъ самыхъ тревожныхъ поисковъ. «Все здѣсь принадлежитъ баронессѣ Фешеръ,» говорилъ аббатъ Брианъ, и приказывалъ Доверу, смотрителю серебра, старательно наблюдать за этими вещами, долженствовавшими, по его словамъ, перейти къ баронессѣ. Баронесса съ своей стороны, повидимому, очень беспокоилась на счетъ бумагъ принца, но она давала этому беспокойству благородную причину, высказывая желаніе встрѣтить подъ какимъ нибудь прощальнымъ письмомъ имя человѣка, котораго она такъ сильно любила.

Однако же всѣмъ слугамъ принца казалось страннымъ, что передъ самоубійствомъ, если оно дѣйствительно было, онъ не оставилъ ни одного письменнаго доказательства своего отчаянія, ни одного воспоминанія о своихъ послѣднихъ часахъ, ни одного выраженія признанія къ тѣмъ, усердную службу которыхъ онъ всегда признавалъ и вознаграждалъ. Это было какое-то нравственное самоубійство, также необъяснимое, какъ и все остальное. Неожиданное открытіе усилило всѣ эти недоразумѣнія.

Вечеромъ 27 числа Гильомъ, секретарь короля, проходя передъ каминномъ снальни, замѣтилъ въ немъ доскутки бумаги, бѣлѣвшіе на черномъ фонѣ очага. Онъ подходитъ ближе и на этихъ доскуткахъ, поддерживавшихся пепломъ сожженной бумаги, читаетъ слова:

«Король... Венсенъ... Несчастный сынъ...»

На другой день прихалъ изъ Сень-Ле генеральный прокуроръ Бернаръ; ему отдали эти доскутки вмѣстѣ съ другими собранными лакеемъ Леконтомъ. «Здѣсь вся правда», вскричалъ прокуроръ, и съ помощью другихъ присутствующихъ, собралъ эти доскутки такъ, что составила слѣдующая отрывистая записка: «Сень-Ле принад-

жить вашему королю... Филиппу... не грабить и не жечь... селеніе... не обижайте ни моихъ друзей, ни слугъ... Вы введены въ заблужденіе на мой счетъ; мнѣ остается только умереть съ желаніемъ счастья и благоденствія французскому народу и моему отечеству. Людовикъ Бурбонъ, принцъ Конде.

P. S. Я желаю быть похороненнымъ въ Венсенѣ, подлѣ моего несчастнаго сына.»

Въ этихъ странныхъ словахъ многіе видѣли доказательства самоубійства; но болѣе недобѣрчивые не соглашались съ этимъ мнѣніемъ. Они говорили, что высказанная въ этой запискѣ боязнь грабежа Сень-Ле была несообразна съ тѣмъ отвращеніемъ ко всѣмъ земнымъ благамъ, которое подвигаетъ человѣка на самоубійство. По ихъ мнѣнію, эта боязнь не могла имѣть мѣста въ принцѣ Конде въ ночь съ 26 на 27 августа, т. е. послѣ того праздника, въ который онъ получалъ столько доказательствъ пріязни и послѣ посѣщенія королевы, столь успокоительнаго для него. Скептики не понимали также, почему принцъ называлъ Людовика Филиппа владѣтелемъ Сень-Ле, тогда какъ онъ былъ хорошо убѣжденъ въ противномъ. Они удивлялись, что принцъ, взявшійся за перо передъ тѣмъ, какъ лишить себя жизни, не сказалъ въ запискѣ ничего положительнаго о своемъ пагубномъ намѣреніи и не предвидѣлъ, какимъ страшнымъ подозрѣніемъ подвергнетъ его слугъ темный смыслъ этой записки. Даже самый способъ открытія этихъ лоскутковъ представлялся для многихъ весьма загадочнымъ. Они спрашивали: «По какому странному случаю эти бумаги, такъ легко открытыя секретаремъ Людовика Филиппа и Леконтомъ вечеромъ, ускользнули утомъ того же дня отъ поисковъ Шуло, Манури, Романцо и всѣхъ, осматривавшихъ каминъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ? Не вѣрнѣ ли было предположить, что чья нибудь рука, съ цѣлью поддержать мысль о самоубійствѣ разбросала укравкой эти лоскутки въ каминъ уже послѣ смерти принца? Лоскутки эти лежали на пеплѣ отъ сожженной бумаги; можно ли было допустить, что если бы принцъ имѣлъ бумаги, которыя онъ считалъ необходимымъ уничтожить, то одни изъ нихъ онъ сжегъ, а другіе изорвалъ? Вѣдь эти странности приводили къ соображенію, что найденная записка была написана гораздо раньше смерти и составляла проектъ прокламаціи, сочиненной принцомъ въ первые дни августа, когда рево-

люціонная буря еще не унялась. Дѣйствительно, скоро узнали, что при первомъ шумѣ іюльскаго переворота, принцъ Конде высказалъ желаніе написать прокламацію,—и такимъ образомъ предположеніе, что бпъ не самъ лишилъ себя жизни сдѣлалось болѣе вѣроятнымъ.

Такъ съ каждымъ шагомъ стучался мракъ, окружавшій эту неожиданную смерть. Для анатомическаго изслѣдованія были присланы въ Сенъ-Ле лейбъ-медикъ короля Маркъ, Паскье и Марженъ. Они рѣшили, что принцъ самъ лишилъ себя жизни. Но этого приговора науки было недостаточно для разрушенія всѣхъ подозрѣній.

Такимъ образомъ образовались двѣ партіи. Тѣ, которые настаивали на самоубійствѣ—приводили въ подкрѣпленіе своего мнѣнія: судебные и медицинскіе протоколы: меланхолію принца съ 1830 года, его боязнь, какъ роялиста, богатаго человѣка и аристократа; тревожное состояніе его въ то время, когда домъ его оглашался политическими спорами; его нѣмое прощаніе съ слугами въ послѣдній вечеръ; положеніе трупы, не представлявшее никакихъ признаковъ насилія; состояніе одежды, оставшейся въ порядкѣ, не изорваню и не испачканною; то обстоятельство, что замокъ былъ запертъ изнутри; матеріальную трудность совершить убійство, невозможность указать хотя съ нѣкоторою вѣроятностью на какого нибудь человѣка, какъ на убійцу принца. На эти предположенія защитники памяти умершаго принца возражали весьма сильными и осязательными доводами. Мери-Лафонтенъ нарочно повѣсмался на задвижку роковаго окна въ такомъ же положеніи, въ какомъ нашли принца,—и эта попытка не окончилась ничѣмъ дурнымъ. Затѣмъ, посредствомъ очень тонкой ленточки, попробовали отворить и затворить извнѣ запертый изнутри замокъ,—и сдѣлали это съ полнымъ успѣхомъ. Тогда подозрѣнія, высказывавшіяся до тѣхъ поръ робко, перешли въ открытыя и смѣлыя обвиненія. Стали называть кое-кого по именамъ... Въ это время завѣщаніе принца было уже прочитано; ненависть, окружавшая и прежде того баронессу Фешеръ, усилилась увѣренностью, что она заставила покойника не забыть только о ней, и обидѣтъ всѣхъ служившихъ ему. Обвинительные толки пошли въ ходъ... Рассказываютъ, что въ часовнѣ, гдѣ былъ выставленъ трупъ, Леконтъ однажды вскричалъ въ непобѣдимомъ волненіи: «у меня на сердцѣ лежитъ камень.» Докторъ Бонни, въ противоположность положительнымъ увѣреніямъ

этого самаго Деконта, утверждалъ, что утромъ 27 числа, дверь ведущая на потайную лѣстницу, не была заперта и что для того, чтобы скрыть это страшное обстоятельство, баронесса отправилась въ спальню принца самою длинною дорогою, — черезъ большую лѣстницу.

4 сентября сердце принца Конде было отвезено въ Шантильи. Аббатъ Нелья, духовникъ покойника, присутствовалъ при отпѣваніи. Онъ появился, неся въ рукахъ ящичекъ съ сердцемъ жертвы и готовясь произнести слово послѣдняго прощанія. Гробовая тишина царствовала между присутствующими. Всѣ ждали. И страшное, безмѣрно-глубокое волненіе охватило всѣхъ, когда проповѣдникъ торжественно промолвилъ: «Принцъ невнѣнъ передъ Богомъ въ своей смерти».

Похороны были великолѣпныя и на нихъ присутствовали сыновья короля. Тѣло отвезли въ Сенъ-Дени, гдѣ весь клиръ встрѣтилъ его у воротъ аббатства, и потомъ опустили въ склепъ, въ которомъ покоится прахъ многихъ королей...

Таково было это происшествіе. Баронесса Фешеръ поспѣшила выѣхать изъ Сенъ-Ле и переселилась въ Palais-Bourbon, преслѣдуемая странными призраками. Въ продолженіе пятнадцати ночей она заставила аббата Бріана спать въ ея библіотекѣ, а г-жу Флассанъ укладывала въ своей спальнѣ, какъ будто страшась, чтобы какой нибудь страшный призракъ не явился ей въ ночной тишинѣ. Но скоро она оправилась отъ волненія и сдѣлалась, какъ прежде, спокойною и рѣшительною. Она давно уже вела огромную биржевую игру; теперь она продолжала эти операціи и въ нѣсколько мѣсяцевъ выиграла значительныя суммы.

Между тѣмъ, зловѣщія слухи начали возникать со всѣхъ сторонъ; принцы фамиліи Роганъ дѣлали приготовленія къ гражданскому и уголовному процессамъ. Въ Сенъ-Ле, въ Шантильи, самоубійству принца уже никто не вѣрилъ; въ парижскихъ гостиницъ и особенно мастерскихъ высказывались самыя смѣлыя предположенія. То обстоятельство, что къ имени баронессы Фешеръ примѣшивалось въ этомъ случаѣ имя одного августѣйшаго лица, давало страстямъ партій оружіе, за которое онѣ схватились съ жадностью. Многие безпощадно выставляли на видъ, что 27 числа, т. е. въ день убійства, дворъ, черезъ посредство своихъ приближенныхъ, завладѣлъ

отд. I. 20

мѣстомъ преступленія ; что духовникъ принца, хотя находившійся въ то время въ замкѣ, не былъ приглашенъ къ участию въ составленіи протоколовъ ; что докторъ принца, Геренъ, не былъ призванъ къ анатомированію , повѣренному только тремъ докторамъ, изъ которыхъ двое, Маркъ и Паскъе, находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ дворомъ. Всѣ сирашивали съ насмѣшливымъ удивленіемъ, почему г. Брольи не позволилъ нанечатать въ «Монитеръ» рѣчь, произнесенную въ Шантильи аббатомъ Пелье? Многіе проводили оскорбительную параллель между катастрофой, низводившей дождь Конде въ могилу и постоянно увеличивавшимся могуществомъ и благосостояніемъ Орлеанскаго дома... Ко всему этому прибавлялось еще много небывлицъ, потому что ненависть всегда компрометируетъ свой успѣхъ необузданностью. Съ другой стороны, усердіе, съ которымъ приверженцы Людовика Филиппа старались поддержать мнѣніе о самоубійствѣ принца, обращалось только во вредъ ихъ патрону.

Для превращенія толковъ, оскорблявшихъ даже правительство, королю представилось рѣшительное средство. Отказаться отъ таковаго темнаго наслѣдства было, конечно, въ его власти и этимъ отказомъ онъ возвеличилъ бы себя и унизилъ бы своихъ враговъ. Но Людовикъ Филиппъ смотрѣлъ иначе на интересы своего возникающаго могущества. Еще наканунѣ восшествія на престолъ онъ послѣдилъ перевести на имя своихъ дѣтей свои имѣнія, не захотѣвъ, согласно древнему закону французской монархіи, присоединить ихъ къ государственнымъ имуществамъ. Уже изъ этого можно было видѣть, что презрѣніе къ деньгамъ не будетъ главною добродѣтелью этого короля-гражданина. Въ наслѣдствѣ Конде онъ тоже захотѣлъ извлечь всевозможную пользу изъ новыхъ владѣній своего сына, не смотря на то, что былъ однимъ изъ богатѣйшихъ монарховъ Европы.

Отсюда произошла необходимость покровительствовать баронессѣ Фешеръ. Ее пригласили ко двору и она встрѣтила тамъ пріемъ, о которомъ на слѣдующій день весь Парижъ говорилъ съ глубокимъ изумленіемъ. Крики общественнаго мнѣнія дѣлали формальное слѣдствіе неизбѣжнымъ ; оно дѣйствительно началось въ Понтуазѣ, но въ это же время принимались всѣ мѣры для того, чтобы замать дѣло. Одинъ изъ слѣдователей, Гюнруа, выказывалъ твердую рѣшимость добратся до правды ; его поспѣшили уволить и дали ему другую должность. Процессъ перешелъ въ другія руки ; танулся долго и не кончился ничѣмъ...

Дворъ скоро пересталъ обращать вниманіе на происходившій во-
кругъ него шумъ. Но для народа не остался потеряннымъ ни одинъ
изъ уроковъ, заключавшихся во всей этой исторіи, и въ душѣ его
на вѣки поселилось чувство подозрительности; потому что народъ
охотно вѣритъ въ необыкновенныя преступленія.

М. Вейнбергъ.

ВЪ ГЛУШИ.

Я убѣжалъ въ свой домъ убогой
Изъ этихъ каменныхъ палатъ,
Гдѣ настрадался я такъ много,
Гдѣ благоденствуетъ развратъ.

Мнѣ здѣсь уютно и отрадно:
Но я хотѣлъ бы каждый мигъ
Смотрѣть внимательно и жадно
На жизнь мучителей своихъ;

Считать подагрою разбитыхъ,
Позорно отданныхъ подъ судъ,
Дѣтей обманами убитыхъ,
Погибшихъ въ нѣсколько минутъ;

Съ весельемъ робко-торопливымъ
Изъ списка мертвыхъ исключать
И знать, что слабымъ, терпѣливымъ
Вольнѣй становится дышать.

А. Михайловъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РАЗВИТІЕ ОРГАНИЧЕСКАГО МІРА ВО ВРЕМЯ ОБРАЗОВАНІЯ ЗЕМНОЙ КОРЫ.

Всѣмъ извѣстно, что естественныя науки изъ періода отвлеченнаго мышленія перешли въ періодъ наблюденія и опыта; всѣ твердятъ знаменитую фразу, что наука вырвалась изъ душныхъ стѣнъ кабинетовъ и академій на вольный воздухъ, демократизировалась и перестала быть исключительной привиллегіей немногихъ избранныхъ. Дѣйствительно, теперь она, какъ и исторія, *отдается* не нѣсколькими, а массой; во всѣхъ концахъ Европы есть молотки съ геологами у ручки, какъ говорилъ Броннъ, есть микроскопы, снабженные наблюдателями, наконецъ есть просто любопытные глаза, любящіе и умѣющіе слѣдить за животными, изучать ихъ жизнь, привычки и нравы. Но умъ человѣческій еще только начинаетъ выходить изъ-подъ гнета вѣковой рутинны, душившей его, и потому невозможно, чтобы къ нему не примѣшивалось ничего не только метафизическаго, но даже теософическаго; астрономія, самая точная, можетъ быть, изъ всѣхъ конкретныхъ наукъ, до сего времени не освободилась отъ теологическаго представленія; въ физиологіи въ ходу еще знаменитыя гиперболы музыканта и инструмента, или лейбницевскихъ двухъ часовъ; въ медицинѣ многое еще напоминаетъ мольеровскія *vis dormitiva* и *vis purgativa*. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что все это только остатки прежнихъ возрѣвій и теорій, понемногу уже исчезающіе изъ науки, которая побѣдоносно идетъ къ реальному знанію; прежде искали сущности и забывали изученіе формы, теперь обратились исключительно къ формѣ, оставляя въ сторонѣ сущность. Такой поворотъ въ ходѣ и методахъ вызвали, какъ это всегда бываетъ, реакцію противъ прежняго приѣма, — реакцію, которая сама зашла слишкомъ далеко.

Оторвавшись отъ натурфилософіи, бросились въ другую крайность и, смѣшивая философствованіе съ философіей и метафизику съ простымъ мышленіемъ, схватились за факты, одни голые факты, и какъ будто боятся обобщать ихъ. Насмѣшки надъ теоретиками въ естественныхъ наукахъ, надъ кабинетными учеными, книгоѣдами, никогда не видящими вольнаго свѣта и ищущими въ книгахъ то, что можно найти только въ непосредственномъ изученіи-самой природы,— все это сдѣлалось общимъ мѣстомъ, ходячей монетой. На гипотетическія дотадки, на абстрактный синтезисъ природы смотреть какъ на пустую забаву, бесполезное фокусничество ума, и никто не хочетъ сказать спасибо этимъ труженикамъ, собирающимъ въ одно цѣлое массы сырого матеріала голыхъ фактовъ. Сочиненія ихъ рѣдко выходятъ изъ тѣснаго круга читателей, масса же читающей публики имѣетъ о нихъ самое туманное представленіе, если только имѣетъ какое нибудь. Я, конечно, не говорю о такихъ звѣздахъ, какъ Кювье или Гумбольдтъ, которыхъ знаютъ всѣ, по крайней мѣрѣ по имени, но о тѣхъ ученыхъ, работы которыхъ какъ-то не проникаютъ въ массу публики, и даже въ ученый міръ имѣютъ скорѣе un succès d'estime, говоря театральнымъ языкомъ. И лежатъ себѣ эти работы, не обращая на себя никакого вниманія, пока кто-нибудь другой не воспользуется ими и не прокричитъ о нихъ; такъ случилось это съ Буше де-Пертесомъ, съ Шмерлингомъ, такъ до сихъ поръ еще лежитъ подъ спудомъ теорія палеонтологическихъ типовъ Агассица и т. д.

Было время, когда «серьезные ученые» считали недостойнымъ себя заниматься «анекдотической стороной» жизни животныхъ, предоставляя это дилетантамъ, и публика совершенно соглашалась съ этимъ, хотя тайнѣ и предпочитала рассказы Одюбона разсужденіямъ Кювье. Теперь, наоборотъ, наука обратилась на подробности, и заниматься общими законами стало какъ будто неуместно естественнику-реалисту, — а кто нынче не реалистъ! Этимъ, мнѣ кажется, должно объяснить неуспѣхъ или, по крайней мѣрѣ, невниманіе, которое встрѣтила въ читающей публикѣ книга Бронна, несмотря на свое громкое заглавіе и на премію, которую она получила отъ парижской академіи наукъ. (*) Между тѣмъ книга эта, написанная, правда, нѣсколько тяжело, какъ и вообще всѣ сочиненія Бронна, заключаетъ много чрезвычайно интереснаго, въ особенности для русской публики, мало знакомой съ литературой по этому предмету. Она, дѣйствительно, вполне оправдываетъ свое заглавіе и приводитъ рядъ законовъ, которыхъ держалась

*) О законахъ развитія орган. міра во время образованія земной поверхности.

природа при заселеніи земного шара въ различные геологическіе періоды; законы эти, въ свою очередь, представлены Бронномъ, какъ неизбежное слѣдствіе физическихъ и химическихъ измѣненій, происходившихъ въ земномъ шарѣ, или, лучше сказать, на поверхности его, по мѣрѣ его охлажденія.

Чтобы передать по возможности понятно выводы Бронна, намъ придется начать нѣсколько издалека, гораздо раньше, нежели съ Адама, а именно съ первоначальнаго состоянія земного шара. Мы не будемъ говорить подробно объ общепринятой теоріи, или, лучше сказать, гипотезѣ расплавленнаго состоянія всѣхъ веществъ внутри земного шара,—теорія эта извѣстна болѣе или менѣе каждому, но мы приведемъ въ короткихъ словахъ теорію Гершеля и отчасти Лапласа, возобновленную Амперомъ, и теорію сэра Гемфрея Дэви.

Основываясь на примѣрѣ туманныхъ пятенъ, которыя онъ принималъ за накаленные, и потому свѣтящіяся газы (что, замѣтимъ между прочимъ, оправдывается новѣйшими изслѣдованіями), Гершель утверждалъ, что и наша солнечная система, а слѣдовательно и земной шаръ, находились въ газообразномъ состояніи; теорія эта въ настоящее время сдѣлалась болѣе или менѣе общепринятою, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятною. Объясняя теорію Гершеля, наивный Амперъ прибавляетъ, что она не только не противорѣчитъ библейскимъ преданіямъ, но даже совершенно подтверждаетъ ее, такъ что, говоритъ онъ, надо признать за Моисеемъ или свѣдѣнія въ геологій, химіи, физикѣ и т. д., по крайней мѣрѣ равныя нашимъ въ настоящее время, или откровеніе свыше. Но не одинъ Амперъ страдалъ этою странною маніею; ею были поражены многія другія знаменитости, между прочимъ Кювье, — послѣдній впрочемъ больше изъ практическихъ видовъ, такъ какъ дѣло было во время реставраціи, при набожныхъ Бурбонахъ.

Такъ какъ накаленные газы постепенно охлаждались, то наконецъ температура ихъ должна была понизиться на столько, что одно изъ тѣлъ, составляющихъ эти газы, и конечно наименѣе летучее, обращалось въ жидкое состояніе, и хотя сгущеніе и производитъ снова нагрѣваніе, но нагрѣваніе это не можетъ быть такъ сильно, чтобы обратить тѣло снова въ газообразное состояніе, иначе весь процессъ начался бы снова. Если нѣсколько тѣлъ переходятъ изъ газообразнаго состоянія въ жидкое при одной и той же температурѣ, то первый осадокъ, естественно, долженъ состоять изъ смѣси всѣхъ этихъ тѣлъ.

Но газы продолжали охлаждаться, температура понижалась, такъ что образовался новый осадокъ, за которымъ слѣдовали третій,

четвертый и т. д., и такимъ образомъ изъ концентрическихъ слоевъ составлялось зерно, окруженное газами, количество которыхъ уменьшалось по мѣрѣ того, какъ зерно росло. Слой этого зерна состояли изъ различныхъ тѣлъ, расположенныхъ въ томъ же порядкѣ, въ которомъ находятся температуры, при которыхъ эти тѣла обращаются изъ газообразныхъ въ жидкое состояніе. Зерно это, если оно не имѣло вращательнаго движенія вокругъ оси, получало сферическую форму, если же обращалось вокругъ оси, то принимало форму сфероида, сжатаго у полюсовъ, которую и дѣйствительно имѣетъ земной шаръ. Но между различными тѣлами осадковъ могутъ происходить химическія реакціи; всѣ реакціи сопровождаются значительнымъ возвышеніемъ температуры, а многія отдѣленіемъ газовъ; предположите, что реакція происходитъ между вторымъ и третьимъ осадками; тогда, очевидно, самая высокая температура, взрывы и т. д. будутъ происходить на границѣ между этими двумя осадками; если реакція совершается между вторымъ и четвертымъ осадками, пронижшими сквозь щели третьяго, то взрывы и возвышенія будутъ болѣе мѣстны, ограничены и произойдутъ преимущественно въ толщѣ третьяго слоя; очевидно, что при этомъ происходятъ взрывы, слои лопаются, образуются новыя химическія соединенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ твердыя, въ другихъ газообразныя. Явленія эти будутъ происходить при каждомъ новомъ осадкѣ, и этимъ Амперъ объясняетъ всѣ щели, взломы, поднятія земныхъ пластовъ; этимъ же объясняется и то, почему въ прежніе періоды было гораздо больше вулкановъ, нежели теперь, что мы видимъ по множеству погасшихъ.

Въ настоящее время всѣ вещества, входившія составною частью въ первоначальные газы, обратились въ твердое состояніе, только вода осталась въ жидкомъ, а кислородъ и азотъ, составляющіе воздухъ, въ газообразномъ. О послѣднемъ Амперъ замѣчаетъ, что невѣроятно, чтобы такая масса азота была всегда свободна; гораздо естественнѣе предполагать, что она была первоначально соединена химически съ кислородомъ въ формѣ азотистой или азотной кислоты; но для этого потребовалось бы отъ 8—10 разъ больше кислорода, чѣмъ сколько мы видимъ его теперь свободнымъ; по всей вѣроятности весь кислородъ, пропавшій повидимому теперь, пошелъ на окисленіе металловъ,—находящійся же теперь въ воздухѣ, есть только остатокъ, къ которому, можетъ быть, прибавился еще тотъ, который былъ вытѣсненъ изъ другихъ соединеній хлоромъ и другими тѣлами.

Главныя химическія реакціи en gros, т. е. вулканы, производятъ

слѣдовательно вода; если въ окисленной и сплошной земной корѣ происходитъ трещина, вода втекаетъ въ нее, достигаетъ неокисленного металлическаго ядра, окисляетъ его, разлагаясь при этомъ сама, и огромное количество отдѣляющейся при этомъ теплоты расплавляетъ нѣкоторое количество близъ лежащихъ веществъ, которыя и вытекаютъ въ видѣ лавы. Но вода, какъ извѣстно, есть соединеніе кислорода и водорода; если кислородъ пошелъ на окисленіе металловъ и пр., то водородъ долженъ выходить изъ кратера или чистымъ, или въ соединеніи съ нѣкоторыми, лежавшими на его пути тѣлами; это и происходитъ дѣйствительно, какъ доказалъ Дэви своими изслѣдованіями надъ вулканами.

Теорія Гемфрея Дэви есть почти тоже самое; онъ предполагаетъ, что въ началѣ на поверхности земного шара находились въ большомъ количествѣ металлы, всплывающіе при соприкосновеніи съ водою или воздухомъ (напримѣръ натрій, составляющій въ соединеніи съ хлоромъ поваренную соль).

Когда поверхность земного шара окислилась, покрылась корой, вода и воздухъ стали проникать въ щели этой коры и производить эти реакціи уже глубже и болѣе мѣстно, что дало начало вулканамъ; это Дэви подтверждаетъ тѣмъ, что газы, выходящіе изъ кратеровъ вулкановъ, именно тѣ самые, которые произошли бы отъ сгаранія этихъ металловъ.

Мнѣніе свое Дэви подтверждаетъ еще слѣдующимъ опытомъ: онъ беретъ шарикъ, составленный изъ металловъ, загорающихся отъ прикосновенія воды, и сырыскиваетъ его водою, падающей въ видѣ мелкаго дожда; каждая капля воды разлагается, шарикъ наваливается, водородъ воды горитъ съ пламенемъ, представляя въ миниатюрѣ изверженіе, въ точкѣ прикосновенія капли воды съ поверхностью образуется впадина, въ видѣ вулканическаго кратера, а окисъ металла поднимается съ боковъ и составляетъ возвышеніе, центръ котораго занятъ кратеромъ.

Эти теоріи подтверждаются еще слѣдующимъ соображеніемъ: если бы внутренность земного шара находилась въ жидкомъ, расплавленномъ состояніи, то она была бы подвержена точно такимъ же приливамъ и отливамъ, какъ и вода въ моряхъ, а невозможно предположить, чтобъ ничтожная сравнительно по толщинѣ земная кора могла устоять противъ такихъ періодическихъ напоровъ.

На этой теоріи Жюль Вернь, — извѣстный, вѣроятно, и русской публикѣ своими прелестными разсказами, гдѣ онъ въ живой, драматической, нѣсколько фантастической и утрированной формѣ передаетъ новыя ученныя изслѣдованія, — построилъ весь свой оригинальный раз-

сказъ путешествія къ центру земли. Дѣйствительно, принимая теорію Дэви вѣрною, такое путешествіе не невозможно, если только найдется достаточно глубокая щель, съ достаточно окисленными уже стѣнами, чтобы въ ней не происходило болѣе химическихъ реакцій. Самая высокая температура, на основаніи этой теоріи, должна находиться у внутренней поверхности коры, ядро же земли совершенно холодно. Такимъ образомъ и тотъ фактъ, что температура повышается съ углубленіемъ во внутренность земли, нисколько не противорѣчитъ этой теоріи, такъ какъ человѣкъ не проникъ глубже какъ на $\frac{1}{700}$ радіуса земного шара, а по этой ничтожной дробіи заключать о томъ, что происходитъ во всемъ цѣломъ, довольно опромѣтливо.

Но съ другой стороны послѣдовательность явленій и измѣненій на поверхности земного шара, вся палеонтологія показываетъ, что температура земли прежде была гораздо выше, нежели въ настоящее время, т. е. что земля охладилась. Это хотя и не противорѣчитъ теоріи Дэви, такъ какъ и по его мнѣнію, мѣсто химическихъ реакцій понижается все болѣе и болѣе вслѣдствіе утолщенія коры, но объясняется гораздо ближе и легче общепринятой теоріею, которой мы и будемъ держаться. Если же читатель захочетъ непременно убѣдиться въ ея несомнѣнности, то пусть онъ обратится къ спеціальнымъ сочиненіямъ, мы же приведемъ эту теорію Дэви больше по ея оригинальности, и хотя-бы для того, чтобы показать, что не все еще несомнѣнно рѣшено въ наукѣ.

И такъ земля охлаждается, — но почему? Очевидно потому, что окружающее ее пространство холоднѣе. Температура междупланетнаго пространства равномѣрна; она зависитъ отъ количества теплоты, сообщаемой ему всѣми тѣлами солнечной системы; по изслѣдованіямъ Фурье, она немногимъ ниже средней температуры полюсовъ, но это нисколько не значитъ, что она равномѣрна и для всѣхъ частей мірового пространства. Напротивъ того весьма вѣроятно, что температура пространства въ различныхъ частяхъ весьма различна, а такъ какъ солнце само движется, увлекая за собой всю свою планетную систему, то—богъ знаетъ еще—какія температуры придется выдержать нашей землѣ; было-же время, и не такъ еще давно, именно въ ледниковый періодъ, когда почти вся средняя Европа представляла сплошную массу льда! Почему-бы и не воротиться ему снова? Или почему не можетъ быть противоположное явленіе, — но здѣсь открывается широкое поле воображенію каждаго. Какое нескончаемое количество всевозможныхъ комбинацій! Вообразите себѣ, что планетное пространство нагрѣется до темпе-

ратуры таящаго льда (не богъ-же знаетъ какая жара)!—подумайте, какова будетъ температура лѣтомъ у насъ, и что изъ этого выйдетъ. Впрочемъ надо сказать, что большая часть геологовъ приписываютъ пониженіе температуры Европы во время ледниковаго періода не прохожденію нашей планетной системы черезъ холодныя міровыя пространства, а исключительно географическимъ условіямъ распредѣленія материковъ на земномъ шарѣ. Дѣйствительно, даже въ настоящее время большой геологическій переворотъ могъ бы снова произвести для Европы ледниковый періодъ,—напр. если бы Сѣверная Америка погрузилась въ воду, или даже просто прорвался бы на значительное пространство Панамскій перешеекъ. Читателю, вѣроятно, извѣстно, что въ океанахъ есть теченія; одно изъ такихъ теченій, Гольфъ-Стремъ, начинается у Огненной земли, идетъ вдоль восточнаго берега южной Америки, нагрѣвается подъ экваторомъ, заходитъ въ Мексиканскій заливъ и около Флориды раздѣляется на двѣ вѣтви. Восточная вѣтвь поднимается вдоль восточнаго берега сѣверной Америки, заходитъ въ Дэвисовъ проливъ и въ Баффиново море, огибаетъ, по всей вѣроятности, сѣверные берега Америки, и черезъ Беринговъ проливъ выходитъ въ тихій Океанъ; это уже доказывало бы существованіе знаменитаго сѣверо-западнаго прохода, если бы онъ даже и не былъ открытъ Макъ-Клеромъ года четыре тому назадъ. Западная вѣтвь Гольфъ-Стрема направляется отъ Флориды поперегъ атлантическаго океана къ берегамъ Англій, и раздѣляется въ свою очередь приблизительно подъ 20° зап. долг. (по гринвичскому меридіану) и 45° сѣв. шир. на два теченія; сѣверное поднимается вдоль береговъ Англій и Норвегій, и теряется въ Ледовитомъ океанѣ, а южное поворачиваетъ къ Испаніи и Канарскимъ островамъ. Гольфъ-Стремъ играетъ главную роль въ климатѣ Европы; если бы онъ пересталъ нагрѣвать западные берега Европы, то весьма вѣроятно, что Скандинавія, сѣверная Германія и Англія покрылись бы сплошнымъ льдомъ; тоже было бы для Италіи, южной Франціи, Испаніи и Швейцаріи, если бы Сахара, которая, какъ извѣстно, была прежде морскимъ дномъ, снова покрылась бы водою.

Въ настоящее время земля получаетъ всю свою теплоту отъ солнца, внутренняя же теплота возвышаетъ температуру ея гораздо менѣе, чѣмъ на одинъ градусъ;—очевидно, что дальнѣйшее охлажденіе земли не произведетъ никакого измѣненія въ климатѣ. Понятно также, что положеніе земли относительно солнца должно имѣть важное значеніе для ея температуры, — что и доказываютъ времена года.

Но въ первоначальныхъ періодахъ было обратно, когда температура земли понизилась до 1600° — 1200° Ц., т. е. когда образовалось жидкое зерно, не только вся нынѣшняя вода, но углеродъ и многіе металлы окружали землю въ видѣ атмосферы плотныхъ паровъ, давленіе которыхъ было приблизительно въ 6—7 тысячъ разъ болѣе давленія нынѣшней атмосферы, а плотность составляла, вѣроятно, болѣе $\frac{3}{4}$ плотности нынѣшней воды. Понятно, что лучи солнца не могли проникать сквозь подобную атмосферу. При 950° вода начала уже обращаться въ жидкое состояніе и составлять моря; по мѣрѣ того какъ количество осадковъ увеличивалось, атмосфера стала прочищаться и понемногу пропускать лучи солнца.

Вотъ образчики результатовъ, которые получилъ Фурье:

Въ настоящее время земля получаетъ отъ внутренняго расплавленнаго ядра только $0,033^{\circ}$ Ц. теплоты, и слѣдовательно когда она совершенно охладится, общая температура понизится на $\frac{1}{30}^{\circ}$ Ц.; но для пониженія температуры на половину этого количества нужно 30,000 лѣтъ.

Земля сначала охлаждалась быстрѣе, потомъ медленнѣе и медленнѣе.

Для охлажденія экваторіальныхъ странъ до $\frac{1}{100}^{\circ}$ Ц. внутренней теплоты—нужно было 49,000,000 лѣтъ.

Для охлажденія умѣренныхъ поясовъ отъ $27,5^{\circ}$ Ц. (средняя экваторіальная температура) до 10° Ц. (нынѣшняя температура ихъ) нужно было 1,291,772 г.

Читатель видитъ, что образованіе нашей планеты требовало довольно значительнаго времени, которое надо считать милліонами лѣтъ.

Въ постепенныхъ пониженіяхъ собственной температуры, т. е. съ охлажденіемъ земли атмосфера все болѣе и болѣе очищалась и освобождалась отъ паровъ, и стала пропускать солнечные лучи, что понемногу произвело различіе дня и ночи, время года и климатовъ.

Такъ какъ каменные породы, составляющія земную кору, очень плохо проводятъ теплоту, то уже достаточно было очень небольшой толщины коры, чтобы верхняя ея поверхность охладилась настолько, что температура ея только немногимъ превышала нынѣшнюю экваторіальную, между тѣмъ какъ нѣсколькимистами футовъ глубже температура была еще страшно высока, и всѣ ручьи текли горячей водой, которая, унося съ собой при большомъ давленіи атмосферы, значительно возвышавшемъ температуру кипѣнія, огромное количество теплоты, въ свою очередь способствовала охлажде-

нію. Выйдя на поверхность, вода эта наполняла атмосферу горячими парами, которые затемняли солнце и снова падали на землю въ видѣ тумана и дожда. Такимъ образомъ климатъ былъ жарче отъ внутреннихъ причинъ, но меньше зависѣлъ отъ солнца и его положенія относительно земли, слѣдовательно былъ вездѣ равномернѣе, влажнѣе, и болѣе способствовалъ богатой, но менѣе совершенной растительности; климатъ былъ нѣсколько похожъ на климатъ нынѣшнихъ низменныхъ экваторіальныхъ острововъ, еще болѣе влажный и жаркій, но не очень, такъ какъ солнце свѣтило и грѣло гораздо менѣе; день менѣе отличался отъ ночи, лѣто отъ зимы, экваторъ отъ полюса, нежели теперь.

Это однообразіе климата, эта влажность атмосферы, внутренній жаръ, это затемнѣніе солнца понемногу уменьшались, земная кора становилась толще, матерйки больше и разнообразнѣе, горы выше, и все такимъ образомъ постепенно приближалось къ нынѣшнему состоянію. Понятно, что процессъ этотъ представленъ здѣсь только въ общихъ чертахъ, но въ частности онъ часто нарушался различными переворотами. Поднявшіеся уже острова исчезали, равнины снова заливались водою, берега погружались,—все это мы видимъ еще и теперь, конечно не такъ часто и не въ такихъ размѣрахъ. Съ другой стороны появлялись новые острова и даже цѣлыя матерйки, поднимались цѣпы горъ (извѣстно, что Альпы, Гималаи, бразильскіе Кордильеры, и, вѣроятно, вся цѣпь Андовъ принадлежатъ, сравнительно, къ новѣйшимъ образованіямъ, какъ это доказалъ Эли-де-Бомонъ), и въ особенности часто, вѣроятно, случались вулканическія изверженія, какъ на сушѣ, такъ и подводныя.

При охлажденіи земли и очищеніи атмосферы въ послѣдней должны были произойти слѣдующіе главные процессы:

1) Изъ нея выдѣлился почти весь углеродъ, находившійся въ видѣ углекислоты, и пошедшій преимущественно на образование а) органическаго міра, въ количествѣ очень значительномъ, такъ какъ онъ образовалъ не только всѣ живущія животныя и растенія, но и огромные пласты каменнаго угля, лигнита, торфа и т. д., и б) известковыхъ породъ.

2) Выдѣлился кислородъ, пошедшій на высшую степень окисленія металловъ, и на образование вѣстѣ съ углеродомъ органическаго міра и известковыхъ камней.

3) Выдѣлилось огромное количество водяныхъ паровъ, которые происходили отъ высокой температуры воды.

Очевидно, что температура до совершенія этихъ процессовъ была

тяжелѣе, плотнѣе, теплѣе и влажнѣе, что, конечно, должно имѣть самое важное вліяніе на органическую жизнь. Но не должно думать, чтобы она представляла условія, совершенно отличныя отъ нынѣшнихъ. Въ настоящее время атмосфера содержитъ $\frac{6}{100}$ цѣлаго процента; Либигъ полагаетъ, что если бы весь каменный и бурый уголь обратился въ углекислоту, то онъ не увеличилъ бы даже вдвое противъ нынѣшняго содержанія ея въ атмосферѣ: но, по мнѣнію Роджерса, это содержаніе увеличилось-бы въ шесть разъ. Броньяръ и Бишофъ принимаютъ, что атмосфера во время каменноугольнаго періода содержала до 6% , но по опытамъ, произведеннымъ въ Лондонѣ, оказалось, что 5% углекислоты въ атмосферѣ не вредятъ папоротникамъ, и жабы и нѣкоторыя рыбы тоже выдерживаютъ подобную атмосферу; это очень важно въ томъ отношеніи, что первоначальная органическая жизнь появилась именно въ этихъ формахъ. Большое количество углекислоты и водяныхъ паровъ въ атмосферѣ, въ соединеніи съ высокой температурой, даже способствуетъ жизни растений. Но кромѣ этихъ двухъ фактовъ,—пониженія температуры и измѣненія состава и свойства атмосферы, на органическую жизнь имѣли вліяніе еще два другія, именно топографическія измѣненія земной поверхности, и то, что Броннъ называетъ социальными условіями, т. е. взаимодействіе животныхъ и растений.

Извѣстно, что большая часть земли была покрыта первоначально моремъ; это происходило отъ того, что не было еще большихъ горъ, а потому и большихъ углубленій, и океанъ былъ неглубокъ. Вслѣдствіе этого на немъ было множество острововъ, какъ теперъ въ Тихомъ океанѣ; острова эти понемногу возвышались и, сливаясь, образовывали материки, и моря въ нѣкоторыхъ частяхъ стали принимать болѣе прибрежный характеръ, въ другихъ сдѣлались глубже и приблизились болѣе къ нынѣшнимъ открытымъ морямъ. Течения, шедшія прежде параллельно экватору и противоположно обращенію земли, встрѣчая материки, стали отклоняться отъ прежняго направленія, въ однихъ мѣстахъ уничтожились совсѣмъ, въ другихъ сдѣлались быстрѣе. Образовались глубокіе заливы и даже средиземныя моря, какъ напр. нынѣшнее Средиземное и Каспійское, которыя частью уже утратили свои свойства, напр. въ нихъ незамѣтно прилива и отлива, содержаніе соли измѣнилось и т. п.

Суша, напротивъ, прежде низкая и разорванная мелкими клочками, постепенно утрачивала характеръ острововъ и получала характеръ материка, равнины стали подниматься, горы сдѣлались выше, горныя цѣпи длиннѣе и непрерывнѣе, вслѣдствіе чего стекавшая съ нихъ вода стала составлять длинныя рѣки, которыя

спосили камни и другія вещества съ горъ въ равнины, составляя такимъ образомъ наносныя почвы, болѣе удобныя для растительной жизни; затѣмъ появились болота изъ соленой и прѣсной воды, озера, и т. д.; все это, конечно, имѣло въ свою очередь самое важное вліяніе на климатъ.

Уже было говорено, что измѣненіе въ очертаніи материковъ измѣнило бы направленіе теченій, а что бы показать, какое значеніе подобное измѣненіе имѣетъ для климата, можно привести мнѣніе Гопкинса. Онъ сдѣлалъ четыре предположенія важныхъ пережвѣтъ, и показалъ какія слѣдствія онѣ имѣли бы. Еслибы сѣверная Европа погрузилась въ океанъ (что, по всей вѣроятности, и было дѣйствительно), такъ чтобы Гольфъ-Стремъ достигалъ сѣверной Азіи, то послѣдняя имѣла-бы умѣренный климатъ Норвегіи, что и объясняетъ какъ могли жить въ ней мамонты и носороги; если бы, напротивъ, сѣверная Европа соединилась съ сѣверной Америкой, такъ что Гольфъ-Стремъ пересталъ-бы дѣйствовать на нее, то температура ея понизилась-бы до температуры Сибири подъ тѣми-же широтами.

Кромѣ морскихъ теченій, на климатъ имѣютъ какъ извѣстно, большое вліяніе еще вѣтры; такъ напр. Эшеръ-фонъ-дер-Линтъ доказалъ, что уменьшеніе ледниковъ въ Швейцаріи со времени ледниковаго періода произошло главнымъ образомъ отъ поднятія Сахары, что произвело южный теплый вѣтеръ, извѣстный подъ названіемъ Фенъ. Въ Огненной землѣ, лежащей подъ той-же широтой какъ и Швейцарія, но неимѣющей ни теплаго Гольфъ-Стрема, ни Фена, вѣчные ледники доходятъ до моря.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытенъ атласъ мѣсячныхъ и годовыхъ изотермическихъ линій (линій равной температуры), изданный Дове въ 1864 году. Изотермы наглядно объясняютъ вліяніе теченій и топографическаго положенія страны на ея климатъ; взгляните напр. на табл. В., гдѣ представлены годовыя изотермическія линіи сѣвернаго полушарія. Линія средней температуры талшаго свѣга (0° изотермическая линія) въ восточной Азіи проходитъ ниже Амура, слѣдовательно около 48° сѣв. широты, а у западнаго берега Скандинавіи, согрѣваемаго теплымъ Гольфъ-Стремомъ, поднимается выше Нордъ-Капа, т. е. около 72° сѣв. широты, такъ что мелкіе сѣверные скандинавскіе острова имѣютъ одинаковую температуру съ берегами Амура, который лежитъ *двадцатью четырьмя* градусами южнѣе. Петербургъ и Христіанія лежатъ подъ одной широтой съ самой сѣверной частью Лабрадора и Гудсонова залива, по-

крытыхъ вѣчнымъ льдомъ; Филадельфія лежитъ южнѣе Мадрида и Неаполя.

По мѣрѣ какъ образовывались обширныя материки, климатъ ихъ терялъ характеръ ровнаго, умѣреннаго морскаго климата и дѣлался преимущественно материчнымъ, т. е. очень холоднымъ во время зимы, и жаркимъ во время лѣта. Высокія горы въ умѣренномъ поясѣ и большіе материки у полюсовъ способствовали накопленію вѣчнаго снѣга и льда, которые охлаждають сосѣднія страны и значительно измѣняютъ ихъ климатъ; сверхъ того, высокія горы измѣняютъ температуру и другимъ образомъ, задерживая, какъ напр. Альпы, теплый вѣтеръ для Германіи, и холодный для сѣверной Италіи.

Но, разнообразя такимъ образомъ земную поверхность, а слѣдовательно и климатическія и другія условія органической жизни, геологическія перемены производили этимъ самымъ уже постоянное измѣненіе, и слѣдовательно разнообразіе и совершенствованіе типовъ растительнаго и животнаго царствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, органическая жизнь, совершенствуясь, постепенно обращалась, вслѣдствіе увеличенія и осушенія материковъ, изъ свойственной исключительно открытому морю жизни въ береговую и материковую; этотъ законъ, названный Бронномъ закономъ землестремительнаго развитія, чрезвычайно важенъ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ отчасти быть провѣренъ и въ настоящее время. Относительно такъ называемыхъ социальныхъ условій, т. е. взаимодѣйствія животныхъ и растений какъ однихъ на другія, такъ и между собою, послѣ Дарвина нечего сказать даже и Бронну, а такъ какъ наша публика хорошо знакома съ сочиненіемъ Дарвина, то объ этомъ говорить бесполезно.

Такимъ образомъ мы представили въ общемъ очеркъ постепенное измѣненіе внѣшнихъ условій существованія органическаго міра на землѣ; такъ какъ и самый органическій міръ измѣнялся, какъ извѣстно, въ параллель съ этимъ измѣненіемъ условій, то, очевидно, между этими двумя явленіями существуетъ нѣкоторая связь, которую Броннъ, на основаніи дальнѣйшихъ изслѣдованій, выразилъ такъ: органическая жизнь измѣнялась въ различные геологическіе періоды, примѣняясь къ внѣшнимъ условіямъ существованія. Это составляетъ его первый основной законъ,—законъ примѣненія къ внѣшнимъ условіямъ жизни. Второй основной законъ его, — законъ самостоятельнаго развитія и усовершенствованія органической жизни, — состоитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, органическій міръ, вслѣдствіе особой творящей и развивающей силы, совершенствуется самъ собою; на этомъ основаніи Броннъ полагалъ, что хотя въ

концѣ каждаго геологическаго періода и не было непремѣнно катаклизма, уничтожавшаго все живое, но тѣмъ не менѣе всё, или почти всё формы, свойственныя уже прошедшему періоду, *вымирали, уничтожались, сменялись* постепенно новыми, свойственными наступившему періоду, но не *обращались* въ нихъ медленнымъ измѣненіемъ, и что съ ихъ уничтоженіемъ новыя *создавались*;—надо замѣтить, что слово «созданіе» на языкѣ естественныхъ наукъ, по крайней мѣрѣ, у многихъ, вовсе не выражаетъ появленія новаго существа вслѣдствіе непосредственнаго и произвольнаго дѣйствія высшихъ силъ, а просто неизвѣстный намъ методъ происхожденія. Мнѣніе это, которое защищаетъ въ данномъ случаѣ Броннъ, было господствующимъ до появленія книги Дарвина. Вслѣдствіи отъ него отказался самъ Броннъ, и потому приводить этого закона нѣтъ никакой надобности. Притомъ самостоятельное развитіе и совершенствованіе органическихъ существъ составляетъ вопросъ чрезвычайно сложный и крайне спорный; рѣшить его при настоящемъ состояніи сравнительной анатоміи, палеонтологіи и эмбриологіи нѣтъ никакой возможности. Вопросъ этотъ разбивается на множество частныхъ вопросовъ, столь же неразрѣшимыхъ,—вопросъ о числѣ типовъ, о ихъ сравнительномъ достоинствѣ и высотѣ въ системѣ, вопросъ о связи типовъ и переходѣ ихъ одинъ въ другой (замкнутость или взаимная связанность типовъ), принципы развитія каждаго типа отдѣльно (слѣдуютъ-ли все типы въ своемъ развитіи и совершенствованіи одному и тому же закону, или каждый типъ имѣетъ свой самостоятельный законъ)—все это, какъ мы сказали, составляетъ неразрѣшимые пока вопросы. О нѣкоторыхъ изъ нихъ въ свое время спорили Жоффруа Сентъ-Илеръ и Кювье, послѣ Изидоръ Сентъ-Илеръ и Мильнъ Эдвардъ, — и до сихъ поръ не пришли ни къ чему положительному. Броннъ въ своихъ сочиненіяхъ «Geschichte der Natur», «Studien über Gestaltungsgesetze der Naturkörper überhaupt, und des organischen insbesondere» и др. не только высказался за раздѣльность типовъ и за различіе законовъ развитія каждаго типа, но даже много работалъ по этому вопросу, впоследствии же принялъ теорію Дарвина, которая совершенно противорѣчитъ его прежнимъ взглядамъ и потому лучше совершенно умолчать объ этомъ второмъ законѣ, тѣмъ болѣе, что и всё выводы изъ него, какъ доказано теперь, или ложны, или, по крайней мѣрѣ, спорны.

Въ добавокъ надо замѣтить, что Броннъ поставилъ этотъ законъ самостоятельнаго развитія какъ бы въ противоположность, въ извѣстный антагонизмъ съ первымъ закономъ. Не нѣсколько мѣся-

цевъ тому назадъ вышло сочиненіе, поднявшее именно этотъ вопросъ; взглядъ, высказанный въ немъ, такъ оригиналенъ, что, вѣроятно, не будетъ лишнимъ въ короткихъ словахъ передать его здѣсь.

Броннъ поставилъ два основныхъ закона, и даже допустилъ между ними нѣкоторый антагонизмъ (стр. 128), но единственно потому, что органическій міръ, мѣняясь съ каждымъ геологическимъ періодомъ, не только приспособляется къ новымъ условіямъ жизни, но сверхъ того поднимается систематически выше, совершенствуется вслѣдствіе собственнаго, внутренняго, свойственнаго ему стремленія къ совершенствованію. Фраза эта не только неясна, но она положительно невѣрна въ томъ смыслѣ, что говорить о какихъ-то прирожденныхъ органическому міру силахъ или постоянномъ вмѣшательствѣ творческой силы, значить прикрывать фразами простое незнаніе причинъ и условій развитія. Это напоминаетъ знаменитый отвѣтъ Каруса, когда его спрашивали, отчего всѣ яйца, изъ которыхъ развиваются животныя, до такой степени похожи между собою, что большею частью нѣтъ никакой возможности различить ихъ, между тѣмъ изъ cadaго выходитъ своеобразное существо, и никогда не можетъ быть ошибки; онъ отвѣчалъ, что въ яйцѣ уже заключается *идея* будущаго организма. Какъ вамъ нравится эта *идея*, заключенная въ яйцѣ! Этого даже не придумать и нашимъ почвенникамъ!

Тремо, извѣстный своими путешествіями и этнографическими работами по африканскимъ странамъ, поднялъ недавно снова этотъ вопросъ и, конечно, не разрѣшилъ его, потому что доказательства его часто слишкомъ слабы или односторонни, тѣмъ не менѣе показавъ, въ какомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, можно искать это рѣшеніе. Онъ говоритъ:

«Совершенствованіе существъ идетъ въ параллель съ степенью выработки почвы, на которой они живутъ, а почва вообще тѣмъ болѣе выработана, чѣмъ новѣе геологическая формація, къ которой она принадлежитъ».

Въ общемъ Тремо, конечно, правъ несомнѣнно; чѣмъ новѣе формація, тѣмъ совершеннѣе животныя, которыя на ней жили, но въ частностяхъ на эту теорію можно и должно сдѣлать очень много возраженій.

Главныя доказательства Тремо беретъ изъ географіи человѣческихъ расъ, слѣдовательно провѣряетъ свой законъ только на настоящемъ періодѣ. Законъ этотъ тоже высказанъ крайне отвлеченно, — въ немъ не показано, какая прямая, дѣйствительная связь

существуетъ между геологическимъ совершенствомъ почвы и систематическимъ совершенствомъ животныхъ; объяснять это химическимъ составомъ земли нельзя, потому что химическій составъ породъ, входящихъ въ разныя формаціи, часто совершенно одинаковъ. Крімъ того извѣстно, что географическое и топографическое положеніе страны, ея физическія условія, имѣютъ также огромное вліяніе на органическую жизнь. Но съ другой стороны надо помнить, что геологическія формаціи вовсе не смѣняли другъ друга разомъ и на всемъ земномъ шарѣ, но это совершалось мѣстно и постепенно, такъ что часто случалось, что рядомъ съ старой формаціей, которая, конечно, сохраняла прежнее свое положеніе, образовывалась новая, на которой органическій міръ принималъ уже другія формы; такимъ образомъ понятно, что различныя формы вымирали и уничтожались медленно, переходили въ слѣдующую формацію и постепенно измѣнялись въ ней, вслѣдствіе измѣненія условій жизни.

Здѣсь надо упомянуть о главномъ упрекѣ, который дѣлаютъ теоріи Дарвина, — именно упрекъ въ случайности. Дѣйствительно, нельзя не сознаться, что Дарвинъ придалъ всей природѣ, всему развитію органическаго міра исключительно случайный характеръ; — родился безкрылый жукъ — хорошо, онъ образуетъ новую расу, — не родился, обойдется дѣло и безъ него; рожденіе этого жука ничѣмъ не обусловлено, ничѣмъ не вызвано. Дарвинъ выходитъ уже изъ даннаго факта, — между всѣми крылатыми жуками на островѣ Мадерѣ есть одинъ безкрылый, — очевидно, что онъ имѣетъ больше шансовъ оставить многочисленное потомство, нежели всѣ остальные, а потомство это, скрещиваніемъ и естественнымъ подборомъ, образуетъ новую расу. Но тутъ-то и заключается, по мнѣнію Тремо, ошибка; если такой безкрылый жукъ и родился, — чему, собственно говоря, нѣтъ никакой причины, — или его надо считать уродомъ, а уроды, какъ извѣстно, имѣютъ только въ очень слабой степени способность размножаться, — то если всѣ условія жизни жуковъ не измѣнились въ очень значительной степени, то ему нѣтъ никакой причины быть основателемъ новаго вида; предположимъ даже, что онъ дѣйствительно оставилъ болѣе многочисленное потомство, — которое, надо замѣтить, наследуетъ его уродливое свойство уже въ меньшей степени, если вообще только наследуетъ его, — то скрещиваніе не усилитъ этихъ свойствъ и не передастъ ихъ потомству другихъ жуковъ, но, напротивъ, подведетъ ихъ подъ общую норму, и уродливое потомство возвратится къ первоначальному типу. Это видѣлъ и самъ Дарвинъ; когда ему дѣлали возраженіе, что въ Египтѣ животныя въ древнѣйшія времена имѣли совер-

шенно тѣ же формы, какъ и теперь, то онъ отвѣчалъ, что было бы гораздо удивительнѣе, если-бы дѣло было иначе; животнымъ нѣтъ причины мѣняться, *если условія страны остались тѣ же*, къ тому же и періодъ времени слишкомъ малъ, прибавилъ онъ, —но это послѣднее не имѣетъ большого значенія, нѣкоторыя животныя мѣнялись въ гораздо меньшее время.

«Вовзъемъ такъ называемую индо-европейскую расу, говорить Тремо, живущую въ Европѣ и отчасти въ Азій; мы увидимъ, что она сохраняетъ одинъ общій типъ только на одинаковыхъ почвахъ, съ различіемъ-же почвы и типы рѣзко мѣняются.

Расы чрезвычайно хороши на югѣ и западѣ Европы, въ Грузіи, Персіи, гдѣ земля, чрезвычайно разнообразная, представляетъ много самыхъ новѣйшихъ почвъ; въ Индіи, гдѣ почва новѣе, человѣкъ имѣетъ прекрасный типъ, но на полуостровѣ, на большихъ пространствахъ первичной почвы, напр. въ Ниджеріи, населеніе до того безобразно, что его прозвали обезьянами, между тѣмъ какъ юдѣ той-же широтой, около Бомбея, живетъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ народовъ міра. Персія, и въ древности еще славилась красотой жителей, между тѣмъ какъ курды, живущіе на первичной почвѣ, чрезвычайно безобразны. Венгерія, заселенная народомъ мангольскаго происхожденія, представляетъ одинъ изъ лучшихъ европейскихъ типовъ; лапландцы, занимавшіе прежде, вѣроятно, всю Скандинавію, которая состоитъ преимущественно изъ первичной почвы, составляютъ одинъ изъ самыхъ безобразныхъ народовъ; тоже надо сказать и объ ирландцахъ. Въ Австраліи берега, принадлежащіе къ древнѣйшимъ формациямъ, заселены племенами, занимающими самое низкое мѣсто въ ряду человѣческихъ расъ, между тѣмъ какъ во внутренности материка типъ значительно улучшается и облагораживается». Было-бы слишкомъ долго привести всѣ доказательства Тремо, и потому мы скажемъ только о двухъ главныхъ. Извѣстно, что Африка представляетъ странную смѣсь самыхъ разнообразныхъ типовъ; рядомъ съ арабскимъ типомъ можно встрѣтить самый уродливый негритянской; часто негры самой низшей расы составляютъ какъ-бы острова въ серединѣ другихъ племенъ, представляющихъ чистый арабскій типъ. Но если взять геологическую и этнографическую карты Африки, то нельзя не замѣтить, какъ рѣзко совпадаютъ границы племенъ съ границами различныхъ почвъ, а чѣмъ ниже типъ народа, тѣмъ древнѣе формация земли, на которой онъ живетъ.

Различіе расъ обыкновенно приписываютъ климату, говоря, что темнокожія расы живутъ ближе къ экватору, бѣлая ближе къ

полярнымъ кругамъ. Но Америка рѣзко противорѣчитъ этому: въ ней одна и та же индѣйская (мѣдно-красная) раса живетъ по длинной полосѣ, *идушей съ сѣвера на югъ* отъ англійскихъ владѣній до Патагоніи; остальные расы тоже живутъ полосами, параллельными этой, т. е. идущими съ сѣвера на югъ; замѣчательно, что главный хребетъ горъ, Кордильеры и Скалистыя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и различныя почвы идутъ также по этому направленію.

Тремо не придаетъ никакого значенія ни чертамъ лица, ни цвѣту кожи,—и то, и другое зависитъ исключительно, по его мнѣнію, отъ геологическаго строенія почвы. Если это подтвердится, то многія историческія теоріи происхожденія нѣкоторыхъ народовъ, основанныя на чертахъ лица, многія теоріи переселенія должны будутъ пасть, — и данныя для этихъ вопросовъ придется искать исключительно въ филологіи, въ сходствѣ и сродствѣ языковъ.

Вопросъ, поднятый Тремо, чрезвычайно важенъ, хотя доказательства, большею частью, довольно слабы и недостаточно обсуждены. Очень жаль также, что Тремо примѣчалъ тутъ разсужденія, совершенно не идущія къ дѣлу, такъ напр., что горные жители хотя, большею частью, и составляютъ низшую расу и по внѣшнимъ признакамъ, и по умственнымъ способностямъ, но зато имѣютъ другія добродѣтели,—гостепріимство, добродушіе, честность, и что оны, Тремо, ихъ очень любятъ, что государственныя границы должны сообразоваться съ геологическими, и т. д.

Для русской публики будетъ, можетъ быть, лестно узнать, что Тремо въ своей книгѣ много занимается Россіей, и старается доказать, что ея низкое, по его словамъ, политическое и умственное развитіе зависитъ отъ неспособности и тупости великорусской расы. И дѣйствительно, чего можно ждать отъ народа, живущаго на триаской, юрской, пермской и даже силурійской формаціяхъ! Если это справедливо, то для дальнѣйшаго развитія Россіи придется ждать, пока не усовершенствуется почва, т. е. пока не образуется новая геологическая формація. Гг. Аксаковъ и Катковъ, кажется, и не желаютъ раньше нашего соціальнаго усовершенствованія!

И такъ Тремо связалъ, или лучше сказать, указалъ, какъ должно связать два основныхъ закона, выведенные Бронномъ, такъ что второй законъ сведется совершенно на простое слѣдствіе перваго; поэтому мы оставимъ его въ сторонѣ и прямо перейдемъ къ дѣйствию основнаго закона, т. е. къ второстепеннымъ, частнымъ законамъ, которые составляютъ простое слѣдствіе первоначальнаго, общаго, и могутъ быть выведены а priori изъ исторіи образованія земной коры.

«Земная кора составляет большую книгу, говорит Броннъ; слои ея — листья этой книги, окаменѣлости — буквы азбуки, которую она написала, а содержаніе есть исторія мірозданія, о которой намъ не можетъ рассказать ни одинъ очевидецъ. Но эти листы неполны, разорваны, перемѣшаны, стерты; мы должны привести ихъ въ порядокъ и дополнить недостающее; нѣкоторые промежутки можно возстановить снова изъ другихъ мѣстъ; объясненію представляется широкое поле, и открытіе новыхъ отрывковъ часто принуждаетъ просматривать и поправлять старыя вставки. Азбука, которою написана эта книга, долгое время была намъ неизвѣстна; ее стали разбирать и понимать только съ того времени, какъ обратились къ современной природѣ, чтобъ отыскать ключъ; надо съ удивленіемъ замѣтить, что языкъ ея тотъ же, что и нашъ современный, что законы въ обѣихъ одинаковы, и что только буквы постепенно нѣсколько измѣнились. Авторъ этой книги заслуживаетъ самаго полного довѣрія, потому что онъ былъ современникомъ событий, описанныхъ имъ; онъ былъ строителемъ самой коры нашего земного шара, и книга составляетъ его автобіографію. Изъ нея мы почерпаемъ болѣе или менѣе полное свѣдѣніе о существахъ, жившихъ тогда, объ ихъ числѣ и организациі, о законахъ распредѣленія ихъ во времени и пространствѣ, о порядкѣ, въ которомъ они слѣдовали одни за другими, объ условіяхъ существованія, о происшествіяхъ, бывшихъ причиною ихъ уничтоженія, и даже о величинѣ и положеніи земель и морей, равнинъ и горъ. Изъ нея узнаемъ мы также о составѣ воды и воздуха, о высотѣ температуры, распредѣленіи климатовъ въ различныхъ странахъ свѣта и о постепенномъ измѣненіи всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Очень часто даже эти организмы, отъ которыхъ мы находимъ только ископаемые остатки, доставляютъ намъ свѣдѣнія о другихъ, тоже существовавшихъ, но исчезнувшихъ безслѣдно. Едва-ли случилось хотя одно значительное событіе въ исторіи земной поверхности, о которомъ мы не узнали-бы по роду, состоянію, расположенію и смѣнѣ ископаемыхъ остатковъ; потому Кювье и назвалъ ихъ медалями мірозданія.»

Такъ начинается Броннъ свою книгу, и, дѣйствительно, методъ, который онъ употребилъ, чтобы доказать выведенные имъ законы, оправдываетъ эту, можетъ быть, нѣсколько смѣлую и слишкомъ уже поэтическую гиперболу.

I. Появленіе животныхъ и растений на земной поверхности.

Органическая жизнь обоихъ царствъ появилась на земной поверхности, но гдѣ, и какъ?—вотъ два вопроса, отвѣтъ на которые представляеть, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, непреодолимыя трудности.

Мы знаемъ, что какъ только отвердѣла земная кора, вода стала собираться въ океанъ, и давала осадочные пласты; очевидно, что въ этихъ пластахъ и надо искать первые признаки органической жизни. Но надо вспомнить при этомъ, что первое населеніе, по всей вѣроятности, состояло изъ голыхъ инфузорій и простѣйшихъ, одноплоточныхъ растений, остатки которыхъ не могли сохраниться, слѣдовательно, древнѣйшіе остатки, какіе мы только можемъ найти, не составляютъ еще *дѣйствительно* древнѣйшихъ, и органическая жизнь началась, вѣроятно, раньше того періода, о которомъ мы можемъ имѣть фактическія данныя.

Но даже помимо этого мы имѣемъ доказательства, что органическая жизнь началась очень рано, уже въ первыхъ осадочныхъ пластахъ; въ низшей системѣ кембрійской, очень бѣдной ископаемыми, найдена одна мшанка (низшая форма мягкотѣлыхъ, или моллюсковъ, по виду похожая на полиповъ); мшанки живутъ колоніями, какъ и каралловые полипы, каждая въ извѣстковой или роговой вѣточкѣ, сидящей на одномъ общемъ стволѣ; нѣсколько выше найдено уже нѣсколько лучистыхъ животныхъ и т. д.

Очевидно, что органическая жизнь не могла начаться съ такихъ, сравнительно высоко стоящихъ по организаціи животныхъ, но первоначальныя были такъ нѣжны, имѣли такъ мало твердыхъ частей, или эти части были такъ хрупки, что отъ нихъ не осталось никакихъ признаковъ. А ргіогі можно сказать, что жизнь началась раньше, а не съ этихъ формъ; дѣйствительно, въ новѣйшее время найдено нѣсколько корненожекъ (микроскопическія большею частью животныя, все тѣло которыхъ состоитъ изъ студенистой массы; изъ этой массы выходятъ въ случаѣ надобности нити, служація для движенія и схватыванія, а потомъ снова сливаются съ тѣломъ; большая часть изъ нихъ имѣеть пористую раковинку), между прочимъ въ Канадѣ, въ пластахъ, которые современны, если даже не древнѣе, такъ называемымъ азойскимъ (т. е. не заключающимъ животныхъ) образованіямъ въ Европѣ. И такъ, можно сказать, что органическая жизнь началась чрезвычайно рано, при первыхъ осадочныхъ пластахъ.

Какъ появились первые организмы? О разрѣшеніи этого вопроса въ настоящее время нельзя и думать, нова химія не сдѣлаетъ большихъ успѣховъ въ синтетическомъ анализѣ. Вопросъ о произвольномъ зарожденіи былъ поднимаемъ много разъ; въ послѣднее время къ старому защитнику его Пуше присоединились Жоли и Мюссе во Франціи, Монтегацци въ Италіи, — во Франціи, какъ извѣстно, между гетерогенистами и Пастѣромъ, главнымъ ихъ противникомъ, назначена была ученая дуэль, которая впрочемъ не состоялась. Споръ былъ веденъ обѣими сторонами до того недобросовѣстно, что не представилъ никакихъ результатовъ. Но если бы произвольное зарожденіе, такъ какъ его понимаютъ гетерогенисты, и было доказано, то вопросъ о первоначальномъ появленіи организмовъ нисколько не подвинулся бы впередъ. Жоли въ своей публичной лекціи еще разъ напомнилъ, что для произвольнаго зарожденія нужны органическіе остатки, т. е. для произведенія новаго организма нуженъ опять таки разрушающійся организмъ, — да первый то организмъ откуда взялся? спросить читатель, повторяя вопросъ г-жи Простаковой; на это набожные и добродѣтельные гетерогенисты отвѣчаютъ: «D'où vient le vent? d'où vient la rose? Tout vient de Dieu...» и ссылаются на святаго Августина.

Такъ какъ органическое вещество образуется изъ неорганическаго только растеніями, животныя же не могутъ питаться непосредственно неорганическими соединеніями, то по всей вѣроятности растенія появились раньше животныхъ, это, впрочемъ, можно сказать уже а priori, по крайней мѣрѣ, относительно микроскопическихъ водорослей. Броннъ думалъ, что оба царства должны были появиться одновременно, чтобы поддерживать постоянно одинъ и тотъ же составъ атмосферы, но это соображеніе не имѣетъ никакого значенія, въ чемъ сознается и самъ Броннъ. Во-первыхъ, при появленіи органической жизни на землѣ, и даже въ позднѣйшіе геологическіе періоды, атмосфера заключала такъ много углекислоты, что не было никакой надобности въ животныхъ, которыя производятъ ее дыханіемъ, а во-вторыхъ, мы и до настоящаго времени рѣшительно не можемъ сказать, производятъ-ли животныя именно столько, или болѣе, или менѣе того количества углекислоты, которое потребляется растеніями.

Затѣмъ остается еще вопросъ, — при какой температурѣ появилась органическая жизнь? Мы уже говорили, что органическіе остатки находятся въ самыхъ древнѣйшихъ осадочныхъ слояхъ, такъ что можно заключить, что органическая жизнь началась вскорѣ послѣ того, какъ вода перешла въ жидкое состояніе и стала собираться

на поверхность земного шара. Но отсюда нельзя заключать, что температура въ это время была очень высокая, — известно, что камни и земля — очень плохіе проводники теплоты; такъ, напримѣръ, по лавѣ можно ходить очень скоро, послѣ того какъ она покрывается корой, хотя сквозь сважины видна еще накаленная внутренняя масса; точно также массы льда и снѣга, покрытыя небольшимъ слоемъ пепла и земли, не таятъ на вершинахъ вулкановъ, несмотря на текущую около лаву. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что первоначальная температура хотя и значительно, но не очень, превышала нынѣшнюю тропическую; внутренняя теплота проявлялась главнымъ образомъ въ *однообразно*-высокой температурѣ всей поверхности земного шара, нежели въ чрезвычайно-высокой мѣстной. Сверхъ того Эли-де-Бомонъ доказалъ, что внутренняя теплота могла долгое время поддерживать такую однообразную температуру, не дѣлая ее значительно выше *мнѣшней* тропической, потому что 1) въ началѣ на полюсахъ не было еще льдовъ, которые постепенно накопились впоследствии; 2) температура полярныхъ морей была гораздо *однообразнѣе* на разныхъ глубинахъ; никогда поверхность ея не могла охладиться значительно болѣе всей массы воды; тотчасъ-же послѣ заката солнца съ теплаго моря поднимался туманъ и такимъ образомъ задерживалъ лучистое истеченіе теплоты; 3) въ то время, когда поверхность была теплѣе, температура увеличивалась гораздо быстрѣе на различныхъ глубинахъ, нежели теперь; всѣ ручьи выходили горячими и своими парами задерживали истеченіе теплоты по ночамъ и зимою, и такимъ образомъ не допускали полярныхъ странъ до такого охлажденія, какъ теперь.

Посмотримъ теперь, какую температуру въ водѣ могутъ выдерживать животныя и растенія въ настоящее время?

Организмы не могутъ существовать въ кипящей водѣ, поэтому надо думать, что земная кора охладилась тогда на столько, что температура воды была ниже кипѣнія.

Извѣстно, что растительность въ тропическихъ странахъ достигаетъ гигантскихъ размѣровъ; растенія, растущія на сушѣ, прекрасно выдерживаютъ среднюю температуру $+ 20^{\circ}$ по Цельсію, т. е. такую, которая иногда возвышается до $+ 40^{\circ}$ и $+ 46^{\circ}$, если только почва имѣетъ достаточно влажности. Среди этой растительности живетъ множество самыхъ различныхъ животныхъ, обитающихъ на сушѣ. Въ настоящее время температура рѣдко поднимается выше въ мѣстахъ, покрытыхъ растительностью, что впрочемъ не доказываетъ, что потому они не имѣютъ растительности, что температура такъ высока. Рюннель рассказываетъ о гораздо болѣе высокой

температурѣ въ одной болотистой долинѣ въ Абиссиніи. Долина эта лежитъ между двумя кряжами горъ, параллельными Красному морю, такъ что она открыта съ сѣвера и юга, гдѣ переходитъ въ песчанья пустыни. Очевидно, что единственные вѣтры, сѣверный и южный, которые могутъ проникнуть въ эту долину, должны сильно нагрѣваться, проходя надъ накаленнымъ пескомъ. Долина покрыта между прочимъ гигантскими папоротниками и населена змѣями и другими пресмыкающимися, — т. е. именно тѣми классами животныхъ и растений, которые были господствующими въ первоначальные періоды. Въ степяхъ нѣтъ растительности не вслѣдствіе высокой температуры, а по недостатку влажности въ почвѣ и въ воздухѣ.

Нѣкоторые особенно любопытные примѣры представляютъ намъ водные бассейны, находящіеся по близости вулкановъ, и горячіе ключи. Нитчатки могутъ выдерживать и расти въ горячей водѣ при $+40^{\circ}$ — 70° по Цельсію, *ulva thermalis* растетъ даже въ Албанскихъ ключахъ, гдѣ вода имѣетъ 85° по Цельсію. Барроу видѣлъ ликоподіи, растущія въ водѣ при $+85^{\circ}$ по Цельсію на островѣ Амстердамѣ, а на Маниллѣ у горячаго ключа есть растенія, корни которыхъ опустили въ горячую воду температуры тоже 85° ; мхи и травы растутъ на землѣ, нагрѣтой до 50° — 70° по Цельсію.

Такимъ образомъ могли существовать изъ растеній мхи, травы, нитчатки уже при 85° , и животныя, не только низшія, но даже и рыбы, при 70° ; изъ животныхъ, водящихся на сушѣ, могли существовать пресмыкающіяся, живущія и теперь преимущественно въ жаркомъ климатѣ.

И такъ, видя съ одной стороны, что органическая жизнь началась въ водѣ и что животныя и растенія могутъ жить при 80° по Цельсію, а съ другой, что азойскіе слои сравнительно малы, слѣдов. и время ихъ образованія было коротко, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что органическая жизнь началась очень рано, когда температура была градусовъ на 20, можетъ быть, выше нынѣшней тропической, но что первоначальные организмы принадлежали къ низшимъ формамъ обоихъ царствъ, и что болѣе высокіе появились только при дальнѣйшемъ охлажденіи земной поверхности.

II. ОБЩЕЕ И ПОСТОЯННОЕ ИЗМѢНЕНІЕ ОРГАНИЧЕСКАГО МІРА.

А) Органическій міръ имѣетъ въ началѣ во всѣхъ поясахъ односторонній экваторіальный характеръ.

В) Органическій міръ проявлялся соотвѣтственно поясамъ и потерялъ характеръ во всѣхъ тропическихъ странахъ предвѣдннй экваторіальный характеръ.

Мы уже видѣли, что въ началѣ температура была высока и одинакова для всей поверхности земного шара, слѣдоват., физическія условія всѣхъ поясовъ соотвѣтствовали болѣе всего нынѣшнимъ экваторіальнымъ; затѣмъ мы видѣли, что при этой температурѣ и при этихъ условіяхъ появилась органическая жизнь на землѣ; сверхъ того мы знаемъ также, что равномерная въ началѣ температура, постепенно понижаясь, произвела уже различіе въ поясахъ; на основаніи закона примѣненія къ вышнимъ условіямъ органической міръ долженъ былъ имѣть въ началѣ вездѣ на поверхности земного шара одинаковой экваторіальный характеръ и постепенно принимать климатическія различія; если факты подтверждаютъ это, то нельзя будетъ сомнѣваться въ справедливости сдѣланныхъ положеній. И такъ обратимся къ фактамъ, которые должны доказать это:

- 1) Первоначальное населеніе земной поверхности было одинаково во всѣхъ странахъ и поясахъ.
- 2) Оно постепенно измѣнялось соотвѣтственно поясамъ.
- 3) Первоначальный характеръ его былъ преимущественно экваторіальный.

Первоначальная фауна силурійской почвы изслѣдована главнымъ образомъ въ Богеміи, Швеціи, на Британскихъ островахъ, у Верхняго озера (между Соединенными штатами и Канадой), въ штатахъ Манезота и Висконсинъ (тоже у Верхняго озера), у Нью-Йорка и въ Техасѣ (Петербургская не изслѣдовала достаточно). Мѣстности эти представляютъ слѣдующія географическія положенія: Богемія 33° в. д., 50° сѣв. ш., Швеція 31° в. д., 60° с. ш., Британскіе острова 10° — 14° в. д., 53° с. ш., Верхнее озеро 70° зап. долг., 47 с. ш. Минезота и Висконсинъ 76° запад. долг., 42° с. ш., Нью-Йоркъ 57° з. д., 42° с. ш., Техасъ 78° з. д., 30° с. ш. Отсюда видно, что фауна эта была изслѣдована на полосѣ, занимающей въ долготу *сто одиннадцать* градусовъ, и *тридцать* въ широту; очевидно, что если эта фауна раздѣлилась уже по поясамъ и климатамъ, то это раздѣленіе должно выразиться замѣтно на такомъ протяженіи. Между тѣмъ мы видимъ напротивъ, что фауна представляетъ во всѣхъ этихъ странахъ, лежащихъ такъ далеко одна отъ другой, не только одинъ и тотъ-же характеръ, но часто даже одни и тѣ-же виды. Вся она состоитъ изъ 8 семействъ шести классовъ; главное изъ этихъ семействъ есть несомнѣнно семейство трилобитовъ, не имѣющихъ ни одного представителя въ современной фаунѣ. Но противъ общности характера въ этомъ случаѣ можно возразить, что полоса первоначальной фауны недостаточно широка, чтобы можно было сдѣлать достовѣрное заключеніе; поэтому возьмемъ все силу

рийское население, изслѣдованное уже на гораздо болѣе широкой полосѣ. Всего извѣстнѣе силурійская фауна, конечно, въ Европѣ, и затѣмъ въ сѣверной Америкѣ.

Большая часть родовъ обща обоимъ материкамъ, а принадлежащія исключительно Америкѣ отличаются отъ европейскихъ не болѣе того, какъ отличаются русскіе отъ богемскихъ; притомъ надо помнить, что опредѣленія сдѣланы очень несовершенно, по небольшимъ остаткамъ, и несомнѣнно можно сказать, что очень многіе изъ этихъ родовъ одинаковы, и только вслѣдствіе недостаточнаго опредѣленія извѣстны подъ различными названіями. Д'Орбиньи доказалъ, что многія южно-американскія формы совершенно идентичны съ европейскими, такъ что изъ 350 видовъ едва-ли есть пятьдесятъ, которые отличаются сколько нибудь отъ европейскихъ, но и они не составляютъ особыхъ семействъ, и слѣдовательно, указываютъ скорѣе на топографическое, нежели на климатическое различіе. Остатки, найденные въ Португаліи, показали совершенную одинаковость ея фауны съ фауною Швеціи. Корабли, возвращающіеся изъ полярныхъ экспедицій, привозили съ собой въ видѣ балласта камни, взятые у Баффиновой бухты и Мельвилева острова (75—76° с. ш.); остатки, найденные въ этихъ камняхъ, показываютъ, что фауна подъ этими широтами, гдѣ теперь лежитъ вѣчный снѣгъ, была совершенно одинакова съ европейскою и слѣдовательно, южно-американскою, въ особенности замѣтно это на такъ называемыхъ общественныхъ кораллахъ, т. е. полипахъ, живущихъ колоніями и строящихъ каралловыя скалы; современные полипы, соотвѣтствующіе этимъ, живутъ въ настоящее время только въ тропическихъ странахъ.

Какъ ни мало сдѣлано въ палеонтологическомъ отношеніи въ южной Америкѣ, Азій, Африкѣ и Австраліи, но и найденныя тамъ ископаемыя показываютъ, что первоначальная фауна этихъ странъ, была совершенно одинакова съ европейскою. Тропическая часть южной Америки, Армения, Гималай, Мысъ Доброй Надежды и Новая Голландія представляютъ одни и тѣже не только семейства и роды, но даже виды, какъ и въ Европѣ. Такая одинаковость фауны подъ всѣми широтами, очевидно, указываетъ на одинаковость физическихъ условий. Силурійская фауна раздѣляется, какъ извѣстно на двѣ различныя фауны, на нижнюю, древнѣйшую, и верхнюю; обѣ онѣ не представляютъ еще ни одного позвоночнаго животнаго.

Слѣдующая затѣмъ девонская фауна составляетъ продолженіе силурійской; она относится также къ верхней силурійской, какъ та къ нижней. Фауна эта изслѣдована на довольно широкомъ про-

странствѣ земного шара, и потому представляетъ поле, довольно обширное для сравненія. Она не только вездѣ одинакова, но даже нельзя замѣтить никакой разницы между экваторіальной, южною и сѣвornoю ея частями. Кавказъ, Испанія и средній Европа представляютъ одни и тѣже типическіе остатки; почти всѣ европейскіе и американскіе виды идентичны, или, по крайней мѣрѣ, поразительно похожи. Все это очевидно доказываетъ, что фауна не раздѣлилась еще на поясы.

Раздѣленія на поясы не было еще, повидимому, и въ каменноугольной формации; здѣсь, по крайней мѣрѣ, хотя встрѣчается иногда нѣкоторое несходство видовъ, преимущественно растений; но различіе это, вѣроятно, не было еще очень значительно, потому что число одинаковыхъ видовъ, особенно животныхъ, чрезвычайно велико. Растенія этого періода мало изслѣдованы внѣ Европы и Соединенныхъ Штатовъ; въ этихъ же странахъ почти всѣ виды общи, остальные страны представляютъ тоже много общихъ видовъ съ Европою, но найдено три или четыре рода въ Остѣ-Индіи и Австраліи, не встрѣчающихся въ Европѣ и сѣвornoй Америкѣ, впрочемъ въ этомъ еще много спорнаго; во всякомъ случаѣ, нѣтъ еще никакихъ признаковъ раздѣленія на поясы.

Триасская формация такъ бѣдна ископаемыми, что сравненіе невозможно, а потому надо перейти къ юрской. Юрская формация извѣстна во всей Европѣ отъ Испаніи до Оренбурга, отъ Англій до Неаполя, въ Азій у Гималая на 13,000—17,000' надъ поверхностью моря и въ низменностяхъ Куча, и въ двухъ мѣстахъ въ Америкѣ, у Аляски и въ Чили; ископаемыя этой формации и другихъ мѣстъ не описаны еще достаточно, чтобы возможны были сравненія.

Фауна мезозойскаго періода уже значительно отличается отъ палеозойской.

Общихъ родовъ и видовъ еще чрезвычайно много, хотя, можетъ быть, уже не столько, какъ въ предыдущіе періоды; такъ, напр., изъ 36 американскихъ видовъ только 20 встрѣчаются въ Европѣ; таково-же отношеніе (нѣсколько болѣе $\frac{1}{2}$) и для остѣ-индскихъ и гималайскихъ видовъ; но тѣмъ не менѣе и въ этой формации образіе фауны еще замѣчательно, вездѣ встрѣчаются, если не одинаковыя виды, какъ въ первоначальныхъ періодахъ, то одинаковыя роды, и нигдѣ не видно особахъ, новыхъ формъ.

Что же касается до меловой формации, то фауна этого періода, составляетъ тѣмъ общій продолженіе, предыдущей, аммониты и белезиты попрежнему характеризуютъ ее, но рыбы уже прибли-

жаются къ нынѣшнимъ; классъ земноводныхъ тоже составляетъ смѣсь прежнихъ типовъ съ новыми, принадлежащими уже къ нынѣшнимъ семействамъ.

Найденные въ Дагестанѣ 23 вида всѣ идентичны съ европейскими; изъ 191 остъ-индскаго вида рыбъ и безпозвоночныхъ 14—15 оказались тоже идентичными съ европейскими; изъ 38 видовъ изъ Колумбін и Чили 6 европейскихъ; изъ 128 тѣхасскихъ видовъ 14 идентичны и 12 сходны съ европейскими; изъ найденныхъ въ Нью-Жерсей 16 позвоночныхъ около половины, а изъ 100 безпозвоночныхъ 17 европейскіе.

Отсюда видно, что здѣсь является уже нѣкоторое различіе фауны по поясамъ и мѣстностямъ, но оно еще чрезвычайно слабо и, можетъ быть, происходитъ отъ недостаточности свѣдѣній; многие виды еще чрезвычайно распространены, что показываетъ, что климатическія условія были одинаковы, или, по крайней мѣрѣ, мало различались, и раздѣленіе по поясамъ происходило чрезвычайно медленно и постепенно, и даже въ этотъ періодъ едва ли было замѣтно. Первая почва третичной формаціи, соленовая, известна почти исключительно только въ Европѣ и ближайшихъ къ ней частяхъ Африки, Азии и Сѣверной Америки. Въ Европѣ она встрѣчается преимущественно въ южной Англій, многихъ частяхъ Франціи и Бельгіи; въ главной и западной цѣляхъ Альповъ (какъ нумулитовая формація); въ этой-же формѣ находится она въ сѣверной Африкѣ, въ Алжирѣ и въ Египтѣ, затѣмъ въ Малой Азии и у Гималая, такъ что образуетъ длинную полосу между 28° и 52° сѣв. шир.; въ Америкѣ ископаемая этой формаціи найдены въ Штатѣ Миссури, въ Калифорніи, въ Южной Америкѣ.

Здѣсь уже рѣдко встрѣчаются семейства, не имѣющія представителей въ нынѣшней фаунѣ; наконецъ являются птицы и млекопитающія. Такимъ образомъ чѣмъ дальше восходимъ, тѣмъ больше видимъ разнообразіе, которое уже рѣзко обозначается въ миоценовыхъ и пліоценовыхъ формаціяхъ.

Общихъ видовъ встрѣчается здѣсь чрезвычайно мало, такъ напр. средняя и южная Европа имѣетъ общихъ съ средней и южной частью сѣверной Америки только 17 мягкотѣлыхъ, т. е. менѣе $\frac{1}{2}\%$ всѣхъ своихъ видовъ; это обстоятельство тѣмъ замѣчательнѣе, что обѣ страны лежатъ почти подъ одною и тою-же широтой, составляютъ берега одного и того-же океана, и въ сѣверныхъ своихъ частяхъ представляютъ уже много общихъ видовъ; въ Европѣ и Сень-Доминго, разница между широтами которыхъ гораздо значительнѣе, не найдется двухъ несомнѣнныхъ общихъ видовъ; такъ

же замѣчается уже различіе между среднею Европою и берегами Средиземнаго моря, а въ Америкѣ между Соединенными Штатами и Сентъ-Доминго; сверхъ того ни одна изъ этихъ странъ не имѣетъ общихъ видовъ съ южной Америкой, а въ этой послѣдней раковины, встрѣчающіяся на западномъ берегу, не встрѣчаются на восточномъ. Въ флорѣ Европы и Вестъ-Индіи, а также и Египта, тоже видно чрезвычайно большое различіе.

Болѣе всего изъ этого періода извѣстны намъ млекопитающія; лошади, носорогъ и слонъ были распространены гораздо больше, нежели теперь, и жили даже въ Америкѣ, мамонтъ и *Rhin tichorhinus* жили отъ западнаго конца Европы и отъ Средиземнаго моря до крайнихъ частей Сибири и даже въ сѣверо-западной Америкѣ; но внѣ этого каждый материкъ имѣетъ свою фауну, Европа и Азія главнымъ образомъ большихъ толстокожихъ и плотоядныхъ, южная Америка беззубыхъ, Новая Голландія сумчатыхъ. Ни въ одинъ изъ предыдущихъ періодовъ не было такого характеристическаго различія фаунъ; прежде большая часть видовъ была общая всѣмъ странамъ, теперь же каждая страна имѣетъ не только свои семейства, но даже отряды; тоже самое, вѣроятно, мы нашли бы и въ растеніяхъ, насѣкомыхъ и третичнаго періода, если бы они были извѣстны лучше.

И такъ мы видимъ, что 1) виды и роды въ началѣ имѣли чрезвычайно большое географическое распространеніе, что невозможно было бы при климатическихъ различіяхъ поясовъ; 2) климатическое различіе поясовъ установилось значительно позже; 3) оно замѣтно только съ начала юрскаго или даже третичнаго періода; 4) оно происходило чрезвычайно медленно и постепенно.

Далѣе на основаніи изслѣдованій Бронна, Гённерта, д'Орбиньи и др. можно сдѣлать приблизительный общій выводъ, что растенія и животныя, принадлежащія къ древнѣйшимъ палеозойскимъ формациямъ, болшею частью исчезли уже совершенно, и небольшое число существующихъ еще живутъ или исключительно въ тропическомъ поясѣ, или распространены повсемѣстно. Чѣмъ новѣе формация, тѣмъ меньше заключаетъ она вымершихъ уже организмовъ, и тѣмъ болше такихъ, которые живутъ еще и въ настоящее время. Въ началѣ третичнаго періода большая часть классовъ представляла нынѣшніе или тропическіе, или повсемѣстно распространенные роды; организмы, свойственные умереннымъ поясамъ, появляются только въ самыхъ сѣверныхъ плiocеновыхъ, дилувіальныхъ и аллувіальныхъ образованіяхъ.

И такъ мы можемъ уже по аналогіи считать весьма вѣроятнымъ

что первоначальные вымершие виды жили при очень высокой температуре, и что они исчезли или переродились въ другіе именно вслѣдствіе ея пониженія, такъ какъ охлажденіе земли было, какъ кажется, главною причиною геологическихъ измѣненій.

Броннъ, выходя изъ общепринятаго и несомнѣннаго, какъ казалось до Дарвина, закона неизмѣнимости видовъ, принимаетъ, что въ теченіи всего времени образованія нынѣшней земной коры 30—32 раза происходила полная (или почти полная, такъ какъ нѣкоторые виды переходили въ слѣдующую формацію) смѣна всего растительнаго и животнаго міра, т. е. что всѣ прежніе виды вымирали, исчезали, и ихъ мѣсто занимали новыя, часто чрезвычайно похожіе на старыя, но эта смѣна происходила не разомъ, не катаклизмами; напротивъ того, виды и уничтожались, и возникали очень медленно, и притомъ законъ появленія и развитія фауны и флоры постоянно оставался одинъ и тотъ-же, такъ что каждая послѣдующая формація составляла какъ бы продолженіе предыдущей. Казалось-бы, что уже этихъ положеній достаточно, чтобы хотя допустить въ теоріи возможность измѣненія видовъ и переходъ ихъ изъ одного въ другой; это предположеніе составляетъ какъ-бы естественный выводъ изъ постепенности этого измѣненія: но Броннъ или не рѣшился на такое смѣлое предположеніе, или, можетъ быть, слишкомъ привыкъ вѣрить въ неизмѣнимость видовъ, и не сдѣлалъ вывода изъ собственныхъ своихъ изслѣдованій. Прежде принимали, что въ концѣ каждаго геологическаго періода наступать катаклизмъ, уничтожавшій все живое, и затѣмъ творящая сила создавала новую фауну и флору, которая въ свою очередь должна была погибнуть, а такихъ непосредственныхъ вмѣшательствъ творческой силы во время образованія земной коры считалось около тридцати двухъ! Теперь теорія катаклизмовъ совершенно оставлена, а 32 вмѣшательства творящей силы сохранились, и официальная наука держится за нихъ крѣпче прежняго. Броннъ нипогда бы не получилъ академической преміи, если-бы рѣшился высказать такое смѣлое предположеніе, сдѣлать такой расколъ въ наукѣ; надо впрочемъ сказать, что Броннъ никакъ не руководился этимъ соображеніемъ; онъ былъ глубоко убѣжденъ, онъ вѣрилъ, что видъ «скорѣе сломится, чѣмъ погнется», и, конечно, не Ламаркъ могъ убѣдить его въ противномъ. Убѣжденіе это высказывается безпрестанно, такъ напр. на стр. 228 онъ говоритъ:

«Мы не знаемъ никакой естественной силы, которая производила бы новыя виды или родоначальниковъ новыхъ видовъ; мы не знаемъ ни условій, съ которыми сопряжено или было сопряжено подобное

произведеніе, ни вещества, которому была бы свойственна такая сила. Мы знаемъ только, что существующія уже недѣлимые одного вида размножаются поколѣніями. Но каждое появленіе новыхъ видовъ вообще можетъ совершиться только непосредственнымъ вмѣшательствомъ Творца или какой нибудь особенной силы природы». Въ настоящее время, теорія измѣненія или перерожденія видовъ принимается все болѣе и болѣе; для полнаго торжества, ей нужны фактическія доказательства, которыя могутъ быть даны только опытомъ. Экспериментальная зоологія не существуетъ еще какъ положительная наука, но нѣкоторые факты доказываютъ уже, что она можетъ дать чрезвычайно важные результаты, которые измѣнятъ, вѣроятно, многое и въ систематической зоологіи, и въ сравнительной анатоміи; такъ, напр., Шрейбергъ, не допуская лягушечныхъ головастиковъ показываться надъ водою, заставилъ ихъ расти, не теряя жабръ и хвоста, и такимъ образомъ, приблизилъ ихъ къ стоящимъ непосредственно ниже хвостистымъ гадамъ. Но такіе опыты, особенно нѣкоторые, требуютъ болѣею частью значительныхъ денежныхъ средствъ, которыми рѣдко располагаютъ ученые; академіи же, какъ напр. парижская, имѣющая большія средства, конечно, не только никогда не займутся сами этими вопросами, но постараются даже помѣшать другимъ, такъ какъ, въ этомъ случаѣ, полученные результаты могутъ не только измѣнить всю официальную и присяжную науку, но даже «низвергнуть существующій порядокъ вещей»; какъ парижская академія относится къ подобнымъ вопросамъ и въ людямъ, осмѣливающимся поднимать ихъ, можно было видѣть въ недавнемъ спорѣ о произвольномъ зарожденіи. Между тѣмъ, этимъ двумъ теоріямъ,—произвольнаго зарожденія и измѣняемости видовъ,—предстоитъ измѣнить многое въ наукѣ, и, вѣроятно, не въ одной наукѣ. Созданіе и развитіе органическаго міра войдетъ, наконецъ, въ рядъ естественныхъ явленій, подчиненныхъ обыкновеннымъ законамъ природы, и никакого вмѣшательства сверхъестественной, творящей силы не будетъ нужно; самая творящая сила сдѣлается «безполезной гипотезой», какъ говорилъ Лапласъ

Произвольное зарожденіе, въ настоящее время, еще далеко не доказано, на сколько, по крайней мѣрѣ, можно судить, такъ какъ весь споръ сошелъ на личныя обвиненія, а не на фактическія доказательства, — но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно сказать, что оно не представляетъ ничего невозможнаго и нелѣпаго. Одна дарвиновская теорія, безъ произвольнаго зарожденія, ничто, — потому что совершенно все равно, сколько разъ происходило сверхъестествен-

ное явленіе созданія; если оно могло произойти разъ, то нѣтъ причины предполагать, чтобы оно ограничилось однимъ разомъ; наконецъ, дарвиновская теорія только *удаляетъ* сверхъестественность, а не *уничтожаетъ* ее. Въ настоящее время, произвольное зарожденіе доказывается только на инфузоріяхъ, и притомъ преимущественно на низшихъ; если бы можно было доказать несомнѣнно, что органическая жизнь появилась первоначально на землѣ въ видѣ животныхъ и растительныхъ инфузорій, то такое совпаденіе было бы чрезвычайно многозначительно. Но инфузорія такъ мала, строеніе ихъ такъ нѣжно, что нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы онѣ могли сохраниться въ палеозойскихъ пластахъ, и потому, отсутствіе ихъ не можетъ быть доказательствомъ противъ того, что органическая жизнь началась ими.

Съ другой стороны, мы знаемъ, что протейное вещество, изъ котораго состоятъ инфузорія, по своимъ химическимъ и физическимъ свойствамъ, чрезвычайно близко съ саркодой, оживленнымъ веществомъ корненожекъ; можетъ быть даже, что амеба, простѣйшая корненожка, не имѣющая раковины, была родоначальницей, какъ инфузорій, такъ и корненожекъ. Въ пользу этого можно, конечно, привести не факты, а только слѣдующія соображенія.

Въ общемъ ходѣ появленія и развитія органическаго міра, мы видимъ, что онъ всегда шелъ отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ и совершеннымъ; слѣдовательно, по аналогіи, можно уже заключить, что первоначальное живое существо должно было быть самаго простѣйшаго строенія. Амеба состоитъ изъ простого комочка полужидкаго оживленнаго вещества, саркоды, безъ всякихъ органовъ, — очевидно, что это есть самая простая форма строенія, если только можно назвать это строеніемъ.

Затѣмъ, Мильнъ Эдвардсъ доказалъ, что объемъ, т. е. величина животнаго, зависитъ отчасти отъ его положенія въ системѣ, почти всѣ низшія формы меньше высшихъ, — конечно, въ одномъ и томъ же классѣ, и, дѣйствительно, большая масса, при одинаковомъ строеніи, предполагаетъ большую жизненную энергію, больше жизнениности, нежели маленькая; на этомъ основаніи должно предполагать, что первоначальныя формы жизни на землѣ были маленькія; — извѣстно, что амеба и инфузорія имѣютъ микроскопическіе размѣры.

Процессъ жизни тѣмъ совершеннѣе и полнѣе, чѣмъ на большее число второстепенныхъ процессовъ онъ раздѣляется; такъ напр. животное, живущее неподвижно внутри другого животнаго, и питающееся его соками, [всасывая ихъ всюю поверхностію тѣла, очевидно стоитъ ниже такого животнаго, которое имѣетъ ротъ, пищевапро-

водной каналъ, и, хотя приросло неподвижно къ одному мѣсту, по крайней мѣрѣ схватываетъ проходящую мимо добычу; — а это, въ свою очередь, ниже такого, которое имѣетъ органы движенія и пищеваренія и само отыскиваетъ себѣ пищу. Но чѣмъ разнообразнѣ процессы, сумма которыхъ составляетъ жизнь, тѣмъ многочисленнѣ и разнообразнѣ органы, служащіе для этихъ процессовъ; такимъ образомъ животное тѣмъ выше и совершеннѣе, чѣмъ раздѣльнѣе его органы и чѣмъ сложнѣе его жизненные процессы (раздѣленіе фивіологической работы, по выраженію Мильна Едвардса).

Такимъ образомъ, путемъ простаго разсужденія мы приходимъ къ заключенію, что первое живое существо должно было быть мало и не имѣть никакихъ органовъ, какъ нынѣшняя амеба. Посмотримъ теперь, какую форму должно было имѣть это существо, гдѣ оно жило и какъ совершенствовалось.

Такъ какъ оно не имѣло органовъ, то оно должно было питаться всасываніемъ; всасываніе, конечно, всего удобнѣе, и питательные соки легче проникаютъ во все тѣло, если это тѣло состоитъ изъ жидкаго или полужидкаго вещества. Но жидкое и полужидкое вещество, какъ извѣстно, стремится принять сферическую форму, т. е. форму шара, и такъ первое существо должно было быть шарообразно. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что маленькій полужидкій комочекъ оживленнаго вещества подвергался, несомнѣнно, многимъ вреднымъ вліяніямъ внѣшняго міра; вліяніе это тѣмъ менѣе, а слѣдовательно и опасность погибнуть, чѣмъ менѣе точекъ соприкосновенія существа съ окружающею его серединою, т. е. чѣмъ меньше его поверхность при одинаковой массѣ; но извѣстно, что шаръ именно и имѣетъ свойство представлять при большей массѣ наименьшую поверхность, слѣдовательно и геометрія подтверждаетъ предположеніе, что первое существо было шаровидно. Такую шаровидную форму имѣетъ амеба и нѣкоторыя инфузоріи. Срединна, въ которой жило это первоначальное существо, должна была быть равномерна, имѣть по возможности вездѣ одинаковую, не слишкомъ большую плотность, не представлять острыхъ и твердыхъ частей, и содержать пищу для этого существа въ жидкомъ растворѣ; понятно, что такія условія представляетъ только вода. И такъ, первоначальное существо должно было жить въ водѣ, какъ живутъ теперь инфузоріи и амебы. Первый шагъ къ совершенствованію долженъ былъ, естественно, заключаться въ огражденіи этого существа отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній; цѣль эта достигается, если тѣло его покроется болѣе или менѣе плотной оболоч-

кой, кожей, которая защитит его болѣе нѣжное внутреннее вещество; и такъ существо покрывается оболочкой, кожей, какъ теперь покрыты корненожки и инфузоріи. Оболочка эта можетъ остаться болѣе или менѣе плотной кожей, какъ у инфузоріи и нѣкоторыхъ корненожекъ, или сдѣлаться совершенно твердой отъ отлагающихся въ нее известковыхъ или кремнистыхъ частей, какъ у остальныхъ корненожекъ. Но кожа не допускаетъ уже прѣжняго питанія всасываніемъ, поэтому часть тѣла должна остаться непокрытой; но прикосновеніе къ этой части тѣла пищи слишкомъ мало для питанія, нужно, чтобы привасающаяся поверхность увеличилась, не уменьшая однако защищающей оболочки, остается, следовательно, только чтобы образовалась впадина, болѣе или менѣе длинная пустота внутри тѣла, открывающаяся наружу, т. е. чтобы явился ротъ и пищеварительный каналъ. Таковой именно ходъ развитія и усовершенствованія организма въ классѣ инфузорій. Эти аналогіи между тѣмъ, что *должно было быть* въ прошедшемъ, и что *дѣйствительно есть* въ настоящемъ, можно было-бы, конечно, провести очень далеко, но такъ какъ они составляютъ только вѣроятія, а не доказательства, то приводить дальнѣйшія было-бы бесполезно. Напомнимъ только открытіе, о которомъ уже было говорено выше,—именно, что въ Канадѣ въ азойской-почвѣ, т. е. самой древнѣйшей, которая еще не заключаетъ органическихъ остатковъ, Даусонъ нашелъ въ значительномъ количествѣ корненожку, названную *Eozoon canadense*. Открытіе это даетъ первое фактическое доказательство нашему предположенію, выведенному а priori; и такъ, теперь трудно сомнѣваться, что древнѣйшіе, дошедшіе до насъ остатки, принадлежатъ корненожкамъ; относительно ихъ мы сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе.

Извѣстно, что очень часто низшія животныя представляютъ поразительное сходство съ эмбриональными (зачаточными) состояніями высшихъ. Фактъ этотъ встрѣчается до того часто, что на немъ основали даже цѣлую теорію остановокъ развитія (*arrêts de développement*), теорію, которая смотритъ на все царство животныхъ, какъ на рядъ эмбрионическихъ формъ высшаго изъ нихъ человѣка, который былъ постепенно инфузоріей, червякомъ, малюскомъ, ракомъ, насекомымъ, рыбой, пресмыкающимся и т. д. Теорія эта ошибочна уже потому, что она смотритъ на все животное царство какъ на одну цѣпь, тогда какъ всѣ въ дѣйствительности различныя семейства, отряды и даже классы представляютъ, если можно такъ выразиться, боковое различіе, но тѣмъ не менѣе фактъ сходства и совпаденія остается несомнѣннымъ, но его не должно только слишкомъ обоб-

щать, и включать въ одну категорію позвоночныхъ напр. съ безпозвоночными.

Сходство это низшихъ формъ съ эмбрионическими состояніями высшихъ особенно часто замѣчается на низшихъ ступеняхъ классовъ, и преимущественно въ палеонтологіи. Агассицъ раздѣлилъ всю ископаемую фауну на четыре типа, изъ которыхъ одинъ онъ назвалъ эмбрионическимъ, именно потому, что онъ представляетъ этотъ характеръ сходства, т. е. что чѣмъ древнѣе животное, тѣмъ болѣе похоже оно на эмбриональное состояніе слѣдующаго, высшаго, которое представляется такимъ образомъ какъ бы доразвившимся при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ.

Но корненожки, имѣющія раковину, появляются на свѣтъ (не всѣ) безъ раковины, и тогда онѣ очень похожи на голыхъ, какъ напр. амеба и нѣкоторыя инфузоріи, которыя, такимъ образомъ, представляютъ эмбриональныя, недоразвившіяся состоянія корненожекъ, имѣющихъ раковину. Это даетъ уже причину думать, что голыя, представляя эмбриональный типъ, появились раньше, что еще разъ подтверждаетъ наше мнѣніе, что корненожка, по всей вѣроятности, была первымъ существомъ, явившимся въ ряду живыхъ организмовъ, покрывающихъ земной шаръ.

III. Личинки.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Образованіе человѣческаго характера. Переводъ съ англійскаго. Слб. 1865 года. Чтенія о воспитаніи. П. Юркевича. Изд. Чепелевскаго. М. 1865 года. О судѣ присяжныхъ, сочиненіе Гуэ-Глуэка, переводъ подѣ редакціей О. А. Филипова. О смертной казни, А. Бернера. перев. съ нѣмецк. подѣ ред. О. А. Филипова. Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ, соч. К. Ю. Миттермайера, перев. Д. Саранцова.

«Кто съ нами?» — этотъ вопросъ назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ былъ сдѣланъ однимъ изъ неутомимыхъ бойцовъ за человѣческое счастье, и остался безъ отвѣта среди огромнаго населенія Англій. Никто ни словомъ не откликнулся на призывъ человѣка, который болѣе двадцати лѣтъ своей жизни посвятилъ осуществленію реформы, долженствовавшей, по его мнѣнію, обновить полусгнившее зданіе стараго общественнаго устройства. «Я несу міру свѣтъ,» говорилъ онъ, нисколько не преувеличивая важности своего дѣла, но это былъ слишкомъ ранній свѣтъ, котораго не могло выносить большое зрѣніе современнаго поколѣнія. Человѣкъ этотъ былъ Овенъ, книгу котораго мы разбираемъ теперь, а реформа его состояла въ томъ, чтобы построить личное счастье каждаго на общественномъ благоденствіи, т. е. дать такое устройство обществу, чтобы всѣ и каждый пользовались одинаковымъ счастьемъ. «Пока большинство, говорилъ онъ, обращаясь къ привилегированнымъ классамъ Англій, — будетъ находиться на степени скотскаго состоянія, униженное, ограбленное и невѣжественное, вы не можете спать спокойно, по-

тому что каждая капля пота 12 миллионновъ бѣднаго населенія ложится на вашу совѣсть, требуетъ вашей отвѣтственности. Поэтому или возвратите ему его человѣческое состояніе или держите его еще въ худшемъ состояніи, если можно ниже всякаго животнаго отупѣнія» (A sketch of some of the errors and evils arising from the past and present state of society, p 6). Такъ какъ Овенъ полагалъ источникомъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій и золь бѣдность и невѣжество, то задача его распадалась на двѣ главныя части: во-первыхъ, онъ организовалъ рабочую ассоціацію, какъ зародышъ той будущей общеловѣческой ассоціаціи, которая, по его мнѣнію должна была преобразовать весь міръ и распространить матеріальное довольство между низшими слоями общества; во-вторыхъ, чтобы поднять нравственное состояніе массы, онъ составилъ планъ рациональнаго воспитанія, понимая это слово не въ томъ узкомъ и филистерскомъ значеніи, которое мы привыкли придавать ему, а въ самомъ широкомъ и гуманномъ смыслѣ,—какъ измѣненіе всѣхъ тѣхъ общественныхъ условій, которыя доселѣ мѣшали умственному и нравственному развитію массы.

Въ этомъ направленіи шелъ Овенъ цѣлую свою жизнь и, послѣ неудачъ его социальна-экономической реформы, когда рушились всѣ его надежды, онъ сосредоточилъ всю свою дѣятельность на воспитаніи англійскаго рабочаго сословія. Какъ мыслитель и практический дѣятель, онъ давалъ воспитанію чисто-активный характеръ, т. е. образованіе человѣка не для кабинетной правдой мысли, а для дѣйствительной жизни, которая требуетъ не одного ума, но и силы воли. Поэтому онъ назвалъ свою систему «Образованіемъ человѣческаго характера» и положилъ въ основаніе ея глубоко-реальную идею. Съ одной стороны, онъ хотѣлъ отстранить отъ воспитанія всю массу старыхъ предрассудковъ и суевѣрій, прививаемыхъ къ народу клерикальной партіей, которая можетъ держаться только до тѣхъ поръ, пока невѣжество не дастъ возможности открыть глаза на ея историческую роль; а съ другой стороны онъ требовалъ отъ школы развитія физическаго здоровья, какъ главнаго условія рациональнаго воспитанія, и привитія тѣхъ социальныхъ понятій и привычекъ, которыя необходимы при новомъ общественномъ устройствѣ. «Я убѣжденъ, говорилъ Овенъ, что пока воспитаніе будетъ построено на взаимной враждѣ людей другъ къ другу; пока религія вмѣсто примиренія будетъ поддерживать въ лицѣ кле-

рикального сословія антагонизмъ и лицемѣріе, общественная гармонія невозможна и всякая попытка создать ее останется тщетной. Моя система уничтожаетъ этотъ вѣчный и непрерывный дуализмъ, и потому я ожидаю отъ нея великихъ послѣдствій.»

Враги Овена нашли въ этой идеѣ случай обвинить его передъ всею Англіей въ атеистическихъ стремленіяхъ и въ желаніи испровергнуть конституцію. Теперь ясно для каждаго, насколько были правы и какими гнусными побужденіями руководствовались эти ханжи, которые, изгнавъ Овена изъ Нью-Ланарка, первымъ дѣломъ прибавили рабочимъ часовъ на мануфактурѣ и, закрывъ школу, уменьшили задѣльную плату. Все это было сдѣлано во имя той же христіанской религіи, за которую они позорили и преслѣдовали Овена. Но нашлись и доселѣ находятся такъ называемые либеральные люди, которымъ кажется, что система Овена, по самой своей сущности никуда не годится, потому что составляетъ плодъ разстроеннаго воображенія. Порѣшивъ такимъ образомъ, они провозгласили самого Овена честолюбивымъ мечтателемъ, искавшимъ только одной популярности и вниманія знаменитыхъ особъ. Но во-первыхъ, кто же изъ противниковъ Овена разобралъ его систему, какъ слѣдуетъ, и что тутъ мечтательнаго и зловреднаго, если человѣкъ желаетъ лучшаго будущаго своимъ ближнимъ? Онъ можетъ ошибаться въ практическомъ примѣненіи своей теоріи, но назвать ее мечтательною только потому, что она противорѣчила интересамъ мажоритарной партіи, было бы нелѣпо. Во-вторыхъ, Овенъ доказалъ на самомъ опытѣ, что реформа его не только была примѣнима въ дѣйствительной жизни, но и дала такіе блистательные результаты, какихъ онъ самъ не ожидалъ. Колонія его, состоявшая изъ 2000 рабочихъ, была радикально перевоспитана въ духъ его рациональной системы. Нравственное и матеріальное благосостояніе этой колоніи достигло такого высокаго уровня, что Нью-Ланаркъ и организаторъ его Овенъ обратили на себя всеобщее вниманіе. Самые враги принуждены были замолчать, разумѣется, до перваго удобнаго случая. Овенъ не замедлилъ подать его. Недовольный слишкомъ тѣсной сферой своей дѣятельности, онъ хотѣлъ распространить свою реформу на всю Англію и отсюда на весь міръ. Но для такого колоссальнаго плана нужны были громадныя средства; одинъ Овенъ, какъ онъ дѣйствовалъ до сихъ поръ, ничего не могъ бы сдѣлать, при всемъ его желаніи пожертвовать самою жизнью

ради успѣха своего предпріятія. Потому онъ рѣшился вступить въ открытую борьбу съ своими противниками и искалъ опоры въ лицахъ вліятельныхъ и сильныхъ. Онъ входилъ въ непосредственныя сношенія съ государственными людьми, съ министрами, съ членами парламента, писалъ письма и предлагалъ свои проекты коронованнымъ особамъ, — словомъ, не пренебрегалъ ни однимъ средствомъ, которое бы могло помочь его дѣлу. Онъ не унажался ни передъ кѣмъ, никому не льстилъ и никого не обманывалъ на счетъ своего плана, но хотѣлъ изъ самыхъ враговъ сдѣлать себѣ друзей и найти въ нихъ подспорье осуществленію реформы. Впослѣдствіи, когда всякое грязное насѣкомое счтается долгомъ укусыть павшаго бойца, это обстоятельство послужило поводомъ въ обвиненію Овена: его представляли какимъ-то искателемъ отличій и повровительствомъ сильныхъ этого міра, но я думаю, что въ этомъ-то и надо видѣть гуманнѣйшаго дѣятеля, какимъ былъ Овенъ. Для мыслящаго человѣка не можетъ быть болѣе тяжелой жертвы, какъ дѣлать уступки въ своихъ убѣжденіяхъ и стараться примирить ихъ съ образомъ мыслей противной стороны. Но Овенъ принесъ эту жертву въ пользу страстно-любимой имъ идеи, имѣя въ виду ея практическіе результаты. Для него была дорога его идея только въ томъ случаѣ, когда она прямо прилагалась къ счастью людей. Вотъ почему онъ и говорилъ: «кто съ нами?»; но та часть общества, въ пользу которой онъ работалъ, не могла идти за нимъ, потому что не понимала его стремленій, а та часть, которая понимала его, не держалась обѣими руками за свои милые предрассудки и привилегіи, старалась задушить его идею разсчитанной клеветой или молчаніемъ. И въ этомъ все несчастіе такихъ дѣятелей, какъ Овенъ. Какойнибудь шарлатанъ и бездѣльникъ Жозефъ Смитъ, полуграмотный мистикъ и больной энтузіастъ, выдумываетъ какуюнибудь нелѣпнѣйшую легенду, обставляетъ ее разными чудесными фокусами, прикидывается вдохновеннымъ пророчителемъ, увлекаетъ за собой десятки тысячъ бѣдной и невѣжественной толпы и основываетъ новую секту Мормоновъ. Толпа, конечно, тутъ ничѣмъ невиновата: она добросердечно принимаетъ фанатика и сумасброда за своего спасителя, вѣритъ его поддѣльному экстазу, его предсказаніямъ, его великой миссіи, его «новому Сіону», и, наэлектризованная этимъ фанатизмомъ, провозглашаетъ его основателемъ новой религіи. Никакіе доводы, никакія преслѣдованія не могутъ разубѣдить ее въ

томъ, что она обманута хитрымъ плутомъ; что его ученіе и обѣщанія новой жизни ничто иное, какъ плодъ его собственной фантазіи и своекорыстныхъ расчетовъ; она ничего не видитъ и ничего не хочетъ знать, кромѣ обѣтованныхъ ей благъ, какъ въ этой такъ и въ будущей жизни. Такимъ образомъ предпріятіе смѣлаго и энергическаго мошенника вполнѣ удалось, а плачь честнаго и благороднаго Овена рухнулъ. Тутъ вся разница въ томъ, что одинъ прямо дѣйствовалъ на воображеніе темной массы и потворствовалъ ей инстинктамъ, а другой долженъ былъ идти противъ этихъ инстинктовъ и дѣйствовать прямо на умъ.

Въ основаніи воспитательной системы Овена лежалъ принципъ полной гармоніи между общественною и индивидуальною жизнью человѣка. «Этотъ принципъ, говоритъ Овенъ, заключается въ стремленіи къ личному счастью и ясно показываетъ, что личнаго счастья можно достигнуть, только способствуя счастью всего общества». (Образов. челов. характера. Стр. 18). Дальше онъ говоритъ, что «съ математической точностію можно обставить человѣка такими условіями, которыя должны постепенно увеличивать его счастье». (стр. 25). Изъ этого социальнаго принципа вытекали всѣ мнѣнія Овена, и къ нему были направлены всѣ его практическія цѣли, такъ что утилитарная теорія была верховнымъ стимуломъ всей его дѣятельности. Основателемъ этой теоріи былъ не онъ, а Бентамъ, примѣнившій ее къ области юридическаго права, но Овенъ примѣнялъ ее гораздо шире, онъ строилъ на ней всю общественную организацію и проводилъ ее въ воспитаніе, считая его главнымъ органомъ социальной реформы. Въ этомъ его единственная и главная заслуга. Развивая свой принципъ логически, онъ естественно встрѣчался съ слѣдующимъ вопросомъ: «что мѣшало до сихъ поръ людямъ быть счастливыми? Отъ чего счастье составляетъ исключеніе, а страданія—общее правило»? Подобные вопросы такъ естественны и обыкновенны въ жизни человѣка, что, по видимому, задавать ихъ теоретически нѣтъ никакой надобности. Понятно, что съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ пачинаетъ себя чувствовать, онъ постоянно, въ силу своего личнаго эгоизма, стремится къ тому, чтобы быть счастливымъ. Только изуродованные или болѣзненные индивидуумы могутъ обрезать себя на добровольныя лишенія и страданія. Но извѣстнымъ образомъ настроенное воображеніе въ самыхъ страданіяхъ способно видѣть какое-то отдаленное и неосязаемое благополучіе. Факиръ, предава-

ясь систематическимъ мукамъ, дѣйствуетъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ личнаго эгоизма, покупая себѣ временнымъ самоотверженіемъ будущее счастье. Онъ убѣжденъ, что стояніе на одной ногѣ по нѣскольку часовъ въ сутки или умерщвленіе своей плоти подъ ударами бамбука откроетъ ему двери, ведущія прямо къ величайшему изъ благъ — вѣчному созерцанію Браммы. Такимъ образомъ представитъ себѣ человѣка, неруководимаго личнымъ эгоизмомъ во всѣхъ его намѣреніяхъ и поступкахъ то же самое, что представитъ себѣ живое существо, способное дышать безъ воздуха. Безсознательно и инстинктивно шло человѣчество къ осуществленію этого величайшаго принципа. Но дѣло въ томъ, что оно искало своего счастья такими длинными окольными путями, что каждый его шагъ впередъ стоилъ ему мучительнаго напряженія всѣхъ его силъ. А это потому, что не ему самому приходилось разрѣшать этотъ жизненный вопросъ о счастья; онъ разрѣшался за него тѣми, кто, подъ видомъ личныхъ интересовъ, выставлялъ общечеловѣческія и общественныя выгоды. Аскетъ говорилъ, что счастье человѣка заключается въ абсолютномъ отрицаніи всѣхъ земныхъ наслажденій, и по этой программѣ разыгрывалась историческая роль нѣсколькихъ милліоновъ людей; завоеватель увѣрялъ, что счастье народа невысказимо безъ того, чтобы онъ не жегъ и не грабилъ своего слабого сосѣда, и безответныя толпы жгли и грабили, убѣжденные, что онѣ дѣйствительно достигаютъ этимъ своего собственнаго счастья. Въ такомъ видѣ и съ такими варіаціями слагалась вся прошлая жизнь народовъ, и вопросъ, предложенный Овеномъ, не смотря на его глубокую давность, остается вопросомъ новымъ и неразрѣшеннымъ для современнаго поколѣнія. А между тѣмъ, для мыслящаго человѣка онъ всегда былъ капитальнымъ вопросомъ, къ которому относиться равнодушно не могъ ни одинъ замѣчательный умъ.

Трудность разрѣшенія этого вопроса—въ томъ, что до сихъ поръ личное счастье каждаго строилось на индивидуальныхъ интересахъ, противоположныхъ интересамъ большинства или всего общества. Отсюда вытекаетъ эта постоянная борьба, развращающая какъ ту, такъ и другую сторону, - т. е. какъ счастливое меньшинство, такъ и несчастное большинство. На эту борьбу доселѣ уходятъ главныя силы человѣчества, и сами себя уничтожаютъ. Можно навѣрное сказать, что если бы тѣ же самыя силы, такъ бесплодно потеряныя для увеличенія дѣйствительнаго благосостоянія людей, были направлены

иначе и организованы другимъ порядкомъ, то сумма пріобрѣтеннаго добра была бы неизмѣримо выше. Теперь мы только и заботимся о томъ, чтобы благовиднѣе и ловчѣе съѣсть своего ближняго, простосердечно думая, что наше личное благосостояніе невозможно безъ взаимнаго самопожиранія. Въ семействѣ и въ обществѣ тотъ же антагонизмъ, та же глухая и непрерывная война за существованіе. А между тѣмъ гдѣ же это воображаемое счастье, которому приносится въ жертву столько ненависти, вражды, ужасныхъ преступлений и казней, слезъ и пота? Довольны ли вы, читатель, тѣмъ, что половину, а, можетъ быть, и всю вашу жизнь отдали страшному труду созиданія своего личнаго благосостоянія, выжимая его по каплямъ изъ овружающихъ васъ лицъ? Иначе вы и не могли дѣйствовать, потому что среда, воспитавшая васъ, основана на этой борьбѣ и эксплуатаціи. А между тѣмъ, согласите эти двѣ, по-видимому, противоположныя сферы—личный эгоизмъ съ общественнымъ благосостояніемъ, и гармонія дѣлается не мечтой, а фактомъ. Организуйте ваши отношенія къ обществу такъ, чтобы, не стѣсня своей личной свободы и развитія, въ то же время не отдѣлять отъ него своихъ интересовъ, и дѣйствовать съ нимъ въ одномъ направленіи; убѣдитесь наконецъ въ той солидарности, которая существуетъ между вашимъ личнымъ и общественнымъ счастьемъ. Само собою разумѣется, что одного убѣжденія тутъ мало, а нужно еще и дѣло, т. е. радикальная перестройка многихъ общественныхъ условій. Къ этому собственно и устремлены всѣ усилія такихъ реформаторовъ, какъ Овенъ.

Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что лучшая общественная организація возможна, что человѣкъ рожденъ для счастья въ обществѣ и, если страдаетъ, то страданія его создаются самимъ же обществомъ; что преступления, совершаемые бѣдными классами, должны лежать на отвѣтственности того устройства, которое создаетъ преступника. Онъ доказывалъ съ неотразимою убѣдительностію, что общественная гармонія, устроенная на новыхъ началахъ, не только справедлива, но и выгодна тѣмъ, кто ея боится; онъ вычислилъ, что Англія могла бы построить другой громадный флотъ на тѣ суммы, которыя она тратитъ на содержаніе тюремъ и вообще на операціи своего уголовного правосудія; что фабриканты, затративъ часть своихъ капиталовъ на образованіе рабочаго класса, удесятерили бы свои выгоды, организовавъ ассоціаціи на тѣхъ началахъ, которыя

лежать въ спованіи Нью-Ланарна. Однимъ словомъ, Овенъ видѣлъ все зло въ общественномъ и личномъ антагонизмѣ человѣческихъ интересовъ и развращающему его дѣйствию приписывалъ, съ одной стороны, невѣжество и бѣдность массы, а съ другой — безполезную роскошь и умственный деспотизмъ привилегированнаго класса. Чтобы скрыть эти искусственныя границы разъединенія и пассивной борьбы между членами одной гражданской семьи, онъ предложилъ свою «гармонію нравственнаго міра», въ которой человѣческія страсти и отношенія устроивались такъ, что счастье наждаго было бы счастьемъ всѣхъ, и обратно. Для достиженія этой гармоніи онъ полагалъ необходимымъ произвести нравственную реформу въ чловѣкѣ, измѣнить его понятія сообразно новому плану социальной жизни, и такимъ образомъ создать въ полномъ смыслѣ общественный характеръ. Но тутъ открывались передъ нимъ два пути, ведущіе къ одной цѣли, но не съ одинаковымъ успѣхомъ и скоростью. Первый путь — воспитаніе народа, которое Овенъ, какъ мы уже сказали, понималъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Сюда относилось влияніе не одной школы и умственнаго развитія, а всѣхъ обстоятельствъ, окружающихъ чловѣка и постоянно дѣйствующихъ на образованіе его характера. Такъ какъ Овенъ не былъ зараженъ метафизическими бреднями, и такой цѣлпости, какъ врожденныя идеи, не допускалъ, то по его мнѣнію чловѣкъ рождается существомъ, способнымъ воспринимать всевозможныя впечатлѣнія виѣшняго міра. Если эти впечатлѣнія идутъ изъ хорошаго источника и формируютъ добрыя наклонности, то чловѣку иѣтъ повода быть существомъ злымъ и порочнымъ, потому что зло и преступленіе не имѣютъ въ себѣ ничего привлекательнаго для чловѣка. Напротивъ, если виѣшняя обстановка, среди которой мы развиваемся, не совершенствуется, а развращаетъ насъ, то не отъ чего намъ быть образцами добродѣтели и героями чести. Такимъ образомъ, какъ негодяи, такъ и честные люди обязаны своимъ происхожденіемъ не законамъ природы, а общественнымъ условіямъ. Съ законами природы условная нравственность не имѣетъ ничего общаго и какъ пороки, такъ и добродѣтели создаются чисто виѣшними обстоятельствами. Поэтому Овенъ придавалъ особенное значеніе образованію характера, какъ силѣ активной, которая управляетъ чловѣческими поступками. Можно быть очень умнымъ и просвѣщеннымъ и не имѣть тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя необходимы для общественной дѣятельности. Слѣдовательно весь воп-

рость для Овена состоялъ въ томъ, чтобы развивать хорошія наклонности въ членахъ общества. Но можетъ ли одно воспитаніе проивести такую реформу, о которой думалъ Овенъ? Сначала онъ былъ убѣжденъ, что одного нравственнаго преобразованія для устройства хорошаго общественнаго порядка недостаточно; потому что, какъ бы ни были хороши наклонности человѣка, какъ бы ни былъ высоко развитъ его индивидуальный характеръ, но если внѣшнія обстоятельства не благопріятствуютъ его жизненнымъ проявленіямъ, то онъ будетъ тѣмъ же, чѣмъ дѣлается растеніе, перенесенное на несвойственную ему почву. Наши доморощенные моралисты ужасно любятъ трактовать о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ нравственнаго воспитанія, но они никакъ не могутъ сообразить, что ихъ нравственность основана на теоретической рутинѣ, такъ какъ между условіями дѣйствительной жизни и тѣмъ, что мы называемъ нравственностію, существуетъ самая неразрывная связь. Можно сколько угодно проповѣдывать о своихъ личныхъ добродѣтеляхъ, но въ обществѣ итогъ онѣ будутъ ни выше, ни ниже того уровня, на которомъ стоитъ весь общественный строй. Овенъ понималъ это, и потому первая половина его преобразовательной дѣятельности была посвящена чисто-практическимъ опытамъ, — изслѣдованію соціального положенія низшихъ классовъ и измѣненію его въ лучшемъ направленіи. Это вотъ самый второй путь, который предстоялъ Овену. Но онъ въ послѣдствіи уклонился отъ него и остался непослѣдовательнымъ своей первоначальной задачѣ. Развивая логически свой принципъ, онъ долженъ былъ начать и окончить преобразованіемъ самого общества, — его учреждений, условій жизни оффиціальной и частной, однимъ словомъ, всего, что противорѣчило въ англійской націи образованію новаго соціального характера. Но Овенъ не выдержалъ своей роли и подъ старость все свои надежды возложилъ на воспитаніе посредствомъ школы. Такимъ образомъ его громадный планъ сѣзвался до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ. Провозвѣстникъ будущаго, какъ онъ самъ называлъ себя, взялъ указку школьнаго учителя и видѣлъ въ ней рычагъ Архимеда для общественнаго переворота. Въ этомъ вся ошибка этого неутомимаго дѣятеля.

Что же касается самой системы воспитанія, то самая живая и глубоко продуманная сторона ея заключалась въ отрицательномъ направленіи, которое не вездѣ одинаково выдержано, но всегда

поучительно. Надо замѣтить, что эпоха, въ которую дѣйствовалъ Овенъ, была высшимъ проявленіемъ промышленныхъ предпріятій Англій. Изобрѣтеніе Ричарда Аркрайта произвело радикальный переворотъ въ индустриальной дѣятельности ея, отразившись прежде всего на благосостояніи рабочихъ классовъ. Мускульная сила человека была вытѣснена изъ сферы мануфактурнаго труда паровымъ механизмомъ, который оставилъ безъ работы и безъ куска хлѣба сотни тысячъ людей. Кто знаетъ, что такое бѣдность англійскаго пролетарія, для котораго существуютъ особенные законы, ограждающіе его отъ голодной смерти, тотъ пойметъ всю тягость положенія работника, оставленнаго безъ работы. Бѣдность возросла до колоссальныхъ размѣровъ, и цѣра преступленій увеличивалась соотвѣтственно матеріальнымъ лишеніямъ. Овенъ лучше другихъ видѣлъ, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ эта возрастающая пропорція нищихъ и преступниковъ. Поэтому онъ и явился главнымъ защитникомъ интересовъ рабочаго класса. Съ другой стороны онъ очень хорошо видѣлъ и то, что англійская аристократія и духовенство лучше филантропіи не могли ничего придумать и, не надѣясь на это средство, намѣренно держали массу на самой низкой степени матеріальнаго и умственнаго состоянія. Общество, и безъ того страдавшее мистицизмомъ, пинтизмомъ и тому подобными галлюцинаціями, по уши завязло въ разныхъ мечтательныхъ системахъ, въ борьбѣ религіозныхъ сектъ и въ схоластическихъ препираніяхъ. Реакція, произведенная французскою революціей, еще болѣе содѣйствовала этому мрачному настроенію умовъ. Въ народныхъ школахъ господствовалъ невообразимый обскурантизмъ, поддерживаемый разными представителями сектъ. Назначеніе преподавателей и выборъ предметовъ преподаванія находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ духовенства. Страшныя нелѣпости и предрасудки систематически поддерживались сектаторами изъ соревнованія другъ къ другу. Въ какомъ жалкомъ и безвыходномъ положеніи находилось тогдашнее народное воспитаніе, можно судить по слѣдующему отзыву Бедля: «Въ англійскихъ школахъ бѣднаго мальчика окончателно притупляютъ, такъ что здравый его смыслъ, принесенный имъ въ школу, здѣсь навсегда и остается зарытымъ. Онъ учить все, чего не надо учить, и не учится ничему, что было бы полезно учить. Система страха и варварскихъ наказаній, особенно

любимая нашими духовными особами, приучают его заранее смотреть на жизнь, не какъ на величайшее благо, а какъ на медленную пытку. Стыдъ и позоръ английскому обществу, которое хлопочетъ объ эманципации негровъ, и не замѣчаетъ какъ у себя передъ глазами, въ нашихъ школахъ и на нашихъ фабрикахъ. Негры счастливы на своихъ плантаціяхъ, чѣмъ эти тысячи дѣтей, которыхъ развращаютъ наши школы, служащія преддверіемъ тюрьмы и ссылки.» (Bell. New South. p. 33.)

Точно также смотрѣлъ и Овенъ на воспитаніе народа, и главнымъ недостаткомъ его считалъ вмѣшательство английской церкви въ эту чуждую ему область. Всю свою жизнь онъ протестовалъ противъ этого вмѣшательства и естественно нашелъ главнымъ себѣ врага въ клерикальной партіи. Когда онъ составилъ планъ національнаго воспитанія и рекомендовалъ правительству привести его въ исполненіе, то первые возстали противъ Овена клерикалы: «Церковные сановники и ихъ приверженцы, говоритъ онъ, предвидятъ, что національная система воспитанія бѣдныхъ, если она не подпадетъ подъ непосредственное вліяніе и завѣдываніе ихъ,—будетъ способствовать быстрому уничтоженію заблужденій не только ихъ самихъ, но и всѣхъ подобныхъ имъ учрежденій.» (Образованіе человѣческаго характера. стр. 156). Восставая противъ себя эту многочисленную и испытанную въ самыхъ разнообразныхъ интригахъ партію, Овенъ долженъ былъ предвидѣть, что побѣда останется на ея сторонѣ;—что за одно съ ней будетъ преслѣдовать его вся масса населенія, умъ и совѣтъ котораго находились въ рукахъ этой партіи. Такъ это и случилось. Планъ Овена не осуществился, и оставилъ по себѣ только теоретическія соображенія, которыми отчасти воспользовались преемники его дѣла.

Второй жизненной чертой системы Овена было отрицаніе самой сущности современнаго ему воспитанія. Подобно Беляю онъ утверждалъ, что бѣдные люди учатся тому, что имъ пенуно или вредно и не учатся тому, что имъ дѣйствительно было бы полезно. При этомъ онъ доказывалъ, что ученіе, основанное на враждѣ и разединеніи общественныхъ интересовъ, не можетъ вести къ благотворнымъ результатамъ; что всякое улучшеніе метода такого ученія, всякое усовершенствованіе школы въ этомъ направленіи есть новое зло, которое только изощряетъ орудія для большаго распространенія лжи и лицемерія; что toda система воспитанія не приметъ другихъ, противоположныхъ началъ — любви и счастья чело-

вѣснаго, до тѣхъ поръ было бы лучше, еслибъ народъ вовсе ничему не учился, потому что школа можетъ быть проводникомъ какъ нравственнаго усовершенствованія, такъ и послѣдствительнаго разврата, смотря по тому, какъ стануть пользоваться ея пропагандой. Наконецъ онъ доказывалъ, что аскетическое воспитаніе, какъ обломъ среднихъ вѣловъ, пренебрегающее развитіемъ физическихъ силъ человѣка и его здоровья, есть рѣшительное искаженіе человѣческой природы; потому что рациональное умственное развитіе невозможно въ больномъ, изуродованномъ и забитомъ существѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Овенъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ тѣхъ несчастныхъ дѣтей, которыя уроковала школа, а доканчивала фабрика. Онъ видѣлъ ихъ тысячами въ большихъ городахъ, онъ самъ воспитывалъ ихъ въ Нью-Данарѣ. Блѣдныя, съ потухшими глазами, съ впадой грудью, со всѣми признаками органическаго разложенія они возмущали его однимъ своимъ видомъ. Поэтому онъ считалъ садъ и чистый воздухъ непрѣмнымъ условіемъ всякой школы. Впослѣдствіи эта идея получила примѣненіе въ такъ называемыхъ training-schools, основавшихъ всю педагогическую систему на гимнастическихъ упражненіяхъ и на устной бесѣдѣ наставниковъ съ своими воспитанниками, и притомъ не иначе, какъ въ саду, и на открытомъ воздухѣ. Только для самыхъ необходимыхъ занятій—для письма и черченія, оставлена была класная комната. Само собою, разумѣется, что не вездѣ можно осуществить эту систему воспитанія; у насъ, напримѣръ, при нашемъ холодномъ климатѣ и суровыхъ зимахъ нечего и мечтать, о садахъ продолженіи 6 или 7 мѣсяцевъ, но во всякомъ случаѣ филістеры наши рано или поздно должны убѣдиться, что игра въ чихарду на свѣжемъ воздухѣ несравненно полезнѣе мальчику, чѣмъ задалбливаніе латинскихъ и греческихъ глаголовъ въ душной и грязной комнатѣ. Умные люди Англіи понимали это уже назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ, а передовое воронежское дворянство еще до сихъ поръ не можетъ взять въ толкъ, что такое реальное образованіе и на что оно годится. Ахъ! любезные воронежскіе классики—мало ли есть вещей, которыхъ вы не можете взять въ толкъ, но отъ этого хорошія вещи не сдѣлаются хуже. Вся бѣда въ томъ, что ваша класическая безтолковость ужасно мѣшаетъ тѣмъ, кто нуждается не въ вашей безтолковости, а въ вашемъ содѣйствіи общему дѣлу. Ваша безтолковость мѣшаетъ развитію молодаго поколѣнія и положительно вредитъ вашимъ собственнымъ дѣтямъ. И Овенъ это чув-

ствовадь, когда, обращаясь къ классикамъ своей страны, сказалъ мнѣ: «у меня съ трупами нѣтъ ничего общаго, и я былъ бы крайне дерзокъ, еслибъ надѣялся убѣдить такихъ свиней, какъ мои противники». А все-таки свиньи были сильнѣе его, и онъ ничего не могъ сдѣлать съ планомъ своего рациональнаго воспитанія.

Въ заключеніе нельзя не поблагодарить г. издателя, который рѣшился познакомить русскую публику съ книжкой Овена: «Образованіе человѣческаго характера.» Такія книжки—истинная рѣдкость для насъ, и имѣютъ полное право на успѣхъ. Только мы замѣтимъ переводчику, что не мѣшало бы ему обращаться какъ съ англійскимъ, такъ и съ русскимъ языкомъ нѣсколько лучше. Переводъ тяжелъ и мѣстами безграмотенъ. А издателю мы посовѣтовали бы сначала издать «Книгу новаго нравственнаго міра» того же автора, безъ которой многое не ясно и не полно въ «Образованіи человѣческаго характера.» Надѣмся, что издатель поспѣшитъ исправить свою ошибку.

Какъ діаметрально-противоположную крайность сочиненію Овена, мы намѣревались разобрать *Ученія о воспитаніи* г. П. Юркевича, но отлагаемъ это скабрзное дѣло до слѣдующей книжки, потому что г. Юркевича нѣтъ никакой возможности читать безъ отдыха и прохладительныхъ средствъ. Никто лучше его не даетъ чувствовать, на сколько столѣтій мы идемъ позади тѣхъ идей, которыя въ Западной Европѣ уже получили практическое примѣненіе. Разумѣется, Юркевичи вездѣ возможны и особенно тамъ, гдѣ идіотовъ принимаютъ за наставниковъ, но къ нимъ не стануть обращаться за совѣтами нигдѣ, кромѣ нашего возлюбленнаго отечества. Чтобы не заставлять читателя вѣрить мнѣ на-слово и убѣдиться самому, какъ легко читается сочиненіе г. Юркевича, я для образчика выпишу ему нѣсколько строкъ: «*Отношеніе души къ тѣлу.*» Оно выражается въ трехъ формахъ, которыя суть: 1) резонансъ; 2) содѣйствіе; 3) гнетъ или явленіе. Примѣръ резонанса—слезы въ печали, смѣхъ въ радости. Слезы и смѣхъ только отражаютъ въ измѣненіяхъ тѣла состоянія души, и усиливають ихъ, но не служатъ ни къ чему болѣе. Примѣръ содѣйствія — движеніе рукъ, ногъ, глазъ, головы и т. д., вслѣдствіе душевныхъ стремленій и для ихъ

исполненія. Примѣръ гнета—противодѣйствіе тѣла духу въ усталости, послѣ сытнаго стола, въ болѣзни, въ старости. Въ дѣтствѣ преобладаетъ тѣлесный резонансъ, въ зрѣломъ возрастѣ—тѣлесное содѣйствіе, въ старости — тѣлесный гнетъ» и проч. (Стр. 24.) Предупреждаемъ читателя, что лучше положить тысячу земныхъ поклоновъ въ великій постъ, чѣмъ одолѣть эту тарабарскую грамоту.

Г. Б.

Юристы, обыкновенно, отличаются весьма похвальнымъ уваженіемъ ко всему совершившемуся. Совершившійся фактъ—это ихъ кумиръ, передъ которымъ они падаютъ ницъ и не устаютъ курить ему омиамы своихъ юридическихъ софизмовъ и своего юридическаго шарлатанства. Но если власть признаетъ этотъ кумиръ почему нибудь негоднымъ для поклоненія, то юристы, еще вчера превозносившіе его, сегодня накидываются на него и, вмѣсто хвалебныхъ гимновъ, готовы наградить его палочными ударами. Все это, разумѣется, дѣлается во имя права и справедливости...

Такая исторія на нашихъ глазахъ приключилась недавно съ судомъ присяжныхъ. Наши цѣломудренные доктора юриспруденціи, — въ особенности московскіе, — до обнаруженія новыхъ судебныхъ уставовъ, нападали на судъ присяжныхъ съ самымъ благонамѣреннымъ негодованіемъ. Но вотъ вышли уставы, — и въ ихъ головахъ произошелъ какой-то геологическій переворотъ. Они стали возсылать свои благодарственные пѣснопѣнія и суду присяжныхъ, и просвѣщенному правительству, «всегда умѣющему во время отозваться на истинныя нужды и потребности народа». Г. С. Баршевъ, вы помните эту исторію?

Ту же участь испыталъ судъ присяжныхъ и въ Германіи. Когда французскія пушки и наполеоновскіе кандалы управляли бѣдной Германіей, тогда нѣмецкіе юристы видѣли въ судѣ присяжныхъ одни достоинства. Потомъ, когда «великій императоръ» превратился въ «бездушнаго тирана» и «великодушные освободители Европы» отправили его, куда слѣдуетъ, когда началась тяжелая и тупая реакція, тогда юристы, съ Фейербахомъ и Савиньи во главѣ, объ-

випа судъ присяжныхъ учрежденіемъ неблагонамѣренныиъ и юридически никуда не годныиъ. Въ 1848 г. они опять склонились въ пользу присяжныхъ, и конгрессъ германистовъ (Germanisten-Congress) во Франкфуртѣ и Любекѣ, несколько не краснѣя, торжественно порѣшили ввести судъ присяжныхъ во всей Германіи. Но, на бѣду юристовъ, 48 годъ обманулъ ожиданія сторонниковъ прогресса. Началась опять реакція, и въ мнѣніяхъ законниковъ начались опять колебанія. Впрочемъ съ 60-хъ годовъ, когда уже достаточно выяснился взглядъ на этотъ вопросъ большинства образованныхъ людей, и когда европейскія правительства, предвкушая приближеніе «краснаго чудовища», стали второпяхъ натягивать на себя либеральныя рубища въ видѣ конституціонныхъ хартій, тогда большинство юристовъ практиковъ и теоретиковъ, юристовъ ученыхъ и юристовъ чиновниковъ, открыто объявили себя сторонниками суда присяжныхъ. — Въ томъ же смыслѣ начали дѣйствовать и законодательныя собранія, и въ настоящую минуту этотъ судъ начинаетъ постепенно реставрироваться почти во всей Германіи; даже австрійское правительство, устами либеральнаго Шмерланга, объявило, что оно желаетъ ввести у себя институтъ присяжныхъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Среди этихъ постоянныхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону, среди всѣхъ этихъ реакцій и акцій, приливовъ и отливовъ, только очень немногіе сумѣли сохранить приличную позицію, не переиѣнивъ разъ десять въ годъ своего образа мыслей.

Въ такіиъ немногихъ принадлежитъ и Гуэ-Глунекъ, котораго лекціи о судѣ присяжныхъ (читанныя имъ въ Вѣнѣ въ 1863) переведены на русскій языкъ. Гуэ-Глунекъ началъ свою ученую дѣятельность еще въ 30-хъ годахъ. Съ самаго начала, онъ объявилъ себя противникомъ суда присяжныхъ и съ этихъ поръ онъ ни въ одномъ своемъ сочиненіи, ни въ одной своей рѣчи не измѣнялъ своему убѣжденію. Такая стойкость, почти необыкновенная въ юристахъ, рекомендуетъ его съ хорошей стороны, по крайней мѣрѣ, въ нравственномъ отношеніи. Значить, у него есть хоть какія-нибудь да свои собственныя убѣжденія, которыя онъ не побоялся высказывать и въ пору всеобщихъ либеральныхъ увлеченій, и въ 1863 г., когда австрійское правительство открыто заявило себя въ пользу введенія суда присяжныхъ. А это уже не малая заслуга, и всякій съ этимъ согласится; кто имѣетъ хоть какое-нибудь понятіе о

величія нравственныхъ принциповъ нѣмецкихъ юристовъ и политиковъ. Гуэ Глузекъ не только выше ихъ по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, онъ выше ихъ и въ умственной отношеніи. Тупая фаланга нѣмецкихъ либераловъ неспособна произвести ни одной сколько нибудь оригинальной мысли; она не способна понять ни одного изъ тѣхъ фактовъ дѣйствительной жизни, передъ которыми она умиленно преклоняется и самоунижается. Она защищаетъ судъ присяжныхъ, потому что высшее начальство и общественное мнѣніе начинаютъ къ нему относиться благосклоннѣе, чѣмъ прежде, — но она рѣшительно не понимаетъ его значенія, не понимаетъ, за что его хвалятъ. Эти либералы увѣряютъ, будто судъ присяжныхъ имѣетъ исключительно юридическую, а отнюдь не политическую важность. Желая оградить себя отъ упрека въ неблагонамѣренности, они наивно утверждаютъ, что, защищая этотъ судъ, они имѣютъ въ виду одни лишь интересы истины и правосудія, а совсѣмъ не какія-нибудь демократическіе умыслы. Въ этомъ смыслѣ толкуеть о судѣ присяжныхъ патриархъ либеральныхъ юристовъ — Миттермайеръ, сочиненіе котораго о судѣ присяжныхъ, тоже переведено на русскій языкъ, хотя совершенно неизвѣстно, съ какою цѣлью. Гуэ Глузекъ разбиваетъ всѣ эти неосновательныя иллюзіи либераловъ.

Онъ весьма умно доказываетъ полную негодность суда присяжныхъ, какъ юридическаго учрежденія. — При существованіи суда присяжныхъ, судъ какъ бы распадается на двѣ инстанціи: инстанцію коронныхъ, правительственныхъ судей-юристовъ и инстанцію народныхъ судей — присяжныхъ. Между обѣими инстанціями могутъ установиться двоякаго рода отношенія: или коронный судья, не принимая никакого участія въ приговорѣ, ограничивается только тѣмъ, что спрашиваетъ присяжныхъ и потомъ, сообразуясь съ ихъ отвѣтомъ, приписываетъ въ кодексѣ соответствующую статью закона; или же между обѣими инстанціями устанавливаются нѣкоторыя болѣе тѣсныя отношенія, которыя проявляются въ томъ, что судья, не ограничиваясь простымъ вопросомъ: виновенъ ли нѣтъ подсудимый, предлагаетъ присяжнымъ еще нѣсколько возраженій, и въ постановкѣ, въ редакціи этихъ возраженій старается выразить свой взглядъ на дѣло и намекнуть на ожидаемый имъ отвѣтъ. Въ первомъ случаѣ

собственно судебною, рѣшающею инстанціей являются одни присяжные, роль-же судьи могъ бы исполнять любой подъячій. Во второмъ случаѣ, вопросъ о виновности запутывается и затемняется до такой степени, что «священные интересы правосудія,» о которыхъ такъ любятъ разглагольствовать либеральные юристы, подвергаются серьезной опасности,—даже, если мы предположимъ, полную искренность и добросовѣстность, какъ со стороны судей такъ и со стороны присяжныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, «вопрошающій прежде всего долженъ сообразить, какъ присяжные могутъ себѣ представить главный фактъ, т. е. вопросъ о виновности, и по этому соображенію, иногда ошибочному, поставить главный вопросъ. Но допустимъ, что это представленіе себѣ понятій другого, относительно главнаго вопроса, при постановленіи рѣшенія во многихъ случаяхъ не представляетъ особенно большихъ затрудненій; то эти затрудненія значительно увеличиваются, если къ главному вопросу присоединяются еще различные побочные вопросы, какъ дополнительные, такъ и случайные, и что постоянно дѣлается на основаніи предписываемыхъ правилъ французскихъ и нѣмецкихъ судовъ присяжныхъ, съ цѣлью будто бы разузнать и провѣрить настоящее мнѣніе джюри въ отношеніи къ подробностямъ, и отдѣльнымъ моментамъ, при опредѣленіи ими степени вины или невинности подсудимаго.

«Дѣлая эти дополнительные и эвентуальные вопросы, спрашивающій судья прежде всего долженъ имѣть въ виду, какъ отвѣтить присяжный на главный вопросъ — «да» или нѣтъ?» (Гуэ-Глунокъ, стр. 30)-

«Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ опять-таки спрашивающій судья долженъ задавать себѣ вопросъ такого рода, какіе вопросы должны были возникнуть въ умѣ присяжныхъ вслѣдъ за этимъ.» Понятно, что это уже очень трудно для перваго, потому что при этомъ соображеніи онъ долженъ совершенно вдуматься и войти въ образъ мыслей и понятія отвѣчающаго. А это часто логически невозможно». (ibid.) Всѣ эти непреодолимые затрудненія заставляютъ отдать полное предпочтеніе такому суду, гдѣ нѣтъ раздѣла между спрашивающею и отвѣчающею инстанціей, т. е. гдѣ судъ находится или въ рукахъ судей—юристовъ, или въ рукахъ однихъ присяжныхъ. Какому изъ этихъ судовъ отдать преимущество? Смотря на дѣло съ чисто-юридической точки зрѣнія, Гуэ-Глунокъ приходитъ

къ тому убѣжденію, что присяжные совершенно неспособны рѣшать вопросъ о виновности. Доказательства его ни чуть не новы, но, тѣмъ не менѣе, нельзя съ ними не согласиться. Чтобы рѣшать юридическіе вопросы, особенно сложные и запутанные, въ которыхъ сами патентованные юристы часто ничего не смыслятъ, нужно имѣть много сообразительности и проицательности для того, чтобы можно было положиться на одинъ «простой и здравый смыслъ присяжныхъ». «Будьте откровенны и честны, говоритъ Гуэ-Глунекъ: кто изъ васъ имѣетъ случай практически познакомиться съ пониманіемъ п степени разсудительности тѣхъ слоевъ народонаселенія, изъ которыхъ присяжные болшему частью избираются, тотъ увидитъ, что эти люди или въ высшей степени нерѣшительны, боязливы, никогда не могутъ отважиться ни на какой окончательный приговоръ, или черезъ-чуръ уже поспѣшны въ своихъ сужденіяхъ, составляютъ своимнѣнія, по первому впечатлѣнію, не входя ни въ какія дальнѣйшія разбирательства дѣла и, разъ составивъ себѣ такое мнѣніе, они держатся его съ упорствомъ осла и тупоуміемъ барана. Частые разговоры мои, продолжаетъ онъ, съ присяжными Австріи, Франціи, Бельгіи и Рейнскихъ провинцій вполнѣ подтверждаютъ этотъ взглядъ. Глупо идеализировать проицательность бѣднаго, неученаго, задавленнаго нуждою чело-вѣка, вѣчно занятаго мыслею о кускѣ хлѣба насущнаго; еще глупѣе идеализировать здравый смыслъ буржуа средней руки (изъ которыхъ быкновенно и берутся присяжные), всю жизнь свою занятыхъ «обдѣлываніемъ своихъ дѣлшекъ,» и надувательствомъ. А между тѣмъ, для того чтобы обсудить какъ слѣдуетъ предстоящій судебный случай, т. е. опредѣлить, «основательны ли доказанныя улики, бросающія на подсудимаго подозрѣніе,—въ особенности если онъ не сознался въ нихъ, и затѣмъ осмыслить, дѣйствительно ли данный фактъ составляетъ уголовное преступленіе, необходимы прежде всего развитость мыслительныхъ способностей и научныя знанія, особенно въ такихъ преступленіяхъ, которыя относятся къ области чисто-психическихъ явленій (а въ какомъ преступленіи болѣе или менѣе нѣтъ этого психическаго элемента?) Развѣ всѣ эти качества существуютъ въ присяжныхъ? Развѣ они могутъ возвыситься до пониманія соціальнаго значенія преступленія, какъ неизбѣжнаго слѣдствія общественныхъ условій? Приговоръ ихъ зависитъ отъ чисто минутнаго настроенія, отъ безотчетныхъ симпатій или антипатій

въ подсудимому, отъ безсознательныхъ увлеченій и проч. Доводовъ и доказательствъ отъ нихъ никакихъ не спрашивается, никакія улики не могутъ ихъ стѣснять, они судятъ, какъ эстетикъ, безотчетно и безапелляціонно, по своему внутреннему «conviction intime.» Какъ будто справедливость есть вдохновеніе плейн или какое-нибудь врожденное чувство, а не плодъ сознательнаго мышленія и добросовѣстнаго изслѣдованія дѣла.

Все это не ново. Почти тоже самое имѣлъ въ виду и Бентамъ, когда ояъ, съ свойственною ему откровенностью, безцеремонно объявилъ, что «Джюри есть превосходное учрежденіе въ варварскія времена, но недостойное просвѣщеннаго вѣка.» Тоже самое, и въ болѣе рѣзкихъ формахъ, высказалъ и Броунъ въ своемъ известномъ сочиненіи: «Темная сторона суда Джюри» (The dark side of the trial by Jury, by Brown).— Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Что судъ присяжныхъ не есть и не можетъ быть учрежденіемъ строго юридическимъ? Прекрасно. А скажите, пожалуйста, ваши-то коренные судьи, ваши-то ученые юристы, удовлетворяютъ ли они истиннымъ цѣлямъ суда, какъ юридическаго учрежденія? Не удивляйтесь парадоксальности этого вопроса. Вы сейчасъ увидите, что въ немъ нѣтъ ничего парадоксальнаго. Въ чемъ заключаются истинныя цѣли суда, какъ юридическаго учрежденія, съ точки зрѣнія теоріи? Во первыхъ, разумѣется, онъ долженъ удостовѣриться, дѣйствительно ли обвиняемое лицо совершило то преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ; во вторыхъ—опредѣлить, какія мѣры слѣдуетъ принять для огражденія отъ него общества, т. е. для отнятія у подсудимаго возможности вновь вредить обществу. Для рѣшенія первой задачи, очень можетъ быть, вполне достаточно одной ловкости и проникательности юриста; но для рѣшенія второй задачи этого уже слишкомъ мало. Вѣдь здѣсь надо со всею подробностью и обстоятельностью изслѣдовать причины, обусловившія данное преступленіе, уяснить мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ оно совершено, оцѣнить тѣ обстоятельства, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ обвиняемый, его характеръ, воспитаніе, окружающую его обстановку, и т. д. А чтобы произвести съ успѣхомъ всѣ эти операціи, для этого нужна помощь не только одного юриста, но и естествоиспытателя, доктора, психолога, политико-эконома и всѣхъ лицъ, знавшихъ и имѣвшихъ какія нибудь сношенія съ подсудимымъ. Всѣ эти лица

должны относиться къ дѣлу совершенно безпристрастно, какъ вопсыліумъ врачей къ изслѣдуемому больному. Только тогда судъ, какъ выражаются юристы, будетъ безпристрастнымъ, научнымъ и каніемъ «одной только истины и ничего болѣе кромѣ истины». Но развѣ современный судъ, какъ онъ существуетъ на практикѣ, удовлетворяетъ этимъ требованіямъ теоріи? Развѣ современный судья обращаетъ вниманіе на тѣ общественныя условія, которыя создаютъ преступника и дѣлаютъ изъ него жертву наказанія? Развѣ господствующая карательная система не опредѣляетъ заранѣе, какими лекарствами слѣдуетъ лечить всевозможныя социальныя болѣзни, и развѣ судъ имѣетъ право измѣнять этотъ рецептъ? Развѣ законъ обращаетъ вниманіе на мотивы преступленія, и развѣ ему есть какое либо дѣло до того, зачѣмъ и почему А. убилъ Б., и какой кому будетъ толкъ, если А. сошлутъ на каторгу или повѣсятъ? Развѣ, дѣйствительно, нашъ судъ *судитъ* и *изслѣдуетъ*, а не *приговариваетъ* и *наказываетъ*? Кромѣ карательнаго элемента онъ въ сущности не можетъ имѣть другихъ цѣлей, какъ органъ государственной самообороны? Въ основѣ его приговоровъ лежитъ не справедливость, которую такъ краснорѣчиво расписываютъ намъ юристы, не строгая и безпристрастная логика, которою никогда не отличались никакіе въ мірѣ юристы,—а чувство мести, подрашенное юридическими софизмами и возведенное въ нравственный принципъ. Кто не хочетъ согласиться съ этимъ, тотъ доказываетъ свое крайнее невѣжество и непониманіе настоящаго характера современной юриспруденціи. Цѣль суда состоитъ въ томъ, чтобы оградить, *во что бы то ни стало*, общественную безопасность, «священнѣйшія права собственности,» и государственную неприкосновенность, и чтобы примѣрно наказать нарушителей этой безопасности, этихъ священнѣйшихъ правъ и этой неприкосновенности. Вотъ главная задача суда, все остальное имѣетъ только второстепенное, побочное значеніе. Но эта цѣль, какъ вы видите, имѣетъ чисто политическій характеръ; слѣдоват. и современный судъ есть учрежденіе *политическое*, а вовсе не *юридическое*, какъ наивно думаютъ нѣмецкіе либеральные юристы. Потому требовать отъ присяжныхъ какихъ-то юридическихъ качествъ, въ то время, какъ сами судьи ихъ не имѣютъ и не могутъ имѣть—это по меньшей мѣрѣ бессмысленно.

И такъ судъ присяжныхъ, какъ и вообще современный судъ,

не имѣть и не можетъ имѣть юридическаго значенія, но за то никто не откажетъ ему въ значеніи политическомъ, чтобы тамъ ни говорили тупоумные компиляторы въ родѣ разныхъ Миттермайеровъ и ему подобныхъ. Гуэ-Глунокъ на столько уменъ, что и не оспариваетъ у него этого значенія, но онъ и не останавливается на немъ, онъ проходитъ его молчаніемъ, какъ нѣчто второстепенное, не заслуживающее вниманія. Въ этомъ и заключается важный и самый существенный недостатокъ его книги, который г. Филипову не мѣшало бы пополнить. А то книга произведетъ на русскихъ читателей совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое она должна была бы произвести. Чего добраго, она, пожалуй, увеличитъ число противниковъ судебной реформы. Гуэ-Глунокъ, видите ли, поочередно разбиваетъ всѣхъ защитниковъ суда присяжныхъ, но онъ робко отступаетъ передъ одною ихъ группою,—онъ не смѣетъ и не умѣетъ ничего возразить противъ тѣхъ, которые смотрятъ на судъ присяжныхъ не съ точки зрѣнія «высшихъ интересовъ правосудія», а съ точки зрѣнія исключительно политической. Онъ ограничивается только тѣмъ, что излагаетъ ихъ мнѣнія. «Они говорятъ, утверждаетъ онъ, что ихъ занимаетъ основная политическая идея суда присяжныхъ, по которой судебная сила должна быть въ рукахъ народа, а не правительства. Намъ прежде всего, говорятъ партизаны этого мнѣнія, нуженъ вообще судъ присяжныхъ, будь устройство его специальное, или нѣтъ; но ему должны подлежать и всѣ такъ называемыя обыкновенныя преступленія, какъ напримѣръ убійство, поджигательство, грабежъ, воровство и т. д. Эти защитники суда присяжныхъ безъ дальнѣйшихъ околичностей сознаются, что имъ нуженъ только матеріалъ для преобразованія монархической формы государства въ демократическую, а что имъ дѣла нѣтъ до водворенія въ государствѣ правосудія. (?) Съ такими людьми, — цѣломудренно заключаетъ Гуэ-Глунокъ, — нечего и спорить дѣльному правовѣду, для котораго осуществленіе правосудія есть первая задача.»— И прекрасно дѣлаете, отправляйтесь въ свою судебную камеру и осуществляйте тамъ правосудіе, это будетъ даже лучше, чѣмъ читать публичныя лекціи. Не правда ли, читатель, какъ все это наивно? Но юристы всегда были наивны. Наивность—эта ихъ вторая отличительная черта. На первую мы указали въ началѣ статьи, а на третью мы укажемъ сейчасъ, и тогда всякій пойметъ, что совре

менный юристъ есть нѣчто въ родѣ средневѣковаго алхимика. Третья характеристическая особенность юристовъ — это ихъ замѣчательная непослѣдовательность и нелогичность. И это весьма понятно. Поклоняясь всему существующему и обоготворяя только совершившееся, имъ часто приходится, въ одно и тоже время, восхвалять два прямо противоположныя явленія и восхищаться сегодня тѣмъ, что будетъ завтра предметомъ ихъ нескончаемыхъ насмѣшекъ и поруганій. Извѣстно, что практика не слишкомъ-то церемонится съ логикой: противорѣчя, невозможныя въ теоріи, въ дѣйствительности уживаются весьма мирно и удобно. Вотъ это-то прискорбное обстоятельство и ставитъ часто юристовъ въ весьма комическое положеніе. Такъ случилось съ ними по вопросу о смертной казни.

Смертная казнь! что можетъ быть ужаснѣе и отвратительнѣе этого позорнаго наказанія, завѣщаннаго намъ младенческимъ, варварскимъ обществомъ. «Человѣкъ, однажды обagrившій свои руки въ крови подобнаго себѣ пнвивидуума и помирившійся съ своею совѣстью, всегда останется для общества такимъ же ужаснымъ и страшнымъ, какъ и опаснымъ явленіемъ. Человѣкъ освоенъ съ кровью и отвращеніе, осилепное въ первый разъ, во второй не требуетъ уже преодоленія. Кто совершилъ такое кровавое дѣло, тотъ долженъ или сойдти съ ума, или въ одной смерти искать спасенія». (Фейербахъ Hitzig's Annalen, томъ V, стр. 435). Такъ говоритъ Фейербахъ объ убійцѣ. Но и въ смертной казни есть своего рода убійство. Смерть, которою умираетъ жертва преступленія, далеко не такъ ужасна, какъ та смерть, которою умираетъ его виновникъ. Тамъ человѣкъ умираетъ болѣе или менѣе внезапно и неожиданно, въ пылу драки или самообороны, тамъ не было никакихъ томительныхъ ожиданій, никакихъ утонченно-варварскихъ приготовленій. Здѣсь, напротивъ, все рассчитано на то, чтобы, какъ можно далѣе, протянуть предсмертныя ожиданія и заставить человѣка, такъ сказать, нѣсколько разъ умереть, прежде чѣмъ роковая веревка окончательно затянется на его шеѣ. Тамъ никто не глумится надъ безсиліемъ жертвы, а здѣсь преступнику даютъ каждую минуту чувствовать его беззащитное и безпомощное состояніе, убиваютъ его не вдругъ, а хладнокровно, по всѣмъ правиламъ юридической дисциплины. Что долженъ почувство-

вать и переиспытать преступникъ въ то время, когда черная колесница медленно подвозитъ его къ эшафоту, когда палачъ вводитъ его на «помость крови», когда онъ ощутитъ на своей шее толстую веревку?.. Веревка начинаетъ стягиваться все сильнѣе и сильнѣе, напрасно онъ хочетъ оттянуть ее своими руками, руки его крѣпко связаны на спинѣ, напрасно онъ хочетъ крикомъ выразить свои муки, барабаны бьютъ все громче и громче, пока не наступитъ, наконецъ, предсмертная агонія. Не правда ли, читатель, ужасно? Да, кромѣ ужаснаго насилія въ смертной казни ничего и быть не можетъ. Правда, что въ теоріи остается мало тавихъ защитниковъ, которые бы высказывали свое мнѣніе, не красясь, въ пользу этого варварскаго акта. Но практика, вѣроятно, еще долго не разстанется съ нимъ, хотя и правительства начинаютъ сознавать жестокость и бесполезность смертныхъ приговоровъ. Это видно изъ того, что большая часть ихъ ежегодно или отмѣняется, или замѣняется какимъ нибудь другимъ, болѣе легкимъ наказаніемъ. Въ Австріи, напр. съ 1845—48 г. состоялось 357 приговоровъ; изъ нихъ было исполнено только 27; въ Пруссіи съ 1816—54 постановлено было 988 смертныхъ приговоровъ, изъ которыхъ получили утвержденіе только 286; въ Саксоніи съ 1856—60 изъ 11 лицъ, приговоренныхъ къ смерти, казнено было только 4; въ Англіи въ 1859 г. состоялось 52 приговора, изъ нихъ приведено въ исполненіе только 9, въ 1860 г. изъ 48 приговоровъ исполнено было только 12. Въ Бельгіи съ 1850—56 было постановлено 204 приговора, изъ нихъ приведено въ исполненіе только 22; въ Нидерландахъ, въ 1857 и 58, вовсе не присуждали къ смертной казни.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, юристы не могли не сконфузиться. Они догадались, что теперь имъ слѣдуетъ переимѣнить позицію. А это у нихъ дѣлается весьма быстро. Вчера еще они величали палача «представителемъ высшаго правосудія» на землѣ и провожали преступника къ эшафоту радостными пѣснопѣніями въ честь вѣчной справедливости, — сегодня они покрываютъ его позоромъ и трактуютъ о гуманности и тому подобныхъ вещахъ. Двѣ книги, заглавіе которыхъ мы выписали въ началѣ статьи, разсуждающія о смертной казни и написанныя двумя либеральными нѣмецкими юристами — Гернеромъ и Миттермайеромъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ

этой мысли. Обѣ книги написаны совершенно въ одномъ духѣ, обѣ отрицательно относятся къ смертной казни, обѣ приводятъ въ подтвержденіе этого взгляда почти одинаковую аргументацію. Вся разница только въ томъ, что книга Миттермайера написана съ большею основательностью, съ большею ученостью, меньшею оразистостью и меньшимъ полемическимъ жаромъ, чѣмъ книга Бернера. Потому мы и соединили ихъ вмѣстѣ. Доводы противниковъ смертной казни раздѣляются на три категоріи. *Во первыхъ*, они стараются доказать, что смертная казнь не оправдывается ни требованіями христіанской религіи, ни философіей; *во вторыхъ*, что она противна общечеловѣческой справедливости; *въ третьихъ*, что она бесполезна и нецѣлесообразна. Что касается доводовъ первой категоріи, то можно только пожалѣть, что Бернеръ и Миттермайеръ тратили время и бумагу на ихъ изложеніе. Неужели онѣ не понимаютъ, что защита или отрицаніе смертной казни съ точки зрѣнія религіи или философіи не имѣетъ ровно никакого серьезнаго значенія, потому что и та и другая въ рукахъ софиста могутъ рѣшительно все оправдать и все подвергнуть осужденію. Поэтому, религію и философію мы проходимъ молчаніемъ. По обратимъ вниманіе на доводы второй и третьей категоріи. Здѣсь юристы заходятъ въ такія дебри, изъ которыхъ ихъ не спасетъ никакое salto mortale.

Смертная казнь, говорятъ они, не можетъ быть терпима съ точки зрѣнія господствующихъ понятій о справедливости, потому будто бы, что эти понятія исключаютъ идею мести или возмездія. О, святая наивность! Да на чемъ же основана вся ваша нравственность, какъ не на идеи возмездія? А что такое возмездіе, какъ не вмѣщеніе? Кажется, тутъ и лицемѣрить нельзя, такъ ясно для каждаго. Но читая Бернера и Миттермайера, я начинаю думать, что юристы слишкомъ тупы для того, чтобы быть лицемѣрными. По смотрите, въ самомъ дѣлѣ, когда идетъ дѣло о наказаніи вообще, то они безъ зазрѣнія совѣсти мотивируютъ его принципомъ озмездія; когда же идетъ дѣло о смертной казни въ частности, они находятъ этотъ принципъ безнравственнымъ и несостоятельнымъ. Бернеръ, на первыхъ же 16 страницахъ своей книги о смертной казни, съ негодованіемъ отвергаетъ принципъ мести. Миттермайеръ, на страницѣ 115 и др., обзываетъ теорію возмездія «продуктомъ вурварства, принадлежностью временъ грубости». А между тѣмъ, тотъ

же Бернеръ, въ другомъ только своемъ сочиненіи, говоритъ: «Справедливость требуетъ съ положительной стороны воздавать каждой волѣ то, что ей принадлежитъ; это требованіе удовлетворяется съ помощью *гражданскаго правосудія*. Справедливость требуетъ съ отрицательной стороны, чтобы *та воля, которая вторглась въ чуждую сферу, была стѣснена ровно на столько же въ своей собственной сферѣ правъ: это требованіе достигается съ помощью уголовнаго правосудія*.

Сказанное выражается всего лучше словомъ *возмездіе*; поэтому это послѣднее и составляетъ собою настоящую сущность наказанія». (Учебникъ Уголовн. Права А. Ф. Бернера, ч. общ. стр. 34). Такимъ образомъ выходитъ, что возмездіе — не возмездіе, или что-то въ родѣ этого. Смѣются и ругаются надъ Моисеевымъ таліономъ, и въ тоже время проповѣдуютъ доктрину справедливости, по которой «та воля, которая вторглась въ чуждую сферу, должна быть *ровно на столько же стѣснена въ своей собственной сферѣ правъ*».

Гдѣ же тутъ логика? Но юристы не безъ основанія боятся ея, потому что такъ называемые принципы ихъ не терпятъ послѣдовательности, и потому юристы предпочитаютъ затемнять ихъ своею юридическою софистикой, скрывать ихъ подъ флеромъ метафизическихъ бредней и схоластической чепухи. Смертная казнь мозолитъ имъ глаза, потому что она слишкомъ наглядно олицетворяетъ ихъ теорію нравственности, и вотъ они отрекаются отъ всякой съ ней солидарности.

Третья категорія доводовъ представляетъ намъ не менѣе поучительный урокъ, стоить только внимать въ нихъ повнимательнѣе. Смертная казнь, говорятъ Бернеръ, Миттермайеръ и съ ними вся фаланга либеральныхъ юристовъ, бесполезна и нецѣлесообразна: во первыхъ, потому, что она весьма мало устрашаетъ, во вторыхъ, потому, что она рѣшительно не исправляетъ. «Всѣмъ извѣстна истина, говоритъ Бернеръ на стр. 36, что устрашающая сила заключается не въ величинѣ грозящаго наказанія, а въ увѣренности, что преступленіе будетъ открыто и подвергнуто извѣстной карѣ»; извѣстно также, что «ни одинъ видъ наказанія не даетъ столько шансовъ совершенной безнаказанности, какъ смертная казнь; она даетъ надежду на неосновательное оправданіе, и во многихъ странахъ почти су-

ществуетъ увѣренность въ помилованіи» (стр. 37). Совершенно справедливо! Но вѣдь если устрaшеніе наказанія мы станемъ измѣрять не свойствомъ самого наказанія, а увѣренностью въ его неизбѣжности,—то мы естественно должны придти къ тому заключенію, что почти всѣ теперь существующія уголовныя наказанія могутъ быть съ удобствомъ упразднены и замѣнены, безъ всякаго ущерба для общественной безопасности, какими-нибудь другими, самыми легкими и незначительными, въ родѣ напр. денежнаго штрафа и т. н. Но, такъ и быть, эту нелогичность мы еще простимъ пристамъ, но вотъ чего уже никакъ нельзя имъ простить. Слушайте, что говоритъ объ устрaшеніи смертной казни патріархъ либеральныхъ юристовъ: «Очень важенъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли смертная казнь устрaшающее значеніе и не будетъ ли опасно для гражданскаго общества отмѣнить это наказаніе; въ связи съ этимъ вопросомъ стоитъ другой о томъ, какое вліяніе имѣютъ угроза смертной казнью, ея исполненіе, и полная или ограниченная ея отмѣна на состояніе преступленій въ извѣстной странѣ. Было бы несправедливо утверждать, что угроза этимъ наказаніемъ и увѣренность въ неизбѣжности его для виновнаго могутъ остановить многихъ наклонныхъ къ преступленіямъ отъ совершенія ихъ, и что исполненіе приговора можетъ произвести на многихъ потрясающее впечатлѣніе, которое въ состояніи удержать ихъ отъ совершенія преступленій. Напротивъ, опыты показываютъ, что это только суть исключенія, и что въ большинствѣ случаевъ угроза смертною казнью вовсе не имѣетъ никакой удерживающей силы, потому что многіе совершающіе преступленія, подлежащіе смертной казни, вовсе не думаютъ объ угрозахъ, заключающейся въ наказаніи. У нихъ сознаніе подавляется другими, исключительно господствующими надъ ними чувствами, впечатлѣніями, а если преступникъ иногда и ясно сознаетъ наказаніе, то все-таки сила этой мысли уничтожается убѣжденіемъ, что онъ посредствомъ хитрости избѣгнетъ наказанія. Опыты также неопровержимо доказали, что возстановленіе смертной казни, строгое исполненіе ея нигдѣ не уменьшили числа преступленій. Напротивъ, отмѣна смертной казни за нѣкоторыя отдѣльныя преступленія вообще произвела то, что, въ сравненіи съ прежнимъ, преступленія эти значительно уменьшились; что же касается до часто высказываемаго мнѣнія, что въ извѣстной странѣ послѣ отмѣны казни число преступленій увеличи-

дось, то оно или совершенно ложно, или не может представить никаких доказательствъ, что въ этомъ отношеніи виновата отиѣна смертной казни». (Миттермайеръ, Смертная казнь, стр. 130).

Такимъ образомъ, отвергая полезность смертной казни, юристы плетутъ петлю на собственную же шею. «Опыты показываютъ, говорятъ они и говорятъ совершенно справедливо, что въ большинствѣ случаевъ угроза смертною казнью не имѣетъ никакой удерживающей силы.» Но если это справедливо относительно смертной казни, въ чемъ нельзя сомнѣваться послѣ тѣхъ цифръ, которыя Миттермайеръ приводитъ, то всякій долженъ согласиться, что тоже самое будетъ справедливо и относительно наказанія вообще. И, дѣйствительно, выводъ этотъ вполнѣ подтверждается статистическими изслѣдованіями Кетле, Герри, Вагнера, Легау, Триеста и всѣми officialными отчетами министровъ юстиціи. Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что устрашеніе нецѣлесообразно, потому что оно не вліяетъ на уменьшеніе общаго ежегоднаго числа преступленій. Въ этомъ торжественно сознались сами юристы, устами Миттермайера, но сознались только по отношенію къ одному виду наказаній. Что за вопіющая непослѣдовательность! Что за гнусное лицемеріе! Или они не въ состояніи отвлечь отъ наказанія его общее свойство, и отъ видового понятія смертной казни, тюремнаго заключенія и т. п., возвыситься до родоваго понятія — *устройства*? Что же, и это правдоподобно: послѣ того, какъ они толковали о принципѣ мести или возмездія, отъ нихъ всего можно ожидать. И ты, читатель, еще далеко не исчерпалъ всѣхъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя на каждомъ шагу впадаютъ либеральные юристы, тщетно пытаясь идти въ уровень съ требованіями вѣка. Они отрицаютъ смнотому также, что она не устрашаетъ, но и потому также, что она не исправляетъ преступника. Вслѣдствіе этого Бернеръ предлагаетъ «поставить вмѣсто смертной казни другое энергическое и исполненно выразительности наказаніе». (стр. 29). И какъ вы думаете, какое? *Пожизненное лишеніе свободы*. (стр. 34).

Въ добрый часъ, либеральный юристъ! Такая нецѣпость не вредуетъ даже опроверженія. Однако, Миттермайеръ и всѣ либеральные юристы вполнѣ поддерживаютъ ее и соглашаются съ мыслью Бернера. Миттермайеръ тоже говоритъ, что смертную казнь слѣдуетъ замѣнить тюремнымъ заключеніемъ. (стр. 126). Къ этому

Бернеръ добавляетъ, что «тюрьма не должна быть мѣстою пріятнаго попеченія и удобства. Было бы извращеніемъ справедливости, продолжать оны, если бы за преступленія платилось не зломъ, но наградою (а зачѣмъ же вы глумились надъ Моисеевымъ закономъ?), было бы гибельно для гражданскаго порядка и общественной безопасности, если бы совершеніе преступленія стало средствомъ достиженія общественныхъ благодѣяній» (стр. 61), т. е. тюрьма по прежнему должна оставаться тюрьмою, — по прежнему должна мучить и устрашать виновнаго, ибо такъ требуютъ «священнѣйшіе интересы правосудія.» Прекрасно. Вотъ это по крайней мѣрѣ откровенно. Но неужели можно серьезно думать, что такая тюрьма можетъ имѣть исправительное вліяніе на заключеннаго? Неужели Бернеръ не понимаетъ, что между *исправленіемъ* и *устрашеніемъ* нѣтъ ни одной точки соприкосновенія, что эти два понятія другъ друга взаимно исключаютъ и уничтожаютъ? Если онъ на столько тупъ, что не можетъ этого понять *теоретически*, то онъ могъ бы, кажется, убѣдиться въ этомъ изъ ежедневнаго опыта. Кого исправляютъ наши тюрьмы и галеры, скажите, бога ради? Развѣ вамъ неизвѣстно, что число рецидивистовъ, т. е. *преступниковъ во второй разъ*, преступниковъ, уже испытавшихъ на себѣ изолированное дѣйствіе вашихъ тюремъ и галеръ, — составляетъ весьма почтенную цифру въ общей массѣ ежегодныхъ преступленій. Такъ напр. у насъ, въ Россіи процентъ относительно рецидивистовъ къ общему числу преступниковъ равняется 4 на 100; изъ 26 наказанныхъ 1 снова совершаетъ преступленіе. Во Франціи на 100 преступниковъ, приходится 35 рецидивистовъ; въ Пруссіи число рецидивистовъ къ общему числу преступленій относится, какъ 1:4, т. е. составляетъ 25% на 100; въ Англіи изъ 7 человѣкъ, подвергаемыхъ заключенію въ тюрьмѣ, 1 снова впадаетъ въ преступленіе. И какъ же послѣ этого Бернеру не стыдно утверждать, что тюрьма исправляетъ и совершенствуетъ человѣка? Нѣтъ, съ точки зрѣнія исправленія, всѣ ваши наказанія, начиная отъ эшафота и до рабочаго дома, совершенно одинаковы, не лицемѣрты только. Если вы вычеркиваете смертную казнь изъ системы уголовныхъ наказаній на томъ основаніи, что она не исправляетъ, — то не ограничивайте же своего отрицанія однимъ только этимъ видомъ наказаній и распространите его и на вашу систему. Въ противномъ случаѣ, вы никогда не выберетесь

изъ тѣхъ метафизическихъ дебрей, въ которыя вы зашли добровольно. Да и способны ли вы на это? Болѣе, чѣмъ сомнительно; потому что юридическая наука — не наука, а сплетеніе разныхъ софизмовъ, передаваемыхъ изъ вѣка въ вѣкъ, безъ критики, безъ надлежащей оцѣнки фактовъ и безъ всякаго научнаго основанія. Юристы это чувствуютъ, и, какъ римскіе авгуры, улыбаются другъ другу, вмѣсто того, чтобы сознаться и покаяться въ своихъ грѣхахъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже выражаютъ желаніе поставить свою науку на реальную почву, укрѣпить ее выводами естественныхъ наукъ, но тутъ было бы смѣху-то, еслибъ это когда нибудь могло случиться.

И. Ткачевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Что долженъ чувствовать мыслящій человекъ при взглядѣ на событія нашей эпохи?—Географическое положеніе острова Ямайки.—Возстаніе негровъ.—Мѣры, принятыя англійскимъ правительствомъ, для укрощенія этого возстанія.—Казни и убійства.—Смерть Георга Гордона.—Прощальное письмо его къ женѣ.—Поощреніе жестокости и мести Тимс'омъ и общественнымъ мнѣніемъ Англій.

Что такое жажда денегъ въ англійчанинѣ?

Я скученъ и печаленъ,—не потому-ли, что погода стоитъ такая пасмурная и холодная. Не знаю, только все кажется мнѣ севернымъ. Напротивъ меня высокая кухонная труба извергаетъ громадное количество дыма, который ложится густымъ туманомъ во всѣ стороны. Солнце заблудилось или потонуло, не знаешь гдѣ отыскать его потухшій дискъ! Густыя облака медленно двигаются по сѣрому небу, покрытому желтыми полосами. Только-что шелъ дождикъ и скоро пойдетъ опять. Дороги грязны. Издали трудно различить что нибудь: улицы, дома, холмы все закуталось въ непрозрачный туманъ и дымъ. Пронзительный вѣтеръ качаетъ вѣтви деревъ, которыя какъ будто уже давно засохли, слегка рябитъ поверхность воды и тербитъ водруженное каменщиками на крышѣ одного дома несчастное трехцвѣтное знамя, отъ котораго теперь осталась только грязная тряпца. Все напоминаетъ роковой день этого злосчастнаго декабря!... Съ тѣхъ поръ прошло четырнадцать лѣтъ; но онъ памятенъ такъ, какъ будто это случилось только вчера.

Тогда тоже была скверная погода, небо было пасмурно и заунывно выль вѣтеръ. На улицахъ также встрѣчались лужи, но окрашенные кровью, была и грязь, но въ ней валялись трупы. Прошло четырнадцать лѣтъ—и что же мы видимъ въ настоящее время? Опять ту же рѣзню, ссылки и то же безуміе! Куда ни обратимъ свой взоръ, въ Азію, Европу, Америку, вездѣ увидимъ нищету и страданія, стыдъ и позоръ.

Нѣтъ ни одного уголка на небѣ, который бы былъ ясенъ и лазуренъ, ни одной точки на горизонтѣ, которую бы освѣщала солнечный лучъ, ни одного клочка земли, которую бы покрывала зеленая трава;—ни одной новости, которая бы доставляла удовольствіе, ни одного событія, которое бы воскресило хоть на минуту убитыя надежды на лучшее будущее. Міръ движется медленно и печально, что же касается до прогресса, то мы не увѣрены—идеть ли онъ впередъ, или назадъ. Море неподвижно, и мы бросаемъ листья въ воду, какъ бы желая узнать, — приливъ или отливъ? Наши друзья еще болѣе чѣмъ враги печалатъ насъ своею слабостью, недостаткомъ стойкости, практическаго смысла и доброй воли!—Что же касается до враговъ, то они слишкомъ мелки даже для того, чтобы ненавидѣть ихъ! Мы столько уже видѣли простаковъ, обращавшихся въ плутовъ, столько плутовъ, становившихся простаками, столько злодѣевъ, дѣлавшихся дураками, что, волею-неволею, приходится привыкать къ этому, какъ къ грязи, мигрени или подагрѣ. Мы знаемъ столько плутней, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, скрытыхъ и паптетованныхъ, что не въ состояніи удержать ихъ всѣхъ въ памяти; мы видѣли столько позорныхъ фигуръ, начиная отъ Дюпена, перваго сановника Франціи, до послѣдняго каторжника, что не имѣемъ ни малѣйшей охоты знать ни сидящихъ на судейскихъ креслахъ ни тѣхъ, которые сидятъ на скамьяхъ подсудимыхъ. Люди, интересующіеся современною исторіею, принуждены набивать свою память подлостями и позорными поступками; они слышатъ больше лжи, чѣмъ могутъ выносить, они принуждены подвергаться столькимъ несправедливостямъ, что у нихъ не хватаетъ негодованія, даже пассивнаго, которое бы они могли противопоставить имъ. Какъ бы они желали забыть, какъ бы они желали бросить въ лицо генеральному прокурору императорскаго двора это время отвратительныхъ и позорныхъ поступковъ, и затѣмъ от-

правиться, на берегъ ручья наслаждаться видомъ бѣлаго пестика первоцвѣта.

Но здѣсь дѣло идетъ не о оіалкахъ и ручейкахъ, поэтому, если ужъ это необходимо, то станемъ говорить о ямайской рѣзніѣ.

Въ серединѣ Караибскаго голубого моря выдѣляется граціозная гирлянда восхитительныхъ острововъ, такъ что путешественникъ каждый изъ этихъ острововъ готовъ счесть за самый лучшій. Если называть только главнѣйшіе, то прежде всего слѣдуетъ упомянуть островъ *Тринидадъ* съ покрывающими его горами, которыя какъ будто бы служатъ продолженіемъ Колумбіи, затѣмъ слѣдуетъ *Гренада Сень-Винцентъ* съ его ужаснымъ кратеромъ, *Барбадосъ*, одинъ изъ самыхъ маленькихъ и самыхъ благоденствующихъ Антильскихъ острововъ, *Мартиника*, остатокъ исчезнувшаго материка, *Гваделупа* съ своими неразработанными рудниками сѣры, *Монсератъ* съ своими тремя пиками, остр. *св. Христофора*, *св. Евстафія*, *св. Фомы*, угловатый островъ *Порто-Рико* пріѣтствуется съ радостью кораблями, приходящими изъ Европы; онъ населенъ свободными крестьянами. Сюда же относятся обѣ республики *Сень-Доминго*, изъ которыхъ одна представила всему свѣту благородный примѣръ мужества, словавши въ куски шпагу, поднятую противъ нея вѣроломнымъ О'Донпелемъ. Потомъ идетъ большая, великолѣпная *Куба*, изъ которой рабство сдѣлало гнѣздо позора. Наконецъ *Ямайка*, большой Антильскій островъ, принадлежащій англичанамъ, который еще вчера считался свободнымъ.

Ямайка, третій островъ по величинѣ между всѣми Антильскими, повидимому, составляла прежде часть континента и была соединена съ Кубой и Гаити, по крайней мѣрѣ, со стороны этихъ двухъ острововъ; берегъ ея представляется наиболее гористымъ и крутымъ. Къ югу и западу разстилаются обширныя равнины, которыми плантаторы воспользовались для основанія на нихъ того, что они называютъ большой культурой, т. е. разведенія тростника. Восточная оконечность *Голубыхъ горъ* служила впродолженіи двухъ вѣковъ главнѣйшимъ убѣжищемъ для негровъ, которые бѣжали отъ тиранніи своихъ господъ. Подъ названіемъ мароновъ или охотниковъ за кабанамъ, они составляли родъ варварскихъ общинъ, начальниками которыхъ были магики, умѣвшіе укрощать змѣй и увѣрявшіе, что они могутъ управлять природой. Любители теологіи очень интересуются

ихъ тайнами, извѣстными подъ именемъ религіи *Воду* (Vaudou). Иногда во время ночи, негры и негритянки, собираясь въ какомъ нибудь дикомъ ущельѣ, закрытомъ деревьями, пляшутъ, жестикулируютъ и воютъ, при освѣщеніи костра и факеловъ. Во время большихъ церемоній, которыя должны рѣшить участь начальниковъ или удачу предпріятія, говорятъ, они зарѣзываютъ дѣтей, для того чтобы пріобщиться ихъ кровью и принести жертву богамъ. Тутъ бывають возмутительныя сцены, въ которыхъ безобразное смѣшивается съ ужаснымъ. Ихъ можно, пожалуй, принять за подражаніе шабашу вѣдьмъ Вальпургіевой ночи въ тропическихъ лѣсахъ. Подобно тому, какъ котель трехъ вѣдьмъ, въ *Макбетѣ*, содержалъ фантастическую смѣсь ужасовъ и нечистотъ, точно также и эти ночныя оргіи представляютъ мессу, достойную каннибаловъ, которая состоитъ изъ обломковъ, взятыхъ на удачу изъ разныхъ религій, нелѣпую смѣсь фетишизма и суевѣрія, соединеніе священнодѣйствія католической обѣдни съ поклоненіемъ Большой Змѣѣ.

Ямайскіе негры часто бунтовали и, какъ рабы, имѣли очень дурную репутацію на Антильскихъ островахъ. Поэтому-то нигдѣ съ ними не обращались такъ жестоко, какъ на этомъ островѣ. На немъ было депо, къ которому стремились покупщики негровъ. Кингстонъ служилъ главной ярмаркой человѣческаго мяса; въ немъ находились самыя большіе дома, торговавшіе чернымъ деревомъ. Эти эксплуататоры, имѣя большой выборъ товара, брали для своихъ плантацій самыхъ сильныхъ негровъ, а бракованныхъ т. е. женщинъ, дѣтей и стариковъ отправляли въ другія страны. Плѣнные, бывшіе когда-то воинами въ своемъ отечествѣ, не могли склониться передъ рабствомъ, а отсутствіе женщинъ и вообще всякой семейной жизни повергало ихъ въ состояніе хроническаго отчаянія. Архивы острова сохранили для потомства воспоминаніе о девятнадцати возстаніяхъ, одно другого ужаснѣе и кровопролитнѣе; но исторія ихъ была написана побѣдителями, а послѣднія событія при *Морашъ-Бѣѣ* показываютъ намъ достаточно, что значать оффиціальныя бюллетени. Фактически извѣстно, что населеніе острова безпрестанно уменьшалось. Для того, чтобы возобновить его, плантаторы покупали новыя грузы черныхъ. Статистики администраціи придали силу закона теоріи, состоящей въ томъ, что влиять Антильскихъ острововъ вреденъ здоровью негровъ, которые, говорили они, вымираютъ,

не смотря на заботливость о нихъ господъ. Не смотря на то, негровъ продолжали ввозить.

Но не климатъ былъ вреденъ, а рабство. Послѣ освобожденія негровъ, равновѣсіе возстановилось между числомъ умирающихъ и рождающихся; съ полнѣйшимъ освобожденіемъ черное населеніе стало увеличиваться, а бѣлое уменьшаться. Въ послѣднемъ ямайскомъ возстаніи принимало участіе болѣе 400,000 жителей, изъ которыхъ 350,000 были негры, 17,000 бѣлые, а остальные мулаты.

Возстаніе было опасно вслѣдствіе несоразмѣрности между черными и бѣлыми, которая происходила отъ большой культуры, такъ какъ каждая сахарная плантація занимала сто, двѣсти и даже болѣе негровъ.

Поэтому господа, находясь въ постоянномъ страхѣ быть разоренными и вырѣзанными, какъ сами, такъ и ихъ семейства, должны были быть жестокими и говорить съ неграми не иначе, какъ съ кнутомъ или пистолетомъ въ рукѣ. А мы знаемъ, на сколько англичане кротки и мягки характеромъ. Если ямайскіе негры были менѣе покорны, чѣмъ другіе, то и ихъ хозяева отличались большей жестокостью. Каковъ хозяинъ, таковъ и рабъ.

Большое возстаніе 1831 г., которое было до нѣкоторой степени отраженіемъ июльской революціи, показало государственнымъ людямъ необходимость уничтоженія рабства, для того, чтобы плантаторы избѣгли участи, которая ихъ ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ.

Такое положеніе дѣлъ въ Ямайкѣ продолжалось до послѣдняго октября, когда вдругъ былъ потребованъ къ суду одинъ негръ, обвиняемый въ бродяжничествѣ по какому-то заброшенному имѣнью и въ томъ, что онъ собиралъ плоды, которые бы иначе сгнили на мѣстѣ. Надо знать, что это имѣнье досталось въ руки нѣсколькихъ негровъ, которые, вслѣдствіе давняго владѣнія или чего нибудь другого, правильно или неправильно, но считали себя законными хозяевами и занимались земледѣліемъ. Вдругъ является личность, объявляющая себя настоящимъ владѣльцемъ, и, чтобы воспользоваться своимъ правомъ, заставляеть судить и приговорить къ наказанію одного изъ негровъ, именно того, который собиралъ плоды. Остальные, совмѣстные съ нимъ владѣтели, присутствовавшіе при судѣ, начали роптать и протестовать, приняли сторону товарища и не позволили полиціи схватить его. Это происходило въ субботу.

Въ слѣдующій понедѣльникъ магистратъ бѣлыхъ отправилъ отрядъ

полиціи, для того чтобы схватить двадцать восемь человѣкъ, которые защищали осужденнаго. Но агенты правительства нашли цѣлую деревню готовую отразить силу силою и не только что не посмѣли привести въ исполненіе приказа, но даже обѣщали никогда не исполнять его.

Узнавши эту новость, магистратъ, высшая мѣстная аристократія и военное начальство пришли въ негодованіе, и уже рѣчь шла о томъ, чтобы задать страшный урокъ этимъ упрямымъ неграмъ, урокъ, который бы они долго помнили. Собрали мѣлицію изъ бѣлыхъ, волонтеры изъ мѣщанъ явились вооруженные своими карабинами. Но слухъ о предпринимаемыхъ мѣрахъ быстро распространился; черное населеніе Моранъ-Бэя и окрестностей начало сбѣгаться со всѣхъ сторонъ; передъ судилищемъ собралась толпа изъ шести сотъ человѣкъ, безъ всякаго оружія, противъ нея выступилъ отрядъ волонтеровъ и господинъ, командовавшій ими, прочелъ во время общей суматохи обвинительный актъ и пригласилъ присутствующихъ разойтись. Между тѣмъ, пока большинство соображало, что это значитъ, въ то время какъ нѣкоторые убѣгали, а другіе подходили къ толпѣ и всѣ неистово толкали другъ друга, раздался залпъ, убившій много мужчинъ и женщинъ. Тутъ поднялась невообразимая суматоха. Со всѣхъ сторонъ начали раздаваться яростные крики, стали подбирать камни и метать все, что ни попало, одни бросились въ дома, для того чтобы достать оружіе, другіе на волонтеровъ, которые продолжали стрѣлять; послѣдніе, опасаясь быть окруженными со всѣхъ сторонъ, отступили къ судебной палатѣ и укрѣпились тамъ баррикадами. Осаждающіе, въ которыхъ ружейные выстрѣлы поддерживали ярость, не будучи въ состояніи выломать двери, навалили дровъ и зажгли домъ. Пламя выгнало волонтеровъ, и они спасались черезъ заднюю дверь, но пятнадцать изъ нихъ,— другіе говорятъ, шестнадцать,—попавивъ руки яростныхъ враговъ и были убиты помощью палокъ, каменьева и ножей. Между убитыми находился *Кустосъ*, нѣчто въ родѣ мера или подпрефекта, человѣкъ, который больше всѣхъ причинялъ зла неграмъ. Нѣсколько отчаянныхъ отрѣзали у трупа пальцы правой руки, восклицая: «теперь ты не станешь писать на насъ ложь нашей королевѣ!» Мало по малу раздраженіе прошло, и, передомавъ у нѣсколькихъ самыхъ ненавистныхъ личностей мебель и перебивъ посуду, они, какъ настоящіе дѣти, возвратились домой, воображая, что все кончилось.

Между бунтовщиками нѣсколько черныхъ героически подвергались большой опасности, для того чтобы спасти значительное число жертвъ; ни одной женщины и ни одному ребенку не было причинено ни малѣйшаго вреда. На другой день были сборища женщинъ на рынкѣ, но бомбы, брошенныя въ нихъ изъ одной канонерской лодки, заставили ихъ разойтись.

Стало быть это происшествіе въ Моранъ-Бэѣ принадлежало къ числу тѣхъ возстаній, въ нѣкоторомъ родѣ классическихъ, какія мы встрѣчаемъ тысячами въ исторіи каждой страны. Будучи доведенъ до отчаянія рядомъ несправедливостей, народъ возстаетъ отъ самаго незначительнаго повода, злоба, накоплявшаяся въ продолженіе долгаго времени, наконецъ прорывается; онъ производитъ шумъ, безпорядки, совершаетъ нѣсколько преступленій противъ принятыхъ законовъ; послѣ того начинаетъ раздумывать, впадаетъ въ страхъ, раскаявается и проситъ пощады. Но чѣмъ болѣе онъ раскаявается, тѣмъ неумолимѣе преслѣдуютъ его.

Оттого ли, что бѣлые боялись общаго возстанія, въ которомъ 50,000 ихъ могли быть уничтожены 350,000 черныхъ, или необузданная ненависть внушала имъ самыя гнусныя клеветы, только англійскіе землевладѣльцы распространяли самыя отвратительныя басни, которыя тупоумно повторялись журналами всей Англійи и даже континента и которымъ донесеніе ямайскаго губернатора придало оффиціальное подтвержденіе. *Разсказывали*, что будто бы открытъ заговоръ, съ цѣлью раньше праздника Рождества вырѣзать совершенно бѣлую расу, какъ мужчинъ, женщинъ, такъ и дѣтей. *Разсказывали*, что все горное населеніе было организовано на манеръ общества Воду, Франкъ-масонова или карбонаріевъ, для того чтобы провозгласить коммунистическую республику, съ аграрными законами, коммунизмомъ женщинъ, соединеннымъ съ полигаміей и полиандріей. *Разсказывали*, что миссіонеры перекрещенцевъ были тайными агентами заговора, организующими комplotъ, съ цѣлью основать на развалинахъ англійскаго владычества родъ Моисеевой теократіи или мормонизма. *Разсказывали*, что одному епископу отрѣзали языкъ и затѣмъ съ живого содрали кожу. *Разсказывали*, что одного лейтенанта сожгли живого. *Разсказывали*, что у нѣсколькихъ многоуважаемыхъ чиновниковъ были вырваны глаза. *Разсказывали*, что чудовища въ черной кожѣ составили ужасный напитокъ изъ крови, мозговъ и молока убитыхъ женщинъ и пили эту смѣсь изъ черепа

одного майора. Рассказывали еще много других вещей, и ярость того, кто выдумывал клевету, развивалась вследствие страха тех, кто его слушал. Повсюду распространялись самые бессмысленные, самые нелѣпые слухи. Англичане были какъ будто бы поражены эпидеміей ярости и бѣшенства; при такомъ состояніи, человѣкъ не спрашиваетъ логики и охотнѣе всего вѣрить всякой нелѣпости и несообразности.

Тэймсъ вторилъ этому хоромъ, за три тысячи лье разстоянія; онъ повторялъ, какъ положительные и неопровержимые факты, эти чудовищныя фантазіи разстроеннаго воображенія. Во время возстанія въ Индіи страшные ужасы были совершены надъ сипаями, по слухамъ, оказавшимся ложными. Тэймсъ и его аюлиты, подобно охотнику, выпускающему своихъ собакъ на лапъ, выбивались изъ силъ, требуя смерти и убійствъ. Вопли этихъ негодяевъ еще слыши въ нашей памяти:

«На насъ лежитъ обязанность не только уничтожить нѣсколько десятковъ полковъ трусливыхъ и вѣроломныхъ бунтовщиковъ. Мы должны не только наказать и привести въ ужасъ независимыхъ князей, безобразныя толпы и цѣлыя племена разбойниковъ и убійцъ! Нѣтъ, больше! Намъ слѣдуетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, возвращающимъ на насъ, совершить ужасную месть, для блага человѣческой расы....»

«Мы говоримъ это послѣ зрѣлаго обсужденія и предварительно взвѣсивши всѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ разумной политики: отъ Delhi не должно остаться камня на камнѣ!»

Армія и вообще англійскій народъ показали себя достойными своего любимаго журнала. Вотъ что писали изъ Индіи въ Тэймсъ.

«Здѣсь мы пѣшаемъ и вѣшаемъ. Висѣлица работаетъ безостановочно. Для того чтобы возобновить прежнее обаяніе, намъ слѣдуетъ уничтожить половину народонаселенія...»

«Мы разстрѣливаемъ, писала жена одного генерала, мы разстрѣливаемъ и вѣшаемъ, на сколько хватаетъ силъ. Сказать правду, мы вѣшаемъ каждаго туземца, который намъ не нравится. Какъ не вспомнить при этомъ, сколько происходитъ суматохъ въ Англій, для того чтобы повѣсить хоть одного человѣка! Короче сказать, мы сдѣлались страшно кровожадны и отвратительно закрубили.»

Увы! Тэймсъ напоминаетъ намъ слишкомъ хорошо Constitutionnel, который во время іюньскихъ дней превратилъ нѣсколько тысячъ на-

ціональныхъ гвардейцевъ въ ужасную орду дикихъ звѣрей. То, что мы видѣли въ продолженіе этихъ дней, будетъ описано въ исторіи, какъ преступленіе нашего поколѣнія, какъ позоръ для человѣческой расы. Но въ защиту Ламорисьера, Шангарнье, Кавеньяка и Негри можно сказать то, что они разстрѣливали только республиканцевъ, демагоговъ и социалистовъ, которыхъ считали врагами порядка, религіи, семейства и собственности, наконецъ это происходило во время гражданской войны, самой ужасной изъ всѣхъ войнъ, притомъ они убивали только своихъ согражданъ, своихъ братьевъ.... Но зачѣмъ такая ярость Теймса противъ несчастныхъ негровъ, живущихъ на 76° долготы отъ Гринвича и 18° сѣверной широты? Зачѣмъ эти крики, зачѣмъ такая жестокость? Зачѣмъ повторяла она, что жестокость преступленія должна быть уравниана ужасомъ мести? Ей нужно было крови, крови, много крови!

Ну и чтожь! была кровь, много крови, крови было достаточно, для того чтобы ею напиться, чтобы выкупаться въ широкихъ дымящихся лужахъ, чтобы утонуть въ нихъ.

Возстаніе началось 9 октября, оно продолжалось одинъ день и успокоилось само собой на другой день, въ четвергъ.

Въ пятницу пристаеъ къ берегу губернаторъ Эри. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи пушки и экипажи семи военныхъ кораблей. Подъ начальствомъ бригаднаго генерала Нельсона стояло два полка. Поспѣшно были потребованы подкрѣпленія изъ Вагама, Барбадось, Сэнъ-Винцента и даже изъ Канады. Изъ Галифакаса адмиралы, вице-адмиралы, генералы и полковники выступили въ путь вмѣстѣ съ своими войсками; между кораблями, на которыхъ они отправились, нашъ называли *Дунканъ*, *Сфинксъ* и *Галатею*, но помощь пришла въ то время, когда уже большая часть дѣла была окончена, и, повидному, все вошло въ свою обычную колею; правительство не встрѣтило ни на одну минуту ни малѣйшаго сопротивленія. Бунтовщиковъ пошли искать не въ укрѣпленномъ лагерѣ, ихъ вызывали не подъ градомъ пуль изъ за валовъ, или съ вершинъ скалъ въ горахъ. Нѣтъ, эти люди, про которыхъ говорили, что они приготовляются уничтожить бѣлую расу, спокойно возвратились домой; войска хватали ихъ въ то время, когда они работали на своихъ поляхъ, въ садахъ, или спокойно отдыхали въ семействахъ. И эти несчастные, которыхъ солдаты, обратившіеся въ полицейскихъ, схватывали безъ всякаго сопротивленія, быть можетъ, влеклись въ тюрьму, въ казе-

маты Мораць-Бэя или Кингстона? Нѣтъ, палачи разбивали имъ головы ударомъ палки, пронзали штыками, разстрѣливали, вѣшали на деревьяхъ передъ собственными ихъ хижинами. Отряды, подъ командой своихъ начальниковъ, пробѣгали окрестности, подобно волкамъ, пущеннымъ въ овчарню; повсюду, гдѣ только они останавливались, можно было слышать крики ужаса, стоны, мольбы и предсмертными хрипѣнія; каждый ихъ привалъ былъ обозначенъ лужею крови.

Ужасъ распространился между всѣмъ окрестнымъ народонаселеніемъ. Каждая деревня ожидала посѣщенія. Для того, чтобы предупредить его, толпа бѣдняковъ бросилась сама на встрѣчу солдатамъ, которыми командовалъ полковникъ Гоббсъ. «Что съ ними дѣлать?» писалъ онъ своему генералу Нельсону. «Они бросали свое оружіе и просили пощады. Я не могу оставить ихъ при себѣ, они стѣсняють моихъ людей и, я думаю, всѣ заслуживаютъ смерти». Что отвѣчалъ Нельсонъ? Мы не знаемъ. Но всѣ эти несчастные негры были осуждены и казнены; генералъ Нельсонъ вполне одобрялъ распоряженія полковника, говоря, что образъ дѣйствій его былъ полонъ разсудительности и умѣренности.

Продолжая свой путь, Гоббсъ встрѣтилъ въ одной деревнѣ значительное количество негровъ, которые безъ всякаго сопротивленія позволили себя арестовать констеблямъ. Не будучи въ состояніи стеречь своихъ плѣнниковъ и не желая отпустить ихъ, полковникъ приказалъ разстрѣлать всѣхъ во имя королевы. Вслѣдъ затѣмъ на констеблей была возложена обязанность привѣшивать трупы къ деревьямъ, растущимъ по дорогѣ.

Замѣьте, что всѣ эти подробности намъ извѣстны изъ оффиціальныхъ документовъ, донесеній губернатора Эри, генерала Нельсона, полковника Гоббса, лейтенанта Адкока, всѣ эти господа поздравляли себя и хвастались своими великими подвигами. Гоббсъ разсказываетъ намъ :

«Бунтовщики были отправлены въ портъ Моранъ и вѣшались цѣлыми толпами, по сорока семи человекъ за-разъ. Солдаты разстрѣливали ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что дорога, отъ Лонгъ-Бэя до Мэнчэоніа, на протяженіи восьми миль, была буквально покрыта трупами, такъ что съ трудомъ можно было проходить по ней».

А нѣсколько далѣе (мы приводимъ слово въ слово донесеніе г-на

Джона Гоббса): «Для меня служилъ путеводителемъ слуга Навель Богль (одинъ изъ воображаемыхъ предводителей возстанія). Это человекъ съ замѣчательными способностями. Онъ привязанъ веревкой къ моему сѣдлу, а при помощи револьвера, который я время отъ времени приставляю къ его головѣ, мы отлично понимаемъ другъ друга. Онъ знаетъ каждаго бунтовщика на цѣломъ островѣ, каждую фамилію и каждую деревню. Въ огромной толпѣ плѣнниковъ онъ показываетъ капитановъ, полковниковъ, секретарей и другихъ, которыхъ завтра я велю всѣхъ разстрѣлять».

Что вы скажете объ этомъ способѣ узнавать истину?

Далѣе слѣдуетъ: «такъ какъ онъ не хотѣлъ сказать правды, то наши молодцы матросы дали ему нѣсколько плетей, для того, чтобы преподавать ему, какъ слѣдуетъ вести себя прилично и освѣжить его память».

Въ этой замѣчательной экспедиціи, повидимому, каждый имѣлъ свою спеціальность. Храбрые матросы сѣкали, доблестные солдаты разстрѣливали, а благородные полицейскіе вѣшали по нѣскольку человекъ за разъ; одинъ и тотъ же индивидуумъ проходилъ три раза черезъ ихъ руки, прежде его сѣкли, потомъ разстрѣливали и наконецъ вѣшали. Но это случалось рѣдко, потому что войскамъ нужно было спѣшить.

Обратимся снова къ оффиціальному донесенію. «Предполагаемые бунтовщики, которыхъ привели къ намъ во вторникъ и среду, были допрошены, но кромя бродяжничества, относительно ихъ не было ничего доказано, на основаніи чего ихъ можно бы было отдать подъ военный судъ. Поэтому, изъ нихъ отобрали около тридцати человекъ, привязали одного послѣ другого къ пушкамъ и сильно высѣкли (наши молодцы моряки весело шли на занятіе); каждый получалъ, будучи раздѣтъ до нага, 50 ударовъ по спинѣ, какъ это производится во флотѣ. Между этими бунтовщиками былъ нѣкто Георгъ Маршалъ, брюнетъ двадцати пяти лѣтъ, который на сорокъ седьмой ударѣ стиснулъ зубы и бросилъ на эзекутора злобный взглядъ. Въ ту же минуту эзекуторъ приказалъ его отвязать и повѣсить. Сказано, сдѣлано.»

«17 октября послѣдняя женщина, которую къ намъ привели, была Сара Фрэнсисъ. Четыре изъ нашихъ моряковъ высѣкли ее самымъ ужаснымъ образомъ. Она признавалась, что была знакома съ Павломъ и Моисеемъ Богль, знала, что у нихъ бывали собранія, на

которыя приходило много народу; но больше этого она не хотѣла ничего говорить. Ее тотчасъ же повѣсили, она хладнокровно пошла на смерть». Дѣтей тоже съѣли.

Необходимо объяснить, что плеть, о которой здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ инструментъ, состоящій изъ девяти ремней, такъ что каждый изъ нихъ впивается въ тѣло. Пятьдесятъ ударовъ, данные только для того, чтобы научить хорошимъ манерамъ и освѣжить память, соотвѣтствуютъ 450 ударамъ. Ударъ плети съ перваго же раза просѣкаетъ тѣло до крови, мясо кусками сходитъ со спины. Много несчастныхъ получали по сту ударовъ, другими словами, девятьсотъ; можно считать чудомъ, что не всѣ тотчасъ же помирали. Ихъ бросали въ безчувственномъ состояніи, окровавленныхъ, подъ палящими лучами тропическаго солнца, не обращая вниманія на то, что ихъ становой хребетъ былъ почти совсѣмъ обнаженъ. Все это, конечно, дѣлалось защитниками сновоиствiя и порядка, во имя и авторитетомъ королевы Викторiи, которую зовутъ Добраю.

Какъ видите, плеть имѣла своихъ послѣдователей между этими защитниками справедливости; многіе предпочитали сѣченье висѣльцѣ и считали милосердіемъ, если преступника немедленно же разстрѣливали. Не всѣ получали эту милость; многіе были высѣчены до суда и послѣ него, многіе сначала высѣчены, а потомъ повѣшены.

«Исаакъ Камеронъ признался, что онъ убилъ одного изъ шестнадцати волонтеровъ, во время возстанія въ Моранъ-Бэй. Онъ хотѣлъ быть разстрѣляннымъ тотчасъ же. Но эскваторъ Маршалъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія исполнять его просьбу, а для того, чтобы доставить ему возможность предвкусить то, что его ожидаетъ, приказалъ дать ему 50 ударовъ плетью и въ то время какъ Исаака сковывали, одинъ изъ его товарищей получилъ только 25 ударовъ. Послѣ полудня ихъ привели въ судъ и затѣмъ казнили». Это я взялъ уже не изъ донесенія Эри, а изъ одного колониальнаго журнала, Morning Journal. Ямайскій Colonial Standard говоритъ совершенно спокойно: «Плеть взвивается съ утра до вечера. Сѣкутъ женщiнъ, сѣкутъ дѣтей, которыхъ приводятъ за воровство и затѣмъ отпускаютъ. Преступники отсылаются въ Моранъ-Бэй, для того чтобы быть повѣшенными или разстрѣлянными».

Высѣченъ, повѣшенъ, разстрѣлянъ, эти три слова безпрестанно повторяются. Въ продолженіе трехъ недѣль съѣли, вѣшали и раз-

стрѣливали и по послѣднимъ извѣстіямъ продолжаютъ сѣчь, разстрѣливать и вѣшать.

Между осужденными насчитываютъ нѣсколько европейцевъ, по большей части священниковъ перекрещенцевъ. Священники этой секты были особенно ненавистны плантаторамъ, которые, вмѣстѣ съ Тэймсъ, постоянно приписывали имъ революцію 1831. Въ то время, какъ почтенные пастыри англиканской церкви не имѣли ни малѣйшаго вліянія на негровъ, миссіонеры перекрещенцевъ увлекали въ свою церковь большую часть чернаго народонаселенія, такъ что, стало быть, на Ямайкѣ существуютъ двѣ протестантскія религіи, одна для аристократовъ-плантаторовъ, другая для негровъ. Особенно раздражало богатыхъ ямайцевъ то, что могущественныя ассоціаціи перекрещенцевъ храбро приняли въ Англіи сторону черныхъ. Надо правду сказать, что негры имъ и квакерамъ отчасти обязаны уничтоженіемъ невольничества. Между ними особенно Книбъ, Берчелль, Бекстонъ, Ундергиль, Вильямъ Артуръ и др. не переставали заботиться о своихъ бѣдныхъ братьяхъ по религіи, принадлежавшихъ къ черной расѣ, и приносили свои жалобы народу и парламенту Англіи, поэтому-то плантаторы поклялись въ смертельной враждѣ къ нимъ.

Докторъ Ундергиль послалъ въ прошломъ январѣ мѣсяцѣ министру колоній, г. Кардуэлю, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ, особенное письмо, съ изложешіемъ настоящаго порядка вещей на Ямайкѣ. Это письмо, которымъ мы воспользовались для нашей работы, содержитъ въ себѣ спокойный и безпристрастный разборъ положенія негровъ, причины ихъ страданій и постоянно увеличивающагося разоренія острова. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ нѣтъ никакихъ разсужденій, только одни факты и цифры. Въ заключеніе Ундергиль просить министра назначить комиссію для составленія отчета какъ относительно положенія дѣлъ, такъ и для пріисканія средствъ улучшить его. Министръ передалъ копію съ этого письма губернатору Эри, прося его произвести слѣдствіе, для того чтобы отвѣтить на поставленные вопросы. Что же сдѣлалъ этотъ опытный администраторъ? Онъ приказалъ опубликовать это письмо, назвавъ его несправедливымъ и наполненнымъ ложью; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ, чтобы плантаторы опровергли его. Оно было неопровержимо. Негры прочли его, начали съ энтузіазмомъ одобрять, и на всемъ островѣ начало распространяться нѣкотораго рода волненіе;

въ законодательномъ собраніи ходило по рукамъ прошеніе о представленіи его королевѣ Викторіи. Законодатели взыдовались, губернаторъ колоній пришелъ въ ярость, собственникамъ стала представляться неизбежная революція, они опасались, чтобы на нихъ не отразилось пораженіе испанцевъ въ С. Доминго и неудачи ричмондскихъ рабовладѣльцевъ; бѣшенство еще болѣе увеличивалось вслѣдствіе страха.

Между тѣмъ не всѣ бѣлые приняли сторону противъ негровъ.

Георгъ Вильямъ Гордонъ, передъ именемъ котораго ямайскіе негры будутъ точно также благоговѣть, какъ передъ Джономъ Брауномъ негры Соединенныхъ Штатовъ, былъ человекъ благочестивый, — «человекъ справедливый и боящійся Бога», выражаясь словами священнаго писанія, — потому что Гордонъ былъ точно также благочестивъ, какъ и Джонъ Браунъ. Онъ могъ бы считаться за бѣлаго потому что имѣлъ только четвертую часть черной крови въ жилахъ, но онъ родился рабомъ. Будучи одаренъ отъ природы хорошими качествами, онъ вскорѣ приобрѣлъ расположеніе своего крестнаго отца, который отправилъ его въ Европу. Воспитываясь въ Англіи, онъ получилъ очень хорошее образованіе, слушалъ курсъ въ эдинбургскомъ университетѣ и работалъ въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ. Онъ приобрѣлъ любовь одной довольно важной дамы, на которой и женился до возвращенія въ Ямайку. Потомъ началъ заниматься торговлей и умѣлъ составить себѣ довольно значительное состояніе, которымъ распоряжался какъ человекъ разсудительный и великодушный. Слабые и страдающіе находили въ немъ друга, притѣсняемые — покровителя. Никогда онъ не забывалъ, что родился рабомъ отъ матери рабыни и, сдѣлавшись богатымъ землевладѣльцемъ, пожертвовалъ свое состояніе, дѣятельность, способности и преданность на служеніе обиженной расѣ. Вслѣдствіе этого, или лучше, не смотря на это, его вліяніе увеличивалось со дня на день, и скоро онъ сдѣлался главою партіи реформы. Въ законодательномъ собраніи, въ которомъ онъ былъ членомъ, не смотря на то, что принадлежалъ къ числу частныхъ людей, не переставалъ протестовать противъ несправедливостей и предлагалъ, хотя и бесполезно, жѣры для поправленія дѣлъ.

Въ дѣлѣ Ундергиля, губернаторъ Эри приказалъ кустодамъ (нѣчто въ родѣ муниципальнаго совѣта и совѣта префектуры) приго-

товить рядъ отвѣтовъ, противъ которыхъ протестовало все негрн-
танское населеніе. Одинъ изъ кустодовъ созвалъ публичное собра-
ніе для обсужденія отвѣта, который слѣдовало послать министру.
Тогда Гордонъ написалъ жителямъ своего кантона, чтобы они яви-
лись въ собраніе и сами изложили свои жалобы. Такъ какъ это
письмо впоследствии было сочтено возмутительнымъ и послужило
предлогомъ для юридическаго убійства автора, то мы приведемъ здѣсь
два мѣста, считавшіяся наиболѣе преступными. Надо знать, что г.
Эри представлялъ королеву и министровъ, какъ своихъ участниковъ:

«Конечно, наша королева слишкомъ добра, для того чтобы ска-
зать что нибудь неприятное даже самому послѣднему изъ своихъ под-
данныхъ. Мы предполагаемъ, что г. Кардуэль и другіе министры
ея величества слишкомъ благородны и честныя личности, для того
чтобы имѣть намѣреніе оскорбить наши чувства своими рѣшеніями;
но они могли быть обмануты и ошлбитъ, а слѣдствія подобной
ошибки будутъ для насъ гибельны. Поэтому мы вамъ совѣтуемъ
быть благоразумными, но твердыми въ своихъ указаніяхъ, и не сомнѣ-
ваемся, что подъ конецъ истина восторжествуетъ».

Далѣе:

«Жители С.-Аннъ, нагіе и голодные бѣдняки С.-Аннъ, вы, кото-
рые не находите работы ни на плантаціяхъ, ни въ другихъ мѣ-
стахъ, мы призываемъ васъ. Если вы наги, то все-таки при-
ходите и протестуйте противъ несправедливыхъ рѣчей г. губерна-
тора Эри и его шайки кустодовъ; вамъ нужны люди внѣ-правн-
тельственаго вліянія, вамъ нужны честные люди, люди, которые
любятъ чувство справедливости, наконецъ такіе люди, которые васъ
знаютъ. Скажите вашимъ пасторамъ и священникамъ, чтобы они
показали ваше настоящее положеніе. Затѣмъ просите у неба, чтобы
оно помиловало васъ и было бы свидѣтелемъ возстановленія вашихъ
правъ!»

Вотъ человѣкъ, котораго обвиняютъ въ желаніи вырѣзать двад-
цать тысячъ бѣлыхъ, между которыми были его родственники и ихъ
семейства, ограбить ихъ собственность, къ числу которой принадле-
жало и его имущество, похитить женщинъ, умертвить дѣтей. На
основаніи все того же губернаторскаго донесенія, Гордонъ и другіе
предводители заговора, миссіонеры и пасторы, будто бы намѣрены

были отправиться въ Англію, для того чтобы испросить у королевы Викторіи утверженіе этихъ убійствъ и грабежей.

Вслѣдъ за возстаніемъ въ Моранъ-Бэй, губернаторъ послѣвшихъ свалить отвѣтственность за него на человѣка, который противодействовалъ ему въ законодательномъ собраніи, на человѣка, который былъ также популяренъ въ простомъ народѣ, какъ онъ, губернаторъ, непопуляренъ. Онъ объявилъ Гордона арестованнымъ и самъ отправился въ Кингстонъ, для того чтобы схватить его. Гордонъ былъ въ отсутствіи, и его не могли отыскать. Но узнавши, что его обвиняютъ, онъ самъ отдался въ руки полиціи, чтобы имѣть возможность отвѣтить на обвиненія, выставленныя противъ него. Губернаторъ, завладѣвъ имъ, велѣлъ тотчасъ же перевести его на пароходъ и взялъ съ собою въ Моранъ-Бэй, желая отнять отъ гражданской судебной власти Кингстона и предать въ руки военного суда, назначеннаго имъ же самимъ и состоящаго изъ двухъ флотскихъ подпоручиковъ и прапорщика милиціи, изъ которыхъ самому старшему не было двадцати пяти лѣтъ. Эти трое молодцовъ охотно принялись за дѣло, они вѣшали по сотнѣ негровъ въ день и раздавали тысячу или двѣ ударовъ плетьюми. Когда въ нихъ привели этого англичанина, вожда главу партіи реформы въ Ямайкѣ и оппозиціоннаго депутата законодательнаго собранія, этого краснорѣчиваго оратора, вліятельнаго землевладѣльца, мирового судью, чловѣка, который былъ такъ любимъ всѣми, обожаемъ бѣдными и несчастными, то подпоручики Брентъ и Геррингтонъ и прапорщикъ Кетти ни на минуту не задумались,—они послѣшили прочесть обвинительный актъ, выслушать отвѣты плѣнника, выкурили одну или двѣ рапателла и затѣмъ приговорили Георга-Вилліама Гордона къ висѣлицѣ. Это было въ субботу, но для того, чтобы не профанировать святость воскресенья, казнь отложили до понедѣльника. Гордонъ умеръ, также какъ и жилъ: держалъ себя на эшафотѣ кротко и безмолвно, въ то время какъ развращенная толпа испускала родостные крики и производила канібальскіе жесты, доставляя себѣ забаву вырваніемъ у скованнаго чловѣка его одежды и очковъ. Чернь радовалась! Бѣдная вдова была брошена въ тюрьму, за то, что слишкомъ громко плакала, узнавъ объ ужасной новости. За часъ до смерти, этотъ мужественный чловѣкъ написалъ своей женѣ прощальное письмо, меланхолическое и нѣжное, надъ которымъ пролило

ниго слезъ въ Англіи. Своєю кротостью оно сильно возбудило общественное мнѣніе противъ убійцъ и заставило требовать правосудія! Правосудіе для злодѣевъ! Это послѣднее сердечное изліаніе Гордона отличается непостижимою кротостью, кротостью, противъ которой мы протестуемъ во имя человѣческаго достоинства, во имя ненависти, которую заслуживаетъ преступленіе; во имя презрѣнія, которое заслуживаютъ негодяи. А между тѣмъ эта кротость чистосердечна, она въ своемъ родѣ велика и благородна. Мы можемъ только восхищаться ею, какъ восхищаемся Іоанномъ Гуссомъ, который, будучи привязанъ къ костру, вскричалъ, увидѣвъ бѣдную женщину, несшую свою вязанку соломы: *santa simplicitas!* Святая простота не составляетъ ли скорѣе характеръ Гусса, и въ этомъ случаѣ Гордона, тѣмъ старухи? Что же касается до насъ, то мы предпочитаемъ послѣднее письмо Джона Брауна, оно не менѣе благочестиво и рѣшительно, но въ немъ болѣе силы, веселости и героизма, однимъ словомъ, оно болѣе *человѣчно*. Я видѣлъ ягненка, привязаннаго за всѣ четыре ноги къ станку на бойнѣ, я видѣлъ, какъ его тѣло трепетало подъ ножомъ, я слышалъ его блѣніе, слабое и жалобное, я встрѣтилъ его послѣдній взглядъ, въ которомъ не было ни слѣда ненависти, и сожалѣлъ, что ягненокъ не волягъ, или скорѣе, не тигръ! Какъ бы то ни было, вотъ письмо Гордона, оно имѣетъ, по крайней мѣрѣ, психологическій интересъ, его можно принять за прощаніе мученика III столѣтія.

«Любезная жена, генералъ Нельсонъ былъ такъ добръ, сообщивъ мнѣ, что военный судъ приговорилъ меня въ прошлую субботу къ висѣльцѣ, и что приговоръ будетъ исполненъ черезъ часъ. И такъ я не буду болѣе принадлежать къ этому міру печали и грѣха. Я сожалѣю, что мои дѣла разстроятся вслѣдствіе этого, но теперь уже помочь нельзя.

«Я вовсе не заслуживаю такого приговора, потому что никогда не возбуждалъ возстанія и никогда не принималъ въ немъ участія. Я всегда совѣтовалъ жаловавшемуся народу искать возстановленія своихъ правъ законнымъ путемъ, и если въ этомъ я ошибался или меня дурно поняли, то все-таки я не думаю, чтобы заслужилъ этотъ строгій приговоръ. Однако, воля отца моего небеснаго, чтобы я страдалъ, повинуюсь его приказаніямъ—облегчать участь бѣдныхъ и нуждающихся и защищать, какъ я это дѣлалъ, притѣсненныхъ.

«Я могу сказать теперь словами апостола Павла: часть моей наступилъ, и я готовъ предстать предъ Господомъ.

«Я боролся за доброе дѣло, хранилъ вѣру, и отнынѣ мнѣ уготованъ непорочный вѣнецъ, который Господь Богъ, праведный судья, дастъ мнѣ. Передайте отъ меня поклонъ всемъ друзьямъ и скажите имъ, чтобы они не печалились обо мнѣ, потому что я умираю невиннымъ. Увѣрьте г. Эри и всѣхъ другихъ, что это дѣйствительно правда. Мужайтесь. Конечно, я не ожидалъ подобнаго конца. Живите благочестиво, и Господь утѣшитъ васъ. Не краснѣйте за смерть, отъ которой пострадалъ вашъ бѣдный мужъ.

«Повидимому, судьи были противъ меня, и притомъ строгость суда не позволила мнѣ представить тѣ объясненія, которыя я хотѣлъ высказать. Андерсонъ далъ ложное показаніе противъ меня и хотя свидѣтельство Гордона отличалось отъ перваго, но судъ припалъ первое и не призналъ послѣдняго.

«Казалось, меня хотѣли принести въ жертву. Я ничего не знаю о человѣкѣ, котораго называютъ Богль. Я никогда не внушалъ ему такого поступка или поступковъ, которые привели меня къ катастрофѣ. Напишите пожалуйста г. Чамеровцову, лорду Бруму, точно также какъ гг. Генкеллю и Дюбюиссону.

«Такъ какъ я вовсе не бунтовщикъ, то и не ожидалъ, что меня стануть судить подобнымъ образомъ. Я думалъ, что его превосходительство г. губернаторъ дастъ мнѣ законныя средства къ защитѣ, если противъ меня въ самомъ дѣлѣ существуютъ данныя, обвиняющія меня въ возбужденіи бунта и въ произнесеніи возмутительныхъ рѣчей. Но я не имѣлъ возможности представить оправданіе.

«Генералъ Нельсонъ, только-что посѣтившій меня, обѣщалъ передать это письмо вамъ. Я молю Господа, чтобы онъ благословилъ его, точно также какъ всѣхъ солдатъ и матросовъ, чтобы благословилъ всѣхъ людей. Поклонитесь отъ меня гг. Филиппу, Лоскарту, Беллю, Випону, Апри Дюласу и многимъ другимъ, имена которыхъ я не могу теперь припомнить, но которые были для меня искренними и вѣрными друзьями.

«Но мнѣ нужно кончать. Напомните обо мнѣ тетускѣ Элизѣ, въ Англіи, и скажите ей, чтобы она не стыдилась моей смерти. А теперь моя дорогая жена, моя любимая и вѣрная супруга, пусть Господь Богъ васъ благословитъ, сохранить и утѣшитъ! Поцѣлуйте

за меня дорогую маменьку, которая будет добра къ вамъ, и Дженетъ. Точно также поцѣлуйте Анну и Джека. Поклонитесь дорогому Девисону и всѣмъ другимъ.

«Мнѣ дали только одинъ часъ. Я желалъ бы имѣть больше времени. Поклонъ г. Испенту, который послалъ мое частное письмо, адресованное на его имя. А теперь, пусть милость нашего Господа пребываетъ со всѣми нами!

Вашъ преданный мужъ, который скоро умретъ,
Ж. В. Гордонъ.»

P. S. Я просилъ позволенія видѣть многоуважаемаго г. Пантера, но генералъ сказалъ, что это невозможно. Я простился съ нимъ, какъ христіанинъ. Напомните обо мнѣ тетушкѣ и отцу. Г. Рэмси былъ въ послѣдніе два дня чрезвычайно добръ ко мнѣ. Благодарю его.»

По крайней мѣрѣ, смерть бѣднаго Гордона и нѣкоторыхъ изъ его бѣлыхъ друзей, которыхъ губернаторъ Эри представляетъ какъ зачинщиковъ бунта, положила конецъ казнямъ? Отдѣлавшись жестокимъ образомъ отъ предполагаемыхъ предводителей, можно было думать, что они начнутъ снисходительно обращаться съ ихъ сообщниками, со сбившейся массой? Разуверьтесь. То, что предшествовало убійству Гордона, было ничто сравнительно съ тѣмъ, что дѣлалось послѣ. Англичане, подобно дикому звѣрю, который, напившись разъ крови, хочетъ уже постоянно пить ее и не въ состояніи утолить своей жажды: цѣлыми массами солдаты, моряки, плантаторы, генералы, полковники, капитаны кораблей, простые матросы, чиновники и лавочники одушевились какой-то необузданной страстью сѣчь, вѣшать, разстрѣливать, душить бѣдное, безоружное населеніе, пришедшее въ какое-то оцѣпененіе, населеніе, которое еще недавно было въ рабствѣ и которому миссіонеры внушали евангельскія правила: «если тебя ударятъ по лѣвой щекѣ, то подставь правую!» Убійцы приходили въ деревни по десяти, двадцати и тридцати человекъ, вооруженные, кто карабиномъ, кто револьверомъ, кто топоромъ, кто коробочкой сѣрныхъ спичекъ, кто связкой крѣпкихъ веревокъ, кто, наконецъ, плетью изъ девяти ремней. Каждый предавался полному наслажденію, одинъ распарывалъ животъ ударомъ штыка, другой жегъ голову, третій сѣкъ женщинъ, четвертый жегъ дома. Это было ка-

кое-то умопомѣшательство, мамія къ убійствамъ, которая мгновенно овладѣла цѣлымъ населеніемъ. Бѣда тому, кто почуветь пролитуя кровь! Его ноздри суживаются, зубы скрѣпятся и хотятъ впиться въ трепещущее тѣло; опьяненіе отъ крови такъ же ужасно, какъ отъ пороха, и въ тысячу разъ ужаснѣе, чѣмъ отъ воды. Матросы и солдаты состязались другъ съ другомъ въ наглости, веселости и увлеченіи, они отправлялись на экспедиціи во внутреннія страны, рѣзали кого вздумается и, не смотря на то, не могли пожаловаться ни на одинъ несчастный случай между ними, отъ выстрѣла или брошеннаго камня. Они переходили въ бродъ рѣки, проникали черезъ болота и возвращались покрытые грязью и окровавленные, но за то отлично потѣшившись и приобрѣтя славу. Они такъ думали, и ихъ увѣряли въ этомъ. Они забавлялись, сказали мы. Дѣйствительно, въ то время, какъ губернаторъ Эри поздравлялъ себя въ своемъ рапортѣ въ полномъ согласіи, которое царствуетъ между имъ и генераломъ Нельсономъ, и взаимномъ удовлетвореніи, которое имъ доставило дѣло Гордона, полковникъ Форде рассказываетъ, какъ его солдаты вѣшали по деревьямъ негровъ, которые попадались имъ въ руки, какъ жители убѣгали при ихъ приближеніи, но тамъ и сямъ падали, будучи настигнуты пулями добрыхъ эффильдскихъ карабиновъ. «Это сильно забавляло нашихъ людей», говоритъ полковникъ Гоббсъ.

Солдатамъ сказали, что они въ этомъ дѣлѣ покрылись славомъ... Вотъ благодарственное посланіе, которое вручили имъ чиновники и *джентльмены* округа С-тъ Давида, въ кантонѣ С-тъ Томасъ:

«Полковнику Гоббсу, командиру войскъ ея величества, въ Монклендѣ и офицерамъ шестого королевскаго полка.

«Господа, мы не можемъ дозволить вамъ оставить нашу мѣстность, въ которой ваше присутствіе такъ много способствовало нашей безопасности и комфорту, не изъявивъ вамъ нашу глубокую признательность за великія услуги, которыя вы оказали, какъ всему острову вообще, такъ и нашему округу въ особенности. Бунтовщики были массами арестованы и получили вознагражденіе, заслуженное ихъ ужасными злодѣянствимами. Ихъ взмѣнническія гнѣзда были уничтожены, жилища, сгорѣвшія до тла, обѣщаютъ еще болѣе полное уничтоженіе (Между прочимъ слѣдуетъ сказать, что ямайскіе журналы упрекали Гоббса и его войска въ мягкости и снисходительности). Всѣ

предводители были схвачены и съ ними поступлено по заслугамъ. Съ этихъ поръ мы будемъ пользоваться отдыхомъ и спокойствіемъ, которое они нарушили такимъ извѣщическимъ образомъ... Вы возвратили намъ порядокъ, миръ и тишину. Кто сопровождалъ ваши войска, могутъ одни только засвидѣтельствовать передъ всѣмъ свѣтомъ, какъ велика была ихъ героическая храбрость и благородное терпѣніе. Безъ всякаго ропота, вы переходили рѣки, разлившіяся отъ дождей, горы, болота и благородно исполняли свою обязанность, какъ слѣдуетъ англійскимъ солдатамъ».

Полковникъ отвѣчалъ на это слѣдующее:

«Джентльменамъ округа С-тъ Давида, западнаго кантона С-тъ Томаса:

«Господа, позвольте отъ моего имени и отъ имени моихъ семи доблестныхъ офицеровъ шестого королевскаго полка, участвовавшихъ въ короткой, но рѣшительной кампаніи, которая продолжалась четырнадцать дней въ западномъ С-тъ Томасѣ,—поблагодарить васъ за вашу честный и краснорѣчивый адресъ. Самыя опасныя явленія бунта происходили въ другомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ подъ начальствомъ такого опытнаго и развитаго предводителя, какъ бригадный генералъ Нельсонъ, нѣсколько ротъ моего полка достойнымъ образомъ отличались вмѣстѣ съ его кавалеріей, аристократіей, зуавами и моряками. Поле нашей дѣятельности было ограниченное, но я не совѣтую исторіи забывать экспедиціи, подобныя тѣмъ, которыя вели наши двѣ роты кавалеріи, главная обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы буксировать пѣхоту, привязанную къ хвостамъ ихъ лошадей.

«Господа, вы насъ знаете, вы раздѣляли съ нами нашу мечь, которая была не дурна, и наши бивуаки, которые не всегда были сухи. Вы знаете, что пустые комплименты не достойны ни васъ, ни меня. Вашъ адресъ доставилъ намъ тѣмъ большее удовольствіе, что мы васъ считаемъ за людей прямыхъ и чистосердечныхъ... Шестой королевскій полкъ не станетъ раскаяваться въ томъ дѣлѣ, которое онъ совершилъ въ Монкландѣ; и Монкландъ, я увѣренъ, не забудетъ насъ... Я считаю наградой подтвержденіе, что войска, находившіяся подъ моимъ начальствомъ, не совершили ни одного безчиннаго поступка и что во время этой тяжелой и трудной экспедиціи, ни одинъ изъ моихъ солдатъ не поналъ въ реестръ

большыхъ. Мы будемъ вспоминать о томъ, какъ вы, храбрые и благородные джентльмены, перенесли черезъ волны наводненія карабины нашихъ солдатъ, боровшихся противъ теченія рѣки. Когда болѣе счастливые дни возвратятся вашей странѣ и когда наши волосы посѣдѣютъ, мы разскажемъ маленькимъ дѣтямъ, которыя будутъ сидѣть у нашего очага, какъ особенное providѣнне спасло насъ въ возстаніи 1866 г., когда мы сидѣли день и ночь въ лѣсу и волнахъ...»

— И это все? Нѣтъ еще, не совсѣмъ!

Бѣлые такъ долго рѣзали, что сабли ихъ притупились, они такъ долго сѣкли, что даже руки матросовъ утомились; но ярость не была еще утолена. Что же они сдѣлали? Они созвали негровъ Моранъ-Бая. Плантаторы пользовались ими для охоты на тѣхъ негровъ, которые спасались бѣгствомъ, но несчастныхъ приводили скваннами къ командиру. Эманципация коснулась только рабовъ и, мароны остались внѣ ея цивилизующаго вліянія.

И такъ мароны были снова на вербованы губернаторомъ и ямайскими властями. Имъ дали немного денегъ и большое количество водки; снабдили карабинами, пулями, порохомъ и пьяныхъ выпустили на ихъ же собственныхъ братьевъ, черныхъ, мирныхъ земледѣльцевъ. Шайки мароновъ падали на бѣглецовъ въ лѣсахъ, болотахъ, горахъ, однимъ словомъ, въ такихъ мѣстахъ, куда тяжеловѣсный англійскій солдатъ никогда бы не проникъ. Съ ужаснымъ воемъ осаждали они хижины и деревни, жгли, грабили, рѣзали цѣлыми массами и въ одиночку, дѣлали облавы и истребляли людей гуртомъ. Стрѣляли въ бѣжавшихъ и вѣшали тѣхъ, которые оставались, уничтожали говядину и ромъ, насиловали женщинъ, какъ мертвыхъ, такъ и живыхъ, короче сказать, веселились чудесно, лучше губернатора Эри, лучше полковника Гоббса и лучше англійскихъ солдатъ и матросовъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, дороги были обставлены висѣльцами, лѣсъ усыянъ трупами, рѣки несли цѣлыя массы ихъ, берега были завалены человѣческими скелетами, цѣлые округи сдѣлались непроходимыми; вслѣдствіе вѣи отъ гниющихъ труповъ. Убито было три тысячи триста негровъ и между тѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все еще продолжалась рѣзня. Тѣмъ не менѣе было очевидно, что большая часть дѣла была окончена. Мароны получили приказаніе возвратиться въ Кингстонъ,

а оттуда въ столицу. Ямайки, гдѣ они въ присутствіи огромной толпы джентльменовъ, храбрыхъ и благородныхъ, торжественно представлялись губернатору, окруженному своимъ главнымъ штабомъ, точно также какъ военными, морскими, праздничными и духовными властями. Его превосходительство обратился къ нимъ со спичемъ, поздравлялъ и благодарилъ ихъ отъ имени величества королевы Викторіи.

Мароны отвѣчали пронзительнымъ воемъ и прогорланили свою военную пѣсню, съ далунами и перьями на своихъ фуражкахъ, съ вышалами, привѣшанными съ боку, въ ножнахъ изъ козлиной шкуры, едва прикрытые нѣсколькими тряпками, но раскрашенные краснымъ, зеленымъ и голубымъ цвѣтами, они имѣли честь плавать передъ ихъ превосходительствами, гг. Эри и вообще властями, но такой тапець, который мы не беремся описать... Затѣмъ были открыты боченки рому и британскаго джину! Это былъ карнавалъ убійствъ, праздникъ рѣзни.

Каждый имѣлъ овацію, мароны свою, полковникъ Гоббсъ свою. Пальмерстонскіе журналы, съ Теймсъ въ главѣ, благодарили генерала Эри отъ имени отечества. Всѣ похвалы, высказанныя имъ маронамъ, были возвращены ему съ лихвой Standard'омъ и Daily Telegraph'омъ. Эри представлялся чѣмъ-то въ родѣ Карла Мартеда, Гуиада или Яна Собѣскаго, Эри отразилъ варварство, коммунизмъ, и безбожіе, Эри былъ защитникъ цивилизаціи, спаситель порядка, человекъ, посланный провидѣніемъ! И это все происходило въ 1865 г., въ царствованіе ея величества Викторіи I.

Чувствую, что эта омерзительная бойня, которую я разсказалъ фактъ за фактомъ, не прибавляя отъ себя никакихъ поясненій, должна произвести на читателя непріятное впечатлѣніе. Я испыталъ его самъ и, надѣюсь, каждый испытаетъ, въ комъ есть хотя малѣйшій отблескъ совѣсти на подобныя злодѣянія. И все это совершается либеральною Англіею и ея свободными дѣтищами. А между тѣмъ въ парламентѣ произносятся гуманныя рѣчи, собираются оппозиціонные митинги, для обсужденія разныхъ благодѣтельныхъ реформъ, и произносятся тосты во имя союза и братства народовъ. Полюбуйтесь, поклонники Англіи, на это каннибальство такъ называемой про-

священной нации, которая всегда готова вырвать нѣсколько тысячъ беззащитныхъ дикарей за нѣсколько шиллинговъ. Жажда денегъ заглушаетъ въ англичанинѣ всякое человѣческое чувство, всякое сознание справедливости. Изъ за денегъ онъ готовъ вѣшать другихъ и самъ повѣситься. Жажда денегъ была главнымъ побужденіемъ Англій къ распространенію ея колонизаціи и къ истребленію цѣлыхъ расъ на земномъ шарѣ. Уничтожьте эту страсть въ англичанинѣ, и онъ перестанетъ быть англичаниномъ.

Жанъ Локеренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Сожалѣніе о томъ, что наши почвенники не дождались своей лебединой тѣни.—Земскія учрежденія начинаютъ свою жизнь въ то самое время, когда представители почвы умираютъ.—Объемъ занятій Земства.—Неотразимая его борьба въ будущемъ съ бюрократизмомъ.—Апатія и пассивность русскаго общества.—300 «благороднѣйшихъ членовъ», по мнѣнію г. Каткова, только и способны участвовать въ Земствѣ.—Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?—Что есть общаго между интересами Земства и интересами «благороднѣйшихъ членовъ»?—Первыя попытки нашего самоуправленія.—Результаты этихъ попытокъ.

I.

Со времени кончины славянофильскихъ представителей, «Времени» и «Эпохи», вопросъ о почвѣ и объ органическомъ развитіи не возбуждаетъ уже ничего полемическаго жара. Полемическія силы литературныхъ бойцевъ устремились на другіе предметы, и поле «почвы» покрылось туманомъ забвенія.

Между тѣмъ теперь-то и наступило время, когда слѣдовало бы почвенникамъ трубить во всѣ трубы, вести пробуждающееся общество къ новой жизни, концентрировать его силы и возбуждать энергію.

Къ сожалѣнію, почвенники никогда не понимали ясно своей задачи и только потому они сложили свои кости, не дождавшись побѣды, и ни одна слеза не канула, чтобы почтить память этихъ, хотя и честныхъ людей, искренно любившихъ Россію, но только непонимавшихъ, что ей нужно.

Идеи и стремленія почвенниковъ были до того смутны, что ни въ устныхъ бесѣдахъ съ ними, ни изъ ихъ статей нельзя было никогда понять ясно, чего они хотятъ, какой ясно очерченный

образъ составляетъ ихъ идеаль. Блуждая безъ точно опредѣленной цѣли, они, какъ лунатики, заблудились въ своихъ сухихъ туманахъ и общество забыло ихъ.

Смутность понятій почвенниковъ была до того велика, что когда наступило время для ихъ торжества, они не увидѣли своего восходящаго солнца и не проронили ни одного слова, чтобы сказать своимъ противникамъ—вотъ наша правда, вотъ чего мы хотѣли и вотъ изъ чего должна возникнуть почва, которую мы проповѣдывали!

Почвенники не сказали этого только потому, что они не поняли смысла новаго явленія: если бы они поняли его, они бы сказали свое слово и начали бы новую эру своего существованія, выступивъ на поле дѣйствительной жизни и практическаго осуществленія своего ученія. Они же поступили совсѣмъ иначе: они сошли со сцены какъ разъ тогда, когда имъ слѣдовало явиться во всеоружіи.

Восходящее солнце русскаго органическаго развитія, незамѣченное почвенниками, составляютъ наши новыя земскія учрежденія.

Въ нихъ кроются начала нашего будущаго экономически-соціального быта, широта развитія котораго будетъ, конечно, зависѣть оттого, какъ мы съумѣемъ понять свою задачу и насколько широка и сила потребности дать намъ энергію осуществить свои стремленія.

На основаніи «Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ», учрежденія эти завѣдываютъ пмуществами, капиталами и денежными сборами земства. Они устраируютъ и содержатъ принадлежащія земству зданія и другія сооруженія и пути сообщенія, содержимые на счетъ земства. Они принимаютъ мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія. Завѣдываютъ земскими благотворительными заведеніями, опредѣляютъ способы къ прекращенію нищенства, пекутся о построеніи церквей, управляютъ дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имуществъ; пекутся о развитіи мѣстной торговли и промышленности, участвуютъ въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ; содѣйствуютъ къ предупрежденію падежей скота, а также къ охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растений отъ истребленія саранчей, сусликами и другими вредными животными и наськомыми; участвуютъ въ дѣлахъ о почтовой повинности; раскладываютъ государственные денежные сборы, разверстываніе которыхъ возложено на земскія учрежденія; назначаютъ, раскладываютъ взимаютъ и расходуютъ мѣстные сборы, для удовлетворенія зем-

скихъ потребностей; представляютъ высшему правительству свѣдѣнія и заключенія по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда и ходатайствуютъ объ удовлетвореніи ихъ; земскія учрежденія имѣютъ право, именемъ земства, приобретать и отчуждать всякаго рода имущества, заключать договоры, принимать обязательства, вчинать гражданскіе иски и отвѣтствовать въ гражданскихъ судахъ по имущественнымъ дѣламъ земства.

Программа эта, повидимому, коротка, но она обнимаетъ всю внутреннюю экономическую народную дѣятельность, такъ что земство становится заявителемъ, представителемъ и удовлетворителемъ всѣхъ рѣшительно потребностей страны, исключая чисто-политическихъ. До сихъ поръ страна была безгласна и не имѣла никакого права заботиться сама о своихъ нуждахъ. Всѣ нужды предвидѣлись и удовлетворялись особо приставленными для того чиновниками, и привычка управлять или быть управляемыми, вкорененная въ насъ вѣками, создала наконецъ тотъ странный разладъ, который выразился, съ одной стороны, безгласно-исполнительнымъ, сухимъ, чуждымъ дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ бюрократизмомъ; а съ другой — безгласной, пассивной и покорной подчиненностію управляемыхъ. Это два основныхъ элемента, примиреніемъ которыхъ должна служить одна общая русская жизнь и всѣ экономически-соціальныя интересы слиться въ одно громадное цѣлое. Такое примиреніе и сліянiе не совершится скоро, и мы присутствуемъ только при началѣ той борьбы, въ окончательномъ результатѣ которой будетъ поглощеніе одного элемента другимъ; тѣмъ и завершится сліянiе и кончится та многовѣковая борьба, начало второй положено постановленіемъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Исторія этой борьбы и поглощенія одного элемента другимъ будетъ не сложна, не смотря на ея продолжительность; какой элементъ возьметъ перевѣсъ — тоже очевидно, и потому задача нашего времени и всего послѣдующаго періода сліянiя должна заключаться въ томъ, чтобы ненужнымъ противодѣйствіемъ не затягивать исполненіе того, чего избѣгнуть невозможно, и такимъ образомъ не отдалять момента, когда соединеніе всѣхъ силъ въ одно цѣлое дастъ наконецъ возможность проявиться русскому уму въ его полной коллективной активности.

Такое сліянiе, въ основѣ котораго лежитъ самоуправленіе, предполагаетъ уже довольно высокое экономическое и интеллектуальное развитіе народа; оно предполагаетъ такое гражданское, состояніе

общества, при которомъ каждый проникнуть сознаниемъ своихъ общественныхъ обязанностей и той солидарности, связывающей всѣхъ въ одно, при которой является уже личная непогрѣшимость, и управление идетъ дѣйствительно *само*, не нуждаясь ни въ какихъ волицейскихъ понужденіяхъ или управленіи лицами внѣшней силой: каждый дѣлаетъ свое дѣло самъ, зная, что и почему онъ дѣлаетъ и что необходимо для частнаго и общаго благоденствія.

Это тотъ идеаль, къ которому должно стремиться русское общество и къ которому оно придетъ болѣе или менѣе скоро, смотря потому, на сколько элементы, враждебные развитію этого состоянія, будутъ ему противоdѣйствовать и на сколько русскій гений обнаружитъ силы и широты въ своихъ стремленіяхъ и энергій въ ихъ достиженіи.

Чтобы дѣло земскихъ учрежденій шло прямымъ и слѣдовательно самымъ короткимъ и быстрымъ путемъ, нужно, чтобы представители ихъ, т. е. тѣ, кого народъ избересть какъ своихъ уполномоченныхъ, имѣли широкое понятіе о своемъ общественномъ долгѣ; чтобы они постоянно имѣли въ виду тѣ отдаленныя цѣли, къ которымъ стремится народная жизнь; чтобы они имѣли столько гражданскаго мужества, чтобы не дѣлать уступки враждебнымъ вліяніямъ, стремящимся увлечь ихъ съ прямого пути.

Задача эта вовсе не трудна, если только люди знаютъ, на что они призваны, и знаютъ цѣль, къ которой они должны стремиться.— Сущность историческаго развитія народовъ очень проста, и мы, русскіе, не дѣлаемъ исключенія изъ общаго правила. Въ основѣ всякой народной жизни лежитъ бессознательный экономизмъ. Человѣчество шло до сихъ поръ по пути прогресса также, какъ растетъ младенецъ, лежащій въ колыбели. Онъ проситъ пить и ѣсть; онъ устраняетъ то, что ему мѣшаетъ, вытягивается въ ту сторону, куда ему просторно; принимаетъ удобное положеніе и растетъ, самъ того не зная. Масса человечества развивалась совершенно тѣмъ же путемъ. Богатые и сильные, бѣдные и безсильные, въ пониманіи сущности своей исторической жизни, рѣшительно не отличались другъ отъ друга и, стремясь только къ удовлетворенію своихъ насущныхъ потребностей, шли то вправо, то влѣво, подвигаясь впередъ подъ вліяніемъ разныхъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ. Прогрессомъ двигало до сихъ поръ не сознание богатыхъ или бѣдныхъ, а знанія и изобрѣтенія, измѣнявшія общественныя отношенія. Устанавливались иначе отношенія, являлись и другія слѣдствія. Во главѣ движенія стояла, разумѣется, интеллектуальная сила, но масса никогда не была ея покровительницей. Сила экономизма массы про

являлась только въ ея безсознательномъ экономическомъ ростѣ. Только вслѣдствіе этой безсознательности и могъ сложиться тотъ печальный міровой общественный порядокъ, который приходится перестраивать вновь. Наша русская историческая жизнь шла тѣмъ же путемъ; экономизмъ управлялъ силами народа, давая имъ прогрессивное направленіе, но разныя внѣшнія обстоятельства были слишкомъ сильны, чтобы дать возможность свободнаго развитія народнымъ силамъ. Эти постоянныя препятствія, дѣйствовавшія въ теченіе тысячелѣтій нашего историческаго существованія и неизвѣстнаго числа тысячелѣтій существованія до-историческаго, привели наконецъ Россію къ такому состоянію, что ей нужно было или измѣнить условія своего экономическаго быта, или же, идя старымъ путемъ, прійти къ полному истощенію. Освобожденіе крестьянъ, земскія учрежденія и судебныя реформы — вотъ тѣ попытки перестройки нашего общественнаго быта, которыми заканчивается періодъ нашего безсознательнаго историческаго существованія и начинается періодъ сознательной экономически-соціальной жизни. Этими реформами, обнимающими экономическую сущность нашего общественнаго быта, лучше всего указывается, въ чемъ заключается наше безсиліе и тотъ путь, которымъ намъ слѣдуетъ идти впередъ, не уклоняясь за преслѣдованіемъ цѣлей, не относящихся къ экономически-соціальной сущности жизни. Сѣверо-американскіе штаты сложившись въ политическое цѣлое, отказались отъ всякой политики въ томъ смыслѣ, какъ понимала ее Европа. Сознательный экономизмъ и всякое устраненіе того, что мѣшаетъ экономическому росту, были единственными путеводителями. Только въ этомъ и причина той гигантской силы, которую выказывали постоянно Штаты и выказали еще разъ въ послѣднюю войну. Разумѣется, американское устройство общественнаго быта не безупречно, и выработка одной политической личной свободы еще не даетъ свободы соціальной, и далеко не достигаетъ человѣческаго благополучія. Но тѣмъ лучше насъ, что мы имѣемъ такой превосходный историческій примѣръ, и отъ насъ будетъ зависѣть воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ, чтобы не повторить ошибки американцевъ. Другой урокъ представляетъ намъ земледѣльческій Китай, въ которомъ безземельность значительной массы населенія, съ одной стороны, и дробность личнаго земельного владѣнія, съ другой, привели размножившееся до крайности общество до такого состоянія, что ему приходится совершенно перестроить свой экономически-соціальный и политическій бытъ. Третій спасительный урокъ даетъ намъ западная Европа, съ ея промышленнымъ пролетаріатомъ. Въ этихъ трехъ ис-

торических уроках мы имеем таких драгоценных руководителей, что если не сумеем воспользоваться ими и захотим собственным опытом доходить до знания, которое нам предлагают даром, то, разумеется, не докажем этим силы русского интеллекта.

Из этих трех уроков самый поучительный для нас, конечно, Китай, по сходству его земледельческо-экономических условий с нашими. Обширная империя, с 460 миллионным населением, вовсе не мечта и не выдумка теоретиков. 4500 лет существует этот народ, как сложившееся политическое целое, и выработанный им внутренний экономический быт служит лучшим разрешением спора о наиболее выгодном пользовании землею. Этого урока не может дать нам промышленная Европа, живущая по преимуществу промышленной жизнью и выработавшая по преимуществу и пролетариат промышленный. Нам, для уяснения себя будущих наших земледельческих условий, нужна такая страна, которая, найдя когда-нибудь в том же экономическо-земледельческом положении как мы теперь, развивала затем свой земледельческий быт в течение долгого периода времени. Одинаковы причины должны создать одинаковые следствия, и потому в теперешнем положении земледельческого Китая мы, с полной основательностью, можем видеть свое будущее экономическое положение. Европа, разрабатывающая вопрос о промышленных ассоциациях, не касалась еще вопросов земледельческого быта, они у нея стоят еще только на очереди; у нас же напротив: для нас вопрос основной важности есть вопрос земледельческий, и на нем должен быть построен весь наш экономический быт — земледельческий и промышленный.

Другой вопрос, не менее важный, каким путем пойдет земское самоуправление, и на сколько у земства достанет сил отрешиться от бюрократических привычек, в которых так давно воспитывается Россия. — Земское положение застало нас как раз в тот момент, когда прежние неправильности общественного быта подошли уже близко к той черте, за которой им было бы уже невозможно существовать. Все составные элементы этой неправильности отношений дошли, если и не вполне до своего maximum'a, то во всяком случае до той степени развития, когда их убыточные для общества угловатости стали вполне очевидны даже для людей, вовсе не отличающихся наблюдательностью и способностью анализа общественных отношений. Постоянное, продолжительное распадение общества на управляемых и на управляющих

которые во всѣхъ ближайшихъ отношеніяхъ къ массѣ являлись въ лицѣ чиновничества, имѣло такое огромное вліяніе на мировоззрѣніе и выработку общественныхъ понятій, на слои чиновничества и дворянства, что трудно ожидать скорого установленія въ этихъ двухъ слояхъ нашего общества настоящихъ правильныхъ воззрѣній на сущность своихъ отношеній къ остальному населенію. При обширномъ кругѣ занятій, который достанется на долю земскихъ учреждений, для нихъ потребуется огромная масса разнообразныхъ исполнительныхъ органовъ. Эти исполнители явятся большею частью изъ чиновничьяго слоя и изъ дворянъ, какъ наиболѣе привычныхъ въ искусствѣ управленія. Разумѣется, что люди, явившіеся для управленія, внесутъ съ собою и тѣ бюрократическія привычки, въ которыхъ они выросли. А чего можно ожидать отъ этихъ привычекъ, покажетъ слѣдующій фактъ. Семдесятъ одинъ членъ ковенскаго благороднаго собранія постановили не выписывать газеты «Голось» и заявили при этомъ слѣдующій протестъ: «исходи отъ наблюденія, что эта газета слишкомъ произвольно пользуется извлеченіями изъ разныхъ вѣдомостей и, стало быть, сообщаетъ читателямъ факты мѣстной жизни не такъ, какъ они совершались, а какъ представились редакціи подъ угломъ ея воззрѣній, членъ, вошедшій съ предложеніемъ, мотивировалъ его между прочимъ слѣдующими доводами: газета «Голось», въ виду пылавшихъ селъ и городовъ Россіи, не затруднилась приписать русскому народу инстинктъ къ поджигательству; агитируя противъ упроченія единственно здоровой системы образованія классическаго, она запальчиво отстаивала достоинство одного географическаго учебника, назвавашаго исконное достояніе Россіи—ея западныя окраины—*Польшою*, и такимъ образомъ, попирая русское національное чувство и рассчитывая на безответственность русскаго общества, рѣшилась высказывать увѣренность въ сочувствіи всѣхъ благомыслящихъ людей ея направленію». На этотъ протестъ «Голось», въ своемъ отвѣтѣ, говоритъ между прочимъ: «Мы съ недоувѣріемъ смотрѣли на нахлынувшее въ тотъ край русское чиновничество, зная очень хорошо, что не въ немъ можетъ заключаться зерно будущаго развитія русскихъ силъ въ оплояченномъ краѣ. Перелетное чиновничество никогда и нигдѣ не измѣняло вѣковому, развитому этимъ бродячимъ элементомъ, правилу—*ubi bene, ibi patria*. Вся дѣятельность большей части этихъ людей ограничивается словами, торжественными обѣдами и поздравительными телеграммами, въ которыхъ они полагаютъ истинный смыслъ дѣла. Къ сожалѣнію, благодаря вялости, съ которою совершается поощреніе переселенія русскихъ, и тѣмъ тормозамъ, кото-

рые представляют эти же чиновники приобретению русскими польских имений, до сих пор этот бюрократический элемент составляет преобладающую часть в русском населении тамошнего края. И это общество, продолжает «Голось», за недостатком русских помещиков, служить представителем русской народности и защитником ее от полонизма!.. Значит, по мнению «Голоса», который во всяком случае служит представителем мнения известного слоя русского образованного общества, чиновничество—бродячий элемент, вѣковым девизом которого было «гдѣ хорошо, там и отечество», и что по характеру своей дѣятельности и по развитію оно никакъ не можетъ быть представителемъ русской народности. Если обратить вниманіе на то, что по существу своей обязанности чиновникъ, какъ исполнительный органъ, воспитывался въ условіяхъ весьма строгой дисциплины и подчиненности и что размѣромъ исполнительности опредѣляютъ его достоинство; что наконецъ такая система воспитанія, переходя изъ поколѣнія въ поколѣнія, создала цѣлую наследственную корпорацію, обнимающую населеніе въ 140,000 человекъ; то отсутствіе въ чиновничествѣ земскаго элемента будетъ вредить сильно интересамъ земства, если оно станетъ къ нему въ такія же отношенія, въ какихъ находилось къ правительству. Что земству нельзя будетъ обойтись безъ чиновничества, видно изъ самаго размѣра занятій, которыя достаются на долю земства. До сихъ поръ всѣ предметы управленія, перенесенные теперь на земство, подлежали вѣдѣнію правительственныхъ учрежденій. Капиталы и земскіе сборы завѣдывались казенными палатами; составленіе смѣтъ и раскладка денежныхъ земскихъ повинностей, порядокъ отправленія натуральныхъ повинностей—особыми присутствіями о земскихъ повинностяхъ и губернскими комитетами о земскихъ повинностяхъ; взиманіе земскихъ сборовъ—уѣздными казначеями, наблюденіе за взносомъ—полиціею и т. д. и т. д. и изъ всѣхъ предметовъ, предоставленныхъ вѣдѣнію земства только одно взаимное страхованіе введено вновь; все же остальное существовало прежде и только изъ вѣдѣнія многихъ присутственныхъ мѣстъ перенесено на обязанность земства. Для исполненія этихъ многосложныхъ дѣлъ въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ должны были состоять особыя чиновники, которые теперь, съ отчисленіемъ ихъ занятій вѣдѣнію другого управленія, окажутся для правительства излишними. Предположимъ, что число излишнихъ составитъ отъ четверти до трети всего числа чиновниковъ, или отъ 35 до 46 тысячъ человекъ. Вѣдь это громадная армія, которая придастъ своими бюрократическими привычками и чиновной фор-

малѣйшій совершенно своеобразный цвѣтъ земскому управленію, не соотвѣтствующій сущности земства, если все это число лицъ войдетъ въ земское управленіе. Если же нѣтъ, то возникаетъ другой вопросъ—куда дѣнется эта масса незапятаного народа и чѣмъ она будетъ существовать? Что эта масса запятаного народа,—останется ли она безъ мѣста, или войдетъ въ земство,—не будетъ цвѣтомъ нашей бюрократіи, можно видѣть изъ того, что за штатомъ останутся, разумѣется, только тѣ, въ которыхъ правительственныя учрежденія нуждаются менѣе; а какъ менѣе нуждаются обыкновенно въ людяхъ менѣе способныхъ, то очевидно, что на долю земства достанутся исполнители не перваго сорта.

При такомъ порядкѣ дѣлъ, положеніе земства не было бы особенно блистательно; но тутъ къ нему на подмогу явится его земская сила, элементъ, по существу своему враждебный бюрократизму. Матеріальныя выгоды, представляемыя службой земству, судя по тѣмъ ассигновкамъ на расходы управленія, какія дѣлали до сихъ поръ, представляютъ исполнителямъ низшаго разряда такія выгоды, какихъ не даетъ служба въ правительственныхъ мѣстахъ. Изъ этого очевидно, что люди наиболѣе способные постараются пристроиться къ земству, и въ казенномъ управленіи останутся люди менѣе способные. Въ тоже время, при правильномъ разрѣшеніи земствомъ своей экономической задачи, оно конечно уравниваетъ всѣ сословныя интересы и поставитъ экономическій вопросъ въ тѣ широкіе предѣлы, при которыхъ его заботы о развитіи матеріальнаго благосостоянія будутъ обнимать безразлично все населеніе; а въ такомъ случаѣ очевидно, что люди чиновнаго элемента, живущіе необезпеченнымъ личнымъ трудомъ, постараются разстаться съ своимъ непрочнымъ экономическимъ положеніемъ, дѣлающимъ изъ нихъ пролетаріевъ, и постараются обезпечить себя земельной или другой собственностью, приобрѣтеніе которой будетъ облегчено мѣрами земства. И этотъ переходъ къ прочному обезпеченію совершится тоже въ порядкѣ способностей, т. е. люди болѣе знающіе и энергическіе пристроятся ранѣе, а люди менѣе способные послѣ. Такимъ образомъ чиновничество будетъ совершать постепенный переходъ въ земство и въ немъ растворяться, а правительственнымъ учрежденіямъ достанутся исполнители болѣе такихъ способностей, для которыхъ самымъ прибыльнымъ занятіемъ будетъ лишь трудъ чиновническій. Этотъ неизбѣжный исходъ въ отношеніяхъ чиновничества къ земству и къ правительству можетъ явиться только по прошествіи весьма продолжительнаго времени, а легкость перехода будетъ зависѣть отъ легкости экономическихъ условій, которыя по-

звать чиновничеству сдѣлаться земствомъ. Какъ только чиновничество, изображающее теперь изъ себя самостоятельное и бѣдствующее въ матеріальномъ отношеніи цѣлое, превратится само въ земство, наступитъ и пора того полнаго самоуправленія, при которомъ каждый членъ общества выступитъ уже какъ представитель общественнаго интереса, и въ чиновномъ элементѣ не будетъ никакой нужды. При выборномъ началѣ, составляющемъ основной принципъ земскаго управленія, это будетъ временемъ, когда всякая способность найти себѣ самое выгодное занятіе и назначеніе, и слѣдовательно только личными качествами лица будетъ обуславливаться его общественное значеніе и характеръ службы обществу. Однимъ словомъ, это будетъ время блаженнаго состоянія. Читатель, сообразившій, что осуществленіе подобныхъ идеаловъ требуетъ слишкомъ продолжительнаго срока; что невозможно достигнуть блаженнаго состоянія безъ борьбы и что разнообразіе дѣйствующихъ въ настоящее время элементовъ обнаруживается вѣроятно разными болѣе или менѣе любопытными фактами, опредѣляющими, какъ характеръ самихъ враждебныхъ элементовъ, такъ и большую или меньшую вѣроятность скорого примиренія разнорѣчивыхъ началъ, навѣрное полюбопытствуетъ узнать, что происходитъ съ нашими земскими учрежденіями теперь и какъ они преуспѣваютъ. Отвѣтъ на это онъ найдетъ въ слѣдующей главѣ.

II.

По важности результатовъ, къ которымъ должны привести Россію земскія учрежденія, можно бы ожидать, что они возбуждаютъ общіе толки; что провинція, вступающая на путь самостоятельной децентрализованной жизни, направитъ всѣ силы своего ума, чтобы понять и обсудить предстоящую ей задачу; что наши газеты будутъ завалены корреспонденціями со всѣхъ концовъ Россіи, описывающими повсюдное умственное движеніе, толки, придуманныя мѣры, борьбу интересовъ, страстей и т. д. Но увы! русская пассивность и тутъ даетъ себя знать, какъ во всемъ. Провинція молчитъ, корреспонденты молчатъ; «тихо всюду, глухо всюду,» точно ничего новаго не произошло въ русской жизни и точно русскому человѣку не предстать никакого будущаго, устройство котораго переходитъ теперь къ нему въ руки.

Такую тишину и безмятежность русскаго общества можно, ко-

нечно, оправдать нашимъ историческимъ прошлымъ, климатомъ и почвой страны, нашествіемъ татаръ и т. д. Но такое объясненіе не прибавитъ ничего къ существующему факту и будетъ совершенно бесполезно для преуспѣянія земскихъ учреждений. Потому всякая адвокатура въ подобныхъ случаяхъ, вошедшая у насъ въ моду со времени славнофиловъ и служащая несомнѣннымъ признакомъ нашего отчизнолюбія и демократическаго міровоззрѣнія, вещь решительно вредная. И очень можетъ быть, что рѣзкія выходки противъ общества, противъ его апатіи и неповоротливости, противъ его неразвита и незначія, противъ его дробности и умственной лѣни, совершенно—не патріотичны съ точки зрѣнія 71 члена ковенскаго благороднаго собранія, которое впрочемъ, не смотря на свою рѣзкую демонстрацію противъ «Голоса» и клятву не выписывать эту газету, все-таки подписалось на одинъ экземпляръ. Но въ этихъ рѣзкостяхъ все таки больше истинной любви къ своей странѣ и пользы, чѣмъ въ чувствительныхъ разглагольствованіяхъ объ угнетенной русской невинности, только прибавляющихъ намъ самоувѣренности и утверждающихъ насъ въ мысли, что есть гдѣ-то тамъ, виѣ насъ, какіе-то лиходѣи, желающіе непременно намъ пакостить. Правда, разумѣется, вещь непріятная для такихъ самолюбивыхъ и самоувѣренныхъ людей какъ мы; но въ правдѣ есть та великая сила, что какъ бы она ни была горька, разсудительный человѣкъ всегда найдетъ въ ней свою выгоду. Рѣзкая правда будитъ; она не убиваетъ энергію, какъ думаютъ нѣкоторые, а напротивъ возбуждаетъ ее. Рѣзкое слово заставляетъ опускать руки только слабого, а сильному даетъ еще большую силу; тогда какъ историческія оправданія апатіи и лѣни дѣлаютъ людей еще апатичнѣе и не будятъ ихъ, а усыпляютъ. Для настоящаго момента, когда людей нужно толкать подъ бока, чтобъ они проснулись, совершенно бесполезно отыскивать причины ихъ сна. Объясняйте это имъ носгѣ, когда они проснутся; но сначала разбудите ихъ, потому что только то и нужно, чтобы люди проснулись. Если всѣ мыслящіе люди понимаютъ очень хорошо, что нашъ застои происходитъ отъ отсутствія въ насъ энергіи и активности; что виѣ насъ нѣтъ никакихъ враговъ, потому что мы сами величайшій собственный врагъ; то совершенно безтактно и ошибочно увѣрять общество, что оно ни въ чемъ невиновато, и усыплять его ожиданіемъ, что вотъ явится добродѣтельный геній, который прогонитъ лиходѣя и приподнесетъ обществу въ видѣ награды, за его тысячелѣтній сонъ, блюдо жареныхъ рябчиковъ и цѣлый рогъ изобилія человѣческаго благополучія. Хвалители-патріоты вѣроятно никогда не думали,

куда ведутъ общество ихъ похвалы, и что они ничѣмъ не отличаются отъ ковенскихъ патріотовъ, которые, не смотря на ярую рѣшимость уморить редакцію «Голоса» съ голоду, все-таки струсили даже А. А. Краевского и, на всякій случай, подписались на одинъ экземпляръ. Пояснивъ такимъ образомъ, почему и въ началѣ этой главы не приподнесъ нашему обществу комплимента, я представляю сейчасъ читателю факты, которые убѣдятъ его, что говорить намъ, самимъ себѣ, какія либо нѣжности было бы слишкомъ большою неделикатностію.

Въ борьбѣ разнородныхъ элементовъ, изображающихъ наше современное общество и входящихъ въ земство, являются двѣ противоположныя крайности: одинъ элементъ высшій, благородный, аристократическій; другой — низшій, неблагородный, демократическій, или, пожалуй, даже плебейскій. Все остальное примыкаетъ болѣе или менѣе тѣсно къ тому или другому лагерю, составляя переходъ отъ одного къ другому. Въ головѣ благороднаго элемента стоятъ «Московскія Вѣдомости» и «Вѣсть», у которой, какъ говорить, нѣтъ другихъ подписчиковъ, кромѣ тѣхъ, кто даетъ деньги на ея изданіе, вслѣдствіе чего газета эта принимаетъ домашній, семейный характеръ и въ сокровищницу нашего общественнаго интеллекта не вноситъ никакихъ крупницъ. «Московскія Вѣдомости» другое дѣло; у нихъ есть громадная масса подписчиковъ, съ великой скромностію не довѣряющая своимъ собственнымъ умственнымъ силамъ и научающаяся патріотизму и политической мудрости изъ уроковъ «Московскихъ Вѣдомостей». Какого рода этотъ патріотизмъ и мудрость, по отношенію къ нашимъ земскимъ учрежденіямъ, читатель увидитъ изъ слѣдующихъ фактовъ.

«Московскія Вѣдомости», изображая собой извѣстное образованное представительство отъ лица тѣхъ, кого они изображаютъ, говорятъ, что «сельскій людь нашъ въ настоящее время принадлежитъ къ числу самыхъ здоровыхъ и неспорченныхъ, въ общественномъ отношеніи, классовъ нашего населенія; что крестьяне наши чужды демагогическихъ поползновеній; что природныя способности и доброкачественность народнаго быта одерживаютъ верхъ надъ недостатками образованія; что образованные классы наши далеко уступаютъ образованнымъ классамъ многихъ народовъ западной Европы и, стало быть, если судить сравнительно (а то какже?), то несомнѣнно стоятъ ниже русскаго крестьянина.» Послѣ такой похвалы русскому мужику можно было ожидать, что «Московскія Вѣдомости» произведутъ его, въ своемъ воображеніи, по крайней мѣрѣ, въ кабинетъ-секретари. Если нашъ крестьянинъ стоитъ несомнѣн-

но выше нашихъ образованныхъ людей, то изъ этого нетрудно вывести цѣлый рядъ самыхъ благоприятныхъ слѣдствій для земскаго дѣла и для нашего самоуправленія. И «Московскія Вѣдомости» точно выводятъ, но только вмѣсто того, чтобы сдѣлать мужика кабинетъ - секретаремъ, какъ бы это слѣдовало, судя по комплименту, приподнесенному мужику, «Московскія Вѣдомости» начинаютъ доказывать, что ежедневный опытъ и исторія научаютъ, что, при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, русскіе крестьяне все-таки поддаются и чуждому вліянію и собственнымъ страстямъ что они вѣрятъ самымъ невѣроятнымъ слухамъ и дѣйствуютъ подъ ихъ вліяніемъ и что поэтому мужикъ нашъ стоитъ ниже образованныхъ классовъ. При такомъ неожиданномъ заключеніи читатель смотритъ съ недоумѣніемъ на г. Каткова и спрашиваетъ: кто же выше—мужикъ, или образованный, г. Катковъ? Но г. Катковъ вовсе не такъ простъ, чтобы изъ за свѣтскихъ приличій забывать свои выгоды, или давать какое нибудь значеніе логикѣ, когда можно прослыть патриотомъ, умнымъ человѣкомъ и имѣть 10,000 подписчиковъ и безъ этого. Чѣмъ же виноватъ г. Катковъ, когда есть люди, владѣющіе еще меньшею логикою, и вотъ онъ ихъ поучаетъ, а они поучаются. «Московскія Вѣдомости» процвѣтаютъ, и 71 членъ ковенскаго благороднаго собранія черпаютъ изъ нихъ свой патриотизмъ и энергію, устремленную исключительно противъ г. Краевскаго. Комплиментъ, приподнесенный г. Катковымъ «русскому люду», былъ больше ничего, какъ пустой, свѣтскій формализмъ образованнаго человѣка, привыкшаго говорить одно, а думать другое, и былъ высказанъ собственно для того, чтобы смягчить нѣсколько неблагоприятныя стремленія барича, глубоко сожалѣющаго объ отнѣніи крѣпостнаго права. Главная мысль «Московскихъ Вѣдомостей», завернутая для мужиковъ въ золоченую бумажку, та, что «самоуправленіе» возможно только въ томъ случаѣ, если есть въ обществѣ достаточный классъ, способный взять власть въ свои руки и пользоваться ею въ общемъ интересѣ. Гдѣ нѣтъ этого условія, тамъ нечего и толковать о самоуправленіи. Въ Россіи это условіе есть, по крайней мѣрѣ, есть для него необходимые элементы. Эти элементы въ крупномъ землевладѣніи, въ высшихъ разрядахъ нашего помѣстнаго дворянства». Чтобы спасти земство отъ крушенія, которое, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», неизбежно, если не ляжетъ краеугольнымъ камнемъ ему классъ людей независимыхъ и обеспеченныхъ, г. Катковъ, обращаясь къ «благороднѣйшимъ членамъ» этого класса, проситъ ихъ убѣдительно поспѣшить какъ можно скорѣе на службу земству и предложить ему свои услуги

по управленію безмездно. Безъ сомнѣнія, обязательное предложеніе «благороднѣйшихъ членовъ» будетъ принято темнымъ земствомъ, какъ знакъ особой для него милости, и такой обоюдной любезностью, которая будетъ стоить всего нѣсколькихъ поклоновъ съ той и другой стороны, въ какія нибудь четверть часа, спасено земство, а съ нимъ и вся Россія.

Но «Московскія Вѣдомости» упустили изъ виду только нѣсколько мелочныхъ обстоятельствъ, которыя бы конечно привели ихъ къ другому заключенію. Весь расчетъ ихъ основанъ на «благороднѣйшихъ членахъ», имѣющихъ столько денегъ, что они могутъ служить земству даромъ. Предположимъ, что такихъ членовъ, у которыхъ благородство совмѣщается съ средствами, у насъ достанетъ для всей службы земству; предположимъ, что кромѣ благородства и денегъ «благороднѣйшіе члены» согласятся нести безкорыстно всѣ тягости земской службы; но тутъ является вопросъ: ну, а если «благороднѣйшіе члены», опрометью, по призыву «Московскихъ Вѣдомостей», бросившіеся служить земству, окажутся не способными, какъ поступать съ ними земству? Попросить удалиться? Не будетъ ли земство имѣть право отнести такъ къ благороднѣйшимъ членамъ, безкорыстно предложившимъ ему свои услуги? Конечно имѣть, потому что одолженіе, съ одной стороны, и желаніе пользоваться имъ—съ другой, перепутають всѣ отношенія земства къ его благотворителямъ въ такой степени, что земство погибнетъ, и останутся только «благороднѣйшіе члены» и малая невѣжественная масса, т. е. наступать времена древняго Египта и кротонской республики Пивагора, гдѣ было тоже только два рода гражданъ: умные, благородные и богатые, которые правили, и глупые, неблагородные и бѣдные, которыми управляли.

Далѣе, имѣя въ виду однихъ «благороднѣйшихъ членовъ», что думать сдѣлать г. Катковъ съ остальными 304,448 потомственныхъ дворянъ? На службу земству брать ихъ не слѣдуетъ, что ли? Потому у насъ есть еще 290,143 лицъ духовнаго званія; или это тоже «неблагороднѣйшіе члены», для земства непригодные? есть у насъ 215,225 купцовъ и почетныхъ гражданъ, которыми живетъ вся наша несчастная промышленность; есть 1,873,859 мѣщанъ, цеховыхъ и прочихъ городскихъ сословій; наконецъ у насъ есть еще 24 милліона земледѣльцевъ. Неужели никто изъ этихъ милліоновъ не имѣетъ ни благородныхъ чувствъ, ни разумныхъ мыслей, ни пониманія своихъ интересовъ? Неужели купцы, почетные граждане и остальныя городскія сословія—совершенно темная, неразумная масса какихъ-то чурбановъ, которые безъ «благороднѣй-

шихъ членовъ» начнутъ утираться стекломъ вмѣсто салфетокъ? Неужели наше духовенство стоитъ по своему знанію и развитію, какъ и остальные 304 т. дворянъ, такъ далеко отъ «благороднѣйшихъ членовъ», что они не годятся ни на какую потребу, какъ только быть безгласными, покорными исполнителями чужой воли? Г. Катковъ нашель въ 35 милліонахъ русскаго мужскаго населенія только 300 человекъ лучшихъ и умнѣйшихъ людей и хочетъ сдѣлать ихъ повелителями милліоновъ, и такое разсужденіе онъ считаетъ патриотическимъ, а себя умнымъ и честнымъ человекомъ! Г. Каткову очевидно не понутру земскія учрежденія, въ такомъ случаѣ зачѣмъ хитрить и лукавить и подъ видомъ любви къ отечеству проповѣдывать философію Конфуція, разсчитывая на то, что милліоны темныхъ людей не поймутъ каверзъ московскаго надѣля и, обольщенные комплиментомъ, скажутъ г. Каткову:—о, Катковъ! устрой намъ порядокъ, избери достойнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей и управляй нами. Больше ничего не остается сказать темнымъ людямъ, потому что если они такъ темны, что не умѣютъ понимать того, что имъ нужно, то какже они съумѣютъ исполнить дѣло болѣе трудное—избрать людей для завѣдыванія ихъ интересами? Не зная сами, что имъ нужно, какъ они угадаютъ людей, которые съумѣютъ понять ихъ никому неизвѣстныя нужды и потребности? Г. Катковъ, довольный своей хитростью, весело избираетъ необходимое для блага Россіи число «благороднѣйшихъ членовъ» и зачѣмъ надъ нашимъ отечествомъ восходитъ солнце мудрости; благодарные соотечественники воздвигаютъ г. Каткову храмъ, въ среднѣ котораго ставятъ его золотое изваяніе и воздаютъ ему божескія почести, и такимъ образомъ Россія превращается въ Китай, а г. Катковъ въ Конфуція.

Но нѣтъ, г. Катковъ! Правда, въ нашей землѣ еще много темныхъ людей; правда, что 71 членъ благороднаго ковскаго собранія — имъ остается только одинъ шагъ, чтобы сдѣлаться благороднѣйшими — не въ состояніи понять вашего напускнаго патриотизма, но кромѣ этихъ господъ есть у насъ еще и другой, какъ выражаетесь вы свысока, «людь», отличающійся даже и по вашимъ словамъ, здоровымъ неспорченнымъ умомъ, и вамъ не удастся ни попасть въ Конфуція, ни превратить Россію въ Китай. Пусть, по вашему мнѣнію, никто въ Россіи не созрѣлъ до самоуправления, кромѣ трехсотъ «благороднѣйшихъ»; но неужели уже такъ на этомъ и слѣдуетъ остановиться, и на вѣки вѣчныя Россія не позволяется имѣть болѣе 300 зрѣлыхъ людей? Тѣ, въ комъ вы на-

ходили здоровый умъ, думаютъ не то, и я буду имѣть честь привести вамъ факты того, какъ они думаютъ и какъ поступаютъ.

Если бы такое возвышенное мнѣніе о «благороднѣйшихъ» имѣли бы одни редакторы «Московскихъ Вѣдомостей», и только бы на страницахъ этой газеты являлось такое ученіе, то конечно о немъ не стоило бы много распространяться. Но, къ сожалѣнію, мнѣніе «Московскихъ Вѣдомостей» нашло себѣ отголосокъ въ земствѣ, и Можайское земское собраніе даже вознамѣрилось осуществить его на практикѣ. Гласный, г. Смирновъ, предложилъ на обсужденіе собранію, не признаетъ ли оно справедливымъ просить у правительства разрѣшенія, чтобы въ число гласныхъ допускать безъ избранія, а единственно по праву крупнаго землевладѣнія, представителей отъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ. Для приличія г. Смирновъ прибавилъ, «безъ различія сословій», понимая очень хорошо, что между другими сословіями крупныхъ землевладѣльцевъ нѣтъ. Основаніемъ такого предложенія служило то, что крупные владѣльцы несутъ будто бы большія повинности. Въ заключеніе г. Смирновъ сказалъ, что если собраніе согласится съ его предложеніемъ, то нужно будетъ назначить особый высочій цензъ, которымъ бы опредѣлялось право богатыхъ людей вступать въ управленіе, безъ всякаго приглашенія съ чьей либо стороны. Князь Крапоткинъ, находя, что предложеніе г. Смирнова мотивировано не достаточно сильно, прибавилъ, что справедливость мнѣнія г. Смирнова усматривается легче всего изъ того, что легко можетъ случиться, что владѣлецъ почти половины всей земли уѣзда можетъ быть не избранъ, и такимъ образомъ устранится отъ всякаго участія въ земскихъ дѣлахъ въ то время, какъ половина земскихъ расходовъ будетъ падать на него. Графъ Уваровъ, соглашавшійся исполнѣ съ г. Смирновымъ, пополнилъ однако его предложеніе тѣмъ, недостающимъ въ немъ элементомъ, который лишалъ его однородности съ мнѣніемъ г. Каткова. Графъ Уваровъ желалъ, чтобы вмѣстѣ съ богатствомъ, право на службу, безъ избранія, давала бы «значительная доля образованія.» Такимъ образомъ соединеніе въ одномъ лицѣ матеріальнаго и умственнаго богатства создавало бы тѣхъ людей, которыхъ г. Катковъ называетъ «благороднѣйшими.» Г. Арсеньевъ, тоже гласный, пошелъ еще дальше: онъ желалъ, чтобы, кромѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, подобное право распространить и на богатыхъ заводчиковъ, фабрикантовъ, купцовъ и богатыхъ городскихъ владѣльцевъ. Конечно, гг. Смирновъ, Уваровъ, Крапоткинъ, Арсеньевъ могли предлагать все, что имъ вздумается; но дѣло Можайскаго земскаго собранія было не при-

мать всякій вздоръ, явно противный интересамъ земства и сущности постановленія о земскихъ учрежденіяхъ. Если Можайское собраніе приняло предложеніе и рѣшило просить правительство объ его осуществленіи, то очевидно, что оно не имѣло понятія о своей собственной дѣятельности, о цѣли, для которой оно существуетъ, и о невозможности осуществить подобные проекты.

Г. Смирновъ желаетъ, чтобы крупныя землевладѣльцы становились управляющими дѣлами земства только потому, что они крупныя. Но что значить крупныя? На это г. Смирновъ отвѣчаетъ предложеніемъ объ опредѣленіи ценза. Возьмемъ вѣятеро самый большой цензъ изъ всѣхъ (800 дес.), или 4000 десятинъ, и примемъ его за несомнѣнный признакъ крупности. Будетъ ли такой цензъ справедливъ повсюду? Нѣтъ. Владѣльцы нѣбній въ мало-земельныхъ губерніяхъ скажутъ, что ихъ никакъ нельзя приравнять къ устьсольцамъ и яренцамъ и что 4000 десятинъ въ биргизской степи, или въ архангельскихъ тундрахъ, вовсе не то, что 4000 дес. въ черноземной полосѣ. Изъ этого окажется необходимымъ устанавливать цензъ, соотвѣтственный цѣнности земли и повсюду увеличить вѣятеро цензъ уже установленный для землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ установятся слѣдующія нормы: для владимірской губерніи 1250 дес., для казанской 1000 дес., для курской, московской, тамбовской, тульской тоже 1000 дес. и т. д. Но вдругъ окажется, что въ этихъ губерніяхъ нѣтъ ни одного владѣльца съ 1250 или съ 1000 дес. и есть только съ 1249 и съ 999 десятинами; или у владѣльца земли въ двухъ смѣжныхъ губерніяхъ окажется въ частности по каждой губерніи меньше, чѣмъ нужно для крупности, а вмѣстѣ гораздо больше установленной нормы; или владѣлецъ, бывший крупнымъ въ тамбовской губерніи, но продавшій тамъ свою землю, покупаетъ въ владимірской губерніи на выроченную сумму только 1200 десятинъ. Спрашивается, почему 1250 дес. даютъ право быть «крупнымъ», а 1249 дес. — владѣніе несомнѣнно крупное — нѣтъ? почему 1250 десятинъ въ одной губерніи дѣлаютъ человека крупнымъ, а 4000 дес., но раскинутыя по 800 дес. въ пяти губерніяхъ, нѣтъ? почему владѣлецъ, бывший въ одной губерніи крупнымъ, когда онъ на тѣ же деньги купилъ въ другой губерніи нѣбніе десятиной меньше, перестаетъ быть крупнымъ? наконецъ, за что обижать тѣ губерніи, въ которыхъ рѣшительно нѣтъ ни одного крупнаго владѣльца и не существуетъ ни одного владѣнія, хотя близко подходящаго къ соотвѣтственному цензу другихъ губерній? Вопросы эти, какъ практичныя, отъ. III.

вероятно неразрѣшимы, и какъ бы предложеніе г. Смирнова ни было справедливо, но осуществить его, не нарушая справедливости, совершенно невозможно. Графъ Уваровъ, вмѣсто того, чтобы облегчить разрѣшеніе вопроса, усложнилъ его еще болѣе. Онъ требуетъ «значительную долю образованія». Превосходно. Но, во первыхъ, что значитъ значительная доля? Подразумѣвается ли тутъ превосходное знаніе французскаго языка и ловкость исполненія легкихъ танцевъ, или полное невѣжество во этихъ предметахъ, но основательное знаніе математики? или специальность по естественнымъ наукамъ? или же совокупное знаніе всего на свѣтѣ до немногоу? И кто будетъ опредѣлять его и раздавать патенты на «значительную долю образованія?» Конечно, одинъ выходъ изъ такого затруднительнаго положенія въ томъ, чтобы учредить экзаменныя коммисіи и затѣмъ всѣхъ «срупныхъ» подвергать публичному экзамену. Впередъ можно предвидѣть, что экзаменующихся не явится. Такимъ образомъ графъ Уваровъ, нисколько не желая того, нанесъ смертельный ударъ человѣку, котораго онъ хотѣлъ поддержать и, вмѣстѣ съ убійствомъ г. Смирнова, убилъ и г. Каткова, творца ревиальнаго проекта о «благороднѣйшихъ ядепахъ».

Г. Арсеньевъ оказался, вѣроятно, либеральнѣе своихъ сотоварищей, но мысль его неудобна на практикѣ въ двухъ отношеніяхъ; во первыхъ—невозможно опредѣлить справедливый, а слѣдовательно и безобидный цѣвъ; а во вторыхъ, если осуществить мысль г. Арсеньева, то образуется нѣчто въ родѣ денежной олигархіи, и небогатымъ людямъ окончательно не будетъ житья.

Наконецъ, гг. Смирновъ, князь Крапоткинъ, графъ Уваровъ и Арсеньевъ оказали медвѣжью услугу и «срупнымъ», и земству, и своей патріотической репутаци. «Бруннымъ» тѣмъ, что они публично, предъ лицомъ всей Россіи, неизвѣстныхъ имъ лицъ, можетъ быть, владѣющихъ несомнѣнными достоинствами, выставили какъ людей, которыхъ земство выбирать не станетъ, а какъ не выбираютъ только тѣхъ, кто недостойнъ общаго довѣрія, то очевидно, что четыре упомянутыхъ гласныхъ высказали такую невѣжливость и обнаружили такую безтактность въ отношеніи лицъ своего сословія, такую лица эти вѣроятно встрѣчаютъ въ первый разъ. Отнеслись такъ легко въ самымъ сильнымъ представителямъ своего сословія, они оскорбили и достоинство земства, покусавшись на его выборное право и желая навязать ему сидю людей, которыхъ бы оно не захотѣло облекъ своимъ довѣріемъ. Наконецъ, они подвергли большому риску свою патріотическую репутацию, ибо довели до общаго свѣдѣнія всей Россіи, что въ можайскомъ зем-

скомъ собраніи есть четыре гласныхъ — гг. Смирновъ, князь Крапоткинъ, графъ Уваровъ и Орловъ, душевно сожалѣющіе о томъ, что земство долучило выборное право и начало самоуправленія, и желающіе лишить ихъ того и другого.

А вѣдь если бы спросить графа Уварова, какъ онъ думаетъ о себѣ и о гг. Смирновѣ, князѣ Крапоткинѣ и Арсеневѣ, то, разумѣется, онъ бы сказалъ, что эти люди имѣютъ «значительную долю образованія».

По отношенію къ населенію всей Россіи пять человѣкъ—я считаю въ этой компаніи и единомысленнаго съ нею г. Каткова—конечно, величина ничтожная. Но тутъ скрываются не пять человѣкъ,—пять только взяли на себя представительство и рискъ ответственности,—а за ними стоитъ цѣлая масса людей, враждебно смотрящихъ на новыя права народа: тутъ и «Вѣсть», съ своими издателями, и многое множество разныхъ почтенныхъ господъ, старающихся принимать веселый и даже смѣющийся видъ и толкующихъ о прогрессѣ, тогда какъ на сердцѣ у нихъ скребутъ кошки, и они послали бы ко всѣмъ чертямъ тѣхъ, кто выдумалъ прогрессъ и всякія либеральныя учрежденія. То ли дѣло времена царя гороха!

Партія этихъ радикаловъ, готовыхъ вырвать съ корнемъ все, что не похоже на старое время, составляетъ главный корпусъ враждебной силы, препятствующей развитію земскихъ учрежденій и самоуправленія. Рядомъ съ ними стоятъ защитники сословности, не простирающіе такъ далеко своей храбрости, чтобы возвыситься до сочинительства прозковъ, рассчитанныхъ на человѣческое тщеславіе и имѣющихъ дѣлю обдуманное, систематическое посягательство на право народа. Эти люди дѣйствуютъ проща. Пропитавшись бюрократизмомъ, они видятъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ личныя оскорбленія и попросту угражняютъ въ ребячество. Такъ, напримѣръ, въ Магарьевѣ, на Унжѣ, по просьбѣ дворянъ баллотировали въ председатели земской управы предводителя дворянства и не выбрали. Обидѣвшись этимъ очень, дворяне сказали: «послѣ этого никто не будетъ баллотироваться никуда», и дѣйствительно въ члены управы было положено избрать трехъ, а избрали только двухъ, и болѣе желающихъ не нашлось. Но гораздо любопытнѣе факты, представляемые классической московской губерніей. Вотъ что сообщаютъ «Московскія Вѣдомости»: 19 марта происходили выборы гласныхъ въ Клину. На съѣздъ землевладѣльцевъ собралось 61 человѣкъ; съ довѣренными и опекунскими шарами составилось 73 голоса. Въ 10½ часовъ утра г. председатель открылъ засѣданіе прочтеніемъ пара-

графовъ положенія, указывавшихъ правила и порядокъ избранія гласныхъ. Въ клинскомъ уѣздѣ назначено положеніемъ 15 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и, сверхъ того, предстояло выбрать къ нимъ нѣсколько кандидатовъ. Г. председатель предложилъ начать баллотировку желающихъ по жребію, что и было принято всѣмъ собраніемъ единодушно. По вынутіи жеребьеваго очереди, было приступлено къ баллотированію, но при этомъ случилось слѣдующее. Уже нѣсколько времени продолжалась баллотировка, когда одинъ изъ мѣстныхъ дворянъ, баллотировавшійся, но невыбаллотированный, уѣхалъ изъ собранія, не предупредивъ председателя, а оставивъ лишь записку одному изъ своихъ знакомыхъ помѣщиковъ, что онъ нездоровъ и оставаться долѣе на выборахъ не можетъ. Такъ какъ выборы должны производиться равнымъ числомъ шаровъ, то всѣ произведенныя до отъѣзда этого господина баллотировки 13 человекѣ дѣлались недѣйствительными. Председатель, отъ лица всего собранія, послалъ въ гостинницу, въ которой этотъ господинъ остановился, просить его пожаловать на выборы. Но тотъ отвѣчалъ, что нездоровъ, а потому ѣдетъ тотчасъ же на станцію желѣзной дороги. Тогда снова, по просьбѣ собранія, знакомый тому господину помѣщикъ, съ помощникомъ исправника, поѣхалъ на станцію желѣзной дороги, чтобы убѣдить его воротиться и тѣмъ дать возможность завершить выборы, которые могли кончиться не болѣе какъ черезъ часъ времени; но господинъ отвѣчалъ и тутъ, что не возвратится и что ему дѣла нѣтъ до того, состоятся или нѣтъ выборы, которые его уже болѣе не интересуютъ. Что оставалось дѣлать собранію? Произведенную баллотировку пришлось считать недѣйствительною и снова начать ее оставшимися 72 голосами. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно постановило о поступкѣ своего упрямаго собрата составить протоколъ, съ тѣмъ, чтобы впредь до выборовъ его не допускать. Протоколъ этотъ подписанъ всѣми оставшимися наличными членами собранія. Но этимъ дѣло не кончилось: въ 7¹/₂ часовъ вечера, когда снова были выбраны 12 гласныхъ, и выборы дошли опять до того же рокового ножера, какъ и при первой баллотировкѣ, случилось, что другой господинъ, имѣвшій кромѣ своего голоса еще голосъ по довѣренности и выбранный при первой несостоявшейся баллотировкѣ, былъ забаллотированъ при перебаллотировкѣ. Онъ подошелъ къ столу и объявилъ, что продолжать баллотировки не будетъ; что онъ ясно видитъ, по числу положенныхъ ему неизбирательныхъ шаровъ, что количество ихъ совершенно совпадаетъ съ числомъ дворянскихъ голосовъ. Удивленіе было общее. Ему возразили, что онъ, во первыхъ, оши-

бается въ томъ, что количество неизбирательныхъ голосовъ совпадаетъ съ числомъ дворянскихъ голосовъ; тогда онъ объявилъ, что беретъ свое слово назадъ, но что продолжать баллотировки все-таки не будетъ, потому что количество неизбирательныхъ, вновь положенныхъ ему шаровъ, совпадаетъ, по его мнѣнію, съ числомъ голосовъ священниковъ и крестьянъ. Тогда священники и крестьяне очень скромно заявили ему, что при закрытой баллотировкѣ нельзя положительно указывать, чтобы то или другое сословіе было ему враждебно, да и несправедливо было бы сказать,—замѣчу отъ себя—чтобы на выборахъ въ Клину былъ какой нибудь антагонизмъ между сословіями.

Одинъ изъ священниковъ, подойдя къ столу, объяснилъ, что въ дѣлѣ, которое такъ взволновало г. № 2, онъ, священникъ, не видитъ ничего страннаго: при первой баллотировкѣ, сказалъ онъ, наскоро собранныя свѣдѣнія о лицахъ, мало извѣстныхъ собранію, чрезъ три часа, при болѣе подробно собранныхъ свѣдѣніяхъ, могли измѣниться. Г. № 2 не нашель даже нужнымъ сослаться на болѣзнь, а прямо сказалъ: «я не буду продолжать баллотировки и посмотрю, какая сила можетъ меня къ этому понудить».

Факты эти обрисовываютъ весьма характеристично шволю, которую проходило наше дворянство; они составляютъ не единичное явленіе, а результатъ дѣйствовавшихъ до сихъ поръ общихъ причинъ, и если наши провинціальныя корреспонденціи не обильны указаціями на подобныя случаи, такъ только потому, что они вообще не обильны свѣдѣніями о ходѣ земскаго дѣла, не разшевелившаго еще до сихъ поръ наше общество и мало его интересующаго. «Послѣ этого никто не будетъ баллотироваться нигуда» и «я не буду баллотироваться нигуда и посмотрю, какая сила можетъ меня къ этому принудить»—такъ и обрисовываютъ наши прежніе дворянскіе выборы и ту щепетильную, мелочную раздражительность, которая обнаруживаетъ великую энергію, когда нѣтъ никакой опасности. Эта бюрократическая храбрость, отличающая вообще нашу провинцію, стойка только до появленія квартальнаго надзирателя, и вызовъ на бой всѣхъ силъ больше ничего, какъ пустая хвастливость человѣка, привыкшаго къ разнузданности въ своей домашней жизни. Чтобы эта смутность понятій, въ отношеніи своихъ общественныхъ обязанностей, кончилась, и люди, выступающіе на арену общественной дѣятельности, не появлялись на ней въ туфляхъ и въ халатѣ, нужно, чтобы измѣнился взглядъ людей на чувство собственного достоинства и освободившаяся личность научилась бы уважать свободу другого лица. До сихъ поръ наша общественная

жизнь слагалась не въ этомъ направленіи, — человекъ тѣснѣе человекъ, и потому нельзя сдѣлать крутой поворотъ къ тѣмъ понятіямъ, на которыхъ построено земское начало и конечно, факты самодурства, проявившіеся на клинскихъ выборахъ, будутъ еще долго одной изъ причинъ, задерживающихъ развитіе у насъ земскаго дѣла. Дисциплина, въ которой мы воспитывались, была дисциплина внѣшняя, начальственная; дисциплина такого рода, которая составляетъ необходимую, существенную принадлежность бюрократической системы и создаетъ чиновничество. Оттого-то въ каждомъ изъ насъ сидитъ непрѣменно частичка чиновнаго элемента, привычка къ начальственности и къ уздѣ, налагаемой посторонней, сильной рукой. Чѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ гнетъ съ одной стороны, воспитывавшій насъ въ правилахъ извѣстной дисциплины, тѣмъ энергичнѣе устремлялись наши силы въ другую сторону, ища себѣ выхода. Отъ этого только и могли возникать тѣ странныя и противорѣчивыя явленія подчиненности, доходящей до угодливости тамъ, гдѣ ослушаніе было невозможно, и совершеннаго безстрашія, доходящаго до безумія въ жизни семейной и сословной. Воспитываясь исключительно подъ вліяніемъ одной внѣшней силы, мы и сами развивали въ себѣ только одинъ внѣшній, формальный способъ дѣйствія: наружную честность, наружную вѣжливость, мягкость и гуманность, наружную чистоплотность и заботу о репутаціи безъ всякаго понятія о чести. Наша честь была честь внѣшняя, такъ называемая честь мундира, честь сословія. Что же касается до внутренней дисциплины, то она въ насъ развилась и не могла; мы сдерживали себя только тамъ, гдѣ держала насъ сильная, посторонняя рука; но сами себя сдерживать не умѣемъ, и потому, предоставленные сами себѣ, уходили постоянно въ самодурство и разнуздаемость. «Послѣ этого никто не будетъ баллотироваться нигуда» и «я не буду баллотироваться нигуда и посмотрю, какая сила меня къ тому принудитъ» — больше ничего, какъ самое естественное, простое и ближайшее слѣдствіе помѣщичьей школы, въ которой мы выросли. Корреспонденты, сообщающіе эти два факта, поступили весьма разсудительно, не упомянувъ имени, и къ чему? Развѣ никто изъ насъ, не сказавшій этихъ фразъ, можетъ ручаться, что онъ не скажетъ ничего подобнаго? Развѣ однородность фактовъ, случившихся въ мѣстностяхъ, раздѣленныхъ тысячами верстъ, не доказываетъ общности причинъ, дѣйствовавшихъ на всемъ огромномъ протязаніи? Развѣ тоже самое не могло быть сказано Ивановъ, Семеновъ, Петровъ въ Симферополѣ, въ Тулѣ, въ Иркутскѣ, въ Нерчинскѣ, какъ

Было сказано въ Макарьевѣ и на Унжѣ и въ Клину? Я даже думаю, что не было никакой необходимости уваживать корреспондентамъ на Макарьевѣ и на Клину; теперь Тула, Нерчинскъ, Иркутскъ сочтутъ себя святыми и не узнаютъ себя въ этомъ общемъ русскомъ зеркалѣ. Потому-то и странно встрѣчать диаметрально противоположныя извѣстія, сообщаемыя корреспондентами объ одномъ и томъ же дѣлѣ, въ которомъ принимаютъ участіе люди одного воспитанія. Такъ, на примѣръ, по словамъ одного корреспондента оказывается, что на выборахъ въ Псковѣ господствовало *единодушіе изумительное* и замѣтно было *сознаніе важныя обязанности*; а въ выборахъ въ одно изъ городовъ востромской губерніи сообщается, что «бывали случаи, когда ясная и убѣдительная рѣчь людей, говорившихъ съ избирателями, которые явились на съѣздъ, не имѣя понятія о томъ, за чѣмъ ихъ звали, оставалась гласомъ вопиющаго въ пустынь». Какъ же примирить это не имѣющее понятія съ сознаниемъ важныя обязанности? Примиреніе очень легко, если не упускать изъ виду уроковъ жизни, которая насъ воспитывала. Это «единодушіе изумительное» и «сознаніе важныя обязанности» больше ничего, какъ ароматическій букетъ, взрощенный въ саду бюрократизма; этотъ комплиментъ Пскову больше ничего, какъ невинность души; полагающей, какъ выразился «Голосъ» о новосибирскихъ чиновникахъ, «что истинный смыслъ дѣла заключается въ самовосхваленіи, торжественныхъ обѣдахъ и поздравительныхъ телеграммахъ». И странно и неправдоподобно явиться внезапно изъ ничего изумительному «единодушію»; это бы еще пожалуй, и изумительное «единодушіе» я уступлю корреспонденту, но относительно *сознанія важныя обязанности* деликатничать не стану. Я уже приводилъ факты, что сознаніе обязанностей (предполагаются — гражданина, члена земства) не существуетъ даже въ такихъ людяхъ, какъ г. Катковъ и другіе представители власти, имѣющіе «значительную долю образованія»; и теперь приведу еще факты, которыми надѣюсь убѣдить читателя, что правда на моей сторонѣ, а не на сторонѣ псковскаго корреспондента. Ну гдѣ тутъ сознаніе, если у «Московскихъ Вѣдомостей» есть 10,000 подписчиковъ, а читаютъ ихъ и изучаются по меньшей мѣрѣ тысячъ тридцать? Люди, сознающіе свои обязанности, изъ «Московскихъ Вѣдомостей» изучаются ничему не стануть, а если они изучаются, слѣдовательно очевидно, что они рѣшительно не понимаютъ того, въ чемъ заключается сущность земскихъ учреждений и въ чему должно привести насъ самоуправленіе. А не понимать этого развѣ значитъ имѣть сознаніе? Развѣ это сознаніе, если на мосальскій съѣздъ крупныхъ землевладѣль-

цевъ вмѣсто 129 лицъ явилось только 23, у которыхъ съ голосами по довѣренности было всего 33 шара, что нѣкоторые изъ явившихся отказались отъ выборовъ? Развѣ это сознание, что на сѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ вмѣсто 19 уполномоченныхъ явилось только 8? Развѣ это сознание, что для выбора по г. Ярославлю съ Норскимъ посадомъ изъ 252 лицъ, имѣвшихъ право голоса, съѣхались всего только 97 человекъ, изъ которыхъ 10 уполномоченныхъ? Развѣ это сознание, если на сѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ костромскаго уѣзда изъ 249 тамошнихъ дворянъ, занесенныхъ въ списки временной уѣздной комисси, явилось для выбора только 8? Развѣ это сознание, если, какъ пишутъ «Костромскія губернскія вѣдомости», на земскомъ сѣздѣ въ Макарьевѣ всякое сословіе составляло отдѣльный кружокъ. «По принятіи присяги, прежде всего были повѣрены права гласныхъ, а потомъ производились выборы и обсуживались разные вопросы, относящіеся до земства. Собранія наши, продолжаятѣ же Вѣдомости, были слишкомъ скромны, да и нельзя было не скромничать. Всѣмъ гласнымъ было объявлено заранѣе, что они за всякое нарушеніе тишины въ собраніи будутъ оштрафованы 50 до 100 р., и это сказано было тотчасъ послѣ изъясненнаго желанія однимъ изъ гласныхъ посмотреть подлинныя бумаги, которыя предсѣдатель поясняетъ на словахъ и чѣмъ предсѣдатель и нѣкоторые гласные оскорбились. Тогда же было замѣчено, что только одинъ предсѣдатель можетъ предлагать къ обсужденію собранія вопросы. Крестьяне замѣтно оставались неохотно въ собраніи и выскивали случаи поскорѣе отдѣлаться. Если все это сознание важныхъ обязанностей, въ такомъ случаѣ что же будетъ несознаниемъ? Сословность и бюрократизмъ, выражающіеся во всемъ этомъ, еще долго будутъ давать себя чувствовать, и не скоро кончится то олимпийское величіе и мелочная щепетильность, которыя создаютъ у насъ такую массу обидчивыхъ людей и баръ, не желающихъ пачкать своихъ нѣжныхъ рукъ земскими дѣлами.

Фактъ разрозненности—фактъ несомнѣнный, а *изумительное единодушіе* больше ничего, какъ сочиненіе, потому что повсюду помѣстное дворянство выразило весьма слабое желаніе принять участіе въ земскихъ дѣлахъ. Почти вездѣ дворянство являлось въ собранія и на выборы въ какомъ-то тревожно-лихорадочномъ состояніи, готовое обижаться всякой мелочью и раздражаться отъ пустяка. Соединеніе всѣхъ сословій въ одно цѣлое и общее участіе въ дѣлахъ было слишкомъ рѣзкой и поразительной новостью, чтобы, съ одной стороны, не задѣть родовыхъ предрасудковъ, а съ

другой, не возбудить тревожнаго недовѣрія низшихъ сословія, для которыхъ фактъ совмѣстнаго засѣданія съ сословіемъ привилегированнымъ былъ тоже слишкомъ рѣзкимъ событіемъ въ жизни. Въ Солигаличѣ, напримѣръ, гласные изъ дворянъ-землевладѣльцевъ не хотѣли баллотироваться въ мѣстную уѣздную земскую управу и сочли за лучшее вовсе отказаться отъ участія въ ней. Главнымъ поводомъ къ тому было пренебреженіе къ мнѣніямъ дворянъ со стороны гласныхъ изъ другихъ сословія. Ни крестьяне, ни купцы не принимали во вниманіе ни мнѣній, ни предположеній гласныхъ дворянъ. Я привожу этотъ фактъ не для того, чтобы доказывать имъ разрозненность, о которой я говорилъ уже много; а потому, что въ немъ заключается и другая сторона, о которой говорить еще не приходилось. Наше прошлое, создавъ въ насъ отсутствіе активности и болѣзненную раздражительность, не подготовило насъ для дѣятельности, въ которой требуется энергія и настойчивость. Потому отъ насъ безпрестанно ускользаетъ цѣль, къ которой бы мы должны стремиться, и пустое ничтожное обстоятельство, не относящееся прямо къ дѣлу, заставляетъ насъ отказываться отъ собственныхъ выгодъ и существенное приносить въ жертву несущественному. Въ Солигаличѣ, напримѣръ, пренебреженіе къ мнѣнію дворянъ раздражаетъ ихъ до того, что они отказываются отъ участія въ земской управѣ. Отказаться отъ этого, значить, выпустить изъ рукъ свое собственное дѣло. Такъ не поступаютъ люди энергическіе. Они, напротивъ, дѣйствуютъ тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ встрѣчаютъ больше препятствій, и только у слабыхъ людей опускаются руки отъ первой неудачи. Эта слабость и пренебреженіе своихъ собственныхъ выгодъ, заставлявшая дворянъ во многихъ губерніяхъ уклоняться отъ сѣздовъ въ собранія и отъ выборовъ, должна принести пользу земству и вредъ самимъ землевладѣльцамъ. Польза земству будетъ въ томъ, что люди, не сочувствующіе его интересамъ, безъ всякой борьбы, почти добровольно, устроятся отъ участія въ земскихъ дѣлахъ и, слѣдовательно, не будутъ мѣшать развитію земскихъ отношеній на новыхъ началахъ. Такое добровольное отстраненіе дворянъ было причиной, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ главную массу избирателей составляли крестьяне, которые, наперекоръ теоретическому разсужденію «Московскихъ Вѣдомостей» объ ихъ земской неспособности, выказали на практикѣ такое пониманье своихъ частныхъ и общихъ земскихъ интересовъ, какого не обнаружили лица, пользующіяся исключительнымъ сочувствіемъ и покровительствомъ московской газеты. Въ востромской губерніи «выборщики сельскихъ избирательныхъ сѣз-

довъ такъ серьезно понимали значеніе сѣзда, что сдѣлали по этому случаю свое домашнее распоряженіе—обложили отсутствующих штрафомъ по 1 рублю. Равнымъ образомъ они положили брать по 25 коп. со всякаго, кто ушелъ бы со сѣзда до окончанія выборовъ. Такихъ штрафовъ было заплачено два; всѣ выборщики оставались на сѣздѣ, не смотря на то, что выборы тянулись отъ обѣденъ до двухъ часовъ ночи.» Въ херсонской губерніи на херсонскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи «крестьяне, какъ сообщаютъ мѣстныхъ губернскаго вѣдомости, держали себя съ большимъ тактомъ и очень скоро поняли важность дѣла, для котораго назначено земское собраніе. Всѣ замѣтили, что во время выборовъ въ члены управы, крестьяне очень были заинтересованы этимъ дѣломъ и дѣйствовали довольно настойчиво, чтобы имѣть въ числѣ членовъ управы представителя изъ своего сословія, и наконецъ достигли своей цѣли, забаллотировавъ предварительно многихъ претендентовъ на эти должности. Нѣкоторые изъ крестьянъ всходили на кафедру и бойко высказывали свои мнѣнія.» На сѣздѣ гласныхъ александрійскаго уѣзда «особенно было отрадно видѣть — пишетъ корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника» — то единодушіе, достоинство и тотъ тактъ, съ которыми держали себя гласные отъ крестьянъ, впервые принимавшіе участіе въ собраніяхъ такого рода.» Но посмотримъ, что уже сдѣлано нашимъ земствомъ и какихъ результатовъ можно ожидать отъ его дѣятельности.

III.

Организація земскихъ учрежденій очень проста. Прежде всего они раздѣляются на уѣздныя и на губернскаго. Уѣздныя завѣдываютъ хозяйственными дѣлами уѣзда, а губернскаго — хозяйственными дѣлами губерніи. Уѣздныя земскія учрежденія составляютъ: уѣздное земское собраніе и уѣздную земскую управу; а губернскаго — губернское земское собраніе и губернскую земскую управу.

Уѣздное земское собраніе составляется изъ земскихъ гласныхъ. Это тѣ представители уѣзднаго земства, которые въ качествѣ уполномоченныхъ разсуждаютъ о мѣстныхъ нуждахъ и порѣшаютъ мѣстные экономическіе вопросы. Уполномоченные, или, какъ называетъ ихъ положеніе, — гласные, избираются на особыхъ сѣздахъ уѣзднаго и губернскаго земства. Выборъ уѣздныхъ гласныхъ производится: уѣздными землевладѣльцами, городскими избирателями и выборными отъ сельскихъ обществъ, на отдѣльныхъ сѣздахъ.

Положеніе опредѣляетъ весьма подробно и обстоятельно, какія качества должны имѣть избиратели. Ими могутъ быть только лица, не моложе 25 лѣтъ, не находящіяся подъ уголовнымъ судомъ и слѣдствіемъ, не опороченные по суду или общественному приговору и иностранцы, не присягнувшіе на подданство Россіи; значить—люди, по лѣтамъ, способные понимать, на что они призваны; люди нравственные и люди, связанные съ Россіей прочнымъ земскимъ интересомъ.

Но какъ однихъ этихъ общихъ указаній еще недостаточно, чтобы обезпечить за избирателями тѣ качества разумности, отъ которыхъ только и можетъ зависѣть успѣхъ земскаго дѣла, то положеніе уваживаетъ и на другія условія, исполненіе которыхъ опредѣляетъ спеціально наиболѣе выгодныя нравственныя качества, дающія право на представительство. Качества эти опредѣлены размѣромъ собственности: для землевладѣльцевъ — количествомъ владѣемой ими земли, причемъ максимумъ составляютъ 800 десятинъ, а минимумъ 200; для лицъ же, владѣющихъ въ уѣздѣ другимъ недвижимымъ имуществомъ, капиталная стоимость его опредѣлена въ 15,000 р., или общій годовой оборотъ въ 6,000 руб. Городскимъ избирателямъ право участія даютъ: купеческія свидѣтельства, промышленныя или торговыя заведенія, имѣющія оборотъ не менѣе 6,000 руб., и недвижимая собственность, смотря по размѣру городскихъ населеній, — отъ 500 до 3,000 рублей. На сельскихъ же сѣздахъ выборщики назначаются самими волостными сходами, руководствуясь не соображеніями о размѣрѣ ихъ имущества, а общей сововупной пригодностію этихъ людей для дѣла, представителями котораго они являются. Такимъ образомъ опредѣленіе качества и способностей людей имущественнымъ путемъ принято только для городскихъ сословій и для землевладѣльцевъ, а для крестьянъ удержано естественное выборное основаніе. Обстоятельство это, зависѣвшее отъ имущественныхъ условій нашего земледѣльческаго населенія, должно имѣть большое значеніе въ будущихъ судьбахъ нашего выборнаго начала.

Гласные избираются на три года и предсѣдательство въ уѣздномъ земскомъ собраніи принадлежитъ уѣздному предводителю дворянства.

Земское собраніе изображаетъ собой только совѣщательное и распорядительное представительство, опредѣляющее нужды и потребности земства и основанія, на которыхъ онѣ могутъ быть удовлетворены; что же касается до исполненія предначертаній земскаго собранія, то для этого составляется уѣздная земская управа. Она

состоить изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, избираемыхъ на три года самимъ земскимъ собраніемъ, изъ числа составляющихъ его гласныхъ.

Уѣздное земское собраніе собирается ежегодно по одному разу, не болѣе какъ на десять дней. Земская же управа дѣйствуетъ постоянно.

Тѣ же уѣздныя земскія собранія избираютъ гласныхъ и для губернскаго земскаго собранія. Выборы дѣлаются на три года. Губернскіе гласные выбираютъ изъ себя предсѣдателя и членовъ для губернской земской управы, изображающей собой губернскую исполнительную власть.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Государь не назначаетъ губернскому земскому собранію особаго предсѣдателя, — предсѣдательствуетъ губернской предводитель дворянства.

Губернское собраніе, также какъ и уѣздное, собирается разъ въ годъ, но на срокъ вдвое большій, т. е. на двадцатидневный. Губернская же управа дѣйствуетъ постоянно.

Земскія собранія, кромѣ выбора предсѣдателей и членовъ въ земскія управы, составляющихъ основное ядро земской исполнительной власти, избираютъ, но тоже изъ среды себя, уполномоченныхъ для завѣдыванія имуществами и разными заведеніями земства. Кромѣ того, земскимъ управамъ предоставляется приглашать какъ для постоянныхъ занятій, такъ и для временныхъ порученій постороннихъ лицъ.

Такимъ образомъ въ основѣ земскаго самоуправленія положено выборное начало, ограниченное для землевладѣльцевъ и для городскихъ жителей извѣстнымъ цензомъ, а для сельскаго населенія стоящее внѣ этого условія. Это послѣднее обстоятельство, какъ я уже сказалъ, должно имѣть большое значеніе въ будущихъ судьбахъ нашего выборнаго начала и ввести въ жизнь тѣ новыя основанія, которымъ въ настоящее время явиться было невозможно.

Имущественный цензъ, выработанный западной Европой, на столько удовлетворяетъ своей цѣли, на сколько у передовыхъ цивилизованныхъ народовъ достало возможности съ нимъ примириться. Это значитъ, что западная Европа потому только остановилась на имущественномъ цензѣ, что не могла придумать ничего лучшаго. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не оставалось желать ничего лучшаго, или чтобы существующій въ Европѣ цензъ былъ дѣйствительно близокъ къ правдѣ и обезпечивалъ въ представителяхъ тѣ нравственныя и умственныя качества, которыя имъ слѣдовало бы имѣть. Самымъ справедливымъ

основаніемъ при выборѣ представителей останется всегда способность этихъ людей служить дѣлу, для котораго ихъ призываютъ, и если бы западная Европа не боялась того, что выборъ по способностямъ не будетъ угрожать никакими опасностями собственникамъ, то, разумѣется, она бы давно замѣнила имущественный цензъ порядкомъ, удержаннымъ у насъ для земскихъ сословій. Наше сельское населеніе съ незапамятныхъ временъ пользуется выборнымъ правомъ и никогда не знало имущественнаго ценза. Не смотря на то, или лучше сказать, именно поэтому, когда свободная воля избирателей не стѣснялась никакими посторонними вліяніями, нравственныя качества избираемыхъ всегда соотвѣтствовали интересамъ избравшаго ихъ общества. А это все, чего и слѣдуетъ желать. Съ политической точки зрѣнія западная Европа конечно права, потому что, боясь внутреннихъ волненій, она думала обезпечить миръ выборомъ въ представители людей со средствами и слѣдовательно по принципу консервативныхъ. Но если поставить вопросъ на исключительно экономическую точку зрѣнія, то основаніе, удержанное для нашихъ сельскихъ сословій, окажется не только самымъ, но и единственно вѣрнымъ и наиболѣе согласнымъ съ основнымъ началомъ нашихъ земскихъ учреждений, имѣющихъ исключительно экономическую сущность. Наша основная экономическая сила заключается въ сельскомъ населеніи. Все, что потребляетъ и перерабатываетъ Россія, все, что она отправляетъ за границу на корабляхъ и по желѣзнымъ дорогамъ, все, что она испиваетъ въ видѣ чая, кофе, шампанскаго, портера, все, что она сѣдаетъ заграничнаго, все это явилось изъ сырья, созданнаго трудомъ земледѣльцевъ. Сотни милліоновъ, поступающіе въ государственную кассу подъ разными наименованіями — акциза съ вина, табаку, соли, подушныхъ, оброчныхъ и разныхъ другихъ сборовъ — все это идетъ изъ того же источника и составляетъ только видоизмѣненный трудъ мужика. Положимъ, что большая часть милліоновъ, расходующихъ государствомъ на вознагражденіе труда войска, полиціи, суда и всей администраціи, составляютъ плату за трудъ дѣйствительный и болѣе или менѣе необходимый и полезный; но этотъ трудъ не имѣетъ характера экономической производительности и не создаетъ непосредственно никакихъ матеріальныхъ или вещественныхъ благъ. Единственнымъ прямымъ экономическимъ производителемъ остается все тотъ же народъ, создающій сырье. А какъ сырье это, или основные предметы производства, въ прямомъ или переработанномъ видѣ, служатъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей всего населенія страны, то очевидно, что чѣмъ условія будутъ благоприятнѣе для

народнаго производства, тѣмъ страна будетъ имѣть всего больше и слѣдовательно—богаче. Кто же поэтому можетъ быть лучшимъ судьей при оцѣнѣ обстоятельствъ, мѣшающихъ или благоприятствующихъ успѣшности труда—тѣ ли, кто служатъ первоначальной, основной силой, создающей всѣ предметы производства и мѣны, или тѣ, кто стоятъ къ производству въ предѣлахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ? Конечно, лучшими судьями могутъ быть люди, непосредственно трудящиеся и слѣдовательно лучше всего знакомые съ условіями своего труда, съ своими производительными силами и экономическими нуждами. Но и въ этомъ представительствѣ являются разныя степени его экономического значенія, имѣющія влияние на социальную судьбу народовъ. Такъ какъ богатство и матеріальное благосостояніе страны зависятъ отъ успѣшности общенароднаго труда; а трудъ бываетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ встрѣчаетъ онъ менѣе помѣхъ своему развитію, то лучшими экономическими представителями явятся, разумѣется, тѣ, кто испытываетъ наибольшія помѣхи, чей трудъ находится въ условіяхъ, наименѣе благоприятныхъ для своего развитія, а стѣсненная экономическая дѣятельность служить единственной причиной низкаго уровня матеріальнаго благосостоянія всей страны, т. е. наиболѣе стѣсненные, угнетенные и бѣдные производители. Поэтому экономическое значеніе представителей должно соответствовать размѣру ихъ участія въ общей массѣ народнаго труда и размѣру приносимой ими экономической пользы. Конечно, только тотъ можетъ судить вѣрно о нуждахъ, кто ихъ испытываетъ, и никто не понимаетъ такъ хорошо бѣдности, какъ самъ бѣднякъ. Представительство, которое возьметъ на себя чужбѣ въ дѣлѣ имъ неиспытанномъ, будетъ похоже на разсужденіе людей, не сидѣвшихъ никогда въ тюрьмѣ, о вліяніи на челоуѣка одиночнаго заключенія. Если же представителю основной производительной силы страны явятся тѣ, кто или никогда ничего не производилъ, или производилъ, да не то; то онъ будетъ смотрѣть на всѣ экономически-соціальныя вопросы съ точки зрѣнія своего невѣрнаго экономического положенія и слѣдовательно не скажетъ дѣла, или же, усиливаясь взять на себя правильное экономическое представительство и, такъ сказать, снисходя къ тѣмъ, кто стоятъ значительно ниже его, не обнаружатъ никогда той энергіи, силъ и стойкости, при защитѣ представляемыхъ имъ интересовъ, какія даются тѣмъ, кто отстаиваетъ свои собственные, личные интересы, къ которымъ онъ приросъ всѣмъ своимъ существомъ. Наше сельское населеніе находится именно въ положеніи этого правильнаго экономического представительства и можетъ выставить на выбо-

рахъ депутатовъ, количественное и качественное отношеніе которыхъ будетъ соответствовать вполне размѣру и числу экономическихъ группъ, составляющихъ всю массу населенія.

Остальные сословія находятся въ положеніи, менѣе благоприятномъ для правильнаго представительства ихъ экономическихъ интересовъ. У крестьянъ въ земскомъ собраніи можетъ быть всякій, имѣющій право участвовать на волостномъ сходѣ. А это право дается очень просто: десять домохозяевъ выбираютъ одного и посылаютъ его на сходъ. Какими соображеніями они будутъ руководствоваться при выборѣ, это уже ихъ дѣло. Такимъ образомъ всякій домохозяинъ есть въ тоже время и избиратель и можетъ быть выборнымъ. Для другихъ сословій это иначе. Тамъ, чтобы приобрести право избирателя, нужно имѣть непременно собственность довольно значительнаго размѣра.

Такимъ образомъ между избираемыми поселянами и избираемыми горожанами и земледѣльцами есть довольно значительный промежутокъ, изображаемый лицами, собственности которыхъ составляютъ середину между величиной крестьянскаго состоянія и нормой цѣны для землевладѣльцевъ, купцовъ и гражданъ. Численную величину этого промежуточного слоя, пользующагося правомъ личнаго представительства опредѣлить довольно трудно; но есть основаніе предполагать, что величина эта довольно значительна, особенно въ городскихъ населеніяхъ. Минимумъ недвижимой городской собственности принять въ 500 руб. Но у насъ есть много городовъ, въ которыхъ пятисотъ-рублевые дома составляютъ большую рѣдкость, служа признакомъ весьма значительной зажиточности; главную же массу населенія образуютъ владѣльцы домовъ, неотличающихся ничѣмъ отъ деревенскихъ избъ. Значитъ, всѣ эти владѣльцы для большинства нашего мѣщанскаго населенія, неотличающагося ничѣмъ отъ земледѣльцевъ: ни по развитію, ни по богатству—въ выборахъ лично не участвуютъ. Между землевладѣльцами и земледѣльцами промежутокъ, разграничивающій выборное право, тоже довольно великъ. Возьмемъ для примѣра губернію малоземледѣльную изъ средней полосы. Норма крестьянскаго надѣла составляетъ тамъ, по закону, 8 дес. на душу; но въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ такого количества земли обыкновенно не бываетъ, а не больше 4—5 дес.; значитъ, взявъ для расчета многодушную семью, состоящую изъ 6 человекъ и владѣющую землею по высшему надѣлу, получимъ нецѣль, равную 25 десятинамъ, а какъ земледѣльцу выборное право дается 200 десятинъ, то следовательно право это, превратившись на 25 дес., дѣлаетъ свѣдѣть чрезъ 175

дес. и затѣмъ снова начинается съ 200. Въ многоземельныхъ мѣстностяхъ, съ душевымъ надѣломъ въ 15 дес., скачекъ еще рѣзче. Взявъ такую же по численности крестьянскую семью, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, и 15 дес. земельную пропорцію, получимъ максимумъ крестьянскаго ценза въ 75 дес., землевладѣльческій цензъ составляетъ 800 дес., слѣдовательно, разграничивающій промежутокъ будетъ 725 дес. Такимъ образомъ всѣ тѣ, кто, не принадлежа къ сельскому населенію, владѣютъ или такой же собственностію, или хотя и выше, но недоходящей до minimum'овъ цензовъ, установленныхъ для разныхъ мѣстностей, не пользуются правомъ участія въ земскихъ выборахъ и правомъ личного представительства своихъ интересовъ.

Въ сельскихъ мѣстностяхъ это обстоятельство, по всей вѣроятности не заявило себя замѣтнымъ образомъ, но въ городахъ оно должно обнаружиться гораздо рѣзче. Причина очень проста.

Сельское населеніе, высланъ въ земское собраніе своихъ представителей, явится защитникомъ интересовъ всего земледѣльческаго сословія, начиная съ людей самыхъ бѣдныхъ и кончая богатѣйшими. Затѣмъ, послѣ перерыва земскаго представительства, являются землевладѣльцы, владѣющіе отъ 200 до 800 дес., которые, въ свою очередь, будутъ дѣйствовать въ интересахъ помѣстнаго сословія. Это соединеніе въ одномъ и томъ же собраніи крестьянъ, какъ владѣльцевъ минимума земли, и дворянъ, какъ владѣльцевъ максимума, даетъ возможность предполагать, что соединенное представительство 25 миллионнаго населенія, конечно, возбудитъ и разрѣшитъ тѣ экономическіе вопросы, которые интересуютъ населеніе промежуточное, сравнительно слишкомъ немногочисленное, невставившее своихъ представителей.

Но дѣло принимаетъ другой видъ въ городахъ, гдѣ представительство является отъ лицъ, имѣющихъ годовой оборотъ въ 6,000 рублей или недвижимую собственность отъ 500—3,000 руб.; здѣсь интересы лицъ городского сословія изображаются только людьми, составляющими высшій слой, и владѣлецъ дома въ пятьсотъ рублей говоритъ за мѣщанина, имѣющаго пятидесяти рублевый домъ. Въ какихъ специальныхъ особенностяхъ выразилось подобное отношеніе въ земскомъ представительствѣ, сказать еще нельзя, и каковымъ образомъ интересы бѣднаго мѣщанства—сословія, вообще самаго жалкаго изъ всѣхъ—найдутъ защиту и удовлетвореніе въ томъ, что предпримутъ и установятъ важноточные домовладѣльцы; а интересы бѣдныхъ ремесленниковъ и купцовъ въ томъ, что предпримутъ люди, совершающіе шеститысячные и большіе обороты, то

же пока неизвѣстно, потому что провинціальныя корресподенты объ этомъ молчатъ.

Главное вниманіе провинціальныхъ публицистовъ было обращено до сихъ поръ на характеръ земской дѣятельности помѣстнаго дворянства и преимущественно богатѣйшихъ его представителей. Изъ этой дѣятельности интересовали по преимуществу тѣ отношенія, въ которыя становилось дворянство къ интересамъ земства. И дѣйствительно, это самая интересная сторона вопроса, потому что отъ установленія этихъ отношеній зависитъ весь характеръ нашего внутренняго самоуправленія и направленіе, въ которомъ пойдетъ разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ. Почти вся наша пресса выразила сожалѣніе о томъ, что самые крупные землевладѣльцы отказались отъ личнаго участія въ дѣлахъ земства, а нѣкоторые изъ журналовъ прибавили, что нежеланіе могущественныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ служить земству поведетъ непременно къ отсутствію въ земствѣ стремленія къ высшимъ цѣлямъ и къ преслѣдованію только мелочныхъ экономическихъ интересовъ.

Должно ли подобное обстоятельство возбуждать сожалѣніе, или радость — вопросъ совершенно не важный. Здѣсь дѣло только въ томъ, вѣрно ли подмѣченъ фактъ, и если вѣрно, то каковъ его смыслъ и къ какимъ поведетъ онъ послѣдствіямъ.

Фактъ подмѣченъ вѣрно. Дѣйствительно, значительные землевладѣльцы не приняли никакого участія ни въ земскихъ собраніяхъ, ни пожелали вступить на службу земству. Поступая такъ, они больше ничего какъ дѣйствовали съ тою послѣдовательностію, какая была неизбѣжна при существующихъ теперь условіяхъ нашей общественной и экономической жизни. Интересы земства, указанные «Положеніемъ», не суть интересы богатыхъ землевладѣльцевъ. Земство завѣдываетъ и управляетъ земскимъ имуществомъ; оно обезпечиваетъ народное продовольствіе, оно устраиваетъ земскія дороги, оно завѣдываетъ благотворительными заведеніями, призрѣваетъ бѣдныхъ, управляетъ дѣлами взаимнаго страхованія, заботится о народномъ образованіи, развертываетъ государственныя денежныя сборы и избираетъ на службу людей изъ среды своей. Всѣ эти нужды—нужды людей мелкихъ, небогатыхъ и сѣраго народа; какое дѣло до нихъ крупнымъ землевладѣльцамъ? Довольно взглянуть на численное отношеніе богатствъ среднихъ и небогатыхъ помѣстныхъ дворянъ, чтобы опредѣлить характеръ для дѣятельности земства. По 10 переписи у насъ считалось:

Владѣльцевъ малопомѣстныхъ (имѣвшихъ до 100 душъ) 79,171.

- — среднепомѣстныхъ (имѣвш. до 500 душъ) 20,165.
 — — крупныхъ (отъ 500 до 1000 д. и болѣе) 3,858.

Съ освобожденіемъ крестьянъ въ денежныхъ дѣлахъ всѣхъ этихъ лицъ произошелъ неизбежный кризисъ; многимъ малопомѣстнымъ пришлось очень туго, многіе среднепомѣстные стали малопомѣстными и только «крупные», хотя и ихъ дѣла пошли хуже, остались по прежнему крупными. Изъ этихъ цифръ видно, что 77% общаго числа землевладѣльцевъ—люди или недостаточные, или небогатые, 19% дѣлаютъ переходъ отъ недостаточныхъ къ богатымъ и только 3³/₄% богатыхъ людей. Думаю, что не нужно быть особеннымъ мудрецомъ, чтобы понять, какъ этими процентами опредѣлится характеръ земской дѣятельности людей. Богачей на всю Россію меньше четырехъ тысячъ. Въ этомъ числѣ вся наша знать, вся наша служебная аристократія—все люди, не находившіеся никогда въ близкихъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ, провинціальнымъ экономическимъ интересамъ. Люди эти или занимали значительное служебное положеніе, или жили въ нашихъ столицахъ и за границей. При такихъ условіяхъ, на сколько могъ интересоваться ихъ вопросъ о земскомъ пмуществѣ? какое имъ дѣло до народнаго продо-вольствія, когда они сами собой не изображаютъ народъ; какое имъ дѣло до земскихъ дорогъ, когда они живутъ безвыѣздно въ Москвѣ, въ Петербургѣ или за границей; какое имъ дѣло до мѣстнаго народнаго образованія, когда ихъ дѣти воспитываются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обѣихъ столицъ; какое имъ дѣло до развертыванія земскихъ сборовъ, когда заплатить рубликъ больше или меньше имъ ничего не стоитъ? Всѣ эти вопросы—вопросы жизни только для мелкопомѣстныхъ, частью для среднихъ и для миллионъ сѣраго народа; а вовсе не для богачей и потому трудно понять, что могло бы привлечь ихъ въ земское собраніе, въ которомъ имъ разсуждать не о чемъ, или на земскую службу, гдѣ имъ нечего дѣлать. Если, поэтому, для богатыхъ людей мѣстные денежные интересы не представляютъ никакой заманчивости, то что могло бы ихъ тянуть въ какую нибудь земскую уѣздную управу? Можетъ ли наша бѣдная и печальная провинціальная жизнь сравниться съ жизнью Лондона, Парижа или хотя Дрездена? Магнитъ долженъ быть слишкомъ силенъ, чтобы для Можайска, Тулы и всякаго другаго нашего уѣзднаго и губернскаго города оставить Лондонъ, Парижъ, Италію. Земскій интересъ силы этого притяженія вовсе не имѣетъ. Слѣдовательно очевидно, что во главѣ земскаго дѣла и земскими дѣятелями должны были явиться тѣ, кому была въ этомъ существенная, положительная выгода. И потому, представителями

и работниками явились не богатые люди, а масса сельскаго населенія.

Но и въ этихъ представителяхъ нужно отличать тѣхъ, кто тянетъ кверху, отъ тѣхъ, кто чувствуетъ и понимаетъ необходимость слиянія всего земства въ одно цѣлое, безъ перерыва, образуемаго теперь бѣднѣйшими землевладѣльцами и бѣдными мѣщанами. Интеллектуальную силу нашихъ земскихъ собраній изображало образованное дворянство, болѣе знакомое съ экономическими вопросами и теоріями, чѣмъ остальные представители. Конечно, это знакомство не Богъ знаетъ какъ помогло пониманію сущности нашего земскаго дѣла, экономическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся, и средствъ вывернуться изъ теперешней нужды. Между высказанными мнѣніями было много великихъ странностей, не особенно рекомендующихъ силу русскаго интеллекта. Но приводить ихъ я не стану, а укажу только на одно, и самое ложное заявленіе, дѣланное почти во всѣхъ земскихъ собраніяхъ. Самый спорный у насъ вопросъ теперь—бѣдны мы или богаты, есть ли у насъ деньги или нѣтъ? Одни утверждаютъ, что мы бѣдны;—другіе, что мы богаты. Одни доказываютъ, что у насъ слишкомъ много бумажныхъ денегъ, другіе, что ихъ мало и что у насъ недостаетъ мелкихъ бумажекъ для внутреннихъ сдѣлокъ и оборотовъ. Споры эти будутъ тянуться до тѣхъ поръ, пока люди будутъ витать въ сферѣ общихъ соображеній; но какъ только они спускаются на землю и вникаютъ специально въ свои собственные личныя нужды, то оказывается немедленно, что почти ни одинъ землевладѣлецъ не можетъ заняться выгоднымъ дѣломъ, потому что въ кошельѣ у него нѣтъ ничего. Прежде, при обязательномъ трудѣ, у помѣщиковъ водилось денегъ не больше, но тогда можно было призвать старосту и отдать ему такой приказъ: «чтобы завтра было наряжено на кирпичный заводъ 30 женщинъ, на огородъ 20 женщинъ на гумно для молоченья 40 мужиковъ и въ Москву 50 подводъ для отправки хлѣба», итого 50 женщинъ, 90 мужиковъ и 50 лошадей работали на помѣщика, какъ по шучьему велѣнію. Теперь же новыя времена и новыя нравы. Подобныя приказанія ужъ не отдаются и не выполняются. Рабочихъ не всегда можно достать даже за деньги, а денегъ столько, сколько и прежде. Заводы и фабрики, находившіяся въ имѣніяхъ и на которыхъ работали барщиной или на другихъ выгодныхъ для помѣщика условіяхъ его собственные крестьяне, потребовали теперь денежныхъ средствъ. Уменьшеніе средствъ для жизни заставило подумать о томъ, какъ бы ихъ добыть и устроить какія нибудь промышленныя заведенія, что-

бы пополнить недостачу, явившуюся вслѣдствіе освобожденія крестьянъ. И вотъ повсюду заговорили о кредитѣ, о возможности добыть денегъ подъ залогъ земли. Государственныхъ учреждений для этого не существуетъ, частныхъ тоже, и земство принялось разсуждать объ устройствѣ земскихъ банковъ, о которыхъ мы уже говорили. Намъ остается только замѣтить, земскаго въ нихъ нѣтъ ровно ничего, потому что отъ права кредита отстранена вся масса недостаточнаго населенія, наиболѣе нуждающагося въ средствахъ для усиленія своей производительной дѣятельности. Банки эти, въ томъ видѣ, какъ ихъ задумываютъ повсюду, вовсе не земскіе, а землевладѣльческіе, и въ этомъ ихъ основной недостатокъ, потому что застой не въ однихъ дѣлахъ владѣльцевъ, но и въ дѣлахъ земледѣльцевъ. Въ «Ярославскихъ губ. вѣд.» пишутъ: «Въ народѣ безденежье: крестьяне Соколовской волости взяли охотно въ долгъ свой мірской капиталъ за 6% на полгода, а за товары и аренду земель, при платежѣ своими произведеніями или заработками, даютъ около 35% на рубль». Пусть землевладѣльцы, толкующіе о своихъ земскихъ банкахъ, докажутъ, что дѣла кого бы то ни было изъ нихъ дошли до такой повальной убыточности. Платить своими произведеніями за кредитъ по 35 и даже по 50 и болѣе % самая обыкновенная вещь въ быту нашихъ крестьянъ. Деревенскіе булаки, кабачники, цѣловальники и другія лица, живущія на счетъ крестьянъ и разыгрывающіе роль сельскихъ банкировъ, высасываютъ, какъ пиявки, послѣдній сокъ изъ бѣдняковъ. Чѣмъ человекъ бѣднѣе, тѣмъ затруднительнѣе ему кредитоваться и тѣмъ дороже платитъ онъ за довѣріе. Землевладѣльцамъ сравнительно легко. Но трудно земледѣльцамъ и тѣмъ наиболѣе недостаточнымъ лицамъ сельскихъ мѣстностей и горожанамъ, которые не попали въ цензъ. Смотрѣть на этихъ лицъ съ политической точки зрѣнія, предполагая въ нихъ какія нибудь тенденціи, разрушительныя для благосостоянія людей болѣе богатыхъ, совершенно невозможно, потому что они по своимъ понятіямъ и по своему образованію стоятъ нисколько не выше земледѣльцевъ. Что же касается до экономической точки, то конечно отсутствіе представительства со стороны этого слоя населенія и одностороннія заботы земскихъ собраній о благосостояніи однихъ землевладѣльцевъ вредятъ экономическимъ интересамъ всей Россіи. Чтобы Россія была экономически сильна и слѣдовательно благоденствовала во всѣхъ отношеніяхъ, нужно, чтобы земство слилось въ одно цѣлое, безъ того перерыва, который существуетъ теперь въ его представительствѣ, и чтобы подъ именемъ земскихъ интересовъ не слыли интересы какого нибудь одного зем-

сваго слоя. Это тоже одна изъ задачъ земства, на которую оно однако не взглянуло еще правильно, потому что основную экономическую силу видѣло до сихъ поръ не въ главныхъ производителяхъ первыхъ продуктовъ и въ тѣхъ, кто живетъ переработкой ихъ.

Конечно, можетъ быть неразумительно требовать отъ сословій чтобы они заботились другъ о другѣ; но едва ли можно сдѣлать подобный упрекъ тому, кто будетъ ожидать отъ родового и образованнаго сословія, считающаго себя интеллектуальной силой страны, что оно пойметъ широко интересы своего отечества. А это все, чего каждый можетъ ожидать и требовать отъ представителей дворянства, отряжающихъ отъ себя въ земскія собранія, вѣроятно, лучшихъ людей.

VI.

Земское дѣло, какъ еще совсѣмъ для насъ новое, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ основаніяхъ, какія указаны ему положеніемъ, не можетъ представлять особенно блистательныхъ фактовъ, доказывающихъ широту размаха русской мысли. И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ его задача настоящаго времени? Писаки «Московскихъ Вѣдомостей» и ихъ поклонники желаютъ осуществленія какихъ-то возвышенныхъ стремленій и потому очень жалѣютъ, что «крупные» не приняли никакого участія въ земскихъ дѣлахъ. Но допустимъ, что «крупные» предсѣдательствуютъ въ земскихъ собраніяхъ, въ земскихъ управахъ. Въ чемъ проявили бы они широту своей мысли и величіе своихъ стремленій? Если бы они принялись за устройство земскихъ банковъ для землевладѣльцевъ, то въ этомъ конечно не было бы никакой широты и величія, потому что гораздо шире придумать такой банкъ, который обниметъ интересы всѣхъ жителей страны, чѣмъ интересы ровно сотой части населенія. Другое дѣло, если бы богатѣйшіе землевладѣльцы позаботились о сліяніи сословій, о соединеніи въ одно всѣхъ разнообразныхъ экономическихъ интересовъ земства въ полной его совокупности. Такія стремленія были бы конечно и широки, и возвышенны. Къ сожалѣнію, есть основаніе предполагать, что ничего бы этого не случилось, потому что если бы богатѣйшіе люди имѣли подобныя стремленія, то они конечно не устранились бы отъ дѣлъ земства. Слѣдовательно, остается ожидать, что все необходимое для экономическаго благосостоянія Россіи будетъ сдѣлано остальными, интересы которыхъ

связаны тѣснѣе съ интересами страны, и что эти же люди осуществятъ и тѣ широкія стремленія, для которыхъ, какъ видно, еще не наступило время.

Такимъ образомъ, оставивъ широту въ покоѣ, обратимся къ тѣмъ житейскимъ мелочамъ, на которыя смотритъ такъ презрительно московская партія. Нельзя сказать, чтобы эти мелочи заслуживали такого презрѣнія, особенно въ виду того обстоятельства, что на боѣ крупное рассчитывать не приходится. Изъ перечисленія этихъ мелочей читатель увидитъ, что онѣ могутъ имѣть весьма существенное вліяніе на нашъ экономическій бытъ и что поэтому онѣ совсѣмъ не такъ мелки; а во вторыхъ, познакомится съ характеромъ и сущностью занятій земства.

Можетъ быть, на первый разъ земскія собранія какъ будто испугались такихъ вопросовъ, которые имѣли бы дѣйствительное значеніе для благосостоянія страны. Вездѣ земство занималось вопросами второстепенными и мелкими—о натуральныхъ повинностяхъ, о дорогахъ и мостахъ, земской почтой, частью народнымъ образованіемъ, взаимнымъ страхованіемъ; о прежде бывшихъ же дворовыхъ, немѣющихъ теперь пріюта и средствъ, подумало только рязанское земское собраніе, а о томъ видѣ русской бѣдности, которая проходитъ Россію изъ конца въ конецъ, выпрашивая «христа—ради», не подумалъ никто. Это произошло конечно оттого, что представители земства хотѣли порѣшить прежде всего тѣ вопросы, въ которыхъ они заинтересованы непосредственно; а изъ этихъ вопросовъ натуральныя повинности стоятъ на первомъ планѣ.

Натуральныя повинности ложились до сихъ поръ всею своею тягостію на сельское населеніе, и на первомъ планѣ стояла повинность подводная. Особенно бѣдствовали и крестьяне, и проѣзжающіе тамъ, гдѣ подводная повинность отбывалась натурой. Крестьянинъ отрывался отъ сельскихъ работъ въ самую горячую пору и долженъ былъ мучить гоньбой свою и безъ того измученную и голодную лошаденку, чтобы везти за частую свое пьяное сельское начальство и пьяныхъ писарей, развѣзжавшихъ изъ селенія въ селеніе безъ всякой надобности. Чиновники, изъ нихъ преимущественно землемѣры, тоже не особенно обременяли себя размышленіями о томъ, тяжела или легка мужику натуральная подводная повинность и щедро требовали подводы, за которыя имъ не приходилось платить денегъ. Тамъ, гдѣ вмѣсто повинности натурой, крестьяне нанмали ямщиковъ, хотя тягость содержанія ихъ ложилаь гораздо равномернѣе, но расходъ былъ тяжелъ. При томъ сепаратизмѣ, какой существуетъ у насъ между отдѣльными управ-

леніями, крестьяне каждаго вѣдомства отбывали отдѣльно и подводную повинность. Такъ крестьяне М. Г. И. держали своихъ ямщиковъ, удѣльные своихъ, помѣщичьи своихъ, земская почта своихъ. Этотъ порядокъ существуетъ еще и до сихъ поръ; такъ что если бы сельская станція четырехъ вѣдомствъ была назначена въ одномъ и томъ же селеніи, то явилось бы въ немъ четыре почтовыхъ дома и четыре комплекта лошадей. Конечно, если бы не существовало системы особенности, то нужды всѣхъ проѣзжающихъ могли бы быть удовлетворены тремя комплектами, а четвертый остался бы въ экономіи. Вообще мудрено понять, какая выгода странѣ оттого, что она тратитъ много денегъ, когда того же самаго результата можно достигнуть расходомъ значительно меньшимъ? Разумѣется, было бы выгоднѣе всего, чтобы все ямское дѣло, почтовое и сельское находилось въ распоряженіи земской власти, и чтобы исчезъ наконецъ тотъ сложный, дорогой и хлопотливый порядокъ, по которому каждое вѣдомство развѣзжаетъ на своихъ лошадяхъ. Но подводная повинность, при всемъ ея неурядицѣ и даже при значительно большихъ для народа расходахъ, въ сущности для него была легче, чѣмъ повинность дорожная. Пусть лошади бывали мѣстами плохи и телѣги скверны, но бывали и мѣстности, гдѣ водились лошади хорошія, и если казенное дѣло шло вообще плохо, то ужъ конечно не отъ неурядицы повинности подводной. Дороги—дѣло другое. Отъ нихъ положительно всякое дѣло шло у насъ тихо; да и какъ же не идти тихо, когда проселки наши въ осеннюю грязь непроходимы даже пѣшкомъ; а по почтовымъ трактамъ станцію въ 25 верстѣ приходится ѣхать полсутки! Отъ нашихъ непроходимыхъ и непроѣздныхъ дорогъ терпятъ и гражданскія дѣла, и торговля, и народная экономическая производительность. Не знаю, сознаніе ли этихъ причинъ, или просто дорожныя неудобства заставляли нашихъ людей власти заботиться о дорогахъ еще въ прошедшемъ столѣтіи. Но какъ средствъ для устройства и приведенія въ порядокъ дорогъ у насъ не было, то дѣло это и было превращено въ натуральную повинность. Лѣтъ сто сгоняется уже нашъ народъ, во всякое время года, на поправку и починку дорогъ и мостовъ; мѣстами для этого крестьянамъ приходилось путешествовать за сто и болѣе верстѣ, но дороги наши по прежнему непроходимы, а по мостамъ не рѣшаются ѣздить даже люди весьма неустрашимые и привыкшіе къ нашимъ дорожнымъ опасностямъ. Если предположить, что на исполненіе мостовой и дорожной повинности употреблялись каждымъ крестьяниномъ въ годъ полдня, и принять населеніе, исполнявшее повинность въ двадцать милліоновъ, то

въ теченіи ста лѣтъ наши дороги и мосты поглотили 1,000,000,000 рабочихъ дней, или на деньги, — считая день въ 30 в., — 300,000,000 рублей. Всѣ эти деньги можно считать буквально зарытыми въ землю, потому что наши дороги, особенно сельскія, также хороши теперь, какъ онѣ были въ первый день своего открытія, пожалуй въ первый день онѣ были еще лучше; слѣдовательно, въ теченіе ста лѣтъ, мы сдѣлали для нихъ меньше, чѣмъ ничего, заставивъ для достиженія такого удивительнаго результата потрудиться 1 миллиардъ народу! Если бы сто лѣтъ тому назадъ мы заняли бы 300 мил. рублей и устроили бы на нихъ дороги; то къ 1865 году долгъ бы былъ уже давно уплаченъ, мы бы пользовались давно хорошими шоссе, и миллиардъ рабочихъ дней остался бы у народа въ карманѣ; а на сколько бы улучшились всѣ наши дѣла въ особенности экономическія, я не берусь и вычислить. Даже и квартирная, третья изъ важныхъ повинностей, имѣетъ огромное вліяніе на благосостояніе народа. Поэтому понятно, почему земскія собранія обратили прежде всего вниманіе на земскія повинности и на возможно-уравнительную ихъ раскладку на все земство. Но дѣло это слишкомъ трудное и многосложное при томъ порядкѣ, котораго вначалѣ конечно нельзя было избѣгнуть, но который сохранится вѣроятно и на долго, вслѣдствіе нашихъ бюрократическихъ привычекъ. Чтобы сдѣлать правильную раскладку, нужно опредѣлить правильно доходъ каждаго члена земства, а для этого нужно привести въ извѣстность размѣръ всѣхъ доходныхъ статей каждаго человѣка. Наше земство и принялось за эту работу; но кто же не знаетъ, что это египетскій трудъ и что земскія управы будутъ завалены цѣлыми возами самыхъ многосложныхъ вѣдомостей, въ которыхъ, если они и доберутся до толку, то извлеченные результаты будутъ все-таки не соответствовать размѣру труда, и вѣрности выводовъ они никогда не добьются. Опредѣленіе дохода системой кадастра — трудъ совершенно однородный съ нашей дорожной повинностью. Сто лѣтъ мы чинимъ дороги и онѣ все худы; сто лѣтъ будемъ мы производить и кадастръ и никогда не дойдемъ до уравнительныхъ выводовъ. Думаю, что было бы проще въ примѣненіи къ сельскому населенію употребить ту же систему опредѣленія дохода каждаго лица, какая была употреблена для опредѣленія цѣнности земель помещиковъ и другихъ землевладѣльцевъ. Въ то время, какъ членъ управы, г. Бошнякъ, употреблялъ весьма энергическій трудъ, чтобы проѣхать по всѣмъ сквернымъ дорогамъ костромской губерніи и побывать въ каждой деревнѣ, чтобы узнать: сколько у каждаго мужика накашивается сѣна, нажинается хлѣба, и т. д.; а потомъ пе-

редадь свою работу въ волостныя правленія, чтобы члены ихъ еще разъ проѣхались по тѣмъ же дорогамъ и сличили и провѣрили свѣдѣнія, собранныя г. Бошнякомъ,—съ землевладѣльцами было поступлено гораздо проще и вѣжливѣе—у нихъ просто отобрали бы ихъ собственныя показанія. Почему въ одномъ случаѣ такое недовѣріе и инквизиторскій пріемъ, а въ другомъ—простота и довѣріе? Это можно объяснить только нашими бюрократическими привычками и больше ничѣмъ. У насъ почему-то принято думать, что отъ крестьянина нельзя узнать никакой правды. Разумѣется, такое мнѣніе имѣеть свое основаніе и явилось оно потому, что когда крестьянина облагали нѣбогда произвольными поборами, которые шли на неизвѣстное ему употребленіе; то онъ, разумѣется, имѣлъ особенную выгоду быть неоткровеннымъ и прикидываться болѣе бѣднымъ, чѣмъ онъ есть. Но когда крестьянинъ сталъ членомъ земства и отрядилъ въ земское собраніе и въ земскую управу своихъ уполномоченныхъ, чтобы заявить свои нужды, то ужъ этимъ однимъ актомъ онъ вступилъ въ новое гражданское положеніе, при которомъ г. Бошняку можно было бы не предпринимать весьма труднаго изслѣдованія качества костромскихъ проселочныхъ дорогъ и не утруждать членовъ волостныхъ правленій повтореніемъ подобнаго же изслѣдованія. Если костромичи питаютъ такое довѣріе къ своимъ землевладѣльцамъ, что удостовѣряются ихъ личнымъ показаніемъ, стоящимъ внѣ всякаго контроля, — потому что кто же можетъ знать сколько доходу выручилъ въ нынѣшнемъ году помѣщикъ А, и какъ помѣщикъ А можетъ знать, сколько получилъ Б, живущій отъ него за 30—50 верстъ,—то уже конечно позволительнѣе выказать довѣріе къ показаніямъ крестьянъ, живущихъ тѣсною слободой и такимъ образомъ находящихся подъ строгимъ общественнымъ контролемъ. Тутъ не нужно ни вмѣшательства г. Бошняка, ни вмѣшательства волостныхъ правленій, потому что имъ никогда не узнать той правды, какую знаетъ сосѣдъ о сосѣдѣ, и конечно самой дешевой, скорой и вѣрной оцѣнкой будетъ собственное показаніе крестьянъ. Что же касается до кадастра, то видно наши земскія управы не знаютъ того, что Франція, напримѣръ, сто лѣтъ мѣряетъ свои земли и считаетъ доходы своего населенія и до сихъ поръ ни разу не сосчитала ничего вѣрно. Сельское хозяйство вовсе не такая неподвижная вещь, чтобы изъ года въ годъ стояло на одномъ мѣстѣ; постоянно происходятъ перемѣны въ количествѣ распаханыхъ земель, перемѣны въ полеводствѣ; то наши превращаютъ въ сѣнокосы, то сѣнокосы въ пашни, луговое хозяйство замѣняется травосѣяніемъ, неудобныя земли превращаютъ въ удоб-

ныя; отъ трехпольной системы переходятъ къ хозяйству плодоперемѣнному, или наконецъ болѣе и болѣе занимаются разведеніемъ какого нибудь одного вида сесьско-хозяйственнаго растенія, на примѣръ, свекловицы для полученія сахара, масличныхъ или кра- сильныхъ растеній и т. д. Чтобы слѣдить за этой подвижной и разнообразной жизнью и изъ года въ годъ измѣрять всѣ пере- мѣны въ поляхъ и вычислять все количество разнообразныхъ сельско- хозяйственныхъ продуктовъ и всѣ доходы отъ промысловъ, отли- чающихся такой же подвижностію, нужно имѣть цѣлую армію зем- земѣровъ и таксаторовъ. И вся эта армія все-таки не измѣрять и не вычислить всего вполне вѣрно. Значить, объ чемъ же хло- поты, къ чему этотъ весь громадный трудъ, если онъ не дастъ ни- когда вѣрныхъ результатовъ? Но кромѣ арміи землемѣровъ и так- саторовъ, нужна еще другая армія, которая изъ милліоновъ разно- образныхъ вѣдомостей будетъ дѣлать извлеченія для общихъ со- ображеній и выводовъ. Между тѣмъ та же приблизительная вѣр- ность и въ частныхъ соображеніяхъ, и общихъ выводахъ получит- ся при простомъ способѣ вычисленія, употребляемомъ крестьяна- ми. Предоставьте каждому селенію доставить вамъ требуемыя свѣ- дѣнія, и повѣрьте, ни одинъ таксаторъ, кадастраторъ, мастраторъ не доставятъ вамъ свѣдѣній болѣе вѣрныхъ. Относительно помѣ- щиковъ вы нашли этотъ способъ практичнымъ и точнымъ, отчего же вы не хотите употребить его въ примѣненіи къ крестьянскому населенію, представляющему гарантію значительно большей точно- сти и вѣрности? По отношенію къ вопросу о повинностяхъ и урав- нительной ихъ раскладкѣ земскія собранія остановились въ настоя- щее время или на опредѣленіи вѣрнѣйшаго способа составленія необходимыхъ для того свѣдѣній, или на порученіи земскимъ упра- вамъ собрать свѣдѣнія. Но и въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ наши старыя привычки даютъ себя знать, и, разумѣется, мы не скоро отъ нихъ отвыкнемъ, въ особенности, если будемъ держаться ста- рыхъ бюрократическихъ обыкновеній. Напримѣръ, ставропольская управа, открывъ свои дѣйствія, приступила прежде всего къ со- биранію свѣдѣній, порученныхъ ей земскимъ собраніемъ. По ста- рому обычаю слѣдовало конечно написать къ надлежащимъ лицамъ и мѣстамъ и попросить ихъ доставить, что требуется. Такъ и было сдѣлано. О помѣщичьихъ земляхъ управа писала прямо къ зем- левладѣльцамъ; о земляхъ крестьянскихъ потребовала свѣдѣнія *черезъ* волостныя правленія, отъ земскихъ обществъ; а о земляхъ казенныхъ и удѣльныхъ отъ палатъ государст. имущест. и удѣль- ныхъ конторъ. По тому же старому обычаю на подобныя требова-

нія отвѣчать скоро не слѣдовало, и потому свѣдѣнія не только доставлялись медленно; но нѣкоторые землевладѣльцы и совѣтъ не доставили ровно никакихъ свѣдѣній, такъ что управа, послѣ нѣсколькихъ повтореній (и это старый обычай), и припечатаніемъ своихъ требованій въ «Сѣверной Почтѣ» и въ губернскихъ вѣдомостяхъ должна была воспользоваться имѣвшимися у нея свѣдѣніями, доставленными ей уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Теперь остается только, чтобы помѣщики, недоставившіе свѣдѣній, на ближайшемъ земскомъ собраніи объявили бы: «посмотримъ, какая сила заставитъ насъ ихъ доставить,» и чтобы собраніе въ отвѣтъ на это попросило бы ихъ переселиться въ киргизскую степь. Вообще наша неукротимость, проявляющаяся во многихъ случаяхъ весьма своеобразно, фактъ до того обыкновенный, что даже въ земскихъ собраніяхъ она заявила себя раньше полезнаго дѣла. Вотъ любопытный случай, сообщенный «С.-Петербургскими Вѣдомостями.» Въ заключительномъ засѣданіи костромскаго уѣзднаго собранія, 29 сентября, 25 гласныхъ заявили предложеніе, поручить уѣздной управѣ составить къ 1 ноября смѣту на началахъ, принятыхъ собраніемъ по проекту гласнаго Добровольскаго. По прочтеніи этого предложенія, члены управы рѣшительно объявили, что они, кромѣ тѣхъ, которыя уже представлены, другихъ смѣтъ составлять не будутъ. Тогда собраніе сдѣлало слѣдующее постановленіе: «Уѣздное земское собраніе неоднократно предлагало членамъ земской управы составить смѣту на принятыхъ собраніемъ 25 сентября началахъ, но члены управы положительно отказались составлять смѣту вновь на предстоящій 1866 годъ, такъ какъ смѣта эта ими уже составлена и внесена въ собраніе. Оно постановило: о неисполненіи управою принятыхъ собраніемъ постановленій въ составленіи смѣтъ представить на распоряженіе костромскаго губернскаго собранія, закрывъ въ настоящее время засѣданіе костромскаго уѣзднаго собранія,» и т. д... Фактъ этотъ весьма интересный, и любопытно знать, какъ онъ разрѣшится. Могутъ ли земскія собранія придумывать какія нибудь неподходящія распоряженія и могутъ ли управы имѣть болѣе основательный и практическій взглядъ на дѣло и потому находить распоряженія собранія неудобными къ исполненію? и обратно: могутъ ли собранія отличать основательностию и дѣльностью мыслей, а управы не имѣть столько силъ, чтобы оцѣнить всю дѣльность распоряженій собраній? Только такимъ образомъ и можетъ быть поставленъ вопросъ, потому что ни объ обидчивости, ни о мелочномъ самолюбіи исполнителей не можетъ быть рѣчи. Въ такомъ случаѣ вопросъ касается отношеній испол-

нительной и распорядительной властей земства, т. е. того, может ли и въ какихъ случаяхъ исполнительная власть не исполнять того, что ей поручаетъ власть распорядительная? Подождемъ, чѣмъ кончитъ это дѣло востромское губернское собраніе.

Въ ближайшей связи съ натуральными повинностями и съ уравнительной раскладкой ихъ на всѣхъ членовъ земства находится вопросъ о самой ихъ сущности и слѣдовательно о тѣхъ преобразованияхъ, которыя, доставляя странѣ больше матеріальныхъ выгодъ, въ тоже время облегчать ей платежи. Поэтому понятно, что собранія пришли совершенно послѣдовательно къ вопросу о путяхъ сообщенія. До сихъ поръ дорожная повинность пала почти исключительно на крестьянъ; землевладельцы же обязаны были доставлять только лѣсной матеріалъ для гатей и мостовъ. Какъ дѣйствовали тѣ и другіе, видно изъ того, что по нашимъ дорогамъ невозможно ни ходить, ни ѣздить. Поэтому понятно, что почти всѣ земскія собранія пришли въ мысли обратить натуральную повинность въ денежную, чтобы разложить ее равномерно на все населеніе. Но главная сущность вопроса не въ этомъ, а въ томъ — исправятся ли наши дороги оттого, что съ крестьянъ и землевладельцевъ будутъ собирать деньги? И до сихъ поръ были мѣстности, гдѣ вмѣсто отбыванія дорожной повинности въ натурѣ, крестьяне собирали деньги; но ни мосты не дѣлались отъ этого безопаснѣе, ни дороги не становились лучше. Значитъ, одной уравнительности раскладки, которая несомнѣнно необходима, еще недостаточно, и нужно подумать о томъ, чтобы употребить деньги съ пользой и повести на дорожную повинность такое хозяйство, чтобы современемъ она исчезла совершенно, а между тѣмъ выстроились бы у насъ хорошія дороги. Однимъ словомъ, примѣнить къ дорожной повинности теорію взаимнаго страхованія. Въ этомъ или почти въ этомъ смыслѣ и былъ поднятъ вопросъ. Такъ, гласный борисоглѣбскаго уѣзднаго собранія, г. Васильевъ, объясняя, что крестьянинъ при доставкѣ въ городъ на продажу воза сѣна, дровъ или хлѣба теряетъ по милости дорогъ отъ ломки телѣги, порчи сбруи и лошади больше, чѣмъ онъ выручитъ отъ продажи привезенныхъ на базаръ предметовъ, указывалъ на необходимость устройства между всѣми уѣздными городами шоссеиныхъ дорогъ. Любопытно, что пользу шоссе и убыточное вліяніе дурныхъ дорогъ на экономическую нашу дѣятельность намъ нужно доказывать, точно это какой нибудь отвлеченный вопросъ или только что явившаяся научная новость, опровергающая понятія, съ которыми мы жились. Зная конечно своихъ слушателей, г. Васильевъ началъ

объяснять имъ, что хорошія дороги вовсе не излишняя роскошь и что если съ перваго взгляда можетъ показаться, что стоимость и поддержка шоссе выше силъ земства или что польза отъ нихъ не соотвѣтствуетъ затратамъ, то это ошибочно, и если взглянуть на дѣло поглубже, то окажется, что устройство шоссеиныхъ дорогъ при экономіи и добросовѣтномъ надзорѣ, можетъ обойтись не дорого сравнительно съ ожидаемою пользою и что, наконецъ, если вычислить величину этой пользы, то въ результатѣ получится такой значительный процентъ на затраченный капиталъ, какого можно ожидать только отъ самаго выгоднаго предпріятія. Далѣе г. Васильевъ объясняетъ, что работы на шоссе, кромѣ выгоды представляемой улучшеніемъ путей сообщенія, доставятъ еще и ту пользу, что бѣдные крестьяне, не имѣющіе выгодныхъ заработковъ въ своей губерніи, найдутъ дѣло можетъ быть даже подлѣ своихъ селеній и при нынѣшнихъ затрудненіяхъ въ средствамъ существованія будутъ обеспечены на нѣсколько лѣтъ. Рѣчь г. Васильева служить превосходнѣйшимъ отвѣтомъ тѣмъ господамъ, которые смотря на провинцію съ петербургской точки зрѣнія или, вращаясь въ кружкѣ литературныхъ дѣятелей, полагаютъ, что каждая русская голова, въ какомъ бы залустьи она ни находилась, изображаетъ непремѣнно рогъ изобилія учености, всякихъ знаній и здравыхъ понятій. Ну съ чего бы кажется пускаться въ объясненіе того, что шоссе лучше и выгоднѣе гати и дороги по болоту; а между тѣмъ если это дѣлалось, значить, и нельзя было поступить иначе. При другихъ условіяхъ, конечно, г. Васильевъ сказалъ бы такъ: «я не стану высказывать вамъ, мм. гг., пользу хорошихъ дорогъ, въ этомъ вы убѣждены; но обращусь прямо къ вопросу, гдѣ взять средства для постройки шоссе...» и затѣмъ указалъ бы источники для этого. Но пожалуй и этого дѣлать не нужно; а просто объяснить, что такъ какъ хорошихъ дорогъ у насъ почти нѣтъ, и цивилизованному обществу безъ нихъ существовать невозможно, то необходимо сдѣлать заемъ или у частныхъ лицъ, или у правительства, или за-границей и погашать его ежегодно земскимъ сборомъ и деньгами, выручаемыми за проѣздъ по вновь устроеннымъ дорогамъ. Только тѣ долги идутъ обществу въ убытокъ, которые производятся для убыточнаго потребленія. Вотъ если бы земство сдѣлало заемъ, чтобы одѣть пожарную команду въ красные кафтаны, или чтобы выстроить желѣзныя дороги тамъ, гдѣ еще нѣтъ и проселочныхъ, то конечно такой заемъ упалъ бы на насъ убыткомъ. Но если мы займемъ даже 300,000,000 руб., т. е. сумму, въ которую намъ обошлась до сихъ поръ натураль-

ная дорожная повинность, не снабдившая насъ дорогами, и уплатимъ этотъ долгъ, положимъ, даже во сто лѣтъ, то съ завтрашняго дня поѣздки съ сѣномъ или хлѣбомъ на базаръ начнутъ уже приносить намъ денежныя выгоды и исчезнуть миллионы тѣхъ дорожныхъ неудобствъ, отъ которыхъ мы страдали и страдаемъ. Если до этой мысли наше общество дорастетъ только чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, то опять мы потеряемъ даромъ время, и вмѣсто того, чтобы начать ѣздить по шоссе нынче, начнемъ ѣздить въ 1916 году. Ну за что пропадетъ даромъ полстолѣтiя? За что разными неудобствами и экономическими потерями мы затратимъ даромъ таковой капиталъ, которымъ покрыли бы заемъ съ процентами и имѣли бы хорошия пути сообщенiя? И не смотря на правильность этой мысли, земство займа не сдѣлаетъ, и будемъ мы мучиться еще 50 лѣтъ, и будемъ мы охать и жаловаться на наши дурныя дороги, точно въ этомъ виноваты какiя нибудь внѣшнiя, постороннiя силы; точно шоссе должны выстроить намъ англичане и французы, а не мы сами.

Причиной нашей нерѣшительности въ подобныхъ дѣлахъ выступаютъ обыкновенно бѣдность, но мы бѣдны, только взятые каждый въ отдѣльности, а всѣ вмѣстѣ мы сильны и богаты, и дай намъ Богъ только энергiи, мы могли бы снести на плечахъ Уральскiя горы и построить не только шоссе между уѣздными городами, но и желѣзныя дороги между селенiями. Вспомните, что намъ стоила Крымская война. Что же, не вынесли мы ея, что-ли? А теперь мы не хотимъ дѣлать затратъ чисто экономическихъ, потому-что усидѣлись, потому что нѣтъ у насъ характера, чтобы сдвинуться съ мѣста, потому-что никто насъ не толкаетъ. Наша бѣда въ томъ, что мы еще не знакомы съ закономъ коллективной силы. То, чего не смогутъ сдѣлать сто человѣкъ, работающiе по одиночкѣ, сдѣлаютъ шутя сто человѣкъ, работающiе вмѣстѣ. Камень въ тысячу пудовъ не свезутъ даже миллионъ людей по одиночкѣ, а сто человѣкъ свезутъ, значить сто человѣкъ, дѣйствующiе вмѣстѣ, сильнѣе миллиона людей, дѣйствующихъ въ разбросѣ. Этотъ законъ называется закономъ коллективной силы. Находишься въ состоянiи инерцiи, она является только при совокупной дѣятельности многихъ людей; въ ней одной сила народовъ и только она создала то удивительное экономическое развитiе, которымъ подавляетъ насъ западная Европа. Въ нашей исторiи есть три момента особенно сильнаго проявленiя коллективной мощи: изгнанiе татаръ, 1612 годъ и годъ 1812. Но въ вопросахъ матеріальнаго благостоянiя, въ дѣлахъ экономическихъ и въ благоустройствѣ внутренняго быта, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно дѣйствовать не порывомъ, а спокойно, раз-

судочно—мы не дѣлали никогда ничего, потому что для проявленія коллективной силы въ упорной, равно и постоянно дѣйствующей настойчивости, нужны тѣ понятія объ общей солидарности, которыя разовьются въ насъ только съ земскимъ самоуправленіемъ и которыя въ насъ еще нѣтъ.

Отсутствіе коллективности вело къ тому, что усилія отдѣльныхъ людей не могли вести ни къ чему, что все намъ доставалось слишкомъ дорого и съ потерей такого большого труда, который при другихъ условіяхъ приводилъ бы насъ къ результатамъ вдвое, втрое выгоднѣйшимъ. Вотъ что пишетъ, напрямѣръ, нерехотскій корреспондентъ въ «Костромской губерн. вѣдомости» по поводу устроенной земствомъ сельской почты въ нерехотскомъ уѣздѣ. Добыть деньги, необходимыя только для *снятія съ почты писемъ* (какъ говорятъ поселяне), нужна была почти годовая работа трехъ крестьянскихъ душъ. Этотъ расходъ, неизбѣжный для человѣка, мало-мальски ощущающаго потребность въ умственной дѣятельности, можетъ дать вамъ отчасти понятіе онашихъ деревенскихъ бюджетахъ... Распоряженіе управы чисто практическое, прямо сберегающее карманъ, должно быть оцѣнено по достоинству всѣми, не только читающими, и пишущими что либо, но даже пересылающими далекіе повлоны и благословія, на вѣки нерушимыя. Я знаю, что прежде письма, адресованныя крестьянамъ дальнихъ волостей, находящихся въ двадцати, тридцати или болѣе верстахъ отъ города, нерѣдко лежали въ почтовой конторѣ по мѣсяцу и болѣе, покуда старостѣ или земскому не случалось для какой-нибудь надобности побывать въ городѣ. Управа, какъ говорятъ, готовить прозекъ для предложенія собранію, чтобы съ будущаго года почта ходила по волостямъ конная...» Въ борисоглѣбскомъ земскомъ собраніи, вопросъ о земской почтѣ былъ тоже обсуждаемъ и, вѣроятно, будетъ принятъ прозекъ предсѣдателя. Сущность прозекта въ томъ, что корреспонденція сдается почтовой конторой въ почтовое отдѣленіе управы, гдѣ она и разбирается по волостямъ. Въ почтовые дни являюся въ управу волостные разсылные, получаютъ, при особой запискѣ, почту, сдаютъ въ волостномъ правленіи, а тѣ разсылаютъ ее уже по обществамъ, гдѣ корреспонденція и доставляется по адресамъ. Выѣстъ съ тѣмъ предполагается устроить при волостяхъ кружки и продавать марки и штемпельные конверты. Костромской уѣздной управой былъ составленъ подобный же прозекъ. Конечно, такое согласное дѣйствіе земства должно внушить всякому читателю самыя утѣшительныя надежды насчетъ быстроты нашего земскаго прогрессивнаго развитія и путешествія земства исполненными шагами къ отда-

ленной цѣли своего собственнаго благополучія. Но ошибочныя увлеченія никогда не остаются безнаказанными, и конечно, читатель пожалѣетъ о своей поспѣшности и юношеской неосновательности, узнавъ, что костромское уѣздное земское собраніе, обсудивъ прозектъ управы съ спокойной разсудительностію зрѣлыхъ людей, забаллотировало его большинствомъ 31 голоса противъ 4. Къ сожалѣнію, я не могу сообщить читателю, былъ ли забаллотированъ собственно прозектъ, съ тѣмъ чтобы былъ составленъ другой, лучшей, или же собраніе было несогласно съ управой въ принципѣ и находило неразсудительнымъ дѣломъ устроивать вообще всякую почту.

Изъ числа другихъ вопросовъ, служившихъ предметами обсужденія земскихъ собраній, были: ремесленныя школы и народное образованіе, взаимное страхованіе, народное здравіе и обезпеченіе положенія бѣдныхъ дворовыхъ людей. Такъ, ставропольское собраніе постановило завести въ каждомъ приходѣ училище, на содержаніе котораго отпускать по 100 руб. въ годъ и на жалованье учителю по 250 руб. На московскомъ губернскомъ собраніи читана записка г. Багряновскаго о настоятельной необходимости заняться устройствомъ въ московской губерніи ремесленныхъ школъ. Занятія, наиболѣе распространенныя между крестьянами московской губерніи г. Багряновскій раздѣляетъ на четыре разряда: работу на фабрикахъ, рубку и продажу лѣса, заработки: извозъ, мелкая базарная торговля, и проч. и наконецъ домашнюю или кустарную промышленность, которой онъ отдаетъ рѣшительное преимущество предъ прочими занятіями крестьянъ, потому что оно ведетъ менѣе всего къ отчужденію отъ семейнаго быта. Наилучшимъ средствомъ къ большому ея развитію, по мнѣнію г. Багряновскаго, послужили бы ремесленныя школы, которыя онъ и предлагаетъ устроить въ уѣздныхъ городахъ, или въ большихъ имѣніяхъ, на счетъ земства. Вопросъ о ремесленныхъ школахъ былъ возбужденъ и въ романо-борисоглебскомъ уѣздномъ собраніи. Относительно народнаго здравія чухломское собраніе постановило: ассигновать въ помощь городской больницы 500 р., назначить подлекари, добавить къ жалованью врача 200 руб. и опредѣлить въ уѣздѣ 5 фельдшеровъ. Для заведенія фельдшерскихъ инструментовъ назначено одновременно 100 руб. и на лекарство, 50 руб. въ годъ городской бабкѣ за совѣты и обученіе, избранныхъ крестьянскими обществами, женщинъ въ повитухи, которыя будутъ получать жалованье отъ крестьянскихъ обществъ. Наконецъ вопросъ о положеніи бывшихъ дворовыхъ былъ возбужденъ на рязанскомъ уѣздномъ собраніи, кото-

рое поручило управѣ собрать по этому предмету свѣдѣнія и представить свои соображенія.

Внимательный читатель, желающій познакомиться покороче съ характеромъ, направленіемъ и подробностями дѣятельности земства, конечно будетъ неудовлетворенъ тѣми свѣдѣніями, которыя онъ найдетъ въ моей статьѣ. И читатель будетъ правъ, потому что сообщенныя мною свѣдѣнія дѣйствительно не особенно богаты. Но дѣло въ томъ, что, какъ я уже сказалъ вначалѣ, земское дѣло не возбуждало у насъ ни толковъ, ни интереса публики, ни усердія провинціальныхъ корреспондентовъ, которые гораздо охотнѣе сообщаютъ свѣдѣнія о разныхъ мѣстныхъ скандалахъ и пропшествахъ, неимѣющихъ ровно никакого общественнаго интереса, чѣмъ говорить о томъ, что имѣетъ или можетъ имѣть широкое общественное значеніе, или служить матеріаломъ для оцѣнки характера и направленія экономической и социальной жизни провинціи.

Кромѣ того, земская жизнь едва только началась, — земскія учрежденія начали вводиться только съ 25 мая 1864 года и до сихъ поръ введены еще въ немногихъ губерніяхъ, — слѣдовательно, искать особенной полноты свѣдѣній совершенно невозможно и остается только, въ томъ немногомъ, что есть, отыскать слѣды направленія, которое принимаетъ общество въ своихъ стремленіяхъ, и опредѣлить дорожку, которую оно пробиваетъ себѣ, чтобы отправиться по ней кратчайшимъ путемъ къ своему собственному благосостоянію. Данныя, опредѣляющія характеръ этого направленія, были до сихъ поръ такого рода, что по нимъ можно заключить безошибочно лишь о томъ, что представители земства не дозрѣли вполнѣ мыслію до правильной постановки многихъ социальныхъ вопросовъ и до совершенно яснаго пониманія экономическихъ основъ, служащихъ главнымъ двигателемъ народной жизни. Только этимъ и можно объяснить, что экономическое положеніе бывшихъ дворовыхъ обратило на себя вниманіе только *одного* уѣзднаго рязанскаго собранія и что для земства прошли, до сихъ поръ незамѣченными, факты нищенства и тѣ зачатки пролетаріата, которые могутъ развиваться современемъ до огромнаго размѣра, если противъ этого зла не будутъ приняты мѣры теперь же. Приведу только два факта, но имѣющіе общее значеніе и вовсе не составляющіе единичнаго, случайнаго явленія. «Лѣтъ пятнадцать назадъ, сообщаютъ «Пермскія Вѣдомости» нищенство въ Пермь было вовсе незамѣтно; теперь же число нищихъ, открыто требующихъ себѣ подаванія на публичныхъ мѣстахъ, площадяхъ, притворахъ и папертяхъ церковныхъ и ходящихъ по домамъ, возросло до огромной цифры; ихъ

надобно считать сотнями.» Причинами такого быстрого развитія нищенства въ Пермѣ «Пермскія вѣдомости» признаютъ: «неурожай, бывшіе въ предшествующіе года какъ въ пермской, такъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ; одновременно съ неурожаями усилившея въ пермской губерніи винокурение, потребляющее огромное количество хлѣба и неиспытанное доселѣ размноженіе кобаковъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ; значительное число лицъ, высылаемыхъ за преступленія и проступки на водвореніе въ пермскую губернію и подъ надзоръ полиціи и оставленіе дворовыхъ людей, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, безъ всякаго призрѣнія со стороны помѣщиковъ и обществъ». Прошу читателя обратить вниманіе на двѣ послѣднія причины. Онѣ не носятъ на себѣ признаковъ случайности и временнаго зла, какъ двѣ первыя, но составляютъ социальный вопросъ великой важности, и если вопросъ этотъ не будетъ разрѣшенъ мѣстнымъ земствомъ теперь, то пермскую и другія губерніи, въ которыхъ повторяется тоже явленіе, ожидаютъ въ будущемъ великія бѣдствія. Другой фактъ сообщается «Русскими вѣдомостями». «Въ прежнее время, въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и частію въ сороковыхъ годахъ, когда въ селѣ Ивановѣ еще не было ни одной машины, набойщики получали, напримѣръ, отъ 250 до 450 р. сер. въ годъ; для тяжелой работы приходила куча народу изъ окрестныхъ губерній, такъ что все фабричное населеніе простиралось до 18,000 человѣкъ, не включая сюда собственно ивановскихъ жителей. По мѣрѣ того, какъ стало вводиться машинное производство, слабѣла и надобность въ рабочихъ рукахъ. Въ 1856 году было уже до 10 машинъ, къ 1864 году число это возрасло до 25, вырабатывающихъ каждая отъ 100 до 250 кусковъ въ сутки, не включая сюда машинъ ручныхъ, вырабатывающихъ отъ 60 до 100 кусковъ. На сколько уменьшилась надобность въ рабочихъ рукахъ, можно судить изъ того, что напримѣръ, на фабрикахъ Зубкова и братьевъ Горѣльныхъ, гдѣ было до 200 человѣкъ набойщиковъ и такое же число чернорабочихъ, теперь довольствуются, всего на всего, какими нибудь 40 человѣками, да и то временно. Годовая выручка фабричнаго простирается отъ 60 до 100 руб. сер.» Объ этихъ вопросахъ подумать стоитъ, а подумать о нихъ и разрѣшить ихъ можетъ только земство.

Н. Шелгуновъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

въ 1866 году.

Съ 1865 года мы измѣнили сроки выхода и объемъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ»: вмѣсто двѣнадцати, мы начали выдавать въ годъ *двадцать-четыре* книги. По многимъ соображеніямъ, о которыхъ было объявлено въ прошломъ году подробно, мы считали эту перемѣну болѣе выгодною для читателей и болѣе пригодною настоящему времени. Выпускъ книжекъ журнала черезъ двѣ недѣли давалъ редакціи болѣе средствъ своевременно сообщать такія извѣстія, которыя могли казаться запоздалыми въ ежемѣсячномъ изданіи. Мы дѣлали пробу, не зная, какъ на нее взглянетъ публика; теперь же можемъ сказать, что перемѣна, сдѣланная нами въ журналѣ, удалась вполне; если вѣрить сочувствію читателей—а не вѣрить ему мы не имѣемъ права. Вслѣдствіе этого, мы удерживаемъ и на *будущій 1866 годъ* *прошлую программу, и также будемъ выдавать двадцать-четыре книги въ годъ.*

Въ нынѣшнемъ году мы старались избавиться отъ той неакуратности, которою страдали наши журналы долгое время и надѣемся, что достигли цѣли: на неакуратность выхода книжекъ никто не могъ пожаловаться,

Дозволеніе издавать журналъ безъ предварительной цензуры и новыя постановленія: о печати, дадутъ намъ средства продолжать нѣкоторыя произведенія, прежде начатыя, и сообщить новыя, которыя при прежнихъ цензурныхъ правилахъ не могли бы явиться.

Мы продолжаемъ печатаніе «Петербургскихъ Трудобъ» съ этой

же (первой октябрьской) книжки, и считаемъ долгомъ сказать, что перерывъ въ печатаніи этого романа происходилъ не по нашей винѣ. Такъ-какъ романъ этотъ не будетъ авторомъ вполне доставленъ въ редакцію въ нынѣшнемъ году, то мы обязываемся новымъ подписчикамъ на 1866 годъ выдать безденежно всѣ части романа, напечатанныя въ 1864 и 1865 г. (большой томъ, формата «Отечественныхъ Записокъ», болѣе сорока печатныхъ листовъ, или около 700 страницъ). Просимъ только, заблаговременно и *нижѣ не позже 1-го Марта*, увѣдомить насъ, кто изъ подписывающихся на 1866 годъ *не* подписывался на «Отечественныя Записки» въ 1865 году. Дѣлаемъ это для *избѣжанія* затрудненій и той напрасной переписки, которая была въ нынѣшнемъ году, отъ слишкомъ запоздалыхъ требованій.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1866 году

будутъ выходить *два* раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключитъ въ себѣ *до 15-ти* печатныхъ листовъ.

цѣна за годовое изданіе,

состоящее изъ *двадцати-четырехъ* книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. серебр.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Вульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію «Отечественныхъ Записокъ», въ Санктпетербургъ.*

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: А. Краевскій и С. Дудинкинъ.

МОРСКОЙ СБОРНИКЪ

въ 1866 году

будеть выходить по прежней программѣ и со всѣми прежними отдѣлами, въ число воихъ съ 1866 года войдутъ и МЕДИЦИНСКІЯ ПРИБАВЛЕНІЯ (до настоящаго времени разсылавшіяся исключительно врачамъ морскаго и другихъ вѣдомствъ), за которыя съ подписчиковъ на Морской Сборникъ 1866 года особой платы не полагается.

Подписка на Морской сборникъ 1866 года принимается:

Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, домъ Ольхиной, противъ Милютинныхъ лавокъ; и въ газетной экспедиціи почтамта (*).

ЦѢНА МОРСКАГО СБОРНИКА СЪ МЕДИЦИНСКИМИ ПРИБАВЛЕНІЯМИ:

Для жителей Петербурга и Москвы:

безъ доставки:

Четыре рубля — для лицъ служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ (со включеніемъ резерва и уволенныхъ отъ службы въ коммерческомъ флотѣ).

Пять рублей — для прочихъ подписчиковъ.

За доставку на квартиру въ С.-Петербургѣ и Москвѣ всѣ вообще подписчики прилагаютъ одинъ рубль.

(*) Отъ жителей Финляндіи подписка принимается въ финляндскомъ почтамтѣ.

Для иногородныхъ, съ доставкою по почтѣ:

Для лицъ морскаго вѣдомства — пять руб.

Для прочихъ подписчиковъ — семь руб.

Желающіе получать Медицинскія прибавленія, отдѣльно отъ Морскаго Сборника, вносятъ **одинъ рубль** за каждую книжку этихъ прибавленій, состоящую, приблизительно, изъ 25 листовъ. Такихъ книжекъ предполагается издать, въ 1866 году, двѣ.

Каждая книжка М. Сб. отдѣльно, въ количествѣ 30 листовъ и болѣе, продается за **75 в.**

Желающихъ получить во время первую книжку Морскаго Сборника на 1866 годъ, редакция покорнѣйше проситъ заблаговременно доставить въ контору деньги и свои точные адреса.

Для лицъ, служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, допускается подписка на Морской Сборникъ съ разсрочкою по третью года, чрезъ казначеевъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

УЧИТЕЛЬ

въ 1866 году.

Въ будущемъ 1866 году журналъ «Учитель» будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ издавался донинѣ.

Въ програму его входятъ:

1) Ученіе о физической природѣ человѣка (анатомія, физиологія, діететика и гигиена). 2) Опытная психологія и практическая логика. 3) Теорія и исторія воспитанія. 4) Популярное изложеніе различныхъ наукъ. 5) Изложеніе правилъ, способовъ и приемовъ преподаванія и примѣрные уроки по всѣмъ учебнымъ предметамъ. 6) Педагогическое обозрѣніе. 7) Критика и библиографія. 8) Современная хроника (внутренняя и иностранная). 9) Педагогическая переписка и смѣсь. 10) Справочный листокъ.

Журналъ «Учитель» будетъ выходить, какъ и донинѣ, два раза въ мѣсяць, въ началѣ и въ серединѣ каждого мѣсяца, выпусками отъ 2½ до 3 листовъ въ большую 8-ую долю и два столбца четкой убористой печати.

Подписная цѣна журналу «Учитель» съ пересылкою и доставкою 4 рубля, безъ пересылки 3 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Отъ жителей Петербурга—въ конторѣ журнала «Учитель», при книжномъ магазинѣ *Е. Печаткина*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви, противъ Гостиного двора.

Отъ иногородныхъ.— въ самой редакціи.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ присылать свои требованія и деньги, адресуя только въ *С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Учитель»*.

Редакторъ-издатель **И. Шаульсонъ**.

4-й годъ (1866) 3 руб. съ пересылкою.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСКРЕСНЫЙ ДОСУГЪ“

1600 столбцевъ текста, съ 300 картинъ и съ приложеніями.

«ВОСКРЕСНЫЙ ДОСУГЪ» выходитъ каждое воскресенье (кромя рожества и святой) и заключаетъ въ себѣ статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, литературы и искусствъ, съ рисунками въ текстѣ. Сверхъ того, чтобы доставить читателямъ «Воскреснаго Досуга» еще болѣе матерьяла для чтенія, къ нему будутъ присоединены и литературныя ПРИЛОЖЕНІЯ. Первымъ изъ нихъ будетъ романъ изъ современной жизни, полный драматизма.

Напечатавъ вторымъ изданіемъ многіе нумера «Воскреснаго Досуга» за 1864 и 1865 годъ, мы можемъ предложить ихъ лицамъ, желающимъ имѣть оба эти года за **пять руб.** отдѣльно каждый годъ **три руб.**

Письма и посылки адресуются: **Алексѣю Осиповичу Бауману**, въ С.-Петербургъ. Городскіе жители могутъ подписываться въ конторѣ, по Сергіевской, № 58, или въ Фотографіи Баумана, д. Голландской-церкви; гдѣ также принимаются ОБЪЯВЛЕНІЯ всякаго рода, которыя, при большомъ числѣ подписчиковъ на «Воскресный Досугъ» могутъ принести существенную пользу.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1866 ГОДУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ будетъ издаваться въ 1866 году подъ прежней редакціей и по программѣ прошлыхъ годовъ.

Программа «Моднаго Магазина» въ 1866 году.

Стихотворенія.

Оригинальные и переводные рассказы.

Новости.

Гигиеническія и хозяйственныя статьи.

Кухня.

Модный фельетонъ и объясненіе прилагаемыхъ полтипажей, модныхъ картинокъ, выероекъ и узоровъ.

Въ текстѣ будетъ дано въ теченіе года до 250 полтипажей: разныхъ нарядовъ, женскихъ работъ, головныхъ уборовъ, канвовыхъ тамбурныхъ и другихъ узоровъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

24 модныя гравюры, получаемыя съ легкою почтою изъ Парижа, тотчасъ по ихъ выходѣ.

12 большихъ вырѣзныхъ выероекъ въ настоящую величину.

12 большихъ литографированныхъ листовъ, на которыхъ въ теченіе года помѣщается до 60 выкроекъ: дѣтскихъ платьевъ, лифовъ, корсажей, манишекъ, подрукавничковъ, чепцовъ, кофточекъ, бѣлья, пелеренокъ, поясовъ и пр. и слишкомъ 300 узоровъ для всякаго рода вышиванья: гладью, русскимъ и англійскимъ швомъ, суташемъ, миньярдизмомъ, тесемочками, мексиканскимъ швомъ; мѣтки для бѣлья и разныя другія работы.

Иллюстрированная обертка изъ цвѣтной бумаги разсылается подписчикамъ два раза въ годъ, именно при первой январской и первой іюльской книжкахъ. Каждая обертка назначается для 12 номеровъ журнала. На внутренней сторонѣ обертки помѣщаются ноты для фортепiano.

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками въ два печатные листа большого формата.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: въ главной конторѣ «**МОДНАГО МАГАЗИНА**» на Фонтанкѣ, между Аничковымъ и Чернышевскимъ мостами, № 41 а также въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова.

Въ Москвѣ: въ конторѣ «**МОДНАГО МАГАЗИНА**» при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, бывшемъ Базунова.

Господа иногородные благоволятъ адресовать свои требованія слѣдующимъ образомъ: въ С.-Петербургъ, въ редакцію «**МОДНАГО МАГАЗИНА**».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки 6 р., съ доставкой на домъ 7 р.,
въ Москвѣ: безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкой на домъ 8 р.
Съ пересылкой по почтѣ во всѣ города имперіи 8 р.

НА ПОЛГОДА:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 3 р. 50 к., съ доставкой 4 р.,
въ Москвѣ: безъ доставки 4 р., съ доставкой 4 р. 50 к.
Съ пересылкой во всѣ города 5 р.

Редакторъ-издательница **Софія Мей.**

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКІЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКИМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ,

будеть выходить въ 1866-мъ году въ томъ же объемѣ и по программѣ, утвержденной Г-номъ Военнымъ Министромъ 21-го января 1865 года, какъ выходилъ онъ въ 1865-мъ году.

I. Въ ОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ Журнала будутъ помѣщаться Высочайшія повелѣнія и распоряженія правительства, какъ по военно-медицинской, такъ и по гражданской и морской врачебной части въ Россіи, а также свѣденія о перемѣнахъ въ личномъ составѣ медицинскихъ вѣдомствъ военнаго, гражданскаго и морскаго.

II. Въ ОТДѢЛѢ ЕСТЕСТВОВѢДЕНІЯ и БІОЛОГІИ будутъ входить статьи по вопросамъ естественныхъ наукъ, преимущественно находящимся въ ближайшей связи съ разъясненіемъ физиологическихъ процессовъ организма, а также сущности, принадлежовъ и хода болѣзней.

III. ОТДѢЛЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ будетъ составлять изъ клиническихъ наблюденій и изслѣдованій, касающихся собственно болѣзней, особенно тѣхъ, которыя наибаче поражаютъ войска, а также эпидемическихъ и принадлежащихъ извѣстнымъ мѣстностямъ имперіи. Въ этомъ же Отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи по хирургіи и глазной наукѣ, по акушерству и ученію о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ.

IV. ВЪ ОТДѢЛѢ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ имѣютъ по преимуществу входить замѣчательныя судебно-медицинскіе случаи встрѣчающіеся въ войскахъ. Токсикологическая часть этого Отдѣла будетъ имѣть въ виду точныя опытыя изслѣдованія надъ дѣйствіемъ ядовъ.

V. ВЪ ОТДѢЛѢ ВЕТЕРИНАРНЫХЪ НАУКЪ будутъ помѣщаемы статьи, касающіяся правильнаго содержанія и леченія животныхъ, въ особенности лошадей, и новѣйшія открытія и совершенствованія въ практической ветеринарной наукѣ.

VI. ОТДѢЛЪ ФАРМАЦІИ и ФАРМАКОЛОГИИ имѣетъ заключать въ себѣ свѣденія по практической и теоретической фармаціи, сообщенія о новыхъ врачебныхъ средствахъ, о лучшихъ способахъ храненія, очищенія и приготовленія лекарствъ, изысканія надъ фармакологическимъ дѣйствіемъ ихъ и описанія отечественныхъ минеральныхъ ключей.

VII. ВЪ ОТДѢЛѢ ГИГИЕНЫ, ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ и ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦІИ будутъ входить статьи, касающіяся устройства какъ военно-медицинской части вообще, такъ въ особенности госпиталей, лазаретовъ, казармъ, лагерей, военныхъ тюремъ и пр. въ Россіи и другихъ государствахъ, статистика болѣзненности и смертности въ войскахъ и способы къ ихъ предупрежденію, обсужденіе мѣръ къ улучшенію гигиеническаго содержанія нижнихъ чиновъ, статьи по предметамъ военно-медицинской полиціи и медико-топографическія описанія.

VIII. ОТДѢЛЪ КРИТИКИ и БИБЛОГРАФІИ будетъ содержать краткія рецензіи новѣйшихъ произведеній врачебной литературы за каждую треть года.

IX. ВЪ ОТДѢЛѢ РЕФЕРАТОВЪ имѣютъ войти частію изготовленные, частію приводимые въ настоящее время къ окончанію, Обзоры успѣховъ врачебныхъ наукъ за 1863 и 1864 годы, по порученію Редакціи Военно-Медицинскаго Журнала.

X. ОТДѢЛЪ СМѢСИ будетъ состоять изъ мелкихъ оригинальныхъ статей медицинскаго содержанія и Обзорнія врачебныхъ журналовъ и газетъ русскихъ и иностранныхъ. Дабы не стѣснять объема журнала извлеченіями и переводными статьями на счетъ оригинальныхъ, Редакція надѣется издавать въ 1866-мъ году Обзорніе врачебныхъ журналовъ и газетъ въ видѣ особыхъ Приложеній къ каждой части Военно-Медицинскаго Журнала.

Какъ ОРГАНЪ по преимуществу ПРАКТИЧЕСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ НАУКИ, Военно-Медицинскій Журналъ во всѣхъ отдѣлахъ

своихъ будетъ неуклонно и исключительно слѣдовать учено-практическому направленію, сообразно современнымъ требованіямъ естествознанія и самобытному развитію отечественной медицины.

Годовое изданіе Военно-Медицинскаго Журнала состоитъ изъ 12 книжекъ, имѣющихъ выходить въ началѣ каждаго наступающаго мѣсяца. Каждая книжка журнала имѣетъ содержать отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ въ $\frac{1}{8}$ долю листа. Къ статьямъ, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы рисунки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе журнала остается по прежнему: для военныхъ врачей, фармацевтовъ и ветеринаровъ по 5 р. съ доставкою; для стороннихъ подписчиковъ по 5 р. безъ доставки, съ доставкою же на домъ въ С. Петербургъ или пересылкою въ другіе города по 6 р. 50 коп.

За Журналъ съ врачебными руководствами, ежегодно издаваемыми, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 3-го іюля 1859 года, Военно-Медицинскимъ Департаментомъ, съ пересылкою, сторонніе подписчики платятъ въ годъ по 12 р. 50.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ: въ *Экспедиціи Военно-Медицинскаго Журнала* (при Медицинскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства) и въ *Книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ Дворѣ.

Гг. иногородные могутъ также адресоваться съ своими требованіями въ *Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта*.

Редакторъ д-ръ *Н. Козловъ*.

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ГАЗЕТА

„ВСЕМІРНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ,“

назначаемая единственно для печатанія всякаго рода объявленій съ цѣлю доставить болѣе удобный и выгодный способъ для сношенія, частныхъ людей между собою.

Для достиженія этого, газета эта будетъ выходить въ форматѣ большаго печатнаго листа въ числѣ 60,000 экземпляровъ, а передъ праздниками Рождества, Пасхи и во время Нижегородской ярмарки въ числѣ 100,000 экземпляровъ.

Плата за напечатаніе объявленій 3 р. 50 к. с. за мѣсто, т. е. за одинъ дюймъ столбца (шириною въ 3 дюйма) или 44 к. с. за строчку петитомъ.

При уплатѣ по строкамъ, взимается за 2 строки болѣе противъ, занимаемыхъ объявленіемъ, за пространство оставляемое сверху и снизу объявленія.

Уступка дѣлается: за 50 мѣстъ 5%, за 100 мѣстъ 10%, за 200 мѣстъ 15%.

Объявленія болѣе 200 мѣстъ—по соглашенію съ редакціей.

За одно объявленіе, печатаемое нѣсколько разъ, дѣлается уступка въ томъ же размѣрѣ, если общая сумма занятыхъ мѣстъ, составляетъ цифру, согласно предъидущему, дающую право на уступку.

Желающіе могутъ абонировать мѣста на цѣлый годъ или другой срокъ, по соглашенію съ редакціей.

Объявленія печатаются на всѣхъ языкахъ, и кромѣ того, принимаются объявленія для напечатанія въ иностранныхъ газетахъ.

Все огромное количество листовъ каждаго номера нашей газеты,

распространяется посредствомъ нѣкоторыхъ газетъ, городскихъ почтъ и факторовъ, также и нашихъ собственныхъ агентовъ, рѣшительно во всѣхъ классахъ народа и по всей Русской Имперіи.

Подписная цѣна 1 р. 20 к. с., съ доставкой въ С.-Петербургѣ 1 р. 50 съ пересылкой въ другія города 2 р.

Редакція и контора помѣщаются въ С.-Петербургѣ на Литейной № 38.

ОПЕЧАТКА.

Въ Октябрьской книжкѣ «Русскаго Слова» въ статьѣ «Клята», на стр. 188 напечатано: «въ мартѣ получилась январская книжка,» слѣдуетъ читать: «въ январѣ получилась октябрьская книжка.»

На той же страницѣ въ выноскѣ напечатано: «Современникъ январь 1862 г. Современ. Обзорѣніе.» Слѣдуетъ читать: «Современникъ, октябрь 1861 г., Внутреннее Обзорѣніе, стр. 353.»